

WIDENER

HN NV90 0

X 578.25

Harvard College Library

BOUGHT FROM THE FUND

BEQUEATHED BY

FRANCIS SALES

INSTRUCTOR IN SPANISH AND FRENCH

1816-1854

154-2/60

~~1841~~

1841

РУССКАЯ
БЕСѢДА.

=

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

ИЗДАВАЕМОЕ

ВЪ ПОЛЬЗУ А. Ф. СМЕРДИНА.

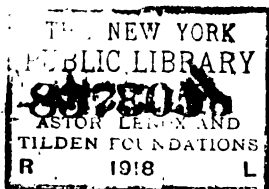
ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

△
XS78.25

Sabo

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отсчитаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 10 Декабря 1841 года.

Ценсоръ А. Очкинъ.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ СОБОРЪ.

Мощи 7

Арханг Соб

1

Погрузился въ сумракъ Архангельскаго собора, гдѣ отъ избытка мертвыхъ тѣсно живыхъ. — Что шагъ, то могила, и какія могилы? — вмѣстившія въ себѣ едва вмѣстимыхъ цѣлымъ царствомъ! каменные скрижали смерти, на которыхъ висалась многовѣковая лѣтопись! Здѣсь истинно сердце Русской земли, и здѣсь упокоились всѣ ея междуусобія, по мѣрѣ того, какъ собирались сюда кости ея Князей. Сколько вражды улеглось въ той же могилѣ, гдѣ одна гробовая доска служитъ гранию мира между сокрушителями бойницъ! но вѣсть и сколько славы, какъ бы живыя струи подземнаго ключа, кишеть, готово пробиться изъ подъ каменныхъ острокопечныхъ крышъ, на конхъ извѣчено упокоительное слово: «преставился, преста-

вися» равняющее исполнновъ съ землей и между собою! — И не одна только лѣтопись именъ и годовъ представляется испытующему взору, въ мертвой тишинѣ собора; нѣтъ, много здѣсь и для сердца, и для ума! Входящій съ холоднымъ невѣріемъ, съ однимъ любопытствомъ любителя древности, можетъ выдти отсель съ теплою вѣрою, пораженный ужасомъ минувшаго и грядущаго, если только вникнетъ самъ въ себя, а потомъ въ святыню храма и гробовъ, и прочтетъ на нихъ не руку времени, но персть Божій! — Взявъ лѣтопись, какъ свѣточъ, пусть посвѣтитъ себѣ во мракъ смерти и созерцаетъ неиспытанныя судьбы Божіи, совершившіяся надъ ликомъ усопшихъ. — Тогда увидитъ, какъ тайный Промыслъ, будто бы случайно, безотчетною рукою минувшихъ поколѣній, положилъ рядомъ убійцу съ убиеннымъ, жертву на мѣсто, избранное мучителемъ, и, широко раскинувъ благословенныя семейства вокругъ преставившихся отцовъ, втѣснилъ въ нѣскольکو честолубцевъ въ одинъ узкій гробъ, водивъ тѣхъ, у кого домогались похитить преставль.

Отрадно и для сердца прочесть на краю гробовъ, или на нѣхъ вышивавъ покрововъ, послѣднія молитвы, какия исторгались изъ устъ, уже проникутыхъ чашникомъ нечистоты, или, съ наклики отускали въ вѣчность пропавшутые горести разлуки. — Здѣсь можно познать, и характеръ усопшихъ, и духъ времени, а иногда и случаи смерти, во нѣрѣ того, какъ вывадено глубокое слово современниковъ на драгоценную для нихъ могилу, подобно какъ ссыщается иногда крупный жемчугъ, съ богато унизаннаго покрыва.

Но прежде, нежели приступить къ торжественному основанью устроеннаго, описаннаго мыслями и вооруженнаго собора, куда стекались для повола столько сильныхъ земель. Какаа высокая, истинно Христіанская мысль, занала въ душу Великаго Князя Юанна Калита — соорудить храмъ во имя Архангеловъ, для погребенія будущаго славнаго потомства! Онъ хотѣлъ, чтобъ и по смерти, земная оболочка великихъ душъ обитала подъ сводами Ангеловъ хранителей, воторыхъ поручено будетъ каждый изъ сановъ его, на все теченіе жизни, и потому, памятью и жизнью Ангеловъ исполнить весь погребальный соборъ; какъ бы едиными устами оговору гласить эту удивительную мысль, жосу Церковь призываетъ помощь небесныхъ силъ: «Архистратига Божественной славы, Ангеловъ начальники и человековъ наставники, полезное намъ просите и велию милость.» Вся западная стѣна обвѣта страшною картиною послѣдняго суда, съ левана Архангеловъ, символизиреть отъ концовъ земли весь человѣческій родъ; а вдоль земной и сѣверной стѣны начертаны бывшіе Князи и судии земли, какъ бы возставшіе уже по звуку трубному, каждый надъ своимъ гробомъ, съ обласкомъ невечернаго свѣта вокругъ себя, и съ ликомъ своего Ангела хранителя надъ главою, воторый заглаживаетъ и за предѣлами гроба, доколь не рѣшится участь вѣрнана души, на страннень и величественномъ судилищѣ.

Калита основалъ соборъ въ 1333 году, на мѣсто убогой деревенной церкви отца своего Давида, а славный Юаншъ, собиратель Русской земли, въ 1505 году, сложилъ ветхій и основалъ новый обширный храмъ, что-

бы не было тѣсно его предкамъ и потомкамъ, для которыхъ устроилъ царство, на столь широкихъ размахъ, распустивъ надъ нимъ крыла Византійскаго Имперскаго орла. Благочестивый сынъ его, Василій, довершилъ и освятилъ начатое великимъ отцомъ и, какъ радужный хозяинъ, властительски распорядивъ почетныя мѣста для каждаго изъ славныхъ предковъ, самъ улегся инокомъ, въ лѣтописномъ порядкѣ царственныхъ гробовъ.

На величественномъ иконостасѣ представляются взорамъ древній храмовый образъ Архангела Михаила, подлѣ Спасителя, въ богатыхъ окладахъ; далѣе, за южною дверью, иконы Предтечи и Святителя Николая, надъ гробами обновителей собора, а на южной стѣнѣ самый обликъ царственного инока Варлаама, при иконѣ его бывшаго Ангела, великаго Василя. По лѣвую сторону царскихъ вратъ, образъ Божіей Матери, прозванный благодатное небо, по преданію подаренъ Витовтомъ, гордымъ Княземъ Литвы, дочери своей, Софїи, когда выходила она за сына Донскаго; другая икона, Благовѣщенія, поставлена въ честь Архангела Гавріила, чтобы и радостный вѣстникъ примиренія неба съ землею, стоялъ на ряду съ Архистратигомъ небесныхъ силъ, въ соборѣ безплотныхъ. За сѣверною дверью, опять образъ великаго Архіепископа Кесарія, ибо много Василіевъ отдыхаютъ въ соборѣ, подъ сѣвную его молитву, а другая икона, Феодора Стратилата, ради двухъ спящихъ Царей Феодоровъ. И горькая инокиня Марѳа, бывшая некогда Царницею, вѣрняя храненію Архангеловъ нетлѣнныя мощи своего блаженнаго отрока Димитрія, поставила въ виду ихъ, на сѣверной стѣнѣ, икону

Тихвинскія Божіей Матери, на память долгаго своего заточенія въ предѣлахъ Тихвинскихъ, у пустынныхъ водъ Бѣлаго озера. — Таковы мѣстныя иконы святилища.

Приступимъ теперь къ лику усопшихъ; но съ кого начать? съ котораго конца развить сію хартію смерти, погребальнымъ свиткомъ обвившую всѣ столпы и стѣны? Прежде всего припадемъ къ священной ракъ юнаго Царевича и, посреди такого сонмища мертвыхъ, насладинся утѣнительною мыслію грядущаго воскресенія земной оболочки нашей, въ прославленномъ образѣ, котораго начаткомъ и свидѣтельствомъ служить истлѣніе Святыхъ, угодившихъ Богу. Открыта рака, и въ ней, подъ богатымъ покровомъ, печиваетъ Димитрій; хранители Ангелы не будятъ дитя до послѣдняго утра; но вотъ, на гробовой доскѣ, отразился, какъ въ зеркалѣ, чистый ликъ его, въ томъ возрастѣ, въ какомъ заснулъ на землѣ: изъ серебра вычеканены княжеская одежда и то ожерелье, которое дерзнулъ схватить убійца, занесшій ножъ на святаго, а вокругъ юнаго чела сіяютъ два вѣнца, земной Царевича и небесный мученика. Въ долгаго ряду Князей, прежде него усопшихъ, какъ будто для него нарочно оставлено было самое почетное мѣсто, въ сердцѣ собора, у праваго столпа, предъ иконостасомъ; но это мѣсто уважено — Годуновымъ! Борисъ, какъ родоначальникъ новаго племени Царей, первый отклонился отъ смиреннаго ихъ порядка вдоль стѣны, чтобы выступить на самую средину храма и, чрезъ шесть недѣль, онъ выкинутъ былъ, призракомъ убіеннаго, Лжедимитріемъ, сквозь проломъ соборной стѣны, какъ недостойный пройти чрезъ освященные врата; а

на праздное мѣсто Бориса, Царя Шуйскій, солгавшій Россіи о кончинѣ великаго отрока, принужденъ былъ, своими руками, нестать его раку, предъ лицомъ всего царства. — Не перстъ ли Божій въ событіяхъ, столь по видимому странныхъ?

А гдѣ же самъ Шуйскій? — вотъ онъ, въ западномъ углу собора, смиренно вѣнчикъ, надъ трехъ безымянныхъ гробовъ, быть можетъ его братьевъ, вскрытый изъ Польскаго плеча, изъ-подъ чуждаго столба на распутьи, который 27 лѣтъ плакалъ вѣ его горькой участи, и неоставленный Царемъ Михаиломъ надъ сѣмъ погребальную храни. Намъ спось отъ раки Царевича гробъ Шуйскаго, какъ вѣчный свидѣтель тому, кого однажды убого погребалъ онъ въ Угличкомъ соборѣ, чтобы съ такою славою вѣстать потомъ въ Архангельскій! Достоинно анимая, что въ блаженную эпоху 1812 года, когда пылала Московская святыня, усердіе престарѣлаго пресвитера Вознесенской обители спасло мощи Царевича отъ шествованія Франгузовъ. Ночью перенесъ онъ раку изъ запустѣвшаго собора, на верхъ иконостаса своей монастырской церкви, и, умирая, прежде изгнанія враговъ, открылъ сѣю тайну брату своему причетнику, который возвѣстия о томъ Архіепископу Августину, и святые мощи обратились древнему ихъ жилищу.

Но кто такъ смиренно улетѣя въ погахъ Царевича, какъ бы принавъ къ его гдѣбной ракъ? — Мы узнаемъ тебя, благочестивый Царь Алексій, еще при жизни избравшій сѣю мѣсто упокоенія, ибо душа твоя, исполненная любви, прильпнлась къ блаженному Царевичу и отъ него ожидала сѣю родственной встрѣчи,

въ небесахъ святихъ. Ты любишь бесѣдовать, не только съ свѣтлыми отшельниками, захвативъ угорьнишия міру, но и съ легкомысленнѣйшими, съ влчвошными къ нимъ полурвакъ и даже въ умалчиваемыхъ посланіяхъ. Такъ спросилъ ты прощенье грозному прадѣду, у святоотеческаго Филиппа, когда, посылая за его неглишныи мондами въ отокъ Соловецкій, трогательно писалъ къ нему, чрезъ Патриарха Филона, какъ бы къ живому. Никто достойнѣе тебя не могъ занять мѣсто у ногъ блаженнаго отрока.

Одна только могла рано угорьнишия сына Алексія, окдѣлаетъ гробъ мудраго законодателя, отъ гроба протѣкаго его родителя, столь близкаго сердцу Россіи; какъ нѣкая благовонная мазь, исцѣляющая всякую язву, прикладывался юный Михаилъ къ глубокимъ ранамъ блаженнаго отечества, и заживилъ ихъ, въ теченіи долгаго царствованія. Лице его просіяло какъ солнце, въ часъ блаженной кончины, говорить преданіе, ибо на немъ отразилась тѣньна умеренной или державы. Царственно прислонился онъ къ правому почетному столу, переменивъ своего рода, какъ столъ и основаніе прадѣдаго славнаго дома, и вокругъ стола обилась юная глѣторель Царевнечей, дѣтей его, внуковъ и правнуковъ. Здѣсь два его сына, Юаннъ и Василій, для которыхъ возстроилъ узорочный теремъ на своихъ палатахъ, и два внука Симеонъ и Дмитрій, едва разцвѣтшіе сыны Царя Алексія, и два правнука, Илія и Александръ, отпрыски Царей Феодора и Петра. — Какъ младенцы, играя заступили на зонѣ утѣшительнаго имъ дѣда, который шедла

сидитъ, не смѣя нарушить иль невинный покой, такъ собрались дѣти и внучата къ тихому Михаилу.

Два изображенія, во весь ростъ, Царей Михаила и Алексія, висятъ на противоположномъ столбѣ, свидѣтельствуя въ виду могилъ, о земномъ величїи отжившихъ. Какая по истиннѣй противуположность! въ вѣнцѣ и бармахъ Мономаховыхъ, стоятъ они, облеченные царскою одеждою, съ кресломъ и скинтромъ и державой, которая на минуту сжалась въ рукахъ Михаила, чтобы еще пышнѣе разростись въ десницѣ Алексія и обнять собою западъ, полдень и востокъ. Куда же обращенъ ликъ державныхъ? — на мирное свое жилище за Продѣлами временнаго, гдѣ царство небесное смѣнилось для нихъ земное! — Это была мысль благочестиваго Царя Алексія; онъ поставилъ изображеніе родителя напротивъ его гробницы, смиренно начертавъ на ней: «въ лѣто 7133, Іюля въ 12-ый день, на память преподобнаго отца нашего Михаила Маленна, съ субботы на воскресенье, въ 3-мъ часу ноши, преставился боговѣрный и Христолюбивый Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Феодоровичъ всея Руси.» Онъ же осыпалъ ее богатымъ, жемчужнымъ покровомъ, «во украшеніе и надежду будущаго упованія» ибо великолѣпные сїи покровы знаменовали прославленное тѣло будущаго вѣка, въ которомъ воспрянуть мертвые; и въ свою чреду, благочестивый сынъ Феодоръ поставилъ такое же царское изображеніе противъ гроба отца, и положилъ столь же пышный покровъ на «преставившагося, Божиимъ праведнымъ изволеніемъ, раба Божїя, боговѣрнаго и Христолюбиваго Государя, Царя

и Великаго Князя Алексія Михайловича, (уже не просто всей Руси но) всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и многихъ государствъ и земель, Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ, отчича и дѣдича, наследника, Государя и обладателя.)»

Самъ Феодоръ, сей кратко-временный владыка, оставившій по себѣ долгую память, истребитель мѣстничества, любитель просвѣщенія, для котораго вызывалъ ученыхъ мужей изъ Кіева, Царьграда и Запада, воспріялъ ту же почесть, отъ руки присныхъ, и братски улегся съ болѣзненнымъ Іоанномъ, своимъ преемникомъ, отдѣльно отъ другихъ, подъ свѣцію лѣваго столпа, ибо уже не было болѣе мѣста, подлѣ отца и дѣда.

Между соимомъ Князей и Царей есть и одинъ Императоръ, вѣнокъ великаго Петра, ему сомнѣнный, возмущенный раннею смертію, изъ-подъ брачнаго и царскаго вѣнца. Горько опуская въ могилу свою цвѣтушую надежду, современники не могли краснорѣчивѣе выразить своего плача, какъ плачемъ пророка Іереміи, когда одиноко возсѣлъ онъ на развалинахъ Іерусалимскихъ, во дни плѣненія Вавилонскаго, и пролилъ душу свою предъ Богомъ Израиля. Его плачевную пѣснь насѣкли на гробѣ юнаго Императора, вмѣстѣ съ описаніемъ краткой жизни и горькой утраты: «Благочестивѣйшій и самодержавнѣйшій Государь Петръ II, Императоръ Всероссійскій, рожденъ лѣта 1715-го сентября въ 12-й день, прародительское владѣніе пріемши, вѣнчанный и помазанный въ лѣто 1728, февраля 25-го дня, великихъ благъ чаяніемъ подданныхъ вкратцѣ обладавши, изволеніемъ Божиимъ, къ

вѣчному царству преставился, лѣта 1780, генваря 19-го дня. — Разошлася радость сердецъ нашихъ, «обравшея въ плачь ликъ нашъ, сяде вѣнецъ съ главы шивоя; горе намъ яко сестрицѣи».» — Къ лѣвому столбу при-слоненъ гробъ Императорскій, напротивъ раки Блаженнаго Царевича, какъ бы для того, чтобы «силѣе выразить, какою сокровища лишилась тогда Россія, не предвидѣвая еще своей грядущей славы и продолженія благословеннаго царя.

Еще други святые люди недавно върени при-нимо лабѣра, когда упразднена была чернь Черниговскихъ чудотворцевъ, надъ Тайничими вратами Кремля. Два слабые мученика, время Татарскихъ, Князь Черниговскій Михаилъ и вѣрный его бояринъ Феодоръ, вѣстѣ пострадавшие, вѣстѣ покоятся подъ снудомъ, у втораго столба, и нигдѣ приличнѣе не могло быть обрѣтено для нихъ мѣсто упокоенія, какъ въ сонѣ родственныхъ Князей, которые одушевлялись подвигомъ ихъ на мосье подвиги противъ невѣрныхъ. Благотворный Князь не хотѣлъ преклонить выи, предъ идолами Батыя, и шалъ подъ меченъ Ханскими, а вѣрный бояринъ, возбуждавшій его къ мученичеству, замечатель кривою твердое слово. Оба изображены надъ рессю, почившими послѣ трудовъ, какъ и отрокъ Димитрій, и сими тремя мучениками квалится усыпальница Князей Русскихъ.

Опять странная противуположность, если только можно отвести къ случаю то, что устроено тайнымъ Промысломъ, къ назиданію вѣрующихъ! Чей гробъ при-никъ къ столбу, напротивъ раки пострадавшихъ за

вѣру, въ Золотой Орду, которая два вѣка тяготѣла надъ Русью? — Это гробы Царя и Царевича Казанскихъ, державни собранной изъ остатковъ Орды и разывавшейся подъ тяжестью стеною Юанна! — гробъ Царевича Петра, сына Ибраимова, сына Маматякова, Царя Казанскаго, и гробъ сына славной Сумбеки, защипавшей перстие свое противъ Грознаго, которая привезена была, съ вѣтхими стрелами, изъ падшей Казани. Какъ утѣшительно читать, на гробовой доскѣ бывшаго врага Христіанъ, новое Христіанское его имя, еще оглававшееся Татарскими корнемъ: «въ лѣто 7074-ое, мѣся въ 11-й день, на память Св. Апостола Вароламея в Варнаву, преставился Царь Казанскій, Александръ Саоагиревичъ, сынъ Царя Казанскаго.» Не муками и не постраши, какъ вѣсегда Князей Черниговскихъ, Тверскихъ и Рязанскихъ, терзавшихъ въ Ордѣ за вѣру предковъ, но, проткнувъ свѣтскъ Евангелійскій истинны, призывала святая Русь закосямьхъ враговъ своихъ, изъ тмы язычества въ благодатное царство Христова, и, забавъ древнія обиды, гостеприимно открывала имъ объятія храмовъ, усыпальницу Князей; такъ, вѣра во Христа, сливала во одно племя и племена изъ роды, надаява обавренныя извѣнныя вѣрнью.

Изъ много гробовъ прислѣнилось изъ сѣверной стѣны собора, будто бы негостеприимная дышала холодомъ на искавшихъ къ ней вѣротнться; но, подобно какъ бываетъ въ теплицѣ, отстранялся отъ незаметный, княжескій цѣль земли Русской, чтобы пынными побѣдами распуститься, вдоль западной и южной стѣны, в область

ны, одна подлѣ другой; число мертвыхъ превышаетъ здѣсь число могилъ. Третій сынъ Калиты, Андрей, положенъ въ самый уголъ, какъ родоначальникъ старшаго племени удѣльныхъ Князей, и подлѣ храбрый сынъ его Владширъ, другъ Дмитрія, боецъ всѣхъ его битвъ, съ которыми раздѣлилъ громкое имя Довскаго, въ память Куликовской победы, одержанной его послѣднимъ патискомъ на Орду. Смиритель Мамай, Ольгерда, Олега Рязанскаго и всѣхъ недруговъ Дмитрія, самъ онъ довольствовался Серпуховскимъ своимъ удѣломъ, и первый изъ Князей Русскихъ имѣлъ великодушіе отречься отъ древняго права, по коему старшій въ родѣ наследовалъ престолъ великовняжескій. — Оттолъ благой примѣръ Владшира сдѣлался основнымъ закономъ для княжества Московскаго, которое укрѣпилось упадкомъ удѣломъ.

Не такъ поступили съ внукомъ Дмитрія, своимъ племянникомъ и братомъ, спящимъ подлѣ Храбраго Владшира, Князя Галича, отецъ и сынъ, Юрій и Косой. Малъ, оскорбителенъ казался Юрію удѣлъ его, послѣ смерти брата, Великаго Князя Василя, и вмѣстѣ съ дѣтьми своими, Косымъ и Шемякою, возбудилъ онъ двадцатисемилѣтнее междоусобіе въ землѣ Русской. Казалось, честолюбивый отецъ искалъ себѣ престола только для того, чтобы, по ступенямъ его, быстро сойти въ могилу, и туда же увлечь за собою старшаго сына, ослѣпленнаго, сперва блескомъ вѣнца, а потомъ рукою соперника. Вопреки порядку Архангельскихъ гробницъ, одна могила заключила обоихъ, которыхъ тѣсно было родовое ихъ княженіе, и даже третій сынъ

Юрія, Дмитрій, красный тѣломъ и душою, опущенъ въ тотъ же гробъ: — такъ носкупилась земля Русская послѣднимъ дѣмъ нѣхъ пріотомъ!

Но если сограшили противъ нея Князь Галича, Юрій, Косой и Шемька, то одна Красный могъ заглядеть тяжкия вины своего семейства, чествою молитвенною жизнью. Въ цѣлѣ лѣтъ прѣставлялся онъ, какъ тихій Ангель, и необычайная его кончина изумила современниковъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ пріобщился съ таинъ и, при чтеніи канона на исходе души, испустилъ послѣднее диканіе; спрятали тѣло въ погребенію, но въ прѣлочь, обрѣснѣ съ себя покрывале, громко возгласилъ мертвецъ Евангельскія слова: «Петръ же вознъ его, яко Господь есть.» Оцѣрнѣвъ отъ ужаса, дѣкомъ, читавшій надъ нимъ псалтирь, едва могъ разбудить спящихъ окрестъ; мертвецъ же невторилъ одно и тоже, какъ будто предъ нимъ совершалось утѣшительное свиданіе воскресшаго Господа съ учениками, на озерѣ Тиверіадскомъ; онъ не гудѣлъ глазами, но тѣло у него было какъ у живаго. Красный заимѣ церковную нѣснъ: «Господа пойте дѣла и прѣозносите Его во всѣхъ вѣдахъ» и шѣлъ до самой утреннѣ; тогда приносилъ ему записные дѣры; онъ проглянулъ, изъ глубины сердца прѣзналъ: «радуйся утроба Божественнаго возлочествія», пріобщилъ, и съ воскресенья до среды была живъ, какъ священникъ нѣснѣ, читалъ пѣнзусть святое Писаніе, не понималъ, что ему говоримъ, но узнавалъ людей, хоти и обѣчалъ безъ порядка; въ среду уманъ онъ, а въ четвертъ скончался странный мертвецъ, во прѣрѣ литургіи. Тѣло его привезено изъ Углича

въ соборъ Архангельскій и оказалось нетлѣннымъ при погребеніи. — Такъ записала сіе дивное событіе современная лѣтопись.

Два младшіе, миролюбивые сыны Донскаго, Андрей и Петръ, просторно отдыхаютъ, каждый въ своей могилѣ, рядомъ съ семьей тревожнаго брата Юрія, и подлѣ нихъ старшій братъ Темнаго, Іоаннъ, раннею смертію избавленный отъ смутъ междоусобія. Сынецъ великаго Іоанна, Симеонъ Князь Калужскій, и трое дѣтей Темнаго: Юрій Дмитровскій, Борисъ Князь Волоколамскій, другъ и покровитель преподобнаго Іосифа, основавшаго славную обитель въ его предѣлахъ, и младшій Андрей, вмѣстѣ съ двумя сыновьями Владиміра Храбраго, Іоанномъ и Ярославомъ, заключаютъ, у западныхъ вратъ, гробовую лѣтопись. На послѣдней могилѣ начертана съ боку, для всего ряда усопшихъ, краткая молитва, которая невольно поражаетъ взоры каждаго, входящаго въ храмъ: «помяни Господи, яко благъ, рабы своя.»

Иной порядокъ гробовъ начинается вдоль южной стѣны, хотя ихъ тоже число двѣнадцать: по три въ рядъ, одинъ за другимъ, лежатъ усопшіе, выровненные рукою смерти, до самаго иконостаса, занимая почти все пространство собора, позади столповъ, и, въ этой тѣснотѣ мертвыхъ, только три удѣльныхъ между державными.

Сынецъ Донскаго, Великій Князь Василій, начинается, у самой стѣны, первый могильный рядъ: Василій, мудро управившій кормило княжества Московскаго, послѣ воинственнаго отца, посреди крамоль Суздальскихъ, Твер-

смихъ и Рязанскихъ, между пророю Орды и Литвы. Подлѣ него сынъ и внукъ великаго Юанна, съ дѣтьми дѣлжившіе, хотя и не наследовавшіе его державы. Рано похитила смерть юнаго Князя Юанна, подававшаго много надеждъ мудрому отцу и Россіи, а Дмитрій..... ахъ! Бѣдный отрокъ, вѣнчанный и развенчанный! — не напрасно написали, на троѣи могилѣ, свидѣтели троѣго вратцаго величія и долгой неволи, печальную метлу, почерпнутую изъ горькаго опыта жизни: «кая житейская плита пребываетъ печали непрічастна? кая ли слава стоитъ на земцѣ?»

Что, казалось, славнѣе было участи внука Юаннова, для котораго могущественный дѣдъ возобновилъ царское вѣнчаніе, давно уже и однажды только совершавшееся въ Россіи, надъ Мономахомъ? Не его ли діадимомъ, не его ли бармами и крестомъ, свернуцию украсилъ онъ невиннаго отрока, какъ жертву, провозгласивъ его Великимъ Княземъ и соправителемъ, чтобы упрочить престолъ въ старшемъ родѣ умершаго, любимшаго сына? — и чрезъ немного дней, не тою же ли властою, суровою рукою, низвергнулъ его, съ высоты величія въ душину темницу, удовлетворяя честолюбію хитрой супруги, Царевны Греческой которая искала престола сыну своему Василю? Преданіе говоритъ, что, при последнемъ вздыханіи, почувствовавъ Юаннъ свою неправду, призвалъ изъ темницы юнаго Дмитрія и сказалъ ему: «милый внукъ, прости меня; я согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою, будь свободенъ.» Дмитрій со слезами упалъ на колѣна, подлѣ смертнаго одра дѣда, и умеръ Юаннъ; но едва вышелъ отрокъ

изъ ложивша усоншаго, его биятъ отвели въ темницу, откъе болге не выходишь; ибо уже, до ранней его кончины, не было кому изъ державныхъ расказывать на смертномъ одрѣ. — Калкитейская пища пребываетъ вечамъ неспричастна? какъ ли слава стоитъ на землѣ?»

... Вотъ и главный витязь Донской, во второмъ рядѣ битвы, между одиобисными ему Княземъ Углицкимъ Дмитріемъ, сыномъ великаго Юанна; и кроткий отвѣтъ своимъ, Великимъ Княземъ Иоанномъ; котораго гробъ приклоненъ къ стѣнѣ соборной. Какое обиліе благодати духовной изливалось тогда на Русскую землю, посреди видныхъ сдѣствій? не это ли было цвѣтущее время ея утѣдниковъ? — Подъ сѣнью твоего святительскаго омофора, о Владыка Алексій; возросъ малолѣтний Дмитрій, изъ безпріютнаго сироты, обуреваемого на чуждыхъ престолахъ Владимира и Москвы, въ мужа силы, въ державнаго Князя Князей Русскихъ! и твоими благословеніемъ, твоими крѣпкими молитвами, о пресвѣдбный Сергій; сдѣлался онъ мужемъ победы, когда, съ двумя тѣбѣми инокани-воинами, устремился въ лѣсоу Радонежскихъ, отъ дикаго твоего пріюта, на Куликовское поле; стяжать себѣ имя Донскаго; и кликнутьъ, въ лице Орды; славный кличъ предковъ: «се намъ Богъ и никто же на ны!» — Какъ огромный курганъ; пашать его славной битвы, на берегахъ Непрядвы; такъ неизменно вырастаетъ могила Дмитрія; изъ орды врывающихся еѣ гробовъ, когда, увлекаясь инокшными; стремиши духомъ въ слѣдъ за великимъ воителемъ; изъ мертвой тишины собора, на поприще его ратныхъ подвиговъ.

Основатель собора, основатель княжества Московскаго, которое укрѣпиль каедрою чудотворца Петра Митрополита, Іоаннъ Калита прилично положемъ, у южныхъ вратъ собора, какъ бы на стражѣ дѣлъ своихъ и потомства; онъ открываетъ собою не только рядъ гробовъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ Великій Князь Симеонъ Гордый, сынъ его, и братъ Грознаго Юрій, но и всю царственную усыпальницу долгаго своего племени, тридцати трехъ Князей и Царей. — Изъ его могучаго корня разрослось сіе многовѣтвистое древо, собравшее всю Россію подъ широкую тѣнь свою; отъ него, какъ изъ обильнаго родника, потекли, разплескались по лицу земли сіи княжескія волны, то тихія и свѣтлыя, то шумныя и бурныя, по мѣрѣ того какъ отражались въ нихъ черныя тучи, ходившія по небосклону отчизны; и волны росли, росли, доколѣ не исполнили собою все древнее русло предковъ, доколѣ не слились съ океанами сѣвернымъ и восточнымъ.

«Мертвыхъ и живыхъ Боже, умертвивый смерть, и жизнь возстаніемъ твоимъ всѣмъ подавай, Христе, упокой рабы своя, ихъ же преставилъ еси! — Иже глубинами мудрости, челоуѣколюбно вся строя, и еже на пользу всѣмъ подавая, едине содѣтелю, упокой Господи души усопшихъ!» Кто съ чувствомъ умиленія, изъ глубины сердца, не произнесетъ сихъ двухъ молитвъ, начертанныхъ съ боку, на удѣльныхъ гробницахъ Юрія и Іоанна, заслонившихъ великокняжескія Гордаго и Донскаго? Кого не поразитъ глубокая мудрость устроившаго все на пользу Россіи, рядомъ великихъ мужей ей данныхъ? — Они же, совершивъ свой

подвигъ, сами, смиренно просятъ себѣ только молитвы, влагая ее въ уста мимоходящихъ!

Напротивъ Калиты, у самага иконостаса, Темный, слѣпецъ, но не отъ рожденія, а отъ руки братьевъ, изчерпавшій до дна послѣднюю чашу междуособій, и какъ бы всосавшій въ себя всю ихъ отраву изъ болѣзненной Руси, чтобы оставить великому сыну здравое тѣло государства. Чего не испыталъ въ теченіи 27-лѣтней борьбы съ присными, пришедшій наконецъ искать здѣсь, между мертвыми, того покоя, въ которомъ отказывали ему живые? — и плѣтъ въ Ордѣ, и душную темницу, и трижды сверженіе съ престола, всѣ бѣдствія извѣстны и всѣ крамолы внутри, о которыхъ на послѣдокъ только слышалъ, когда, отторгнутому отъ раки преподобнаго Сергія, безчеловѣчно исторгъ очн братъ Шемяка. — Но Господь, умудряющій слѣпцовъ, умудрилъ и сего Темнаго владыку, обличить лжепастыря Исидора и тѣмъ спасти Православіе, когда дерзнулъ онъ въ соборѣ Успенскомъ провозгласить Унію. Какъ чудотворецъ Петръ идетъ въ лѣтописяхъ, обруку съ Калитою, и Митрополитъ Алексій осыняетъ Донскаго, такъ и кроткое лице Святителя Іоны неразлучно съ памятью Темнаго Василія, его избравшаго ко благу Церкви.

Но вотъ и великій собиратель Руси, подлѣ отца. Остановимся предъ исполиномъ, котораго разгадало только потомство, когда съ изумленіемъ увидѣло предъ собою огромное цѣлое, сдвинутое имъ изъ обломковъ. Одна Москва расла въ Іоаннѣ, окрестъ же ея все рассыпалось, все падало въ его руки. Онъ слышалъ и по-

слѣдѣй дикій вопль бѣснующейся Орды, послѣ двухъ, тяжелыхъ для насъ вѣковъ, замолкнѣй навѣки, и послѣдній гудевоу звонъ вольнаго Новгорода, и третій ропотъ предсѣхъ Ростовскихъ Князей, и покорное слово Рязани и Твери, и ратное паденіе западныхъ княземей! А самъ, какъ неутомимый древодѣль, съ утра входящій въ чащу лѣса и тамъ трудящійся до позней ночи, не вѣрмя вою непогоды, сквозь шумъ падающихъ окрестъ деревъ, доколѣ не исполнитъ урока его огромная сѣкѣра, — Іоаннъ, мощною рукою, рубилъ вѣковыя углубы, въ основаніе огромнаго своего дома; онъ прорубилъ въ немъ широкія окна, для свѣта и высокія врата на всѣ побѣдные пути, чтобы было гдѣ разгудаться его могучей Руси, по приволью вселенной. Не довольно быстръ казался ему бѣгъ Московскаго всадника, — онъ вдвинулъ его въ сердце Византійскаго орда и помчался на крыліяхъ орлицъ.

Скромный довершитель великихъ предначертаній родителя, Василій, цѣлитель Пскова и Смоленска, возлегъ рядомъ съ отцомъ, не дерзнувшій однако вѣнчаться діадимомъ Мономаха, послѣ горькой участи юнаго Дмитрія; не Княземъ, но инокомъ, вселенся онъ въ мирное жилище предковъ, вопреки боярѣ, хотѣвшихъ удержать на немъ мантию княжескую; «добръ сесудъ сребряный, но лучше златой,» сказалъ имъ Митрополитъ Даніилъ и постригъ умирающаго. Инокъ внесли его въ соборъ и положили подлѣ державнаго отца, и съ нимъ, въ одной могилѣ, упокоилъ Грозный старшаго сына своего, младенца Дмитрія, котораго рожденіе у-

только победители Казани; а ранняя смерть ознаменовала страшный переворот его жизни.

Гробы Василія послѣдній, у самой двери алтаря; — но вѣтъ уже не стало гробовъ въ соборѣ и мертвые потонули, а еще нѣтъ Грознаго и его сыновъ! — Куда же укрался ты, страшный владыка? — Царь Юань; вноку Юаня, какъ ли не звать тебя? на какое отвоишься? гдѣ твоя мирная обитель? — отъ зова ли страшной трубы, отъ зрѣлища ли послѣдняго суда, которое такъ вѣрно созерцаютъ предки твои и потомки; снѣживъ въ томъ же соборѣ, уклонился ты одинъ въ недоступный покой, чтобы тамъ, въ могильной тишинѣ, подъ шитомъ церковной молитвы, припрятаться съ собою и съ своими дѣлами, прежде нежели возгласитъ труба? — Вѣтъ темный, тѣсный придѣлъ, во имя Предтечи, дароваго Ангела, нынѣ упраздненный и обращенный въ гробовую хранилищу: — тамъ улетѣла державный съ двумя сынами; одна только стѣна вѣнчаннаго иконостаса отдѣляетъ его отъ гробовъ; прабаба, дѣда и отца, который сторожатъ входъ въ сию исключительную усыпальницу першаго Царя всея Руси!

Сколько уласовъ и сколько славы смѣшано въ одной могилѣ, подъ вѣдомъ и схитой! — три сокрушенных царства и сноманный мечъ Великаго Магистра; а за ними мрачная опричнина и блѣдное лице мученика Филиппа! полнѣзны ангела свѣта, полнѣзны ангела мрака! — отступивъ съ молитвою; нужна она вноку Юаню, бывшему Царю! но вѣтъ, на первомъ шагѣ; одно изъ санейхъ страшныхъ дѣлъ его; — имъ убиенный сынъ и Царевичъ, за душу коего потекло столько милостыни!

въ Аeonъ и на Синай. Это былъ послѣдній итѣвмый порывъ Грознаго, — какое страшное испытаніе! Кто бы угадалъ, въ почюющихъ рядомъ, подъ кровными именами сына и отца, — убіеннаго и того, кто убилъ?

Вотъ и послѣдній Царь дома Рюрикава, Феодоръ, заключаетъ собою могильную лѣтопись собора. Какъ яркое солнце закатился онъ въ лучахъ славы, и отъ его тихаго, яснаго вечера, до свѣтлаго утра Романовыхъ, бурно легла на Россію ночь Самозванцевъ. Безъ именная, но конечно державная рука, быть можетъ, нѣжной супруги Ирины, облекла пышнымъ покровомъ гробницу Феодора, и жемчугомъ, какъ слезами, избразила на немъ все смиреніе усоншаго и всю суету временнаго: «Нагъ изыдохъ на плачь сей, младенецъ сый, нагъ и отыду паки: что труждаюся и смущаюся всуе, вѣдая кое житія сего дѣйство? Како-шествуешь вси, равнымъ образомъ, отъ тьмы на свѣтъ, отъ свѣта же во тьму лютую: отъ чрева материя съ плачемъ въ ширь, отъ міра печальнаго съ плачемъ горестнымъ? зачало и коонецъ плачь! Какая потреба суетнымъ свѣта сего? — сонъ, сѣнь, мечта, вся суета человѣческая, елико не пребываютъ по смерти; не пребываютъ богатство, ни красота житейская; низишествуетъ слава сего житія, яко сонъ, яко сѣнь и яко прахъ преходитъ. Господи! преставльшагося отъ насъ раба своего, благовѣрнаго Великаго Государя, Царя и Великаго Кнзя Феодора Юанновича, всея Россіи Самодержца, со всеми Святыми въ царствіи Твоемъ упокой.»

Есть еще одна гробница, но уже не внутри собора, а въ придѣлѣ, извнѣ пристроенномъ къ большому алта-

рю. Безъ подписи она, хотя и княжеская, и славнѣе многихъ другихъ, однако не великаго и не удѣльнаго Князя; отъ того и не почтена соборною стѣною. Но если вѣтъ надписи на безымянной, громко записана она въ сердцахъ Русскихъ и въ панихидной книгѣ, гдѣ, въ вратныхъ словахъ, цѣлая лѣтопись. «Въ придѣлѣ Іоанна Предтечи опочиваетъ Царя и Великаго Князя Василія Ивановича всея Россіи племянникъ, Князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ. По Государеву указу, а по своему храброму разуму, Божіею помощію, надъ враги Польскими, Литовскими людьми и Русскими измѣнниками; которые хотѣли раззорить государство Московское и вѣру Христіанскую погнати, явво показалъ преславную побѣду, и приде къ Москвѣ, Божіимъ же судомъ, преставился въ лѣто 7118 (1610) Апрѣля въ 23 день, на память великомученика Георгія, въ послѣдній часъ дня.»

По истинѣ, это былъ послѣдній часъ дня, оставшагося Шуйскимъ, когда поблекъ сей лучшій цвѣтъ ихъ семейства, отравой коварной новѣстки, и Царь Василій не умѣлъ сохранить себѣ великаго стратига, который одинъ только могъ спасти Русскую землю. Вся она горько плакала, опуская въ могилу, вмѣстѣ съ виновственнымъ юношей, свою надежду, и вскорѣ послѣ, по словамъ древней лѣтописи, слышанъ былъ замогильный плачь внутри собора; ибо заботившіеся такъ долго о судьбахъ отчизны не оставались и по смерти чуждыми ея болѣзнями.

«Въ четвертое лѣто царства Царя Василія, октября въ 20-й день, съ четвертка на пятницу, въ полунощи,

къ царю Архотратипа Миданла, честнаго ево собора; дайме ланку тлеса Великихъ Князей; и всѣхъ благочестивыхъ Царей Русскія земли, слышаху гласъ плачевнй, шумъ акъ вѣннй, сопротиво соборнымъ бесѣды, и потому бысть псаломскаго священнослеря гласъ, поюшиль отпосадиши душимъ въ вѣчныя благодати: 148-й псаломъ, со аллелуиамъ, и по семъ съ-плаченъ овергати гласъ; слышавше же чреды тоя отраніе повѣдана людемъ, рекуша; же тогда мнеше отъ народа: яко царство Василія Царя вскорѣ съ-плаченъ скончатися имать.»

Соборъ Архангельскій, о Іосафатова юдоль Россіи! ирещь, тихъ да будетъ царственный сонъ твой, до послѣдняго утра, когда, по лнку всея земли, кости суши услышатъ слово Господне, и вмѣстѣ съ глаголомъ Божиимъ, судеть гласъ и землетрясеніе, и стануть со-вонуплятьсѣ кости; кость къ кости, каждая къ своему составу, и опять напрягутся на нихъ жилы, и обростеть плоть и прострется сверху кожа, и отъ чотырохъ вѣтровъ дохнетъ духъ жизни на мертвыхъ, и оживуть, и стануть на ногахъ своихъ, — соборъ многій, великій!... Дотоли — тихъ да будетъ царственный сонъ твой; о Іосафатова юдоль Россіи!

ДУМА НА ВОЛГѢ.

Что ты стоишь, Волга-матушка?
Что ты хмуришься, родимая?
Потемнѣла вся — какъ ноченька!
Лишь валы ныряютъ бѣлые...
Ты — какъ броня вороненая
Съ посеребренной насѣчкою;
Словно думушка свищовая
На челъ у добра молодца!

Нѣтъ, не такъ ты, Волга-матушка,
Бушевала въ это времечко —
Когда я съ душою-дѣвницей
По тебѣ цыгъ въ легкой ладонкѣ:
Ты тиха была, сподручница —
Чуть рябили струйки малкия;
Ты свѣтла была, какъ зеркало,
Въ терему у красной дѣвницы
Всѣ въ него глядѣлось радостно
И небесный сводъ лазурный
Съ золотой лампадой Божіей,
И берега твои красные —

Съ слободами и деревнями,
 Съ городами, пригородками,
 И съ лѣсами со дремучими,
 И съ зеленой частой рощицей!
 Чтожь ты нынѣ такъ насупилась?
 Что такъ рошщуть волны ярыя?
 Аль тебѣ — какъ добру молодцу,
 Стало жаль дѣвицы красныя?
 Что она на легкой лодочкѣ
 Не проѣдетъ, не прокатится?
 Что лице ея румяное
 Не посмотрится въ струи твои?
 Что рукою бѣлоснѣжною,
 Не черпнетъ воды студеныя?
 Что любимой своей пѣсенкой
 Не откликнется въ горахъ твоихъ?..

Аль ты вспомнила, разгульная,
 Стары годы — время прежнее?
 Какъ бывало — ты всѣмъ страшная
 Бушевала вмѣстѣ съ пѣснями
 Удалыхъ отважныхъ молодцовъ
 Вольной шайки — Стеньки Разина?
 Какъ жемчужной билась пѣною
 О бока судовъ разбойничьихъ?
 Какъ топала ты въ сѣдыхъ волнахъ,
 Непокорныхъ Атаману ихъ?
 Какъ кропила часто брыгами
 Ты лице и грудь высокую
 У души, у красной дѣвицы —
 Атамановой любовницы?
 Али жаль тебѣ, широкая!
 Своего русла стариннаго?
 Что тебя мѣстами, рѣчишка

Занесло песками, мелями?...
Что среди тебя возвысились,
Острова — кусты ракиотовы?

Много золота и серебра,
Дорогой парчи и бархата:
Много жемчуга окатного,
Самоцвѣтныхъ, свѣтлыхъ каменьевъ,
Схоронила ты на днѣ своемъ!
Ты, рѣка моя родимая!
Много, много слезъ горючихъ,
Растопилось въ волнахъ твоихъ!
Много пѣсень, вздоховъ жалобныхъ,
Раздалось въ твоихъ ущеліяхъ!

К. Кореневъ.

СЛАВЯНЕ.

(Въ Дѣлѣхъ Г-ни Гайки).

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора ль очнуться намъ?
Не увидать ли хоть вѣуки
То, что снилося отцамъ?

Вѣки мы слѣпцами были —
И — какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.

А случалось ли порою
Намъ столкнуться какъ нибудь,
Кровь, не разъ, лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь...

И Вражды безуинной сѣмя
Плодъ сторичный принесло —
Не одно погнбло племя
Иль въ чужбину отошло.

Иновѣрецъ, Иноземецъ,
Насъ раздвинулъ, разломилъ —
Тѣхъ обезязычилъ Нѣмецъ
Этихъ Турокъ осранилъ.

Вотъ, среди сей ночи тѣмной,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,
Доблїй мужъ, рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ...

О какихъ вдругъ лучахъ
Озарилъсь весь мръя...
Обличилась передъ Нами
Вся Славянская земля. —

Горы, Степи и Понорья
День чудесный облитъ —
Отъ Невы до Черногорья,
Отъ Карпатовъ по Уралъ.

Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отвернулъ —
И съ Москвой золотоголовой
Вышеградъ заговорилъ.

И роднаго слова звуки
Вновь понятны стали намъ
На яву увидать внуки
То, что снилось Отцамъ! —

ПРАГА, $\frac{26\text{-го Августа}}{5\text{-го Сентября}}$ 1841.

Ө. Т.

ВОРОНЪ.

Каждый день подь окно
Ко мнѣ воронъ леталъ;
Каждый день все одно
Черный воронъ кричалъ :

Скоро-ль ты, молодець ,
Сномъ забудешься?
Скоро ль будешь — мертвецъ ,
Не пробудишься ?

Скоро ль будетъ мнѣ пирь ,
Я тебя расклюю?
Я вопьюсь какъ вампирь
Въ грудь остывшу твою!

И достану изъ ней —
Теперь каменное,
Но бывхъ , прежнихъ дней —
Сердце пламенное!..

Я не трону его :
Много горечи въ немъ !
Знаю я , отъ чего
Все сгорѣло огнемъ!

К. Корнеевъ.

Н А Ш И М Ъ
Б У Д У Щ И М Ъ П О Э Т А М Ъ .

A quoi servent vos vers de flamme et de lumière?
— A faire quelque jour reluire vos tombeaux!...

(Mme. Anaïs Ségalas).

Не трогайте ея, зловѣщей сей пѣвицы!...
Она губительна!... Она вамъ смерть даетъ!...
Какъ семимужняя библейская вдовница,
На избранныхъ своихъ она грозу зоветъ!
Не просто, не въ тиши, не мирною кончиной, —
Но преждевременно, противника рукой —
Поэты русскіе свершаютъ жребій свой, ...
Не кончивъ пѣсню лебединой!

Есть гдѣ то дерево*, на дальнихъ островахъ,
За океанами, гдѣ вѣчнымъ зноемъ пышетъ
Экваторъ пламенный, -- гдѣ въ вѣковыхъ лѣсахъ,
Въ растѣняхъ, въ воздухѣ и въ безсловесныхъ дышетъ
Всесильный, острый ядъ: — и горе пришлепу,
Когда подъ деревомъ онъ ищетъ, утомленный,
И отдыхъ и покой! — Своемъ смерти усыпленный,
Онъ близокъ къ своему концу...

* Манцевяло.

НАШИМЪ БУДУЩИМЪ ПОЭТАМЪ.

Онъ не отторгнется отъ мѣста роковаго,
Не встанеть, не уйдетъ, ... ему спасенья нѣтъ!...
Убийца - дерево не выпуститъ живаго
Изъ подъ вѣтвей своихъ!... Такъ точно, о поэтъ,
И слава хищная невѣрнымъ упоишь
Тебя предательски издалека манить!
Но ты не соблазнись, — бѣги!... Она даритъ
Однимъ кровавымъ разрушеньемъ!

Смотри: — существенный, торгующій нашъ вѣкъ,
Столь положительный, насмѣшливый, холодный,
Поэзи, пѣвцамъ и пѣснямъ ихъ изрекъ,
Зывая, — приговоръ вражды неблагородной.
Онъ безъ вниманія къ разговорамъ и мечтамъ,
Онъ не сочувствуетъ высокимъ вдохновеньямъ,
Но зависть знаетъ онъ, ... и мститъ своимъ гоненьемъ
Вѣнчаннымъ лавромъ головамъ!

Село Анна, 22 августа, 1841.

Гр. Е. Ростопчина.

ДУША ЖЕНЩИНЫ.

ДУША ЖЕНЩИНЫ.

(Перотское мистическое преданіе. *)

Однажды Перы поводала
У вратъ потеряннаго рая
Стоала въ грустной тишинѣ.
Жуковский.

Твой путь не кончился — о нѣтъ! твой путь
прервался, —
На лучшее повернишь его ты довершишь.
Графиня Ростопчина.

=

Она умерла. Домъ наполнился плачемъ и стономъ.
Друзья, родные цѣловали ея поледенѣвшія ноги, чужіе
молились челомъ о землю. Мало по малу вѣсть о ея

*) Предки жителей предмѣстія Перы, какъ извѣстно, суть выходцы изъ Италіи и внутренней Европы. Въ жизни Перотовъ, какъ въ ихъ преданіяхъ встрѣчается замѣчательное сочетание восточныхъ понятій съ западными.

смерти разнеслася по городу и со всѣхъ сторонъ собрался люди небывалые, ни кѣмъ незнаемые: вдовы, сироты, убогіе; многіе не умѣли даже назвать по имени свою утѣшительницу, но каждый разсказывалъ долгую повѣсть о благихъ подвигахъ покойницы.

Между тѣмъ душа ея носилась надъ тѣломъ, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ, кидаясь въ постелю, мы смотримъ на сброшенную одежду; но едва проснувшись, душа не совсѣмъ еще покинула земныя связи: еще она дышала смертнымъ воздухомъ, еще радовалась благословеніямъ окружающихъ страдальческое изголовье, еще скорбѣла ихъ скорби.

Но вотъ мало по малу все ей легче и легче, невольно тянется она въ отрадную вышину, — и съ каждымъ устремленіемъ постепенно скользятъ съ нея земныя узы, какъ капли дождя, сдуваемые съ листьевъ полуденнымъ вѣтромъ.

Вокругъ нея воздушныя степи, свѣтъ безъ тѣней, ни шороха, ни движенія, ни звука, ни цвѣта, ни образа; ничто не тускнеть, ничто не шелеститъ, ничто не мелькаетъ, — свѣтло, тихо, безбрежно... душа тянется все дальше и дальше...

Но вотъ что-то мелькнуло! о радость! то геній-хранитель лучезарный, блистательный, — въ его ликѣ она узнала всѣхъ, кого любила въ сей жизни, всѣхъ кто любилъ ее. Геній-хранитель весело манитъ ее за собою... душа тянется дальше и дальше...

Вотъ слышались ей чудные звуки, тѣ звуки, которыхъ иногда отголосокъ отдается въ сердцѣ человѣка, среди легкаго сна, послѣ долгой, горячей молитвы, зву-

ки, которых онъ не умѣетъ ни выразить, ни сравнить съ чѣмъ либо въ другую минуту, ... о! это не обманъ... предъ юною душою во свѣтъ сіяющія равнины, — не тамъ ли плещутъ живыя струи? — не оттуда-ль пахнетъ теплый, живительный воздухъ? — такъ уже всѣ земныя страданія кончились, и навѣкъ... навѣкъ все забыто... радость! восторгъ!... уже геній, улыбаясь, отворяетъ кристальныя врата, — душа рванулась къ нимъ всею силою воли... и остановилась: между нею и вратами какъ будто черная громовая туча; въ той тучѣ мрачныя неисчетныя обитатели опускаются одна подъ другую; въ каждой неистовствуетъ одинъ изъ грѣховъ человѣка, отъ перваго крика младенца до послѣдняго стenanія старца; и чѣмъ дальше, тѣмъ мрачныя обитатели мрачнѣй и обширнѣе; въ самомъ низу клокочетъ черное пламя... тамъ что то неизъяснимое надлетъ въ непрестанномъ круженіи, все глубже и глубже, вѣчно и вѣчно — въ бездну бездонную!...

«За мной! за мной!» говорилъ улыбаясь душѣ ея геній-хранитель — «не ужъ ли ты боишься сей бездны? — быстро пронесешься надъ нею, — добрыя дѣла твоей жизни поддержать тебя на полетѣ... мужайся... врата отворены, мое вѣчное лобзаніе ожидаетъ тебя...»

Душа снова рванулась на отрадный призывъ, но заглянула въ широкую бездну и отпрянула въ ужасъ.

— О нѣтъ! — говорила она съ рыданіемъ, мнѣ ли недостойной, мнѣ ли отворятся свѣтлыя двери... меня ли не поглотитъ черная бездна?... — Тамъ, въ неизменномъ мѣрѣ мнѣ вѣрилось, что какою нибудь доброю мыслию я заслужу еще себѣ помилваніе; тамъ тысячи личинъ од-

на за другою, скрывали отъ меня тайныя недостижимыя побужденія бытія! часто, часто углубляясь въ свое сердце. я искала своего собственнаго судилища, нетерпѣливо срывала одну личину за другою, и далеко, въ недостижимой глубинѣ сердца, думала видѣть истиннаго судію моей жизни, — а этимъ судіею была новая личина, предъ которой я безумно преклоняла колѣно.

Но здѣсь я вижу все ясныѣ и ясно; здѣсь начинаю зорко читать тѣ непреступныя, таинственныя буквы, смыслъ которыхъ незамѣтно для меня управлялъ мною! — здѣсь я съ отчаяніемъ увѣряюсь, что жизнь моя полна срама и нечистоты, что не было въ ней поступка, не было чувства, не было мысли, которыя не заклеимены печатію грѣха неизгладимаго!... —

«О! не унывай!» отвѣчалъ гениѣ, «собери свои силы... старайся припомнить всю жизнь свою... я знаю тебя — еще до разсвѣта ума твоего я стоялъ у изголовья твоей колыбели; ты смотрѣла на меня, ты улыбалась мнѣ и окружающіе тебя, по невольному чувству, говорили, что у тебя райская улыбка. Ты возрасла, твой умъ и сердце развернулись, и съ той поры начались твои страданія; я знаю ихъ все! сколько разъ я съ молитвою приклонялся къ твоему сердцу, согревалъ его моимъ дыханіемъ, чтобы оно не разорвалось отъ терзаній — о! тщательно хранилъ я его, тщательно поддерживалъ въ немъ елеѣ доброты и бережно ограждалъ отъ буйныхъ порывовъ жизни, чтобы не погасла святая лампада твоего духа. Не на радость явилась ты въ смертномъ мірѣ: не улыбка матери встрѣтила первыя движенія твоего духа; суровый

взоръ чуждой тебѣ женщины былъ отвѣтомъ на твои дѣтскія чувства... Матери у тебя уже не было... мачиха смотрѣла на тебя съ какимъ-то отвращеніемъ, отецъ почти позабылъ о тебѣ... я все знаю: ты рвалась съ любовью къ окружающимъ тебя, ты хотѣла передать имъ всѣ тайныя, чистыя движенія твоего сердца, всѣ игривыя мечты, которыя пролетали черезъ твое дѣтское воображеніе... тебя заставляли молчать, надъ тобою свѣдалась, тебѣ поставляли въ вину каждую неприглядную мысль, каждое откровенное чувство; тебя учили скрывать, тебя учили не любить и не думать, тебя учили помянуть дѣмоу самости и расчета — и ты не покорилась ему, ты сохранила въ себѣ духъ независимый отъ смертнаго срама, ты сохранила въ себѣ младенчество сердца, сохранила въ себѣ радость при видѣ даровъ провидѣнія, при мысли о высокихъ чело-вѣческихъ мысляхъ.»

— Правда! отвѣчала душа — но отъ чего? — отъ того, что я не могла остепенить моего воображенія; отъ того, что мнѣ скучны казались положительныя расчеты жизни; мнѣ надоѣдало рассчитывать каждый шагъ свой; я лучше любила любоваться произведеніями природы, искусства, не думать о завтрашнемъ днѣ, тѣшить себя мечтами воображенія — не я, а ты, мой гений-хранитель, обуздывалъ его, когда оно вырывалось за вопрепятственную границу... то была не добродѣтель — то было... наслажденіе лѣни. —

«Прошли годы. Ты яснѣе пошла жизнь; ты увѣрилась въ ненависти къ тебѣ твоей мачихи; помнишь, какъ она унижала твое дѣвическое тщеславіе; помнишь, од-

нажды принесли тебѣ новый нарядъ, его блескомъ красиво отгнѣялись твои свѣтлорусые локоны, ты одѣлась, подошла къ зеркалу и едва, съ невинною, чистою радостью, замѣтила, что ты не дурна, — какъ вошла твоя мачиха, сурово посмотрѣла на тебя, упрекнула тебя въ томъ, что тебѣ и въ мысль не приходило; она отняла у тебя твой прекрасный нарядъ, — тебѣ было очень горько, ты хотѣла заплакать, хотѣла идти жаловаться къ отцу, и остановилась, скрыла твои слезы и съ кротостию повиновалась...

— Правда, но я боялась моей мачихи, я опасалась, что отъ жалобы отцу не было мнѣ еще хуже... то была не кротость, но тайный расчетъ, скрывавшійся въ недостижимой глубинѣ разсудка. —

«Прошли еще годы, отецъ по прежнему былъ къ тебѣ холоденъ, мачиха по прежнему тебя ненавидѣла; не было униженія, котораго бы ты не претерпѣла, не было невинной утѣхи, въ которой бы тебѣ не было отказано, не было слова, которое въ обиду тебѣ не было бы перетолковано... ты все сносила съ терпѣніемъ...»

— Я боялась моей мачихи, знала ея власть надъ отцомъ моимъ... —

«Пришло время, когда мачиха потеряла эту власть надъ отцомъ твоимъ; между ними появились холодность, раздоръ, упреки; ты могла воспользоваться этими минутами, ты могла открыть глаза отцу твоему, ты могла отмстить мачихѣ, ты могла отлучить ее отъ него — эти мысли приходили тебѣ въ голову, но ты съ трепетомъ отгоняла ихъ, ты старалась напротивъ

утѣшить гнѣвъ отца, ты старалась оправдать твою мучительницу, ты силлась возстановить между нами миръ и согласіе...»

— Такъ! но тайное чувство говорило мнѣ, что когда отецъ ссорится съ своею женою — то мнѣ еще хуже, въ домѣ еще скучнѣе — и къ тому же... льстило моему тщеславію, когда чужіе дивились моему поведенію. —

«Наступила перемена въ твоей жизни... за тебя посватался человекъ, котораго ты не любила и не могла любить; денежные дѣла твоего отца были расстроены; этия замужествомъ оны думалъ поправить свое состояніе; ты все это знала; знала, что тебя продавали — и ты повиновалась отцу, ты вышла замужъ за человека тебѣ немнаго, неспособнаго ни любить, ни понимать тебя...»

— Такъ, я страдала! но тайное чувство заставляло меня на все рѣшиться, чтобы только выдти изъ родительскаго дома, и увы!... во мнѣ шевелилось другое чувство: мнѣ блескомъ, мнѣ богатствомъ, наконецъ мнѣ самоотверженіемъ я думала нанести жестокой ударъ моему началу... —

«Ты не обманулась — она возненавидѣла тебя еще болѣе... а ты — ты осталась по прежнему почитательною, покорною, утѣшительницею отца, миротворицею въ семействѣ...»

— Да! но въ глубинѣ моей я утѣшалась тѣмъ, что эта ненависть еще болѣе возвышаетъ мою добродѣтель въ глазахъ людей, меня окружавшихъ... —

Геній задумался. —

— Посмотри, продолжалъ онъ — внизъ на эту пы-

лину для смертного взора, на это таинство для духовного; слышишь, оттуда долетают сюда то нестройные, то гармонические звуки, которые иногда сливаются со звуками живых райских ключей; это — земля, на которой ты жила; важное место занимает в планетном мире сей чудный посредник между светом и тьмою, которого таинство и мы, чистые духи, волишь достигнуть не можем... смотри, земля то блистает яркими, могучими лучами, которые освещают всю вселенную и преломляются даже о кристаллы врата райских селений, то погружается в глубокий, болтливый сумрак; тамъ день и ночь, восходъ и закатъ солнца служатъ символами сего глубокаго таинства, но люди не понимаютъ ихъ... Смотри, въ укромномъ уголкѣ сей обители, чета супруговъ плачетъ, благословляетъ и молится о тебѣ. Узнаешь ли ты ихъ? Помнишь ли, когда ты однажды и во впервые грустила о своей жизни? Помнишь ли то розовое письмо, которое убѣждало тебя, что мужъ твой тебя обманываетъ, что онъ предпочитаетъ тебѣ жалкую, презрѣнную женщину, что ей посвящены все его минуты, а тебѣ и дѣтямъ остается на долю лишь упреки, досада и презрѣніе; помнишь, какъ ясно тебѣ было, что мужъ забываетъ тебя; друзья твои, знакомые говорили тебѣ, что онъ не только не скрываетъ своего поведенія, но явно предъ всѣми старается унижить тебя. Помнишь, въ эту минуту явился предъ тобою прекрасный молодой человѣкъ, робкій, смиренный, но съ свѣтлымъ умомъ, съ пламеннымъ сердцемъ; дѣйственная слава уже осыпала благородное чело его; онъ преклонилъ предъ тобой колѣно, онъ заговорилъ тебѣ о

любви... о! и знаю, любовь его была искренна и все, что не было в ней преступленіе, было свято и непорочно. Онъ зналъ твою жизнь, глубоко сострадалъ онъ тебя, онъ хотѣлъ освободить тебя отъ презрѣнныхъ цѣпей, унести тебя въ міръ чудный, тебѣ до того еще неизвѣстный. Съ самоотверженіемъ онъ хотѣлъ отдать тебѣ въ жертву всѣ сопряжѣнныя высокой души своей, открыть тебя дыханіемъ любви и вѣзін, посвятить тебя въ таинства наслажденій, знаемыхъ немощными; душа его вырывалась въ словахъ, во взорахъ, въ каждомъ движеніи, и магически на тебя дѣйствовала; ты знала, ты вѣрила, что онъ не обманетъ тебя, ты жалѣла о немъ, ты невольно трепетала... о какъ боялся я тогда за тебя!... все было въ твою пользу: и мнѣніе свѣта и мнѣніе родныхъ; твой бракъ съ недостойнымъ человекомъ могъ быть разрушенъ, долгіе счастливые дни могли быть твоими удѣломъ, всѣ бы оправдали тебя... но ты осталась непримонна, чиста, непорочна!

Долго длилась любовь его, ни твоя холодность, ни гнѣвъ, ни досажденія, не могли отклонить его отъ тебя; онъ страдалъ, страдалъ невыносимо, исчезла для него прелесть жизни — ты это знала, ты жалѣла о немъ и осталась чиста и непорочна!

Помнишь ли, однажды, вечеромъ, дѣти твои спали, вужъ твой въ объятіяхъ недостойной прелестницы... ты сидѣла одна, вѣтеръ вѣлъ и наводилъ на тебя невыразимое уныніе; тебѣ было очень грустно; ты вспоминала всю протекшую жизнь и съ ужасомъ видѣла, что ты была одна, всегда одна; не было отзыва на твое сердце, жаждущее любви, не было даже отвѣтной

мысли на твою мысль. Печально ты вспоинала о прошедшемъ, еще печальнѣе смотрѣла на будущее. Тогда неволью представлялся твоему воображенію молодой человекъ, однихъ съ тобою лѣтъ, умный, добрый, положившій къ ногамъ твоимъ всю душу свою. Горькое, трудное было въ тебѣ бореніе... въ эту самую минуту онъ явился предъ тобою; печать долгаго, глубокаго страданія была на лицѣ его, рука его была холодна, она судорожно пожала твою руку и какъ огненные искры посыпались по твоему тѣлу — о, какъ я трепеталъ тогда за тебя!...

Ты смотрѣла на него, ты любовалась его прекраснымъ лицомъ, которое возвысилось еще красотою страданія... онъ говорилъ мало, но слова его прожигали тебѣ, ты упрекала себя въ его терзаніяхъ — о какъ трепеталъ я тогда за тебя! Я не могъ проникнуть, что происходило въ твоемъ сердцѣ, въ этомъ тайникѣ, котораго глубины никто не можетъ измѣрить; тамъ все волновалось; чувства, мысли, быстрѣе молніи смѣнялись одно другимъ, то была недостижимая земля въ первую минуту мірозданія!... я видѣлъ одно, что ты терзалась, какъ только можетъ терзаться душа человека — я трепеталъ, я скорбѣлъ о тебѣ... но какъ былъ я удивленъ, когда замѣтилъ, что мало по малу улеглся въ тебѣ буйныя страсти; ты начала другой разговоръ, съ мудростію змѣною ты дала другое направленіе его и своимъ мыслямъ, и что же? ты стала говорить о твоихъ болѣзняхъ, о твоихъ тѣлесныхъ недостаткахъ, ты съ намѣреніемъ старалась имъ дать видъ самый безобразный, представить ихъ неизлѣчимыми, — отвратитель-

ными!!... Съ удивленіемъ, радостію и горемъ я смотрѣлъ на чудный подвигъ, который ты совершала. Гдѣ другая женщина, которая бы рѣшилась на это? Для внуки Евы ничто не страшно, ни гнѣвъ, ни презрѣніе — все перенесетъ она, но отвергнуться тѣлесной красоты своей, но волею возбудить отвращеніе даже въ посто-роннемъ — о, это былъ подвигъ великій и я тщательно внесъ его въ скрижалъ твоей жизни. Ты не ошиблась въ твоей цѣли, ты разочаровала молодого человѣка... горько и прискорбно тебѣ было, что въ ту минуту, когда онъ увлекался къ тебѣ прежними порывами любви, воспоминаніе о твоёмъ странномъ разсказѣ произво-дило въ немъ невольное содраганіе и пламенная рѣчь застывала на языкѣ его.

Этого мало: прошло долгое время, ты захотѣла за-мѣнить ему себя другою, ты познакомила его съ моло-дою дѣвушкою, старалась ихъ сблизить и едва замѣ-тила затеплившуюся любовь ихъ, какъ ревность истер-зала тебя; молодой человѣкъ показался тебѣ еще пре-лестнѣе, твое одиночество еще грустнѣе; все: и жен-ское тщеславіе, и говоръ свѣта, и мысль о мрачномъ одиночествѣ, и досада, и зависть, жгучими язвами пада-ли на твое сердце, но ты, чистая, непостижная, ты все превозмогла! все нерегорѣло въ твоёмъ горнилѣ, оста-лось одно непорочное милосердіе къ ближнему! ты бережно воспитала враждебную тебѣ любовь, ты оживля-ла, укрѣпляла ее, не день и не два, но цѣлые годы!... и ты достигла своей цѣли: онъ совершенно разлюбилъ тебя смертною любовью, онъ привязался душою къ из-бранной тобою соперницѣ, ты сочела ихъ бракомъ,

они счастливы, у нихъ дѣти, онъ исполнилъ все, что обѣщало его благородное сердце, но исполнилъ для другой, не для тебя; а ты осталась по прежнему одна, безъ отрады, безъ утешенія, безъ надежды на земное счастье, съ мыслью, что человекъ, тебя любившій, не можетъ вспомнить о тебѣ безъ благодарности, но и — и безъ отвращенія!... и ни на чьемъ лицѣ ты не встрѣтила благодарнаго удивленія! никто кромѣ меня не зналъ о благомъ твоёмъ дѣлѣ. —

«Все такъ» отвѣчала душа, («но всѣ мои терзанія были лишь скорбю о моей собственной жизни... въ далекой глубинѣ сердца... самоотверженія не было, я... я... я не любила его...»)

— Кто разгадаетъ тебя, чудная душа человека! — Наступила другая эпоха твоей жизни: твои дѣти выросли, ты любила ихъ всѣхъ равно, всѣхъ равно лелѣла, — но старшій сынъ твой невольно чаще другихъ привлекалъ твои взоры, ты въ немъ видѣла отца своимъ дѣтямъ и тщательно берегла его сердце отъ нечистыхъ чувствъ, его умъ отъ нечистыхъ помысловъ. — Разъ, собравшись съ силами, какъ завѣтную тайну ты передала ему жизнь твоего мужа, не для того, чтобы онъ пересталъ уважать его, но чтобы примѣръ отца служилъ ему урокомъ; ты раскрыла юношѣ все свое сердце, не утаила предъ нимъ неизглаголаныхъ страданій твоей жизни, ты вѣрилась чистотѣ и пламени юношескаго сердца... о! какъ ты жестоко обманулась! то, что ты рассказала своему сыну, лишь возбудило въ немъ чувственные помыслы; примѣръ отца сдѣлался для него не урокомъ, но образцемъ; погрязшій въ без-

днѣ неистовыхъ страстей, онъ предалъ тебя, онъ разсказалъ отцу твою завѣтныя, сердечныя тайбы; этого мало, онъ забылъ тебя, онъ провождалъ цѣлые дни въ сообществѣ твоей недостойной соперницы, оправдывалъ ее и обвинялъ тебя... велико было твое горе! обидныя рѣчи сына доходили до ушей твоихъ! о! какъ я трепетала тогда за тебя! Каждую минуту я ожидалъ, что ты отвергнешь, что ты проклянешь его навѣки — —, но ты съ кротостію перенесла все: и обиду сына, и упрёки мужа, ихъ обоихъ ты старалась смягчить своею любовію, до той минуты, когда сынъ съ рыданіемъ бросился въ твои объятія. И ты простила ему, ты все забыла. Высока и торжественна была эта минута въ твоей жизни! —

«Все такъ,» отвѣчала душа, «но я знала нравъ моего сына, я знала, что упрёки еще болѣе раздражать и удалить его отъ меня, я знала, что смирю его одною любовію и — сказать ли? въ глубинѣ моего сердца таилось другое чувство: мнѣ бы досадно было, еслибъ люди заговорили, что я не умѣла привязать къ себѣ своего сына, что онъ отвергнулся отъ меня.»

Геній задумался.

— Но мужъ твой, мужъ! — продолжалъ онъ — до самаго конца жизни ты сохранила покорность и уваженіе къ своему мужу! довольно было одного его слова, и ты исполняла всѣ его, часто своенравныя, желанія, безъ ропота, безъ тѣни неудовольствія. —

«Такъ! но я знала и нравъ моего мужа, онъ былъ сумазбродъ и настаивалъ только на томъ, въ чемъ ему препятствовали; самое горячее изъ его желаній теря-

ло для него всю прелесть, какъ скоро оно могло быть исполнено; я это знала, покорность моя его обезоруживала и убивала его своеправіе; легкомысленный, онъ забывалъ собственныя желанія и... оставалось мѣсто для исполненія моихъ; всегда онъ думалъ, что дѣйствуетъ по своей волѣ, но въ самомъ дѣлѣ... всегда дѣйствовалъ по моей...»

— И ничто, ни его жизнь, ни грубое обращеніе, ничто не поколебало тебя; никто даже изъ лучшихъ друзей твоихъ не слышалъ отъ тебя ни тѣни жалобы, напротивъ, ты въ сердцѣ своемъ и на языкѣ всегда находила оправданіе его поступкамъ... —

«Такъ, но въ глубинѣ сердца я чувствовала, что ничто не возбуждаетъ столько людскаго участія какъ молчаливое страданіе: жалобы на мужа не облегчили бы моего сердца, тогда какъ льстиво моей гордости постоянно возбуждаютъ людское сожалѣніе! Кто роншетъ, тотъ въ половину утѣшенъ, — людямъ уже почти не нужно утѣшать его; для меня же ихъ участіе, ихъ удивленіе... были неистощимы — я это знала.»

— Сверхъ твоего мужа ты имѣла враговъ, ты имъ прощала, ты не роптала, ты старалась, напротивъ, оказывать имъ услуги. —

«Но это былъ лучшій способъ не имѣть враговъ...»

— Ты не была предана грѣху порицанія; никогда, ни въ свѣтѣ, ни въ дружеской бесѣдѣ, ни на письмѣ, ни словомъ, ни взоромъ, ты не осуждала никого, ни ближнихъ, ни постороннихъ, ни сильныхъ, ни слабыхъ; для всякаго проступка ты находила оправданіе, для всякой вины прощеніе. —

«Такъ, но тайная мысль говорила мнѣ, что иногда одно неосторожное слово можетъ отозваться въ продолженіи жизни и сотворить намъ врага непримиримаго; эта же мысль говорила мнѣ, что иногда существо самое незамѣтное можетъ причинить намъ много вреда, тѣмъ болѣе опаснаго, что оно неожиданно.»

Геній снова задумался.

Между тѣмъ душа съ робостію поглядывая въ страшную бездну, отдѣлявшую ее отъ райскихъ селеній, съ восторгомъ замѣчала, что съ каждымъ словомъ генія грѣховныя обители мало по малу исчезали; наконецъ, въ недосыгаемой глубинѣ, отъ страшной бездны осталась лишь одна непримѣтная черная точка.

Геній, радостно улыбаясь, снова обратился къ душѣ:

— Не унывай! сказалъ онъ, вспомни все доброе, оставленное тобою на землѣ, вспомни, что не было страданія, котораго бы ты не утѣшила; не докукою вымалывалась твоя милостыня, ты сама отыскивала вдовъ, сиротъ, немощныхъ, заключенныхъ, ты дѣлалась всѣмъ, что имѣла, дѣлалась послѣдней крохою; — я знаю, ты благотворила не изъ тщеславія, не только свѣтъ, но сами снисканныя тобою не знали твоего имени: ты скрывала свои добрыя дѣла съ такимъ же стараніемъ, какъ другіе скрываютъ самые злые проступки... Въ семь дѣлъ ты не могла имѣть никакихъ корыстныхъ побужденій, ибо одинъ я зналъ все доброе, сотворенное тобою втайнѣ. —

Душа умолкла, въ радостномъ трепетѣ она взглянула еще разъ на непримѣтное пятнышко, которое одно мелькало въ свѣтломъ, безконечномъ пространствѣ, и въ

самозабвении потянулась къ отвореннымъ кристалльнымъ вратамъ...

Но въ сіе мгновеніе раздался громовый голосъ:

«Рано, рано!» проговорилъ онъ съ кокетомъ, «еще остались на тебѣ слѣды земнаго праха, и смертная слѣпота еще не спала съ очей твоихъ. Усердно отыскивала ты, душа правдивая, грѣхи свои въ глубинѣ сердечной, но ты забыла одинъ, самый тяжкій: *гордость смиренія!*»

И непримѣтная точка разраслась въ мрачную, неизмѣримую бездну, заклокотало черное пламя, геній потушилъ очи, кристаллыя врата затворились...

ПЕКИНСКОЕ ДВОРЦОВОЕ ПРАВЛЕНИЕ.

Иск. Дворц. Правл.

Пекинское Дворцовое Правленіе на китайскомъ языкѣ называется *Нэй-ву-фу*, что отъ слова до слова значить: Правленіе дворцовыхъ дѣлъ. Оно составлено изъ Присутствія, Канцеляріи и шести отдѣленій.

1. Составъ Присутствія.

Въ Дворцовомъ Правленіи присутствуютъ члены подъ названіемъ Главноуправляющихъ, которые непосредственно назначаются Государемъ — въ неопредѣленномъ числѣ. Они завѣдываютъ тремя Дворцовыми знаменами, изъ коихъ состоитъ придворный штатъ, и управляютъ всѣми дворцовыми дѣлами — независимо отъ шести Государственныхъ Министерствъ, называемыхъ Палатами.

Главноуправляющіе, сверхъ общаго управленія дворцовыми дѣлами, исправляютъ еще разныя личныя обязанности, какъ то:

- а) Одинъ изъ Членовъ Правленія долженъ пред-

шествовать Государю, когда онъ лично приноситъ жертву въ Домашнемъ храмѣ предкамъ.

б) Одинъ изъ Членовъ Правленія долженъ сопровождать Государя, когда онъ входитъ въ каплице какое либо для поклоненія.

в) Одинъ изъ Членовъ Правленія, въ первый день новаго года, предъ приходомъ Государя въ Шаманскій храмъ для поклоненія, предварительно развѣшиваетъ тамъ бумажныя монеты.

г) Весною и осенью Члены Правленія приносятъ жертву Духу дракона — одинъ въ Хэ-лунь-тхань, другой на горѣ Юй-цюань-шань, третій при озерѣ Кхунь-минь-ху*).

д) Ежегодно весною и осенью одинъ изъ Членовъ приноситъ жертву Духу — покровителю лошадей.

е) За два дни до жертвоприношенія Изобрѣтательницъ шелководья, одинъ изъ Членовъ Правленія приносятъ во дворецъ Императрицы мѣдный истуканъ, съ таблицею поста, а за день осматриваетъ жертвенные сосуды и представляетъ крюки и корзины для сбора тутоваго листа.

ж) Въ день рожденія Императрицы, также въ новый годъ, Члены Правленія, съ чиновниками своего ведомства, приносятъ Государынѣ поздравленіе за воротами Нэй-ю-мынь.

з) При выѣздѣ Императрицы и побочныхъ Государевыхъ супруговъ, одинъ изъ Членовъ долженъ сопровождать ихъ въ пути.

*) Въ окрестностяхъ Пекина.

и) При женитьбѣ царевича и выдачѣ царевны, одинъ изъ Членовъ долженъ распорядить свадебными обрядами.

і) Одинъ изъ Членовъ обязанъ ежедневно быть въ дежурствѣ при Государѣ.

II. Составъ Канцеляріи и предметы ея.

Канцелярію Дворцоваго Правленія составляютъ Писатель дѣлъ, четыре секретаря, и 64 письмоводителей изъ переводчиковъ. Въ Канцеляріи занимаются только исправленіемъ письменныхъ дѣлъ по Присутствію, и наблюденіемъ, чтобы всѣ дѣла по отдѣленіямъ исправляемы были въ сроки, закономъ опредѣленные.

III. Составъ Отдѣленій и распределеніе предметовъ ихъ.

Въ Дворцовомъ Правленіи находится шесть отдѣленій: Казначейское, Промысловое, Обрядовое, Хозяйственное, Пастбищное и Судное. Число членовъ по отдѣленіямъ неопредѣленно.

1. КАЗНАЧЕЙСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Казначейское Отдѣленіе завѣдуетъ приѣмомъ и выдачею серебра (денегъ) и разныхъ вещей, принадлежащихъ Кабинету.

Приемъ поступающихъ во дворецъ суммъ и вещей, равно и выдача оныхъ, вносятся въ приходорасходныя книги. Вѣдомости прихода и расхода ежемѣсячно подаются Государю, и два раза въ мѣсяцъ посылаются въ Прокурорскій Приказъ для обревизованія.

Для содержанія Двора опредѣлены извѣстные доходы, заключающіеся въ золотѣ, серебрѣ и разныхъ вещахъ.

Количество золота, поступающего въ Кабинетъ, ежегодно измѣняется, и зависитъ отъ изобилія сего металла въ присскахъ. Въ 1806 году оно простиралось до $2\frac{3}{10}$ пудовъ.

Ежегодные доходы серебромъ суть постоянны, и заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

	<i>Ланы.</i>
Изъ соляныхъ доходовъ губерніи Чжй-ли . . .	80,000
Изъ соляныхъ доходовъ въ Лянь-хуай	760,000
Изъ соляныхъ доходовъ въ губерніи Чже- цзянь	100,000
Изъ Чже-цзянь акцизнаго сбора съ чаевъ . . .	5,000
Изъ Шань-дунъ остаточныхъ отъ годовыхъ государственныхъ расходовъ	8,000
Изъ податнаго сбора съ арендныхъ старостъ	80,000
Изъ податнаго сбора съ арендныхъ старостъ трехъ высшихъ знаменъ	10,000
Изъ податнаго сбора съ дворцовыхъ садов- никовъ	9,000
Изъ податнаго сбора съ дворцовыхъ скот- никовъ	4,000
	Всего 1,056,000

Ежегодные доходы вещами заключаются въ слѣдующихъ положительныхъ статьяхъ:

- 140 гиновъ корня жинь-шень изъ Маньчжуріи,
- 5000 гиновъ соболей съ Асура,
- 3000 соболей изъ Гиринь,
- 4000 соболей изъ Урянхая,*)

*) Съ Саянскихъ горъ.

При недостаткѣ въ соболяхъ дозволяется за оныя брать волками, лисицами, рысами и бѣлкой.

3100 гинновъ хлопчатой бумаги съ дворцовыхъ плантажей около Пекина.

3504 конца тонкой китайки изъ Маньчжуріи. Оттуда же

4072 гина бумажной пряжи.

3000 концовъ холста изъ Кореи. - Оттуда же

40000 листовъ писчей бумаги 1-го разбора.

60000 листовъ писчей бумаги 2-го разбора.

10000 листовъ писчей бумаги 3-го разбора.

10 связокъ промасленной бумаги.

6200 гинновъ индиго съ дворцовыхъ крестьянъ.

400 бакчей чаю изъ Лу-ань-чжеу.

въ Бакчѣ 18 ланъ.

128 коробковъ чаю изъ Чжэ-цзянъ.

въ коробкѣ 8 бакчей.

147 связокъ большого ковыля изъ Монголіи.

въ связкѣ 4 гина.

1000 зеренъ восточнаго жемчуга изъ Маньчжуріи.

Сверхъ сего въ Дворцовое Казначейство поступаютъ разныя мѣстные произведенія, отъ Начальниковъ губерній присылаемыя, и все привозимое въ дань какъ отъ вассаловъ, такъ и отъ иностранныхъ Государей.

Казначейское Отдѣленіе доставляетъ лицамъ царской фамиліи всѣ вещи, потребныя на построение отдѣленія: сверхъ сего помѣсячно выдаетъ чай, руководствуясь въ количествѣ и качествѣ штатнымъ для каждаго лица положеніемъ.

Казначейское Отдѣленіе, по случаю женитьбы ца-

ревича, изготовляетъ одѣяніе и разныя вещи въ подарки невѣстѣ и родственникамъ ея. Такимъ же образомъ поступаетъ и при выдачѣ царевны. При рожденіи царевича или царевны, оно изготовляетъ одѣяніе, пеленки, постельну съ приборомъ, люльку и разныя мѣдныя, оловянныя и фарфоровыя вещи; а когда минетъ годъ, то изготовляетъ золотую ложечку, серебряный судокъ и разныя дѣтскія игрушки. Все это производится сообразно съ предписанными законами.

Для производства работъ при Дворѣ находятся разныя художники, какъ то:

167 мастеровъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ.

107 мѣдниковъ.

56 красильщиковъ.

319 портныхъ.

220 женскихъ портныхъ.

32 цѣточника.

183 скорняка.

Лучшіе мастера получаютъ по два, средніе по $1\frac{1}{2}$, обыкновенные по одному лану серебра въ мѣсяць, и сверхъ сего назенное содержаніе. — Вновь принятые мастера въ первый годъ считаются учениками, во второй подмастерьями, а послѣ сего настоящими работниками. Въ числѣ штатныхъ работниковъ бываютъ и вольнонаемные, которые получаютъ около 150 чоховъ заработной платы.

Для женскихъ рукодѣлій во дворцѣ Императрицы находятся мастерицы изъ женщинъ, какъ то:

20 шляпныхъ мастерицъ изъ монгольскихъ дивизій.

Каждая изъ нихъ получаетъ казенный обѣдъ и по три лана серебра въ мѣсяцъ на проѣздъ.

486 портнихъ;

480 башмачницъ и чулочницъ;

70 швей, вышивающихъ поясные кониельки гладью;

66 швей, вышивающихъ шелками;

54 швей, дѣлающихъ свадебныя подушки;

40 швей, стегающихъ подкладку для латъ;

6 мастерницъ для камыщенихъ плетешковъ.

Каждая мастерница получаетъ по 25 чоховъ въ день за работу.

Въ вѣдомствѣ Казначейскаго отдѣленія находится шесть кладовыхъ, какъ то:

1. Кладовая съ серебромъ;

2. Кладовая съ мягкой рухлядью;

3. Кладовая съ фарфоромъ;

4. Кладовая съ шелковыми тканями;

5. Кладовая съ одеждою;

6. Кладовая съ чаемъ.

Въ кладовой съ серебромъ хранится золото, серебро, жемчугъ, нефритъ, дорогія каменья и разныя полупрозрачныя каменья кремнистой породы.

Въ кладовой съ мягкой рухлядью хранятся, соболи, лисицы, рыси, выдры, горностаи, мерлушка; также тонкія сукна, байки, камлоты, слоновій зубъ, носороговы рога, тонкія цыновки. Мягкую рухлядь, оставшуюся за потребленіемъ, дозволяется продавать чиновникамъ, служащимъ при Дворѣ. Сотня соболей перваго разряда оцѣнивается во 140, втораго разряда во 120, третьяго разряда въ 90 ланъ серебра. Волчьи кожи,

лисица и бѣлка для продажи отсылаются къ Директорамъ шелковыхъ фабрикъ въ Хянь-чжеу, Сү-чжеу и Цзянъ-нинъ-фу. Волчья кожа оцѣнивается въ $1\frac{2}{10}$ лана, лисица въ 8 чиновъ, бѣлка въ 8 долей.

Въ кладовой съ фарфоромъ хранятся разная фарфоровая, мѣдная и оловянная посуда.

Въ кладовой съ шелковыми тканями хранятся разные шелковые и бумажные ткани.

Въ кладовой съ одеждою хранятся царскія и разные другія одежды, также стеганыя на ватѣ латы Осми знаменъ.

Въ кладовой съ чаемъ хранятся: живъ-шень, чай, курительныя вещества, писчая бумага, краски и тѣмной шелкъ. — Хорошій живъ-шень отбирается и дѣлится на пять разрядовъ. Крупный живъ-шень и корешки первыхъ четырехъ разрядовъ передаются во внутренній дворецъ для храненія, а корешки пятого разряда, также живъ-шень дробный и вымоченный, который снова дѣлится на разряды 1, 2, 3 и $3\frac{1}{2}$, Государь дозволяетъ покупать Князьямъ и разнымъ чиновникамъ, служащимъ при Дворѣ, но цѣнамъ, опредѣленнымъ въ Дворцовомъ Иравленіи. Часть изъ сихъ корней отдѣляется на награды; а оставшееся за потребленіемъ отсылается Солянному Приставу въ Лянъ-хуай для продажи. Ланъ корня 4-го разряда оцѣнивается въ 400, *) ланъ 5-го разряда въ 300, ланъ дробнаго во 150, ланъ мелкаго во 100 ланъ серебра.

*) Т. е. въ 400 кратъ дороже чистаго серебра, а въ 28 кратъ дороже золота.

Въ вѣдомствѣ Казначейскаго отдѣленія находится ткацкая контора, завѣдывающая изготовленіемъ тканей и шитыхъ вещей.

Контора, основываясь на расчисленіи, сколько нужно шелка на ткани для годоваго потребленія, требуетъ оный отъ Директоровъ мануфактуръ въ Хань-чжеу и пр. Что касается до красокъ, то контора, за недостаткомъ собственныхъ, требуетъ изъ Казначейскаго отдѣленія серебра на покупку оныхъ. Для тканья при Конторѣ находится 70 ткачей изъ вольнонаемныхъ, получающихъ плату серебромъ и рисомъ.

Шелкъ для тканей отпускается въ расчисленномъ количествѣ. Для основы разноцвѣтнаго штофа потребно 13,200 волоконъ; работникъ въ день можетъ соткать $1\frac{3}{10}$ футъ. На основу пятиволоконнаго гладкаго атласа потребно 9,350 волоконъ; работникъ въ день можетъ соткать $1\frac{3}{10}$ футъ. Симъ образомъ исчислены и матеріалы и работа всѣхъ другихъ шелковыхъ тканей. Ткани, шириною въ $2\frac{2}{10}$ фута, на кафтанъ потребно $27\frac{4}{10}$ футовъ; ткани, шириною въ $2\frac{7}{10}$ фута, на курму потребно $15\frac{2}{10}$ футовъ. На кафтанъ и курму дорожные менѣе требуется. Матеріалъ на кафтанъ изъ осьмиволоконнаго атласа вѣситъ 3 гина и $1\frac{2}{10}$ ланъ; матеріалъ на курму вѣситъ 1 гинъ и $10\frac{2}{10}$ ланъ. Симъ образомъ расчислены мѣра и вѣсъ всѣхъ другихъ тканей, даже плетешковъ и спурковъ.*)

*) Матеріалы на кафтанъ и курму дѣлятся на три покроя: большой, средній и малый. Въ описаніи большой покроей поставлены.

2. ПРОМЫСЛОВОЕ ОТДѢЛЕНИЕ.

Промысловое Отдѣленіе завѣдываетъ:

а) Выборами чиновниковъ, служащихъ при Дворѣ, и повѣркою суммъ, употребляемыхъ на жалованье, награды и пособия; и

б) хозяйственными сборами.

Жалованье дворцовымъ чиновникамъ производится полугодично, а солдатамъ, мастеровымъ и служителямъ помѣсячно. Предъ новымъ годомъ офицерамъ и солдатамъ выдается денежная награда, на что издерживается 10,000 ланъ серебра. Бѣднымъ офицерамъ и солдатамъ трехъ знаменъ производится денежная ссуда изъ казны; офицеру до 30, унтеръ-офицеру до 20, рядовому до 15 ланъ серебра. Въ уплату у первыхъ ежемѣсячно вычитается по одному лану, у вторыхъ по шести, у послѣднихъ по три чина серебра и полпроцента съ полной суммы.

По рѣкѣ Гиринь-ула поселены промышленники жемчуга. Они раздѣляются на солдатъ изъ высшихъ трехъ и низшихъ пяти знаменъ. Первые обязаны свои промыслы представлять ко Двору, а послѣдніе Князьямъ. Тридцать рядовыхъ составляютъ артель; въ каждой артели поставляется староста и подстароста. Въ высшихъ трехъ знаменахъ считается 65 артелей, изъ коихъ 59 занимаются ловлею жемчужныхъ раковинъ, и добываніемъ кедровыхъ шишекъ и меда, а шесть артелей ловлею рыбы. Въ низшихъ пяти знаменахъ, считается 45 артелей, изъ коихъ 35 занимаются жемчужною, а десять рыбною ловлею. Старосты получаютъ жалованья въ мѣяць по два, подстаросты $1\frac{1}{2}$, рядовые по

одному лану серебра. Каждая артель трехъ высшихъ знаменъ, въ теченіи лѣта, должна представить 16 жемчужинъ; а всѣ вообще 5000 гиновъ меду, 1000 кедровыхъ шишекъ, 45 мѣшковъ кедровыхъ орѣховъ. На количество рыбы нѣтъ положенія.

Еще находятся промышленники изъ крестьянъ, которые также обязаны ежегодно представлять Двору свои промыслы въ известномъ количествѣ. Сии промышленники имѣютъ названія по промысламъ, какъ то: помытчики, пчельники, рыбаки и проч. Они разделяются на старыхъ и новыхъ, и живутъ какъ внутри, такъ и внѣ Китая, отъ Великой стѣны на сѣверъ. Число старыхъ промышленниковъ простирается до 964, а новыхъ до 1116 человекъ. Каждому изъ нихъ дается шесть му казенной пахатной земли; за которую обязаны вносить оброкъ серебромъ; но вмѣсто серебра каждый доставляетъ Двору то, что онъ производитъ изъ вѣстныхъ произведеній, какъ то: сиговъ, фазановъ, оленей, вяленую оленину, лисицъ, рѣчныхъ бобровъ, медъ, кабановъ и вороновы крылья. Каждый представляетъ вещи своего промысла въ количествѣ, определенномъ законами, какъ то: фазановъ каждый по сту, оленей по два, меду отъ 40 до 50 гиновъ, лисицъ по четыре, кабановъ по два, вяленой оленины по 90 связокъ, рѣчныхъ бобровъ по четыре, вороновыхъ крыльевъ по 15 паръ, сиговъ по 50 штукъ; разной рыбы 500 гиновъ.

3. ОБРЯДОВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Обрядовое Отдѣленіе завѣдываетъ:

- а) Жертвоприношеніями, совершаемыми при Дворѣ;
- б) Службою евнуховъ, и

в) повѣркою сборовъ съ плодовыхъ садовъ.

Изъ жертвоприношеній, совершаемыхъ при Дворѣ, шаманское богослуженіе занимаетъ первое мѣсто. Оно совершается шаманками во дворцѣ Императрицы, и раздѣляется на ежедневное и мѣсячное. Ежедневное совершается дважды въ день, по утру и въ вечеру; мѣсячное въ 1-ой день каждаго мѣсяца; а на другой день послѣ сего жертвоприношенія приносятъ жертву Небу. Обряды шаманскаго богослуженія подробно описаны въ сочиненіи подъ названіемъ *Китай*. См. стран. 315 и сл.

Въ Дворцовой крѣпости есть домашній храмъ предкамъ, называемый *Фынъ-сянь-дянь*. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій — передняго и задняго, соединенныхъ между собою. Государь ежегодно, въ день своего рожденія, въ новый годъ, въ зимній поворотъ и въ торжественные случаи при Дворѣ, лично приносить въ сей храмъ жертву покойнымъ Государямъ и Государынямъ настоящей династии — въ переднемъ отдѣленіи; въ дни рожденія и кончины покойныхъ Государей и Государынь, также въ 15-ой день перваго мѣсяца, въ перемѣны, называемыя *Цинъ-минъ* и наденіе ивеля и на канунъ новаго года, онъ совершаетъ поклоненіе въ заднемъ отдѣленіи, съ предложеніемъ обычныхъ приношеній.

Еще въ дворцовой крѣпости находится портретный храмъ, по китайски называемый *Шеу-хуанъ-дянь*, въ которомъ совершается поклоненіе портретамъ покойныхъ Государей царствующей династии. Сей храмъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: средняго и двухъ боко-

выхъ. Въ среднемъ отдѣленіи поставленъ портретъ Жинь-ди, Государя правленія Кхънъ-си; въ восточномъ боковомъ портретъ Сянь-ди, Государя правленія Юнь-чжень; въ западномъ портретъ Шунь-ди, Государя правленія Цянь-лунъ. Ежедневно передъ портретами ставятъ столъ съ хлѣбцами: но въ дни ихъ рожденія и кончины, также въ 1-ое и 15-ое числа каждаго мѣсяца предлагаются еще вино, сушенныя мяса и плоды, ставятся курильницы и подсвѣчники. Государь, при поклоненіи, троекратно возжигаетъ куренія, и троекратно совершаетъ колѣнопрсклоненіе съ девятью поклонами въ землю.

Въ дворцовой крѣпости находятся капища, для приношенія жертвъ разнымъ духамъ, какъ то:

1) *Нинъ-хо-міао* въ восточной части дворцовой крѣпости. Здѣсь, въ день рожденія Государева и въ третій день послѣ осенняго равноденствія, приносятъ жертву Духу облаковъ, именуемому *Юнь-ши-шень*.

2) *Сюань-жень-міао* въ сѣверовосточномъ углу дворцовой крѣпости. Здѣсь, въ день рожденія Государева и послѣ перемѣны, называемой началомъ весны, въ день, подъ названіемъ *Чэу*, въ переднемъ храмѣ приносятъ жертву Духу вѣтровъ, называемому *Фынъ-бо*, а въ заднемъ Духамъ осьми вѣтровъ *Бна-фынь-шень*.

3) *Чжао-силь-міао* отъ дворцовой крѣпости на западъ. Здѣсь, въ день рожденія Государева, послѣ перемѣны, — называемой пачаломъ лѣта — въ день, подъ названіемъ *шень* и въ 24-ой день шестаго мѣсяца, приносятъ жертву Духу громовъ, называемому *Лэй-шы*.

4) *Шы-инъ-гуиъ* въ сѣверовосточномъ углу дворцо-

вой крѣпости. Здѣсь приносятъ жертву въ переднемъ храмѣ Духамъ драконовъ четырехъ большихъ рѣкъ въ Китаѣ, въ среднемъ Духамъ драконовъ въ столичномъ округѣ, въ заднемъ Духамъ драконовъ осьми странъ.

5) *Ченъ-хуань-міао* въ сѣверозападномъ углу дворцовой крѣпости. Здѣсь поклоняются Духу-покровителю дворцовой крѣпости, называемому *Ченъ-хуань*.

6) *Юнь-ю-міао* въ Императорскомъ городѣ внутри воротъ Си-аль-мынь. Здѣсь поклоняются Духу-покровителю Императорскаго города, въ день Государева рожденія и осенью.

7) *Му-шенъ-міао*, небольшой храмъ Духу дерева за восточными боковыми воротами Пекина, въ мѣстечкѣ Шень-му-чанъ. Здѣсь приносятъ помянутому Духу жертву дважды въ году — весной и осенью. Желаящему узнать сіе обстоятельство совтую справиться въ описаніи Пекина на стран. 104. Въ Пекинѣ еще находится 30 капищъ, которыя получаютъ отъ Двора денежныя вклады на свѣчи, куренія и плоды для предложенія.

Обрядовое Отдѣленіе завѣдываетъ опредѣленіемъ и отрѣшеніемъ духовныхъ начальниковъ въ Правленіи Хошановъ и въ Правленіи Дэосовъ. (Помянутыя Правленія находятся въ столицѣ.)

Обрядовое Отдѣленіе завѣдываетъ распоряженіями:

- а) Когда Государыня приносятъ жертву Изобрѣтательницѣ шелководствія;
- б) Когда она послѣ жертвоприношенія срываетъ туювые листья;
- в) Когда она подноситъ Государю первые коконы;

в) Когда Государь въ новый годъ принимаетъ поздравленіе отъ Государыни и побочныхъ супругъ;

д) Когда Государыня, послѣ поздравленія, сдѣланнаго Государю, принимаетъ подобное же поздравленіе отъ побочныхъ супругъ и царевенъ. (Всѣ вышеупомянутыя церемоніи описаны въ книгѣ *Китай*, изданной въ 1840 году.)

Обрядовое отдѣленіе составляетъ церемоніалы и чертежи всѣхъ придворныхъ пиришествъ, исключая даваемыхъ въ Троицкой Гхай-хо-дзянь, о которыхъ Палата обрядовъ представляетъ Государю.

Когда, по прошествіи десяти лѣтъ, составляютъ новую царскую родословную, то Обрядовое Отдѣленіе съ утвержденія Государева, требуетъ отъ главнаго евнуха свѣдѣній о царевичахъ, царскихъ внукахъ, царенкахъ и княжнахъ; еще не внесенныхъ въ обдую родословную, и препровождаетъ въ Княжеское Правленіе.

По случаю кончины Государя или Государыни, Обрядовое Отдѣленіе предварительно сообщаетъ въ Обрядовую Палату о учиненіи справокъ о церемоніалахъ, въ Строительную Палату о приготовленіи нужныхъ вещей, въ Военную Палату о распорядженіи карауловъ. Всѣ прочія распоряженія, по сему случаю, производятся въ Церемоніальномъ Отдѣленіи.

При Дворѣ есть Евнушеская Контора, называемая *Цзинь-ши-фань*, состоящая въ вѣдомствѣ Дворцоваго Правленія. Въ сей Конторѣ присутствуютъ Начальствующій Евнухъ и Смотрители дворцовъ. Они заведываютъ всѣми дѣлами во внутренности дворца, и на все испрашиваютъ утвержденія Государева. Получивъ бу-

маги изъ Дворцоваго Правленія, дѣлають исполненіе по онымъ, руководствуясь особливимъ Дворцовымъ уложеніемъ. Въ Отдѣленіи по сему предмету опредѣлены изъ евнуховъ два классные старшинны, четыре простыхъ старосты и 60 евнуховъ. Черезъ нихъ Дворцовое Правленіе имѣеть сношеніе съ Евнушескою Конторою о промшествахъ во внутреннемъ дворцѣ, (въ которомъ живетъ Императрица).

Во внутреннемъ дворцѣ находятся двѣ капеллы музыкантовъ: большая и малая. Онѣ состоятъ изъ двухъ капелл - мастеровъ и 80 музыкантовъ изъ евнуховъ. Обѣ сіи капеллы употребляются при церемоніяхъ, совершаемыхъ Государынею.

Должностные евнухи имѣють чины отъ 9-го до 18-го класса. Они получаютъ жалованье и паекъ помѣсячно (на правѣ низшихъ офицеровъ.)

Смотрители дворцовъ 9-го и 10-го класса получаютъ въ мѣсяць по осьми ланъ серебра, по четыре мѣшка риса и 1200 чоховъ на столъ. Управители дворцовъ 11-го и 12-го класса, также ихъ помощники 13-го и 14-го класса, получаютъ по 7 ланъ серебра, по 3½ мѣшка риса и по 1200 чоховъ на столъ. Должностные евнухи 15-го и 16-го класса получаютъ по 5 ланъ серебра, по 2½ мѣшка риса и по 1100 чоховъ на столъ. Должностные евнухи 17-го и 18-го класса получаютъ по 4 лана серебра, по 2 мѣшка риса и по 1000 чоховъ на столъ. Старосты получаютъ по 4 лана серебра, по 2 мѣшка риса и по 700 чоховъ на столъ. Писари изъ евнуховъ получаютъ въ мѣсяць по 3 лана серебра, по 1½ мѣшка риса и по 700 чоховъ на столъ. Прочіе евнухи дѣлятся

на три разряда. Евнухи 1-го разряда получают въ мѣсяцъ по три лана серебра, по $1\frac{1}{2}$ мѣшка риса; евнухи 2-го разряда получаютъ по $2\frac{1}{2}$ лана серебра и по 1 мѣшку риса; евнухи 3-го разряда получаютъ по 2 лана серебра и по $\frac{3}{4}$ мѣшка риса. Всѣ евнухи получаютъ жалованье и паекъ не изъ Дворцоваго, а изъ Государственнаго Казначейства.

При Обрядовомъ Отдѣленіи находятся двѣ Конторы:

а) Фруктовая, завѣдывающая доставленіемъ плодовъ для царскихъ жертвоприношеній и дворцовыхъ столовъ. Плоды Государю, Государынѣ и побочнымъ супругамъ доставляются по положенію и въ свое время (т. е. когда созрѣютъ въ грунтѣ.)

б) Шаманская, въ которой находится:

12 шаманокъ, исправляющихъ шаманское богослуженіе при Дворѣ и въ шаманскомъ капищѣ; 30 женщинъ, подающихъ курительныя свѣчи; 37 женщинъ, работающихъ при травяныхъ толчеяхъ и 19 женщинъ, дѣлающихъ курительныя свѣчи. Должность шаманокъ исправляютъ жены краснопоясныхъ офицеровъ изъ трехъ высшихъ знаменъ. Онѣ получаютъ отъ казны одно только одѣяніе. Прочія женщины суть солдатки изъ дворцовыхъ ротъ; онѣ получаютъ отъ $\frac{1}{2}$ до 2 ланъ серебра и по полумѣшку риса въ мѣсяцъ.

4. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Хозяйственное Отдѣленіе завѣдываетъ;

а) Приходомъ и расходомъ сборовъ съ дворцовыхъ арендъ и огородовъ трехъ дворцовыхъ знаменъ;

б) дѣлами по выбору дворцовыхъ дѣвицъ и евнуховъ.

Дворцовыми арендами называются участки земли, обрабатываемые военнопашцами, под главным надзором арендных старостъ. Дворцовых арендъ и арендных земель считается:

	<i>Арен. Цинь.</i>	
а) въ областяхъ по близости къ Пекину	539	9650
б) въ Шень-цзинь	76	7147
в) въ Цзинь-чжеу-фу	296	12268
г) въ Же-хэ	34	5275
д) въ Гуй-хуа-чэнь	13	1014
е) въ Гиринь	5	147
ж) въ Чжу-ма-кхэу	15	270

Всего . . 918 35771*)

Черезъ каждые три года производится перепись арендныхъ военнопоселянъ. Въ переписи вносятся мальчиковъ со 2-го года. Кто до десяти лѣтъ не будетъ внесенъ въ перепись, тѣхъ, послѣ сего срока, не дозволяется записывать. Людей, купленныхъ арендными старостами, также дозволяется вносить въ перепись; а аренднымъ военнопоселянамъ дозволяется выходить въ крестьянское состояніе.

Оброки съ арендъ соразмѣрны съ количествомъ и качествомъ земли. Съ земель, въ окрестностяхъ столицы, ежегодно доставляютъ Двору 403 мѣшка риса, а за просо, бобы, разный хлѣбъ, кунжутное масло, свиней, солону и сѣно вносятъ 103,087 ланъ серебра. Съ земель въ Шень-цзинь ежегодно вносятъ 1245 ланъ се-

*) Что составляетъ около 200.000 казенныхъ русскихъ десятинъ.

ребромъ, гусей и утокъ по 84 штуки и по 10 свиней. Съ земель въ Цзинь-чжеу-фу за рисъ, просо, мятвое сѣмя и марену, вносятъ серебромъ 29,652 лана, 2590 шетенокъ луку, 2590 гиновъ сушеныхъ цвѣтовъ желтой лиліи, 4662 гина пеньки, 296 гусей, и въ три года дважды по 20 свиней. Съ земель въ Же-хэ вносятъ 15264 мѣшка хлеба и 4445 ланъ серебра. Съ земель въ Гуй-хуа-ченъ вносятъ 1553 мѣшка хлеба. Съ земель за заставою Чжу-ма-кхэу вносятъ серебромъ 2245 ланъ.

Ежегодно въ трехъ дворцовыхъ знаменахъ, также въ ротѣхъ туркистанской и тангутской, (причисленныхъ къ дворцовымъ войскамъ) составляютъ списки дѣвицъ, достигшихъ тринадцатилѣтняго возраста; и по семъ сумскамъ Начальникъ евнуховъ представляетъ дѣвицъ Государю для выбора. При семъ выборѣ и Государыня присутствуетъ. На смотръ подводятъ имъ по шести дѣвицъ; а ближайшія родственницы побочныя супругамъ отдѣльно представляются. Выбранныя дѣвицы остаются во дворцѣ, и уже по достиженіи 25-ти лѣтъ отпускаются въ дома родителей, съ дозволеніемъ выходить въ замужство за военныхъ осьми знаменъ или трехъ дворцовыхъ знаменъ; невыбранныя возвращаются къ родителямъ, и болѣе не требуются къ выборамъ.

Кормилицъ выѣираютъ изъ разныхъ ротъ, а нянекъ изъ женъ тѣлохранителей, пріѣхавшихъ въ Пекинъ изъ Маньчжуріи. Всѣ онѣ препровождаются къ Начальнику евнуховъ, который, при выборѣ, обращаетъ вниманіе на знаніе въ маньчжускомъ языкѣ. Кормилицъ и нянекъ ежегодно производится до два лана серебра и

по мѣрку риса; сверхъ сего кормилицѣ выдается по десяти ланъ серебра въ мѣсяць на пропитаніе своего дитяти.

Для набора евнуховъ опредѣлены въ Пекинѣ два маклера, которымъ производится по одному лану серебра въ мѣсяць на содержаніе. Желающіе поступить въ евнухи должны обращаться къ маклерамъ, а послѣдніе обязаны представлять ихъ въ Хозяйственное Отдѣленіе. За cadaго евнуха выдается маклеру 1000 чоховъ награжденія. Управляющій евнухъ дѣлаетъ справку о мѣсторожденіи. Если объявившій желаніе имѣть мѣся 20 лѣтъ, или хотя и болѣе, но надежной — по тѣлесной крѣпости — къ поступленію; то обращаютъ вниманіе, къ какой службѣ онъ способенъ, и, сверхъ сего, внутри или внѣ дворца. Евнуховъ въ совершенномъ возрастѣ, также взятыхъ изъ губерній, Государь отдаетъ въ княжескіе дворцы, а на мѣсто ихъ ко Двору берутъ евнуховъ, прослужившихъ около 20 лѣтъ въ семь состояніи. Какъ скоро новый евнухъ явится въ Хозяйственное Отдѣленіе; то оно отправляетъ его въ Церемоніальное Отдѣленіе для освидѣтельствованія, а отсель препровождаютъ его Начальнику евнуховъ, который назначаетъ должность ему. Новый евнухъ, имѣющій отъ 6-ти до 20-ти лѣтъ, получаетъ пять, а имѣющіе болѣе 20-ти лѣтъ — только три лана серебра въ награду. Жалованье и паекъ каждый получаетъ по должности.

Евнухъ, по старости, или по болѣзни, сдѣлавшійся неспособнымъ къ службѣ, получаетъ отставку съ свѣдѣтельствомъ, въ которомъ ему предписывается имѣть

пробываніе на родинѣ. Когда онъ выздоровѣетъ, то мѣстный начальникъ обязанъ освидѣтельствовать его и препроводить чрезъ Областное Правленіе на службу. Ежели отставной евнухъ, перемѣнивъ имя и прозваніе, поступитъ въ княжескій дворецъ, то предается суду, а мѣстный начальникъ подлежитъ ответственности. Ежели евнухъ будетъ скрываться въ столицѣ; то послѣ поимки также предается суду.

Штатъ евнуховъ при княжескихъ дворцахъ ограниченъ закономъ. Князь 1-ой степени долженъ имѣть 41-го, князь 2-ой степени 31-го евнуха, и т. д. Гражданскіе и военные чиновники 1-го и 2-го класса могутъ имѣть по четыре евнуха. Прочимъ не дозволяется держать евнуховъ.

При Дворѣ находится шесть кладовыхъ, съ лѣсомъ, желѣзомъ, посудою, известкою, дровами и угольями. При каждой кладовой опредѣлены мастеровые и военно-рабочіе.

Штатъ мастеровымъ при кладовой съ лѣсомъ состоитъ изъ:

- 30 столяровъ,
- 44 плотниковъ,
- 30 рѣшниковъ,
- 36 пильщиковъ,
- 6 каретниковъ,
- 7 токарей,
- 1 флейщика,
- 6 ведерниковъ,
- 2 оклейщиковъ жилами,
- 2 оклейщиковъ бамбукомъ,

2 точащих шарки.

Штатъ мастеровыхъ при кладовой съ железомъ состоитъ изъ:

- 6 вытягивающихъ проволоку,
- 55 каменщиковъ,
- 12 дѣлающихъ горки,
- 13 веревочниковъ,
- 5 колодезниковъ,
- 2 безмящиковъ,
- 27 балаганщиковъ,
- 16 каменосѣцъ,
- 3 дѣлающихъ сирѣли.

Штатъ мастеровыхъ при кладовой съ посудомъ состоитъ изъ:

- 2 работающихъ вещи изъ перьевъ,
- 5 тростинныхъ мастеровъ,
- 4 дѣлающихъ глиняные шарки,
- 3 гардниниковъ,
- 1 клеточника,
- 10 обвивающихъ тростинникомъ.

При кладовой съ известкою опредѣлено 284 человекъ, которые ежегодно обязаны поставить въ дворецъ 448,644 гина черной*) и бѣлой известки; а имъ за каждые 10,000 гинъ платится по $14\frac{3}{100}$ ланъ серебра.

При кладовой съ дровянымъ углемъ опредѣлено 279 человекъ, которые ежегодно обязаны поставить во дворецъ 85,778 гинъ чернаго и 3371 гинъ бѣлаго дро-

*) Черною известкою называется каменный уголь, негодный къ употребленію. Вода, разведенная смѣью углемъ, придаетъ известкѣ черноватый и сѣрый цвѣтъ, пріятные для глазъ.

вляго угля; а имъ за каждую тысячу гинновъ чернаго угля платять $3\frac{5}{16}$, за тысячу гинновъ бѣлаго угля $10\frac{5}{16}$ ланъ серебра.

При кладовой съ каменнымъ углемъ опредѣлено 285 теловѣкъ, которые обязаны ежегодно доставить въ дворъ 180,895 гинновъ каменнаго угля; а имъ за каждые 10,000 гинновъ платять $16\frac{5}{16}$ ланъ серебра.

Рабочіе при послѣднихъ трехъ кладовыхъ суть во-многосеядше, нѣз конкъ каждому дано 35 му пахатной земли безобразно.

При Дворѣ еще находятся три мастерскія: слѣсарья, лакировальня и пороховое отдѣленіе. При первой находится 77 кузнецовъ; при второй

- 44 оловячника,
- 22 лакировщика,
- 10 красильныхъ лакировщиковъ,
- 50 жавонощевъ,
- 61 оловячниковъ,
- 2 маляра,
- 2 клеелочныхъ портывъ,
- 10 конопатчиковъ,
- 4 цвѣточника,
- 2 оловяничника,
- 4 рѣшника,
- 4 бѣлильный мастеръ,
- 2 золото-плавильщика.

Въ пороховомъ отдѣленіи:

- 15 себберверачниковъ,
- 42 омаричниковъ,
- 18 ракетныхъ мастеровъ.

Мастеровые частью изъ военныхъ, частью изъ вольныхъ. Всѣ они получаютъ жалованье и паекъ, а нѣкоторые и одѣяніе. При недостаткѣ мастеровыхъ по какой либо части нанимаютъ поденщиковъ. Во внутренности дворца мастеровые работаютъ подъ надзоромъ евнуховъ.

Для заготовленія лѣса опредѣлено 90 дровосѣковъ изъ военнопоселянъ трехъ знаменъ. Они обязаны ежегодно поставить во дворецъ 990 футовъ липы въ восемь дюймовъ въ отрубъ, 126 футовъ въ семь дюймовъ въ отрубъ, 7540 осиновыхъ досокъ, 135 колебель, 225 кланьевъ.

5. ПАСТБИЩНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Пастбищное Отдѣленіе завѣдываетъ крупнымъ и мелкимъ рогатымъ скотомъ, принадлежащимъ Двору.

Въ столицѣ, близъ дворца, находится два скотныхъ двора, въ которыхъ содержится 130 штукъ крупнаго рогатаго скота. Еще находится два двора въ южномъ звѣриницѣ, изъ коихъ въ первомъ содержится 131, а въ другомъ 59 штукъ крупнаго рогатаго скота. Въ семь чиселъ наибольшая часть дойныхъ коровъ. Въ мѣстечкѣ Фынъ-тхай въ шести дворахъ содержится 1700 головъ мелкаго рогатаго скота.

Со скотныхъ дворовъ доставляютъ бычковъ для большихъ и барановъ для обыкновенныхъ жертвоприношеній въ дворецъ. Для каждаго жертвоприношенія въ жертвенникахъ и великомъ храмѣ приводятъ чернаго бычка; для шаманскаго жертвоприношенія во дворецъ Императрицы, совершаемаго въ первый мѣсяцъ каждаго изъ годовыхъ временъ, приводятъ по

два кладеныхъ быка съ цѣльными ушами. Къ каждому жертвоприношенію въ домашнемъ храмѣ предкамъ приводятъ по два барана. Для прочихъ жертвоприношеній, совершаемыхъ на счетъ Дворцоваго Казначейства, приводятъ барановъ сообразно положенію. Молоко и барановъ для Государева стола, также для пиршествъ по случаю женитьбы царевичей и выдачи царевенъ, доставляютъ со скотныхъ дворовъ.

При недостаткѣ крупнаго и мелкаго рогатаго скота на дворцовыхъ скотныхъ дворахъ, требуютъ его со вышнихъ скотныхъ дворовъ, а при недостаткѣ на вышнихъ дворахъ требуютъ съ пастбищъ. Изъ-за Калгана ежегодно приводятъ въ Пекинъ 260 штукъ крупнаго и отъ 8, до 9,000 штукъ мелкаго рогатаго скота.

На пастбищномъ, и крупномъ и мелкомъ, рогатомъ скотѣ выжигается тавро. Ежегодно одинъ разъ свидѣтельствуяютъ состояніе скота. Кожи съ издохшихъ скотинъ поступаютъ въ казну. Черезъ каждые три года новѣряютъ приплодъ и убыль въ скотѣ. Овецъ стригутъ весною и осенью.

По сѣверную сторону великой стѣны за Калганомъ, въ трехъ Чахарскихъ знаменахъ находится три пастбища для крупнаго и четыре для мелкаго рогатаго скота. На нихъ пасется 40 гуртовъ крупнаго и 140 гуртовъ мелкаго рогатаго скота. Гуртъ крупнаго рогатаго скота состоитъ изъ 300, а гуртъ мелкаго изъ 100 штукъ. Гуртъ крупнаго рогатаго скота уравнивается однажды въ шесть лѣтъ; отъ пяти головъ требуются два теленка. Гуртъ мелкаго рогатаго скота уравнивается одна-

жды въ три года; отъ трехъ головъ требуется одинъ ягценокъ. Сверхъ сего изъ гуртовъ крупнаго рогатаго скота за Калганомъ ежегодно представляютъ Двору 1397 гиневъ коровьяго масла, 519 гиневъ сыра, 2530 гиневъ вина, выкуренаго изъ молока.

6. СУДНОЕ ОТДѢЛЕНИЕ.

Судное отдѣленіе завѣдываетъ разборомъ судебныхъ дѣлъ въ трехъ дворцовыхъ знаменахъ.

Дворцовое Правленіе имѣетъ власть окончательно рѣшать дѣла по винамъ, заслуживающимъ наказаніе планками; дѣла по винамъ, заслуживающимъ временную ссылку и выше, прецпроваждаетъ въ уголовную Палату на утверженіе. Если нужно употребить пытки при допросахъ, освидѣтельствовать изувѣченнаго, или умершаго естественною смертію, то Судное Отдѣленіе сообщаетъ въ Уголовную Палату о присылкѣ пыточныхъ орудій и людей, нужныхъ для освидѣтельствованія.

Дворцовое Правленіе имѣетъ право рѣшать спорныя дѣла между военными и простолюдинами; военныхъ наказывать по военнымъ законамъ; арендныхъ старостъ, помѣщичковъ и поморянъ — какъ простолюдиновъ.

Члены Дворцоваго Правленія приговоры о смертныхъ преступникахъ, судимыхъ по Государеву повелѣнію, полагаютъ обще съ Членами Трехъ юстиціонныхъ судовъ, и потомъ прецпроваждаютъ въ Уголовную Палату. Приговоры по уголовнымъ преступленіямъ, даже и объ евнухахъ, полагаются по Уложенію Уголовной Палаты.

Мушныны содержатся въ тюрьмѣ отдѣльно отъ женщинъ. Караулъ у первыхъ состоитъ изъ офицера съ 10-ю рядовыхъ, а у послѣднихъ изъ пожилыхъ военныхъ чиновъ. Каждому арестанту производится въ день по гарнцу риса и по полтора гива дровъ. Съ лѣтняго поворота до 30-го числа 7-го мѣсяца ежедневно выдаютъ въ арестантскія комнаты по двѣ льдины. Если арестантъ сдѣлается боленъ, то требуютъ лекаря изъ Уголовной Палаты.

Къ Дворцовому Правленію еще принадлежатъ:

- 1) Сыскная Контора.
- 2) Кольный корпусъ изъ трехъ дворцовыхъ знаменъ.
- 3) Корпусъ охранныхъ изъ трехъ дворцовыхъ знаменъ.
- 4) Корпусъ передовыхъ изъ трехъ дворцовыхъ знаменъ.
- 5) Контора военнорабочихъ.
- 6) Три казенныхъ кладовыхъ.
- 7) Дворцовый хлѣбный магазинъ.
- 8) Ковюшенная Контора.
- 9) Коммисіятская Контора.
- 10) Контора завѣдывающая загородными дворцами.
- 11) Контора завѣдывающая царскимъ столомъ и чаемъ.
- 12) Придворная аптека.
- 13) Придворная библіотека.
- 14) Придворная типографія.
- 15) Кабинетская типографія.
- 16) Придворныя училища.

1. Сыскная Контора.

Въ ведомствѣ Сысканой Конторы находится 62 сыщика, въ числѣ коихъ четыре старосты и четыре подстаросты чиновныхъ и четырнадцать простыхъ подстаростъ.*) Каждому сыщику дается билетъ, за печатью Дворцоваго Правленія, съ прописаніемъ его облика и возраста; сверхъ сего дается мѣдная поясная табличка (для входа во дворецъ), которая передается заступившему убылое мѣсто, а билетъ выбывшаго уничтожается въ Присутствіи Правленія. Должность сыщиковъ состоитъ въ отыскиваніи и поимкѣ важныхъ преступниковъ, за что, соразмѣрно важности дѣла, определены награды отъ 3 до 20 ланъ серебра. На сіи расходы Пекинская Таможня ежегодно доставляетъ въ Дворцовое Правленіе по 3000 ланъ серебра.

2. Конный Корпусъ.

Конный Корпусъ состоитъ изъ трехъ дворцовыхъ знаменъ, и раздѣляется на двѣ дивизіи: конныхъ и военнорабочихъ, иначе свободныхъ солдатъ.

Въ Конной дивизіи считается:

Полковниковъ и Подполковниковъ	30
Ротныхъ начальниковъ и Поручиковъ.	132
Въ семь числѣ 30 ординарцевъ и 30 помощниковъ ихъ.	
Утерь-офицеровъ	264
Кузнецовъ	144
Рядовыхъ	5309

*) Это тайная полиція.

Въ Военноробочей дивизіи считается:

Военноробочихъ	4950
Кантонистовъ въ трехъ знаменахъ	1464
Учениковъ	430

Всего . . . 12723

Конною дивизіею управляютъ Полковники, которые въ тоже время исправляютъ должности Членовъ въ шести Отдѣленіяхъ Дворцоваго Правленія. Дивизіею военноробочихъ управляютъ ротные начальники, которые выстъ съ тѣмъ отправляютъ должности ординарцевъ, а вѣручки должности помощниковъ ихъ. См. ниже *Контору военноробочихъ*. Сей корпусъ содержаніе получаетъ отъ Палаты Финансовъ.

Конная дивизія содержитъ караулы при разныхъ дворцахъ. При ней же находится дворцовая пожарная команда со 107 пожарныхъ трубъ и 214 ведеръ.

3. Корпусъ охранныхъ.

Въ Корпусъ охранныхъ, набираемыхъ изъ трехъ дворцовыхъ знаменъ, считается 192 офицера и 1200 рядовыхъ. Сей корпусъ содержитъ 12 карауловъ у воротъ внутреннихъ дворцовъ, занимаемыхъ Государынею и побочными супругами Государя. Онъ же сопровождаетъ Государыню и побочныхъ государевыхъ супруговъ въ дорогъ.

4. Корпусъ передовыхъ.

Въ Корпусъ передовыхъ, набираемыхъ изъ трехъ дворцовыхъ знаменъ, считается 30 офицеровъ и 120 рядовыхъ. Сей корпусъ занимается только волтижированіемъ.

5. *Контора воспитанниковъ.*

Въ ведомствѣ сей Конторы находятся 30 ординарцевъ и 30 помощниковъ ихъ, которые непосредственно принимаютъ приказанія изъ внутренняго дворца и приводятъ оныя въ исполненіе.

Ординарцы наряжаются въ дежурство по назначенію Членовъ Дворцоваго Правленія. Дежурство содержать при дворцѣ Государыни. Къ первой и второй побочнымъ сунругамъ отряжаютъ по два, а къ третьей и четвертой по одному ординарцу. Они же содержатъ дежурство въ кладовыхъ съ посудой, съѣстными припасами, виномъ, овощами и плодами и въ каретникахъ. Подъ ихъ распоряженіями состоитъ 4950 человекъ военнорабочихъ, изъ коихъ 2700 человекъ получаютъ жалованье и паекъ; а 2250 человекъ получаютъ одинъ паекъ. Сія военнорабочіе исправляютъ всѣ низкія работы во дворцѣ. Изъ нихъ же избираютъ дворцовыхъ мастеровыхъ.

На военнорабочихъ возложено:

а) Оклеивать бумагою комнаты во внутреннихъ дворцахъ. Эта работа производится въ продолженіе осьмага, девятаго и десятаго мѣсяцовъ.

б) Вырывать траву на кровляхъ дворцовыхъ зданій и сметать съ нихъ пыль, что производится въ 12 мѣсяцѣ.

в) Доставлять воду для Дворцовъ. Во дворецъ ежедневно доставляютъ по 80 ушатовъ воды изъ ключа Юй-цю-ань, (въ 15-ти верстахъ отъ Пекина.)

г) Въ жары разносить ледъ. Въ дворцовой крѣпости находится пять ледниковъ, изъ коихъ въ каждой за-

готовляется по 5000 лядвнъ. Въ лѣтніе жары употребляютъ этотъ ледъ во внутреннихъ дворцахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ въ дворцовой крѣпости.

д) Согрѣвать чашн (котлы) съ водою. Въ разныхъ мѣстахъ дворцовой крѣпости разставлено вызолоченныхъ чашъ 18, мѣдныхъ большихъ 22, среднихъ 152, малыхъ 8, чугунныхъ чашъ большихъ 4, малыхъ 104, а всего 308 чашъ. Къ каждымъ тремъ чашамъ поставленъ одинъ военнорабочій, который, въ продолженіе 11-го, 12-го и 1-го мѣсяцовъ, долженъ дровами углени грѣть воду въ чашахъ, чтобъ она никогда не простывала. Два раза въ мѣсяцъ подбавляютъ воду въ чашн.*)

е) Выметать и прыскать водою дворы во внутреннихъ дворцахъ, что ежедневно производится подъ надзоромъ Евиуховъ.

Ординарцы завѣдываютъ при Дворѣ:

а) Приготовленіемъ хлѣбнаго. Во дворцѣ двѣ хлѣбныя пекарни: одна внутренняя, другая вѣншиля. Въ пекарнѣ внутренней готовятъ хлѣбное и различное пирожное для Государя и лицъ, составляющихъ его семейство. Въ пекарнѣ вѣншицей готовятъ хлѣбное и пирожное для пиршествъ и жертвоприношеній. Виды и количество всего опредѣлено закономъ, смотря по лицу и мѣсту.

б) Приготовленіемъ пикунн, укусовъ и вицъ. Количество разныхъ припасовъ, потребное на приготовленіе чего либо изъ упомянутыхъ вещей, опредѣлено за-

*) Средство паромъ уитрать холодъ въ воздухъ.

ность. Количество ежедневнаго потребленія также опредѣлено закономъ; на пр. Государю положено въ день квашеннаго вина 4 лава, кислаго квашеннаго теста (дзянь) 26 лапъ, престаго уксуса 27 лапъ, сои*) 2 лава; сверхъ сего для кухни кислаго теста 20 лапъ, сои 46 лапъ, престаго уксуса 27 лапъ. Государыни положено въ день кислаго теста 24, уксусу 16, сои 32 лава. Четыремъ вѣбачимъ Государевымъ супругамъ ежедневно кислаго теста 3, уксусу 3, сои 5 гиновъ и пр.

а) Приемомъ и выдачею овоща и огородной зелени.

Къ составу военнорабочихъ причислены огородники, которые обязаны доставлять овощъ ко Двору. Они раздѣляются на овощныхъ, арбузныхъ и южныхъ. Каждому огороднику дано девять цинъ земли подъ усадьбу и три цинъ для содержанія себя (всего около 60-ти казенныхъ русскихъ десятинъ каждому.) Одни арбузные огородники не имѣютъ земли для содержанія себя,

Въ продолженіе лѣта каждый овощный огородникъ обязанъ доставить:

100 коромысловъ тыквы,

100 арбузовъ,

5 гиновъ мятныхъ сѣмянъ,

30 гиновъ бобовыхъ стручковъ,

2 гарнца свѣжаго гороха,

3140 гиновъ бѣлой капусты для соленья,

890 гиновъ желдаго, и

300 гиновъ крупнаго горчичнаго корня,

175 гиновъ полевого чеснока,

*) Густой и соленый красный уксусъ.

200 гинновъ капустныхъ вилокъ,

176 огурцовъ,

4 дэу бадичжана,

28 гинновъ луку (шоря).

Каждый арбузный огорожникъ обязанъ представить:

1000 арбузовъ,

Каждый южный огорожникъ обязанъ представить:

4500 гинновъ южной капусты.

Для стола Государева ежедневно отпускается:

18 гинновъ капусты, шпината, петрушки, пастернака и полевого чеснока,

50 штукъ рѣпы, паровой рѣдьки и моркови,

2 тыквы,

5 бредововъ,

6 гинновъ луку.

Для стола Государыни ежедневно отпускается:

20 $\frac{1}{2}$ гинновъ капусты, петрушки и пастернака,

20 штукъ рѣпы, паровой рѣдьки и моркови,

1 тыква,

3 гинна луку.

Для четырехъ побочныхъ супругъ Государя ежедневно отпускается въ сложности:

40 гинновъ капусты,

4 лана петрушки,

4 гинна пастернака,

5 гинновъ луку,

20 штукъ паровой рѣдьки,

10 штукъ моркови,

10 штукъ бредовки,

1 тыква.

Царевичу ежедневно отпускается:

5 гиновъ капусты,

8 гиновъ прочаго овоща.

Шпинать въ 4 и 5-мъ мѣсяцахъ замѣняется блиту-
момъ (малороссійскою лебѣдою); въ 6 и 7-мъ мѣсяцахъ
долгостручнымъ горохомъ (*dolichos megenda*); рѣпа съ
4 до 9-го мѣсяца замѣняется бадичканомъ; рѣдка
огурцами. Тыквы и бредовки употребляются съ 6-го
до 11-го мѣсяца.

г) Кладовая, въ которой хранится посуда серебре-
ная, мѣдная, позолоченная, бѣломѣдная и столы, упо-
требляемые при пиршествахъ и жертвоприношеніяхъ.

д) Надзоромъ надъ каретнымъ сараемъ, въ которомъ
хранится 150 колясочекъ, употребляемыхъ для выѣз-
да Государыни и другихъ особъ женскаго пола. При
семъ каретникѣ находятся конюшны съ лошадьми, ло-
шаками и ослими.

6. *Три казенныя кладовыя съ домашними запасами.*

Въ трехъ кладовыхъ находятся вещи, потребныя
для Двора, для жертвоприношеній и для пиршествъ,
какъ то: рисъ, пшеница, соль, медъ, сахаръ, воскъ, масло,
мука, бобы, просо, сезамъ, просо *holcus*, также разная
посуда. Всѣ поименованныя вещи выдаются по поло-
женію.

Хозяйственное отдѣленіе ежегодно доставляетъ въ
кладовыя 1297 прутьяныхъ корзинокъ, 173 коромысла,
109 лопать, 327 соломенныхъ рогожъ. Прочую восу-
ду, какъ то: метлы, веревки и пръ дворцовыя мастеровыя
дѣлаютъ изъ матеріаловъ, доставляемыхъ арендны-
ми старостами. Разный хлѣбъ, соль и воскъ Палата

Финансовъ доставляетъ: медь доставляютъ дворцовыя промышленники; сахаръ и свѣчи Дворцовое Правленіе покупаетъ.

7. Дворцовый хлѣбный магазинъ.

Дворцовый хлѣбный магазинъ состоитъ изъ 12 амбаровъ: семи большихъ и пяти малыхъ. Въ каждомъ большомъ амбарѣ содержится 3000, а въ маломъ 1800 мѣшковъ (бѣлаго) риса.

8. Конюшенная контора.

Конюшенная контора представляетъ лошадей и лошаковъ для выѣзда Государыни, побочныхъ Государевыхъ супруговъ и холостыхъ Царевичей. Для выѣзда Государя въ Пекинѣ ежедневно содержать четыре оселанныхъ лошади одинаковой масти, а въ пребываніи въ Юань-мипъ-юань содержать тамъ по шести лошадей.

Лошадей и верблюдовъ, ежегодно вводимыхъ Монгольскими Князьями въ дань, Государь препоручаетъ Конюшенной Конторѣ осматривать, и при семъ осмотрѣ раздѣлять на разряды. За лошадь перваго разряда выдается въ награду 130, за лошадь втораго разряда 100, за лошадь третьяго разряда 50, за лошадь четвертаго разряда 30, за лошадь пятаго разряда 20, за лошадь шестаго разряда 4 ланъ серебра. Верблюды дѣлятся также на шесть разрядовъ; а награда за нихъ производится отъ 60-ти до 16-ти ланъ серебра.

Придворныхъ конюшенъ, съ Царскими и дворцовыми лошадьми, считается семь: одна въ дворцовой крѣпости, а шесть въ южномъ звѣринцѣ. Число Царскихъ, дворцовыхъ и рабочихъ лошадей не опредѣлено. Церемоніальныхъ лошадей содержится 30, для шаман-

сыго каша 40, для евнуховъ при царевичахъ 53, жеребятъ 38, верблюдовъ и верблюжатъ 4, лошаковъ 8, рабочихъ лошадей, во всѣхъ мѣстахъ, 111 головъ. При недостаткѣ лошадей приводятъ ихъ съ дворцовыхъ пастбищъ изъ Маньчжуріи и Восточной Монголіи. Служителей при конюшняхъ считается 1186 человекъ. Волчьи бобы, для корма лошадямъ, отпускаются изъ Палаты Финансовъ; а прочее все покупается на счетъ Дворцоваго Казначейства.

Табуны, принадлежащіе Двору, пасутся въ Маньчжуріи по рѣкѣ Да-линь-хэ, въ Монголіи при озерахъ Дабсунь-норъ и Долонь-норъ.

По рѣкѣ Да-линь-хэ считается 20 табуновъ кобылицъ и 10 табуновъ мериновъ; при Дабсунь-норъ 111 табуновъ кобылицъ, 41 табуновъ мериновъ, 17 табуновъ владенныхъ верблюдовъ; при Долонь-норъ 74 табуна кобылицъ, 48 табуновъ верблюдицъ. Каждый конный табуновъ содержитъ въ себѣ отъ 400 до 500 головъ; верблюжий табуновъ содержитъ въ себѣ не болѣе 300 головъ.

По рѣкѣ Да-линь-хэ въ три года отъ пяти лошадей требуютъ двухъ жеребятъ; при Дабсунь-норъ и Долонь-норъ въ три года отъ трехъ лошадей требуется одинъ жеребенокъ; отъ пяти верблюдовъ въ шесть лѣтъ требуются два верблюженка. По временамъ производится уравненіе въ табунахъ, и, соразмѣрно приходу или ущербу въ скотѣ, полагается награжденіе и штрафъ. Кожи съ издохшаго скота поступаютъ въ казну.

9. Коммисаріатская контора.

Коммисаріатская контора завѣдываетъ пригоготовленіемъ военныхъ вещей для Двора.

Въ вѣдомствѣ Коммисаріатской конторы находятся четыре кладовыхъ, какъ то:

1) Сѣверная сѣдѣльная кладовая, къ которой принадлежатъ мастеровыя, дѣлающіе сѣдѣльные деревяжки, налатки и зонты.

2) Южная сѣдѣльная кладовая, къ которой принадлежитъ только скорнячья мастерская.

3) Кладовая съ латами, къ которой принадлежатъ только латная мастерская.

4) Кладовая съ коврами. Къ сей кладовой принадлежатъ мастерскія, въ которыхъ работаютъ лунн, стрѣлы, кожи, ковры, шляпы и разныя мелкія вещи.

10. *Контора, заведывающая загородными дворцами.*

Вѣдѣнія мѣста, принадлежащія Пекинскому Двору, суть:

1) *Гора Цзинь шиань.* Сія гора лежитъ въ саду за сѣверными воротами Дворцовой крѣпости. Она имѣетъ прелестную вершину изъ пяти холмовъ, отъ востока къ западу въ рядъ расположенныхъ. При входѣ въ садъ, на супротивъ горы, трое великолѣпнѣйшихъ израсположенныхъ воротъ: на югъ, востокъ и западъ. На сѣверъ, за среднимъ изъ пяти холмовъ, стоитъ портретный храмъ Шей-хуань-дзянъ.

2) *Западный садъ, по кит. Си-юань.* Онъ лежитъ на западную сторону дворцовой крѣпости, за воротами Си-хуа-мынь. Въ срединѣ сада есть искусственное озеро, чрезъ которое перекинуто мраморный мостъ съ девятью арками. На восточномъ концѣ моста деревянныя колонны, называемыя Юй-дунъ, на западномъ такія же

колонны, называемыя Цэнь - ао. Черезъ сей мостъ лежитъ дорога, открытая всѣмъ для проѣзда и прохода.

3) Царскіе сады *Ци-гань-тхань* и *Янь-юань-чжай*.

Ци-гань-тхань есть обширный садъ, лежащій отъ Пекина на сѣверо-западъ, за воротами Си-чжи-мынь, по правому берегу канала Чань-хэ. Здѣсь Государь обѣдотъ на обрودномъ пути въ Юань-минь-юань. Янь-юань-чжай лежитъ за югозападными Пекинскими воротами Си-бинь-мынь. (Нынѣ оба сіи сады совершенно запущены; даже почти всѣ зданія въ оныхъ сломаны до основанія.)

4) Южный звѣринецъ *Нань-юань-цзы*. Онъ лежитъ въ 20 ли отъ Пекинскихъ воротъ Юнь-динь-мынь, на югъ; въ окружности содержитъ 120 ли, и весь обведенъ кирпичною стѣною съ девятью воротами. Въ семь звѣриницъ находится пять путевыхъ дворцовъ и два каменные вапшица. Разводятъ въ немъ цвѣточныя деревья и растенія для Двора, козуль, оленей, птицъ и рыбъ. Въ семь же звѣриницъ Государь производитъ большой смотръ войскамъ, и дважды въ году, весною и осенью, занимается звѣриною охотою.

11. *Контора, завѣдывающая Царскими столами и бухгалтерою.*

Обязанность Членовъ сей конторы состоитъ въ доставленіи съѣстныхъ припасовъ во внутренніе дворцы.

Касательно содержанія Двора опредѣлено закономъ:

1) *Количество съѣстныхъ припасовъ.*

Государю для стола ежедневно отпускается:

27 гиновъ мяса,*)

1 гинъ свиного (почечнаго) сала,**)

2 барана,

2 курицы,

3 утки,

3 большихъ цыпленка.

Государынѣ ежедневно:

26 гиновъ мяса,

1 курица,

1 утка.

Первой побочной супругѣ:

12 гиновъ мяса въ день,

15 куриць въ мѣсяцъ,

15 утокъ въ мѣсяцъ.

Второй побочной супругѣ:

9½ гиновъ мяса въ день,

7 утокъ въ мѣсяцъ,

7 куриць въ мѣсяцъ.

Третьей побочной супругѣ:

9 гиновъ мяса въ день,

5 утокъ въ мѣсяцъ,

5 куриць въ мѣсяцъ.

Четвертой побочной супругѣ:

6½ гиновъ мяса въ день,

5 куриць въ мѣсяцъ,

5 утокъ въ мѣсяцъ.

*) Свиинны. Говядина не употребляется, а баранина употребляется болѣе при жертвоприношеніяхъ и церемоніальныхъ столахъ.

***) Употребляется вѣсто коровьяго масла для праженія.

Пятой побочной супругъ:

8 гиновъ мяса въ день,

8 утокъ въ мѣсяць.

Сверх-классной супругъ:

5 гиновъ мяса въ день,

5 куриць въ мѣсяць.

Царевичу:

6 гиновъ мяса въ день,

10 утокъ въ мѣсяць.

Супругъ его:

20 гиновъ мяса въ день.

Побочной его супругъ:

10 гиновъ мяса въ день,

утокъ и куриць имъ не положено.

2) *Количество молока и чаю.*

Государю:

60 дойныхъ коровъ для молока,

75 бакчей чаю ежедневно,

12 ушатовъ ключевой воды ежедневно,

1 гинъ коровьяго масла ежедневно.

Государынѣ:

25 дойныхъ коровъ,

12 ушатовъ ключевой воды ежедневно.

10 бакчей чаю ежедневно.

Первой и второй побочнымъ супругамъ по четыре, третьей-три, четвертой двѣ коровы. Чаю всѣмъ ежедневно по пяти бакчей.

Царевичу и супругъ его восемь коровъ; чаю ежедневно восемь бакчей.

Отъ одной коровы требуется два гина молока.

3) *Количество дровъ и дровяныхъ углей.*

Во дворцѣ Государя потребляютъ ежедневно:

2320 гиновъ дровъ,

140 гиновъ дровяныхъ углей.

Съ 1-го числа десятаго мѣсяца до конца перваго мѣсяца ежедневно:

700 гиновъ дровъ на отопку,

60 гиновъ дровяныхъ углей.

Во дворцѣ Царевича ежедневно:

310 гиновъ дровъ,

20 гиновъ дровяныхъ углей.

4) *Штабъ служителей.*

а) По кухнѣ Государя:

4 старшихъ новара,

4 помощника,

50 поваровъ,

4 классныхъ оофиціанта,

41 оофиціантовъ,

5 служительскихъ старость,

84 служителя,

2 старшихъ унтеръ-оошера,

11 унтеръ-оошеровъ,

95 военнорабочихъ.

б) По буфету его:

4 классныхъ оофиціанта,

23 оофиціанта,

8 служительскихъ старость,

87 служителей,

22 служителя при кладовой съ сумешьями мясами.

в) По кухни Царевича:

8 официантовъ,

4 служителя,

2 повара.

г) По буфету его:

6 официантовъ,

2 служителя.

Далѣ слѣдуетъ роспись золотой и серебряной посуды, по положенію выдаваемой каждому лицу Царствующаго Дома, для употребленія во столу и буфету

Въ Контору царскаго стола ежегодно доставляютъ изъ Маньчжуріи:

а) Разные харчевые припасы, какъ то:

780 оленей,

210 козуль,

2000 оленныхъ крестцовъ,

2000 оленьихъ языковъ,

60 гусей (дикихъ),

24000 штукъ разной рыбы.

Съ Амура доставляютъ белугъ, сига и разную рыбу въ неопредѣленномъ количествѣ.

Сверхъ сего изъ разныхъ мѣстъ Маньчжуріи и Монголіи доставляютъ фазановъ, тетерекъ, кабановъ, медвѣдей, козуль, мороженыхъ барановъ и сига въ неопредѣленномъ количествѣ.

б) Разные сушеные столовые припасы, какъ то:

100 гниновъ оленьихъ жилъ,

1500 гниновъ соленой рыбы; соленыхъ оленьихъ крестцовъ и множество другихъ вещей въ неопредѣленномъ количествѣ.

Запасы всѣхъ вышесчисленныхъ статей отпускаются лицамъ Императорскаго Дома по положенію. Государь дѣлаетъ отъ себя только два угощенія въ году: одно въ 14-ое число 1-го мѣсяца для Князей своего Дома, другое въ 16-ое число того же мѣсяца для придворныхъ чиновъ. Прочія пиршества при Дворѣ утреждаются на счетъ Палаты финансовъ. Ежедневный столъ, для дежурствующихъ во дворцѣ, готовится на счетъ Дворцоваго Правленія.

12. Придворная Аптека.

Лекарственные припасы для придворной Аптеки покупаются чрезъ подрядчиковъ, и принимаются придворными лекарями, которые, отобравъ лучшие, сырыми сдаютъ въ аптеку; а здѣсь ученики сами готовятъ оныя къ употребленію.

По случаю болѣзни одного изъ царскихъ лицъ, придворный лекаръ идетъ съ свнухомъ въ аптеку, и набравъ по рецепту лекарственные матеріалы представляетъ Государю съ описаніемъ свойствъ ихъ. Сіе описаніе должно быть за подписью лекаря и свнуха, которые потомъ обязаны присутствовать и при вареніи лекарства. Для приготовленія лекарства Государю, берется двойной приемъ; а когда оно сварится, то разливаютъ въ двѣ посудины. Изъ первой должны отвѣдать придворный лекаръ, членъ Врачебнаго Приказа и свнухъ, а вторую подаютъ Государю. Кто ошибется въ наборѣ лекарства по рецепту, или въ надписи на оболочкахъ съ лекарственными припасами, тотъ судится какъ государственный преступникъ.

13. Придворная библиотека.

Библиотека состоит из четырех отделений, под общим наименованием *Сы-кху-цзюань-шу**). В первом отделении собраны священные или классическія книги во втором историческія, въ третьемъ философскія, въ четвертомъ смѣсь разныхъ сочиненій. Сочиненія, относящіяся до священныхъ книгъ, составляютъ 695 томовъ, въ которыхъ содержится 10,219 отдѣленій; сочиненія, относящіяся до исторіи, составляютъ 564 тома, въ которыхъ содержится 21,657 отдѣленій; сочиненія философовъ составляютъ 922 тома, въ которыхъ содержится 17,807 отдѣленій. Разныя сочиненія составляютъ 1330 томовъ, въ которыхъ содержится 29,048 отдѣленій, а всего :

Томовъ . . . : 3,511,

Отдѣленій . 78,731.

Второй экземпляръ (подлинникъ) придворной библиотеки хранится въ Приказѣ ученыхъ. Кто изъ чиновниковъ желаетъ осмотрѣть оную, тотъ долженъ отнестись къ придворнымъ библиотекарямъ. Но дозволяется изъ сей библиотеки выдавать книги для чтенія. Желающій сдѣлать какую либо поѣмку долженъ, съ указаніемъ требуемой имъ книги, отнестись къ Главному Смотрителю съ прочими Членами, послѣ сего дозволяется ему входить въ библиотеку, съ однимъ библиотекаремъ и чиновникомъ изъ Дворцоваго Правленія. При

*) Это есть полная библиотека, заключающая въ себя хорошія сочиненія, напечатанныя отъ изобрѣтенія книгопечатанія до настоящаго времени.

повѣркѣ долженъ остерегаться не замарать и не попортить листовъ.

14. Придворная Типографія.

Въ Придворной Типографіи печатаются книги, сочиняемыя учеными Коммисіями, по Государеву повелѣнію. Въ сей самой Типографіи въ 1773 году отлито было 250,000 мѣдныхъ подвижныхъ буквъ, которыя набирались подобно Европейскимъ буквамъ. (Буквы, въ послѣдствіи, по причинѣ большой растраты, перелиты въ монету.)

15. Кабинетская Типографія.

Въ Кабинетской Типографіи печатаются сочиненія Государей Царствующей династіи, вырѣзываемыя на мѣди, и оттискиваемыя вдвойнѣ: тушью и киноварью.

16. Придворныя Училища.

При Дворѣ находится пять училищъ: 1-ое во дворцѣ Сянь-ань-гукъ, 2-ое Монгольское, 3-іе у горы Цзинь-шань, 4-ое Монголо-сіамское, 5-ое Евнушеское.

Въ первое училище поступаютъ дѣти изъ трехъ дворцовыхъ знаменъ, по десяти человекъ изъ cadaго, да изъ осьми маньчжускихъ дивизій, по десяти человекъ изъ каждой; всего 110 учениковъ. Въ монгольское училище поступаютъ дѣти осьми монгольскихъ дивизій, по три человека изъ каждой, всего 24 человека. Въ училищѣ при горѣ Цзинь-шань обучаются 392 ученика изъ трехъ высшихъ знаменъ, т. е. желтаго съ каппою, желтаго и бѣлаго. Въ монголо-сіамскомъ учи-

лицѣ обучаются 10 человекъ изъ дворцовыхъ ротъ. Обучаются словесности маньчжуской, кѣтайской, монгольской и сіамской; стрѣляніе изъ лука есть общее упражненіе въ помянутыхъ училищахъ. Въ евнушескомъ училищѣ обучаютъ евнуховъ маньчжускому и монгольскому языку. Всѣ сіи училища содержатся изъдвѣніемъ Дворцоваго Правленія.

Іакинѣзъ.

Графъ Андрей Ивановичъ
ОСТЕРМАНЪ.

Г. А. Н. Остерманъ.

1

«Il y a en moi quelque chose d'inexplicable,
qui porte malheur aux gouvernements qui
me négligent.»

Paroles du Prince de Talleyrand à Louis XVIII.

30 мая 1686 года, въ прекрасное весеннее утро, происходила большая суматоха въ домѣ пастора Бокумскаго (что въ Вестфалии, въ графствѣ Маркскомъ). Пасторша, послѣ трудныхъ и болѣзненныхъ родовъ, разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Младенца окрестили по обряду Аугсбургскаго вѣроисповѣданія и нарекли *Генрихомъ—Іоанномъ—Фридрихомъ*.

Пасторъ Бокумскій, Іоаннъ — Конрадъ *Остерманъ*, былъ всѣми уважаемъ за благородство своего характера, за свою благотворительность, и за ревностное исполненіе всѣхъ обязанностей своего сана. Супруга его слыла женщиною ума необыкновеннаго и возвышенной добродѣтели. Молодой Остерманъ провелъ первую свою молодость въ домѣ родительскомъ. Съ раннихъ лѣтъ запытали въ немъ нравъ холодный и по видимому безстрастный; умъ острый, дальновидный и тонкій. Полу-

*

чивъ прекрасное образованіе, онъ, на девятнадцатомъ году отъ роду, отправился путешествовать, и началъ съ Голландіи. Это было въ 1704 году. Въ Амстердамѣ имѣлъ онъ случай сойтись съ извѣстнымъ Корвелемъ Крюйсомъ, Голландскимъ мореходцемъ, котораго Петръ Великій, въ первую бытность свою въ Голландіи, въ 1697 и 1698 годахъ, убѣдилъ вступить въ Русскую службу. Крюйсъ, прослужа нѣсколько лѣтъ со славою для себя и съ пользою для Россіи, отправленъ былъ Петромъ, съ чиномъ вице-адмирала, въ чужіе края для привлеченія въ Россійскую службу иностранцевъ умныхъ и образованныхъ. Крюйсъ предложилъ молодому Остерману поступить къ нему секретаремъ. Для сына бѣднаго пастора, должность секретаря при сановникѣ, занимавшемъ важное мѣсто при Россійскомъ Дворѣ, было счастливою находкою. Остерманъ радостно согласился, написалъ къ отцу, получилъ его благословеніе и отправился съ Крюйсомъ въ Россію.

Зрѣлище Россіи въ тогдашнее время было крайне любопытнымъ и назидательнымъ для юноши, одареннаго умомъ столь обширнымъ, какъ Остерманъ. Стихія новизны и преобразованій только что приступала еще къ своей борьбѣ со стихіями предрасудковъ закоренѣлыхъ. Но съ Нѣмецкими именами являлись еще Старо-Московскіе обычаи; подъ мундирами нѣмецкаго покроя билась сердца, еще преисполненныя ненависти ко всему чужеземному. Старики, имѣвшіе столь значительный вѣсъ въ тогдашнемъ обществѣ, ненавидѣли иностранцевъ, какъ поборниковъ новизны и преобразованій; молодые видѣли въ чужеземцахъ соперниковъ, скорѣе

Русскихъ достигавшихъ поприща почестей и власти, и, не входя въ расчетъ, что Нѣмцы брали предъ Русскими перевѣсъ своимъ образованіемъ, видѣли въ нихъ лишь веразборчивыхъ искателей счастья. Знаменитыя слова князя Дмитрія Михайловича Голицына — одного изъ первыхъ государственныхъ мужей того времени, но страстнаго врага новизны, — могутъ служить отголоскомъ тогдашняго образа мыслей. «Какая намъ нужда въ обычаяхъ заморскихъ? говорилъ князь Голицынъ. Отцы и дѣды наши жили и безъ нихъ, а мы «развѣ глупѣе своихъ дѣдовъ?» Трудно было въ то время иностранцу (въ особенности молодому, не опытному), ужиться въ Россіи. Остерманъ счастливо умѣлъ избѣгнуть подводныхъ камней, объ которые разбилося столько будущностей. Первымъ, главнымъ стараніемъ его было изученіе языка Русскаго, и не прошло двухъ лѣтъ, какъ онъ уже былъ въ состояніи, не только свободно изъясняться, но даже и хорошо писать по Русски. Въ Россіи нашелъ онъ своего старшаго роднаго брата Іоанна — Христофора — Дитриха Остермана, бывшаго наставникомъ при дочеряхъ Царицы Прасковьи Ѳеодоровны Салтыковой, вдовы Царя Іоанна V Алексѣевича *). (Въ послѣдствіи, когда старшая изъ вѣтвицъ его вышла за герцога Леопольда Мекленбургска-

*.) Тѣ Царевны были: Екатерина Іоанновна, въ послѣдствіи супруга Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, и бабка Императора Іоанна Антоновича; Анна Іоанновна, въ послѣдствіи супруга герцога Курляндскаго и потомъ Императрица Всероссийская; Прасковья Іоанновна, въ послѣдствіи супруга сенатора, генералъ-аншефа Івана Ильича Дмитріева — Мамонова.

го, Леопольдъ нежаловалъ Христофора Остермана барономъ, тайнымъ совѣтникомъ и своимъ посланникомъ при С. Петербургскомъ Дворѣ.) Немедленно по прибытіи въ Москву Генриха Остермана, онъ былъ представленъ, братомъ своимъ, Царицѣ Прасковѣ Ѳеодоровнѣ. Царица, послѣ ласковыхъ распросовъ о его путешествіи, занятіяхъ, спросила: «А какъ, батюшка, имя ваше?»— «*Генрихъ*, Ваше Величество» отвѣчалъ молодой человекъ. «Отца вашего зовутъ *Иваномъ*, возразила Царица, «такъ вамъ слѣдуетъ называться *Андреемъ Ивановичемъ!*») И съ тѣхъ поръ Остермана называли *Андреемъ Ивановичемъ*.

Въ 1707 году, Петръ Великій, случайно находясь на кораблѣ Крюйса, спросилъ у него: нѣтъ-ли при немъ исправнаго чиновника, который былъ бы въ состояніи написать важное письмо. Крюйсъ представилъ Царю молодого Остермана, и письмо, написанное юношею, столь понравилось Петру Великому, что онъ вступилъ съ Остерманомъ въ разговоръ, и пробесѣдовавъ четверть часа, объявилъ Крюйсу, что беретъ къ себѣ секретаря его, письмоводителемъ. Остерману былъ тогда двадцать-одинъ годъ отъ рожденія.

Послѣ полу-годового занятія Остермана въ собственной канцеляріи Царской, послѣдовалъ, 16 февраля 1708 года, указъ объ опредѣленіи его въ посольскую канцелярію переводчикомъ, съ жалованьемъ по двѣсти рублей (тысячу нынѣшнихъ) въ годъ, жалованьемъ значительнымъ по тогдашнему времени. Остерманъ владѣлъ свободно шестью языками: Нѣмецкимъ, Россійскимъ, Голландскимъ, Латинскимъ, Французскимъ и Италиан-

скинъ. Царь съ жаромъ рекомендовалъ его ушному и дѣятельному начальнику посольской канцеляріи, Шафирову, и самому президенту посольскихъ дѣлъ (т. е. министру иностранныхъ дѣлъ), хитрому и уклончивому графу Головкину. Судьба судила Остерману, со временемъ, низвергнуть и замѣнить Шафирова, а графа Головкина заткнуть и лишить всякаго вліянія.

Но въ то время будущій вице-канцлеръ находился еще въ униженномъ состояніи предъ Головкинымъ и Шафировымъ и старательно добивался ихъ милостиваго расположенія. Онъ достигъ желаемаго. Необыкновенными дарованіями обратилъ онъ на себя вниманіе начальниковъ и зависть сослуживцевъ. Ни одной важной бумаги не исходило изъ канцеляріи посольскаго приказа безъ участія или вѣдома Остермана, который, менѣе чѣмъ въ годъ, успѣлъ сдѣлаться правою рукою и неизбѣжнымъ сотрудникомъ Шафирова. Въ 1711 году, Остерманъ пожалованъ былъ (12 іюля) тайнымъ секретаремъ и вмѣстѣ съ Шафировымъ сопровождалъ Петра въ Прутскій походъ, а въ 1713 году, когда дѣло шло о убѣжденіи Берлинскаго двора дѣятельно дѣйствовать противъ Швеціи, онъ отправленъ былъ въ Берлинъ въ февралѣ мѣсяцѣ, для переговоровъ и убѣжденій по сему предмету. Петръ находился въ то время въ Германіи и въ Ганноверѣ, и повелѣлъ графу Головкину заключить съ Остерманомъ договоръ, въ силу коего Остерманъ обязывался, на извѣстныхъ условіяхъ, служить Россіи до окончанія войны со Шведами. Вотъ содержаніе любопытнаго договора, заключеннаго властелиномъ Россіи съ двадцати-шестилѣтнимъ дипломатомъ.

«Понеже секретарь Остерманъ обязался до оконча-
 «нія нынѣшней Шведской войны въ Его Царскаго Ве-
 «личества службѣ пробывать, того ради я ему симъ, мно-
 «земъ Его Царскаго Величества обещаю:

«(1) Что ежели, по окончаніи помянутой войны, онъ
 «въ состояніи не будетъ службу свою продолжать, тог-
 «да онаго или гдѣ нивѣ въ службѣ Его Царскаго Вели-
 «чества употребить, или вовсе уволить и съ милости-
 «вѣйшимъ абшитою отпустить.

«(2) Такжеже, въ бытность его въ службѣ Его Цар-
 «скаго Величества, вездѣ свободную и пристойную квар-
 «теру, или на то деньги дать, чтобъ оную самъ сыскать
 «себѣ могъ.

«(3) И понеже онъ, что до его жалованья надле-
 «жить, какъ прежде сего, такъ и нынѣ себя единой
 «Его Царскаго Величества милости предастъ: того ра-
 «ди я ему обещаю, что онъ, въ бытность его въ Россіи,
 «всегда такимъ жалованьемъ снабденъ будетъ, кото-
 «рымъ онъ честно пропитаться можетъ.

«(4) И обнадеживаю я его впрочемъ о Его Царскаго
 «Величества милости и защищеніи во всякомъ случаѣ.
 «Въ Ганноверѣ, февраля 20 дня 1713 года. Графъ Га-
 «врило Головкинъ.»

16 Января 1716 года Остерманъ пожалованъ совет-
 «никомъ канцеляріи за отличные труды и вѣрность,
 какъ сказано въ указѣ.

Въ то время произошло значительное измѣненіе въ
 «политикѣ Петровой. Петръ желалъ пріобрѣсти часть бе-
 «реговъ Балтійскаго моря, и достигъ желаемаго. Отъ Риги

до Фридрихстама развѣвались Русскія знамена. Дальнѣйшія пріобрѣтенія въ Финляндіи, сколь бы полезны они ни были, не могли войти въ сравненіе съ цѣною проливаемой крови, для государства столь истощеннаго людьми и деньгами, какъ Россія въ то время, послѣ долголѣтней борьбы воинской и затруднительнаго построенія Петербурга. Россія, долго потрясаемая войнами внѣшними и неустройствами внутренними, алкала мира и спокойствія; Петръ желалъ пламенно и того и другаго, въ надеждѣ воспользоваться миромъ для развитія Русской промышленности, для окончательнаго развитія и утвержденія всѣхъ своихъ предпріятій, и для распространенія Русскаго вліянія на Востокъ, давшемъ и постоянномъ предметъ помысловъ его дальновиднаго генія. Съ другой стороны, новый министр Шведскій, умный и предпримчивый баронъ Герцъ, быстро овладѣвшій полною довѣренностію Карла XII, видя невозможность возвращенія отъ Россіи областей, въ послѣдніе годы отторженныхъ ею отъ Швеціи, рѣшился замѣнить эти недавнія потери новыми пріобрѣтеніями. Послѣ первыхъ, предварительныхъ и тайныхъ сношеній, положенъ былъ съѣздъ министровъ на островѣ Аландѣ, съ открытіемъ судоходства, весною 1718 г. Съ Русской стороны назначены были, генералъ-фельдцейхмейстеръ и бергъ-коллегии президентъ Брюсъ и канцеляріи совѣтникъ Остерманъ; съ Шведской баронъ Герцъ и графъ Гилленборгъ: замѣчательный съѣздъ мужей даровитыхъ и дальновидныхъ! Русскимъ уполномоченнымъ вѣлно было требовать уступки Эстляндіи, Ингерманландіи и Карелии; Герцъ хотѣлъ уступить

лишь Ингерманландію и Карелію, оставляя Эстляндію за Швецію, и сверхъ того предлагалъ заключить наступательный союзъ съ Испанскимъ дворомъ, руководимымъ въ то время знаменитымъ Кардиналомъ Алберони, и съ Шотландскими партизанами дома Стюартовъ (сіи послѣдняя часть Герцова проекта находила особенный отголосокъ въ душѣ перваго Русскаго уполномоченнаго, генерала Брюса, потомка древнихъ Королей Шотландскихъ, и родитель коего, Вилліамъ Брюсъ, покинулъ отечество свое, при Кромвелѣ, изъ приверженности къ изгнанному тогда въ первый разъ дому Стюартовъ). Цѣлію этого наступательнаго союза были: низверженіе съ Великобританскаго престола дома Ганноверскаго, и замѣненіе его домомъ Стюартовъ; потомъ низверженіе лучшаго союзника дома Ганноверскаго, регента Франціи, герцога Филиппа Орлеанскаго, и наконецъ присоединеніе къ Швеціи, въ награду за уступаемыя ей Россіи области, королевства Норвежскаго и графствъ Ольденбургскаго и Делменгортскаго, котораго Герцъ предполагалъ завоевать у Дани. На первомъ засѣданіи уполномоченныхъ, 12 маія, возникъ споръ; Брюсъ и Остерманъ не только исполняли полученные ими инструкціи, но еще, по предварительномъ соглашеніи между собою, требовали отъ Герца уступки всей Лифляндіи и города Выборга, услуга, никогда въ послѣдствіи не забытая Петромъ Великимъ, и много содѣйствовавшая къ возведенію Остермана на верхъ почестей. Второе засѣданіе (15 маія) и слѣдующія, остались равно безуспѣшными. Остерманъ не отчаявался. Тонкій знатокъ сердца человѣческаго, проникательнымъ

умомъ и виративный обращеніемъ, онъ искалъ довѣренности Гёрцовой, и столь искусно умѣлъ поддѣлаться къ нраву и склонностямъ Шведскаго министра (одного изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ мужей своего времени), что менѣе чѣмъ въ шесть недѣль находился съ нимъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ и пользовался его дружбою! Вліяніе Остермана было столь значительно, что 2 іюля Гёрцъ отправился въ Стокгольмъ, къ Королю, убѣждать его согласиться на требованія Россійскихъ уполномоченныхъ, и, по прошествіи *недѣли*, возвратился съ согласіемъ Карла XII (который, какъ извѣстно, вообще не славился своею уступчивостію). Съ іюля по октябрь, переговоры длились въ отпошени къ второстепеннымъ предметамъ, какъ-то: количеству хлѣба, назначаемаго къ ежегодному вывозу, изъ Лифляндіи въ Швецію, и числу денегъ, опредѣляемыхъ на беспошлинный вывозъ этого хлѣба. Въ исходѣ октября обѣ стороны сошлись во всемъ и миръ являлся не минуемымъ, но судьба судила иначе.... 1³ ноября, въ мрачный и хладный зимній вечеръ, Карлъ XII, осаждавшій Фридрихсгамъ въ Норвегіи, палъ въ траншеѣ отъ пушечной пули, направленной неизвѣстною рукою. Сестра его Ульрика—Элеонора, княгиня Гессенъ-Кассельская, вступила на престолъ Шведскій подъ руководствомъ сената, предписавшаго ей условія, которыя ограничивали власть Королевскую; Гёрцъ, ненавидимый сенатомъ, былъ арестованъ, преданъ шемякинскому суду, и казненъ. На мѣсто его присланъ былъ на Аландъ графъ Лиліенстедтъ, начавшій требовать возвращенія всѣхъ областей, у Швеціи завоеванныхъ; вся-

кая надежда на миръ исчезла; самые переговоры были прерваны.....

Многіе удивляются горькимъ слезамъ, проліяннымъ Петромъ Великимъ при полученіи извѣстія о внезапной гибели Карла XII, и замѣчательному восклицанію: *жаль мнѣ тебя, братъ Карль!* Кончина Карла XII лишила Петра всякой надежды на немедленный миръ, и возвѣщала ему продолженіе борьбы кровавой и утомительной....

Война вскипѣла снова: мужественный князь Михайло Михайловичъ Голицынъ разилъ Шведовъ и на сушѣ и на морѣ, и покорилъ всю Финляндію скипетру Россійскому. Два года съ половниною протекли и весною 1721 года новый конгрессъ назначенъ въ Ништадтѣ. Россійскими уполномоченными назначены были, по прежнему, Брюсъ и Остерманъ, который въ прошломъ 1720 году посланъ былъ въ Стокгольмъ, но безуспѣшно, ибо успѣхъ былъ еще въ то время невозможнымъ, по причинѣ неимовѣрнаго ожесточенія Шведовъ противъ Россіи. Шведскими уполномоченными были графъ Лиліенстедтъ и баронъ Стремфельдъ. Петръ, при отправленіи своихъ уполномоченныхъ въ Ништадтъ, столь былъ увѣренъ въ неминуемомъ заключеніи мира, что возвелъ Брюса въ графское достоинство, а сенату послалъ запечатанный указъ, съ повелѣніемъ распечатать при заключеніи мира. Вотъ содержаніе указа:

«Объявляемъ симъ, что Мы Андрея Остермана, за вѣрную его къ Намъ службу, Нашимъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Барономъ Нашего Россійскаго Государства,

«Всемилюстивѣйше пожаловали. Петръ. P. S. Объявить
«при подписаніи трактата.»

Петру столь настоятельно хотѣлось мира, что онъ дозволилъ графу Брюсу и Остерману согласиться, въ случаѣ необходимости, на возвращеніе Швеціи города Выборга. Остерману извѣстно было, что въ числѣ лицъ, которые сильно ему завидовали и тщетно домогались званія уполномоченнаго на конгрессѣ Ништадтскомъ, находился Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, генераль-адыютантъ и любимецъ Царскій, дипломатъ искусный и тонкій. Остерманъ, состоявшій въ дружественныхъ связяхъ съ Выборгскимъ комендантомъ Иваномъ Максимовичемъ Шуваловымъ *), убедилъ его, если Ягужинскій отправленъ будетъ въ Ништадтъ, то, по извѣстной слабости Ягужинскаго къ крѣпкимъ напиткамъ, накормить и напоить его безъ мѣры, и уложить на нѣсколько часовъ въ постель, а между тѣмъ увѣдомить Остермана чрезъ курьера. Такъ и сбылось. Ягужинскій отправленъ былъ отъ Петра съ повелѣніемъ Брюсу и Остерману согласиться на отдачу Выборга. Шуваловъ пригласилъ Ягужинскаго къ обѣду, напоилъ и уложилъ его, а къ Остерману отправилъ гонца. Остерманъ немедленно объявилъ Шведскимъ уполномоченнымъ, что получилъ отъ Царя повелѣніе чрезъ два часа отправить къ нему вѣсть о подписаніи трактата, или о

*) И. М. Шуваловъ былъ родителемъ фельдмаршала графовъ Александра и Петра Шуваловыхъ, изъ коихъ послѣдній былъ родоначальникомъ графскаго дома Шуваловыхъ. У И. М. Шувалова были два младшіе брата: Егоръ и Иванъ; послѣдній былъ родителемъ знаменитаго Ивана Ивановича Шувалова.

разрывъ переговоровъ. Лиленстедтъ и Стремфельдъ испугались, и договоръ былъ подписанъ за нѣсколько часовъ до прїѣзда Ягужинскаго, который никогда не могъ того забыть, и сдѣлался злѣйшимъ врагомъ Брюсу и Остерману. За то можно себя представить восхищеніе Петра, при полученіи договора, превосшедшаго все его ожиданія! Вотъ письмо его къ графу Брюсу и къ барону Остерману: «Трактатъ, вами заключенный, столь искусно составленъ, что и мнѣ самому не можно бы слышать оного нависать, для подписи господамъ Шведамъ. Славное сіе въ свѣтѣ ваше дѣло останется на всегда незабвеннымъ; никогда наша Россія такого ползлаго мира не получала! Правда, долго ждали, да дождались, за что всегда будетъ Богу, всѣхъ благъ виновнику, нынѣ хвала!»

Оба уполномоченные награждены были деревнями и знатною суммою денегъ. Для характеристики Брюса и Остермана прибавить должно, что изъ предоставленныхъ имъ отъ Государя на тайные расходы тридцати тысячъ червонцевъ, сберегли они въ пользу казны девять тысячъ.

По возвращеніи Остермана въ С. Петербургъ, Петръ, обласкавъ его, сказалъ: «Все это хорошо, Андрей Ивановичъ! Ты теперь и знатенъ и богатъ - пока я живъ, но не стань меня, и что сдѣлается съ тобою? Ты въ Россіи чловѣкъ чужой; не имѣешь родственныхъ связей. Я хочу тебя женить, и выбрать тебѣ невесту!» Остерманъ изъявилъ согласіе и Петръ женилъ его на двадцати-трехъ-лѣтней дѣвицѣ, Марѣ Ивановнѣ Стрѣшневой, невестѣ богатой и принадлежавшей къ фамиліи,

родственной дому Царскому. (Извѣстно, что бабка Петра Великаго, Царица Евдокія Лукьяновна, была дочерію боярина Лукьяна Стенановича Стрѣшшева). Отъ брака сего родились два сына, графъ Федоръ и графъ Иванъ, и дочь, графиня Анна, супруга генераль-аншефа Матвѣя Андреевича Толстаго и бабка нынѣшняго графа Александра Ивановича Остермана-Толстаго.

Говоря доселѣ о великихъ услугахъ, оказанныхъ Остерманомъ Россіи, мы должны теперь приступить къ описанію одного изъ чернѣйшихъ пятенъ его политическаго поприща. Сперва кліентъ, потомъ сотрудникъ, наконецъ, въ последнее время, мнимый другъ вице-канцлера барона Шафирова *) онъ добивался его мѣста и всѣми силами старался его погубить. Величайшими врагами вице-канцлера были: фельдмаршалъ князь Меншиковъ, канцлеръ графъ Головкинъ и оберъ-прокуроръ сената Скорняковъ - Писаревъ. Въ бытность Петра Великаго въ Персидскомъ походѣ, у Шафирова съ Скорняковымъ-Писаревымъ произошла ссора, изъ нея тяжба, и наконецъ, въ самомъ сенатѣ, сцена, отразившая-

*) Сынъ Московскаго сидѣльца, Петръ Павловичъ Шафировъ, началъ службу въ Посольскомъ Приказѣ; былъ первымъ въ Россіи вице-канцлеромъ, вице-президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, и пожалованъ былъ барономъ 30 мая 1710 г. Приговоръ ему былъ на смертную казнь, но Петръ Великій переѣвилъ оный, 15 февраля 1723 г., на вѣчное изгнаніе въ Новгородъ, откуда Шафировъ возвращенъ былъ Елизаветиною 1-ю, и при Аннѣ находился снова сенаторомъ, действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ коммерцъ-коллегіи. Сей искусный дипломатъ скончался 1 марта 1739 г., и со смертію единственнаго сына его, барона Исая Петровича, пресѣкъ родъ бароновъ Шафировыхъ.

ся отчасти на князѣ Меншиковѣ и на графѣ Головкинѣ, и столь неблагопристойная, что графъ Брюсъ торжественно вышелъ изъ присутствія, объявивъ, что подобныя происшествія служатъ въ обиду всему сенату. По возвращеніи Петра, враги Шафирова и въ томъ числѣ Остерманъ, успѣли дать такой оборотъ дѣлу, что Шафировъ отданъ былъ подъ слѣдствіе нарочно-наряженной комиссіи, наименованной *вышнимъ судомъ*, и составленной изъ недоброжелателей вице-канцлера *). 15 февраля 1723 г. Шафировъ былъ сосланъ; Остерманъ же, притворившись своимъ много содѣйствовавшій къ его гибели, назначенъ, вмѣсто его, вице-президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и сенаторомъ, но не получилъ званія вице-канцлера, коего ревностно домогался. Въ послѣдніе годы жизни Петровой Остерманъ усердно служилъ Екатеринѣ и сдѣлался любимцемъ Меншикова. Сей послѣдній искалъ въ то время престола Курляндскаго, совѣтовался съ Остерманомъ и наконецъ сталъ просить его о поѣздкѣ въ Митаву, для хлопотъ по сему предмету. Остерманъ не могъ отказаться, по не предвидя успѣха и не любя предпринимать неудобноисполнимаго, общалъ съѣздить: натеръ себѣ лице вишневыми ягодами, увѣрилъ всѣхъ, что у него желтуха, и не поѣхалъ!

Въ то время дворъ раздѣлялся на двѣ партіи: лю-

*) *Вышній судъ* составляли: генераль - фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ; дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Мусинъ - Пушкинъ; генераль-аншефъ Бутурлинъ; тайный совѣтникъ графъ Матвеевъ; генераль-маіоръ: Головинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ (мужъ Царевны Прасковьи Іоанновны); бригадиръ Воейковъ; полковникъ Блекмей, гвардіи капитанъ: Бредихинъ и Баскаковъ.

бителей старины и любителей новизны. Первая была многочисленнѣе. Къ ней принадлежали семьи: князей Долгоруковыхъ, Голицыныхъ, Рѣпинныхъ, Трубецкихъ, Барятинскихъ, Одоевскихъ, большая часть знатнаго дворянства и все высшее духовенство. Къ этой партіи принадлежали: семья Нарышкиныхъ, сильная своимъ несмѣтнымъ богатствомъ и родствомъ съ Царскимъ домомъ; семья Апраксинныхъ, сильная своимъ богатствомъ и генераль-адмиральскимъ званіемъ графа Феодора Матвѣевича; семья Лопухиныхъ, изгнанная отъ Двора, но сильная богатствомъ, а еще сильнѣйшая родствомъ съ законнымъ наследникомъ престола, Великимъ Княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, родная бабка коего, первая супруга Петра Великаго, разведенная и постриженная Царица Евдокія Феодоровна, была изъ роду Лопухиныхъ. Вторую партію составляли всѣ иностранцы, въ Россіи служившіе, и нѣсколько Русскихъ, вѣрующихъ въ предначертанія Петра Великаго. Изъ Русскихъ главными были: князь Меншиковъ, сынъ бѣднаго прожника, Петромъ возведенный на степень генераль-фельд-маршала, князь обѣихъ Имперій, Россійской и Римской, владѣлецъ девяноста тысячъ душъ крестьянъ и несмѣтнаго движимаго имущества, оправдавшій свое возвышеніе гениемъ государственнымъ и дѣятельностію необыкновенною; на высотѣ могущества, онъ запятналъ себя криводушіемъ, жестокостію, любостыжаніемъ и неблагодарностію; въ послѣдствіи, лишенный власти, почестей и богатства, удаленный на хладныя тундры полуночной Сибіри, онъ являлъ себя героемъ въ несчастіи; жила себязубцемъ, а скончался праведникомъ! Графъ

Петръ Андреевичъ Толстой, мужъ ума государственнаго, въ молодости своей голова Стрѣлецкій и мювретъ Царевны Софїи, въ послѣдствїи ревностный слуга Петра и Екатерины, безразборчивый и безжалостный исполнитель тайныхъ порученїи всякаго рода; Павелъ Ивановичъ Ягужинскій (въ послѣдствїи графъ), генераль-прокуроръ сената, дипломатъ искусный; Графъ Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ, мужъ ума недалекаго, но благородный и прямодушный, права рѣшительнаго, сынъ знаменитаго боярина Матвѣева; Андрей Ивановичъ Ушаковъ (въ послѣдствїи графъ), послѣдователь графа П. А. Толстаго, вкрадчивый обхожденїемъ, злобный душою; Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, кабинетъ-секретарь Царскій, облеченный довѣренностию Петровою, но преданный, или правильнѣе сказать, проданный Мещникову. Изъ иностранцевъ, кромѣ Остермана, особенно замѣчательны были: генераль-фельдцейхмейстеръ графъ Яковъ Виллимовичъ Брюсъ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ своего вѣка, мужъ ума возвышеннаго и высокой добродѣтели, и еще два человека, столь же различныя дарованїями, сколь и качествами, и оба немнѣшніе еще значенїя, въ послѣдствїи ими прїобрѣтеннаго: генераль Минихъ и баронъ Левенвольде. Минихъ, сынъ Ольденбургскаго крестьянина, началъ службу подъ знаменами принца Евгенїя; не задолго предъ тѣмъ вступилъ въ Русскую службу; въ послѣдствїи получилъ отъ Петра II-го графское достоинство; отъ Императрицы Анны — жезлъ фельдмаршальскій: ознаменовалъ себя блистательными дарованїями воинскими, высокими умомъ государственнымъ и стяжалъ любовь

Русскихъ солдатъ, которые, забывая иностранное происхожденіе Минниа, обожали его и называли *своимъ ленимъ соколомъ*. Рейнгольдъ Левенвольде, потомокъ древней баронской Остзейской фамилии, началъ службу въ войскѣ Шведскомъ; взятъ былъ въ плѣнъ подъ Платавою; жилъ и питался картами; красавецъ собою, попалъ ко двору въ камергеры, и въ послѣдствіи получилъ отъ Екатерины чинъ оберъ-гофмейстера и графское достоинство. Баловень судьбы, онъ отличался неразборчивостію въ средствахъ къ пріобрѣтенію денегъ, которыя на слѣдующій же день проматывалъ, но въ качествѣ тайнаго агента вдовствующей герцогини Курляндской, Царевны Анны Юанновны, пользовался благосклонностію и покровительствомъ сѣльнаго и могущественнаго дома Салтыковыхъ, ближайшихъ родственниковъ Царевны-герцогини, по ея матери, Царигъ Прасковѣ Теодоровнѣ, рожденной Салтыковой. Антонъ Мануиловичъ Девіеръ, сынъ Португальскаго жидка, купленный Петромъ съ корабля, гдѣ онъ находился каютнымъ мальчикомъ, нынѣ генералъ-адъютантъ и любимецъ Царскій, былъ важенъ для партіи по своему знанію С. Петербургскаго оберъ-полиціймейстера; оказалъ Екатеринѣ величайшія услуги, и получилъ, въ послѣдствіи, отъ нея, награду неожиданную: графское достоинство. Три первостепенные и безразборчивые челоуко-угодника: канцлеръ графъ Гавриилъ Ивановичъ Головкинъ, сенаторъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ и Архіепископъ Новгородскій Феофанъ Прокоповичъ, не принадлежали ни въ той, ни къ другой партіи, а старались угождать обѣимъ.

Партія любителей старины опиралась на имя законнаго наследника престола, юнаго Великаго Князя Петра Алексѣевича, и мысленно основывала свои надежды на будущемъ, предполагаемомъ влияніи бабки его, постриженной Царицы Евдокіи Феодоровны, и на воспоминаніи объ участи родителя юнаго Великаго Князя, Царевича Алексѣя Петровича. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ обстоятельствахъ, партія любителей новизны опиралась на имя Екатерины; самъ Петръ, видя малолѣтство Великаго Князя, и для избѣжанія неудобствъ и опасности, сопряженныхъ съ регентствомъ, хотѣлъ оставить вѣнецъ Екатерины; для сей цѣли короновалъ ее въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, 7 маія 1724 г., полагая всѣ предпріятія свои болѣе прочными подъ скипетромъ сироты, имъ возвеличенной, имъ образованной и окруженной его главнѣйшими сподвижниками и довѣренными лицами. Ровно чрезъ полгода послѣ коронованія Екатерины, Петръ совершенно измѣнилъ свои намѣренія: 24 ноября обручилъ старшую дочь свою, Цесаревну Анну Петровну, съ герцогомъ Голштейнскимъ; намѣревался посвятить свадьбою, и за малолѣтствомъ Великаго Князя Петра, во избѣжаніе регенства, оставить престоль Цесаревнѣ Аннѣ. Смерть Императора остановила исполненіе намѣреній его... Въ послѣдніе мѣсяцы жизни Петровой, при дворѣ могли бы произойти величайшія перемѣны, если бы ходатайство и убѣжденія графа П. А. Толстаго и барона Остермана, на колѣняхъ умолявшихъ Петра не спѣшить переворотами, не остановили Императора. Но если бы Петру судьба дала еще прожить нѣсколько мѣсяцевъ; то Мен-

шниковъ и другія важнѣйшія лица, визринуты были-бы въ бездну гибели....

Старинный, невзлѣченный недугъ, душевныя волненія и сильная простуда, полученная имъ при спасеніи солдатъ, утопавшихъ на Невѣ, сократили жизнь Петра. Пятидесятидвухлѣтній Императоръ, исполнивъ супруженіемъ, исполнивъ здоровьемъ, въ половинѣ января 1725 года лежалъ на одрѣ смертномъ... Вокругъ этого одра боролись страсти, проски, надежды, опасенія. Екатерина не покидала умирающаго. Частыя совѣщанія происходили между княземъ Меншиковымъ, архіепископомъ Теофаномъ, графомъ Толстымъ и барономъ Остерманомъ. На эти совѣщанія приглашаемъ былъ обыкновенно министръ и бывшій воспитатель герцога Голштейнскаго, графъ Бассевичъ, дипломатъ искусный и тонкій. Меншиковъ переманилъ на свою сторону Ивана Ивановича Бутурлина, подполковника преображенскаго полка, имѣвшаго большое вліяніе на свой полкъ. 26 января уже не оставлось никакой надежды. Сенатъ и первостепенные сановники, въ томъ числѣ и баронъ Остерманъ, собравшись во дворцѣ, пребывали въ немъ почти безвыходно *). 27 января, Теофанъ исповѣдалъ Царя, причастилъ и соборовалъ елеемъ. Петръ молился, вѣворяя: *вѣрю, Господи, и исповѣдую; вѣрю, Господи, помози моему невѣрью*, и послѣ сказалъ: *надѣюсь, что Богъ проститъ мнѣ всѣ безчисленные грѣхи мои, ради добра, которое я сдѣлалъ своему народу!* По-

*) Дворецъ, гдѣ скончался Петръ Великій, находился на канавкѣ имѣвшаго Зимняго Дворца, гдѣ нынѣ преображенскія казармы, въ большой милліонной.

томъ, спросивъ ассидающую доску, написалъ: *отдаю все...* Грифель выпалъ изъ рукъ его. *Позовите Аннушку!* произнесъ онъ. Цесаревна Анна Петровна подошла къ постели, но Петръ уже лишился языка, а въ слѣдъ за тѣмъ и чувствъ. Протекло еще нѣсколько часовъ и 28 января, въ четверть пятого часа по полуночи, Петръ испустилъ дыханіе.

За нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, Бутурлинъ окружилъ дворецъ Преображенскими солдатами. Лишь только вѣсть о кончинѣ Императора достигла до залы, гдѣ собраны были сенаторы и сановники, Бутурлинъ отворилъ форточку, высунулъ голову, скомандовалъ — и барабаны загремѣли. «Это что значитъ?» воскликнулъ президентъ военной коллегіи, фельдмаршалъ князь Антона Ивановичъ Ршнинъ, мужъ прямодушный и надменный. «Кто осмѣлился распорядиться безъ моего вѣдома? Или меня уже перестали почитать главнымъ (начальникомъ войскъ)?» — «Это значитъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Бутурлинъ, что распорядился я, но называю Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, которой и вы, и я, и всѣмъ вѣрнымъ сынамъ отечества обязаны безпроясломъ повиновеніемъ!» Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, истинный руководитель партіи старинно-любителей, предложилъ приступить къ совѣщанію о наследствѣ престола: Меншиковъ возразилъ, что совѣщанія никакого не нужно, и, осмѣлая на присутствовавшего кабинетъ-секретаря Макарова, сказалъ, что воля усопшаго Императора достаточно ознаменована торжественнымъ коронованіемъ Екатерины, за во-

семь тысячъ предъ тѣмъ, въ Москвѣ. Мещиннова пригласилъ всѣхъ нтти въ церковь, присягать Императрицѣ, что и было немедленно исполнено. Въ Москву, съ извѣстіемъ о томъ, отправленъ былъ сенаторъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Московскій губернаторъ, сенаторъ графъ Матвѣевъ, безпрекословно привелъ первопрестольную столицу къ присягѣ на вѣрность Еккатеринѣ 1-й. При раздачѣ наградъ, Остерманъ, принявшій столь дѣятельное участіе въ послѣднихъ событіяхъ, получилъ давно-желанное имъ званіе вице-канцлера.

Донынѣ видѣли мы въ Остерманѣ сановника, облеченнаго довѣренностію Царскою и призываемаго къ совѣщанію о важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ. Со дня кончины Петровой увидимъ мы Остермана главнымъ руководителемъ дѣлъ политики внѣшней; впрочемъ, осторожный до боязливости и хитрый до невѣрооятности, новый вице-канцлеръ никогда не дѣйствуетъ прямо, а всегда черезъ другихъ, отклоняя отъ себя ответственность, предоставляя другимъ опасность предпріятія, а себѣ выгоду успѣха, всегда напередъ зрѣло обдуманнаго и вѣрно-рассчитаннаго. Отличительною чертою характера Остермана, было необыкновенное искусство избирать цѣль и средства къ ней ведущія; научать другихъ дѣйствовать, или, говоря простонароднымъ выраженіемъ, «чужими руками жаръ загребать» и въ несчастствіи присвоивать себѣ всѣ плоды побѣды.

Со дня кончины Петровой, президентъ коллегій иностранныхъ дѣлъ, канцлеръ графъ Головинъ, предвѣдая борьбу партій и крамоль, сталъ мало по малу уклонять-

ся отъ дѣлъ, и сохраняя всѣ свои высокія званія и титла, предоставлялъ товарищу своему настоящее управленіе политическими дѣлами. Можетъ быть, зная характеръ Остермана, страшился онъ плачевной участи, постигшей Шафирова; можетъ быть, изъ ничтожества достигнувъ высшей степени почестей и богатства, жемалъ, на шестидесяти-пяти-лѣтнемъ возрастѣ, вкусить отдыхъ и спокойствіе; какъ бы-то ни было, кормило вѣншей политики перешло въ руки тридцати-девятилѣтняго вице-канцлера, который, въ день бравосочетанія Цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голштейнскимъ (21 маія 1725 г.), пожалованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Не довольствуясь вліяніемъ на дѣла вѣншія, Остерману хотѣлось имѣть сильный голосъ и въ дѣлахъ внутреннихъ. Кормило правленія внутренняго находилось въ рукахъ самолюбиваго, гордаго Меншикова. Что же выдумалъ Остерманъ? Убѣдилъ Меншикова переименовать сенатъ, изъ «правительствующаго» — «*высокимъ*» и учредить высшее правительственное мѣсто, куда бы всѣ бумаги постували, какъ бы къ самой Императрицѣ. Въ февралѣ 1726 г. учрежденъ былъ *верховный тайный совѣтъ*. Членами назначены были: фельдмаршалъ князь Меншиковъ, генераль-адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ и три дѣйствительные тайные совѣтника: графъ Толстой, князь Дмитрій Голлицинъ и баронъ Остерманъ. Первымъ и важѣйшимъ лицомъ былъ Меншиковъ, неограниченный властелинъ Имперіи; Головкинъ и Апраксинъ, по болзни уклоняясь отъ дѣлъ, не были опасными для вице-канцлера; графъ Толстой

былъ для него полезнымъ; оказавъ большія услуги Ека-
теринѣ, онъ пользовался ея довѣренностію, и хотя кле-
ветъ и раболѣпный поклонникъ Меншикова, втайнѣ
его ненавидѣлъ и искалъ лишь удобнаго случая его низ-
вергнуть. Назначеніе князя Голицына было верхомъ
искусства политики Остермановой. Князь Дмитрій былъ
душою партіи старинно-любителей; назначеніе его не
только приобрѣтало благодарность всей этой партіи,
многочисленной и могущественной, но еще дозволяло
Остерману чаще видѣться съ княземъ Дмитріемъ и
черезъ то ближе и удобнѣе наблюдать за его дѣйстви-
ми. Вскорѣ герцогъ Голштейнскій назначенъ былъ чле-
номъ совѣта. По извѣстной малоспособности герцога къ
дѣламъ, назначеніе сіе не должно было, казалось, имѣть
важныхъ послѣдствій. Вышло иначе. Самолюбивый Мен-
шиковъ, принужденный уступить герцогу первыя кре-
сла въ совѣтѣ, возненавидѣлъ его за то. Общее мнѣніе
съ удивленіемъ и сожалѣніемъ замѣчало, что въ совѣтѣ
не присутствуютъ два человека, благородствомъ ду-
шевнымъ и прямизною права стяжавшіе уваженіе и
друзей и недруговъ: фельдмаршалъ князь Рѣпинъ и
генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ. Рѣпинъ,
бывшій другомъ Петра Великаго и всегда неуклонно
вѣщавшій ему истину, скорѣ скончался. Брюсъ оби-
дѣлся, подалъ въ отставку, получилъ увольненіе съ по-
четнымъ званіемъ генералъ-фельдмаршала, удалился въ
свою подмосковную и съ тѣхъ поръ, до конца жизни
своей (въ 1735 г.), посвятилъ себя исключительно на-
укамъ. Тогда посолъ Вѣнскаго двора, графъ Рабутинъ
(родственникъ знаменитой маркизини Севинье), дипло-

мать искусный и предприимчивый, сталъ хлопотать о назначеніи наслѣдникомъ престола юнаго Великаго Князя Петра Алексѣевича (извѣстно, что тогдашній Императоръ Германскій Карлъ VI-й и Царевичъ Алексѣй Петровичъ женаты были на родныхъ сестрахъ: юный Великій Князь былъ роднымъ племянникомъ Императора). Для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, Рабутинъ обратился къ двумъ важнѣйшимъ министрамъ: Меншикову и Остерману. Меншикову Рабутинъ обѣщаль согласіе Императора на бракосочетаніе Петра съ старшею дочерью его, княжною Маріею, а въ послѣдствіи, можетъ быть, и званіе курфюрста Римской Имперіи; Остерману обѣщаль графское достоинство и званіе воспитателя Великаго Князя. Сіе послѣднее обѣщаніе было даже немедленно исполнено Меншиковымъ. Остерманъ назначенъ былъ воспитателемъ Петра, и получивъ, по сему случаю, 1 января 1727 г., Андреевскую ленту. Всегда хитрый и осторожный, Остерманъ выпросилъ въ тотъ же самый день, у Меншикова, Андреевскую ленту и для соперника своего въ совѣтѣ, князя Дмитрія Голицына, который, съ умомъ обширнымъ и съ нравомъ самымъ рѣшительнымъ, сочеталъ необузданное честолюбіе и гордость непопулярную,

Во время отсутствія изъ С. Петербурга Меншикова, зашедшаго въ Митаву, для домогательствъ о престолѣ Курляндскомъ, тайные враги его, графы Толстой и Девиеръ, генералы Бутурлинъ и Ушаковъ, оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ, составили противъ него заговоръ и указъ о взятіи Меншикова подъ стражу былъ уже подписанъ Императрицею. Остерманъ не былъ на

сторонѣ Толстаго и Девьера. Толстой, пріявшій столь важное участіе въ дѣлѣ Царевича Алексѣя Петровича, не могъ желать воцаренія сына Алексѣева. Остерманъ, напротивъ, желалъ возвышенія юнаго своего питомца. Къ счастью Меншикова, герцогъ Голстейнскій неожиданно и необдуманно вступился за него, на собственную бѣду свою, какъ увидимъ далѣе. Екатерина уничтожила указъ, и Меншиковъ, по возвращеніи своемъ, явился еще сильнѣе прежняго. Заговорщики были арестованы, заключены въ Петропавловскую крѣпость, и въ самый день Екатерининной кончины отправлены въ ссылку *). Въ февралѣ мѣсяцѣ Екатерина заболѣла, три мѣсяца томилась на смертномъ одрѣ и подписала, по усильнымъ убѣжденіямъ Меншикова, завѣщаніе, въ коемъ оставляла престолъ Великому Князю, и предписывала ему жениться на княжнѣ Маріѣ Александровнѣ Меншиковой; опеку же предоставляла верховному тайному совѣту, въ коемъ назначалось присутствовать: Цесаревичъ Антѣ, герцогу Голстейнскому и Цесаревичъ Елисаветѣ. 6 мая 1727 г., въ шесть часовъ по полудни, Екатерина скончалась. Меншиковъ окружилъ дворецъ гвардейскими полками, велѣлъ запереть городскія ворота, на слѣдующее утро собралъ во дворцѣ членовъ совѣта и сенаторовъ; повелъ ихъ въ церковь, и всѣ, начиная съ Цесаревны Ан-

*) Графы Толстой и Девьеръ, и потомки ихъ, лишены были графскаго достоинства, пожалованнаго Толстому Петромъ Великимъ, въ день Екатерининной коронаціи, 7 мая 1724 г., а Девьеру Екатериною, въ 1726 г., не задолго до его ссылки. Елисавета возвратила графство: Девьеру въ 1743 г., а сыновьямъ и внукамъ Толстаго 30 мая 1760 г.

ны и съ герцога Голштейнскаго, безпрекословно цѣловали крестъ, въ рукахъ архіепископа Теофана, на вѣрность Императору Петру II-му.

Немедленно за тѣмъ, Меншиковъ перевезъ юнаго Императора къ себѣ въ домъ; чрезъ двѣ недѣли обручилъ его съ своею дочерью, княжною Марією; началъ властвовать самовластно, произвольно расточалъ милости и ошаны; объявилъ самаго себя генералиссимусомъ, завладѣлъ брилліантами и посудою Царскою, и совершенно уничтожилъ, на дѣлѣ, власть, завѣщаніемъ покойной Императрицы предоставленную верховному тайному совѣту. Грубыми поступками своими принудилъ онъ герцога Голштейнскаго и супругу его удалиться изъ Россіи, и удержалъ денежную сумму, составлявшую вѣно Цесаревны. Забывая не только благодарность, которою онъ обязанъ былъ сотруднику своему Остерману, и пользу, каковую вице-канцлеръ могъ принести ему въ будущемъ, но даже и чувство приличія, онъ однажды до того забылся, что послѣ политическаго спора съ Остерманомъ, сказалъ ему: «если когда въ другой разъ ты осмѣлишься со мною такъ дерзко спорить, то у меня живымъ издохнешь на колесѣ!» Остерманъ смолчалъ, но поклялся отмстить, и сдержалъ слово.

Сосланный графъ Толстой замѣненъ былъ, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Васиіемъ Лукичемъ Долгоруковымъ, на котораго Меншиковъ думалъ полагаться, но князь Васиій, родной племянникъ князя Якова Федоро-

внча, не отличался прямою душевною, обезсмертвшею въ Русскихъ лѣтописяхъ память его дяди. Съ умомъ обширнымъ, прощательнымъ и тонкимъ, онъ сочеталъ нравъ лукавый, и возвысился чрезъ покровительство Меншикова, искалъ нынѣ средствъ къ его гибели. Князь Василій и Остерманъ угадали другъ друга и вскорѣ сошлись между собою. Они рѣшились дѣйствовать чрезъ двоюроднаго племянника князь Васильева, девятнадцатилѣтняго князя Ивана Долгорукова. Родитель сего послѣдняго, князь Алексѣй Григорьевичъ, находился гофмейстеромъ при Императорѣ, и самъ князь Иванъ, неразлучный спутникъ и собесѣдникъ юнаго Петра, пользовался неограниченною его довѣренностію. Подробности паденія Меншикова всѣмъ извѣстны и напечатаны въ двадцати разныхъ книгахъ. Бѣгло обозрѣвая ходъ событій и не имѣя времени распространяться, мы скажемъ только, что всемогущій баловень судьбы, въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ постоянно сокрушавшій всѣ козни придворныя, въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1727 г. палъ предъ пронсками девятнадцатилѣтняго юноши.

Сколь ни велики были пороки Меншикова, но паденіе этого исполина оставило какую-то пустоту въ Имперіи. Вакантное мѣсто въ совѣтѣ занялъ князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ. Но вскорѣ Остерманъ увидѣлъ, что прежнее значеніе его исчезло, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы въ то время не было жестокой вражды между князьями Долгоруковыми и князьями Голицынскими, тогда бы вице-канцлеръ погибъ невозвратно.

Вражда этихъ двухъ сильнѣйшихъ княжескихъ домовъ союза Остермана, слѣдовавшаго въ то время системѣ политики, въ послѣдствіи прозванной Французами, въ эпоху министерства герцога Деваза, *le système de la bascule*. Въ такомъ положеніи находился Остерманъ во все царствованіе Петра II, и не получилъ даже графскаго достоинства, котораго домогался, и которое пожаловано было, въ день Императорскаго коронованія (25 февраля 1728), другу его, генералу Миниху. Петръ II рѣшился перенести снова столицу въ Москву и хотя намѣреніе это совершенно противорѣчило мыслямъ Остермана, но вице-канцлеръ долженъ былъ таить свой образъ мыслей, изъ опасенія навлечь себя гибель со стороны особъ, занимавшихъ первыя мѣста при Дворѣ. Въ то время Остерманъ ревностно трудился въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и неоднократно хворалъ отъ огорченія.

Само собою разумѣется, что, по удаленіи Меншикова, обрученіе Императора съ княжною Марією Александровною было разрушено. Петръ весьма тому радовался, не любя княжны Маріи.

Князь Иванъ Долгоруковъ вознамѣрился женить Императора на сестрѣ своей. Еще въ послѣдніе мѣсяцы владычества Меншикова, Остерманъ, тайно снабжал князя Ивана совѣтами, какъ ему поступать и дѣйствовать къ гибели Меншикова, мимоходомъ, для поощренія

его, намечалъ о будущей возможности устроить бракъ Петровъ съ одною изъ княженъ Долгоруковыхъ. Нынѣ князь Иванъ достигъ своей цѣли. Петръ, проведя девять недѣль въ Горенкахъ, подмосковной князя Алексѣя Григорьевича, возвратился 9 ноября 1729 г. въ Москву, и 19 числа, собравъ дворъ, велѣлъ Остерману объявить всѣмъ о предстоящемъ бракосочетаніи его съ княжною Елатериною Алексѣевою Долгоруковою. 30 ноября, послѣдовало торжественное обрученіе. Остерману хотя и непріятенъ былъ сей бракъ, но вице-канцлеръ былъ слишкомъ хитеръ для противодѣйствія неотразимому ходу событій, и слишкомъ остороженъ для изъясненія безполезнаго неудовольствія. 6 января, юный Императоръ сильно простудился на обрядѣ водосвятія, на Москвѣ рѣкѣ; вскорѣ открылась осна; Императоръ вторично простудился, и 17 числа всякая надежда на выздоровленіе исчезла. Остерманъ прекрасно велъ себя въ послѣдніе дни жизни юнаго вѣнценосца; не покидалъ своего нѣтомца; ухаживалъ за нимъ съ отцовскою нѣжностію, и 19 января, въ три часа по полуночи, принялъ послѣдній вздохъ его. Предвидя при дворѣ крамолы и перевороты, онъ расчелъ за лучшее отъ всего на время отстраниться, пока обстоятельства не воспріимутъ хода рѣшительнаго и прочнаго вмѣстѣ. Со слезами облобызавъ хладную руку усопшаго Императора, онъ велѣлъ, при себѣ, обмытъ и одѣтъ трушъ; и, по исполненіи плачевнаго обряда, вмѣсто того, чтобы идти въ засѣданіе верховнаго тайнаго совѣта, уѣхалъ домой, притворился страждущими глазами и подагрой, и никого къ себѣ не принималъ.

Всѣмъ извѣстно, какииъ образомъ, въ томъ самое роковое утро, верховный тайный совѣтъ принялъ исполненіе нещастную и пагубную для Россіи мысль ограничить власть Императорскую. Князь Василій Дукичъ Долгоруковъ повезъ проектъ, подписанный всеми членами совѣта, на домъ къ Остерману: вице-канцлеръ отозвался, что глазная боль мешаетъ ему читать. Князь Василій прочелъ вслухъ, и требовалъ его подписи: Остерманъ взялъ перо, и внезапно вырвавъ его изъ рукъ, принялся стонать и жаловаться на ужасную хирургическую боль въ рукѣ, и такимъ образомъ не подписавъ проекта!

Вдовствующая герцогиня Курляндская, средняя дочь Царя Іоанна V, Царевна Анна, избрана была на престолъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, по призыву отдаленія ея отъ Москвы (дозволившей совѣту принять всѣ нужныя мѣры), и вмѣстѣ съ тѣмъ по цѣлѣнной безпечности права ея. Между тѣмъ составила въ пользу самодержавія, сильная партія. 10 февраля, Анна прибыла въ село Всесвятское; а 15 числа вышла възвѣтъ въ столицу. Остерманъ сидѣлъ у себя на дому, въ перти, все притворяясь страждущимъ глазами, но чрезъ супругу свою ежедневно сносился съ Императрицею, пересылая ей совѣты, какииъ образомъ поступать и дѣйствовать. Члены совѣта столь строго наблюдали за всѣми лицами, имѣющими доступъ къ Аннѣ, что для доставленія Императрицѣ ежедневной записки, въ которой содержались совѣты ея приверженцевъ, прибѣгали къ слѣдующему средству. Каждое утро приводили былъ къ

Литъ второй, младшій сынъ Биронъ, Карлъ *), семидеятимысячный младенецъ, нѣжно ею-любимый. Занеку малы за пазуху ребенка. 24 февраля, триста человекъ дворянъ, предводимыхъ фельдмаршаломъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубецкимъ, сенаторомъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, генералъ-майоромъ княземъ Иваномъ Федоровичемъ Барятинскимъ, генералами: С. А. Салтыковымъ, Г. П. Чернышевымъ и А. И. Румянцевымъ, пріѣхали во дворецъ и просили Императрицу о воспріятіи самодержавной власти, что и было немедленно исполнено, по всеобщему ликоваіію. Литъ только Анна учинилась самодержицею, у Остермана глазную боль какъ рукой сняло: онъ явился во дворецъ бодрѣ и здоровѣ прежняго, и легко можно посудить о бластательномъ пріемѣ, Анною ему оказаннымъ. 28 Апрѣля послѣдовало коронованіе Императрицы, а наканунѣ того дня, раздача наградъ всѣмъ лицамъ, пріятшимъ большее или меньшее участіе въ восстановленіи самодержавія. Остерманъ возведенъ былъ, со всѣмъ нисходящимъ отъ него потомствомъ, въ графское Россійской Имперіи достоинство; а супруга его, графиня Марса Ивановна, пожалована статсъ-дамою.

Тогда при дворѣ произошли большія перемѣны. Изъ

*) Князь Карлъ Биронъ былъ родителемъ нѣмѣиной графини Л. К. Шенбургской и родоначальникомъ существующаго нынѣ, въ Пруссіи Корольсва, дома князей Биронъ.

Старшій братъ князя Карла, герцогъ Петръ, наследовалъ отцу своему, и въ 1795 г. уступилъ Курляндію Россіи. Онъ имѣлъ сына, умершаго въ молодости, и четырехъ дочерей, въ томъ числѣ нѣмѣиною княгиню герцогиню Талейранъ, столь известную подъ прежнимъ ея именемъ герцогини Дино.

всѣхъ прежнихъ дѣйствователей, устояли на мѣстѣ лишь Головкинъ и Остерманъ, но Головкинъ еще болѣе крѣпко уклонился отъ участія въ дѣлахъ, и вліяніе его совершенно затмѣнено было вліяніемъ Остермана. На сценѣ политической появились новые дѣйствователи. То были: графы Биронъ, Левенвольде, Миллахъ, генералъ Унаковъ, сенаторъ князь Черкасскій, Графъ Биронъ, любимецъ Анны, не заботился ни о славѣ своей благодѣтельности, ни о выгодахъ Россіи: желалъ лишь денегъ и возможности исполнять всѣ прихоти свои; былъ во все неразборчивъ въ средствахъ къ обогащенію, и будущи права свирѣпаго, являлся ужаснымъ и непонятнымъ во мщеніи. Анна находилась вполне подъ его вліяніемъ, вліяніемъ незъясненнымъ, но безграничнымъ. Съ другой стороны, графъ Биронъ, не имѣя ни достаточнаго ума, ни достаточнаго образованія для управленія государственными дѣлами, самъ находился всегда, болѣе для себя, подъ вліяніемъ лицъ, которые его окружали и умѣли вырастаться въ его довѣренность.

Въ отношеніи виѣшней политики происходила около Бирона тайная борьба между двумя искусными государственными мужами: графами Остерманомъ и Левенвольдомъ, и отъ того дѣла виѣшней политики дѣла успѣшно. Графъ Карлъ-Густавъ Левенвольде, генералъ-аншефъ, оберъ-штабмейстеръ и подполковникъ поручика режденнаго Измайловскаго полка, младшій братъ того графа Рейнгольде, о коемъ была рѣчь выше, сочеталъ умъ государственный съ тонкостію дипломата; оказалъ услуги Аннѣ, при ея вступленіи на престолъ; успѣлъ совершенно овладѣть довѣренностію Бирона; не зам-

даль Россію и Россіянъ, но, умный и осторожный, не зналъ необходимости не раздражать народа сильнаго и могущественнаго. Пока онъ живъ былъ, Россіи было не худо, но дѣла приняли совсѣмъ иной оборотъ послѣ кончины Левенвольда, умершаго 30 апрѣля 1735 года. Возвышенное вѣдомство находилось въ рукахъ знаменитаго графа Миника. Возведенный, въ послѣдній годъ царствованія Петра II, въ званіе генералъ-фельдцейхмейстера; по воцареніи Анны назначенный президентомъ военной коллегіи, и чрезъ два года возведенный на степень генералъ-фельдмаршала, онъ оказалъ Россіи величайшія услуги. Обожаемый подчиненными, ненавидимый товарищами, Миникъ въ такой степени необходимъ былъ для Россіи, что удержался на своемъ мѣстѣ во всю эпоху владычества Бирона, не взирая на всѣ козни многочисленныхъ враговъ своихъ, не взирая на происки Ушакова, ненависть Левенвольда и недоброжелательство самаго Бирона. Въ отношеніи къ дѣламъ управленія внутренняго, происходила около графа Бирона борьба между графомъ Левенвольдомъ, подававшимъ ему совѣты умные, и Ушаковымъ, злодѣемъ въ дущѣ. По прошествіи пяти лѣтъ, преждевременная кончина графа Левенвольда избавила Ушакова отъ опаснаго соперника, и съ той поры началась ужасная эпоха, одно воспоминаніе о которой доселѣ заставляетъ содрогаться всякаго Русскаго!

Верховный тайный совѣтъ уничтоженъ былъ немедленно по воспріятіи Анною власти самодержавной, и тогда же возвращенъ сенату титулъ: «правительствующаго». Графъ Остерманъ, не изгнанный импер-

ниа своего ближе наблюдать за обширнѣмъ холмѣмъ дѣлать Имперіи, убѣдилъ графа Бирона, въ началѣ 1731 г., возобновить тотъ же советъ, подъ именемъ кабинета, и ввести членовъ его любимѣйшихъ-министровъ. Кабинету-министровъ сперва назначено было трое: Головинъ, Остерманъ и Черкасскій, но въ концѣ 1731 года въ кабинетѣ присутствовали: канцлеръ графъ Головинъ, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ, сенаторъ князь Черкасскій и оберъ-камергеръ графъ Биронъ, а съ весны 1733 года и оберъ-шталмейстеръ графъ Левенвольде. Князь Александръ Михайловичъ Черкасскій, владѣлецъ огромнаго достоянія, пользовался особеннымъ благоволеніемъ и признательностію Императрицы за великия услуги, оказанныя имъ при возстановленіи самодержавія, но, по ограниченности ума и по робости нрава, не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на дѣла политическія. Графъ Головинъ, семидесяти-лѣтній старецъ, не входилъ уже ни во что, и такъ дѣйствителями на счетъ политической были, кромѣ Бирона: Остерманъ, Левенвольде и Минихъ; къ нимъ присоединять должно Ушакова, который не присутствовалъ къ кабинетѣ, но былъ снискомъ довѣренностію Бирона и своимъ званіемъ начальника тайной канцеляріи. Остерманъ и Минихъ, долгие бывшіе друзьями, разошлись съ 1732 г., когда Минихъ, возведенный на степень генералъ-фельдмаршала, занялъ въ кабинетѣ кресла выше Остермана, чего вице-канцлеръ, крайне самолюбивый и заветливый, никогда присутствію ему не могъ.

Въ 1734 году скончался графъ Головинъ, а вѣсною

1735 года сошелъ въ могилу и графъ Левенвольде. Кончина послѣдняяго произвела ужасную перемѣну въ положеніи Россіи, избавивъ Ушакова отъ всякаго соперника, а Бирона отъ преграды, которую столь умно, хитро и незаметно противопоставлялъ графъ Левенвольде бурными порывамъ страстей его. Кресла Левенвольда занялъ въ кабинетѣ новый оберъ-штаалмейстеръ, графъ Ягужинскій, въ общему удивленію: всѣмъ извѣстно было, что Ягужинскій заклятый врагъ Остермана, за событіе, рассказанное нами въ описаніи мира Ништадтскаго, и что Биронъ, съ своей стороны, врагъ Ягужинскаго, который, однажды, въ пьяномъ видѣ, хотѣлъ его заколоть.

Во все царствованіе Анны являются намъ лишь два случая, гдѣ она дѣйствуетъ независимо отъ воли Бирона; и даже противъ воли его: когда, помня великія услуги, оказанныя ей Ягужинскимъ при ея воцареніи, возводитъ его на верхъ почестей, и потому, когда рѣшительно ниспровергаетъ замыселъ герцога Курляндскаго, женить старшаго сына своего Петра на принцессѣ Мекленбургской Аннѣ Леопольдовнѣ, дочери Царевны Екатерины Ивановны и родной племянницѣ Императрицы. Въ семъ послѣднемъ случаѣ содѣйствовала Аннѣ, изъ подъ руки, и самъ Остерманъ, но столь скрытно и хитро, что Биронъ о томъ не провѣдалъ. Въ назначеніи Ягужинскаго кабинетъ-министромъ, Остерманъ не имѣлъ никакого участія: Впрочемъ, не долго Ягужинскій присутствовалъ въ кабинетѣ; онъ скончался чрезъ годъ послѣ Левенвольда, 6 апрѣля 1736 г., и кресла его въ кабинетѣ отданы были чловѣку, приобрѣвшему гром-

кую известность и вовсе незаслуженную знаменитость, оберъ-егермейстеру Артемию Петровичу Волынскому. Биронъ полагалъ имѣть въ Волынскомъ, который много льстилъ ему, искуснаго сподвижника въ случаѣ рѣшительной борьбы съ Минихомъ или съ Остерманомъ.

При воцареніи Анны, нареченный тесть Императора Петра II, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, отправленъ былъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ Березовъ, а прочіе князья Долгоруковы и князья Голицыны, разосланы по отдаленнымъ губерніямъ: главнѣйшею причиною ссылки ихъ была ненависть графовъ Бирона и Остермана; Бирона за обиду, нанесенную ему княземъ Василиемъ Лукичемъ, и вѣсть изъ боязни видѣть возобновеніе особенной благосклонности, оказанной Анною князю Василию Лукичу, въ Митавѣ, въ 1725 году; Остермана за уничтоженіе, при Петрѣ II, всего политическаго вліянія вице-канцлера. Прошло нѣсколько лѣтъ; Императрица, по домогательствамъ барона Шафирова, вызвала изъ заточенія зятя его, князя Сергія Григорьевича Долгорукова роднаго дядю покойнаго Петра II. Разнесся вдругъ при Дворѣ слухъ о бывшемъ назначеніи князя Сергія къ одному изъ высшихъ дипломатическихъ постовъ. Остерманъ ужаснулся, опасаясь постепеннаго возстановленія рода Долгоруковыхъ и ожидая отъ нихъ ищенія представилъ Волынскому и Ушакову, что имъ угрожаетъ опасность лишиться своего политическаго вліянія и всѣ трое, чрезъ Бирона, ужаснули Императрицу выдумками и небывшими. Убѣдили подьячаго Тишина сдѣлать лживый доносъ свезли князей Долгоруковыхъ въ Петербургъ. Продали

ихъ — шенякинскому суду и ужаснѣйшимъ пыткамъ, и 12 ноября 1739 года, однихъ казнили въ Новгородѣ, другихъ разослали въ тяжкое заточеніе.

За кровавою драмою Долгоруковыхъ, быстро последовала другая драма, не менѣе кровавая — Волинскаго Артемій Петровичъ Волинскій, потомокъ древняго и знаменитаго рода боярскаго, одаренъ былъ отъ природы умомъ обширнымъ, провицательнымъ, любознательнымъ, честолюбіемъ ненасытнымъ, правотъ корыстолюбивымъ, коварнымъ и злобнымъ. Мы видали, что даскаясь къ графу Бирону, получилъ онъ, чрезъ его ходатайство, чинъ генераль-аншефа и оберъ-егермейстера, а по кончинѣ графа Ягужинскаго и высокое званіе кабинетъ-министра. Вскорѣ природнымъ умомъ и способностями къ занятіямъ приобрѣлъ онъ благосклонность Императрицы. Тутъ пришла ему мысль низвергнуть, сперва Остермана, потомъ и самаго герцога Курляндскаго, и занять первое мѣсто въ Имперіи. Многие помогали видѣть въ Волинскомъ отчизнолюбца, желавшаго освободить Россію изъ подъ ига Биронова. Мы не можемъ повѣрить, чтобы любовь къ отечеству могла обитать въ душѣ, заклеившей личностію и любостязаніемъ, и видимъ въ Волинскомъ лишь сановника, желавшаго заступить при дворѣ мѣсто Бирона. Какъ-бы то ни было, Волинскій дѣйствовалъ опрометчиво: слишкомъ рано выказалъ свои намѣренія; входилъ въ жаркіе споры и частыя столкновенія съ Остерманомъ, всегда холоднымъ и разчетливымъ; однажды до такой степени вышелъ изъ себя, что въ полномъ засѣданіи кабинета назвалъ герцога Курляндскаго «вассаломъ Польши»,

иде дело не забитнася о ерцагетонъ на егерскому слову, а въ
 думноу дачальника: тайной канцелярии, Ушакова, асоф-
 рый, по уму и по-мнѣнію своему, быть необширному дар-
 цероу для герцога Курмандскаго. (это и делавано на ле-
 нинъ-герцога въ 1740-году) и санникомъ надѣланъ на ко-
 мандитіе-олицъ, которая понавидѣли; Бирона, потюкнувши
 Волынскаго въ минуту онаяности, а князюу раствѣснѣ-
 ванъ. Императрицы Салтыковскыи; двоюроднаго брата
 Императрицы графа Михаила Гавриловича Головинна,
 и кабинетъ-министра князя Черкаскаго. У Волынскаго
 были еще два врага, весьма опасныя по своимъ связямъ
 въ общество, по дружбѣ въ нимъ Ушакова, по доверен-
 ности къ нимъ Бирона: оберъ-штабмейстеръ князь
 Александръ Борисовичъ Куракинъ и управлющій ад-
 миралтействъ-коллегією, адмиралъ графъ Николай Фе-
 доровичъ Головинъ. Куракинъ негодовалъ на Волын-
 скаго за подъявленіе придворной конюшенной части въ
 дѣлю оберъ-егермейстера, а Головинъ за обнаруженіе,
 въ адмиралтействъ-коллегіи, беспорядковъ; уличавшихъ
 его, Головина, въ лобостыжаніи. Куракинъ и Головинъ
 много содѣйствовали къ гибели Волынскаго: Ужасное
 положеніе Россіи, въ тогдашнее время; помно' видѣтъ
 изъ словъ Волынскаго въ письмѣ его къ князю Григо-
 рію Александровичу Урусову: «Намъ Русскимъ: хлѣбъ не
 «надебенъ: мы другъ друга ѣдимъ и съ того: сытъмъ ба-
 «чаемъ!» Развязка рѣшительной борьбы между кня-
 кинъ и оприметчивымъ Волынскимъ, съ одной стороны,
 а съ другой всемогущимъ при дворѣ Бирономъ, и: во-
 варнымъ, хладно-разсчегливымъ Остерманомъ, не могла
 быть сомнительною, на ужасна была участь, постигшая

Вольнскаго... 27 июля 1740 года, на Петербургской стороне, на сызномъ рынке, Вольнскаго мъртвца ляжку, отсѣкъ правую руку и напомощь обвѣщали его. Съ нимъ пострадали и его приближенные: гоцшвендингъ Петра Михайловича Брошкина обвѣщали; президенту конмерца-коллегии графу Платону Ивановичу Мушкетеру Пушкину вырвали языкъ; пострадали и второстепенные савоярки: Хрушовъ, котораго обвѣщали; Соймоновъ, Эйхлеръ и Зуданъ.

*Ксвентинъ
Мушкетеръ
и др.*

*Фишманъ
Сейдманъ*

Мѣсто Вольнскаго заступилъ въ кабинетѣ дипломатъ искусный и тонкій, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, въ послѣдствіи графъ, государственный канцлеръ и сановникъ столь могущественный, но въ то время еще ласкатель и угодникъ Бирона.

Между тѣмъ здоровье Императрицы быстро склонилось къ упадку, Наслѣдникомъ престола назначенъ былъ младенецъ, Принцъ Іоаннъ Антоновичъ Брауншвейгъ-Берерскій, родившійся за два мѣсяца предъ тѣмъ, 12 августа 1740 года, отъ брака родной племянницы Анны, Прищессы Мекленбургской Анны Леопольдовны, съ Принцемъ Антономъ-Ульрихомъ Брауншвейгъ-Берерскимъ.

4 октября, обѣдая, по обыкновенію, съ герцогомъ Курляндскимъ и съ герцогиньей, Императрица внезапно упала въ обморокъ, и отнесена была на свою постель въ безсмысленствѣ. Испуганный Биронъ послалъ немедленно за докторами, и найдя во дворцѣ президента конмерца-коллегии барона Менгдена, поручилъ ему съѣздить поспѣше за кабинетъ-министрами княземъ Чер-

исполнить, графомъ Минихомъ и Бестужевымъ, также за оберъ-генераломъ графомъ Рейнгольдомъ Лесенвольдомъ. Когда эти епископы собрались по дядю, Бестужевъ, изъ неподобствствія, а Черкасскій изъ робости, стали убѣждать герцога принять регентство Имперіи на все время малолѣтства будущаго Императора. Биронъ, хотя предварительно о томъ условленный съ Бестужевымъ, изъяснилъ притворное удивленіе. Лесенвольду все было равно: хоть гибни Россія; только были-бы у него, Лесенвольда, деньги и карты; Минихъ же былъ въ состояніи бороться съ герцогомъ; оба изъявили небольшое согласіе. Биронъ просилъ всѣхъ четверыхъ отправиться немедленно къ графу Остерману, который, жестоко страдавъ подагрой, давно не выѣзжалъ и занимался дѣлами у себя на дому, и условиться съ нимъ о составленіи, къ слѣдующему утру, манифеста, о назначеніи герцога Курляндскаго регентомъ Имперіи. Остерманъ, на слова прѣбывавшихъ, отвѣчалъ, что въ такомъ важномъ для Россіи событіи, первыми дѣйствующими должны быть природные Русскіе, а не онъ, иностранецъ. Правилomъ Остермана было никогда не дѣйствовать прямо, а всегда чрезъ другихъ, отклоняя отъ себя отвѣтственность и опасность. Послѣ отвѣта вице-канцлера, неудовольствіе выразилось на лицѣ Бестужева. «Я удивляюсь, рѣзко сказалъ Бестужевъ, потому графъ, стоить долго служивъ Россіи и оказавъ ей столь великія услуги, почитаетъ себя иностранцемъ? Впрочемъ, продолжалъ онъ, обратясь къ присутствовавшимъ, если графъ не раздѣляетъ нашихъ мнѣній, то мы можемъ дѣйствовать съ своей стороны.» Такой рѣшительный

оставлять авшаламъ Остерману, что ему предстоитъ лишь выборъ между участіемъ въ дѣлѣ и собственною гибелью. Видно - видящере: тотчасъ возражать: «Моя не шлонали; и не хотѣлъ первый подлвнать: своего мѣстои со рѣшеніи судьбы Россіи, но если вы хотите знать иной образъ мыслей, то скажу вамъ, что я не вижу, кому-бы можно было поручить регентство, кромѣ его свѣтлости герцога Курляндскаго.» Тотчасъ приступили, съ общаго согласія, къ сочиненію манифеста о будущемъ воцареніи князя Иоанна, и условились собрать на слѣдующее утро чрезвычайный совѣтъ, въ который пригласить, кромѣ кабинеть-министровъ, важнѣйшихъ сановниковъ, а именно: оберъ-штальмейстера князя Муравина, генераль-прокурора князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, адмирала графа Головина, Ушакова, оберъ-госмаршала Василія Андреевича Шепелева и генераль-поручика Василія Федоровича Салтыкова, дамянато родственника Императрицы. Остерманъ, не будучи въ состояніи ни задержать, ни выгнать, обѣщалъ вѣлѣть себѣ вести, на слѣдующее утро, во дворець, въ преслахъ, что и было исполнено. Само собою разумѣется, что ни одинъ изъ присутствовавшихъ въ совѣтѣ сановниковъ не былъ въ силахъ бороться съ Бирономъ, и неможено было просить Императрицу подписать составленное совѣтомъ духовное завѣщаніе о назначеніи герцога Курляндскаго регентомъ Россіи, до достиженія юнымъ Императоромъ тринадцатилѣтняго возраста. Сколь ни велико было вліяніе Бирона на Императрицу, но трудно было исторгнуть согласіе Анны: во первыхъ по любви ея къ племяннику Антѣ Леопольдовичу, судь-

ба, которой предана была духовнымъ завѣщаніемъ, можно сказать, въ руки Бирона; во вторыхъ, по повелѣнію божію и оспариванію; и наконецъ Анной всѣмъ, что лишь могло напомнить ей о смерти. Частая побранка сонна помолвила отпрать къ ней; для убѣжденія графа Остермана. Вице-канцлеръ, представилъ себя, писалъ отъ Бирона въ случаѣ отъиза, принялъ это порученіе; за неровностию ходитъ отъ пещеры, принесенъ былъ въ креслахъ въ спальню. Императрица; долго и краснорѣчиво утѣждала ее; наконецъ Анна взяла у него въ руки духовное завѣщаніе; и помолвила къ ней подъ изголовье, говоря: *сorrow; possession!*

Прошло нѣсколько дней: Императрица не упоминала о завѣщаніи. Герцогъ Курляндскій трепеталъ. Наконецъ, побравъ сановниковъ, присутствовавшихъ на сѣвѣтѣ 5 октября, предложилъ имъ на разсужденіе: что дѣлать? Помолвлено было, чтобы герцога снова убавилъ Императрицу. Биронъ отправился къ Аннѣ, которая долго слушала его въ молчаніи; наконецъ сказала: *Сождалаю о тебѣ, герцогъ; ты стремишься къ себѣ ибѣмъ! Могаю ко мнѣ Остерманъ.* Вице-канцлеръ былъ немедленно принесенъ въ креслахъ; Императрица тотчасъ, помолвила ему, не впроштавъ даже его. Новоризма была радость герцога Курляндскаго; съ восторгомъ благодарилъ онъ сановниковъ; обнималъ ихъ; обещалъ имъ доказать свою благодарность на дѣлѣ, и довольно не встаетъ воскликнуть: *Господи! въ поступкии каиъ Римлане!*

17 октября, вечеромъ, Императрица скончалась. Немедленно отворили двери спальни ея: Оберъ-тошмаръ

длиннѣе прочесть Лесовольдо въ слезахъ извѣстить всѣхъ присутствующихъ во дворцѣ о кончинѣ Государыни. Герцога Курляндскій рыдалъ и казался въ отчаяннѣ; но чрезъ четверть часа велѣлъ генераль-прокурору князю Трубецкому прошесть предъ всеми актъ объ учрежденнѣ регента. На разсвѣтъ вывели гвардію подѣружнѣ, собрали сенаты, и во всѣхъ церквахъ открыли присягу на крѣпость владѣнцу-Монарху и регенту. Столица была въ отчаяннѣ, но спокойнѣ; На площадяхъ разставили пушки по улицамъ ходили патрули; но всѣхъ кончинѣ Россіи разслали гонцевъ съ извѣщеніемъ о происшествіи. Между тѣмъ негодование всеобщее выражалось тайнѣ; но силнѣе Монаністѣ къ регенту достигла, высшей ступени. Ежедневно хватали сотни людей и предавали ихъ московнѣмъ мучителѣмъ. Всѣ, кромѣ Бирона, ясно видѣли, что подобный порядокъ вещей долго продолжаться не можетъ, но никто и не ожидалъ столь скорой развязки, какая воспослѣдовала. Остерманъ держался въ сторонѣ, но уже принималъ участіе мѣръ, дабы при возможномъ переворотѣ, остаться въ ладѣ съ всѣми политическими действительными. Самъ Унавова, дядя алярты и совѣтникъ герцога Курляндскаго, предвѣдѣ паденіе герцога, начиналъ изъ подѣружнѣ мѣрѣ скорѣе къ Аннѣ Лесовольдовѣ, къ Мининѣ и въ Остерманѣ. Никто боже Минина не знавалъ изверженіи регента, въ надеждѣ доставить регентствѣ Аннѣ Лесовольдовѣ, а вмѣстѣ ардоставить себѣ; Отважнѣй, рѣшительнѣй, кумарь войска, одинъ Мининъ въ состояннѣ былъ предпринять подобный переворотъ. Ровно чрезъ двадцать двое сутокъ по кончинѣ Императрицы,

мотью въ 8-мъ и 9-мъ ноября, съ семействомъ, съ содѣйствіемъ
 адъютанта своего подполковника Манштейна и осани-
 доженъ гвардейскихъ гренадеровъ; арестовалъ регента и
 предъзвѣдѣлъ Анну Леопольдовну Россійского Великого
 Князя и прачительницею Имперіи до совершенно-
 лѣтія сына ея. 10 ноября отданы были награды всѣмъ
 лицамъ, принявшимъ большее или меньшее, явное или
 тайное участіе въ паденіи регента. Принцы Антошъ —
 Ульрихъ, назначены были генерал-ссимусомъ войскъ Рос-
 сійскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; графу Миниху
 пожаловано сто тысячъ рублей (полмилліона мантл-
 никъ), и сыну его графъ Іоаннъ — Эрнестъ пожалованъ
 оберъ-гофмейстеромъ; князь Черкасскій государствен-
 нымъ канцлеромъ; дѣйствительный тайный советникъ
 графъ Михайло Головкинъ вице-канцлеромъ и каби-
 нетъ-министромъ на мѣсто изгнаннаго изъ кабинета
 князя Бирюкова, Беслузова — Рюмина; Александръ
 Львовичъ Нарышкинъ (двоюродный братъ Платона Влади-
 каго) пожалованъ въ дѣйствительные тайные советни-
 къ; Ушакову, князю Куракину и графу Головкину по-
 жалованы Андреевскія ленты; Масловскому губернато-
 ру князю Борису Григорьевичу Юсупову, сенатору Ва-
 силію Ивановичу Стрѣшневу (шурину графа Остермана)
 и барону Менгдену Александровскія ленты; графу Ло-
 венвольду восемьдесятъ тысячъ рублей (четыреста ты-
 сячъ мантлнникъ). Минихъ, прежній другъ, вытѣсненъ
 совершитель Остермана, искалъ, тѣмъ-бы наградить, и
 вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣять вице-канцлера, и хитрый, ко-
 лудный дипломатъ назначенъ былъ генералъ-адмира-
 ломъ Россійскаго флота, съ повелѣніемъ предѣлать

управлять и коллегиею иностранныхъ дѣлъ! Никакое нѣро не опшеть восторга народнаго при низверженіи регента: въ теченіи двадцати лѣтъ, съ самаго заключенія, при Петрѣ Великомъ, достославнаго мира Ништадтскаго, не проявлялось такого общаго, единодушнаго ликования во всѣхъ сословіяхъ; богатые освѣщали свои дома; вснакомые люди обинялись на улицахъ; народъ съ радости плясалъ на площадяхъ!

Новая правительница, двадцатилѣтняя женщина, одаренная всеми прекрасными качествами души и сердца, имѣла въ нравѣ своемъ неизъяснимое сочетание свойствъ самыхъ противоположныхъ: любила входить въ дѣла правосудія; и отличалась природною, неубодливою лѣнію; имѣла нравъ безпечный; развѣянный; склонный къ наслажденіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ознаменовала себя непреклоннымъ упорствомъ, силъ несомнѣнныхъ признакомъ ума неопытнаго и недалковаго. Особенною довѣренностію ея пользовались: Саксонскій посланникъ графъ Анваръ, фрейлина баронесса Юлія Мендгенъ, и новый кабинетъ-министръ графъ Голенищевъ: Графъ Анваръ, красавецъ собою, отличался лѣтностію и вирадчивостію.*) Графъ Михайло Гавриловичъ Головинъ, младшій изъ трехъ сыновей покойнаго канцлера графа Гавриила Ивановича, и по На-

*) Графъ Анваръ вскорѣ за тѣмъ отправился въ Саксонию, чтобы устроить дѣла свои, и потомъ вступить въ Россійскую службу. Ему обшано было званіе оберъ-каммергера. Къ счастью его, онъ не находился въ Россіи во время персворота 24 ноября, а то немаро попалъ бы въ Сибирь.

рышлитый и вранучатный братъ Петра Великаго; не имѣлъ обширнаго ума, но по благородству душевному, по огромному богатству, по открытому, пышному образу жизни и по близкому родству съ Императорскимъ домомъ, пользовался большимъ значеніемъ и при Дворѣ и въ обществахъ. Онъ женатъ былъ на княгинѣ Екатерианѣ Ивановнѣ Ромодановской, вѣнчѣ грознаго Князя Кесаря. Мать ея, княгиня Анастасія Федоровна, родившая Салтыкова, была родною сестрою Царьicy Пракскови. Федоровны. Следственно графиня Екатерина Ивановна была двоюродною сестрою Императрицы Анны и двоюродною тетвою правительницы; въ послѣдствіи, во дни злополучія супруга своего, графиня Екатерина Ивановна, ангелъ доброты и кротости, оказала необычайную твердость духа. Она пользовалась тѣмъ же дружбаю Императрицы Анны и особеннымъ уваженіемъ юной правительницы. Дружба эта спасла графа Головкина отъ злобы Бирона, который его ненавидѣлъ и была имъ ненавидима. Вообще Головкинъ не жаловалъ иностранцевъ, а Остермана любилъ еще менѣе прочихъ. Помня, какимъ образомъ родители его, канцлера графъ Гавріилъ Ивановичъ, въ послѣдніе годы жизни своей устранилъ былъ Остермана отъ всякаго вліянія на дѣла. Головкинъ и Миннаръ умѣли отдалить правительницу отъ Остермана, который, будучи во враждѣ и съ Минномъ, искалъ себѣ подпоры, и вошелъ въ самыя короткія сношенія съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ. Но принцъ, называвшій Остермана «своимъ наставникомъ,» хотя былъ человекомъ добрымъ и благороднымъ, не пользовался, достъ-

разности своей супруги, и притомъ по исключительной способности къ дѣланъ.

Мининъ, извергнувъ Бирона, мыслить зашегъ первое мѣсто въ Государствѣ, и съ негодованіемъ взирала на политическое значеніе Остермана и Головкина. Четыре мѣсяца продолжалась эта тайная борьба; наконецъ Мининъ подавъ просьбу въ отставку, полагая, что его будутъ увольнять изъ службы, и, въ величайшему изумленію своему, получивъ увольненіе, 7 марта 1744 года, Остерманъ и Головкинъ убедили правительницу, несогласоваться этинъ случаемъ для избавленія себя отъ семейныхъ заботъ. Мѣсто его въ Кабинетѣ осталось вакантнымъ. Кабинетъ состоялъ въ то время изъ трехъ членовъ: графа Остермана, князя Черкаскаго и графа Головкина, и Остерманъ достигъ высшей карьеры въ Кабинетѣ, давая имъ желаннаго.

Нельзя никакго сомнѣнія, что если бы правительница одобрила бы соитіемъ хитраго и дальновиднаго графа Остермана, то ей и донынѣ предстала бы самая блистательная будущность. После бѣдствій, въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ тяготѣвшихъ надъ Россією, великому правительству легко было отнужать благодарность и любовь народную; Анна Леопольдовна, протина и блудливая, не могла никому внушить ненависти или злобы. Но для удержанія за собою власти, необходимо должно было явить величайшую осмотрительность и осторожность, и неуслынно наблюдать за Цесаревною Елисаветою Петровною и приближенными Ея. Тщето Остерманъ увѣщивалъ правительницу быть осторож-

нову; тщетно самъ Левенвальде, обыкновенно не входившій въ дѣла государственныхъ и занятый лишь деньгами и картами, предвидѣлъ гибель для всѣхъ приближенныхъ Анны Леопольдовны и предостерегалъ правительницу, сія послѣдняя безпечно дремала на краю бездны, и къ сожалѣнію, Головкинъ и Линаръ, какъ мы сказали выше, отдали ея отъ Остермана, дипломата необходимаго для правительства во всякое время, а тѣмъ болѣе въ тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

11 ноября 1741 года, Остерманъ, жестоко страдавшій подагрой и хирагрой, велѣлъ себя отнести во дворецъ въ креслахъ, и въ послѣдній разъ неотступно убѣждалъ правительницу принять мѣры осторожности. Въ отвѣтъ, великая княгиня заговорила съ нимъ о нарядахъ и показала ему новое платье, сшитое для младенца-Императора. Остерманъ, въ отчаяніи, простился съ Анною Леопольдовною, которой ему уже не было суждено болѣе видѣть въ здѣшнемъ мірѣ, — возвратился домой; созвалъ, на слѣдующій день, известнѣйшихъ докторовъ столицы, и они, согласно желанію Остермана, предписали ему отправиться *немедленно* въ Сна, и употреблять тамошнія минеральныя воды. Остерманъ, видя невозможность спасти тогдашнее правительство и при томъ видя охлажденіе къ нему, Остерману, самой правительницы, желалъ, по крайней мѣрѣ, спасти самого себя отъ предстоящей грозы, и для сей цѣли намѣревался удалиться — на время — изъ Россіи. 13 ноября подавъ онъ просьбу объ увольненіи;

правительница медлила изъявленіемъ своего согласія, и по пронесствіи одиннадцати дней, гроза разразилась...

Когда какое-нибудь правительство начинаетъ стремиться къ своей гибели, то всѣ его подворы обращаются противъ него; таковъ уже непреложный законъ хода событій міра сего. Биронъ погибъ отъ своей жестокости; Анна Леопольдовна отъ излишняго добродушія. При видѣ ея безвѣчности, всѣ приверженцы ея, предчувствуя гибель, стали искать себѣ опоры и новыхъ покровителей. Остерманъ и Левенвольде хотѣли на время удалиться изъ Россіи; Ушаковъ, Черкасскій, Куракинъ и Головинъ вошли въ тайныя сношенія съ приверженцами Елисаветы;*) лишь благородный, прямодушный Головкинъ остался въ душѣ вѣрнымъ Аннѣ Леопольдовнѣ и не мыслилъ отдѣлится своей участи отъ судьбы ея. Приверженцы Елисаветы рѣшились погубить Миниха, Остермана, Левенвольде, Менгдена. Ненависть къ Нѣмцамъ столь возрасла въ послѣднее десятилѣтіе, что эти четыре главные представители Нѣмецкаго племени на тогдашней политической сценѣ, осуждены были на гибель. Изъ враговъ ихъ, одни льстились надеждою заступить ихъ мѣсто въ правительствѣ; другіе простирали виды свои на ихъ огромное достояніе. (Одинъ Минихъ имѣлъ ежегоднаго дохода до девяно-

*) Ушаковъ не только сохранилъ при семъ переворотѣ званіе начальника тайной канцеляріи; но еще получилъ подтвержденіе на Андреевскій орденъ, пожалованный ему правительницею, и чрезъ два года по воцареніи Елисаветы возведенъ былъ въ графское достоинство.

ста тысячъ рублей, около четырехъ-сотъ-пятидесяти тысячъ нынѣшнихъ.) Къ гибели Головкина, кромѣ его званій вице-канцлера и кабинета-министра и огромнаго богатства, содѣйствовало еще и близкое родство супруги его съ юнымъ Императоромъ. Не спасло несчастнаго и самое родство его съ Елисаветою, которой онъ приходился, по Нарышкинымъ, правнучатымъ дядю. Елисавета весьма неохотно согласилась пожертвовать Минихомъ, Остерманомъ и Левенвольдомъ. Первые два были дѣятельными сподвижниками ея родителя; благоговѣли предъ памятью Петровою, и въ царствованіе Анны были защитою родственниковъ Екатерины I-й, Ефимовскихъ и Гендриковыхъ. Левенвольде обязанъ былъ возвышеніемъ своимъ Екатерины, и, какъ извѣстно, всегда пользовался особеннымъ ея благоволеніемъ. Про Остермана Елисавета помнила, что въ прежнія времена, онъ дѣлательно заботился о бракѣ ея съ Петромъ II-мъ; къ тому же пятидесяти-пяти-лѣтній дипломатъ, посѣдѣвшій въ возняхъ и переворотахъ политическихъ, не былъ охотникомъ до борьбы неуспѣшной; не вступилъ-бы въ состязаніе съ ходомъ событій; употребилъ-бы свой геній на службу Елисаветы, и безъ сомнѣнія оказалъ бы ей столь же великія услуги, какъ и няти ея предшественникамъ! Но приближенные Елисаветы алкали богатствъ и высокихъ званій, и гибель Миниха, Остермана, Головкина, Левенвольда и Менгдена была рѣшена. Ночью съ 24 на 25 ноября эти пять сановниковъ, равно какъ и правительница со всѣмъ своимъ семействомъ, взяты были подъ стражу. Остерманъ имѣлъ пребываніе въ своемъ домѣ, на Исаакіевской площади, (гдѣ ны-

въ аданіе сената). Страждущій подагровою и хирагровою, оиъ былъ на своей постели, ночью, перевезенъ во дворецъ, а по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, и въ Петропавловскую крѣпость. Въ бѣдствіи своемъ, Головинъ, Левенвольде и Менгенъ упали духомъ; Милыхъ остался выдержанъ и непоколебимымъ по прежнему Остерманъ, по прежнему, хладнымъ, и, по видимому, безстрастнымъ. Наряжена была уголовная комиссія, подъ предсѣдательствомъ генераль-прокурора, (т. е. министра юстиціи), князя Никиты Юрьевича Трубецкаго. Обвинительные пункты противъ Остермана были слѣдующіе: 1) что въ сочиненномъ имъ духовномъ завѣщаніи Императрицы Анны, оиъ не упомянулъ о завѣщаніи Екатерины I-й, въ коемъ Цесаревна Елисавета находилась въ числѣ будущихъ наследниковъ престола 2) сочинялъ проектъ о выданіи замужъ Цесаревны Елисаветы за какого-нибудь иностраннаго принца; 3) другой проектъ о утвержденіи наследства Россійскаго престола за дѣтьми обоего пола правительницы Анны Леопольдовны и 4) убѣждалъ правительницу принять титулъ: «Императрицы». Приговорено было его колесовать. Остерманъ съ спокойнымъ духомъ выслушалъ приговоръ; исполнилъ послѣдній долгъ христіянина, и утромъ 18 января 1742 года, отвезенъ былъ, въ простыхъ саняхъ, въ халатѣ и въ шубѣ, на сенатскую площадь, куда привезены были и товарищи его бѣдствія. На площади воздвигнутъ былъ эшафотъ; шесть тысячъ воиска окружали оный. Остермана подняли съ саней, внесли на эшафотъ, посадили на скамью, сняли съ головы колпакъ и парикъ, и сенатскій секретарь сталъ

читать приговоръ, на пяти листахъ. Величественное спокойствіе выражалось на лицѣ Остермана, обросшемъ бородою. По окончаніи чтенія, Остерману разстегнули воротникъ у халата и у рубашки, обнажили шею, и положили голову на плаху; потомъ немедленно прочли указъ, измѣнявшій смертную казнь на вѣчное заточеніе въ Березовъ. Солдаты, по данному знаку, сняли Остермана съ плахи; онъ, не измѣнясь въ лицѣ, застегнулъ воротникъ у рубашки и у халата, и хладнокровно спросилъ себя парикъ и колпакъ. Посажешный въ сани, онъ былъ отвезенъ обратно въ крѣпость и ночью слѣдующаго дня, 19 января 1742 года, отправленъ въ Сибирь, куда супруга его за нимъ послѣдовала. Отправленіе осужденныхъ возложено было на оберъ-прокурора Св. Синода, князя Якова Петровича Шаховскаго. Вотъ слова князя Шаховскаго, въ его запискахъ:

«По вступленіи моемъ въ казарму, увидѣлъ я онаго, «бывшаго кабинетъ-министра, графа Остермана, лежа- «щаго и громко стелющаго, жалуюсь на подагру, кото- «рый при первомъ взорѣ встрѣтилъ меня своимъ крас- «норѣчіемъ, изъявляя сожалѣніе о преступленіи своемъ «и о прогнѣвленіи нашей Всемилостивѣйшей Монархини, «кое здѣсь я подробно описывать за излишнее почелъ; «наконецъ просилъ онъ, чтобы я представилъ Ея Вели- «честву о милостивомъ и великодушномъ покровитель- «ствѣ дѣтей его, а какъ я имѣлъ повелѣніе, чтобы всѣ «говоренныя при отпращиваніи оныхъ арестантовъ рѣчи «записывать и представлять Ея Величеству, то прика- «залъ стоящему близъ меня, для такихъ записокъ опре- «дѣленному, все то записать, а ему, бывшему графу

«Остерману, объявилъ, что оно отъ меня, куда надлежитъ, представлено будетъ. Потомъ объявилъ ему «Высочайшій Ея Величества указъ, каковой каждому «изъ нихъ при отправленіи объявлять было повелѣно; «приказалъ офицеру, определенному къ его отвозу, «чтобъ его команды солдаты, сего несчастнаго подъявля «съ постелью, отвезли и бережно положили въ сани, «такъ-какъ и все съ нимъ подлежащее отправилъ и ве «лѣлъ оному офицеру въ пристойномъ порядкѣ советамъ «въ свой путь ѣхать; о жемъ же его, при семъ случаѣ «находившейся, кромѣ слезъ и горестнаго стона нн «чего описывать не имѣю.»

Имѣніе графа Остермана было описано въ казну, за исключеніемъ слабой части, предоставленной его дѣтямъ. Въ Березовѣ содержаніе ему было производимо самое скудное и великій дипломатъ, въ теченіи шестнадцати лѣтъ управлявшій кормиломъ Россійской внѣшней политики, едва имѣлъ необходимое для существованія, и бесѣдовалъ съ супругою своею при свѣтѣ лампы, налетою рыбьимъ жиромъ. Не долго томился онъ въ ужасномъ заточеніи: подагра, хирагра, душевная горечь, неизвѣстность о судьбѣ дѣтей и политическое бездѣйствіе, столь убійственное для лицъ, приобыкшихъ къ дѣятельности этого рода, — сократили жизнь Остермана. Онъ скончался въ Березовѣ, 20 мая 1747 года, шестидесяти лѣтъ отъ роду. Бренныя останки его тамъ же были преданы землѣ, и никто нынѣ въ Березовѣ не знаетъ мѣста, гдѣ покоится прахъ великаго дипломата!

Въ частной жизни своей, графъ Остерманъ былъ скупъ до невѣроятности; домъ его знаменитъ былъ своею нечистотою; служители были въ лохмотьяхъ; серебряная посуда, ежедневно имъ употребляемая, по нечистотѣ своей походила на оловянную; столъ, за исключеніемъ торжественныхъ дней, былъ самый дурной; собственная одежда его внушала отвращеніе, особенно въ послѣдніе годы его могущества, когда онъ выходилъ изъ кабинета лишь на обѣденное время.

Въ политическомъ отношеніи, графъ Остерманъ былъ непроницаемъ въ своихъ намѣреніяхъ; всегда и говорилъ и писалъ двусмысленно; иногда являлся тронутымъ до слезъ; никогда не глядѣлъ никому прямо въ глаза; умѣлъ превращать взоръ свой въ неподвижный и въ безжизненный, и когда затруднялся отвѣтомъ, смотрѣлъ вверхъ, такъ что зрачки глазъ его скрывались подъ рѣсницами. Если кто домогался отъ него рѣшительнаго отвѣта, то онъ, послѣ долгихъ отводковъ, начиналъ вдругъ жаловаться на жестокую боль отъ подагры и перенѣялъ разговоръ. Когда въ ноябрѣ 1740 года Минихъ арестовалъ герцога Курляндскаго, новая правительница Анна Леопольдовна послала пригласить Остермана во дворецъ. Остерманъ притворился больнымъ колликою, и явился во дворецъ лишь по полученіи имъ удостовѣрительнаго извѣстія объ арестѣ регента! Случалось иностраннымъ посланникамъ, послѣ двухъ - часовой, неумолкнуей бесѣды съ Остерманомъ въ его кабинетѣ, съ глаза-на-глазъ, выходить оттуда ничего не узнавъ объ его намѣреніяхъ! Прибавимъ еще, что онъ былъ въ высшей степени недовѣрчивъ, кова-

рошь, монашество; не терпѣлъ не только вышнихъ себя, но и равныхъ, и никогда не усомнился, для достиженія своей цѣли, принести въ жертву кого-либо изъ своихъ друзей или благодѣтелей...

Съ другой стороны, графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ отличался, въ отношеніи денежному, безсмысленнѣйшимъ возмѣтливостію; никогда не принималъ подарка отъ иностраннаго двора безъ дозволенія Россійскаго правительства; неуслышно пекся о выгодахъ Россіи; иностранецъ происхожденіемъ, служилъ отечеству наипаче со всякимъ усердіемъ, со всюю вѣрностію, со всѣмъ безкорыстіемъ природнаго Россіянина; никогда не отдавалъ выгодъ своихъ отъ выгодъ Россіи, и алкая честолюбіемъ и славою, полагалъ собственную славу свою во славу Россіи! Въ бытность свою воспитателемъ Петра II, онъ вѣрно привязался къ своему питомцу; неуклонно вѣдалъ истину нынѣшнему юношѣ; переносилъ его холодность, и слова возвращался съ убѣжденіями. Петръ Великій, на смертномъ одрѣ своемъ, сказалъ: *Остерманъ необходимъ Россіи; онъ ни разу не ошибался въ дѣлахъ дипломатическихъ; лучше всѣхъ знаетъ нужды и потребности Россіи.* Фридрихъ Великій писалъ: *Царствованіе Петра Великаго образовало человека, по опытности его будто нарочно предназначеннаго къ несенію бремени правленія государственнаго при преемникахъ Петровыхъ — графа Остермана. Искусный кормчій, онъ, въ эпоху переворотовъ самыхъ бурныхъ, вѣрною рукою управлялъ кормиломъ Имперіи, являлся осторожнымъ или отважнымъ, смотря по обстоятель-*

ствами и зналъ Россію, какъ Верней тѣло человеческое!

Уже минуло сто лѣтъ, какъ надъ домою Долгоруковыхъ разразилась гроза ужасная — и однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ этого кроваваго событія былъ графъ Остерманъ. Да позволено будетъ мнѣ, князю Долгорукову, воздать должную дань справедливости государственному гению графа Остермана и необъятнымъ заслугамъ, которыя графъ Остерманъ оказалъ Россіи. Не принадлежа къ числу тѣхъ лѣтописцевъ, которые непремѣнно требуютъ отъ людей совершенства, и видя въ родѣ человеческомъ почти повсемѣстный перевѣсъ зла надъ добромъ, я полагаю, что судъ перваго должно предоставить Всевышнему, а за послѣднее люди должны быть благодарны. Пороки графа Остермана предоставивъ суду Бога-сердцевѣдца, но, чада Россіи, не забудемъ, что рожденный не вдалекѣ отъ прекрасныхъ береговъ Рейна, и великіяи судьбы дивной и непостижимой заброшенный на свѣга сѣвера; чуждый Россіи, но усыновленный ею, сей великій государственный мужъ, въ теченіи тридцати семи лѣтъ, усердно, вѣрно, и въ денежномъ отношеніи всегда безкорыстно служилъ избранному мнѣ отечеству; въ смутную годину Петра II и Анны являлся незыблемою подпорою Россіи, и оставилъ по себѣ, въ лѣтописяхъ родины нашей, память неувядаемую.

По кончинѣ графа Андрея Ивановича, графиня Марѳа Ивановна Остерманъ возвращена была изъ заточенія. Она пережила супруга своего тридцатьючетырьмя годами; имѣла удовольствіе видѣть младшаго сына сво-

его вице-канцлеромъ, и скончалась 24 февраля 1781 года, на восемьдесятъ третьемъ отъ рожденія. У нихъ было два сына: графъ Федоръ и графъ Иванъ и дочь, графиня Анна Андреевна, въ супружествѣ за генераль-аишефомъ Матвѣемъ Андреевичемъ Толстымъ. *Графъ Федоръ Андреевичъ* родился въ 1722 году; во дни молодости родителя своего находился, на двадцатомъ году отъ рожденія, капитаномъ преображенскаго полка и Александровскимъ кавалеромъ, но послѣ наденія отца переведенъ капитаномъ въ армейскій полкъ и лишенъ ленты. Въ семи-лѣтнюю войну, онъ былъ за отличіе произведенъ въ полковника (1758); по воцареніи Петра III въ генераль-майоры; въ 1768 году снова получилъ Александровскую ленту, которую вмѣлъ за двадцать семь лѣтъ предъ тѣмъ; потомъ находился Московскимъ губернаторомъ (1773); генераль-поручикомъ (1781); сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ (1782) и Андреевскимъ кавалеромъ (1792). Скончался въ Москвѣ, 10 ноября 1804 года, на восемьдесятъ - третьемъ отъ рожденія; съ добрымъ сердцемъ, съ природнымъ умомъ и съ обширными познаніями сочеталъ правъ самый разсѣянный. О разсѣянности его сохранилось въ преданіи много забавныхъ анекдотовъ.

Младшій братъ его, *графъ Иванъ Андреевичъ*, родился въ 1723 году: вмѣстѣ съ братомъ своимъ находился капитаномъ гвардіи, и вмѣстѣ съ нимъ переведенъ былъ въ армейскій полкъ, когда отецъ ихъ сосланъ былъ въ Сибирь. Въ послѣдствіи онъ находился при посольствѣ въ Парижѣ (1757 — 1760), посланникомъ

въ Стокгольмѣ съ чиномъ бригадира (1760); генералъ-майоромъ (1763); тайнымъ совѣтникомъ (1770); Александровскимъ кавалеромъ (1772); отозванъ былъ изъ Швеціи для присутствія въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1774); пожалованъ вице-канцлеромъ (1775); сенаторомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ (1781); получилъ Владимірскую ленту при самомъ учрежденіи ордена (1782), а вскорѣ и Андреевскую (1784). Императоръ Павелъ, на другой день по вѣствованіи своемъ на престолъ, пожаловалъ его государственнымъ канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (7 ноября 1796); но въ слѣдующемъ году, чрезъ двѣ недѣли послѣ коронаціи Императора, графъ Иванъ Андреевичъ испросилъ (21 апрѣля) себѣ увольненіе отъ службы и остальные дни жизни своей провелъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался 18 апрѣля 1811 года, на восемьдесятъ - осьмомъ отъ рожденія. Супруга его, графиня *Анна Васильевна*, рожденная Толстая, пожалована была Императоромъ Александромъ въ статсъ-дамы (12 декабря 1801). Графъ Иванъ Андреевичъ не наследовалъ родительскаго генія, но ознаменовалъ себя пламеннымъ отчизнолюбіемъ и непоколебимымъ благородствомъ душевнымъ. Однажды, въ царствованіе Екатерины, отправлена была къ Англійскому двору сильная нота, вопреки мнѣнію вице-канцлера. Нота сія едва не произвела разрыва. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, графъ Иванъ Андреевичъ являетя къ Екатеринѣ и говоритъ ей: «Предсказаніе мое исполнилось, но можно еще исправить ошибку; прошу Ваше Величество сложить всю вину

«на меня. Объявите Англійскому посланнику, что Ванъ вице-канцлеръ отъ старости выжилъ изъ ума и отпра-
вилъ ноту безъ Вашего соизволенія; даже запретите
имѣть на нѣкоторое время прїѣздъ ко двору. Для поль-
зы Вашей и для пользы Россіи я готовъ тернѣть на-
«сѣтѣнни цѣлаго свѣта!» *)

Графы Федоръ и Иванъ Андреевичъ, не имѣя потом-
ства, просили Екатерину передать графское достоин-
ство, съ именованіемъ и съ гербомъ Остермана, внуку ихъ
родной сестры, Анны Андреевны Толстой, подполков-
нику Александру Ивановичу Толстому. Императрица
изъявила согласіе, и Высочайшій указъ о томъ послѣ-
довалъ 27 октября 1796 года, за десять дней до кончи-
ны Екатерины. *Графъ Александръ Ивановичъ Остер-
манъ-Толстой* получилъ, при Павлѣ, чинъ генераль-

*) У меня хранится копія съ любезной записки, представлен-
ной Прусскимъ посланникомъ въ С. Петербургъ, графомъ Гольцомъ,
наслѣдному принцу Прусскому (въ послѣдствіи Королю Фридриху
Вильгельму II), въ 1780 году, въ Нарвѣ, въ провозѣ принца въ С.
Петербургъ. Въ этой запискѣ графъ Гольцъ описываетъ, какимъ
образомъ принцъ можетъ приобрести расположеніе каждаго изъ са-
вовниковъ Россійскаго Двора, и между прочимъ говоритъ о графѣ
Иванѣ Андреевичѣ Остерманѣ: „Le vice-chancelier Comte Ostermann
„est un galant homme, fort attaché au système actuel de l’alliance avec
„la Prusse, mais sans crédit. Cependant sa place et ses sentimens
„exigent des attentions. En lui parlant comme à un homme qu’on
„croit avoir une influence que sa place devrait lui donner; en allant
„dîner ou souper chez lui; en louant l’ordre qui règne dans sa mai-
„son; en lui parlant de sa mission en Suède, où il a été quatorze an-
„nées; en montrant des attentions à madame la Comtesse, cela suf-
„fira pour le gagner entièrement.“

маіора (1 февр. 1798); при Александрѣ чинъ генераль-лейтенанта (15 марта 1806); въ отечественную войну командовалъ пѣхотнымъ корпусомъ и получилъ, за Бородинскую битву, Александровскую ленту; въ 1813 году, подъ Кульмомъ, 17 августа, геройскою твердостью своею спасъ всю союзную армію и слѣдовательно всю Европу. За эту исполнскую битву, гдѣ онъ лишился руки, графъ Александръ Ивановичъ получилъ орденъ Св. Георгія второй степени и Владимірскую ленту. Въ послѣдствіи жалованъ былъ генераль-адыютантомъ (17 августа 1814) и генераломъ отъ инфантеріи (17 августа 1817). Въ день заложения памятника въ Кульмскомъ полѣ, 17 сентября 1835 года, графъ Александръ Ивановичъ получилъ отъ Государя слѣдующій рескриптъ: «Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ «подвигамъ Русскаго войска въ незабвенную отечествен-«ную войну, присутствовавъ сегодня при заложениі па-«мятника, сооружаемаго Его Величествомъ Императо-«ромъ Австрійскимъ, во исполненіе воли покойнаго Им-«ператора Франца I, Русскимъ войскамъ, дѣйствовав-«шимъ въ сраженіи при Кульмѣ, Мы переносимся во-«споминаніемъ въ день знаменитой Кульмской битвы, «когда вы, въ минуту рѣшительную для дѣла всей Ев-«ропы, противуставъ съ малыми силами многочислен-«ному непріятелю, повели Русскихъ на страшный бой, «и кровію своею указали храбрымъ вѣрный путь къ «побѣдѣ! Подъ Кульмомъ вы стяжали неуывдаемую «славу предпримчиваго вождя, выполнѣ постигшаго духъ «и сердце Русскаго солдата! Помня всегда заслуги не-

«забвенной войны, совершенной подъ личнымъ предводительствомъ въ Бозѣ почивающаго Брата Нашего, «и желая, въ сей торжественный день, почтить, въ лицѣ Вашемъ, всѣхъ храбрыхъ воиновъ Россійской арміи, «которые, подвигами непоколебимаго мужества, убѣчили геройскую рѣшимость Вашу столь блистательнымъ «успѣхомъ, Мы Всемилостивѣйше жалуемъ Васъ кавалеромъ ордена Святаго Андрея Первозваннаго, и проч.»

Однажды, въ бытность сего знаменитаго витязя въ Германіи, пришло къ нему нѣсколько людей въ бѣдной одеждѣ, которые, напомиравъ ему о Германскомъ происхожденіи прадеда, называли себя его родственниками и представили тому доказательства. Заслуженный и богатый вельможа съ радостію принялъ бѣдныхъ родственникововъ, осыпалъ ихъ ласками, и предъ отъѣздомъ устроилъ ихъ вещественную будущность. Графъ Александръ Ивановичъ не имѣлъ дѣтей отъ супруги своей княжны Елисаветы Алексѣевны Голицыной, дочери князя Алексѣя Борисовича Голицына и княгини Анны Егоровны (которая была дочерью Грузинскаго Царевича Егора Вахтангѣевича и Царевны Маріи Яковлевны, рожденной княжны Долгоруковой). *Графиня Елисавета Алексѣевна* родилась 3 августа 1779 года; скончалась, отъ водяной болѣзни, въ Канштадтѣ, близъ Стутгарта, 24 апрѣля (6 мая) 1835 года. Ангелъ доброты и благодушія, графиня Елисавета Алексѣевна была добродѣтельною женщиною, въ самомъ полномъ и самомъ обширномъ значеніи этого слова; находила наслажденіе въ оказаніи благодѣяній; была вѣрною и неизмѣнною

въ дружбѣ; пользовалась, въ высшей степени, всеобщимъ уваженіемъ и любовію всеобщюю, и оставила по себѣ неизгладимое воспоминаніе въ тѣхъ, которые умѣли познать и оцѣнить эту душу, слишкомъ чистую и слишкомъ возвышенную для здѣшняго міра.

Князь Петръ Долгоруковъ.

С Петербурга,
16 ноября 1841 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

М А Н И Ф Е С Т Ъ.

28 НОЯБРЯ 1741 ГОДА.

Объявляемъ всѣмъ.

Понеже въ прошломъ 727 году, маія 7 числа, по кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Матери Нашей, Великія Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫИ объявленною духовною, (по которой тогда всѣ Наши вѣроподданные, какъ духовнаго такъ и свѣтскихъ чиновъ присягали,) о наследствѣ Всероссій-

Г. А. И. Остерманъ.

5

скаго Императорскаго Престола, первымъ артикуломъ определенъ наследникомъ Императоръ ПЕТРЪ Второй: а по кончинѣ ево о сукцессорахъ Всероссійскаго Престола, въ 8 мь артикулѣ сими словами изображено, тако: Ежели Великій Князь безъ наследниковъ преставится, то имѣеть по немъ Цесаревна Анна съ своими Десцендентами, по ней Цесаревна ЕЛИСАВЕТА, и Ее Десценденты, а потомъ Великая Княжна, и Ее Десценденты наследствовать, однакожъ мужеска полу наследники предъ женскимъ предпочтены быть имѣють; однако же никто никогда Россійскимъ Престоломъ владѣть не можетъ, которой не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣеть. И тако слѣдовательно по тому Ея Императорскаго Величества Матери Нашей Государыни тестаменту, какъ то выше изображено, Мы еще тогдажъ, какъ скоро по воли Всемогущаго Бога Императоръ ПЕТРЪ Второй, сію временную на вѣчную жизнь премѣнилъ, уже законовою наследницею Нашего Отеческаго Всероссійскаго Престола безъ изытія были, но недоброжелательными къ Намъ и коварными происки, бывшаго тогда при Его Императорскомъ Велиествѣ, Оберъ-Гофъ-Менстеромъ Графа Андрея Остермана, та Ея Величества Матери Нашей Государыни духовная, по кончинѣ Его Величества, (ибо при упомянутомъ Его Велиествѣ Императоръ ПЕТРЪ Второй, всѣ Государственныя такой важности подлежащія дѣла, были въ ево Остермана рукахъ) скрыта, и евожъ Остермана проискомъ, дабы Мы, яко довольно зная уже ево коварныя, и Государству Нашему вредительныя многіе поступки, Всероссійскій Престоль не наследовали,

избранъ на Престолъ Всероссійской Имперіи, мимо Насъ (какъ всему умному свѣту извѣстно есть, законной Отеческому Престолу Наслѣдницы,) блаженные памяти Императрица АННА ІОАННОВНА. Когда же въ прошломъ 740 мѣ году въ Октябрѣ мѣсяцѣ, Ея Величество уже къ смерти разболѣлася, тогда онъ же Графъ Остерманъ, сочинилъ опредѣленіе о послѣдникѣ Ея Величества, (которое 6 числа того Октября напечатано и въ народъ публиковано,) что тѣмъ Ея Величество учиняетъ наслѣдникомъ по себѣ Принца Антона - Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго отъ Свѣтлѣйшей Принцессы Мекленбургской Анны рожденного сына, (никакой уже ко Всероссійскому Престолу принадлежащей претензіи, лѣтъ и права не имѣющаго,) еще только двумѣсячнаго младенца суца Іоанна, котораго въ томъ же опредѣленіи и Великимъ Княземъ Всероссійскимъ проименовалъ, и не удовольствуясь тѣмъ къ вѣщшему Намъ оскорбленію, и къ явному законнонаслѣднаго Нашего Престола Насъ лишенію, еще и того въ то же опредѣленіе внести не устыдился, чтобъ и по смерти ево Принца Іоанна наслѣдниками Всероссійской Имперіи быть брату ево, а по смерти пакъ такому же ево брату, а въ случаѣ и того преставленія другимъ отъ помянутыхъ Принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго и Принцессы Мекленбургской (кои и сами нимало къ Россійскому Престолу права не имѣютъ) раждаемымъ Принцамъ, которое уже въ крайней Ея Величество слабости бывши, 5 числа того октября и подписать изволила. И по тому чрезъ евожъ Остермана съ бывшимъ Фелдмаршаломъ Графомъ Минихомъ общему старанію, упоминаемой Принцъ Іоаннъ,

по кончинѣ Ея Величества, тогожъ октября 17, Всероссийскімъ Императоромъ утверждень. И поуже тогда какъ гвардія Наша, такъ и полевые полки, были у упоминаемаго Графа Миниха, и отца его (Принца Іоанна) Принцажъ Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго въ командѣ, и тако какъ уже здраво всякому разсудитъ можно, тогда и вся сила состояла въ ихъ рукахъ, и слѣдовательно и всѣ доброжелательныя Намъ Наши вѣрнопоподанные, будучи въ крайней отъ того опасности и утѣшеніи, по тому опредѣленію ему Принцу Іоанну, яко учиненному тѣмъ опредѣленіемъ Императору, и при томъ же по кончинѣ Ея Величества объявленному и о правительствѣ въ малолѣтствѣ ево особому опредѣленію, (которое онъ же Графъ Остерманъ одиъ къ Ея Величеству для подпісанія неоднократно нося, склонилъ 6 числа тогожъ мѣсяца подпісать,) присягать принуждены сталися. Да и они сами, яко то часто упоминаемой Принцъ Антонъ-Ульрихъ съ супругою ево Принцессою Анною, льстясь Всероссийской Престолю удержатъ, силу своему по тѣмъ обѣимъ опредѣленіямъ съ подпіскою ихъ руки присягали же, но потомъ, какъ то уже всему свѣту извѣстно есть, помощію часто упоминаемыхъ же Графовъ Остермана и Миниха, и Графа Михаила Головкина, презря упоминаемую учиненную свою присягу, то о правительствѣ опредѣленіе нарушили, и правительство Нашей Имперіи въ свои руки подъ именемъ той Мекленбургской Принцессы супруги Принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго Анны насильствомъ взяли, и чрезъ то сама себя означенная Принцесса титулъ (ни мало ей подлежащей) Великой Княгини Всероссийской придать

не устыдилася, отъ чего, какъ то всѣмъ же довольно извѣстно есть, не токмо немалыя въ Нашей Имперіи непорядки, и вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ крайнія утѣсненія и обиды уже явно послѣдовать начали, но еще и къ вѣщшему Нашей собственной Персоны утѣсненію и опасности, часто упоминаемымъ Остерманомъ и Головкинымъ, съ ихъ Принца Антоиа Ульриха и супруги его Принцессы Анны согласія, сочинено нѣкоторое къ конечному Насъ отъ Нашего законнаго, и по правамъ всего свѣта, къ тому же и по крови подлежащаго наслѣдія Всероссійскаго Престола отрѣшенію, отиѣнное о наслѣдствіи Нашей Имперіи опредѣленіе, которымъ и самое ее Принцессу Анну въ Императрицы Всероссійскія еще и при жизни сына ея Принца Іоанна утверждать отваживался. И тако видя такія во время того младенца (ибо ему отъ рожденія и нынѣ токмо четырнатцать мѣсяцовъ есть) происходящіе къ крайнему Нашего Государства раззоренію, и крайнія же разными образы подданнымъ Нашимъ утѣсненія, и чаешыя какъ впутреннія Имперіи Нашей, такъ и внѣшнія непорядки и безпокоинства, и впредь худыя слѣдствія и будучи уже и сами Мы Нашею Императорскою Персоною въ крайнемъ опасеніи, для престѣненія всего того, помощію всѣхъ благодателя Намъ Творца Бога, и по всеподданнѣйшему къ Намъ всѣхъ нашихъ вѣроподданныхъ, а намъпаче и особливо лейбгвардіи Нашей полковъ прошенію, Родительскій Нашъ Престолъ, истекающаго сего мѣсяца 25 числа, (какъ того числа изданнымъ въ народъ Манифестомъ объявлено,) Всемилостивѣйше воспріяты соизволили. И

хотя она Принцесса Анна и сынъ ее Принцъ Іоаннъ, и ихъ дочь Принцесса Екатерина, (какъ то уже довольно выше изъяснено,) ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію Всероссійскаго Престола ни по чему не имѣютъ, но однако въ разсужденіи ихъ Принцессы и ево Принца Ульриха Брауншвейгскаго, къ Императору ПЕТРУ Второму по матерямъ свойства, и изъ особливо Нашей природной въ нимъ Императорской Милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченій, съ подлежащею имъ честию и съ достойнымъ удовольствіемъ, предавъ всѣ ихъ вышеизъясненные къ Намъ разные предосудительные поступки крайнему забвенію, вслѣдъ ихъ въ ихъ отечество Всемилостивѣйше отправить повелѣли.

II.

М А Н И Ф Е С Т Ъ.

28 Января 1742 года.

Объявляемъ во всенародное извѣстiе:

Какъ то всѣмъ уже чрезъ публикованной Нашъ ноябрю отъ 28 дня прошлаго 1741 году манифестъ довольно извѣстно есть, какими недоброжелательными къ Намъ и коварными происки бывшего Генерала-Адмирала и Кабинетъ-Министра Графа Андрея Остермана, Мы, по кончинѣ блаженной памяти Государя Императора

Петра Второго отеческаго Нашея Всероссийскаго престола, (котораго Мы тогда уже по точному содержанию учиненной блаженныяжъ и вѣчнодостойныя памяти Матери Нашея Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны духовной закономъ безъ всякаго изъятія наследницею были) безсовѣстно лишены, также и чрезъ какіе Богу противныя и Государству Нашему вредительныя интриги общимиъ евожъ Остермана, съ бывшимъ Фелдмаршаломъ Графомъ Минихомъ, и съ прочими стараніемъ, равнымъ образомъ и при кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, когда Ея Величество уже къ смерти разболѣлася, и въ крайней слабости находилась, учиненнымъ имъ Остерманомъ о наследствѣ опредѣленіемъ Мы пакн отъ наследнаго онаго отеческаго Нашея престола отлучены; и рожденной отъ Свѣтлѣйшей Принцессы Мекленбургской Анны, и отъ Принца Антоиа-Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго сынъ Принцъ Іоаннъ яко къ Всероссийскому престолу немалѣйшей претензіи, лиши и права не имѣющей еще только двумѣсячной младенецъ, по немъ же и братья ево рождаемые отъ оной же Принцессы Анны Принца сукцессорами назначены и утверждены: да и правительство Имперіи, притомъ къ вѣщшимъ въ Имперіи Нашей непорядкамъ и къ крайнему вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ утѣсенію въ чужія руки отдаю. А потѣмъ еще къ несносному Нашей собственной персонѣ утѣсенію и опасности, оиъ же Остерманъ и съ нимъ бывшей Вице-Канцлеръ Графъ Головкинъ съ прочими къ конечному Насъ отъ Нашея законнаго и по правамъ всего свѣта, къ томуужъ и по

крови подлежащаго наслѣдія Всероссійскаго престола вовсе отрѣшенію отъ насъ о наслѣдствіи Нашей имперіи опредѣленіе учинить намѣрились, которыми не токмо раждаемыхъ отъ Принцессы Анны дочерей, но и самое ея Принцессу въ Императрицы Всероссійскія утверждать отважились, о которыхъ ихъ Остермана, Миниха и Головкина безбожныхъ поступкахъ и злыхъ намѣреніяхъ въ вышечисанномъ Нашемъ манифестѣ ноября етъ 28 дня прошлаго 741 году явннво значить. И по такимъ жалостнымъ и весьма опаснымъ обстоятельствамъ были Мы уже необходимо принуждены по воспріятіижъ Нами помощію всемогущаго Бога и по всеподданнѣйшему Нашихъ всѣхъ вѣрноподданныхъ, а особливо лейбгвардіи Нашей полковъ прошенію Родительскаго Нашего Всероссійскаго престола реченныхъ Остермана, Головкина и Миниха какъ государственныхъ и общаго покоя ненавидящихъ злодѣевъ купно съ ихъ сообщниками: бывшими Оберъ-Гофъ-Маршаломъ Левенвольдомъ, Комерцъ-коллегін Президентомъ Менгденомъ, также Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Темирязевымъ и прочими приличившимся арестовать, и дабы о всѣхъ ихъ богомерзскихъ злодѣйскихъ поступкахъ и вредительныхъ Нашему государству намѣреніяхъ и въ томъ сообщникахъ къ возвращенію и восстановленію общаго внутренняго покоя и благополучія, и Богу пріятнаго между народомъ согласія и любви обстоятельно извѣстно учиниться могло, особливую слѣдственную комисію учредить, предъ которою оныя Остерманъ, Минихъ, Головкинъ и прочіе, въ важнѣйшихъ ихъ государственныхъ и въ прочихъ по ихъ долж-

ностямъ немалыхъ же до явнаго государственнаго раззоренія и общаго покоя, также и до невозвратнаго ущербу касающихся преступленійхъ роспрашиваны, по которымъ ихъ роспросы являлось, а именно:

Бывшій Генераль-Адмиралъ Андрей Остерманъ, вѣдая Ея Императорскаго Величества блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны любезнѣйшей Нашей Матери учиненную и отъ него самого съ прочими подписанную и торжественною присягою подтвержденную духовную, по которой Мы къ сукцессіи Всероссійскаго престола въ свое время именно опредѣлены были, оной духовной не токмо по присяжной своей должности, и по крайней возможности не охранялъ, но какъ по кончинѣ Государя Императора Петра Втораго, при избраніи на престолъ Ея Величества блаженныяжъ памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, такъ и по случившимся послѣ того разнымъ перемѣнамъ, особливожъ при сочиненіи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Анны Иоанновны о наследствіи отъ 5 Октября 1740 году публикованнаго тестаментъ (которой онъ же въ своемъ домѣ и сочинилъ одинъ) о той духовной не токмо ни чемъ не представлялъ; но умышленно оную утая разнымъ вымысли въ недѣйство приводить и весьма уничтожить старался, вымышляя въ такомъ зломъ намѣреніи объ отлученіи Насъ и Племянника Нашего Его Королевскаго Высочества Герцога Голстинскаго, яко вселюбезнѣйшаго Нашего родителя Его Императорскаго Величества Петра Великаго Внука, отъ Россійскаго престола разные прозвѣты, которые по арестованіи его

въ евожъ домѣ между прочихъ писемъ найдены, и во оныхъ забывъ Бога и присяжную свою должность собственною своею рукою написалъ, яко бы Мы также и Племянникъ Намъ Его Королевское Высочество Герцогъ Голстинскій къ Россійскому престолу права никакова не имѣемъ, а представляя, дабы для пресѣченія всѣхъ съ Нашей стороны въ томъ опасностей Намъ за отдаленнаго чужестраннаго убогаго Принца за мужъ выдать, отъ котораго де-никогда никакого опасенія быть не можетъ, о которыхъ безбожно имъ сочиненныхъ и своеручно написанныхъ проэктахъ во распросамъ винился, что онъ все то написалъ противу совѣсти своей, (въ которой совершенно изобличенъ былъ, что Мы по вышеупомянутой всеобозвѣстной Нашей Матери Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны духовной безспорное къ наслѣдству право имѣемъ) затѣвая ложно, что будтобы то чинилъ только для одного угожденія блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ желая себя вывести изъ того подозрѣнія, въ которомъ яко бы онъ у Ея Императорскаго Величества для сочиненія вышеписанной духовной находился, а паче всего дерзнулъ онъ Остерманъ къ вѣщшему умышленному нарушенію общихъ государственныхъ правъ и внутренняго покоя о присообщеніи Россійскаго престола въ наслѣдство раждаемымъ отъ Свѣтлѣйшей Мекленбургской Принцессы Анны Принцессамъ проэктъ и мѣстніи учинить и во ономъ проэктѣ собственною своею рукою написать якобы въ учиненномъ Государыни Императрицы Анны Ивановны о наслѣдствіи узаконеніи раждаемьи отъ Прин-

цессы Анны Принцессы, безбожнымъ образомъ изъ онаго хотя не выключены, однакожь оныхъ не упоминаюто, да яко бы оное дѣло и само по себѣ ничего чрезвычайнаго не содержитъ, но только-де о томъ разсуждать надлежитъ, какимъ-бы образомъ въ томъ поступать надобно, и дабы для отвращенія всѣхъ замѣшательствъ при будущихъ случаяхъ наследство имено утвердить и на Принцессѣ сестрѣ Принца Іоанна. И когда на то прочіе Министры сказали, что о томъ весьма надобно напередъ самимъ разсуждать, а особливо, что въ духовной бывшему Регенту обще съ Кабинетомъ, съ Синодомъ, Сенатомъ и Генералитетомъ наследника избрать положено, почему-де разсуждать должно какіябъ къ тому причины показать можно было, и требовали на то время яко о важномъ дѣлѣ подумать; тогда онъ Остерманъ имъ отвѣтствовалъ, толкуя безсовѣстно, что узаконеніе о наследствѣ до духовной не надлежитъ, и объявляя притомъ, что лишбы они прочіе Министры въ то вступить хотѣли, то бы такія причины ужё нашлись, которыя-де предъ свѣтомъ показать можно, и надобно-де только приняться за самое дѣло, да въ поданномъ Принцессѣ Аннѣ мнѣніи своеюжъ рукою онъ Остерманъ написалъ, что-де узаконеніе о наследствѣ зависить всегда отъ воли Самодержавнаго, а она-де Принцесса Анна Императорскимъ именовъ (безбожно толкуя) яко бы съ такоюжъ Самодержавною властію и силою государство править, какая приличествуетъ владѣющему Императору, и для того-де какъ наследство Принцу Іоанну и братьямъ ево утверждено, такъ бы именовъ ево и сестрамъ ево раждае-

нымъ отъ Принцессы Анны дочерямъ по здѣшнему обыкновенію какъ отъ Духовныхъ такъ и отъ Свѣтскихъ чиновъ, подписанными присягами утвердить, и такимъ образомъ вдругъ безъ продолженія времени къ совершенству привести, прибавляя къ тому, что ежели сіе дѣло единогласно и безъ всякихъ особливыхъ намѣреній предпріято не будетъ, и захочетъ всякъ дѣлать по своему, то-де можно легко разсудить, что отъ онаго больше продолженія нежели скорого исполненія ожидать можно. Въ разговорахъ онъже Остерманъ сверхъ того Левенволду и Менгдену говорилъ, а именно: Менгдену, что ежели-де сіе дѣло начнутъ добрымъ порядкомъ, то можетъ быть и сама Принцесса Анна Императрицею, употребя притомъ и такіе безсовѣстные слова, что будто бы и она Принцесса Анна такъ какъ ея дѣти, (которые какъ всему свѣту извѣстно, и сами никакого слѣдства къ претензіи престола Россійскаго никогда не имѣли, и имѣть не могутъ,) къ тому право имѣеть; а Левенволду: что не извѣстно де-куда то дѣло клонится, и можетъ-де быть, не хочетъ ли сама Принцесса сукцессію имѣть прежде дочерей, разсуждая притомъ съ нимъ Левенволдомъ, чтобъ то дѣлать либо властію, то есть указомъ, или прошеніемъ отъ народа; о которыхъ вышепоказанныхъ проэктахъ, мнѣній и разсужденіяхъ распросомъ признался, что то все имъ писано и разсуждаемо было, усердствуя Принцессѣ Аннѣ; и дабы ежелибъ впредь Принцовъ отъ ней не было, не произошлобъ съ стороны Нашей какъ совершенно законной наслѣдницы погикнательство, и что онъ противно духовной, но кото-

рой, какъ выше изображено, и присягою обязался любезнѣйшей Нашей Матери Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, по которому наследство Россійской Имперіи, какъ вышежь объявлено, Намъ еще по кончинѣ Его Императорскаго Величества Петра Второго законно надлежало, не токмо защищать старался, но противъ своей присяги Насъ и по кончинѣ Государыни Императрицы Анны Іоанновны, и по отрѣшеніи Регента токмо для полученія себѣ отъ Принцессы Анны милости, и предпочитая больше собственное свое благополучіе, нежели общее и нестыдную совѣсть и страшный судъ Божій безсовѣстно злодѣйски разными вымыслами Насъ отъ природнаго и по правамъ всего свѣта законно подлежащаго Намъ отеческаго наследствѣ отлучить тщался. Да онъ же Остерманъ учинилъ Намъ еще разныя озлобленія, о которыхъ значить по дѣлу, и приличилъ. Ктомужь кромѣ вышеписанныхъ еще во многихъ другихъ важныхъ, также и по повѣренныхъ ему должностямъ къ государственному разоренію и ущербу преступленіяхъ; а именно: по должности своей о лучшей предосторожности къ защитѣ государства, гдѣ надлежало, не представлялъ. Въ важныхъ дѣлахъ съ прочими повѣренными персонами откровенныхъ совѣтовъ не держалъ; но по большей части поступаая по своей собственной волѣ. О нѣкоторыхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ генеральныхъ совѣтовъ собирать не старался, и не хотѣлъ, и о томъ не представлялъ. Такія персоны, которымъ для нѣкоторыхъ рѣшѣходовъ немалыя денежныя суммы изъ казны выданы; чтобъ надлежаще сѣчены были, о томъ старанія не

прималгалъ. Къ нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, которые до цѣлости всего государства касались, въ предосужденіе всего Россійскаго народа употреблялъ чужихъ наций (и недовольно извѣстныхъ о ихъ состояніи) людей, а не Россійскихъ природныхъ, и тѣхъ впервыхъ награждать старался, чрезъ что Россійскимъ интересамъ воснослѣдовалъ вредъ. Своихъ адгерентовъ (или согласниковъ) не токмо къ награжденію рекомендовалъ, но ихъ такъ защищалъ, что ежели оныя что нибудь въ общее государства пользѣ упустили, и въ томъ, гдѣ надлежало, не представлялъ: ихъ же самихъ и ихъ дѣла такъ защищать старался; что хотябъ оныя не такъ полезны государству были, за равномѣрно съ полезными рекомендовалъ. Немалыя суммы казенныхъ денегъ и другихъ вещей безъ совѣта прочихъ Кабинетъ-Министровъ въ расходъ выдавать, а онымъ уже по выдачѣ того для подписанія токмо о томъ резолюціи сообщать приказывалъ. Мнѣніи свои въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ такъ перемѣнялъ, какъ оныя въ угодность другимъ быть могли, а не такъ какъ присяжная должность и государственная польза требовала. Излишнимъ сборомъ рекрутъ и лошадей государству немалое отягченіе и разореніе причинилъ. Изъ адмиралтейскихъ командъ о всемъ состояніи репорты приказывалъ къ себѣ присылать, а не въ Адмиралтейскую Коллегію, также и тѣхъ прежде къ нему присылаемыхъ репортовъ въ Коллегію не сообщалъ. Потомужъ и о томъ что бывшей Фельдмаршалъ Миннихъ исходатайствовалъ себѣ указъ, дабы бытности ево при Ладожскомъ каналѣ не считать, онъ Остерманъ яко о учинен-

номъ въ противность общихъ правъ требованіи представленія никакого не учинилъ. Свойственникамъ своимъ не по ихъ достоинству въ произвожденіи помогать. И будучи въ своемъ министерствѣ, имѣя все государственное правленіе въ своихъ рукахъ, многія славныя и древнія Россійскія фамліи опровергать, и искоренять, у высочайшихъ монарховъ во озлобленіе приводить, и отъ двора многихъ отлучать, и жестокия и неслыханныя мученія и эксекүціи какъ надъ знатными такъ и надъ незнатными, не щадя и духовныхъ персонъ въ дѣйство производить, и между Россійскими подданными несогласіи всѣвать, комуужь еще и многія блаженныя памяти отъ Нашего вселюбивѣйшаго родителя Государя Императора Петра Великаго въ общую пользу учиненныя опредѣленія, яко то особливо о Прокурорахъ, уничтожить, и славнаго оного Монарха дѣлать явно порочить старался, не упоминая о прочихъ такихъ же преступленіяхъ и интересу упущеніяхъ, о которыхъ подробно и обстоятельно въ дѣлѣ изъяснено.

Бывшій Фелдмаршалъ Минихъ частоупоминаемой же учиненной отъ вселюбивѣйшей Нашей Матери, Ея Величества блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны духовной, по которой и онъ Минихъ подписавшійся же съ прочими присягалъ, при случившихся послѣднихъ разныхъ перемѣнахъ не защищалъ; но по кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны о врученіи правительства Россійской имперіи въ чужестранныя руки стараніе и наглавнѣйшую виновность въ томъ имѣеть; что бывшей Герцогъ Курляндской Биронъ въ Регенство

вступилъ: ибо онъ Минихъ первѣйшей ему о томъ говаривалъ, и непрестанно просилъ и возбуждалъ, а потому когда уже оной Регентъ хотя противу Государственной пользы, и одними его Миниха интригами въ правительство вступилъ, то для партикулярныхъ своихъ видовъ его опять самъ собою извергнулъ. И когда же арестованію того Регента шель; тогда видая стоящихъ въ то время на караулѣ лейбгвардіи Нашей солдатъ, къ Намъ горячестъ и особливую склонность ихъ обязанностямъ ко исполненію своего намѣренія тѣмъ больше ободривъ, что представлялъ затѣиво; яко бы отъ Регента Намъ и Племяннику Нашему есть утѣшеніе, по чему де его Регента надобно взять, и кого-де они хотять Государемъ, тотъ и быть можетъ, хотя Принцъ Юаннъ, или Его Королевское Высочество Герцогъ Голстинской, по какии поступкамъ хотя онъ Минихъ самъ въ совѣсти своей и изобличень былъ, что Мы и Племянникъ нашъ Его Королевское Высочество Герцогъ Голстинскій; къ наследствію Россійскаго престола безспорное право имѣемъ, однакомъ какъ тогда, имѣя всю силу въ своихъ рукахъ, Намъ притомъ защищать, такъ и послѣ происходящихъ въ перемѣнѣхъ наслѣдства безбожннмъ и беззаконннмъ къ нарушенію общаго покоя касающнмъ намѣреннмъ, о которыхъ онъ отъ Барона Менгдена и отъ сына своего бывшаго Оберъ гофъ-Мейстера Миниха обстоятельно слышалъ; и которыя самъ за бесполезныя и за непристойныя признавалъ, ничтнмъ по должности вѣрнаго раба и подданаго по присягѣ своей препятствовать не старался, и сверхъ того еще Намъ разныя чинилъ озлобленія. И

летою къ тайнымъ о Высочайшей Нашей персонѣ провѣдованіямъ, яко и чину и достоинству ево весьма непристойному дѣлу самъ употреблялся, но еще и особливога урядника подъ претекстомъ, буттобъ для смотрѣнія Нашего дома опредѣлилъ, которому и нанимая извошниковъ вездѣ за Нами ѣздить, и обо всемъ себѣ репортовать приказывалъ. Онъ же Миннихъ будучи при арміи явился во многихъ до немалаго раззоренія Нашего государства касающихся непорядкахъ и преступленіяхъ; о сбереженіи людей не имѣлъ никакова повеченія, во многихъ важныхъ военныхъ предпріятіяхъ въ претивность военному уставу и артикуламъ; токмо для собственной своей славы поступалъ, не призывая генералитета въ совѣтъ по своей одной волѣ, отъ чего во время войны при нѣкоторыхъ случаяхъ людямъ не безъ напраснаго урону было. Да въ тужъ свою при арміи бытность, не токмо съ меньшими Россійскими Офицерами, и многожды и безъ суда не по достоинству Офицерскому въ штрафахъ поступалъ, но и на Штабъ-Офицеровъ салдатской штрафъ налагалъ; и въ первомъ Перекопскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ фамилій Россійскихъ Полковниковъ ругаясь подъ ружье ставалъ, и такъ ихъ предъ всюю арміею водилъ, изъ нихъ же нѣкоторыхъ и скованныхъ держалъ. Свойственниковъ же своихъ и адгерентовъ или согласниковъ не по ихъ достоинству производилъ, и самому себѣ къ растощенію Государственной казны великія суммы денегъ въ разныя въ правленіе Принцессы Анны будучи первымъ Министромъ времена, да къ тому же и чрезвычайную пенсію своими проеками исходатайствовалъ, о кото-

рыхъ ево и прочихъ великихъ непорядкахъ, въ которыхъ онъ по изобличенію и самъ признался, въ слѣдственномъ дѣлѣ подробно показано.

Бывшей Вице-Канцлеръ Михайла Головкинъ по вышесказанному въ перемѣнѣ сукцессіи дѣлу былъ первымъ зачинщикомъ; ибо еще въ то время, когда Принцесса Анна въ правительство вступила, и какъ онъ по выздоровленіи отъ своей тогдашней болѣзни пріѣхалъ къ ней тѣмъ поздравить, тогда ей при томъ представилъ, что-де сожалѣтельно есть, что въ нѣкоторыхъ при томъ учрежденіи наслѣдства пунктахъ недовольно изъяснено, а особливо что-де о Принцессахъ не упомянуто, и отъ того онаго Головкина представленія, предъ недавнимъ временемъ приказала Принцесса Анна ему по тому дѣлу съ Андреемъ Остерманомъ имѣть сношеніе, почему написалъ проэктъ, чтобъ представить въ Кабинетъ къ разсужденію, о бытіи рождаемыхъ отъ Принцессы Анны Принцессамъ наслѣдницами Россійскаго престола, да притомъ же внесъ и другое свое мнѣніе, которое въ такой же силѣ написано было, какъ и проэктъ, и тѣ проэктъ и мнѣніе послалъ къ Принцессѣ Аннѣ, а въ проэктѣ между прочимъ показано было, чтобъ въ такомъ случаѣ, какъ Регенту избраніе на Россійскій престолъ сукцессора предписано, собраніе учинить неприлично, но быть бы Принцессѣ Аннѣ самой Императрицею, чѣмъ-де всѣ сумнительства, которые впредь произойти могутъ, (разсуждая то съ стороны Нашего Императорскаго Величества) пресѣкнутся. И то-де писалъ онъ Головкинъ въ такомъ мнѣніи, что ежелибъ Принцъ Юаппъ скончался, а другога Принца не было,

*

чтобы вѣсто того, чтобы во ожиданіи другаго Принца неизвѣстному правительству имѣть, разсуждалъ причлнче быть ей самой Императрицею, въ чемъ, что онъ Принцессу Анну такимъ образомъ Императрицею причемъ, и Насъ отъ наслѣдства безбожно и противъ всего свѣта законовъ отлучить намѣренъ былъ, оной Головкинъ призналъ себя виновнымъ. Опъ же будучи у Принцессы Анны въ наиблизжайшей конфиденціи, и види въ выдачѣ казенныхъ денегъ немалыя суммы Ей Принцессѣ, о томъ никогда не представлялъ, и тѣмъ по присяжной своей должности такому напрасному казнѣ расточенію не предупредилъ.

Бывшей Оберъ-Гофъ-Маршалъ Левенвольдъ въдажъ о духовной Матери Нашей Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, по которой Мы сукцессією Всероссійскаго престола въ свое время опредѣлены и утверждены были, а при кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны въ защищенію не представлялъ; и будучи во всѣхъ какъ при опредѣленіи Регента, также и при намѣреной вновь о дочеряхъ Принцессы Анны въ сукцессіи перемѣнѣ и о возведеніи самое Принцессу Анну на престолъ Императрицею, какъ то обстоятельно уже выше многократно о томъ предписано, происходившихъ предпріятіяхъ съ Принцессою Анною, а особливо съ Андреемъ Остерманомъ въ близжайшихъ совѣтахъ, не токмо чтобы такимъ общему покою вредительнымъ намѣреніямъ по присяжной своей должности препятствовать, но еще оному Остерману во всемъ потакалъ, и злые ево предпріятія апробовалъ, и съ нимъ Остер-

маномъ въ разсужденіе вступалъ. Ктомуужъ изъ соляныхъ подѣ своихъ вѣдѣніемъ состоящихъ денегъ великія суммы и пенсіонъ ко истощенію казны себѣ и другимъ исходатайствовалъ, также и по прояскамъ своимъ домогся, чтобъ о соляной суммѣ никому не адресовать-ся, и счетовъ въ Ревизіонъ-Коллегію и въ прочія подлежащія по указамъ мѣста не подавать.

Бывшей Коммерцъ-Коллегіи Президентъ Менгденъ имѣлъ по кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны о томъ, чтобъ бывшему Герцогу Курляндскому въ Россіи Регентомъ быть, крайнее стараніе, внушая другимъ, что ежели Биронъ Регентомъ не будетъ, то-де они иноземцы всѣ пропадутъ; а ему-де Бирону самому объ себѣ просить нельзя, и для того-де не можно о томъ, какъ стороною Ея Императорское Величество блаженныя памяти просить, по чему согласясь съ бывшимъ Фелдмаршаломъ Минихомъ, именовъ всего государства и челобитную составили. И онъ же Менгденъ между тѣмъ отъ бывшей Герцогини Курляндской къ Принцессѣ Аннѣ ходилъ, чтобъ ея на то привести, дабы она допустила тому Герцогу Регентомъ быть. Онъ же Менгденъ вѣдая отъ всѣхъ о намѣренной въ сукцессіи переѣзѣ происходящихъ предпріятіяхъ, съ другими, а особливо съ Остерманомъ о томъ вступалъ въ разсужденіи. А впрочемъ и по Коммерцъ-Коллегіи дѣламъ къ общему государственному ущербу явился еще въ слѣдующихъ преступленіяхъ, а именно: по ево представленію отпущено за море, какъ изъ Санктпетербурга, такъ изъ города Архангельска и изъ завоеванныхъ провинцій великое

число хлѣба; отъ чего хлѣбъ нынѣ вдвое покупает-ся, и обывателямъ не малая раззореніи; да и въ покупкѣ провіанта государству великой казенной ущербъ приключился, особливоже въ Лифляндіи крестьянство, которыя льстясь дорогимъ цѣнамъ, весь хлѣбъ безъ остатку продали, такую нужду претерпѣвають, что отъ большей части изъ Нашихъ магазиновъ оныхъ нынѣ довольствоваться принуждено стало, которое объ отпускѣ хлѣба представленіе учинено имъ Менгденомъ мимо Коллегіи самимъ собою съ вѣдома и согласія бывшаго Фелдмаршала Минниха и Андрея Остермана, о чемъ и Головкинъ тожъ объявилъ. Да въ томъ же хлѣбномъ торгу онъ Менгденъ въ противность учиненному о невступленіи ни въ какіе торги самимъ будущимъ у дѣлъ указу, самъ съ купцомъ Бардевикомъ, давъ ему на то пятнадцать тысячъ рублей, вступилъ. А сверхъ того по вступленіи своемъ въ президентство въ Коммерцъ-Коллегію, и при осмотрѣ фабрикъ и мануфактуръ, бралъ немалыя съ разныхъ людей взятки, и старался въ противность Его Императорскаго Величества вседражайшаго Нашего Родителя блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго указу сочиненной и уже конфирмованной о векселяхъ уставъ для своего токмо собственнаго соизволенія перемѣнить.

Статской Дѣйствительной Совѣтникъ Иванъ Темиряевъ, по собственному своему произволенію (токмо изыскивая себѣ благополучіи) къ нарушенію общаго государству покоя, ко отлученію пась отъ Всероссійскаго престола, толковалъ о сукцессіи Россійской Имперіи и

о бытіи раждаемыиъ отъ Принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской дочерямъ наследницами, и внушалъ о томъ оной Принцессѣ. Да кождажъ ему отъ оной Принцессы приказано о томъ здѣлать манифестъ, то онъ Темирязевъ прѣзвавъ объявилъ о томъ, яко бы указомъ отъ оной Принцессы, Иностранной коллегіи Секретарю Андреяну Познякову, которой по тому ево Темирязева объявленію въ сочиненіе о томъ манифестовъ вступилъ, и два манифеста, изъ которыхъ одинъ о бытіи наследницами во время престѣченія раждаемыхъ отъ Принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской мужеска полу дѣтей Ея, дочерямъ, а другой о бытіи Ей Принцессѣ Аннѣ самой Императрицею, на весьма худомъ и противномъ основаніи, съ ево Темирязева словъ сочинилъ.

И во такимъ ихъ: Остермана, Мниха, Головкина и прочихъ, важнѣйшимъ преступленіямъ, для сысканія по нѣкоторымъ пунктамъ истины подлежало было имъ разыскивать; но оваго розыску имяннымъ Нашимъ Указомъ, токмо изъ единого высочайшаго Нашего Матерняго милосердія Мы чинить не повелѣли, а указали Нашему Сенату, собравъ весь военной и статской генералитетъ, и ихъ по имѣющимся въ дѣлѣ вышепоказаннымъ обстоятельствомъ и собственнымъ ихъ признаніямъ по Нашимъ государственнымъ правамъ и указамъ судить. По которому генеральному суду и по заключенной во ономъ сентенціи положено ихъ всѣхъ казнить смертію, а имянно: Остермана колесовать, Мниха четвертовать, а Головкину, Левенволду, Менгдену и Темирязеву отсѣчь головы, а движимые и недвижимые ихъ имѣніи взять на Насъ. И хотя всѣ они за вышепоказан-

ныя ихъ наиважнѣйшія, богоуверкіе и вѣдомыя ислѣнные государственныя и прочія по ихъ должностямъ немалыя до явнаго государственнаго разоренія и общаго покоя касающіяся преступленія и вины по всѣмъ государственнымъ правамъ и указамъ такою приговоренной смертной казни и подлежатъ; однакожь Мы по природному Нашему Матернему милосердію и по дарованному Намъ отъ Бога Великодушію, всемилостивѣйше указали ихъ отъ той приговоренной смертной казни освобождая сослать въ заточеніе, а именно: Андрея Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ, Головаина въ Германгъ, Менгена въ Колымской острогъ, Левенвольда къ Соликамской, Теширзева въ ссылку въ Сибирь, въ которыя мѣста, какъ ево Остермана, такъ и прочихъ жень, ежели похотятъ, отпустить же съ мужьями; а всѣ ихъ собственныя движимыя и недвижимыя имѣнія взять на Насъ. И чтобъ всѣ вѣрныя Наши подданныя смотря на то признавали, что Богъ клятвеннопреступникамъ не терпитъ, и что мудрымъ ево промысломъ скрытыя въ сердцахъ ихъ умысленія въ временному и вѣчному ихъ осужденію всегда откровенны бываютъ, и дабы опасаясь того отъ всякихъ такихъ Богу противныхъ поступковъ конечно остерегались, и во всемъ бы такъ поступали, какъ то вѣрнымъ подданнымъ и правымъ сыновьямъ отечества по присяжной ихъ должности принадлежитъ; за что отъ Бога во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ благословенны, также и Нашею Императорскою милостію всегда награждены будутъ, для того сей манифестъ Всемилоостивѣйше указали Мы напечатать во всей Нашей Имперіи отъ Нашего Сената публиковать.

К Е Л Ъ Я.

Стоять за каменной оградой
Святые храмы, келій рядъ,
Врата съ иконой и лампадой,
Гробницы и тѣмный садъ.
И въ озерѣ ихъ свѣтъ и тѣма,
Какъ въ зеркалѣ отражены :
Въ немъ видны лишь густыя сѣни
И стѣны свѣжой бѣлизны.
Когда жь усѣнный звездами,
Исполненъ тайны и чудесъ,
Сілетъ тихими лучами
Полупрозрачнѣй сводъ небесъ ;
Когда, клубясь надъ водою,
Обниметъ зданіе кругомъ
Роса туманной пеленою :
Представеть въ облакѣ густомъ,
Какъ образъ на небѣ явленный,
Носимый тучей монастырь.

Умолкъ монаховъ хоръ смиренный,
 И стихъ трезвонъ, не слышенъ клиръ.
 Въ сей мирный часъ успокоенья,
 Всѣ братья предалися сну.
 И беззаботны сновидѣнья
 Объяли келій тишину.
 Въ одной лишь кельѣ нѣтъ покоя;
 Въ ней позабытая горитъ
 Свѣча, меркая у налоя,
 На немъ молитвенникъ лежитъ.
 Но келья житель одинокій,
 Святой молитвы не творитъ,
 Сквозь сумракъ и туманъ далёкій
 На свѣтъ незнаемый глядитъ,
 И тайны жизни суетливой,
 Предъ нимъ сокрытыя судьбой,
 Объять душой ветерпѣливой
 Онъ жаждетъ, — и, склонясь главой,
 Въ тревожну думу погрузился.
 И вотъ, доселѣ чуждый, міръ
 Полуразгаданный явился,
 Какъ искусительный кумирь.
 Отшельникъ слышитъ ликованье,
 Онъ видитъ юны красоты,
 Предъ нимъ богатство, обладанье,
 Въ замѣнъ келейной нищеты.
 Монаха умъ недугъ объемлетъ,
 Ужасна келья тишина;
 Кругомъ въ спокойствіи все дремлетъ,
 Природа сонная страшна.
 Но вдругъ, средь тишины раздался
 Призывный колокола гласъ;
 Какъ жертвы Фивіамъ поднялся
 И возвѣстилъ молитвы часъ.

И въ келію небеснымъ пѣньемъ
Проникнулъ гулъ его святой,
Предъ нимъ исчезли сновидѣньемъ
Навѣты тьмы и силы злой.
Монахъ, какъ будто пробужденный,
Завѣтный знакъ творить рукой,
И возглашаетъ стихъ священный:
«Заутра гласъ услыши мой!»

И. Д.

РАЗДѢЛЪ.

(Изъ Шидлера)

Зевесъ вѣшалъ: возьмите землю, люди!
Возьмите, вамъ по вѣчны времена
Я отдаю ее. Между собою
Дѣлиться, какъ братья и друзья. —
Все двигнулось тогда, чтобы скорѣе
Себя отъ нуждъ житейскихъ оградить,
И каждому достались на долю
Завидныя сокровища земли.

Когда раздѣлъ окончился, — послѣднiй
Пришелъ за достоянiемъ поэтъ:
Съ надеждою, изъ далека притекшiй,
Приблизился — и былъ отвергнутъ онъ!

Давно уже земля и все земное
Властителя имѣли своего!
Припалъ поэтъ къ Зевесову престолу
И спросилъ: за что обиженъ я?

— Обиженъ ты? за чѣмъ же вѣрнымъ благомъ
Ты жертвовалъ обманчивой мечтѣ,
И гдѣ ты былъ, когда дѣлили землю? —
Былъ при тебѣ — отвѣтствовалъ поэтъ.

Твое, въ сіяніи небесной славы,
Я созерцалъ блестящее чело,
И былъ блаженъ! Восторженный тобою,
Прости, Зевесъ, забылъ я о себѣ.

— Я болѣе не властенъ надъ землею,
Когда жъ тебя плѣнили небеса,
И ты другой отчизны не имѣешь:
Они тебѣ отверзты навсегда. —

А. Струговицковъ.

ДУМКА.

Солнце скрылося, ровно три часа,
А ты, двинца, ясныхъ дней краса,
Горемычая, одиновешечка,
Пригорюнилась у окошечка?

У окошечка прогорюю ночь,
А какъ день взойдетъ отойду я прочь.
Мнѣ не вмигилось солнце красное
Полюбилася ночь ненастная.

Пригорюнившись не одна сижу,
Не одна-то я сквозь туманъ гляжу:
Ахъ, со мной молодой неразлучныя
Горе лютое, думы скучныя!

Жду не радости, не веселыхъ дней,
Не боюсь бѣды: не бывать ужь ей:
Что ни худшаго, то случилось:
Мое солнышко закатилось.

Князь А. Шаховской.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА.

Не призывай небесныхъ вдохновеній
На высь чела, вѣнчаннаго звѣздой;
Не заводи высокихъ пѣснопѣвій,
О юноша, предъ суетной толпой.
Коль грудь твою огонь небесъ объемлетъ
И гениемъ чело твое свѣтло, —
Ты берегись: безумный рокъ не дремлетъ
И шлетъ свинецъ на свѣтлое чело.

О горькой вѣкъ! Мы видно заслужили,
И по грѣхамъ намъ видно суждено,
Чтобъ мы теперь такъ рано хоронили
Все, что для душъ прекрасныхъ рождено.
Нашъ хладный вѣкъ прекраснаго не любитъ,
Не нужнаго корыстному уму,
Безсмысленно и самохвально губитъ
Его сосудъ — и все равно ему:

Что чудный день померкнулъ на разсвѣтъ,
Что смятъ грозой роскошный мотылекъ,
Увила роза въ пламенномъ разцвѣтъ,
Застылъ въ горахъ зачавшійся потокъ;
Иль что орла стрѣлой пронзили люди,
Когда молодой къ свѣтлу дня летѣлъ:
Иль что поэтъ, зажавши рану груди,
Блѣднѣя палъ — и пѣсни не допѣлъ.

С. Шевыревъ.

СЛУЧАЙ ИЗЪ ЖИЗНИ ГЕТЕ,

И ЕГО ЗИМНЯЯ ПОЪЗДКА НА ГАРЦЪ.

Въ запискахъ изъ Дуйсбурга, въ 1792 году, и позже, въ посмертныхъ сочиненіяхъ своихъ, Гёте рассказываетъ одно обстоятельство, любопытное само по себѣ, какъ черта его характера, и тѣмъ, что было поводомъ къ стихотворенію, котораго свободный переводъ, вѣстѣ съ извлеченіемъ изъ тѣхъ записокъ, предлагаю теперь вашему съисходительному вниманію.

Обстоятельство это впадаетъ въ эпоху появленія Вертера, именно въ то время, когда чрезмѣрная чувствительность, сентиментальность и болзвѣнное, можно сказать, расстройство духа у нѣкоторыхъ молодыхъ людей въ Германіи, достигли крайнихъ предѣловъ своихъ.

Гёте, которому приписывали причину такого направленія умовъ, какъ слѣдствіе произведенныхъ Вертеромъ впечатлѣній, рѣшился на оправданія, состоявшія въ

Жиль Гете.

томъ, что Вертеръ не породилъ болѣзни, а только указалъ на нее. Онъ доказываетъ, что появленіе Вертера, не только не было началомъ той болѣзни, но что, напротивъ, онъ написалъ свой романъ съ цѣлю обнаружить зло, скрытно дѣйствовавшее на наклонности молодыхъ людей. Вотъ на чемъ собственно основаны его оправданія:

Въ промежутокъ благодѣтельнаго мирнаго времени, совершился на германской землѣ, въ предѣлахъ народнаго языка, блистательный актъ литературно-эстетическаго образованія. Вскорѣ, отъ постоянного дѣйствія такого образованія только на одинъ умъ и чувство, только на одну внутреннюю сторону жизни, лишеною дѣятельности извнѣ, породилась въ народѣ та раздражительная чувствительность, развитію которой много помогло господствовавшее тогда вліяніе Юрипа Штерна. Въ особенности пришлась по сердцу Германцевъ преобладающая въ его сочиненіяхъ сентиментальность. Въ характерѣ народа образовалась какая-то страстная, слезливая наклонность; наклонность эта, за отсутствіемъ освѣжительнаго британскаго юмора, шла дава въ болѣзненное, саможучительное состояніе. «Я самъ» говоритъ Гёте «подверженъ былъ общей эпидеміи, самъ страдалъ ею, и старался себя и другихъ отъ нея избавить; но это мнѣ удавалось не такъ легко, какъ кажется, потому, что тутъ надобно было бороться съ убѣжденіями, и всякое внѣшнее средство, какъ напирѣтъ тѣлесныя упражненія, разсѣяніе, не всегда было дѣйствительно». Гёте вздумалъ горю помочь самими горемъ, и написавъ Вертера, тронулъ сердцевицу бо-

лѣзни. Усвѣдши ли было это намѣреніе, или онъ только увеличилъ зло — въ этомъ собственно и вопросъ. Какъ-бы то ни было, а вѣрно то, что появленіе Вертера въ Германіи поставило Гёте въ положеніе человѣка общественнаго, народнаго, къ которому немощные толпаны приходили просить совѣта и утѣшенія.

Въ это критическое для него время, въ половинѣ 1776 года, получаетъ онъ въ числѣ множества другихъ писемъ, одно предлинное письмо, или лучше сказать, цѣлую тетрадь, за подписью какого-то Плессинга, изъ Верингероде, «самое курьезное посланіе» говоритъ почти «изъ всѣхъ, какія мнѣ въ то время попадались на глаза.» Оно обнаруживало молодаго человѣка съ хорошиимъ университетскимъ образованіемъ, но которому, казалось, вся его премудрая ученость и свѣденія — были не въ прокъ, и не только не имѣли благотельнаго вліянія на частную жизнь его, напротивъ, дѣйствовали разрушительно на его наклонности, характеръ, душевное спокойствіе.

Почеркъ письма былъ четокъ и красивъ, слогъ оборотливъ и гладокъ, и хотя цѣлое изобличало наклонность къ красноречію, видно однакоже было по всему, что письмо написано заразъ и прямо отъ сердца. Оно возбуждало участіе и вмѣстѣ нѣкоторое неудовольствіе. То, что съ перваго разу говорило въ пользу писавшаго, послѣ какъ-то не оправдывалось. Изъ многихъ обстоятельствъ, имъ же въ письмѣ приведенныхъ, въ защиту свою, обнаруживалось съ его стороны упрямство и настойчивость, тамъ гдѣ бы слѣдовало быть уступчивости, а иногда проглядывало отвращеніе и даже

*

ненависть, на мѣсто терпимости, предполагаемой въ каждомъ благородномъ юномъ съ нѣкоторымъ воспитаніемъ.

Не смотря на то, въ Гёте поселилось своеобразное съ духомъ того времени желаніе, лично узнать своего корреспондента. Пригласить его къ себѣ онъ не рѣшался, будучи уже окруженъ нѣвѣстнымъ числомъ молодыхъ людей, которые, вмѣсто того, чтобы идти путемъ къ доброй цѣли, и сами оставались на бесплодной стезѣ, и его удерживали отъ дальнѣйшихъ успѣховъ. И такъ, въ надеждѣ, что само время доставитъ случай исполнить намѣреніе онъ его отложилъ до поры. Случай этотъ, какъ мы сей часъ увидимъ, не замедлилъ.

Между тѣмъ незнакомецъ адресовалъ къ Гёте вторичное письмо, въ которомъ онъ уже настоятельно требовалъ объясненія, торжественно заклиная, не оставлять его перваго письма безъ отзыва.

Это второе посланіе, въ сущности, подѣйствовало на Гёте столько же какъ и первое. Предугадывая характеръ незнакомца, онъ оставался къ нему почти равнодушнымъ. «Но, прибавляетъ поэтъ, властительная привычка подавать руку помощи молодымъ людямъ одинаковаго со мною возраста во всякъ тревогахъ умственныхъ и сердечныхъ, напоминала мнѣ отъ времени до времени о моемъ таинственномъ незнакомцѣ.»

Случилось вскорѣ, что многочисленное общество, окружавшее молодого принца своего, наскутивъ гордысими увеселеніями, собралось въ отъѣздное поле, на травлю кабановъ, которые смирившеся тогда въ сосѣднихъ Эйзенхелльскихъ лѣсахъ. Приглашеніе къ охотѣ

не миновало Гёте; онъ принялъ его съ условіемъ присоединиться къ обществу черезъ нѣсколько дней, считывая на свое давнишнее предпріятіе—пѣздуку на Гарцъ.

Веймарскіе промышленники не разъ изъявляли желаніе возобновить Ильменаускія рудоконни. Гёте, которому горное дѣло было не безызвѣстно, въ живомъ участіи ко всему, что относилось до общественной жизни Веймарцевъ, не оставался равнодушнымъ и къ этому обстоятельству. «Намѣреніе изслѣдовать свойство горныхъ породъ и положеніе оставленныхъ заводовъ близъ Ильменау» говоритъ онъ «давно лежало у меня на сердцѣ.»

Посланіе незнакомца въ свою очередь напоминало ему о себѣ; ко всему этому присоединилось желаніе обозрѣть знаковую окрестность съ высотъ Гарца, въ последнее время года, среди зимнихъ вьюгъ и непогоды. Мысль посѣтить высоты Броккена, *) желѣла не разъ пытлиное воображеніе поэта.

*) Броккенъ или *Блемебергъ*, высочайшая гора на восточной границѣ Прусской Саксоніи, составляетъ северную оконечность Гарца, известнаго еще у Римлянъ подъ названіемъ *Silva Hercynia*. Высоты Броккена славятся великолѣпнѣйшими картинами и обширностію виднаго съ нихъ горизонта. Суеврннй народъ и поэты объявляли Броккенъ таинственнымъ преданіемъ. Тутъ увидѣете чудныя названія: «Чертова каеэдра» «Алтарь вѣдьмъ» «Свадка волшебниковъ». Не выиселъ, но игра природы и судьба древнихъ обитателей Саксоніи были началомъ суеврннхъ сказаній. Здѣсь древніе Саксонцы, гонимые огнемъ и мечемъ Карла Великаго, совершали свои богослуженія, свои истеріи. Не воть физическое явленіе, основанъ, постоянно характеризующій Броккенъ. Когда, при ясной погодѣ, взойдете на вершину

Поѣздъ охотниковъ двинулся; путешественникъ нашъ, одинъ, безъ провожатаго, пустилъ коня своего въ другую сторону, по тропинкѣ къ Эттерсбергу. Былъ конецъ ноября. «Черныя массы тучъ, гонимыхъ порывистымъ вѣтромъ, застилали свѣтъ дневной, — надъ головою моею носилса коршунъ, — природа, съ виду лишенная жизни, навѣвала уныніе...»

Грезы, поэстившіе поэта въ ту пору — передалъ онъ въ небольшой поэмѣ, или вѣрнѣе, одѣ своей «Зимняя поѣздка на Гарцъ.» Стихотвореніе это носитъ на себѣ печать особенности и мѣстный характеръ; долгое время оставалось оно загадочнымъ для самихъ Германцевъ. Изъ этого слѣдуетъ, что я долженъ сказать нѣсколько словъ отдѣльно, какъ о самомъ стихотвореніи, такъ и о переводѣ моемъ.

Характеръ каждаго произведенія, въ поэзіи, требуетъ своихъ особенныхъ формъ выраженія и соотвѣт-

его, увидите необыкновенное, величественное зрѣлище, увидите двухъ гигантовъ, напоминающихъ собою фигуры искусственной фантазмагоріи. Эти мнимые дули—есть ни что иное, какъ ваша собственная тѣнь, отражаемая въ массѣ солнечныхъ лучей неисходными свѣтами, повсюду и отъ вѣка облетающими высоты Броккена. Чудесная, неисповѣдная игра природы! Въ гранитныхъ ущельяхъ, лежатъ свѣга отъ начала мірозданія; они-то на высотѣ своей, одѣты туманами и облаками, образуютъ вѣнецъ, слывущій въ народѣ чѣмъ-то таинственнымъ. Тамъ, сказываютъ, тѣни мнѣвшихъ окружили главу исполна.

Наука сдѣлала свое, и давно оварилла этотъ величественный памятникъ мірозданія — носящій въ недрахъ своихъ первородный гранитъ и начало металлическое. Слоеватія породы около Броккена, по расположенію своему, могутъ составить замѣчательную страницу Геогнозіи.

А. С.

своего ритма. Условие важное, без которого произведение не будет совершенно; рѣдкое, потому что составляет одну изъ главнѣйшихъ способностей таланта. Гёте обладалъ ею въ высочайшей степени, и потому, произведенія его, разнообразныя содержаніемъ, разнообразны до безконечности и по формѣ. Но, можетъ быть, ни одно стихотвореніе его не высказываетъ впечатлѣній, не рисуетъ характера своего съ такою простотой и силой, какъ то, о которомъ говорю теперь. Преимущественно изяществомъ выраженія обильный талантъ Гёте являетъ здѣсь одну изъ тѣхъ особенностей, которыя, въ общемъ, составляютъ настоящую снѣжноту поэта. Плодъ минутныхъ впечатлѣній, перенесенный бумагу во всей первобытной простотѣ своей, оно поразительно согласовано въ общемъ тонѣ съ содержаніемъ.

Какъ произведеніе условное, оно до времени не должно было сдѣлаться достояніемъ публики; но Гёте имѣлъ свои маленькія причуды и слабости; любилъ находить удовольствіе въ заблужденіяхъ своихъ собратьевъ и съ жадностію балованнаго ребенка прислушивался иногда къ кривымъ толкамъ литературныхъ судей; не рѣдко морочилъ онъ ихъ пустыми призраками, заставляя находить въ своихъ произведеніяхъ то, о чемъ ему и во снѣ не грезилось. Можно указать на нѣкоторыя сцены Фауста и нѣсколько такихъ мелкихъ стихотвореній: въ числѣ ихъ будетъ и ода, которой загадочный смыслъ объяснился только по смерти поэта.

Между толкователями стихотворенія (какъ это по нѣмецки) былъ нѣкто докторъ Каннегисеръ, прислав-

шіе свои записки самому Гёте. Они то послужили поету поводомъ къ составленію статьи, напечатанной въ посмертныхъ сочиненіяхъ его.

Когда я прочелъ оду въ первый разъ, она произвела на меня впечатлѣніе неизгладимое, и я тогда же пытался перевести ее, не взирая на загадочный смыслъ пьесы. Мнѣ помогало какое-то темное, но въ шитическихъ правахъ своихъ, не безотчетное чувство, и я, кажется не ошибся, потому что, когда по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, повѣрилъ переводъ по объясненіямъ автора, — несообразности были незначительны.

Какъ бы то ни было, я ни прежде, ни послѣ не избѣжалъ одной важной погрѣшности, а именно. Нѣкоторыя строфы перевода впадаютъ въ постоянный топическій размѣръ и образуютъ родъ правильныхъ однозвучныхъ стиховъ, тогда какъ въ подлинникѣ этого вовсе нѣтъ. Но тамъ, ручаясь, и не проза. Тамъ каждый стихъ имѣетъ свою складку, звучитъ своимъ размѣромъ; тамъ общая фактура стиховъ, общій ритмъ пьесы—гармонія самой природы. По чести, я такихъ стиховъ писать не умѣю. Другая, не менѣе важная, погрѣшность перевода состоитъ въ томъ, что я 16 и 17 строфу принимаю въ смыслъ инскаательномъ, тогда какъ Гёте разумѣлъ выразить ею тѣ дѣйствительныя опасности и затрудненія, которымъ онъ подвергался, осматривая пропасти и пещеры Гарца.

Что касается до такъ называемыхъ нецѣлостностей перевода, которыхъ у меня всегда найдется довольно, — то всѣ онѣ — слѣдствіе небольшого правила, которому

постоянно придерживаюсь: не то передавать, что написал поэтъ, а то, что онъ хотѣлъ выразить написаннымъ.

Прошу извиненія. Возвращаюсь къ нашему путешественнику. Послушаемъ его съ высотъ Гарца.

Утро. Подъ черною тучей
Высматривая жертву,
Въ сумракъ тумана
Крылья расправляетъ
Коршунъ молодой —

Создатель каждому
Свою дорогу указалъ:
Счастливцу любо!
Онъ быстро движется
Къ желанной цѣли.

Но кому злополучіе
Желѣзными перстами
Славило сердце,
Тотъ бы хотѣлъ напрасно,
Не въ очередь,
Переступить предѣлъ.

Звѣри любятъ темный лѣсъ,
Воробей лощину,
На скалѣ живетъ орелъ —
Человѣкъ въ болотѣ.

За колесницей,
Фертуною руководимой,
Слѣдить легко!
Удобно по широкой,
Дорогѣ столбовой,

Красуясь на статномъ,
Объезженномъ конѣ,
Сопроводять веселый
Повозъ Государя.

Но это кто, заблудшій,
Въ кустахъ, въ сторонѣ?

Прокладывая путь себѣ,
Онъ раздвигаетъ сучья —
Упругія, упрямыя,
Бьютъ его въ тылъ,
Бьютъ по лицу;
Степь, глушь
Его поглотила —
Онъ ниже травы.

Но чѣмъ исцѣлишь,
Чѣмъ язвы уврачуешь,
Того, кто въ ядь себѣ
Бальзамъ цѣлебный обратилъ?

Того, кто въ жизни искусился
И сокровищницу любви испилъ до дна,
Но изъ нея лишь ненависть
И горькое презрѣнье къ людямъ вынесъ, —
Кто изцѣлитъ?

Мучитель самъ себѣ,
И въ очередь отверженный людьми,
Изнемогаетъ онъ въ томленьяхъ
Неутолимой жажды
Неутолимаго самопознанья.

Отецъ любви,
 Отецъ вселенной!
 Когда на псалтирь твоей
 Есть звукъ, его сердцу доступный,
 Подкрѣпи его —
 Ублажи.

Сними съ очей его завѣсу:
 Да видитъ свѣтъ —
 И одинокому, въ пустынѣ,
 Живой источникъ уважи.

Ты всѣмъ и каждому на долю
 Крупицу радости послажь:

Благослови друзей отваги,
 Друзей охоты и вина!
 Пошли немстовыя рѣчи
 Ихъ не обузданнымъ умамъ,
 И распалвѣ могучей влагой
 Избытокъ юныхъ, буйныхъ слѣзъ,
 Лѣснаго звѣря кровью алой
 Ихъ жажды взоры услади. —

Но одинокаго
 Прими въ свои объятя!
 И до весны,
 До первой майской розы,
 Зимы печальною отрадой,
 Зеленой вѣтвью, — о любовь!
 Ты осѣни,
 Укрой отъ бури влажны кудри
 Поэта твоего!

Въ житейскихъ тревогахъ,
Въ часы испытаній,
Звѣздою ему путеводною будь!

И если гонимъ онъ
Враждебною силой,
И черная бездна лежитъ передъ нимъ, —
Ты радужнымъ блескомъ
Весенняго утра
Въ печальную душу его загляни.

Когда же любимца
Грозой непогодой умчишь въ высоту, —
Ты горвымъ потокомъ
Ударь на его вдохновенный исаломъ!
И спѣжнаго Гарца вершина
Да будетъ —
Ему заповѣдный алтарь!

Тамъ — въ вѣщемъ народѣ
Осталось преданье —
Тамъ тѣни мнудивныхъ,
Подъ ризою ночи,
Вѣнчаютъ, о Броккенъ!
Твою отъ созданья сѣдую главу —

Сокровенно — открытъ!
Въ лонѣ скрывая чудесную тайну,
Ты смотришь изъ тучи
На прекрасное Божье творенье,
И гордый сознаешь своей благодати,
Изъ вѣдръ подобныхъ себѣ,
Намъ щедрой рукой посылаешь
Богатства и силы обильный потокъ.

Последними стихами поэтъ слегка обрисовалъ систему прилегающихъ къ Броккену горныхъ образований. Нужно ли объяснять смыслъ цѣлой оды? «Объясняя поэта надобно иногда держаться высотъ, между действительнымъ и отвлеченнымъ.» Это правило Гёте здѣсь будетъ встать.

Не подымается рука разбирать оду по строкамъ, какъ это сдѣлалъ господинъ докторъ Каннегисеръ и самъ Гёте. Но имъ такіе подвиги на роду написаны!

Ясно, что главную роль въ пьесѣ играетъ незнакомецъ; за нимъ слѣдуетъ самъ поэтъ; въ тирадахъ своихъ о счастьяхъ и несчастьяхъ, онъ разумѣетъ въ третьемъ лицѣ себя и его. Встрѣча съ природою дикой и пустынной вселяетъ въ него презрѣніе къ жизни общественной. Вспомнивъ мимоходомъ о друзьяхъ охотникахъ, онъ возвращается къ самому себѣ — и наконецъ, падаетъ передъ величіемъ природы, передъ лицомъ Броккена, освященнаго таинствомъ народныхъ преданій.

«Что у меня тѣтъ временемъ бродило въ головѣ, передалъ я въ краткихъ, отрывочныхъ, иногда темныхъ выраженіяхъ, въ смыслѣ и тонѣ цѣлаго предпріятія, — при чемъ слова, брошенные мною на бумагу, подчинилъ я свободному, едва, въ общемъ, замѣтному ритму.» Этими немногими словами Гёте очень живо обрисовалъ характеръ оды.

Путешествіе нашего поэта было довольно продолжительно. Онъ, какъ мы видѣли, отправился въ дорогу въ концѣ Ноября. Миновавъ Зондерсгаузенъ, Нордгаузенъ, Ильфельдъ, — въ полдень 7 декабря онъ до-

стигъ вершины Броккена. Изучая повсюду мѣстность, свойство почвы и горныхъ образованій, онъ цѣлые дни проводилъ въ горахъ, на открытомъ воздухѣ и не безъ опасностей, спускался при свѣтѣ факеловъ, между горными потоками, въ низменныя мѣста и пропасти. Одна изъ нихъ оставила по себѣ глубокой слѣдъ въ его воспоминаніи; это знаменитая, такъ называемая Бауманова пещера (*Baumanshöhle*) *). Результаты своихъ изслѣдованій, онъ частію тогда же изложилъ въ своихъ запискахъ, частію высказалъ въ послѣдствіи въ отдѣльныхъ статьяхъ.

Но прежде, нежели поэтъ раздѣлитъ впечатлѣнія свои съ друзьями и отдохнетъ среди разгульной охотничьей жизни, отъ трудовъ пустынного странствованія онъ исполнитъ долгъ человека — навѣстить своего несчастнаго незнакомца, — и вотъ онъ въ гостиницѣ небольшого городка Вернигеродъ **).

Гёте, всегда разборчивый и осторожный при новыхъ знакомствахъ, распорядился и на этотъ разъ по своему.

*) Пещера эта, или вѣрнѣе, цѣль множества отверстіями соединенныхъ пещеръ, знаменита какъ величиной своею, такъ и необыкновеннымъ устройствомъ. Разнообразіе и красота образующихъ ее внутреннія стѣны столоститовъ — единственны въ своемъ родѣ. Она названа по имени горнорабочаго Баумана, который ее открылъ въ 1670 году, заблудился и умеръ въ ней. А. С.

***) Въ числѣ картинъ присланныхъ въ этомъ году изъ-за границы нашимъ молодымъ художникомъ Фрикке, есть три вида: одинъ изображаетъ старинную ратушу въ Вернигеродѣ, другіе два: такъ называемую «Чертову кафедру» и «Алтарь вѣдьмъ» на Броккенѣ. На этотъ разъ память мѣнѣ не мѣмнила — и я узналъ въ картинѣ давно знакомую ратушу Четырнадцать лѣтъ тому, задержанный болѣзнію, я провелъ въ Вернигеродѣ нѣсколько дней. А. С.

Онъ скрываетъ свое настоящее имя, выдаетъ себя за странствующаго художника и обратился къ кельнеру (старшему служителю въ гостинницѣ), чтобъ онъ ему назвалъ кого-нибудь изъ молодыхъ людей, известныхъ въ городѣ своею ученостию и познаніями. Кельнеръ отвѣчалъ, что можетъ рекомендовать весьма замѣчательнаго въ этомъ отношеніи молодаго человѣка — господина Плессинга — сына тамошняго Суперинтендента, утверждая — что молодой Плессингъ, будучи еще въ школѣ, отличался способностями и прилежаніемъ, да и теперь слыветъ въ городѣ за человѣка дѣльнаго. «Къ чести господина Плессинга, надобно сказать — прибавилъ Кельнеръ — онъ, какъ были примѣры, весьма предупредителенъ къ пріѣзжимъ и для нихъ легко доступенъ, но вообще его упрекаютъ въ мрачности характера, говорятъ онъ нелюдимъ и любитъ уединеніе.»

Не медля ни минуты, Гёте просилъ предварить незнакомца о своемъ посѣщеніи, и будучи приглашенъ, тотчасъ отправился въ домъ, гдѣ онъ жилъ, вмѣстѣ съ родителями. По нѣкоторымъ примѣтамъ можно было догадаться, что они оставили пріемную комнату передъ самымъ приходомъ гостя. Это было подъ вечеръ, въ сумеркахъ. Скрывая свое настоящее имя, Гёте выдалъ себя за художника-нейважиста, котораго фамильныя обстоятельства вызвали къ родственникамъ въ Брауншвейгъ.

«Такъ какъ вы живете не далеко отъ Веймара, съ живостию возразилъ Плессингъ, то конечно были не разъ въ городѣ, славящемся столькими знаменитостями?»

Гёте отзывался утвердительно; назвал несколько особь из своих Веймарских знакомых; в коротких словах описал круг их занятій, при чемъ, не безъ намека, съ похвалою отозвался о ихъ предупредительномъ и гостеприимномъ обращеніи съ прїзжими.

Вотъ какъ самъ Гёте описываетъ его разговоръ съ Плессингомъ и главныя обстоятельства довольно продолжительнаго знакомства съ нимъ.

«Когда принесли свѣчу, я увидѣлъ передъ собою молодаго человѣка, средняго роста; физиогномія его, не будучи привлекательною, возбуждала нѣкоторый интересъ. Разсматривая его, я испытывалъ почти тоже, что испыталъ при чтеніи его письма, на которое онъ походилъ какъ нельзя болѣе. Выслушавъ отзывъ мой о Веймарскихъ знакомыхъ, онъ съ нетерпѣніемъ спросилъ: почему же вы не называете Гёте? Я отзывался, что видѣлъ его нѣсколько разъ въ кругу названныхъ мною особь, имѣлъ случай быть у него, и какъ прїзжіи художникъ, пользовался даже его расположеніемъ и совѣтами, но что не могу о немъ сказать ничего особеннаго, такъ какъ онъ частію живетъ одинъ, частію окруженъ вовсе другими отношеніями.»

«Молодой человѣкъ слушалъ меня сначала съ безпокойнымъ вниманіемъ; но скоро сталъ просить и даже требовать настоятельно, чтобъ я описалъ ему *странное существо*, надѣлавшее собою столько шуму. Въ отвѣтъ на это, я съ большимъ простодушіемъ сдѣлалъ описаніе, которое мнѣ было не трудно, потому что странное это существо былъ ни кто иной, какъ я самъ.

Будь онъ поспѣтливѣе, онъ бы тотчасъ догадался, что предстоящій ему незнакомецъ описываетъ самаго себя.»

Между тѣмъ какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, вошедшая служанка поставила на столъ бутылку вина и небольшой, довольно опрятно приготовленный ужинъ. Онъ налилъ въ обѣ рюмки, чокнулся и залпомъ проглотилъ вино. Едва я успѣлъ въ нѣсколько приемовъ опорожнить свою рюмку, онъ съ живостію схватилъ меня за руку и сказалъ съ одушевленіемъ: «Простите моему странному обращенію; вы мнѣ столько внушили довѣренности, что я вамъ долженъ все открыть; человекъ этотъ, какъ вы его описываете, долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ отвѣчать; я ему написалъ обстоятельное, сердечное письмо; описалъ ему мое положеніе, мои страданія; поручалъ себя его расположенію; просилъ совѣта, утѣшенія; и вотъ, прошло нѣсколько мѣсяцевъ, я отъ него не имѣю ни строчки; согласитесь, что такая безграничная откровенность заслуживала въ отвѣтъ хоть одного слова, хотя бы то былъ и отказъ.»

«Я отвѣчалъ, что такого поведенія ни объяснить, ни оправдать не умѣю; но что сколько знаю, по собственному опыту, молодой Гёте, благонамѣренный и справедливый во всѣхъ своихъ поступкахъ, часто поставленъ бываетъ въ весьма затруднительное положеніе, что всякое упорное вынужденіе его къ чему бы то ни было, — будь оно дѣйствительное или отвлеченное, — лишаетъ его возможности, не только дѣйствовать, но и мало мальски располагать собой.»

«Ужъ если на то пошло, — возразилъ онъ съ нѣкоторымъ видомъ безпокойства — я вамъ прочту пись-

но; судите сами, отвѣта, участія какого нибудь стоило ли оно.»

«Прожаживаясь по комнатамъ въ ожиданіи письма, и предугадывая напередъ дѣйствіе его, я болѣе заботился о томъ, чтобы не измѣнить себѣ въ такую щекотливую минуту. Онъ сѣлъ противъ меня и началъ пересчитывать письмо, которое я зналъ почти наизусть. Никогда, можетъ быть, столько какъ въ этотъ разъ, не былъ я убѣжденъ въ истинѣ, что всякое живое существо совершенно согласовано во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, что всякая, вышедшая на свѣтъ монада, въ цѣломъ, являетъ совершеннѣйшее единство всѣхъ своихъ особенностей. Читающій имѣлъ поразительное сходство съ читаемымъ, и впечатлѣніе присутствующаго было одинаково съ дѣйствіемъ письма въ его отсутствіе. Увлекаемости не было ни въ томъ, ни въ другомъ. Однако, молодому человѣку нельзя было отказать въ нѣкоторомъ уваженіи и участіи, какъ то доказывало самое посѣщеніе мое. Твордая воля, благородный образъ мыслей и добрая цѣль говорили въ его пользу. Но не взирая на содержаніе, касавшееся самыхъ сокровенныхъ, самыхъ нѣжныхъ чувствованій, изложеніе его рѣчи не имѣло увлекающей прелести, не имѣло простоты, — и себялюбивыя побужденія, много воли, высказывались довольно сильно. Окончивъ чтеніе, онъ съ посѣтностью спросилъ, какого я мнѣнія о письмѣ, и заслуживало-ли оно участія.»

«Между тѣмъ я старался объяснить себѣ причину его печальнаго положенія, и вывелъ такое заключеніе. Жизнь внѣшняя была ему почти неизвѣстна. Получивъ

многостороннее образованіе черезъ чтеніе, онъ всѣ свои силы и склонности обратилъ внутрь себя, но не обладая производительнымъ талантомъ, былъ только подавленъ ими; такъ, что не только пріятности міра дѣйствительнаго, но и удовольствія любознательности, доставляемыя намъ чтеніемъ древнихъ — были ему чужды.»).

Испытавъ уже съ успѣхомъ на себѣ и на другихъ, что немедленное обращеніе къ природѣ и ея безконечному разнообразію, въ простотѣ вѣрованія, есть лучшее лекарство въ такомъ болѣзненномъ состояніи, — я рѣшился воспользоваться моимъ опытомъ и въ настоящемъ случаѣ, а потому, послѣ нѣкотораго размышленія, отвѣчалъ ему:

«Мнѣ кажется, я понимаю, почему молодой человекъ, на котораго вы столько понадеялись, оставилъ васъ безъ отвѣта; разстояніе между вашимъ и его теперешнимъ образомъ мыслей стало велико, что онъ, вѣроятно, не имѣетъ никакой надежды сойтись съ вами. Участвуя вмѣстѣ съ нимъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ, я не разъ былъ свидѣтелемъ его рѣшительнаго мнѣнія, что созерцаніе окружающей насъ природы и теплое, сердечное участіе въ дѣлахъ міра дѣйствительнаго, легко избавляютъ человека отъ болѣзненнаго, самомучительнаго состоянія — отъ тяжелыхъ душевныхъ страданій. Самое простое, самое обыкновенное знакомство съ природою, съ какойбы то ни было стороны, жизнь охотничья, горнозаводская, садоводство, земледѣіе, вообще сельское хозяйство или другое подобное занятіе, развлекаютъ

человѣка углубленнаго въ самаго себя. Обращеніе силъ духовныхъ въ силы дѣйствительныя, явленія и результаты видимо-существенныя, постепенно надвѣляютъ его спокойствіемъ духа, ясностію понятій, — обогащаютъ его полезными свѣдѣніями. Образцомъ тому можетъ служить благоразумный художникъ: тогда только идетъ онъ прямой дорогой, когда воспитывая свою духовную, умственную сторону, остается въ тоже время вѣренъ природѣ.»

«При этихъ словахъ молодой человѣкъ обнаруживалъ безпокойство и нетерпѣніе, подобно тому, какъ мы начинаемъ сердиться, когда намъ говорятъ языкомъ чуждымъ и непонятнымъ, котораго слова слышимъ, смысла не понимаемъ.»

«Я уже терялъ надежду на успѣхъ, но продолжалъ: мнѣ, какъ пейзажисту, такая мысль пришла по сердцу, потому что искусство мое — въ непосредственномъ отношеніи съ природою, и я съ того времени, не только произвелъ нѣсколько замѣчательныхъ картинъ, постоянно изощрялъ свои способности, подмѣчая съ успѣхомъ особенныя явленія природы, но и съ большею любовью, съ большимъ вѣрованіемъ смотрѣлъ на все меня окружавшее. Чтобы не растеряться въ общемъ, я увѣрялъ его, что даже настоящая поэтика моя, предпринятая въ такое позднее время года по необходимости, и по видимому обременительная, — въ сущности доставляетъ мнѣ неисчерпаемый источникъ наслажденія. Въ слѣдъ за тѣмъ, я описалъ ему самыми яркими красками, но просто и естественно какъ только могъ, замѣчательнѣйшія явленія природы съ самаго

начала моей поездки. Я не забылъ, ни первой встрѣчи съ туманнымъ утромъ, ни разнообразныхъ и чудесныхъ картинъ съ высотъ Броккена, при яркомъ дневномъ освѣщеніи; рисовалъ его воображенію виды Нордгаузена съ его башнями и колоссальными укрѣпленіями, въ виду заходящаго солнца; далѣе, старался я живо описать ему горные потоки, шумящіе во тьмѣ ночной между скалъ и ущелій, и пытался изобразить мимолетную игру огней, отражаемыхъ въ водѣ фонаремъ провожатаго; когда я дошелъ до Баумановой пещеры, образующей рядъ самыхъ живописныхъ картинъ, онъ вдругъ остановилъ меня и сталъ увѣрять самымъ убѣдительнымъ образомъ, что не взирая на краткость разстоянія, — сожалѣетъ о времени, которое потратилъ на прогулку къ этой пещерѣ, и что она, въ сущности, вовсе не соответствуетъ картинѣ, созданной имъ въ воображеніи. Послѣ предшествовавшаго, такіе ясные признаки болѣзненнаго разстройства духа, не могли меня огорчить много: сколько разъ случалось мнѣ встрѣчать людей, мѣнявшихъ живую, цвѣтущую сущность на тошіе призраки ихъ туманнаго воображенія.»

«Я не удивился также, послѣ этого, когда на вопросъ мой: какими можно себя представить настоящій адъ, онъ сдѣлалъ описаніе, стоящее вкати любого декоратора, и если бы послѣдній, въ смѣлости изображенія Плутонова царства, превзошелъ самого себя, мой собесѣдникъ, ручаюсь, не уступилъ бы ему.»

«Не смотря на то, я рѣшился сдѣлать еще нѣсколько выходовъ, въ видѣ предварительнаго леченія, и сталъ

испытывать противника, то съ той, то съ другой стороны; но всѣ возможные возраженія были тщетны; онъ увѣрялъ рѣшительно и безусловно, что въ этомъ мірѣ для него не существуетъ ни надежды ни утѣшенія. Съ той минуты сердце мое закрылось для него. Съ сознаниемъ добраго намѣренія, я соединилъ мысль, что всякое дальнѣйшее покушеніе будетъ тщетно; словомъ, я ото всѣхъ обязанностей, въ отношеніи къ нему, считалъ себя съ тѣхъ поръ совершенно освобожденнымъ.»

«Было уже весьма поздно, когда онъ изъявилъ желаніе прочесть второе, мнѣ равновѣрно не безызвѣстное писмо; я извинился, ссылаясь на чрезвычайную усталость отъ дороги, — съ чѣмъ согласился и онъ. Прощаясь, онъ пригласилъ меня къ обѣду на завтра, отъ имени родителей. Отвѣтъ на это приглашеніе я удержалъ за собой, обѣщая прислать его рано поутру. Такимъ образомъ разстались мы мирно и тихо. Личность его оставила во мнѣ особенное впечатлѣніе. Черты его лица, какъ я сказалъ, не будучи привлекательны, не имѣли ничего отвратительнаго; мрачность его смягчалась пріятною учтивостію и соблюденіемъ приличій; вообще, походилъ онъ на челоуѣка благовопитаннаго, приготовленнаго въ тишинѣ школъ и академій къ званію проповѣдника или для профессорской кафедры.»

«Когда я вышелъ на воздухъ, меня встрѣтила свѣтлая, морозная зимняя ночь; площадь и улицы блѣлымъ свѣгомъ; небо, усыпанное мириадами звѣздъ, было ясно; я остановился на перекресткѣ и въ тишинѣ ночи, погрузился въ созерцаніе зимней природы. Въ тоже

время припомнилъ я обстоятельства прошедшаго вечера и твердо рѣшился не видѣть болѣе моего новаго знакома. И такъ, приказавъ съ разсвѣтомъ разбудить меня и осѣдлатъ коня, я поручилъ кельнеру передать ему записку съ извиненіемъ, и въ то же время сказалъ въ пользу молодаго человѣка нѣсколько словъ, которыми, полагаю, ловкій слуга умѣлъ воспользоваться, и отзывъ мой былъ, вѣроятно, переданъ по принадлежности.)

Оставивъ Вернигероде, путешественникъ нашъ, сопровождаемый во все время поѣздки сильнымъ вѣтромъ и непогодой, ѣхалъ по направленію къ сѣверозападной части Гарца; днемъ обозрѣвая все, что только могло интересовать его, онъ по вечерамъ записывалъ видѣнное и прибылъ наконецъ въ Госларъ. Друзья ожидали его въ той сторонѣ, и онъ не замедлилъ присоединиться къ нимъ; о ихъ охотничьихъ подвигахъ, разгульной жизни и забавахъ поэтъ упоминаетъ мелькомъ, не безъ пріятныхъ воспоминаній.

Знакомство его съ молодымъ Плессингомъ, по видимому на всегда оставленное, было прервано только на время. Далѣе, въ тѣхъ же запискахъ, поэтъ рассказываетъ свои возмужшія отношенія къ молодому человеку, съ которымъ сошелся такимъ страннымъ образомъ.

«Не припомню сколько времени прошло съ той поры, какъ я расстался съ молодымъ Плессингомъ, какъ вдругъ приносятъ мнѣ разъ по утру записку, въ которой онъ предувѣдомлялъ о себѣ и просилъ позволенія посѣтить меня. Я тогда былъ въ моемъ Веймарскомъ саду, и отвѣчалъ на той же запискѣ, что мнѣ будетъ весьма пріятно его видѣть хоть сей часъ.»

«Я ожидалъ особенной, неожиданной встрѣчи, но ошибся; войдя, онъ съ непринужденнымъ спокойствіемъ сказалъ: не удивляюсь, что вижу васъ; почеркъ руки вашей напомнилъ мнѣ записку, оставленную вами при отъздѣ изъ Вернигероде, — и я тотчасъ догадался, что найду здѣсь таинственнаго гостя моего.»

«Естественно, что послѣ такой встрѣчи, между нами завязался откровенный разговоръ; онъ описывалъ мнѣ свое положеніе, я не скрывалъ отъ него моихъ мнѣній. Насколько тогда его келейныя обстоятельства стали лучше, не умѣю сказать, но казалось, они были не такъ дурны; послѣ нѣсколькихъ свиданій, мы съ нимъ разстались какъ нельзя лучше. Въ одномъ только мы не сошлись; онъ искалъ во мнѣ сердечной, взаимной привязанности, требовалъ увѣреній въ страстной дружбѣ; могъ ли я не уклониться отъ предложеній, которыя не согласовались съ моими чувствами, и стало быть, съ естественнымъ порядкомъ вещей.»

«Нѣкоторое время знакомство наше поддерживалось перепиской; мнѣ удалось оказать ему нѣсколько существенныхъ услугъ, и онъ при свиданіи, разумѣется, не забылъ о томъ. Вообще, прошедшее набрасывало пріятную тѣнь на наши взаимныя отношенія.»

«Онъ находилъ обильную пищу въ размышленіи, и переписка его всегда наполнена была разсужденіями, при чемъ онъ чаще всего трактовалъ о самомъ себѣ: это была его любимая тема.»

«Будучи въ послѣдствіи профессоромъ и занимаясь

постоянно исторіей древней философіи, онъ успѣлъ сдѣлать себя имя въ литературѣ; въ особенности любилъ онъ углубиться въ розысканія древнѣйшихъ преданій, рыться въ пыли сказаній допотопныхъ; изъ этого хаоса выводилъ онъ заключенія о началѣ и первобытномъ состояніи человѣка. Онъ мнѣ постоянно посылалъ свои новыя сочиненія; само собою разумѣется, что книги его оставались неразрѣзаемыми: стремленія его далеко не достигали цѣли своей; разстояніе между ними и тѣмъ, что меня могло интересовать, было слишкомъ велико.)

(Въ настоящее время (въ концѣ 1792 года) обстоятельства его были не изъ лучшихъ: познаніе языковъ и исторіи прибрѣлъ онъ цѣною необыкновенныхъ усилій и совершенно разстроеннаго здоровья; хозяйственныя дѣла его шли, кажется, плохо; по крайней мѣрѣ, слишкомъ себя беречь и холить ему было неизчего; къ этому присоединялись иногда вспышки разгульной жизни — остатокъ молодости — съ ихъ обыкновенными послѣдствіями. Между тѣмъ, время и различный образъ мыслей насъ постепенно отдаляли другъ отъ друга. Когда же воспомнанія прежнихъ отношеній мало по малу изгладились и потеряли силу свою, знакомство наше прекратилось само собою. Но меня утѣшаетъ мысль, что мы разстались мирно, и не безъ взаимнаго участія.)

Находясь въ свитѣ своего герцога, во время смутъ 1792 года, при осадѣ Майнца, Гёте встрѣтился съ Плес-свигомъ въ Дуйсбургѣ. Встрѣча эта подала ему поводъ рассказать одинъ изъ тѣхъ поучительныхъ случаевъ, которыми такъ богата продолжительная и разнообразная жизнь его.

Полагаю, за небольшія погрѣшности и отступленія, съ меня строго не взыщутъ, лишь-бы мнѣ удалось, — какъ я и надѣюсь, — съ вѣрностію сохранить главнѣйшія черты описаннаго происшествія.

А. Струговщикова.

25 Ноября 1841.

* *

Была прекрасна, весела,
Та живописная картина
Свободной жизни. Та година
Достойно — празднична была,
Когда остатки вдохновеній
Студентской юности моей
Я допивалъ въ кругу друзей
Въ Москвѣ, и полонъ пѣснопѣній,
Стихомъ блистая удалымъ,
Восторженъ, выше всякой прозы,
Гулялъ у васъ — и дѣвы — розы
Любили хмѣль мой — слава имъ!
А нынѣ гдѣ, каковъ я нынѣ?
О! знаю, чувствую: тому
Душе-цвѣтенью моему
Той исторической картинѣ
Не повториться никогда!

Но ежели мои печали
Минуютъ такъ, какъ миновали
Мои златые дни — тогда
Грѣшно бы, право, на досугъ
Не помянуть намъ за виномъ
О томъ гуляніи моемъ,
Какъ о минувшемъ миломъ другъ:
Не такъ ли? Я почти готовъ,
Я радъ сердечно, я чужбину,
Мою тоску, легко покину
И прямо съ Майнскихъ береговъ
Въ Москву. Вы ждите — ѣду, ѣду,
Скачу, лечу, и вотъ, какъ разъ
Я къ вамъ, сажуся подлѣ васъ
И наливай сосѣдъ сосѣду!

Языковъ.

МАРИЕТТА.

ПЕРВАЯ ГЛАВА ЗАПИСОКЪ РУССКАГО ЖИВОПИСЦА.

Чѣмъ болѣе я размышляю о своей прошедшей жизни, тѣмъ яснѣе вижу во всѣхъ ея подробностяхъ, даже самыхъ незначительныхъ, неоспоримую печать промысла Божія. Старость можно уподобить возвышенной точкѣ, съ которой человекъ обозрѣваетъ обширный край, испещренный до самаго горизонта различными предметами.

Пока еще онъ не дошелъ до этой точки, всѣ предметы являются ему порознь, безъ всякой между собою связи; онъ видитъ вдали колокольню, не зная къ какому селенію она принадлежитъ; видитъ бурный потокъ или судоходную рѣку, но ему неизвѣстно, ни изъ какихъ источниковъ они вытекаютъ, ни въ какія бѣгутъ страны. Онъ ищетъ своей цѣли, если у него есть цѣль, но, не видя дороги, ошибается и приходитъ совсѣмъ въ другое мѣсто, чѣмъ онъ хотѣлъ.

Въ старости, напротивъ, человѣку всѣ предметы представляются вдругъ. Ему видно, какая дорога ведетъ къ цвѣтущему селенію и какая оканчивается бездонною пропастью, и онъ могъ бы служить хорошимъ жока-тымъ, если бы не было написано въ книгѣ судебъ, что опытность полезна только тому, кто самъ ее приобрѣлъ.

Когда я пробѣгаю мыслию прошедшее, я вижу въ немъ странную смѣсь печальнаго и смѣшнаго. Вспомни-ная всѣ происшествія своей жизни, я иногда горестно вздыхаю, иногда улыбаюсь. Кто бъ ни былъ ты, кото-рому попадутся эти записки, не удивляйся, любезный читатель, если въ нѣкихъ строкахъ ты встрѣтишь искры веселости, тогда какъ другія будутъ проникну-ты грустью. Повѣрь, что нѣтъ на свѣтѣ печальнаго случая, изъ котораго нельзя было бъ извлечь чего ни-будь утѣшительнаго, и нѣтъ веселаго, который не пред-ставлялъ бы намъ печальной стороны. Это давно из-вѣстная истина, и если бъ люди ее не такъ часто за-бывали, они были бы счастливѣе.

Я родился въ Черниговской губерніи. Отецъ мой бывъ принятъ съ двадцатилѣтняго возраста дячкомъ при церкви св. Симіона, въ многопомѣстномъ селѣ Буль-бичахъ, исполнялъ эту должность безпорочно, до самой глубокой старости.

Споры о землѣ, о порубкѣ лѣса, о забранномъ скотѣ, подкинутыя тѣла, комиссары и засѣдатели — вотъ о чемъ я слышалъ каждый день съ утра до обѣда и съ обѣда до ужина. Не смотря на то, я съ самыхъ юныхъ лѣтъ чувствовалъ непонятное влеченіе къ чему то вы-сокому, въ которомъ не могъ дать себѣ отчета. Чув-

ство это овладевало мною въ самыя неожиданныя минуты, такъ что окружающіе меня не понимали, что со мною дѣлалось. Часто, когда я игралъ на улицѣ съ другими дѣтьми, внезапная грусть падала мнѣ на сердце и я заливался слезами. Случалось, что неизвѣстный предметъ, къ которому я стремился, являлся мнѣ въ неопредѣленномъ образѣ моей матери. Я никогда ее не зналъ, но въ эти минуты меня проникала такая любовь, такая тоска, что игры товарищей мнѣ дѣлались невыносимы. Иногда среди шумнаго говора гостей, среди хохота и споровъ, меня поражали какіе то звуки, непохожіе ни на гитару почтмейстерской дочери, ни на гусли отца Мартына, нашего стараго священника. Но когда я только могъ, я скрывалъ эти ощущенія.

Домъ нашъ стоялъ посреди села, на дворѣ, обнесенномъ деревяннымъ заборомъ. Онъ былъ немного кривъ, и солома, его покрывавшая, давно уже почернѣла отъ времени, но, не смотря на то, я питалъ къ нему страшную привязанность, и когда, десять лѣтъ спустя, я нашелъ его разореннымъ, то мнѣ показалось, что я лишился друга. Мое любимое удовольствіе было рисовать на его стѣнахъ разныя фигуры мѣломъ, но самое большое для меня счастье состояло въ томъ, когда я могъ найти лоскутокъ бумаги и карандашъ. Сначала я изображалъ только дома, деревья, людей и другіе предметы, попадавшіеся мнѣ на глаза. Потомъ я сталъ ихъ соединять и составлять цѣлыя группы.

Однажды уѣздный землемеръ, призванный въ Бульбичи вѣсми владѣльцами единогласно, для размежеванья ихъ чрезполосныхъ земель и прожившій въ нашемъ домѣ

два мѣсяца безуспѣшно, по причинѣ несогласія помѣщиковъ, предложилъ отцу взять меня съ собою въ уѣздный городъ и посвятить въ таинства землемѣрнаго искусства. Онъ замѣтилъ мою страсть къ рисованью и заключилъ изъ нея, что у меня большія способности чертить планы.

Отецъ съ радостію согласился и отпустилъ меня съ землемѣромъ. Не стану описывать своей жизни въ уѣздномъ городѣ, которая не оставила мнѣ никакихъ пріятныхъ воспоминаній; но чтобы немногими чертами изобразить характеръ и образованіе моего воеводы, я приведу здѣсь сцену, поразившую меня своею странностью, при первомъ вступленіи въ его домъ. Лишь только онъ вышелъ изъ брочки и, воздоровавшись съ женою, велѣлъ подать себѣ рюмку водки, какъ подозвалъ сына, почти однихъ лѣтъ со мною, и спросилъ его торжественно: А нуте, пожалуйста, сколько частей свѣта? — Сынъ вынырнулся и отвѣчалъ, не переводя духу: пять; Европа, Азія, Африка, Америка и Новая Голландія, или Австралія. — А нуте, пожалуйста, продолжалъ отецъ, что должно быть въ благоустроенномъ саду, или вертоградѣ? — Увеселительные дома, монументы, жертвенники и различныя пріятства, или удобства, отвѣчалъ сынъ, — и, при каждомъ отвѣтѣ, отецъ съ самодовольствіемъ на меня поглядывалъ. Онъ предложилъ сыну еще нѣсколько вопросовъ, на которые тотъ отвѣчалъ не запинаясь. Отецъ сказалъ мнѣ, что если я буду стараться, то могу сдѣлаться столь же ученымъ, какъ и его сынъ. Уѣздный землемѣръ былъ добрый всесельчакъ, любившій иногда подгулять, и если бъ я за-

всѣмъ отъ него одного, то, можетъ быть, и прожилъ бы у него въ домѣ довольно весело, но меня не могла терпѣть его жена. Она часто била мужа за то, что онъ меня привезъ, а меня за то, что я униже сына ея.

Тѣ же самые разговоры про слѣдствія и процессы, которые я слышала дома, раздавались и здѣсь въ моихъ ушахъ, безпрестанно. Я скоро научилась чертить планы и даже превзошелъ въ этомъ искусствѣ моихъ товарищей, но занятіе это не удовлетворяло моей склонности къ рисованію, которая съ каждымъ днемъ болѣе во мнѣ развивалась. Окончивъ специальную карту уѣзда, я всякій разъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, отдѣлывала на одномъ изъ ея угловъ красивый уѣздный гербъ и украшала его по своему вкусу разными фигурами. Въ свободные часы я срисовывала портреты русскихъ генераловъ, висящіе на стѣнахъ, и долженъ отдать себѣ справедливость, что для тринадцатилѣтняго мальчика, не имѣвшаго никакого понятія о рисованьи, копін мои были весьма удачны.

Такъ точно какъ уѣздный землемеръ, случайно открывъ во мнѣ способности, вывезъ меня изъ Бульбичей, такъ одинъ помѣщикъ, котораго нинѣ останется навсегда для меня священнымъ, проѣзжая черезъ нашъ городъ и остановясь у насъ въ домѣ, увидѣлъ мои рисунки и предложилъ мнѣ отправиться на его счетъ въ Петербургъ и опредѣлиться въ Академію Художествъ. Я не помнила себя отъ радости, тотчасъ же написалъ къ отцу и, получивъ его согласіе, возвратился въ Бульбичи.

Сколь ни была скучна жизнь моя въ городѣ, но, при

прощави съ хозяевами, я не могъ удержаться отъ слезъ. Когда, пріѣхавъ домой, я растворилъ свой чемоданъ, то нашель въ немъ два карандаша, кусокъ туши и кисть. Добрый эсмемъръ, опасаясь жены, все это уложилъ отъ нея тайкомъ и не сказалъ мнѣ ни слова, чтобы я какъ нибудь не проговорился. Этотъ знакъ его привязанности меня глубоко тронулъ.

Время, которое я провелъ въ академіи, протекло довольно одвообразно. Я работалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, дѣлалъ быстрые успѣхи и, по прошествіи шести лѣтъ, получилъ золотую медаль. Она мнѣ давала право ѣхать въ Римъ. На кого это слово не производило магическаго дѣйствія? Что касается до меня, то иногда мнѣ приходило на умъ, я сознаюсь въ этомъ самопадѣнномъ чувствѣ, что, живучи въ Римѣ, я самъ могу содѣлаться великимъ живописцемъ и стать на ряду съ художниками, коихъ слава пережила ихъ вѣкъ и еще далеко переживаетъ ихъ произведенія. Въ эти минуты я съ сердечнымъ умиленіемъ благословлялъ ими челоуѣка, открывшаго мнѣ поприще, для котораго я чувствовала столь сильное и исключительное призваніе.

Наковецъ настало время отъѣзда. Когда я вспоминаю эту минуту, то не могу отдать себѣ яснаго отчета въ моихъ тогдашнихъ ощущеніяхъ. Кажется мнѣ только, что радость, грусть, надежда и уныніе быстро смѣнялись въ моей груди, какъ пестрыя фигуры калейдоскопа. Нева, академія, село Бульбичи, губернскіе планы, Рафаэль и засѣдатели мелькали передо мной, сердце мое сильно билось, кровь прилиwała къ головѣ, я хотѣлъ плакать и не могъ. Съ тѣхъ поръ много стра-

стей волновали мою душу, много радостей и печалей проходили надъ моей головою, по всѣ онѣ мнѣ представляются ясно и опредѣленно, я могу исчислить малѣйшія подробности моихъ наслажденій, или мукъ, а отъѣздъ изъ Петербурга оставилъ во мнѣ лишь безпорядочную смѣсь самыхъ противоположныхъ воспоминаній.

Я быстро перейду отъ Петербурга къ Риму. Не буду говорить ни о пребываніи моемъ въ Германіи, ни о путешествіи чрезъ Италію. Можетъ быть я позже возвращусь къ этой эпохѣ, гдѣ каждый новый городъ, каждый памятникъ искусства возраждалъ изъ меня поваго челоуѣка, расширялъ мои понятія и приготавлиалъ меня къ той художественной жизни, къ которой я стремился. Но теперь я спѣшу дойти до происшествія, имѣвшаго вліяніе на цѣлую мою жизнь.

Я въѣхалъ въ Римъ мѣсячною ночью. На улицахъ никого не было. Мраморные львы на *piazza di Popolo* съ однообразнымъ шумомъ испускали изъ пастей блестящія каскады, вдали стояли группы статуй, а надъ ними чернѣлись широкоглавые пивіи и рѣзко отдѣлялись отъ прозрачнаго неба живописные тополи.

Не могу описать, какъ эта тишина, эти дворцы, фонтаны, мѣсячный свѣтъ, теплый вѣтерокъ, который иногда касался моего лица и приносилъ ко мнѣ запахъ цвѣтовъ изъ какой-то отдаленной виллы, какъ все это на меня странно подѣйствовало. Мнѣ показалось, что я уже не въ первый разъ въ Римѣ, но что всѣ предметы, видимые мною, и даже малѣйшія ихъ подробности, я когда то уже видѣлъ. Мой ветурино, гнавшій лошадей очень

скоро передъ вѣздомъ въ городъ, теперь ѣхать почти шагомъ и давалъ мнѣ время разсматривать дома, руины, статуи и церкви, мимо которыхъ мы проѣзжали. Въ окнахъ не видно было огня, но они играли въ солнечныхъ лучахъ и придавали зданіямъ таинственную жизнь, какъ будто бы этотъ блескъ выходилъ изнутри комнатъ. Иногда полотно, повѣшенное на веревкѣ, между двумя крышами, и качающееся во вѣтру, казалось мнѣ легкой тѣнью, порхающею отъ одного дома къ другому. Мы остановились въ трактирѣ, гдѣ я до самаго утра не могъ сомкнуть глазъ, не потому, что мнѣ было безнокойно, но отъ того, что я былъ въ Римѣ.

Лишь только взошло солнце, я всталъ и побѣжать прямо къ церкви св. Петра. Пробывъ въ ней съ полчаса, я пошелъ на форумъ, вѣлъ на капитолій, обошелъ арену коллизея и потомъ сталъ ходить по городу, наслаждаясь мыслію, что я хожу въ Римѣ. Утро сіяло во всемъ своемъ блескѣ, птицы весело щебетали, необъятная даль рисовалась передо мною и мнѣ было такъ легко, такъ легко, какъ никогда послѣ этого не бывало, развѣ одинъ только разъ, во возвращеніи моемъ въ Россію... Я прислонился къ древней стѣнѣ какого-то монастыря и не могъ оторвать взора отъ великолѣпнаго зрѣлища, развивавшагося у ногъ моихъ. Тамъ, гдѣ кончался городъ съ своими стрыми, угловатыми домами, съ черепичными крышами, съ многочисленными куполами и дворцами, тамъ начиналась песчаная равнина, разсѣченная во всѣхъ направленіяхъ дорогами и водопроводами, устланная руинами и время отъ времени отъѣненная одинакою группою кипарисовъ.

Иногда крутыми поворотами мелькалъ межъ ними Тибръ, скрывался за холмомъ и опять отсвѣчивалъ среди руинъ, гробницъ и монастырей, которые, свѣтя постепенно, сливались съ голубымъ эфиромъ, такъ, что я не могъ различить, гдѣ былъ конецъ земли и гдѣ начало неба.

О Италия, о мое второе отечество! теперь я старъ и сѣдъ, а все еще невидимая сила влечетъ меня къ тебѣ! Хотѣлось бы мнѣ передъ смертію подышать твоимъ воздухомъ, посмотреть на твое небо, хотѣлъ бы я еще разъ побывать въ Римѣ, увидѣть своихъ старыхъ знакомыхъ, и колизей, и св. Петра, и форумъ, и капитолій, и перенестись обратно въ то время, гдѣ я еще стоялъ на первыхъ ступеняхъ жизни, гдѣ я впервые любилъ, страдалъ, надѣялся и терзался. Но Римъ все также величественнъ, Италия также прекрасна, а тѣ, которые меня знали, которыхъ я любилъ, давно покоятся своимъ непробуднымъ! Я схорошилъ все, что было дорого моему сердцу, все, что привязывало меня къ землѣ; чего же мнѣ еще желать, куда еще стремиться?

Мало по малу улицы начали оживать, я спустился съ холма, и у перваго, встрѣтившагося мнѣ, челоуѣка спросилъ, гдѣ *piazza Navona*? У меня было письмо къ русскому живописцу Периллину, жившему на этой площади. Челоуѣкъ, къ которому я обратился, молча проводилъ меня, и не смотря на то, что онъ былъ въ лохмотьяхъ, не хотѣлъ принять никакой платы. Это черта совершенно Римская и ее трудно встрѣтить въ остальной Италиі. Я отыскалъ домъ, означенный на адресѣ, но Периллинъ ушелъ со двора. Мнѣ сказали, что онъ во дворцѣ *Borghese*, и я пошелъ его отыскивать.

Сторожъ показалъ мнѣ маленькаго старичка, тщательно списывающаго рафаэлево снятіе со Креста и не обращающаго никакого вниманія на посѣтителей галлерей, которые толпились вокругъ его. Прочитавъ письмо, онъ меня обнялъ, попросилъ, чтобъ я ему теперь не мѣшалъ, и сказалъ, что онъ въ другое время всегда будетъ радъ меня видѣть.

Перилинъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, начертавъ себѣ однажды планъ жизни, никогда отъ него не отступаютъ. Онъ слылъ хорошихъ живописцевъ, но ограничивался одними портретами и копіями. Хотя у него не было творческаго генія, но онъ понималъ живопись и владѣлъ кистью съ такимъ искусствомъ, что еслибъ хотѣлъ, то могъ бы иногда обманывать знатоковъ и выдавать свои копіи за оригиналы. Онъ всегда смѣялся, видя какъ молодые живописцы, вмѣсто того, чтобы образовать вкусъ классическими произведеніями, сами хотятъ сочинять огромныя картины. Пожалуйста не слѣдуйте ихъ примѣру, говорилъ онъ мнѣ. Если вы рождены быть великимъ художникомъ, то сдѣлайтесь еще болѣе, когда немного поучитесь. Если же вамъ сего не суждено, то вы на ваши историческія картины истратите только время и не будете никогда въ состояніи написать, ни хорошаго портрета, ни порядочной копіи. Я самъ, говорилъ онъ, лишь тѣмъ достигъ нѣкотораго совершенства, что заблаговременно понялъ свои силы и никогда не предпринималъ болѣе, чѣмъ могъ исполнить.

Перилинъ познакомилъ меня со многими русскими и иностранными художниками, а нѣкоторыхъ изъ нихъ

я знать еще въ академіи. Къ крайнему моему удивленію, я не нашелъ въ нихъ, чего ожидалъ. Я тогда не понималъ, да и теперь еще не понимаю, какъ можно, посвятивъ себя искусству, не предаться ему всею душею. Мнѣ казалось, что со званіемъ художника несомнѣнно какое грубое, вещественное чувство, а еще менѣе какая нибудь низкая страсть, какъ напримѣръ: зависть. Но товарищи мои большею частью смотрѣли на искусство какъ на ремесло, толковали объ эффектѣ, о группировкѣ и съ пренебреженіемъ говорили о родѣ живописи, на который нѣтъ любителей. Въ Тиціанѣ они видѣли лишь колориста, въ Рафаэлѣ только хорошаго рисовщика, интриговали другъ противъ друга и часто въ трактирѣ *Lepre* напивались пьяны. Периллинъ смѣялся, когда я изливалъ предъ нимъ свое пегодованіе. Погоди, братъ, говорилъ онъ, то ли ты еще увидишь, какъ поживешь на свѣтѣ. Самъ твой Рафаэль былъ отчаянный гуляка, а ты ужъ испугался отъ того, что наши молодцы веселятся. Что жъ касается до ихъ воззрѣнія на искусство, то чѣмъ они виноваты, что не рождены быть художниками? Они просто не поняли своего призванія. Такъ точно многіе, назначенные природой въ хорошіе земледѣльцы, посвящаютъ себя въ литераторы, и пишутъ дурные стихи и дурные романы, а иной плохой сановникъ, отъ распорядженій котораго страдаетъ цѣлое общество, дѣлалъ бы, можетъ быть, отличные сапоги, или приобрѣлъ бы себѣ большую славу, танцуя на канатѣ.

Холодная иронія моего пріятеля еще болѣе меня огорчила. Я спросилъ себя, почему я знаю, что и самъ

я не рожденъ для чего нибудь совѣтъ другаго, нежели я думаю? Мысль эта стала меня преслѣдовать, и я впалъ въ уныніе. Всѣ воздушные зѣмки, состроенныя мною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, начали постепенно разрушаться. Я уже видѣлъ въ себѣ не художника, но простаго маляра. Въ отчаяніи я преувеличивалъ свое ничтожество и ставилъ себя на ряду или еще ниже сына утѣшаго землемѣра, вытвердившаго наизусть сколько частей свѣта и что должно быть въ благоустроенномъ саду. Кто знаетъ? думалъ я, можетъ быть, онъ теперь списываетъ бумаги въ какомъ нибудь присутственномъ мѣстѣ и, по мѣрѣ силъ, приноситъ пользу, а мнѣ не суждено даже быть порядочнымъ приказнымъ! Во снѣ я видѣлъ, что пишу какую-то картину, что множество людей на меня смотрятъ и между ними славнѣйшіе живописцы XVI-го столѣтія. Старый Микель-Анджель и Рафаэль отдѣляются отъ толпы и простираютъ ко мнѣ руки. Прійди въ паша объятія, говорятъ они, ты достоинъ вступить въ кругъ избранниковъ искусства! Пензъяснимое чувство благоговѣнія и восторга наполняетъ мою грудь, я уже преклоняю колѣна, чтобы принять посвященіе, но вдругъ входитъ Периллигъ. — Что вы дѣлаете? говоритъ онъ съ насмѣшливой улыбкой. Рассмотрите его произведеніе и вы увидите, достоинъ ли онъ быть принятъ въ вашъ кругъ! Всѣ глаза обращаются на мою картину и я съ ужасомъ узнаю, что она не что иное, какъ огромная генеральная карта Черниговской губерніи! Всеобщій хохотъ меня оглушаетъ. Микель-Анджель въ иснегованіи толкаетъ меня въ пропасть, на днѣ которой копошатся приказные, и я

съ ужасомъ просыпаюсь. Таковы были мои сны. таковы мои мученія ежедневно. Перилмигъ покачивалъ головою, видя, что я забываю начатую картину, я же совсѣмъ потерялъ охоту ее продолжать.

Однажды, когда мрачныя мысли не давали мнѣ покоя, я выбѣжалъ изъ комнаты и пустился рыскать по городу. Послѣ нѣсколькихъ часовъ я возвращался домой, какъ проходя мимо одного женскаго монастыря, услышалъ могучіе звуки органа и хоръ пріятныхъ голосовъ. Я вошелъ въ церковь. Она была не велика, очень просто отдѣлана, но все въ ней дышало какою-то святостью, чѣмъ-то столь чистымъ и дѣвственнымъ, что подъ стѣнью ея сводовъ нельзя было не забыть всѣ суеты мірскія и не вознестись на крылахъ теплой молитвы ко престолу Всевышняго. Съ тѣхъ поръ я почти всякій день былъ въ монастырской церкви и всегда замѣчалъ это влияніе на ея посѣтителей. Въ ней никогда не слышалъ я непримичнаго смѣха, ни громкихъ разговоровъ, но каждый, вступавшій въ тихую обитель благочестивыхъ инокинь, набожно преклонялъ колѣна предъ алтаремъ, украшеннымъ цвѣтами; иностранцы, посѣщавшіе ее изъ одного любопытства, говорили между собою шепотомъ, а художники смиренно переходили отъ картины къ картинѣ и срисовывали ихъ молча.

Въ этотъ день никого не было въ церкви. Въ углубленіи, между двумя пиластрами, увидѣлъ я большую картину Мадонны, которая поразила меня своею красотою. Долго стоялъ я передъ нею, погруженный въ благоговѣйное размышленіе. Пречистая Дѣва была писана

во весь ростъ, на золотомъ грунтѣ, и каждая черта ея божественнаго лица, каждая складка длинной одежды выражала величіе и спокойствіе. Многое въ этой картинѣ напоминало старвицыя Мадонны Перудживо, но отдѣлка, распределение свѣта и тѣней и чрезвычайная свѣжесть красокъ ясно говорили, что это произведеніе новѣйшее, и притомъ живописца не простаго. Пока я смотрѣлъ на картину, косвенный лучъ солнца, упавъ сквозь высокое окно, освѣтилъ ликъ Богородицы, органъ умолкъ и трогательный хоръ въ *mezza voce* раздался одинъ въ верхнихъ предѣлахъ зданія. Хотя я не понималъ словъ, но мнѣ казалось, что священные звуки краснорѣчиво передаютъ мысль художника, что своды церкви сейчасъ разверзнутся и Владычица, въ божественномъ блескѣ и окруженная сонмомъ ангеловъ, предстанетъ предо мною.

Давно покинувшая меня благоговѣйная любовь къ неизвѣстному предмету, сплывше чѣмъ когда либо, пробудилась въ моей груди; но этотъ разъ я понялъ ея значеніе: я палъ ницъ передъ Мадонною и залился слезами. Долго я плакалъ, не стараясь удержать своихъ слезъ, и когда поднялъ голову, то мнѣ показалось, что Мадонна на меня смотритъ глазами нѣжной матери. Вся моя сила, вся надежда возвратилась. Покровительствуемый Ею, я рѣшился смѣло вступить на поприще, дотошъ для меня недоступное: священный Ея образъ, думалъ я, наполнитъ мою душу, онъ не дастъ мѣста сомнѣнію, и я достигну высокой, предназначенной мнѣ цѣли!

Я въ то же утро принялся опять за живопись. Ра-

бота шла какъ нельзя лучше, всякій день я посѣщала церковь и съ умилениемъ молился предъ Мадонною. Когда мнѣ становилось грустно, я бѣжалъ къ Мадоннѣ, и грусть исчезала. Часто, окончивъ работу, я уходилъ съ утра, бродилъ по Риму и по окрестностямъ, и возвращался поздно вечеромъ веселъ и съ легкимъ сердцемъ. Старикъ Перилинъ скоро замѣтилъ эту перемѣну и изъявилъ мнѣ свое удивленіе. Я любилъ и уважалъ Перилина, но боясь его насмѣшекъ, не захотѣлъ открыть ему причины моего перерожденія. — Какъ хочешь, сказалъ онъ, я не любопытенъ, только повѣрь мнѣ, пользуйся хорошимъ расположеніемъ духа и работай побольше, но не бѣгай, какъ сумасшедшій, съ утра до ночи. Смотри, чтобъ не сожалѣть тебѣ о потерянномъ времени, если неравно опять на тебя найдеть хандра! — Я отвѣчалъ, что съ помощью Божіей надѣюсь быть навсегда избавленнымъ отъ хандры. — Надѣйся, надѣйся, проворчалъ старикъ, только самъ не плюнай, да помни, что къмъ чертъ не шутить!

Чувство, влекущее меня къ Мадоннѣ, овладѣло мною не даругъ, во оно съ каждымъ днемъ возрастало. Не знаю почему, все счастье, испытанное мною съ самаго рожденія, я относилъ къ Ней. Всѣ пріятныя минуты, проведенныя въ дѣтствѣ, тѣсно связывались въ моей памяти съ мыслию о Мадоннѣ. Какъ при вѣздѣ въ Римъ, мнѣ казалось, что я уже былъ въ немъ однажды, такъ точно, когда я погружалъ взоръ въ давно-прошедшее время, образъ Мадонны являлся, подобный свѣтлой звездѣ, на самомъ отдаленномъ планѣ моихъ воспоминаній.

Мариетта.

2

маній. Онъ одушевлялъ мою работу, онъ путеводилъ всѣми моими дѣйствіями.

Большая часть художниковъ, жившихъ въ Римѣ въ мое время, вела жизнь самую невоздержную. Каждая нація составляла особую партію и онѣ рѣдко сходились вмѣстѣ. Самые буйные были Французы, Нѣмцы всѣхъ степеней, Русскіе стояли между ими на среднѣхъ, объ Англичанахъ не было слышно, а Италианцевъ какъ бы вовсе не бывало. Случалось, что вѣсколько націй встрѣчались въ трактирѣ и садились за одинъ столъ. Начинались споры о народномъ первенствѣ. Въ доказательство своего преимущества, Французы съ шумомъ требовали, чтобы всѣ пили въ честь Наполеона. Русскіе отказывались и предлагали пить въ честь Петра Великаго, а Нѣмцы, чтобъ не отстать отъ другихъ, громко кричали, и пили за Лютера и Фридриха второго. Иногда этѣ сцены кончались довольно худо, но обыкновенно всѣ партіи соглашались, и споръ превращался въ широкую попойку, гдѣ, прокричавъ имена великихъ мужей всѣхъ націй, слабые падали подъ столъ, а крѣпкіе расходились шатаясь. Я никогда не участвовалъ въ этихъ оргіяхъ, но иногда не могъ отказаться при нихъ присутствовать. Такъ точно мнѣ не всегда удавалось избѣгать поѣздокъ съ товарищами въ Тиволи или въ Альбано, и тогда я съ большимъ трудомъ противостоялъ искушенію. Мы останавливались у какой нибудь старухи, у которой жила или дочь или племянница, служившія натурщицами римскимъ художникамъ. Кто не видалъ Римлянъ и Альбанокъ, тому трудно вообразить ихъ красоту. Выразительные черные глаза, высо-

кій и полный станъ, прелесть въ движеніяхъ, неукротимая ревность и притомъ добродушіе и веселость составляютъ отличительныя черты ихъ тѣлесныхъ и душевныхъ качествъ. Если прибавить къ этому праздничную одежду, красную съ золотомъ, плотно обхватывающую грудь, плечи и руки, если представить себѣ этихъ красавицъ въ веселой пляскѣ среди руинъ и зелени, или отдыхающихъ въ живописныхъ группахъ на террасахъ мраморной террасы, облитой итальянскимъ солнцемъ, тогда поймешь, почему люди, прожившіе въ Италіи, впадаютъ въ мрачную грусть, когда возвращаются на Сѣверъ, и тоскуютъ о благословенной землѣ, какъ будто объ отечествѣ. Признаюсь, я тоже всегда думалъ, что Югъ наше настоящее отечество. Никогда я не могъ понять, отъ чего, когда прекраснѣйшая половина земнаго шара остается не населенною, люди добровольно тѣснятъ въ самой дурной и неблагодарной половинѣ, три четверти года проводятъ въ норахъ какъ сурки и кутаются въ шубы, когда принуждены выйти на воздухъ. И это называютъ они жизнію! Если бы меня не поддерживала мысль, что я сдѣлаюсь художникомъ, я бы умеръ въ первое лѣто, которое провелъ въ Петербургѣ, когда на его сѣрое, нигерманландское небо, на его дождь и грязь я промѣнялъ свое голубое, русское небо, свои зеленые лѣса и цвѣтушія степи...

Я говорилъ, что мнѣ было трудно противостоять огненнымъ взорамъ прелестныхъ нимфъ окрестностей Рима. Но когда, при взглядѣ на нихъ, сердце мое билось сильнѣе, чѣмъ должно, когда кровь начинала кипѣть въ моихъ жилахъ, тогда внезапно между ими и мной явля-

лась дѣва, съ небеснымъ взглядомъ, въ длинной голубой одеждѣ, съ сіяніемъ вокругъ чела. Тогда вся красота земная исчезала въ моихъ глазахъ, я съ негодованіемъ убѣгалъ отъ товарищей и ихъ красавиць, и чѣмъ отдаленнѣе звучали бокалы, чѣмъ слабѣе раздавались веселыя пѣсни, тѣмъ легче было моеи душѣ, тѣмъ ревностиѣ я благодарилъ Владычицу, остановившую меня на краю бездны. Товарищи смѣялись надо мной и называли меня красной дѣвушкой. Нѣсколько разъ я также слышалъ, что они находятъ во мнѣ много сходства съ молодымъ живописцемъ, извѣстнымъ въ Римѣ подъ именемъ Синьора Вилельмо. Онъ былъ Нѣмецъ, но никогда его не видали ни съ своими соотечественниками, ни съ другими живописцами. Мнѣ случалось встрѣчать его въ галереяхъ, гдѣ онъ всегда списывалъ картины Рафаэля. Синьоръ Вилельмо былъ высокаго роста, носилъ длинные русые волосы и въ лицѣ его было что-то столь добродушное, что оно съ перваго взгляду къ нему привлекало. Ни разу однако мы другъ съ другомъ не говорили. Онъ, казалось, избѣгалъ всякаго знакомства, а я, начавъ съ нимъ разговоръ, боялся быть нескромнымъ. Не смотря на то, по странному сочувствію, мнѣ всегда было пріятно, когда товарищи находили, что я похожъ на Синьора Вилельмо.

Однажды, то было въ Воскресенье, я поѣхалъ верхомъ въ направленіи Террачины. День былъ свѣтлый, воздухъ прозрачный, темноснѣнія тѣни дрожали на дорогѣ, я былъ чрезвычайно веселъ и внутренно смѣялся надъ Перилиннымъ, угрожавшимъ мнѣ хандрю. Что хотѣлъ онъ сказать словами: кѣмъ чертъ не шутить?

Бѣдный старикъ не знаетъ, думалъ я, что душа моя теперь чиста и спокойна. Не разъ уже я торжествовалъ надъ своими страстями, чего же мнѣ еще опасаться? Въ этой мысли была гордая самонадѣянность и Провидѣніе меня наказало.

Наскучивъ ѣхать по дорогѣ, я своротилъ на зеленый лугъ, далеко простиравшійся на полдень и граничившій съ ядовитыми Понтийскими болотами. Направо и налево паслись стада буйволовъ, тянулись возы съ сѣна, или ѣхали верхами толпы крестьянъ въ изорванныхъ плащахъ и остроконечныхъ шляпахъ. Потомъ толпы эти миновались, люди стали встрѣчаться рѣже и рѣже, и наконецъ я очутился одинъ, среди безконечнаго зеленого моря. Внезапно пронзительные крики коснулись моего слуха. Я увидѣлъ вдали двухъ женщинъ, бѣгущихъ, что есть смѣль, отъ разъяреннаго буйвола. Красная одежда одной изъ нихъ его раздражила, и онъ отдѣлился отъ стада и сталъ ихъ преслѣдовать. Я пустилъ лошадь во всю прыть, чтобы перерѣзать ему дорогу и дать время несчастнымъ женщинамъ укрыться отъ его бѣшенства. Уже я проскакалъ съ полверсты, уже былъ близокъ къ точкѣ, гдѣ наши линіи сходились въ прямой уголъ, я уже видѣлъ выкатившіеся глаза и бѣлую пѣну косматаго звѣря — еще нѣсколько секундъ и я бы накинулъ ему на рога свою римскую куртку, — но вдругъ лошадь споткнулась, я полетѣлъ черезъ голову, и буйволъ, какъ стрѣла, промчался мимо меня. Когда я оправился и посмотрѣлъ вокругъ себя, то женщина въ красной одеждѣ лежала на землѣ, а буйволъ топталъ и билъ ее ногами. Другая, въ отчаяннѣ, лома-

да руки и наполнила воздухъ жалобными криками. Вспомиравъ проворно на лошадь, я доскакалъ къ нимъ на помощь, но уже буйволъ, довольный легкою побѣдой, оставилъ свою жертву и съ торжествующимъ мычаніемъ возвратился въ стадо. Я нагнулся надъ крестьянкою, лежавшею безъ чувствъ, и въ испугѣ отскочилъ назадъ. То были всѣ черты Мадонны! Не могу выразить словами, что я тогда почувствовалъ!

Мариетта, Мариетта! говорила, рыдая, другая крестьянка, дитя мое, открой глаза, возврати жизнь своей матери! — О, святая Марія, продолжала она, если дитя мое не убито, я клянусь посвятить Тебѣ ноги, руки, голову и все туловище моеи Мариетты изъ чистаго серебра! Мы закажемъ картину, какъ буйволъ билъ ее ногами, и повѣсимъ эту картину въ церкви *Santa Maria dei Angeli!* Три раза взойду я на колѣняхъ по лѣстницѣ *San Giovanni di Latrano* и три мѣсяца не буду ѣсть ничего мясваго! — Сотворивъ этотъ обѣтъ, старушка стала осматривать свою дочь; одежда ея была изорвана и грудь покрыта кровью. Бѣдная мать сняла съ нея родъ маленькаго корсета, который римскія крестьянки носятъ сверхъ платья, сняла красную куртку съ золотыми галунами, и я увидѣлъ, что плечо ея сильно оцарапано. Старушка безпрестанно обращалась ко мнѣ и просила помочь ея дочери; она показывала мнѣ ея плечо и спрашивала нѣтъ ли опасности? Между тѣмъ Мариетта открыла глаза, и я встрѣтилъ ея взоры. Тысяча ощущеній, противурѣчающихъ одно другому, въ одно мгновение потрясли мою душу. Мое видѣніе осуществилось, но какииъ образомъ? И

теперь мнѣ мучительно о томъ подумать! Она какъ родная сестра, какъ двѣ капли воды, походила на Мадонну, даже въ глазахъ ея было нѣчто Мадонны, и оба лица эти совершенно смѣшивались въ моемъ воображеніи. Но когда я приподнималъ ее съ земли, когда помогалъ ей матери остановить текущую кровь, она на меня обращала благодарный взглядъ, въ которомъ было столько томной нѣги, что всѣ мои чистыя и священные чувства мгновенно исчезали, и я видѣлъ въ ней только прелестную дѣвунку, чудесный идеалъ земной красоты.

Впечатлѣніе, произведенное на меня Мадонною, было столь различно отъ всякаго художественнаго чувства, что я и не думалъ справиться, кѣмъ и когда она писана. Но увидѣвъ Мариетту, я тотчасъ догадался, что она служила образцемъ неизвѣстному живописцу. Художникъ этотъ, подумалъ я, долженъ быть очень чистъ душою, когда придалъ лицу, дышащему страстью, столь тихое и святое выраженіе!

Мы посадили Мариетту на мою лошадь; но она такъ была слаба, что до самаго Рима я принужденъ былъ ее поддерживать. Дорогой я узналъ, что мать и дочь — Альбаки, но что онѣ для дѣлъ своихъ живутъ въ Римѣ. Старуха мнѣ даже рассказала, въ чемъ состоятъ эти дѣла, но изъ всѣхъ ея словъ я ровно ничего не слыхалъ. Мы пришли въ Римъ уже поздно. Я проводилъ Мариетту до ея жилища и вѣшелъ въ домъ удостовѣриться, что она не опасно больна. Кромѣ легкой раны на плечѣ и нѣсколькихъ ушибовъ отъ копытъ буйвола, она была невредима, но я боялся послѣдствій испуга. Не смотря на мои совѣты, мать никакъ не согласилась поввать док-

тора. Она уложила свою Мариетту въ постель, повѣсила надъ головами крестикъ и дала ей выпить святой воды. Меня она такъ искренно благодарила и проводжала столькими благословеніями, что я былъ тронутъ ея признательностью и обѣщала прійти на другой день справиться о состояніи больной.

Цѣлую ночь я не могъ заснуть. Образъ Мариетты, то блѣдой и умирающей, то пламенной и страстной, носился предо мной и терзалъ мое воображеніе. Я призывалъ на помощь Мадонну, бросался на колѣни и громко молился; но увы! Мадонна, не разъ спасавшая меня въ подобныхъ случаяхъ, теперь меня покинула! Къ утру я успокоился, и сталъ подробно разбирать свои ощущенія. Мнѣ теперь показалось, что я преувеличивалъ матеріальность Мариетты. Это несчастное сходство, думалъ я, всему виною. Само собою разумѣется, что женщина, какъ бы она ни была прекрасна, не можетъ имѣть выраженія Мадонны; но еслибъ я могъ забыть всякое сравненіе, то увидѣлъ бы, что Мариетта такая же скромная и невинная дѣвушка, какъ только можетъ быть смертное существо. И тогда почему мнѣ ея не любить? Эта чистая любовь не противурѣчитъ благоговѣнію къ моей покровительницѣ. Напротивъ, Мариетта всякую минуту будетъ напоминать мнѣ ея священный образъ и ничто земное не вкрадется въ нашу любовь. Я буду любить Мариетту и обожать Мадонну. Подобно смиреннымъ художникамъ первыхъ временъ искусства, я выберу Мариетту постояннымъ предметомъ своихъ картинъ и благочестиво буду съ нею списывать святыхъ угодницъ Божіихъ, не позволяя се-

бъ другаго образа, кромѣ ея. Можетъ быть тогда и меня посѣтитъ чистое вдохновеніе и выразится въ моихъ произведеніяхъ, какъ выразилось оно въ картинѣ неизвѣстнаго живописца.

Вотъ въ какія ложныя умствованія впадаетъ человѣкъ, когда хочетъ оправдать предъ разсудкомъ, чего не можетъ извинить его совѣсть.

Я пошелъ къ Маріеттѣ. Она уже встала съ постели, но лице ея еще было блѣдно и глаза подернуты какъ будто туманомъ. Тихая улыбка показалась на ея устахъ, когда я къ ней приблизился, и она трогательными словами благодарила меня за мое участіе и мою помощь. Было ли то обратное дѣйствіе страсти или слѣдствіе размышленія, но этотъ разъ я нашелъ въ чертахъ Маріетты гораздо болѣе кротости, чѣмъ наканунѣ, а въ глазахъ ея столько сходства съ выраженіемъ Мадонны, что безъ опасенія предался удовольствію на нее смотреть и съ ней разговаривать. Это милое дитя непринужденно болтало и не разъ ея простосердечные вопросы о Россіи заставляли меня улыбаться. Она никакъ не хотѣла вѣрить, что у насъ зимою вода замерзаетъ и что по ней можно ходить какъ по землѣ, но вѣдомъ блаженства считала она ѣзду въ саняхъ и катаніе съ ледяныхъ горъ. Слушая мои рассказы объ этихъ увеселеніяхъ, она вздыхала о томъ, что Господь обидѣлъ ея бѣдную Италію и не далъ ей даже хорошей зимы! Мать Маріетты, которую звали Франческой, съ удовольствіемъ слушала наши разговоры и просила меня, когда я съ нею простился, посѣщать ее почаще.

Не нужно было этой просьбы, чтобы привязать ме-

ни совершенно къ Мариеттѣ. Съ каждымъ днемъ она мнѣ становилась милѣе и съ каждымъ днемъ образъ Мадонны блѣднѣлъ въ моемъ воображеніи. Въмѣсто того, чтобы всякое утро ходить работать, я все свое время посвящалъ Мариеттѣ. Иногда мнѣ было совѣстно передъ Перлининымъ и я принимался за живопись, но мысли мои блуждали далеко отъ холстины и красокъ, а старикъ посматривалъ на мою работу и, качая головою, ворчалъ съ неудовольствіемъ. Со времени моего пріѣзда въ Римъ онъ уже успѣлъ кончить Снятіе со креста Рафаэля и двѣ другія копіи, одну съ Перуджино, другую съ Гарофоло; а я еще не написалъ ни одной картины. Въ мое время это бездѣйствіе самого бы меня испугало, но теперь душа моя такъ полна была Мариеттой, что никакая другая мысль не находила въ ней мѣста. Я оглянулся на прошедшее и увидѣлъ, какая разница между тою любовью, тихой и смиренной, о которой я мечталъ, когда рѣшился продолжать свое знакомство съ Мариеттой, и необузданной страстью, увлекающей меня нынѣ съ быстротою потока. Я хотѣлъ остановиться, но уже было поздно. Пока еще владѣлъ я остаткомъ разсудка, я предложилъ себѣ одинъ вопросъ, который всѣ люди въ моемъ положеніи себѣ предлагаютъ, и потомъ тѣмъ не менѣе поступаютъ противъ своего убѣжденія. Къ чему поведетъ меня любовь къ Мариеттѣ? говорилъ я самъ себѣ. Жениться на ней я не хочу и не рѣшусь безъ воли отца; а сдѣлать ее игрушкой своей прихоти, ее, бѣдное и невинное дитя, встрѣтившееся благородству моихъ чувствъ, — одна эта мысль возбуждала мое негодованіе. Я принималъ твердое намѣреніе не видать ея болѣе, и въ самомъ дѣлѣ пере-

ставалъ ходить къ ней. Но послѣ двухъ, трехъ дней самаго жестокаго, самаго невыносимаго мученія, я отказывался отъ своего намѣренія и опять шелъ къ Мариеттѣ, чтобы въ присутствіи ея терзаться новыми мученіями.

Долго я ее любилъ, не произнося этого слова, но разъ я захотѣлъ испытать Мариетту.

Мариетта, сказалъ я ей, мнѣ можетъ быть скоро придется ѣхать въ Россію.

Такъ что-жь? отвѣчала она, я поѣду съ тобою!

— А если мнѣ нельзя будетъ тебя взять, что ты тогда сдѣлаешь?

Умру, сказала Мариетта, и устремила на меня свои большіе, черные глаза, въ которыхъ блистали слезы.

Эти слова были произнесены рѣшительно и спокойно; я до сихъ поръ увѣренъ, что Мариетта въ эту минуту была со мной откровенна.

Мы бросились въ объятія другъ друга, и съ этого дня я уже не скрывалъ передъ нею своей страсти.

Вскорѣ къ любви моей присоединилась странная ревность. Не только каждое слово, сказанное Мариеттою другому, болѣзненно раздавалось въ моемъ сердцѣ, но каждый взглядъ, брошенный ею не на меня, казался мнѣ нарушеніемъ моего права. Я боялся встрѣтить у ней другаго художника, и еслибъ узналъ, что кто нибудь пишетъ ея портретъ, я бы пришелъ въ отчаяніе. Я не спрашивалъ, кто писалъ съ нея Мадонну, страшась узнать, что живописецъ этотъ еще съ нею видается. Иногда мнѣ было досадно смотрѣть, какъ Мариетта ласкалась къ своей матери, и я находилъ, что ея ласки должны-бы принадлежать мнѣ исключительно.

Одно обстоятельство увеличивало мою ревность. Старая Франческа всякое утро куда-то уходила съ своею дочерью и отсутствіе ихъ продолжалось иногда нѣсколько часовъ. На вопросы мои Франческа говорила, что она уходитъ хлопотать по дѣламъ, и рассказывала мнѣ какую-то запутанную исторію, которая не всегда мнѣ казалась правдоподобна. Маріетта очевидно смущалась отъ этихъ вопросовъ, а если я настаивалъ, чтобы узнать куда именно онѣ ходятъ, она мнѣ отвѣчала, краснѣя, что онѣ ходятъ совѣтоваться съ однимъ старымъ адвокатомъ, ихъ родственникомъ, живущимъ близъ замка *Sant' Angelo*.

Однажды я пришелъ къ Маріеттѣ и не засталъ дома ни ея, ни матери. Я уже хотѣлъ возвратиться къ себѣ, какъ вдругъ въ концѣ улицы узналъ Франческу и Маріетту. Онѣ удалялись отъ своего дома, и мнѣ пришло въ голову, тихонько за ними послѣдовать. У одного угла старуха обернулась; я спрятался за статую, украшавшую портикъ какой-то церкви, и видѣлъ, что Маріетта также оглядывается, какъ-будто желая знать, не примѣчаетъ ли ихъ кто-нибудь? Потомъ онѣ повернули за уголъ. Я поспѣшно добѣжалъ до поворота, боясь потерять ихъ изъ виду, и сталъ издали за ними слѣдить, осторожно придерживаясь къ строеніямъ. Улица, по которой онѣ шли, пересѣкалась узенькимъ переулкомъ; нужно было повернуть на право, чтобы придти къ замку *Sant' Angelo*. Когда онѣ стали подходить къ перекрестку, сердце мое сильно забилось. Если онѣ возьмутъ на право, то еще есть надежда; если пройдутъ мимо, или повернуть на лѣво, онѣ меня рѣшительно обманываютъ. Вол-

неніе моеї крови такъ было сильно, что я принужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ. Франческа остановилась, посмотрѣла вокругъ себя, шепнула что-то Маріеттѣ и онѣ поспѣшно повернули въ конецъ переулка, противуположный *Sant' Angelo*. Я чуть было не упалъ безъ чувствъ. Такъ вотъ, сказала я самъ себѣ, кипя гнѣвомъ и мщеньемъ, вотъ это непорочное дитя, которой я пожертвовалъ всѣмъ благомъ своей жизни, своимъ счастьемъ и спокойствіемъ, своимъ поприщемъ и будущностью!

Теперь гнѣвъ мой кажется смѣшнымъ, но тогда это была моя первая обманутая мечта, первый призракъ, обратившійся въ ничто, въ ту самую минуту, какъ я думалъ его обнять, и ярость моя не знала предѣловъ. Съ трудомъ я удержался, чтобы не догнать Маріетту и не укорить ее всенародно въ ея коварствѣ.

Мать и дочь прошли черезъ весь переулокъ и послѣ многихъ поворотовъ очутились передъ большимъ домомъ въ нѣсколько этажей. Онѣ вошли на дворъ и излезли прежде, чѣмъ я могъ замѣтить куда онѣ скрылись. Я взошелъ по первой попавшейся мнѣ лѣстницѣ, и отворилъ на удачу какую-то дверь. *Che vole?* спросила меня отрывистымъ голосомъ запачканная старуха съ нечесанными волосами. — Кто здѣсь живетъ? спросилъ я. — Монснiоръ Тестаччи. — Весь-ли онѣ домъ занимаетъ? — Нѣтъ. — А кто еще живетъ здѣсь? — Много людей здѣсь живутъ. — Назови мнѣ ихъ, и я дамъ тебѣ пьястръ. — Не надо мнѣ твоего пьястра! — И старуха захлопнула дверь и заперла ее ключемъ. Я сошелъ съ лѣстницы; внизу мнѣ попался мальчишка въ оборванномъ платьѣ. Можешь ли ты назвать мнѣ жильцовъ

этого дома? спросилъ я. — Могу, отвѣчалъ онъ, дай мнѣ только одинъ *раоло*. — Я отдамъ ему деньги. — Завтра назову! сказала мальчишка, и, положивъ деньги въ ротъ, пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. — Ахъ ты бездѣльникъ! вскричалъ другой мальчишка, ахъ ты Неаполитанецъ! Но не безпокойтесь, сеньоръ, продолжалъ онъ, показывая мнѣ небольшой ножъ, который торчалъ изъ его кармана; ваши деньги не долго останутся у этого негодяя! И подошедъ ко мнѣ, онъ началъ изчислять жильцовъ: монсиниоръ Тестаччи. — Что онъ за человѣкъ? Молодъ-ли? старъ-ли? бѣденъ? богатъ? веселаго нрава или печальнаго? — Мальчишка посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — Монсиниоръ Тестаччи, отвѣчалъ онъ, не то чтобъ молодъ и не то чтобъ старъ, не слишкомъ бѣденъ и не слишкомъ богатъ, то есть онъ бѣднѣе монсиниора Боски, который живетъ напротивъ; случается ему быть веселымъ, но иногда онъ также бываетъ печальнѣе. — Дома-ли этотъ уродъ? Навѣрно не знаю; но полагаю, что дома, вчера онъ былъ на дежурствѣ у Паны и обыкновенно два дни сряду не выходитъ. Впрочемъ, можетъ статься, что онъ и ушелъ. — Далѣе, называй другихъ! — Монсиниоръ Боски. — Этотъ что? — Почти тоже что Монсиниоръ Тестаччи, не слишкомъ молодъ, не слишкомъ старъ.... — Далѣе, далѣе, называй другихъ злодѣевъ! — Синиора Капутти и синиора Капальди. — Кто онъ? — Пріятельницы обоихъ монсиниоровъ. — Далѣе! — Синиоръ Чербара, цырюльникъ; синиоръ Чечи, мраморщикъ; синиоръ Балестра, скульпторъ; синиоръ... — Постой! Ходятъ-ли къ синиору Балестра двѣ женщины, одна старуха, другая молодая? — Къ нему хо-

дять много женщинъ и мужчинъ. — Далѣе! — Синьора Пальмуччи, вдова; синьоръ Феделли, докторъ; синьоръ Какіятти, учитель музыки; синьоры Гарелли, Браччи, Конціолли, Феретти, пѣвицы. — Всѣ-ли? — Кажется всѣ. — А нѣтъ здѣсь никакого живописца? — Кажется есть, только я забылъ его имя, потому что онъ иностранецъ. — Не знаю почему; я тотчасъ подумалъ о синьорѣ Вилельмо, и мысль эта кольнула меня въ сердце. — Высокій, бѣлокурый? спросилъ я. — Нѣтъ, маленькій, черный. — Кто къ нему ходитъ? — Очень много людей. — Гдѣ онъ живетъ? — По этой лѣстницѣ, въ третьемъ этажѣ. — Я взбѣжалъ по лѣстницѣ и сталъ стучаться въ двери. — *Che vole?* спросилъ меня голосъ изнутри. — Здѣсь живетъ живописецъ? — Какой живописецъ? — Какой нибудь! отвѣчалъ я, замѣтивъ свѣшконтъ поздно, что не съ того началъ. — Ищите въ другомъ мѣстѣ *какого нибудь* живописца! отвѣчалъ обиженный голосъ, съ сильнымъ французскимъ выговоромъ, и все замолкло. — Внизу меня дождалъ мальчишка. — Всѣ-ли жильцы, которыхъ ты мнѣ называлъ, живутъ по этой лѣстницѣ? спросилъ я. — Всѣ, кромѣ обоихъ монсиньоровъ. Къ этимъ надобно идти съ параднаго входа, гдѣ стоятъ статуи. — Я хотѣлъ воротиться къ двери живописца и подождать, не выйдетъ-ли оттуда Мариетта? Но пока-бы я тамъ ее ждалъ, она могла сойти съ парадной лѣстницы и я-бы ея не увидѣлъ. — Дайте что нибудь за работу, синьоръ! сказалъ мальчишка, протягивая руку. Я далъ ему денегъ и сталъ прохаживаться по двору. Прошелъ часъ, кровь во мнѣ такъ и кипѣла. Наконецъ послышались шаги на парадной лѣстницѣ. Я притаялся за колонной. Съ лѣстницы сошли два чело-

вѣка въ треугольных шляпахъ и въ лиловыхъ чулкахъ; разговаривая другъ съ другомъ, они повернули на улицу и скрылись. То были монсеньеры. Прощель еще часъ и я опять услышалъ шаги. Съ другой лѣстницы сошелъ человѣкъ въ аббатскомъ платьѣ и съ кипюю потъ водъ мышкою. То былъ учитель музыки. Онъ бросилъ взглядъ на окна и исчезъ подъ воротами. Я былъ вѣтъ себя отъ нетерпѣнія. — Но вотъ мнѣ почудилось, что я слышу голосъ старой Франческа. Я спрятался опять за колонну и притаилъ дыханіе. Этотъ разъ я не ошибся. На дворѣ показались Маріетта и Франческа. У первой было странное выраженіе, вторая считала деньги. — Когда опять? спросила Маріетта. Завтра, мое дитя, отвѣчала старуха. — А если онъ узнаетъ? — Не узнаетъ, мое дитя! и онъ вышли на улицу. — Я побѣжалъ домой какъ сумасшедшій. Намѣреніе мое не видаться болѣе съ Маріеттой казалось мнѣ непоколебимымъ.

На другой день я, мрачный и разстроенный, явился въ галерею Борсезе и занялъ давно забытое мною мѣсто. Перини уже сидѣлъ за работою. — Что, братъ, сказалъ онъ, хватился за разумъ? — Хватился, отвѣчалъ я. — Давно-бы такъ, продолжалъ Перини. Повѣрь мнѣ, немного хладнокровія никогда не мѣшаетъ. Влюбиться можно, только съ разборомъ. — Такъ вы знаете? вскричалъ я. — Я ничего не знаю, и знать не хочу, отвѣчалъ старикъ; сдѣлай одолженіе, работай самъ, и не мѣшай мнѣ работать.

Я схватилъ кисть и сталъ писать съ такимъ усердіемъ, съ такою работншою отчетливостію, что вотъ градомъ съ меня лился. Просидѣвъ часа два за молбер-

томъ, я думалъ что не возможно узнать моей копіи отъ оригинала. Перлинь, между тѣмъ, вымывъ кисти и обтеревъ платру, подошелъ ко мнѣ. — Для ученика не дурно, сказалъ онъ, поглядѣвъ на мою картину, только, знаешь-ли что? не старайся слишкомъ много. Крайности ни въ чемъ не годятся; а то, вмѣсто порядочной копіи, можетъ выйти дрянное маранье, простительное лишь въ живописи на тарелкахъ.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы отнять у меня всю бодрость. Въ самомъ дѣлѣ моя работа была непростительно дурна. Я чувствовалъ, что пока не избавлюсь своей любви къ Мариеттѣ, я не буду годиться въ живописцы. Тутъ вспомнилъ я, что съ тѣхъ поръ, какъ страсть мною овладѣла, я ни разу не былъ въ монастырской церкви. Я рѣшился прибѣгнуть къ Мадоннѣ. Но какая разница между чувствами, наполнявшими мое сердце, когда еще сокрушительное пламя его не касалось, и тѣми; которыя нынѣ въ немъ бунтовали! Вмѣсто набожнаго смиренія, въ душѣ моей было мщеніе и ревность. Не надежда, но отчаяніе заставляло меня искать, какъ послѣдняго средства, защиты моей Покровительницы.

Вся природа соответствовала этому душевному расположенію. Грозовые тучи задернули небо, воздухъ былъ тяжелъ, и красныя молніи вспыхивали на горизонтѣ. Ни одинъ листъ не шевелился на деревѣ, а фонтаны, мимо которыхъ я проходилъ, плескали какъ то лѣниво и сонно. Когда я вошелъ въ церковь, все въ ней молчало. Золотыя украшенія отсвѣчивали красноватымъ свѣтомъ; вмѣсто церковнаго гнѣва, до меня доле-

тали съ удивнн звуки ручнаго органа и сладострастные мотивы Италіанской оперы.

Я подошелъ къ картинѣ и устремилъ на нее глаза. Въ безуміи моемъ мнѣ казалось, что это уже не Мадонна; я видѣлъ одну Маріетту и въ то-же время какой-то голосъ, вкрадчивый и странный, шепталъ мнѣ на ухо: безумецъ! напрасно ты думаешь противостоять своей страсти! Ты ею спутанъ и связанъ; нѣтъ ни одной частицы твоей души, которая не была-бы ею проникнута. Къ чему-жъ сопротивленіе? Рано или поздно ты будешь побѣжденъ: смирись-же лучше теперь, предайся власти, которая тебя сильнѣе, и ты избавишься отъ своихъ мученій! Въ совершенномъ помѣшательствѣ я упалъ на колѣни и громко вскричалъ: нѣтъ, я не въ состояніи болѣе противиться!

Оглушительный ударъ грома раздался надъ моею головою, молнія упала на куполъ и скользнула по громовому отводу. Я понялъ все, что было ужаснаго въ моихъ словахъ, и въ испугѣ выбѣжалъ изъ церкви. Проливной дождь шумѣлъ вокругъ меня, громъ трещалъ, молнія непрерывно сверкала, я бѣжалъ безъ оглядки и, добѣжавъ до дому, упалъ, лишенный чувствъ.

На другой день у меня осталось одно смутное воспоминаніе объ этомъ приключеніи; мало по малу я собралъ свои мысли, и, какъ страшный сонъ, мнѣ представилась измѣна Маріетты. Внутреннее бореніе мое было ужасно, но я не могъ противостоять страсти, пошелъ къ Маріеттѣ и потребовалъ объясненія. Я не сказалъ ей какимъ путемъ узналъ, что она меня ослабляетъ, но Маріетта не старалась замараться; она бро-

участіемъ. Въ словахъ его не было ни малѣйшей ироніи; я прочелъ на его лицѣ сострадательную заботливость, хотѣлъ его благодарить, но почувствовалъ, что мысли мои путаются и я говорю совсѣмъ не то, что хочу. У меня была сильная горячка, къ вечеру я слегъ въ постель.

Мнѣ сказывали послѣ, что я былъ болѣнъ около мѣсяца и что во все время моей болѣзни Перилинъ отъ меня не отходилъ. Дабы не терять времени, онъ приносилъ съ собою разныя книги и цѣлый день чертилъ перспективныя студіи у моей постели. Старикъ продолжалъ меня посѣщать, когда я сталъ выздоравливать, но ни одного слова не было произнесено о Маріеттѣ. Перилинъ вскорѣ началъ шутить и смѣяться по прежнему, а я съ удовольствіемъ слушалъ его шутки и старался удалить всякую мысль о прошедшемъ. Я каждый день отдыхалъ на террасѣ и гулялъ иногда въ небольшомъ саду, принадлежащемъ къ дому, но еще ни разу не выходилъ на улицу.

Однажды Перилинъ предложилъ мнѣ съ нимъ прогуляться. Я шелъ тихо и часто останавливался; всѣ предметы мнѣ теперь казались новы. Непримѣтнымъ образомъ мы очутились передъ монастырскою церковью. Въ ней раздавались полные и величественные звуки органа и во мнѣ пробудилось невыразимое чувство умиленія и благодарности къ Богу.

— Войдемъ! сказалъ Перилинъ.

— Пойдите, отвѣчалъ я, дайте мнѣ помолиться и себя приготовить.

Я собралъ свои мысли и съ усердіемъ помолился Гос-

поду, дабы Онь даровалъ мнѣ довольно силы, чтобы увидѣть картину Мадонны.

Теперь войдемъ! сказала я Периллину. — Когда мы вошли, органъ умолкъ и одинъ хоръ раздался въ верхнихъ предѣлахъ зданія, какъ въ первый разъ, когда я посѣтилъ эту церковь. Тѣже самыя чувства, какъ и тогда, тѣснились въ моей груди и сердце мое билось отъ тихой радости. Я подошелъ къ Мадоннѣ, но еще съ нѣкоторою недобѣрчивостью боялся на нее взглянуть. Въ эту минуту косвенный лучъ солнца сквозь высокое окно освѣтилъ картину. Я поднялъ глаза и упалъ на колѣни. То опять была Мадонна, кроткая и величественная, какъ прежде. Мнѣ показалось, что въ небесномъ ея взглядѣ сияетъ материнская любовь и прощенье кающемуся грѣшнику. Я закрылъ лице руками и зарыдалъ; но слезы мои были безъ всякой горечи, они текли обильно и легко, какъ благотельный дождь послѣ палящаго зноя. Между тѣмъ органъ звучалъ, хоръ пѣлъ священныя гимны, и въ этой музыкѣ, и въ этихъ трогательныхъ звукахъ, я слышалъ голосъ ангеловъ, радующихся со мною и возбуждающихъ мнѣ мое примиреніе съ небомъ.

Независимо отъ этихъ ощущеній, другое чувство меня проняло. Мнѣ стало ясно, что любовь къ Мариеттѣ была мое послѣднее искушеніе и что отнынѣ ни что болѣе не остановитъ меня на поприщѣ искусства.

Когда я опомнился отъ своего восторга, я увидѣлъ подлѣ себя синьора Вилельмо. Онъ также стоялъ на колѣняхъ передъ Мадонной, онъ также молился.

— Вотъ живописецъ, написавшій эту картину! ска-

залъ мнѣ Перилингъ. Прекрасный колоритъ; изящная драпировка; многое напоминаетъ Перуджино, а шное даже первую манеру Рафаэля!

Старикъ хотѣлъ этимъ наборомъ техническихъ словъ показать намъ, что онъ не причастенъ ни къ какому смущенію, но двѣ слезы, катящіяся вдоль его щекъ, предательски обнаруживали, сколь поддѣльно его равнодушіе.

Увидѣвъ снѣбора Вилельмо, я, по невольному влеченію, бросился къ нему и онъ обнялъ меня какъ друга.

— Ну, братъ, довольно наплакался, сказалъ Перилингъ, еще этого не доставало!

Мы вышли изъ церкви, у подъезда стояла дорожная коляска и ветурино на козлахъ нетерпѣливо хлопалъ бичемъ. Въ то время, какъ мы сходили по лѣстницѣ, проѣхалъ экипажъ, въ которомъ я узналъ живописца Мореля. Подлѣ него сидѣла Мариетта и, увидѣвъ меня, она смутилась и опустила взоръ; но я уже не пашель въ ней ни малѣйшаго сходства съ Мадонной. Проводивъ ее хладнокровно глазами, я обратился къ Перилингу.

Теперь сдѣлайте одолженіе, сказалъ я ему, объясните мнѣ, какъ вы открыли . . . ?

Я объясню тебѣ все это дорогой, отвѣчалъ старикъ. Тебѣ не годится оставаться въ Римѣ и мы сію же минуту ѣдемъ въ Палестрину.

Я тоже туда ѣду, сказалъ снѣборъ Вилельмо, и черезъ нѣсколько дней съ вами увижусь.

Онъ пожалъ намъ руки, мы сѣли въ коляску и не прошло четверти часа, какъ мы уже скакали по дорогѣ въ Палестрину.

Русскій живописецъ.

ЗАХАРУШКА
ДОБРАЯ ДУША.

Захарушка.

1

I.

ВОСПИТАНІЕ ЗАХАРУШКИ.

=

Платонъ Андреевичъ былъ вполне увѣренъ, что Наталья Дмитриевна скоро наскучитъ не только чужой, но и свой собственный ребенокъ; однако же не такъ случилось. Прошелъ день, другой, а Наталья Дмитриевна и не думаетъ скучать Захарушкой: сама ишь-чится съ нимъ, сама обшиваетъ, сама обмываетъ и одѣваетъ, десять разъ въ день одѣваетъ, — не нарадуется на Захарушку.

— Посмотри, Платоша, какой милый ребенокъ!

— Прекрасный, неподобный, душа моя! чудо!

Рѣдко видалъ такихъ...

— Видишь ли, я знала, что ты солюбишь.

— Какъ... истинное наказанье... виновать, — утѣшайся... Чортъ возьми, боюсь только, что ты заболѣешь отъ заботъ объ немъ...

— О, не безпокойся!

— Вотъ не было печали, да черти накачали! — ворчалъ про себя Платонъ Андреевичъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ домѣ Захарушка поселился какъ домовою: все пошло на перекоръ. Бывало, до Захарушки, Платонъ Андреевичъ могъ ходить когда вздумаетъ по всѣмъ комнатамъ, и даже насвистывать любимую свою арію изъ «Русалки»; но едва явился Захарушка, Платонъ Андреевичъ не смѣлъ ступить ни въ гостиную, ни въ залу во время его сна. Ему даже не позволено было раскладывать гран-пасьянсъ въ гостиной, потому что иногда забывшись онъ кричалъ: эй, малой!

Во время сна Захарушки, все въ домѣ говорило шопотомъ и ходило по воздуху; но и тутъ Наталья Дмитриевна часто грозилла пальцемъ и шикала. Одного наемнаго человека согнала со двора за то, что у него сапоги со скрипомъ, другаго, крѣпостнаго, сослала въ деревню за то, что онъ точно какъ въ руморъ вскрикивалъ: «слушаю-сь!»

То въ домѣ тишина ненарушимая, то неумолкаемый крикъ Захарушки; то дитя играетъ, и всѣ играй и забавляй его; даже Иванъ-косая-сажень долженъ былъ часто, по требованію Захарушки, садиться на полъ и строить домики изъ картъ, или тютюкать вмѣстѣ съ ребенкомъ. Захарушки покупленныхъ игрушекъ мало, онъ тянется ко всему, что кидается въ глаза, блеститъ и свѣтитъ. Не шь — закричитъ, заплачетъ, ничѣмъ не увидишь; а Наталья Дмитриевна знаетъ, что отъ крику можетъ сдѣлаться грыжа. Такимъ образомъ Захарушка мялъ по очереди прекрасные восковые свѣты, подаренные Платономъ Андреевичемъ въ день и

нинь Наталья Дмитриевна; Захарушка ломала всѣ вещицы, украшавшія комнаты, билъ въ дребезги китайскихъ истуканчиковъ и французскихъ пастушекъ; перерывалъ цѣлый портфель картинъ, которыя трудился собирать Платонъ Андреевичъ; словомъ, истребилъ все, что только могло назваться игрушкой старыхъ и молодыхъ. Платонъ Андреевичъ приходилъ къ отчаянію, но долженъ былъ привыкать къ новому порядку вещей, и, въ дополненіе, долженъ былъ еще ласкать Захарушку, чтобъ не лишиться самому ласкъ супружескихъ. Но за то, когда Наталья Дмитриевна не было дома, душа его въ волю мстила Захарушину; онъ забавлялся имъ какъ звѣркомъ, привязывалъ конфетку на ниточку и дразнилъ его какъ кошку мышкой; а если Захарушка не хотѣла ловить мышку, его тянули за ухо; а если кричалъ, его теребили за волосы.

Первое слово, которое Захарушка начала произносить, было *papa*; и какъ на-зло, только что Платонъ Андреевичъ въ двери, онъ и тянется къ нему и кричать: *papa!*

— Наташа, ты отучи этого хавроштина сына называть меня отцомъ! — вскрикивалъ Платонъ Андреевичъ, и съ этого начиналась ссора съ Натальей Дмитриевной; а когда ея не было дома, и Захарушка осмѣлится произнести *papa*, Платонъ Андреевичъ зажималъ ему ротъ.

Часто, возвращаясь домой, Наталья Дмитриевна воображала, что у него разгорѣлись уши отъ золотухи, и пошла Захарушку лебедой и аютиными глазками.

Время проходило; любовь Наталья Дмитриевна росла

вмѣстѣ съ Захарушкой. Всѣмъ доставалось за него отъ Натальи Дмитріевны. Люди называли его чортовымъ дѣтищемъ, а Платонъ Андреевичъ иначе называлъ его. Известно всѣмъ, которые имѣютъ дѣтей, что когда ребенокъ становится на ноги и начинаетъ говорить, то онъ становится истиннымъ утѣшеніемъ. При Натальѣ Дмитріевнѣ никто однако же въ домѣ не смѣлъ утѣшаться Захарушкой; но, въ отсутствіи барыни, имъ тѣшился баринъ; а когда и барина нѣтъ дома, имъ тѣшилась вся людская. Кузьма училъ его дѣлать гримасы, Филька косить глаза, Ванька кувыркатся. Каждый день эта наука стояла Захарушкѣ влока волосъ, и вскорѣ голова его стала гладка какъ ладошь. Наталья Дмитріевна совѣтовалась съ докторами, отъ чего у Захарушки лезутъ, а не растутъ волосы, и все тѣло въ синякахъ? Всѣ единогласно подтвердили, что это явные признаки золотухи; и вотъ, для укрѣпленія его пасочной системы и волокобъ, вывалили въ него насильно то желудковыя кофе, то услажденную ртуть, то ассафетиду. Лекарства стали для Захарушки хуже побоевъ; онъ даже возненавидѣлъ маменькины ласки, которыя всегда сопровождались скрупуломъ или унціей отвратительнаго лекарства. Чтобъ приласкать его, у Натальи Дмитріевны всегда былъ готовъ запасъ бисквитовъ, конфетокъ, сладкихъ пирожковъ и сахарныхъ крендельковъ; она засахарила бы его слезъ, къ счастью, то Дарья, то Марья не шептали ему: «не кушай, сударь, этого; вѣдь все это лекарство, а ты слава Богу здоровъ: дай-ка мнѣ, у меня голова болитъ». Захарушка отдавалъ свои лакомства, и еще съ радостію, потому что за это его гладили по го-

ловкѣ и приговаривали: «вотъ умникъ! вотъ разумникъ!» И вскорѣ всѣ эти жертвы совершенно перемѣнили отношенія Захарушки къ людской, къ передней и къ дѣвчонѣй. Во всѣхъ углахъ дома поняли наконецъ доброту его души, и — дворецкіе, диврейшые, кучера и повара не преминули воспользоваться этимъ прекраснымъ свойствомъ Захарушки. Когда онъ выбѣгалъ на крыльцо или на дворъ, и чушка, мотая головой и хрюкая, проходила съ поросятами мимо, тогда, то Иванъ, то Осипъ не пропускали случая возбудить въ Захарушкѣ чувство великодушной щедрости и милосердія, особенно въ то время, когда у Натальи Дмитриевны бывали гости. «Посмотри-ка, сударь, нищенская хавронья тебѣ кланяется, попросилъ бы ты у маменьки что-нибудь ей на бѣдность: дѣти съ голоду умирають, а самой опохмѣляться нечѣмъ.» Захарушка тотчасъ же бѣжитъ въ гостиную: «Маменька, а маменька! нищенская хавронья мнѣ хотинку проситъ: дѣтей у ней куча, кормить нечѣмъ!»

— Какое доброе сердце у ребенка! — говорила Наталья Дмитриевна, цѣлуя Захарушку: — На, душенька, отдай ей. — Захарушка схватить деньги и бѣгомъ на крыльцо. — Гдѣ жъ нищенская хавронья? — «Давай, сударь, я ей отнесу.» — И Иванъ съ Осипомъ возьмутъ деньги и отправляются куда слѣдуетъ. Иногда и кучеръ Селивестръ придумывалъ шуточку не хуже другихъ. — Вотъ, баринъ, — говорилъ онъ ему однажды: — мокрая то курица сегодня имяннищица, а ты ее нечѣмъ не поздравилъ; а она бы тебѣ на ладонкѣ яичко снесла. — Захарушка и бѣжитъ къ маменькѣ: Маменька, а маменька! дай мнѣ гривеничекъ.» — Зачѣмъ? — «Имяни-

ниги дать». — Что за шпильничка? — «Мокрая курица сегодня шпильничка!» — Гости! ха, ха, ха, ха! — А Наталья Дмитриевна радуется, что Захарушка *бонли* сказать: Какая острота у ребенка! я уверена, что прачка *бонли* шпильничка: она совершенная мокрая курица. На, душенька, дай ей. — Захарушка и бьются къ Селивестру. Сливестръ, гдѣ мокрая курица? — «Пресушиться, сударь, пошла; дай ей, дай ей, дай ей!» — Возьмешь у Захарушки грифельчикъ и пойдешь куда слѣдуетъ.

И самъ Платонъ Андреевичъ не упускалъ удобнаго случая тѣшить себя Захарушкой. Спросить ли Платонъ Андреевичъ Захарушку: кто пріѣхалъ? — «Петръ Федосѣевичъ съ женой» — скажетъ Захарушка; а Платонъ Андреевичъ и возразить слѣдующимъ образомъ: Ахъ, ты, дурень, неразумный бабень! тоже бы ты слово да не такъ бы молвилъ; ты бы молвилъ: его почтеніе Петръ Федосѣевичъ съ дражайшей своею половиною.

Платону Андреевичу очень хотѣлось выработать изъ Захарушки домашняго дурня; но въ Захарушкѣ была природная самостоятельность: онъ не любилъ шутить. Изъ него вырабатывалась добрая душа, душа прямая, щедрая, услужливая и такая довѣрчивая... Захарушка, илини чловѣка! — Онъ всѣхъ соберетъ. — Зачѣмъ ты призвалъ ихъ? — «Да вы не сказали, маменька, котораго вамъ нужно.» — Скажете, и правъ. Иногда Наталья Дмитриевна, не желая принимать *кого-нибудь*, вышлетъ его сказать, что ея нѣтъ дома. Онъ и бьются въ переднюю. — «Маменьки нѣтъ дома!» — А гдѣ жъ она? — «Въ спальнѣ-съ!»

Тинявъ образомъ Захарушка былъ чистъ душею, не понималъ свѣтскихъ ухищреній; при немъ никакъ нельзя было сомнѣть — тогдашъ выведеть все на чистую воду.

До двѣнадцати лѣтъ его ничему не учили, потому что Наталья Дмитриевна боялась равнять ученикъ утомить его природныя способности; она считала полезнымъ дать развернуться имъ на свободу. Однако же Платонъ Андреевичъ, вѣроятно въ угожденію Натальи Дмитриевны, заставлялъ его учить наизусть басни и пословицы, — басни съ декламациею, а пословицы на выворотъ.

— Ну, Захаръ, говори-ка басню; что сказалъ осель?

— Осель сказалъ:

Коза, коза,
Моя краса,
Сѣрые глаза,
Лынная коса!

— Хорошо! Ну, потомъ осель почесалъ въ головѣ, закинулъ ножка на ножку, прищурился, вздохнулъ — и что запѣлъ?

— Онъ пѣлъ:

Ну, жъ умился,
Сердцемъ склонися,
Не будь жестока...

— Что ты тамъ поешь дикимъ голосомъ? — спрашивала Наталья Дмитриевна изъ другой комнаты.

— Ничего, мамонька! ту пѣсню, которую Платонъ Андреевичъ вамъ поеть:

Люблю, драгая,
Тя, самъ весь тая.

— Ахъ, ты осленокъ! — кричалъ въ полголоса Пла-

тотъ Андреевичъ: — я тебя проучу! Говори пословицы, которыя я тебя училъ!

И между тѣмъ, какъ Платонъ Андреевичъ рвалъ ухо Захарушкѣ *crescendo* и *con fuoco*, Захарушка, вѣсто того, чтобъ кричать отъ боли, говорилъ на раснѣвъ пословицы: кто больно любить, тотъ нѣжно бьетъ; блаженъ скотъ, иже человѣки милуетъ.

— Ахъ, ты, мерзкій мальчишка! грозно шепталь Платонъ Андреевичъ, и начиналъ драть еще отрывистѣе; а Захарушка то динкастомъ, то басомъ продолжалъ: знаетъ мясо, чью кошку съло...

— Что ты на него сердисься? — спросить гнѣвно Наталья Дмитриевна, изъ другой комнаты.

— Да вотъ, — отвѣчаетъ Платонъ Андреевичъ: — учу-учу, толку нѣтъ; все на выворотъ; я ему твержу: блаженъ человѣкъ, иже скоты милуетъ, а онъ по свѣому: блаженъ скотъ, иже человѣки милуетъ...

Такимъ образомъ и Платону Андреевичу доставалось иногда отъ Захарушки, какъ невѣсткѣ на отместку.

Пришло однако жъ время, что Наталья Дмитриевна рѣшилась начать учить Захарушку читать и писать, по-русски и по-французски. Русскаго учителя поручено было отыскать Платону Андреевичу, а о французскомъ учителѣ хлопотала сама Наталья Дмитриевна. Но, покуда она нашла самаго дорогаго, студентъ успѣлъ уже пройти съ Захарушкой русскую азбуку.

— О, сказалъ мосье Хабле: — ~~мосье Хабле~~ ребенка общаетъ большіе успѣхи!

— О, я увѣрена! онъ понятливъ, — сказала Наталья Дмитриевна.

— Eh bien, monsieur, commençons par le commencement!... *a*.

— *A*, — повторилъ Захарушка, — и вотъ *a*, и вотъ *a*, я знаю.

— Bien!... *b*...

— Нѣтъ не *бе*, а *ерь*!...

— Ты не спорь, душенька, а повторяй, что говоритъ мосьё Хабле.

— Нельзя, маменька; онъ не такъ говорить.

— Тсъ! — произнесла Наталья Дмитриевна, выходя изъ комнаты.

— *C*.

— Нѣтъ, это не *це*, а *слово*!

— Хабле, не понимая возраженій ученика, продолжалъ называть французскія буквы.

— Нѣтъ, маменька, какъ хотите, этотъ мусьё самъ не знаетъ азбуки: *ри* называется *пе*, *черв* называется *рцами*, *ижицу* велитъ называть *вдлами*, *херв* — *иксомь*... чортъ знаетъ чему учить!...

Какъ не бился Хабле и Наталья Дмитриевна, чтобы Захарушка читалъ французскую азбуку по-французски, а не по-русски, — ни за что: онъ не могъ примириться съ двусмысленностію буквъ. Наталья Дмитриевна сердилась не на Захарушку, а на русскую азбуку.

— Несносный русскій языкъ! всѣ буквы перековерканы! — говорила она, и отказала русскому учителю. Не для чѣму учиться русскому языку — самъ научится. — Въ самомъ дѣлѣ, въ ея время на русскомъ языкѣ только говорилось: слушаю-сь! сейчасъ-сь! какъ изволите-сь приказать-сь! Русскаго учителя замѣнили

танцевальнымъ. Мосё Морелли поставилъ Захарушку за стулъ на первую позитуру, велѣлъ стоять прямо, смотреть впередъ, а самъ, наигрывая на скрыпкѣ менуеть, вышаркивалъ передъ нимъ разныя хитрыя *па*.

Но и хитростей Захарушка терпѣть не могъ.

— Маменька, — сказалъ онъ послѣ перваго урока: этотъ учитель чудакъ! самъ пляшетъ, а меня, вмѣсто танцованья, учитъ, какъ стоять за столомъ; я не лакей. Да еще велитъ мнѣ вотъ такъ выворачивать ноги; а у насъ за столомъ и Иванъ и Кузьма вотъ такъ стоятъ.

— Помилуй, другъ мой! такъ стоятъ косолапыя; а тебя учить мосё Морелли первымъ правиламъ танцевъ, и выправляетъ ноги...

— А мнѣ кажется, что онъ-то и косолапъ, и меня хочетъ сдѣлать косолапымъ. Ужъ я знаю, маменька, — сказалъ Захарушка: — ужъ мнѣ сказывали, что Французы всему на выворотъ учатъ, вотъ и мосё Хабле меня всему на выворотъ учить; Я знаю, что нагърно написано «маманъ», то есть тятенька, а онъ велитъ читать *маманъ*, потому что вамъ это слово нравится.

— Ты самъ не знаешь что говоришь!

— Нѣтъ, знаю.

— Чтожъ ты знаешь?

— А то, что вы тятеньку не любите.

— Кто тебѣ это наговорилъ такихъ нелицеприятностей? а?

— вскричала Наталья Дмитриевна.

— Всѣ.

— Кто всѣ?

— Не кто, маменька, а всѣ.

— Я хочу знать, кто именно?

— Именно, маменька, шцто не говориль.

Личность была святое дѣло для Захарушки: никогда и никого онъ не выдавалъ въ жертву гнѣву Натальи Дмитриевны.

Убѣжденная замѣчаніемъ Захарушки, что ему ни въ какомъ случаѣ не прилично стоять за стуломъ, она предложила мосьѣ Морелли начать свои уроки съ *шассе*; но Захарушка ни *en avant*, ни *en arriѣre*, ни *de cотѣ*: онъ какъ-будто былъ созданъ, чтобъ никуда не уходить отъ начала науки.

Много денегъ истратила на него Наталья Дмитриевна, но онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ: неизмѣннымъ копьемъ простодушія, природы неиспорченной, неподдававшейся ни подъ какія условія суеты мірской. Лѣтъ двадцати отъ роду, онъ еще ходилъ въ курточкѣ, и былъ на счету ребенка. Однако жъ Наталья Дмитриевна говорила ему всегда, чтобъ онъ учился *бонтому* образованныхъ молодыхъ людей, которые бывали въ домѣ.

— Какъ же мнѣ быть такимъ, какъ они? замѣчалъ онъ всегда на слова Натальи Дмитриевны: — у меня нѣтъ ни фрака такого, ни очковъ, ни хлыстика.

— Еще уснѣешь носить и фракъ; я не хочу тебя рано пускать въ свѣтъ.

— Такъ успѣю еще научиться и бонтому.

— Нѣтъ, мой другъ, тогда уже поздно будетъ.

— Ей-Богу, маменька, это все такіе пустяки, что и говорить не стоитъ; напримѣръ: «ахъ, мамзель, я не слыжалъ такъ прекрасно нѣтъ, какъ вы!... Софі, ты божество мое!»

Послѣднія слова Захарушка такъ прозвѣсь пламенно, тихо и похоже на кого-то, что Наталья Дмитриевна вспыхнула, и, казалось, убѣдясь, что Захарушкѣ не учтись стать бонтому, замолчала.

Смотря на Захарушку, можно было подумать, что онъ ничего болѣе, какъ существо само по себѣ ничего незначащее, словомъ нуль, въ математикѣ замѣняющій собою недостатокъ числъ: единиць, десятковъ, сотень, тысячъ, миллионъ, а въ обществѣ недостатокъ людей, имѣющихъ какой нибудь смыслъ и значеніе. У Захарушки была какая то неизмѣнная наружность; чувствовать горе и проливать слезы ему не дозволялось съ малолѣтства Платономъ Андреевичемъ; безъ употребленія, эта прекрасная человѣческая способность въ немъ уничтожилась; а радость, безъ подруги — печали, совѣмъ одурѣла: заходить, бывало, въ сердцѣ ни съ того ни съ сего; а Наталья Дмитриевна и кричить: чему ты хохочешь, какъ дуракъ? Словомъ, Захарушкѣ не дозволялось ни охать, ни ахать, а слѣдовательно, ни мыслить, ни чувствовать. Но главная странность въ Захарушкѣ была та, что онъ былъ ужасно сонливъ, и никакъ не могъ отличить того, что видѣлъ во снѣ, отъ того, что было на яву. Очень часто случалось, что онъ задремлетъ за урокомъ, клонется носомъ объ столъ, и покажется ему, что это ваза разбилась въ дребезги, и что Наталья Дмитриевна велитъ ему стать носомъ въ уголь; онъ очнется и станетъ носомъ въ уголь.

— Кто тебя поставилъ въ уголь?, спроситъ Платонъ Андреевичъ.

— Маменька.

— Насилу-те собралась наказать козла, чтобъ псн-ной не вошля!... А за что поставила?

— Ваза разбилась.

— Такъ! О, Господи, Боже мой! долго ли я буду терять! Помилуй, матушка! долго ли держать у себя этого шелопаю Захарку? Перебилъ, переколотилъ, перепортилъ, нереломалъ все въ домѣ! Наконецъ и японскую вазу разбилъ!... Что это! это ни на что не похоже!

— Какую, сударь, японскую вазу разбилъ?

— Спрашиваетъ! Не сама ли ты наказала его за это?

— Что вы бредите? я наказала его? когда-это?

— Пожалуйте сюда: это что?

— Захарушка, что ты дѣлаешь въ углу?

— Стою, маменька.

— Для чего стоишь?

— Такъ, ни для чего, за наказанье — отвѣчаетъ Захарушка, смиренно надувъ губы.

— За наказанье? вотъ прекрасно! Ступай, душенька, въ свою комнату!... Я васъ, Платонъ Андреевичъ, прошу впредь не распоряжаться наказаніями ребенка!

— Ребенокъ! съ добраго вола! будетъ все бить да портить!...

— Позвольте васъ спросить, какую же вазу онъ разбилъ?... Кажется, другой японской вазы нѣтъ!..

— Я почему знаю какую! Ты должна лучше знать, когда его наказывала...

— Такъ безбожно лгать на ребенка! такъ выдумывать! такъ ненавидѣть невинное существо!...

— Лѣшій васъ знаетъ! оба вы полумумные!

И супруги, ворча другъ на друга, разошлись по своимъ комнатамъ, нисколько не воображая, что дѣйствительно Захарушка во снѣ разбилъ вазу и былъ поставленъ Натальей Дмитриевной въ уголъ.

До двадцати-двухъ лѣтъ сама Наталья Дмитриевна подстрѣгала Захарушкѣ пробивающуюся бороду ножницами; но когда пришло время, что безъ цирюльника нельзя уже было обойтись, тогда Наталья Дмитриевна подумала, что надо дать ему какое-нибудь званіе въ свѣтъ. Она предложила Платону Андреевичу озаботиться пристроить его къ мѣсту.

— Помилуй, душа моя, — сказалъ Платонъ Андреевичъ: — куда пристроишь такого болвана? Да еслибъ онъ былъ по крайней мѣрѣ настоящій болванъ, я бы его въ огородъ поставилъ, или на межу; а то...

Наталья Дмитриевна не дослушала словъ Платона Андреевича, разсердилась, и ушла отъ него; но послѣ серебряной свадьбы, по обычаю, на сердце обращается мало вниманія; и Платонъ Андреевичъ, который считалъ уже себя за семьдесятъ, а Наталья Дмитриевна за сорокъ, очень равнодушно сказалъ: а пожалуй сердись! плевать мнѣ на твоего Захарушку!

Къ счастью Захарушки, хитрая звѣздочка, подъ которою онъ родился, сама заботилась объ немъ. Она подумала: Захарушку надо опредѣлить въ службу.

Думала-думала звѣздочка, и придумала.

— Позвольте, сказала она своему совѣздію: — слетать на французское небо.

— А зачѣмъ это, голубунка?

— Да хочется добыть немножко французскаго лонь-орду для моего Захарушки.

Получивъ позволеніе, звѣзда ринулась метеоромъ прямо къ Парижу и повисла искоркой надъ носомъ военнаго генія, который смотрѣлъ въ это время изъ окна Тюльерійскаго Дворца.

— Война Россіи! — сказалъ онъ.

— Государь, — сказали въ одинъ голосъ всѣ окружающіе его: — мы не видимъ въ этомъ добра.

— Видители вы эту звѣзду? — спросилъ онъ вдругъ.

Всѣ обратились къ окнамъ, долго смотрѣли на небо, потомъ посмотрѣли другъ на друга, и сказали: нѣтъ, государь, не видимъ.

— А я вижу! — сказалъ онъ такимъ утвердительнымъ голосомъ, что всѣ испугались, кромѣ храбраго кавалерійскаго короля, который продолжалъ смотреть въ телескопъ, стоящій на окнѣ, и искать на небѣ звѣзды.

Покуда онъ смотрѣлъ, война была уже рѣшена, и планъ дѣйствій начертанъ чернилами на почтовомъ листѣ бумаги. И вотъ, великій военный геній, принявъ Захарушкину звѣзду за свою собственную звѣзду-путеводительницу, двинулся на Востокъ со всѣмъ Западомъ. Поднялась и Русь, ставить въ оплотъ рати и ратниковъ. Двоюродный братъ Натальи Дмитриевны, одинъ изъ миллионныхъ командировъ, привезъ къ ней единородную дочь свою, съ тѣмъ, чтобъ Варинька жила у тетки, покуда онъ будетъ воевать.

— Для чего же не оставилъ ты ея у сестры Прасковьи Матвѣевны? спросила его Наталья Дмитриевна.

— А отъ того, — отвѣчалъ Артамонъ Матвѣевичъ,

Захарушка.

что сестра вздумала покровительствовать одному любезнику; а я не слишкомъ жалую этихъ сладчайшихъ...

Когда Наталья Дмитриевна представила ему своего воспитанника, у полковаго командира, который имѣлъ право вербовать въ свой полкъ, разгорѣлись глаза на Захарушку.

— Что жъ дѣлаетъ у тебя этотъ молодець, сестра? Давай его ко мнѣ; — прямо въ офицеры произведемъ.

Какая бы родная мать отказалась отъ подобнаго предложенія?

— Ну, хочешь служить, Захаръ? — спросилъ Артамонъ Матвѣевичъ.

— Хочу, отвѣчала Захарушка простодушно.

— Хочу! фалелей! надо отвѣчать: за особенную честь поставлю.

— Можно и такъ сказать: за особенную честь поставлю.

— Насилу догадался!

— Ну, братецъ, ты ужъ и началъ муштровать и переучивать по-своему; вѣдь онъ еще неподкомандной твой! — сказала съ сердцемъ Наталья Дмитриевна: — право, я боюсь отдать тебѣ ребенка на руки.

— А который годокъ минулъ этому ребенку? чай тридцатый? Въ его годы, я, помнится, былъ ужъ субалтернъ-офицеромъ.

Когда Артамонъ Матвѣевичъ услышалъ о вторженіи непріятеля въ границы Россіи, и когда ему прочли воззваніе къ вѣрнымъ сынамъ отечества, вдругъ возгорѣлась въ немъ жажда вражьей крови. Онъ пожелалъ стать въ ряды ополчившихся, и былъ назначенъ командиромъ полка ратниковъ.

Огъ не затруднился немедленно же записать Захарушку въ свой полкъ, и вотъ Захарушка оконпированъ, вооруженъ, благословленъ, отпущенъ съ хлѣбомъ и солью, данъ съ рукъ на руки Артамонъ Матвѣвичу, *приказанъ* денегъ и бѣль ярачителю, дядкѣ, старому Пафнутычу, и ѣдетъ въ полкъ вмѣстѣ съ своимъ полковымъ командиромъ.

Дорогою у Захарушки съ Артамономъ Матвѣвичемъ завязался разговоръ о войнѣ.

— Видалъ ты пушки? спросилъ Артамонъ Матвѣвичъ.

— Какъ же, видѣлъ и царя-пушку...

— Ой-ли? да отъ чего же она царь-пушкой называется?

— А отъ того, говорилъ мнѣ Платонъ Андреевичъ, что изъ нея сами цари стрѣляютъ.

— Ой-ли? вотъ ужъ этого я и не слышалъ. Не лжешь ли? Признаться, я и не видалъ ея.

— Престрашная, преогромная пушка!... я слышалъ что въ ней въ карточки поигрывали.

— Картечью? Ну, что жъ за бѣда? — проговорилъ Артамонъ Матвѣвичъ, котораго клонилъ уже сонъ.

— Какъ не бѣда? когда стрѣльнули изъ нея, то всѣ окошки въ Москвѣ полопались.

— Ой-ли? когда жъ это... лжешь!

— Мнѣ сказывала наша Матрена; а за то ее выскли розгами.

— Неужели?... Матрену?... Кто жъ приказалъ ее выскы? — спросилъ Артамонъ Матвѣвичъ, всхрипнувъ.

- Царь Иванъ Васильичъ Грозный.
- Экій какой!
- Ей-Богу!
- Ну, что жъ Матрена?
- Матрена ничего; а Назаръ сказывалъ, что у большаго колокола, что въ Кремль, мыши край отгрызли.
- Мыши?
- Да.
- Экія какія!

Артамонъ Матвѣевичъ ничего не отвѣчалъ на это замѣчаніе; онъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ, и — Захарушка умолкъ.

Черезъ два дня они нагнали полкъ. Къ Артамону Матвѣевичу явилось все полковое офицерство.

— Здравствуйте, господа-офицеры! — сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ. — Мнѣ очень пріятно командовать такимъ храбрымъ воинствомъ!... Вотъ я вамъ привезъ сослуживца: это воспитанникъ сестры моей Натальи Дмитріевны; прошу любить и жаловать. Рекомендуйся, братъ Захаръ.

Захарушкѣ поклонился весь штабъ; а Захарушка чинно обошелъ всѣхъ, какъ въ свѣтлый праздникъ, съ поклонами и съ поцѣлуями.

Артамонъ Матвѣевичъ назначилъ Захарушку состоять при себѣ безсмѣннымъ ординарцемъ. Полкъ отправился въ дальнѣйшій походъ. Артамонъ Матвѣевичъ, на ворономъ конѣ впереди полка, а Захарушка, на серомъ конѣ вслѣдъ за нимъ.

II.

КАМЕННАЯ БАБА

....а Захарушка, о чемъ-то задумавшись, пошелъ по саду, вышелъ въ калитку на берегъ Днѣпра. Прогуливается. Шель-шелъ по берегу, и видитъ — сидитъ подлѣ рѣки дѣдушка, бѣлый какъ лунь, и удитъ рыбу; а подлѣ него стоитъ болванъ каменный. Подошелъ Захарушка къ старику.

— Здорово, дѣдушка.

— Ась? что дѣлаю? — спросилъ старикъ, — да золотую рыбку-кудесницу ѡжу... около уди ходитъ, а на уду войдетъ! а хитрая была, да перехитримъ ее!...

— Какъ? что? а это что такое?...

— Ась? Не слышать, посадскій! говори погромче, были у меня ушки съ молоду: бывало слышу какъ трава ростеть, да пришла было смерть за мной, я и говорю ей: погоди, сударыня! — а она: откупись, говорить, и взяла за выкупъ ушки, да глазокъ взяла; наслу умолилъ, чтобъ хоть другой то оставила на время... Ась? что изволишь говорить?

— Что это? спрашиваю я тебя, — сказалъ Захарушка, осматривая кругомъ каменнаго болвана.

— А! это кто? Да это, сударь, дочка моя; люди говорятъ: каменная баба, не вѣрь. Ей-ей, дочка! причина такая съ ней случилась! давно, охъ давно! еще до Татаръ... Ась? не слышать. Разказать какъ было? Изволь.

— Ну, рассказывай; я сказки люблю, — сказалъ Захарушка, садясь подлѣ старика.

— Изволь слушать; вотъ тамъ, за рѣкой Днѣпромъ на берегу, видишь какая нора? и взглянуть въ нее страшно: тамъ свилъ гнѣздо Змѣй Горыничъ; по сю пору водятся тамъ дѣти Змѣя Горынича, змѣята сосунки: еще не выросли, только еще жалать, да кусаютъ людей, а ѣсть не ѣдятъ. А Змѣй Горыничъ былъ такой большой, что какъ вылезетъ изъ норы, въ головахъ у него, говорятъ, свѣтлый день, а въ хвостѣ темная ночь; а какъ сидитъ въ норѣ, такъ по извиту хвосту можно сойти въ преисподнюю, какъ по лестницѣ. А въ то время на Днѣпрѣ, до самаго моря, было великое царство, жили мы, славный народъ, такой добрый, что никому худаго слова не молвилъ, Богу молился, посты соблюдалъ; при-

да бываю къ намъ въ гости — вымоемъ, выхоломимъ, въ новое платье нарядимъ, за браный столъ усадимъ, запоимъ, закормимъ, да еще и спать на мягкихъ перинахъ уложимъ, а женамъ и дочерямъ велюмъ мухъ махать. Жили мы весело и богато, шесть дней на себя, а седьмой Господу Богу; да чортъ натрубилъ въ уши: «возьми и седьмой на себя!» Народъ и послушался: Вотъ, Господь и оставилъ народъ. Говорилъ намъ одинъ святой человекъ: «Эй, не дѣлайте того; будете чорту служить!» — Такъ и сбьлось: откуда ни возмись Змѣй Горыничъ, приползъ, захлестнулъ хвостомъ все царство, и говорить: «ну, теперь вы мои; у меня вамъ будетъ привольно: напщины и барщины у меня не будетъ, а будете вы платить мнѣ оброкъ, только по одной красной дѣвицѣ съ тягла.»

Поохалъ, поохалъ народъ, да и пошелъ по домамъ. — «Что жъ, братцы, думаете? вѣдь вправду немпого, только по одной. Разъ въ годъ отдашь, да и правъ. Ужъ за то не будемъ ходить на барщину: своя воля.» — Ну, хорошо; вотъ и пришло время платить оброкъ. Собрался мѣръ. — «Что жъ, братцы, какъ отдавать то нашъ? старшую или младшую дочку вести черномугу? или по жеребью? или которая похуже всѣхъ?»

Иному жаль старшую, иному младшую, по жеребью страшно, — рѣшили вести въ оброкъ ту, что похуже, да не по сердцу. Ну, хорошо. Вотъ и я говорю жепъ: «поведемъ Парашу», а жена говоритъ: нѣтъ, поведемъ Пашу. «Не поведу Пашу, Паша работница, намъ помощница!» — А я не дамъ Парашу Параша красавица!

Перебранились, подралась: да чья сила, того и воля.

— Будешь дѣлать что велеть?

— Ой, буду, буду!

— Ну, снаряжай!

Пошла снаряжать дочку — да не Парашеньку! — Ты, говорить, мое дитятко, будешь жить въ высокомъ теремѣ, въ палатахъ господскихъ! — и снарядила какъ невѣсту на свадьбу, въ красный сарафанчикъ; на голову шитую бисеромъ плетеную повязочку, да бѣлое покрывало, а въ ручки платочикъ шитый золотомъ. Повели отцы дочерей, матери слѣдомъ, такъ и воютъ, и моя востъ, такъ и разрывается: «ахъ ты мое дитятко ненаглядное, сизая голубушка Парашенька!» Да! Парашенька! какъ бы не такъ!...

Тутъ старикъ пріостановился, вздохнулъ, отеръ рукавомъ слезу, и продолжалъ:

«Привели къ рѣкѣ; за рѣкой Змѣй Горыничъ изъ пещеры выглядываетъ. Поклонились мы въ землю, рѣчь заговорили:

— Привели тебѣ дань, Змѣй Горыничъ; смилуйся, возьми! счетомъ, по красной дѣвицѣ съ тягла!

Змѣй Горыничъ повысунулся изъ норы, встревожился, взмахнулъ перепончатыми крыльями, и протянулъ языкъ мостомъ черезъ Днѣпръ. Стали отпускать первую дѣвицу; поклонилась она въ ноги отцу и матери, расцѣловали ее отецъ и мать, онакалаи, благословили; нарядная сваха взвела на языкъ, сдернула покрывало, расмела косы, — заглян свадьбую пѣсню. Потянулся мостикъ назадъ; а дѣвица то была грѣшница, погушила очи, разрумянилась, не объ отца и матери,

на объ отеческомъ домѣ думаетъ, а объ молодомъ мужѣ, да о высокихъ палатахъ господскихъ... Вдругъ, какъ хамкнетъ Змѣй Горыничъ, — только ее и было! Вѣрно вкусна была: почавкаль, почавкаль, пооблизался и протянулъ языкъ за другой; а другая тоже, и третья тоже, и пятая и десятая тоже; пришлоль чередъ и моей дочкѣ. Я зарыдалъ, мать взвыла, охватила вокругъ шев, и зашла прощальную пѣсню:

— Да дай ты ей поклониться въ ноги отцу и матери! — Отпускайте скорѣе съ благословеньемъ! — кричить народъ. — Умру, не отдамъ мою дочку! — кричить жена.

Взбѣленился отъ нетерпѣнья Змѣй Горыничъ, какъ хлеснетъ языкомъ поперегъ рѣки, такъ и разсыпалъ Дитѣрь словно стекло въ мелкіе дребезги.

— Давай скорѣй! — крикнули посаженные отцы; вырвали ее изъ рукъ матери, поставили на кончикъ языка; вода не успѣла расплести нось; потянулся языкъ назадъ; а Пашенька безгрѣшная была; какъ задумала, что разлетѣется навѣкъ съ отцомъ, съ матерью и съ отеческомъ домомъ; какъ капнуть ея горячія слезы, какъ инытокъ, на языкъ Змѣя Горынича, обварили, обожгли его; онъ и рывкнулъ, замоталъ языкомъ; Параниенька какъ ахнетъ, да такъ какъ стояла держа обѣими руками платочикъ, такъ со страху и ошаментла. Змѣй Горыничъ хамкнулъ было, да зубъ не беретъ; какъ рывкнетъ онъ да плюнетъ, и перенюнулъ онъ дочку мою на другой берегъ, грохнулась она передъ народомъ, бросился народъ: что такое? и я бросился; смотри...

Тутъ-то я узналъ, что это не Парашенька, а Пашенька; упалъ на нее, да облилъ слезами: «родная ты моя, милая дочка, холодище ты камня погильнаго! погубила тебя родная мать, а не мачиха!... Пусть же она смотритъ на тебя, да вѣкъ казнится!» — И схватилъ я ее, понесъ домой; поставилъ ее передъ крыльцомъ, чтобъ мать вѣкъ смотрѣла на нее, да казнилась.

Змѣю Горыничу, вмѣсто Пашеньки, поставили другую дѣвицу; онъ и скушалъ ее со вкусомъ. Много было грѣшныхъ красныхъ дѣвушекъ, а много и безгрѣшныхъ. Грѣшныя всѣ пошли въ утробу чернаго бога Змѣя Горынича, а безгрѣшныя отъ страха окаменѣли; а отцы да матери разнесли ихъ назадъ по домамъ, и поставили какъ каменныхъ болвановъ на горахъ передъ хатами.

Такъ года три прошло ладно; отцы и матери попривыкли къ горю; народъ выставлялъ податъ споина: да вдругъ насталъ неурожай на красныхъ дѣвушекъ, нечѣмъ платить подати. Пришли-было жалиться къ змѣю Горыничу, а онъ и знать ничего не хочетъ: нѣтъ васъ всѣхъ до одного, говоритъ. Чтó дѣлать народу? Думали, думали, и пошли воровать себѣ жень, а Змѣю Горыничу красныхъ дѣвушекъ. Забыли хлѣбъ пахать, только и думаемъ, какъ бы оброкъ уплатить; нѣтъ веселаго лица въ цѣломъ царствѣ. Народится сынъ — горе; народится дочь — другое, да ужъ все лучше: по крайней мѣрѣ, есть чѣмъ дань давать; а недоимокъ накопилось много.

— Помилуй насъ, Змѣй Горыничъ: сложи недоимки!

— А вотъ я вамъ сложу! — сказалъ Змѣй Горыничъ

— ступайте по домамъ!

Пошли по домамъ, — а тутъ же Змѣй Горыничъ наслалъ на экзекуцію змѣять-сосунковъ. Расползлись по всему царству. Чѣмъ накормить ихъ? Куда спать уложить? Молочка не хлѣбають, на пуховой перинѣ жестко спать — пусти, вишь, на ночлегъ подъ сердце, да дай крови пососать. Что жъ дѣлать? Пришло терпѣть! Такъ изсосали народъ, что Боже упаси!

Вотъ вѣхалъ мимо какой-то витязь. — Что вы пригорюнились? спрашиваетъ. Да вотъ, вашей милости, такъ и такъ! — А отъ чего бы это такъ? — Да прогнѣвили Господа Бога! — Не прогнѣвили вы его, а сами отъ него отреклись: оставилъ онъ васъ; а на свѣтѣ жить, кому-нибудь служить: не бѣлому дню, такъ черной ночи. Сами выбрали — служите чорту. — Охъ, кабы кто насъ помиловалъ! — Кому васъ миловать, какъ сами себя не возлюбили и не милуете сами себя. — Каемся! — Кто кается, тотъ спасается, сказалъ витязь. — Ступайте, зовите Змѣя Горынича, пусть выходитъ на чистое поле, со мною.

— Какъ можно! дай Богъ вашей милости за доброе сердце радостно день встрѣтить, въ мирѣ души провождать. Какъ можно! онъ насъ съѣстъ!

— Въ комъ боязнь, въ томъ нечистая сила, говоритъ; изгоните изъ себя духа тьмы молитвой; молитва союзъ съ свѣтомъ и съ жизнью союзъ; никто не разорветъ его, покуда самъ человекъ не разрознитъ тѣла своего съ духомъ.

— Пойдемъ, братцы! — Пришли къ берегу Дуѣпра. Былъ полдень. Змѣй Горыничъ въ норѣ своей уложился

голову на лапы, свѣсилъ языкъ на сторону, пытитъ какъ пѣсь утомленный. Сталь народъ на берегу, снялъ шапки, земно поклонился.

— Государь ты нашъ, Змѣй Горыничъ! удостой, государь, выслушать наше челобитье. Прїѣхалъ какой то храбрый витязь.

Змѣй Горыничъ какъ хамкнетъ, и повело его дугой. Испугался народъ, припалъ на землю.

— Прїѣхалъ... да и грозится извести... Заступись, многомилостивый Змѣй Горыничъ!.. выйди... вошь онъ на полѣ...

А Змѣй Горыничъ ни слова... крутился, крутился, примолкъ и выглядываетъ украдкой изъ норы.

— Пожалуй выйди, Змѣй Горыничъ, на чистое поле!..

— Что жъ, братцы? онъ и слышать не хочетъ! — сказалъ Ратко.

— Змѣй Горыничъ! храбрый и молодой витязь вызываетъ тебя на бой...

— Что жъ, братцы? замолкъ, слышать не хочетъ! — сказалъ Живко.

— Змѣй Горыничъ! тебѣ говоримъ!... Зоветь на поле!

— Молчить!

— Что жъ, братцы, вѣдь мы не шутимъ, а зовемъ его; а онъ и слышать не хочетъ! — сказалъ Огнянь.

— Дочерей нашихъ поѣлъ, а отвѣта дать не хочетъ!

— Лихой пѣсь поджалъ хвостъ!

— Тсъ! что ты это, Немирко?

— Что Немирко, а вошь что!...

И высунул Немирко языкъ, дразнить Змѣя Горыничча — Ыы! гадюка! заѣлъ у меня двѣ дочки!...

Разгорячился Немирко, схватилъ камень, да какъ пустить черезъ Днѣпръ, — шелкъ прямо въ бровь Змѣю Горыниччу. Ну, быть бѣдѣ! дрогнули мы, да бѣжать.

— Стой, братцы! снесъ дурака, снесетъ и кулака! Вотъ я ему, да не въ бровь, а прямо въ глазъ! — крикнулъ Ратко.

Да какъ свистнеть камнемъ черезъ Днѣпръ, и вышибъ глазъ Змѣю Горыниччу. Рывкнулъ Змѣй Горыничъ, и ни съ мѣста, завернулъ голову подъ перепончатое крыло.

Тутъ всѣ мы отдохнули, да но камню; посынались въ него камни. Ыы! полосатая чушка! струсилъ!...

Молчить, ни-гугу.

— Что, ваше благородіе, господинъ витязь, никакъ не вызовемъ на поле Змѣя Горыничча! какъ прикажете?

Выводите мечистую силу изъ гнѣзда на чистую воду, какъ знаете; а мое дѣло выжить ее съ блага свѣта, — дажь отвѣтъ витязь.

— Такъ пойдете, братцы, сказалъ народъ.

— Пойдите, братцы, сказалъ Славко, — его просто не выживешь: надо его выкурить; развели огонь и стали его выкуривать. Вотъ и пошли всѣ чипомъ; пришли на Днѣпръ, наметали плоты, переправлялись. Какъ рывкнетъ нашъ Змѣй Горыничъ, поднялся на дыбы, распахнулъ крылья, разинулъ пасть, расправилъ когти и потянулся на воду, на народъ; сконнулъ онъ на чистое

поле, хотѣлъ летѣть, а витязь какъ хватить его булавою тяжелою, заревѣлъ Змѣй Горыничъ, взмутилъ воздухъ: взмело песокъ вихремъ, поднялась страшная гроза, завились вокругъ черной тучи огненныя змѣи, перекатился громъ съ конца въ конецъ. Народъ въ страхѣ бѣжитъ домой, запирается по домамъ, припали всѣ лицомъ къ землѣ, молимся Богу, думаемъ, настало свѣтопреставленье. Вдругъ громъ рассыпался и все стгло, словно душа отошла. Лежимъ — какъ умерли, никто не дохнетъ, сердце не колыхнется... — Господи Боже, чудится или нѣтъ: вотъ, словно, пѣвень крикнуть?... чу, зачирикалъ воробей... чу, жаворонокъ воспѣлъ пѣсню... сердце что-то радостно колотить... Глядь, а на дворѣ ясный день, солнце играетъ на небѣ, благовѣйный вѣтрецъ шелеститъ по листьямъ, — такъ весело на душѣ; кажись бы, нѣтъ никакой еще радости, а сердце не нарадуется. Сошелся народъ, всѣ здравствуются, обнимаются другъ съ другомъ. — Что, батюшка, какъ вы? — Слава Богу! — Слава Богу! слава Богу лучше всего! — И побѣжали всѣ на Днѣпръ.

— Да что жъ это такое съ нами было? гдѣ Змѣй Горыничъ? гдѣ храбрый витязь? ужели все это было сонъ?

— А дай Богъ, чтобъ и сонъ былъ въ науку, — сказалъ одинъ старецъ-отшельникъ: — у Божьяго стада сама совѣсть пастырь; изведете совѣсть, погубите душу; а душа-то, братцы, нашъ дружокъ сердечный; разставаться съ другомъ, разставаться съ жизнью! Вотъ что: и вы изгубили-было своего друга-хранителя, да

шатались мертвецами по бѣлому свѣту; холодомъ и могилей несло отъ васъ. Ни ложь, ни ночь не пріодѣли васъ; благоуханья не умастили, вино не согрѣло. Высоко поднимались на хитрость, да низко падали. Только у души, братцы, неподдѣльныя, ангельскія крылья; она лишь летаетъ по вольной волѣ и не роняетъ кровнаго друга съ вершины къ подножью. Много было у васъ красныхъ дѣвицъ, родныхъ дочерей, да много ли въ прокъ пошло — доброму молодцу въ жену, а малому дѣтису въ мать? Всѣхъ поѣлъ Змѣй Горыничъ, да только вамъ косточки на похороны повыплевалъ. Безгрѣшныя только спаслись, обратились въ камень. Берегите на память!

Народъ прослушалъ старца, да и сотворилъ слезную молитву. И стали мы жить мирно, радушно, шесть дней на себя, а седьмой Господу Богу. Колѣно шло за колѣномъ. Всѣ каменные дѣвицы... вотъ и дочка моя... сначала были какъ живыя, только что румянецъ не игралъ въ щекахъ; а и они избавились отъ смерти, да не избавились отъ старости, сморщились, почернѣли, а худѣть не худѣютъ. Стоять и теперь по полямъ, на горахъ, гдѣ жили отцы. Глупый народъ зоветъ ихъ теперь *бабами*; да какія жъ онѣ бабы? съ роду онѣ бабами не были; онѣ неповинныя красныя дѣвицы. Глупый народъ теперь моститъ мосты ими, да кругомъ двора вмѣсто тыну ихъ ставить. А я не дамъ своей дочки. Нѣтъ, ни за что не отдамъ! Изловлю золотую рыбку, такъ она мнѣ ее живой сотворитъ. Вотъ что! тсъ! молчи, молчи! вотъ идетъ къ удѣ! не замай! Ахъ, ты окаянная! сдернула червячка!... Ступай, братъ посад-

скій, прочь отсюда! сдѣлай божескую милость, ступай!
не мѣшай мнѣ изловить ее!

Да я... началъ было Захарушка.

— Да ступай же, говорятъ тебѣ! — прикрикнулъ
старикъ умоляющимъ голосомъ.

— Ну, ну, ну! иду, иду, иду! — сказать Захаруш-
ка, и пошелъ себѣ влодь по берегу.

А ВЕЛЬТМАНЪ

ДВА ДИЛ

ВЪ

ДЕМУТОВОМЪ ТРАКТИРЪ.

Два дил съ Демут. тракт.

1

Зимой 18 — года вернулся я въ С. Петербургъ, послѣ годовой отлучки. Делижансъ выбросилъ меня въ свой конторъ у Обухова моста. Въ гостинницѣ было всего два незанятыхъ номера, но ни одинъ изъ нихъ не былъ ни по вкусу: во первыхъ, пятьдесятъ ступеней и подагра вѣсть не идуть, во вторыхъ, ходъ по черной лѣстницѣ, въ третьихъ.... словомъ, Антищъ нанялъ мнѣ четверомѣстный возокъ и я поѣхалъ въ Демутовъ трактиръ. Тамъ также все было полно, за исключеніемъ одной комнаты, въ первомъ этажѣ, слѣпымъ случаемъ спасенной отъ нашествія гостей, какъ-будто нарочно для меня, горемычнаго страдальца. Окончивъ обычныя послѣ дороги умовенія и напившись чаю, я принялся разбирать свой вортфель. Онъ былъ набитъ кучею писемъ и бумагъ, навьюченныхъ на меня докучливѣйши сосѣдями, нахлобаченными для всякаго отъѣзжающаго въ столицу миллионна порученій. Печь топила въ моей комнатѣ. При-

знаюсь, увидѣвъ безчисленное множество чужихъ писемъ и сообразивъ близость пылающей печи, я почувствовалъ необыкновенный зудъ въ пальцахъ: многіе мои *пріатели* поступаютъ такъ, отъ чего же бы мнѣ?... Вѣрно въ этихъ письмахъ заключается провинціальный вздоръ,... изъявленіе несбыточныхъ желаній, просьбы о доставленіи мѣстъ давно занятыхъ или недосыгаемыхъ, порученіе о ходатайствѣ по дѣлу, съ приложеніями безтолковой записки... Что я въ самомъ дѣлѣ стану дѣлать съ этимъ хламомъ? — Человѣкъ! помѣшай-ка кочергой въ печкѣ! — Въ то время какъ Антипу перегребалъ горящіе дрова и уголья, я собиралъ въ кучу болѣе дюжины толстыхъ и тонкихъ писемъ. Уже рука моя готова была швырнуть ихъ куда слѣдуетъ, какъ вдругъ мнѣ пришло на мысль, что незачѣмъ такъ торопиться. Мигу спустя я уже вовсе отдумалъ жечь эту писающую бумагу. — Антипу не мудроно разнести письма эти по адресамъ, онъ знаетъ хорошо Петербургскія улицы; кто знаетъ, можетъ быть въ числѣ этого вздора есть хоть одно нужное, дѣльное письмо, отъ котораго зависить...

— Пуфъ... ахъ, Господи мой, какое наказаніе, раздалось въ это время въ комнатѣ, возлѣ моей, и за тѣмъ слѣдовалъ тяжелый вздохъ человѣка, съ великимъ усиліемъ переводящаго дыханіе. Какой нибудь больной, воумалъ я, и принялся разбирать чужія письма. Я раскладывалъ ихъ по кварталамъ, жалѣя самоговъ Антипа. Окончивъ эту работу, вынулъ я мой бумажникъ, и въ немъ были письма, но эти письма были другаго сорта, ихъ надобно было развести самому. Одно было отъ моей

тетки Катерины Андреевны, но тутъ дѣло не въ теткѣ, а въ томъ, что оно было адресовано Лизаветѣ Михайловнѣ. Она, она... вотъ ужъ у меня и языкъ не поворачивается высказать, что я думаю, совѣстно, въ пятьдесятъ лѣтъ, съ морщинами на лбу, и съ сѣдыми висками, сказать, что она... Лизавета Михайловна была некогда предметомъ самой пылкой страсти моей. А какъ она была хороша, тому назадъ двадцать лѣтъ, что за глаза, что за шея, что за талія, что за ножка, и только шестнадцать лѣтъ! Боже мой, какъ вспомню, такъ и теперь еще кровь волнуется, сердце бьется, какъ будто забываетъ, что въ пятьдесятъ лѣтъ почти грѣшно думать о соблазнахъ міра. Десять лѣтъ не видалъ я ея, ровно столько времени, сколько она замужемъ. А я, безумецъ, думалъ...

— Пуфъ... ахъ, Господи, какое наказаніе, раздалось снова въ комнатѣ моего сосѣда, говорю сосѣда, потому что голосъ былъ мужской и даже довольно басистый, хотя въ немъ и замѣтна была нѣкоторая болѣзненная храпота и усталость.

Жаль бѣдняка, подумалъ я, кажется онъ страдаетъ сильнымъ удушьемъ, и обратился снова къ моей работѣ.

Лизавета Михайловна... но полно о ней, завтра соберусь съ духомъ и понесу ей письмо; да вѣдь еще при письмѣ есть посылка, груши вареныя въ сахарѣ; ну ужъ это пусть Антипъ отнесетъ... мнѣ къ Лизаветѣ Михайловнѣ являться съ гру... Да правда, я и забылъ опять, что мнѣ пятьдесятъ лѣтъ и что въ мои года нечего поэтизировать.

Вотъ письмо съ деньгами къ племяннику Петѣ. Этотъ

самъ можетъ пожаловать за письмомъ, за деньгами и за головноюшкой... въ мѣсяцъ прокутилъ все, что прислано было на полгода. Ужъ эта молодежь!

— Пуфъ... ахъ, Господи, какое наказаніе, пуфъ, пууфъ — и за тѣмъ страшный вадохъ, потому какъ бы визгъ.

Меня начало это конфузить и я рѣшилъ, что ежели еще разъ услышу этотъ тяжелый вздохъ и эти восклицанія, то выгѣду изъ трактира завтра же. Я чувствовалъ, что у меня уже начинала дѣлаться одышка отъ чужихъ вздоховъ. Однако вскорѣ послѣ того послышалась ходьба въ комнатѣ, потомъ зѣванье, потомъ упали на полъ одинъ за другимъ сапоги, потомъ ватрещала трактирная кровать, потомъ еще зѣвота, а тамъ воцарилась и совершенная тишина. Я, глядя на часы... одиннадцать, пора и мнѣ спать. Съ дороги не могъ я долго заснуть, кровь какъ-то волновалась, къ тому же мысли. — Лизавета Михайловна.. Однако природа начинала брать свое, я началъ засыпать, какъ вдругъ послышался стукъ, не не съ той уже стороны, гдѣ стоялъ и охалъ мой большой сосѣдъ, а съ другой. Батюшки свѣты, да я на острову, утихнуть волны съ одной стороны, такъ забушуютъ съ другой. Послышались разговоры вдали, вѣрно не въ той комнатѣ, которая примыкала къ моей, но вотъ они становятся слышиѣе, слышиѣе, и наконецъ раздаются у самыхъ ушей моихъ, ибо деревянная перегородка все равно что ничего. Голоса, или, лучше сказать, голосъ женскій, потому что другой слышится только изрѣдка.

— Сиверная дѣвчонка, слышу я ясно, не умѣешь чепца приколотъ. видишь какъ танцуетъ на головѣ...

— Сударыня...

— Молчи, дрянь, тебѣ, я знаю, ничего, безрукая, и нѣтъ бы каное, ослѣпъ вдругъ при всѣхъ чепчикъ сълю- тель съ головы, смотри ты у меня, выучу я тебя.

— Сударыня, право...

— Я тебѣ дамъ право, чунника, ноги вышей руки, я не позволю тебѣ раздвѣвать меня съ такими завален- ными пальцами.

Мигуточное молчаніе.

— Варька! Варька! скоро ли ты, несносная дѣвчонна, отскребешь свои руки!

— Иду, сударыня.

— Ну же, проворнѣй, ... тише, крючки въ сумку вдавнишь, тише, говорить тебѣ ... что жъ ты боишься... Боже мой, какая безрукая...

— Не вижу, сударыня...

— Ослѣпла! вотъ я тебѣ прочищу глаза. Ты съ ума сошла, платье снимать, не отколочимъ чепца? ■■

— Сей часъ, сударыня.

— Всевѣчасъ насъ ни съ мѣста, смотри, разорва блон- ду, дамъ я тебѣ знать, ... волосы шнурками деречь...

Еще много ораза, подобныя приведеннымъ мѣсто, долетали до моего слуха, оскорбляя его до крайности. Наконецъ, когда все утихло, то я началъ разсуждать о несправедливости такого поведенія, о томъ, какъ отврати- тельно слушать такия вещи, что давно пора бы нашимъ господамъ и барынямъ уничтожить собачьи клѣтки для прислуги... Варька! отъ него же не Варвара для Варя? Варька! Финетка, Барбоска, Анютка, Жужутка! Фи, какъ гадко! Мнѣ стало жаль бѣдную Варю и я возне- лавидѣлъ въ госпожу. Чтобы развлечь себя отъ этого

неприятнаго впечатлѣнія, я старался настроить воображеніе мое на что нибудь веселое и немножко мысли мои обратились опять къ Лизаветѣ Михайловнѣ. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ она овдовѣла и почти все это время прожила за границей и въ своемъ маленькомъ имѣніи. За чѣмъ было выдавать ее за мужъ и за чѣмъ не выдали ее за меня? — Отца и мать соблазнило большое состояніе Демьяна Григорьевича и выдали мою Лизу за Демьяна Григорьевича. Чтожъ вышло? — Демьянъ Григорьевичъ умеръ бездѣтенъ, имѣніе все перешло въ руки его родственниковъ, а ей осталась кое-какія крохи, которыя она прожила за границей. А я? — Конечно я не богатъ, но все таки тысяча душъ прокормила бы кое-какъ двѣ души и даже четыре, еслибъ Богъ послалъ... Но всѣ эти размышленія неумѣстны. Она теперь, правда, свободна, она, можетъ быть, помнить еще и теперь мои страстные посланія къ ней, мои вздохи, нашу взаимную, да, взаимную любовь, потому что и она любила меня тогда; она свободна, я чувствую, что люблю ее еще, отъ чего бы не попытаться теперь, ничего бы... Опять забылъ, что мнѣ пятьдесятъ лѣтъ и что въ наши годы пора перестать дурачиться. Этимъ хотѣлъ я заключить свои мечтанія, и рѣшился непремѣнно заснуть, но фантазія играла не на шутку, и я провалился съ боку на бокъ до заутрени. Тогда разболѣлась у меня нога, подагра стацила меня силою съ любовнаго парнаса въ свои мучительныя прозаическія владѣнія. На мой призывъ Антипъ явился съ заспанной рожей и съ просовья началъ обвертывать мнѣ ногу чулками, вѣсто немцытой овецъей

шерсти, моей неразлучной подруги и спасительницы. Пасмурный день заглянулъ мнѣ въ окна, а я еще не засыпала. Большой сосѣдъ мой началъ вставать, слышалась ходьба по корридорамъ, гдѣ тутъ думать о снѣ? Съ трудомъ всталъ я съ постели, при помощи толстой палки добрѣлъ до кресель, передъ писменнымъ столомъ, и съ грустію смотрѣлъ на письма, которыя хотѣлъ развезти сегодня. Какая возможность выѣхать съ такой адской болью? Все бы ничего, еслибы не было у меня письма къ Лизаветѣ Михайловнѣ, другіе подождали бы, а къ ней... къ ней хотѣлось мнѣ поскорѣе. Конечно, я могъ бы удовлетворить своему желанію, но дѣламъ вытѣжалъ я, и съ болѣею болью, да какъ-то совѣстно пріѣхать къ ней, опираясь на палку и прихрамывая какъ Лесажевъ чортъ. Проклятое кокетство! Ну что бы, казалось, за бѣда прихрамывать, такъ нѣтъ, не хочется передъ Лизаветой Михайловной... А пятьдесятъ лѣтъ?

Около десяти часовъ утра больной сосѣдъ мой ушелъ со двора. Слава Богу, думалъ я, но крайней мѣрѣ съ одной стороны буду я совершенно спокоенъ на время, да и вѣрно сосѣду моему отдало удушье, потому что я не слышалъ сегодня ни одного вздоха. Въ одиннадцать часовъ зашевелилась моя сосѣдка. Тѣ же самыя фразы, которыми подчивала госпожа свою служанку при вчерашнемъ раздѣваньи, посыпались и сегодня съ разными модификаціями. То Варька не ловко надѣвала чулки, то, напяливая башмаки, давила барынѣ мозоли, то, при умываньи, лила слишкомъ много или слишкомъ мало воды, то полюснанье не было довольно тепло, то то, то другое. Брань продолжалась съ добрыхъ полтора часа. Въ

это время, какъ и ни сдвигая отдалецъ, вниманіе не отъ этого шума, но никакъ не могъ; слова: сквернашка, перзавка, косолапая, безмозгдая, драли мнѣ уши и возмывали желчь мою. Сердиться съ подагрой плохо, это я зналъ по опыту, но все-таки не могъ превозмочь внутренней досады на капризную барыню. Въ минуту самого сильнаго порыва гнѣва госпожи на горничную за невыглаженный утренній капотъ, мнѣ послышалось, не знаю, не былъ ли то акустическій обманъ, ... мнѣ послышался подозрительный шумъ, весьма похожій на гулъ полновѣсной подпечины. Во второмъ часу вошла къ моей сосѣдкѣ модистка. Почти также гадки были для меня разговоры о модахъ, какъ брань съ Варькой. Капризамъ въ выборѣ нарядовъ не было конца.

— Mais, Madame, cela vous va à merveille! говорила модистка.

— Помните, отвѣчала сосѣдка моя, такъ же французски, этотъ бантъ совсѣмъ прилебенъ къ лицу, да и теперь такъ не носятъ.

— Сударыня, вѣрьте мнѣ, что самое важное дѣло въ туалетѣ, примѣнять моду къ своему лицу и къ своему росту. Ну что бы вы сказали, еслибъ женщина въ два фута ростомъ хотѣла слѣдовать той же модѣ, по которой одѣвается дама вашего роста и вашего тѣлосложенія? Cela vous auroit choqué!

— Я хочу непременно имѣть наколку à la figaro, а это дрянъ, никто больше не носитъ.

— Я васъ уверяю, что вамъ не будетъ къ лицу figaro, вамъ надобно что нибудь побольше. Croyez moi, Madame, точно также какъ новые чепцы, сидящие почти

на лбу, съ гирляндой изъ лентъ, ни на что не похожи на дванадц маленкаго роста, точно также figure будетъ вамъ не къ лицу. Mais que voulez-vous, nous croyons que tout pour va!

— Послушайте, я не за тѣмъ васъ позвала, чтобы вы говорили мнѣ грубость и вздоръ...

— Я говорю только нѣтъ свое.

— Его никто не спрашиваетъ, соберите ваши вещи, мнѣ ничего не нужно.

— Но вѣдь вы изволили заказать эту наколку, я сказала ее по рисунку, вами выбранному.

— Она мнѣ не нравится...

— Да вѣдь вы ее заказали.

Я заказала совѣтъ другую, эта никуда не годится.

— Посмотрите на рисунокъ, это совершенно то, что вы желали нѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, я заказывала совѣтъ не то.

— Какъ вамъ угодно, только не прегнѣвайтесь, если я въ другой разъ не буду принимать для васъ заказы.

Еще нѣсколько минутъ слышалось продолженіе этого разговора въ другихъ комнатахъ, но къ счастью я уже не могъ расслушать словъ.

Всмотрѣ послѣ того пришли къ моему сосѣдкѣ два мужика, жившіе въ Петербургѣ по паспорту. Они просили новыхъ годовыхъ билетовъ. Барыня очень изволила гнѣваться за то, что неаккуратно платятъ оброкъ, кричала во все горло, и наконецъ въ наказаніе налегла на нихъ еще по 30 рублей въ годъ, сверхъ преняго.

Одинъ изъ мужиковъ снисреннымъ голосомъ замѣтилъ — Матушка, кормилица наша, коли мы по прежнему положенію не могли платить тебѣ по бѣдности, такъ какъ же прикажешь съ прибавкой справиться?

— Старый дуракъ, закричала барыня, твое дѣло исполнять приказанія господскія, вотъ и все.

— Какъ же, родимая наша, исполнять?...

— Молчи и убирайся вонъ.

— Мы твои слуги, рабы твои, матушка, въ твоей власти...

— Хорошо, хорошо, а если не заплатите во время, въ рекруты васъ обонхъ.

Въ слѣдъ за мужиками пріѣхали къ сосѣдкѣ моей гости. Куда дѣвался гнѣвъ ея, что стало съ ея капризами? все исчезло. Голосъ, до тѣхъ поръ грозный и непріятный, сдѣлался мягкимъ, усладительнымъ, такъ, что ежели бы я былъ поэтъ, то сравнилъ бы его съ журчаніемъ ручейка, позволяющаго зефиру цѣловать свои рѣзвые струйки. Съ какимъ нѣжнымъ участіемъ спрашивала она о какой-то Машѣ и о какомъ то Федорѣ Федоровичѣ, какъ трогательно рассказывала о продолжительной болѣзни своей собачки Жоли, она плакала, описывая страданія бѣднаго животнаго.

— Вамъ бы, право, не надобно держать при себѣ собакъ, замѣтила какая-то посѣтельница, вы такъ чувствительны, а вѣдь не убережешь этихъ миллашекъ иногда.

— Да, отвѣчала сосѣдка моя, у меня нервы до крайности разстроены и все это со смерти моего Миши.

Я думалъ, что это тоже о собакѣ идетъ рѣчь, но изъ

послѣдующихъ разговоровъ оказалось, что г. Мини былъ мужъ слабонервной сосѣдки моей, отправившійся, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ египетскія. Счастливы ты, голубчикъ Мини, думалъ я, что судьба, скалившись надъ тобою, упрятала тебя рано подъ землю съ ангельскимъ характеромъ твоей жены, ты можешь благодарить мебо, если легъ не горбатымъ въ могилу отъ побоевъ ангела, спутника твоей жизни. — Слушая все это, я бѣсился въ высшей степени, мнѣ нѣсколько разъ хотѣлось громкимъ возгласомъ попросить молчать мою сосѣдку, не осквернять священныхъ словъ любви и дружбы приписываніемъ этихъ чувствъ себѣ. Боже мой, Боже мой! можно ли такъ гнусно лицемерить? можно ли такъ безстыдно лгать? Неужели и въ самомъ дѣлѣ правда, что жизнь женщины есть вѣчная ложь, отъ колыбели до могилы? О нѣтъ! не всѣ онѣ таковы, есть исключенія, есть межъ ними высокія души, затмѣвающія свѣтомъ своимъ недостатки другихъ. Такова была мать моя, это чистѣйшее созданіе, жившее для счастья другихъ, съ привязанностію безкорыстною къ дѣтямъ своимъ, не требовавшая отъ міра ничего и дававшая ему все, что было въ ея власти. Такова была и есть она, моя дорагая Лизавета Михайловна! Какая тонкость чувствъ, какое желаніе угодить всѣмъ, какая необыкновенная мягкость характера, уступчивость, ... не довольно ли двухъ примѣровъ, чтобы доказать ложность мнѣнія, будто всѣ женщины коварны и фальшивы. Но не стыдно ли, что я, при всякомъ случаѣ, вспоминаю Лизавету Михайловну, подумалъ я, сколько разъ давалъ я себѣ слово не мечтать о ней, и все

таким образом берет свое. Сердце! полно такъ ли? Не есть ли это блажь воображенія? Вѣдь говорить, что въ 50 лѣтъ нельзя уже болѣе влюбиться. Но вѣдь это не значитъ влюбиться, если думаешь о женщинѣ, въ которую былъ влюбленъ двадцать лѣтъ тому назадъ; все, что можно сказать, это, что продолжаешь любить ее. Мудрено что-то любить кого нибудь послѣ десяти-лѣтней разлуки. Мудрено ли, вѣтъ ли, а къ стыду моему я должна признаться, что сердце мое крѣпко бьется, при мысли, что завтра я свидусь съ нею. Да, завтра найду и парету четверкой, наряжу Антипа въ ливрею... Антипъ! Антипъ! тутъ позовалъ я его, до меня доходило только тяжелое храпѣніе его. Онъ былъ, разумеется, пьянъ. Тутъ только вспомнилъ и бездѣлцу, что не знаю адреса Лизаветы Михайловны. Меня обдало холоднымъ востомъ; видно я не на шутку былъ занятъ ею. Однако въскорѣ припомнилъ я, что имѣю въ Петербургѣ двоюродную сестрицу, которая знаетъ все и всѣхъ; она навзлустъ помнитъ, кто гдѣ живетъ изъ лицъ, маломальски ей знакомыхъ, у кого сколько дѣтей, сколько лакеевъ, вьютъ ли кучера, часто ли выѣзжаютъ господа со двора, ссорится ли баринъ съ барыней, и за что, имѣетъ ли барыня любовниковъ или вздыхателей, ѣздитъ ли баринъ къ... словомъ, она знаетъ все. И такъ, кузица выведетъ меня изъ бѣды, у ней узнаю гдѣ живетъ Лизавета Михайловна. Еслибъ не пролягала подагра, право я похвалъ бы сегодня, смертельная скука сидѣть одному въ трактирной комнатѣ, не имѣя ни книгъ, ни занятій, но еще скучнѣе гораздо сидѣть вдвоемъ съ подагрой! а если прибавить къ этому шумное со-

сдѣство, то, право, подѣ часъ проклянешь того, кто выдуналъ трактиры.

Ономо обѣда востадна моя выгѣхала со двора. Я вздохнулъ свободнѣе; уши начали отадыхать. Наслыу добудимся Ангиша и пьянаго послаалъ его за обѣдомъ. Черезъ полчаса принесли мнѣ, вмѣсто обѣда, порцію кофѣ.

— Это за чѣмъ? спросилъ я.

— Вашъ человекъ приназалъ.

— А вы слушаете пьянаго дурака?

— Вѣдь вы изволили послать его...

— Дайте мнѣ обѣдать, сказалъ я на-скоро, догадавшись, что съ досады сказалъ глупость. Во время обѣда моего возвратился мой сосѣдь. Онъ, кажется, былъ на что-то сердитъ, потому что швырлялъ разными вещами по комнатамъ и гнѣвно произносилъ слова: «Палата, члены, секретарь!» По этому не мудрено было догадаться, что у него есть дѣло въ какой-то маматѣ, но въ какой?... да Богъ съ нимъ, что нужды.

Отъ нечего дѣлать принялся я снова мечтать и, разумеется, снѣтъ о Лизаветѣ Михайловнѣ. Отъ чего бы мнѣ не жениться на ней (если она согласится)? Снажутъ, что я старъ, но вѣдь пятьдесятъ лѣтъ не Богъ же знаетъ какая старость, я еще бодръ, и еслибъ не подагра, то хотя бы мазурку итти танцовать, да и подагра вѣдь не всегда мучитъ меня, а только раза два въ мѣсяць и то иногда не больше четырехъ дней. Два года тому назадъ женился Б***. Правда, надъ этой свадьбой смѣялись и я первый умиралъ со смѣху, но за то ему было 68 лѣтъ, а нежѣсть его 20; мнѣ же только 50, и Лизаветѣ Михайловнѣ 30. Въ такой свадьбѣ не вижу и ничего

сидящего. Право, еслибъ она согласилась, то мнѣ кажется, я бы рѣшился, не думая много. Посмотришь, что будетъ; завтрашнее свиданіе можетъ развязать много узловъ. Каковъ будетъ ея пріемъ, что она мнѣ скажетъ?... Конечно, я готовъ увидѣть ее нѣсколько постарѣвшею, но черты лица не могли измѣниться въ 10 лѣтъ, а что главное, неизмѣняемое, это душа, которая такъ сливается съ моею, это взглядъ ея на міръ, такъ явно сходствующій съ моимъ взглядомъ.

Пуфъ — ахъ, Господи, какое наказаніе, раздалось у моего сосѣда.

Подлинное наказаніе, подумалъ я, слушать эти жалобные вздохи. И больно и досадно. Бѣдный сосѣдъ, видно по вечерамъ бываетъ ему плохо.

— Антипъ! а Антипъ! опять спитъ.

Добудился Антипа.

— Поди въ контору, узнай, кто такой живетъ возлѣ меня въ 6-мъ номерѣ, что все охаетъ. Черезъ нѣсколько времени Антипъ вернулся и наговорилъ мнѣ такого вадора, что не было возможности добратъся малѣйшаго смысла. — И такъ подождемъ, въ 9 часовъ принесетъ мнѣ трактирный слуга чаю, онъ удовлетворитъ мою любознательству. Надобно также узнать мнѣ имя моей сердитой сосѣдки, чтобы въ случаѣ встрѣчи съ нею воостеречься ея медоваго языка.

Чай прибылъ ровно въ девять часовъ.

— Скажи, пожалуйста, любезный, спросилъ я, кто такой живетъ возлѣ меня въ 6-мъ номерѣ?

— Вотъ тутъ-же? отвѣчалъ слуга, указывая на замертвующую дверь.

— Да, да, братецъ.

— Это прѣзжій-сь, господишъ Кошингъ...

— Какъ?

— Кошингъ-сь, помѣщикъ.

— А откуда онъ?

— Кажись изъ Рязани.

— Малешкой ростомъ, черноволосый?

— Точно такъ-сь.

— А какъ его зовутъ по имени и отчеству?

— Илья Гавриловичъ.

— Ну, такъ и есть, это мой сосѣдъ. А давно заѣсъ живеть?

— Вотъ ужъ осмой мѣсяцъ пошелъ.

— А тутъ, съ другой стороны?...

— Дядишка, любезный дядишка, раздалось въ комнатѣ и черезъ секунду у меня на шеѣ висѣлъ осьмнадцатилѣтній племянникъ Петя. Я обнялъ его отъ души и забылъ въ первую минуту роль сердитаго, бранчиваго дяди, которую обѣщалъ отцу его разыграть въ совершенствѣ. Петя добрый мальчикъ, хотя и вѣтренъ.

— Откуда ты узналъ, что я прѣхалъ? спросилъ я племянника.

— Я зналъ, что вы должны быть, и вотъ ужъ другой день, какъ хожу по всѣмъ трактирамъ справляться, не прѣхали ли вы.

— Ага, плутишка, вѣрно деньги очень нужны!

— Конечно нужны, но я не для денегъ...

Полно, братецъ, что секретничать, ну что тебѣ за охота оттаптывать ноги, чтобы сыскать стараго дядю — вортуна.

Два дня съ Демут. тракт.

Тутъ племянникъ началъ изліяніе чувствъ своихъ ко мнѣ, чувствъ любви и преданности, которыми я повѣрилъ до такой степени, что разнѣжился отдать ему письмо съ деньгами отъ отца его безъ всякой головомойки, какъ то слѣдовало. Будучи однажды владѣтелемъ золотого руна, за которымъ племянникъ мой принималъ походъ по Петербургскимъ трактирамъ, онъ посидѣлъ у меня недолго, извиняясь тѣмъ, что звали куда-то на вечеръ. О молодежь, молодежь! всегда и вездѣ одна и та же!

Рѣшившись на слѣдующій день посѣтить Лизавету Михайловну и желая явиться къ ней въ приличномъ видѣ, я долженъ былъ осмотрѣть свой гардеробъ. Антипъ, благодаря Бога, проспался къ одиннадцатому часу. Чемоданъ мой вытребованъ на сцену. Коричневый фракъ оказался весьма хорошимъ, только отъ дороги нѣсколько помятымъ. Для исправленія этого недостатка Антипъ предложилъ вытереть его сырой губкой и развѣсить на ночь, что и было исполнено. Черный бархатный жилетъ былъ также назначенъ для завтрашняго туалета. Все было сдѣлано, оставалось одно главное обстоятельство. Ливрѣя и шляпа Антипа были хороши, но на него самого была плоха надежда. Ну, какъ да онъ напьется также какъ сегодня? Пропалъ тогда весь мой церемоніальный поѣздъ. Но что же прикажете дѣлать? — Просить, мало толку, грозить еще меньше, да и чѣмъ грозить? — Тѣмъ, что я его отправлю прочь? но Антипъ очень хорошо знаетъ, что онъ мнѣ необходимъ какъ воздухъ, что я безъ него пропалъ, — онъ пятнадцать лѣтъ служилъ мнѣ. Правда,

что изъ 365 дней въ году онъ прослуживаетъ мнѣ не болѣе 265, ибо остальные сто лежить почти безъ памяти, но онъ честенъ и я привыкъ къ нему. И такъ, что же дѣлать? Затронуть его честолюбіе, а остальное предоставить случаю. Въ слѣдствіе сего я началъ такъ:

— Антипъ, не стыдно это тебѣ пьянствовать?

— Когда я, сударь, былъ пьянъ? слава Богу, вятнадцать лѣтъ вамъ служу, когда я былъ пьянъ?

— Не грѣхъ ли тебѣ, Антипъ, а сегодня?

— Сегодня, что вы Алексѣй Ивановичъ?

— Да, сегодня, сколько разъ я тебя будилъ?...

— Не диво, сударь, что человекъ съ дороги уснетъ, вѣдь не шутка три ночи не спать.

— Да тутъ дѣло не въ снѣ, а въ томъ, что ты былъ пьянъ и всѣ мои приказанія исполнялъ шиворотъ на выворотъ.

— Да вы мнѣ ничего и приказывать-то не изволили.

— А обѣдъ?

— Ну чтожь? развѣ вы безъ обѣда остались? слава Богу, я еще въ своемъ умѣ, не дамъ вамъ голодать.

— А кто тутъ возлѣ насъ живетъ?

— Какое намъ дѣло, Алексѣй Ивановичъ?

— Да вѣдь я тебя посыламъ узнавать!

— Никакъ нѣтъ-съ, запомнили.

— Ну положимъ, хорошо. Слушай же теперъ что я буду тебѣ говорить, да потомъ не увѣрай меня, что не слышалъ, что я запомнилъ.

— Что я глухой что ли, или безпамятный? скажите, такъ не бось, не забуду.

— Приготовь твою ливрею и шляпу...

— Слушаю-сь.

— Найми мнѣ двумѣстную карету четверкой.

— На утро или на весь день?

— На утро.

— А ѣзда велика будетъ?

— Ну, разумеется, не на мѣстѣ стоять.

— Понимаю, сударь, да куда изволите ѣхать?

— Я и самъ не знаю.

— Слушаю-сь.

— Ну, смотри же, Антипушка, исполни все аккуратно.

— Кажется я, сударь Алексѣй Ивановичъ, всегда бываю аккуратенъ.

— Да, да, хорошо, только завтра отличись, карету найми хорошую.

— Слушаю-сь, слушаю-сь, все будетъ исправно. Больше ничего не угодно?

— Сними сапоги, я лягу спать.

— А персти овечьей къ ногѣ прикажете?

— Нѣтъ не нужно, слава Богу, боль уменьшилась.

Антипъ вышелъ, а я собрался спать. Вчерашняя вечерняя сцена у моей сосѣдки повторилась снова, но, на сей разъ, я былъ такъ умученъ бессонницей прошлой ночи, что возгласы барыни не долго звучали въ моихъ ушахъ. Я заснулъ, убаюкиваемый пріятными сновидѣніями. Лизавета Михайловна не оставляла меня ни на минуту. Наше свиданіе было нѣжное; я уже заговаривалъ съ нею о моихъ намѣреніяхъ; она слушала меня, краснѣя, но не сердясь на меня, я читалъ въ глазахъ ея, въ этихъ чудесныхъ, обворожительныхъ гла-

захъ согласіе... И тутъ я проснулся. Ночь уже миновалась. Большой, мокрый снѣгъ валялъ на улицѣ. Вошелъ въ комнату Антипъ, слава Богу, трезвый.

— А что, Алексѣй Ивановичъ, сказалъ онъ, снимая фракъ со спинки кресла, вѣдь не худо мы выдумали, фракъ-то какъ новый.

— А карету нанялъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, вѣдь еще больно рано. Когда изволите ѣхать?

— Часу въ одиннадцатомъ.

— Ну, а теперь еще девятый.

— Смотри не опоздай.

— Чтобъ я опоздалъ, эхъ, батюшка Алексѣй Ивановичъ, грѣшно вамъ это говорить, кажись, я всегда все во время дѣлаю.

— Хорошо, принеси мнѣ чаю.

Во время питья чаю и занятій по туалетной части, я подумалъ, что передъ выѣздомъ къ кузинѣ успѣю еще навѣстить сосѣда моего Кошкина, и узнать, что онъ подѣлываетъ. Онъ поѣхалъ изъ Рязани въ Петербургъ и думалъ вернуться черезъ шесть недѣль, а вотъ ужъ слышно осьмой мѣсяць живетъ. Хорошо! Туалетомъ моимъ занялся я тщательно, галстухъ повязалъ новый, пуговочки къ рубашкѣ пристегнулъ съ изумрудами, перчатки напялилъ желтыя, прошелся по комнатѣ... Право, мнѣ бы на видъ никто не далъ болѣе сорока лѣтъ. Да вѣдь Лизавету Михайловну не надуешь, она очень хорошо знаетъ, что мнѣ было 30 лѣтъ, когда ей было 16, счетъ навести не мудрено и безъ большой матема-

тмки. Ну, да она, глядя на меня, можетъ быть, скажетъ: «Il est très bien conservé!» и то ужъ хорошо. — Антипъ! шляпу! Я зайду къ сосѣду, а ты надѣнь ливрею и приходи туда. Хороша ли карета? хороши ли лошади, опрятно ли одѣты кучера?

— Все въ отличномъ видѣ, Алексѣй Ивановичъ, сами увидите, да спасибо мнѣ скажете.

— Хорошо, шубу!

Кошкина засталъ я за письменнымъ столомъ, увидя меня онъ вскочилъ со стула.

— Алексѣй Ивановичъ!

— Илья Гавриловичъ!

— Какъ поживаете?

— Какими судьбами?

И пошли вопросы безъ отвѣтовъ.

Кошкинъ увѣрялъ меня, что онъ, слава Богу, здоровъ, но что дѣло его ни съ мѣста.

Въ это время пришло мнѣ въ голову, посмотреть въ карманъ, не забылъ ли я письмо къ Лизаветѣ Михайловнѣ. Для этого отошелъ я къ окну и, продолжая говорить съ Ильей Гавриловичемъ, вынулъ изъ кармана портфель. Я нашелъ письмо и откладывалъ его въ особое отдѣленіе, какъ вдругъ слышанные мною вздохи поразили слова слухъ мой. Я быстро обернулся и чтожъ вижу? — Кошкинъ изо всѣхъ силъ надуваетъ эластическую подушку.

— Что вы дѣлаете? спросилъ я его.

Онъ кивнулъ мнѣ головою, продолжая свою работу. Лице его было налито кровью. Надувъ подуш-

ку совершенно туго, онъ тяжело вздохнулъ и произнесъ:

— Господи, какое наказаніе!

— Да что съ вами? за чѣмъ это?

Докторъ, батюшка, велѣлъ мнѣ сидѣть на этой подушкѣ, говорить, что при сидячей жизни полезно, а въ ней, въ проклятой, должна быть гдѣ нибудь дырочка; посиживишь съ четверть часа и опустится.

Признаюсь, я не могъ удержаться отъ смѣха, и рассказалъ Ильѣ Гавриловичу, какъ я жалѣлъ объ немъ, совѣтуя ему, во избѣжаніе чахотки, купить новую подушку. Слово за слово прошло съ полчаса. Мнѣ пора было ѣхать. Въ открытую дверь въ переднюю видѣлъ я моего Антипа, въ великолѣпномъ одѣяніи и съ важнымъ видомъ.

— Ну, прощайте, Илья Гавриловичъ, сказалъ я, пожимая руку Кошину, прошу ко мнѣ иногда заходить.

— Прощайте, прощайте, Алексѣй Ивановичъ, очень радъ, что съ вами повидался.

— Да, скажите ка, Илья Гавриловичъ, вы здѣсь старый жилецъ, кто такая дама живетъ возлѣ меня въ 4-мъ номерѣ?

— Въ 4-мъ? — Ваша знакомая Лизавета Михайловна Гринецкая.

— Какъ!? Гринецкая?! едва могъ я выговорить.

— Да, Лизавета Михайловна; какая она милая дама, зайдите къ ней, она прекрасно принимаетъ старыхъ друзей, добрая такая.

— Не помню, что случилось со мною въ эту минуту. Я вышелъ отъ Кошина, вынулъ изъ кармана письмо тётки, отдалъ его Антипу и сказалъ ему, чтобъ онъ отнесъ его вмѣстѣ съ грушами въ сахаръ въ 4-й номеръ.

Въ тотъ же день выѣхалъ я изъ Демутова трактира къ Кулому.

Баронъ Ѡ. Корфъ.

РАЗСКАЗЪ.

Разказъ.

1

10/11/11

11/11/11

Недавно — и именно 1738-го года, въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцовъ; утромъ, въ полдень или къ вечеру, все равно въ какую бы то пору ни было, въ Москву въѣзжала *покошая коляска*. Не сама она въѣзжала, а везла ее четверка добрыхъ лошадей. Какъ ни измучены были кони, пройдя, какъ казалось, дальнюю дорогу, но кучеръ не щадилъ ихъ и поуждалъ ему привычныя средство, чтобы они шли скорѣе и не очень бы засматривались на невиданный ими доселѣ городъ.

На заставѣ . . . вотъ уже не знаю, были ли въ то время заставы, для узнанія о привѣзжающихъ и выѣзжающихъ, и что за люди были опредѣлены къ заставамъ, не умѣю вамъ сказать, потому, что я въ тѣ годы не бывалъ въ Москвѣ, не отъ лѣности или неуваженія къ священной столицѣ нашей, а по самой пустой причинѣ, потому что въ то время еще не родился. Полагаю, впро-

чемъ, что заставы были уже тогда учреждены, и при нихъ были приставы и конечно изъ военныхъ. И такъ, на заставѣ, эту поковую коляску останавливаетъ солдатъ и спрашиваетъ:

«Кто ѣдетъ?»

Сзади коляски увязаны были чемоданы, перины и еще не помню что, но только всего многое множество; а на всей этой кучѣ сидѣлъ человекъ въ малороссійской черкескѣ, подпоясанный пестрымъ поясомъ, въ смушковой шапкѣ, не смотря на лѣтній жаръ. Погрязши въ связкахъ, человекъ этотъ мало заботился куда его везутъ; онъ зналъ по опыту, что какъ бы онъ ни располагалъ, какъ ни рассуждалъ, а все его привезутъ туда, куда хотятъ другіе; а не онъ, и потому, не заботясь ни о какихъ послѣдствіяхъ, спалъ своейно на безпокойномъ ложѣ и потому не отвѣчалъ на вопросъ служиваго.

Не получивъ никакого отвѣта, солдатъ вынужденъ былъ приказать остановить едва шагающихъ лошадей, а самъ присталъ плотнѣе къ невнимающему, и растолкавъ его, кричалъ уже:

«Спрашиваютъ тебя, чучело заморское, кто это ѣдетъ?»

Раскрывъ глаза, посмотрѣлъ онъ на солдата, окинулъ взоромъ всѣ предметы, съ удивленіемъ глядѣлъ на городъ, зѣвнулъ громко, протеръ глаза, досталъ изъ кармана рожокъ съ табакомъ, и сталъ нагрушивать себѣ на ладонь, все посматривая на городъ и съ удивленіемъ сказалъ: «*Дивись!* уже и приѣхали!... Такъ это то Москва? — Фить-фить... и конца ей не видно!...»

«Будешь ли ты мнѣ отвѣчать, образина?» вскричалъ солдатъ грозно, ударивъ его по рукѣ, разсыпавъ табакъ. «Спрашиваютъ тебя, кто ѣдетъ?»

Пріѣзжіи вынужены на него заспаные глаза, долго смотрѣли молча, потомъ вскрикнулъ: — за что жъ ты бьешься? — Слова не сказалъ, а уже и на драку. Уже издавно Москаля. —

«И тебя десять разъ спрашиваю, кто это ѣдетъ?»

— Кто ѣдетъ? — повторилъ онъ вопросъ и, доставъ снова табакъ, съ наслажденіемъ нюхалъ его; — Не знаешь развѣ? Это, голубчикъ, ѣдетъ панъ нашъ. —

«Да кто онъ такой?»

— Вотъ! не знаешь Кондратія Ивановича? —

«Чинъ скажи и прозваніе?»

— Чина не скажу. Они не служащіе. А прозванія? Прозванія господскаго не смѣю, братъ, и выговорить. Я ему не ровня. —

«Откуда онъ ѣдетъ?»

— Изъ Долгалевни. —

«Что это городъ, что ли?»

— Хе, хе, хе, хе! Городъ? Будто и не знаетъ.

Село. —

«Пронька! За чѣмъ остановились?» раздался голосъ изнутри покоевой коляски.

— Вотъ Москаль присталъ и съ мѣста не пускаетъ. Вынытываетъ кто мы и откуда ѣдемъ. — Отвѣчалъ Пронька и расчехвши, что уже не онъ, а самъ панъ въ отѣтъ, нырнулъ въ прежнее мѣздо свое.

Солдатъ, желая скорѣе кончить дѣло, обрадовался отзыву самого барина и, подошедъ къ коляскѣ, сказалъ

въжливю: «Не узнавши ничего отъ вашего слуги, обезпокою васъ вопросомъ, чинъ вашъ, имя и прозваніе? Отколь изволите ѣхать, куда и по какой надобности?»

— Я, голубчикъ, бунчуковскій товарищъ, Кондратій Ивановичъ, ѣду изъ своего села Долгалёва, въ столичный городъ Санктпетербургъ, по надобности взрослога сына моего Петра, представить въ военную коллегію, для опредѣленія въ сухопутные солдатскіе полки. — Пошелъ! — крикнулъ было бунчуковскій товарищъ на своего кучера, но солдатъ просилъ повременить, пока онъ все прочишетъ.

Записавъ что ему вздумалось, онъ опять повторилъ: «Какой же чинъ вашъ?»

— Бунчуковскій товарищъ. Я уже сказалъ тебѣ. —
«Нешто это чинъ?»

— Толкуй съ нимъ. Приважки пустить насъ. Конечно чинъ. —

И по мацію пристава, покосная коляска тронулась съ мѣста и въѣхала въ улицы первопрестольной Москвы.

«Ну, братцы! вѣкъ жизни, дѣкъ удачи, а все дуракомъ умрешь, — сказала, по отъѣздѣ волонки, спрашивавшій служивый.» Есть въ арміи и фендрики, и ротмистра, и другіе курьозы, а такого чина я не знаю. Восемнадцать лѣтъ на службѣ, а не приводилось мнѣ слышать такого ранга. Не знаю какъ и записать.»

— Эхъ, Михалычъ! и грамотенъ ты, и воевать довольно, а дѣла то не понялъ, — сказала одна изъ товарищей его. — Вѣдь онъ не изъ нашихъ, онъ малороссіянецъ. Я тотчасъ спросилъ кто онъ, лишь завидѣвъ чучелу, что за колымагою сидитъ.

«Нечто ты знаешь ихъ вдоволь?»

— Вотъ! Проходя съ графомъ Минихомъ, когда шелъ Очаговъ, такъ мы чрезъ малороссійское государство шли. Посмотрѣлся у нихъ всего. Знаю ихъ вдоль и поперекъ.

«Сними же мнѣ на милость, что это бунчуковъ товарищъ, чинъ ли это и въ какомъ рангѣ?»

— Оно то конечно чинъ и важный, да ихній, малороссійскій. — Видь они что турки, али татары, другой народъ и языкъ у нихъ свой. А это: слыжалъ, что бывають у турковъ наши бунчуковые, это въ рангѣ нашего генерала. Вотъ они и у малороссійцовъ есть, а это товарищъ бунчуковаго паша. Теперь поминашъ, кто онъ? —

«Понялъ. Ахъ, да онъ важная особа, а ны ему решенту не отдашь. — Да нешто и малороссійцы бесурманы?»

— Не ато же, не наши же русскіе. Какъ онъ станетъ тебѣ по своему тарабарить, ничего не поймешь. Чисто по-турецки. Я ихъ узналъ хорошо. А плуты какіе! Нашихъ болятся крѣпко. Чтобы отдѣлаться къ намъ, настроили церквей и крестъ на себя владуть; придеши къ нимъ на квартиру, первое угощеніе — сало, свинина; мы-де-не-басурманы. — Чортъ имъ вѣрить. Видишь, есть и бунчуковые наши и товарищи, а самой большой зоветъ «гётманъ» какъ у турковъ султанъ. Я говорю, все одна вѣра...

И тутъ распространился разсказчикъ въ дальнѣйшихъ подробностяхъ о жизни «Малороссійцовъ» какъ называли тогда, судя по языку ихъ, называли нѣкоторые

слова, и прочее все, съ тѣмъ же точностью, какъ и теперь пишутъ и печатаютъ нѣкоторые.

А между тѣмъ, покоеши колески въѣхала въ городъ. Кондратій Ивановичъ остановился у знакомаго. Потомъ съ сыномъ своимъ, Петромъ, молодцомъ въ восемнадцать лѣтъ, ростомъ двухъ аршинъ и десяти вершковъ, ходили по городу, осматривали все достопамятности, лучшие улицы, любовались строеніями, молились въ монастыряхъ. Что поражало молодого человека, онъ разспрашивалъ у отца и тотъ изъяснялъ ему что зналъ. Въ соборахъ помолились; осмотрѣли царь шуйску, славили на великаго Ивана; смотрѣли отсюда внизъ... отецъ, не въ первый разъ пріѣхавшій въ Москву, следовательно и не въ первые взобравшійся на эту колокольню, объяснялъ сыну, что копящіе видку люди совсѣмъ не такъ малы, какъ кажутся съ высоты. Разсказывалъ исторію построенія Ивана великаго, Сухаревой башни и повелѣ сына къ рѣкѣ, посмотрѣть какъ выгружаютъ барки, разводять живой мостъ...

Проходя туда, сынъ замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ большое стеченіе народа и спросилъ отца пойдти и посмотреть, что тамъ происходитъ.

«Нѣтъ, Петръ! — сказалъ отецъ, — туда не поведу тебя. Тамъ штрафуютъ виновныхъ.»

— А какъ ихъ, батюшка, штрафуютъ? —

«Извѣстно, по заслугамъ. Рубятъ головы, вѣшаютъ. Кто какъ заслужилъ.» И видя, что сынъ его вздрогнулъ и даже измѣнился въ лицѣ, повелѣ его въ противоположную сторону. Видѣли и осматривали все привозимое на баркахъ, разспрашивали, что откуда доставляется, по чьей

что случается; и многие, многое они разсматривали по Москвѣ нѣсколько дней.

Потомъ, когда отецъ окончилъ всѣ свои дѣла, выѣхали въ свой путь, и безъ приключеній прибыли въ Санктпетербургъ. Тутъ отецъ, въ силу данной еще дома оцѣдки, поспѣшилъ представить сына въ военную коллегию, и имѣлъ удовольствіе узнать, что сынъ «по должномъ осмотрѣ, написанъ реитаромъ въ новый гвардіонный полкъ, называющійся конногвардейскимъ.» Тамъ писалъ онъ къ пріятелю своему и просилъ сообщить это извѣстіе женѣ своей, пусть-де-и ея материнское сердце обрадуется, что наше рожденіе, ея трудъ и болѣзнь, а мои хлопоты и заботы были не вѣще: Петръ нашъ вывелъ на дорогу и будетъ человѣкъ.»

Все шло дашло своимъ порядкомъ. Кондратій Ивановичъ въ некоей коллѣжѣ и Пиронка за коллежкою, воротились безбѣдно домой.

И тогда уже водился такой же порядокъ, какой существуетъ нынѣ и кажется не измѣнится долго, что человѣкъ, проживши на свѣтѣ, умираетъ себя пренорядочно. Тамъ поступилъ и Кондратій Ивановичъ. Воротился домой, какъ уже пожелъ на свѣтѣ, то и умеръ благополучно. Жена его, какъ мать, желавшая всегда, чтобы единственнымъ сыномъ ея неотлучно былъ при ней, поручала писать отъ имени своего письма (тогда не прилично было женщинамъ умѣть даже читать, не только чтобы писать), наполненные убѣжденіями, совѣтами, требованіями, чтобы сынъ бросилъ все и выхлопоталъ бы себѣ чистую отставку. «Я стара, слаба, — такъ диктовала она пишущему за нее: — не могу усмо-

треть за твоимъ добромъ, а его дного. Собораться же на прикащиковъ — и не говори; оберуть, обфрандуть, и ты, прихвасты, не найдешь ничего, а воя найдешь съ котлами.

Петръ Кондратьичъ, вкусившій дню сладость свободной жизни, а притомъ, не имая къ себѣ нисколько воинственнаго духа, вѣрнѣе тяготился военною службою. Онъ не подражалъ честолюбцамъ, все переносившимъ, лишь бы достигнуть желаннаго чина (тогда не было меньшихъ орденовъ) или лестной должности; все впрочемъ, всѣ его мысли устремлены были къ одной цѣли: каземъ бы то ни было случаемъ, но выйти въ отставку, что тогда очень трудно было или, лучше сказать, невозможно. Одна близость дяди право просить о томъ, и надобно было подвергнуть себя освидѣтельствуванію въ полномъ присутствіи военной коллегіи и по ея заключенію ожидать рѣшеній.

Особенный случай помогъ нашему Петру Кондратьичу. Три недѣли и всѣ члены коллегіи, по точномъ свидѣтельствѣ, признали его незамечнымъ и дали абшиду на чинскую отставку, т. е. что бы, по близости своей, никогда не потребуетъ на службу.

Зажилъ Петръ Кондратьичъ въ деревнѣ прихвастычн. Завелъ собачью охоту, улучшилъ лошадиный заводъ, устроилъ винокурню; вспоминая волю матери, женился и, изъ за круга семейства своего и любимыхъ занятій, не хотѣлъ знать, обитаемъ ли земной шаръ другими, кромѣ его, людьми.

Времяшло дашло. Уже Петръ Кондратьичъ близится къ старости, перешагнувъ за пятьдесятъ, окру-

жила семейство, старшая дочь замужемъ, другія готовятся къ тому же; сыновья въ пикантерныхъ юнкахъ... не хотѣлъ бы знать людей, но какъ у него были славныя лошади, лхид собаки, красавья дочери, то его люди начали и заставили быть въ ихъ кругу. Свыкся Петръ Кондратьичъ скоро съ подобными себѣ. Живетъ и тѣшитъ жизнью.

Вотъ учреждаются въ Малороссіи три намѣстничества: кievское, черниговское и новгород-сѣверское. Въ 1780-мъ году быть открытію. Оповѣщено дворянство, чтобы всѣ съѣхались въ намѣстническій городъ и избрали бы себѣ положенныхъ чиновниковъ.

Дворяне того уезда, въ коемъ жилъ Петръ Кондратьичъ, совѣтуясь между собою, кого изъ какой должности избрать, рѣшили, что въ уездные судьи всѣхъ лучше избрать Петра Кондратьича. Опъ-де рѣсту высекаго, гортань завидная, какой бы ни поднялся крикъ на ометѣ, голосъ его покрываетъ всѣхъ; при спорѣ отъѣзжихъ, онъ разбираетъ безпристрастно и присуждаетъ правдано... ему быть уезднымъ судьей, ему быть. Сказано и адѣлано.

Засѣлъ нашъ Петръ Кондратьичъ за красное сукно. Въ первомъ засѣданіи, по одному процессу, секретарь поднесъ ему готовую резолюцію на просмотръ. Петръ Кондратьичъ и читать ее не сталъ, швырнулъ въ глаза секретарю и сказалъ: — «Ты не вошавай меня въ дурни, расскажи мнѣ дѣло порядкомъ, да не прибрепи ничего, по самой истинѣ изложи, а я скажу резолюцію, тогда уже ниши. Вотъ и луть ты написалъ, чортъ знаетъ, что. Такъ и такъ и такъ напиши.»

— Никакъ невозможно, — отвѣзаетъ секретарь, — укажь гласить...

«Брехня! не можно, чтобы указъ гласилъ неправду. Перерой въ эти книги, вѣрно найдешь указъ въ такой силѣ, какъ я говорю. Указы пишутъ по правдѣ; а мое сердце говоритъ, что такъ должно рѣшить какъ я говорю, и потому долженъ быть указъ. Ищи, переискивай, а я противъ сердца не подпишу.»

• Сколько ни представлялъ секретарь, что законныхъ книгъ много, если всѣ пересматривать, то нужно много дней, и въ заключение «честью своею» клялся, что приведенный имъ указъ самый правильный...

«Не вѣрю, — кричитъ судья, — ночью въ судъ, пока найдешь сходный съ моимъ понятіемъ. Онъ есть, долженъ быть. Ищи.»

И огорченный секретарь, перевернувъ нѣсколько книгъ, точно нашелъ указъ, сходный съ мнѣніемъ судьи, и тутъ же сказало, что по тому закону, какой привелъ было секретарь, впредь не судить.

«Видишь?» — сказалъ судья довольный собою, — прошу и впередъ ожидать отъ меня резолюцій, а своей не подгадывать, да помнить хорошенько указы: какого содержания спрошу, чтобы ты мнѣ тотчасъ и отыскалъ.»

Въ такомъ порядкѣ или дѣла въ томъ уздскомъ судѣ и хотя недовольные рѣшеніемъ брали на апелляцію, но верхній земскій судъ и даже самая палата утверждала рѣшенія суда.

Въ одно время, или секретарь не волюнъ доложилъ дѣло, или судья спышалъ домой, чтобы вѣхать на охоту,

не скажу навѣрное, что именно случилось; но только судья не думалъ о резолюціи; а согласился на предложенную секретаремъ и успѣхъ подписать опредѣленіе.

Дѣло взято на апелляцію. Бояться нечего, бывали прѣслѣдствія и всегда все оканчивалось къ чести суда.

Петръ Кондратьичъ просваталъ другую дочь, день свадьбы назначенъ и приближается. — Петръ Кондратьичъ утромъ занялся чѣмъ-то въ домѣ; такой себѣ веселливый, шутиливый, говорливый, что-то толкуетъ жентѣ о какомъ-то распроряженіи, а она, утѣшаяся его прибаутками, хохочетъ.

«Но... подождите, душечка;» — вдругъ сказалъ онъ: — «вотъ идетъ ко мнѣ секретарь. Отпущу его и доскажу остальное, вы одобрите мою мысль.» —

«Что скажете добраго, Трифоновъ Калиновичъ? Пожалуйте сюда. Такъ встрѣтилъ Петръ Кондратьичъ своего секретаря, и повелъ въ «кабинетъ.»

— Худо, Петръ Кондратьичъ, очень худо! — отвѣчалъ секретарь горестиво.

«Что тамъ такое?»

— Почта получена. —

«Ну?»

— Указы есть. —

«Ну?»

— Помните вы это проклятое дѣло о той землѣ, что у Артема Григорича съ казенными. —

«Помню. Такъ что?»

— Дошло до сената, палата по указу сената все наше опровергла, а насъ велѣла...

«Что же намъ?»

— Вѣдѣла опитраговать... —

Петръ Кондратьичъ поблѣднѣлъ какъ полотни, затрясся всѣми члѣнами, вырванъ платокъ изъ рукъ и не могъ произнести слова.

— Цожалуете въ судъ? — спросилъ секретарь жалкимъ голосомъ.

Петръ Кондратьичъ наконецъ вздохнулъ тѣжко... и это, можетъ быть, спасло его отъ удара... и едва могъ выговорить, и то самымъ цѣловнымъ голосомъ: — «А чего уже я пойду туда?... Конечно намъ все!... Идите, Трифонъ Калиновичъ! Теперь каждому до себя...».

Секретарь хотѣлъ еще что-то говорить, но видя, что судья самъ отворилъ ему дверь, отсылающъ его, рѣшился вытти и, изъ подражанія судьи, все вздыхалъ, пока вышелъ изъ дому.

Отпустивъ секретаря, первое дѣло было Петра Кондратьича, заперевъ двери на крючокъ, пасть предъ образомъ на колѣна... и лишь началъ читать первопринедшую ему на мысли молитву, то и зарыдалъ горько...

Долго продолжалась колѣнопреклонная молитва его!... цѣлая рѣка пролилъ онъ слезъ!... наконецъ всталъ, поднялъ руки къ образу и сказалъ: «Твоя, Господи, воля съ рабомъ Твоимъ! Не оставь меня въ часъ смерти и дай терпѣливо перенести всѣ муки. А теперь, благослови мнѣ предъ кончиною добро, Тобою мнѣ дарованное, распределить между остающеюся вдовицею моею и горькими сиротами, чадами моими!»

Отомкнулъ комодъ, перечелъ наличныя деньги, до-

сталъ векселя замятымъ у него деньгамъ, записку предковскому серебру, вещамъ, жемчугу, оидсь мѣдной и оловянной посудѣ, сирѣчь имѣнію недвижному и крестьянамъ, все это расположилъ на столѣ и доставъ чистой бумаги дѣсть, началъ писать... духовное завѣщаніе по случаю близкой, неожиданной и толико постыдной смерти.

Исполнивъ всуздленіе, приступилъ къ распредѣленію. «Первое вѣрному и вѣчному другу моему, Маринѣ Іосифовнѣ; законной моей супругѣ; чрезъ сорокъ два года сохранившей всю чистоту брака и пребывшей ко мнѣ на шаруниной вѣрности, за ея недлищенную любовь, послушаніе, уваженіе, благоразумные совѣты, терпѣливость при моемъ азартѣ, снисхожденіе при моемъ самовольствѣ и за всѣ ея нещчелныя добродѣтели, отказываю изъ имѣнія *такія* то части, а изъ вещей, любимыхъ мною *то и то*...» и такъ далѣе продолжалъ писать, назначая каждому изъ дѣтей часть; не забывалъ пріятелей, назначалъ и изъ нихъ, кому лошадь, кому собаку, кому ружье...

Каждый пунетъ своей духовной сопровождалъ онъ обильными слезами.

Марина Осиповна, какъ ни занята была по своей части, но подвила «что Петръ Кондратьичъ не договорилъ своего и очень нужненьяго при теперешнемъ дѣлѣ.» Ожидала, ожидала... наконецъ на цыпочкахъ подошла къ дверякъ «кабинета,» со всею осторожностью трокула замокъ, ... заверто изнутри. «Конечно дѣлами занимаются. Богъ съ ними,» и пріиялась за свои дѣла.

Если случилось, что не подадутъ обѣдать въ то время, когда солнце ударить прямо въ окна гостиной (въ домѣ не было никакихъ часовъ, а все дѣлалось по солнцу), что равнялось цѣловицѣ пераго, то Петръ Кондратьичъ уже и «сердятся» со стукомъ ногами о полъ, встрѣчнаго и поперечнаго шлюють за кушаньемъ; а тутъ уже и кушанье подано, Лаврушка, Бусетчикъ, не однократно подходилъ къ дверямъ «кабинета» и съвозъ дверь докладывалъ барину, что кушать подано, но баринъ «молчать и не выходятъ, а слышно содрать или вздыхаютъ.»

Нечего дѣлать Маринѣ Осиповнѣ, сама подошла къ дверямъ, постучала и сказала: «На столъ, душечка, давно постановлено. Дѣти и я ожидаемъ. Пожалуйте.»

Нѣтъ отвѣта и Петръ Кондратьичъ только вздохнулъ.

«Пожалуйте-же. Я и по сіе время ничего въ ротъ не брала... ужасно вѣсть хочется,» продолжала Маринна Осиповна, но отвѣта не было.

«Любимые ваши рубцы съ кишечками чтобъ не простыли. Идите скорѣе.» Отвѣта нѣтъ.

«Здоровы ли вы, душечка? — уже вскрикнула встревоженнымъ голосомъ Маринна Осиповна.» Бога ради, скажите, живы ли вы или нѣтъ?... Не раздирайте моей души! Я вся трясусь... сама готова умереть за вами!...» и рыданія прервали слова ея.

Въ кабинетѣ послышался шумъ. Петръ Кондратьичъ, не хотѣлъ вытти, чтобы не разсѣяться въ мысляхъ, не хотѣлъ показаться предъ Мариною Іосифовною, какъ онъ всегда называлъ ее, чтобъ не поразить своимъ раз-

строеными вѣдомъ; онъ самъ чувствовалъ, что въ это короткое время ужасно измѣнились въ лицѣ; потому-то, не открывая двери, изнутри «кабинета» сказалъ жепѣ: «Мнѣ, маточка, не до обѣда. — Дайте мнѣ заняться послѣднимъ распоряженіемъ и не приходите никто ко мнѣ, пока я самъ не выйду или не призову васъ.» И сказавъ это, принялся за свое дѣло.

Марина Осиповна вслеснула руками и, повѣсивъ голову, пошла къ себѣ. И она отказалась отъ обѣда и заливалась слезами разсуждала: серокъ два года, ни одного раза не обѣдали безъ мужа, и теперь не сяду; я не вдовца каваю. И лучший кусокъ въ горло не пойдетъ. Что у нихъ за дѣло такое случилось?... Правда, они мужчины; гдѣ намъ понять ихъ дѣла!»

Прикажетъ, осмотритъ что нибудь Марина Осиповна и опять въ свою спальню, всплакнеть, разсчитываетъ часы, сколько прошло ихъ, какъ она «находится съ мужемъ подъ одною крышею, а ихъ не видала. Словно въ эсортѣ съ ними — иди это слово къ врагамъ нашимъ! — чего, благодаря Бога, во весь мой замужній вѣкъ ни въ ни мысль не приходило.» Время идетъ, вечерѣетъ, Петръ Кондратьичъ не выходитъ. Выглянули было, приказали водить себѣ огня и снова замерлись.

«Домаха! Проходи дворомъ, приглянись, что баринъ дѣлаетъ?» приказывала Марина Осиповна своей горничной.

— Не видно ничего, сударыня! Ставши заперты, — возвратясь, донесла Домаха.

«Дура! вѣдь ты хонько на завалину, найди щелочку въ ставнѣ и высмотри все.»

Разсказъ.

Не скоро возвратилась Домаха и рассказала: — Баринъ изволятъ сидѣть за столомъ, а свѣча горитъ; передъ ними много бумагъ, а они все пишутъ, все пишутъ и меня не видятъ. А я все смотрю, а они, пописавши, да такъ и изволили заплакать, а я все смотрю, а они все изволятъ писать. Вотъ и все, больше ничего. —

«Ахъ, Мати Божія! что они это пишутъ?» — ломая руки говорила Марина Осиповна сама съ собою.

— Ужъ того не знаю, сударыня, что они пишутъ, а думаю слова, потому что напишутъ тамъ сколько, да и прочитаютъ себѣ тихонько, а я не слышу, все смотрю. —

«Боже мой, Боже мой! Когда бы уже скорѣе вышли, да разбили мою тоску!» горя говоря Марина Осиповна.

Какъ вотъ идетъ Лаврушка и сказалъ баринъ: «Пожалуйте, сударыня, туда, баринъ васъ спрашиваетъ.»

Еще и не выговорилъ Лаврушка всего, какъ уже Марина Осиповна очутилась у дверей кабинета, уже стучится въ дверь и говоритъ трогательно: «отворите, душечка; это я.»

Дверь отперлась, Марина Осиповна съ трепетомъ вошла... и... какой хитрый Петръ Кондратьичъ!... чтобы не смутилась она отъ его разстроеннаго вида, такъ онъ свѣчу взялъ и заставилъ такъ, чтобы самому быть въ тѣни. Марина Осиповна, не замѣтивъ такой его увертки, вошла и онъ сказалъ ей:

«Заприте, маточка, дверь на крючокъ и садьте подлѣ меня.»

Она исполнила.

Замѣтно было, что Петръ Кондратьичъ собирался что-то говорить и чуть ли не глоталъ слезъ, готовыхъ излиться изъ глазъ его въ изобиліи; вздохнулъ тяжело и наконецъ сказалъ:

«Марина Іосифовна! Сорокъ два года прожили мы съ вами. Супружескую жизнь провели мы въ обоюдномъ согласіи, цѣломудріи и спокойствіи.»

— Ну-те, душечка, такъ что? — спросила Марина Осиповна, недоумѣвая, къ чему поведетъ такое вступленіе.

«Въ эти важные для меня часы» — началъ торжественно Петръ Кондратьичъ: — «я долженъ говорить съ вами по всей истинѣ, безъ всякаго лицемерства. Во всѣ эти, счастливые для меня, годы, я сохранилъ къ вамъ всю супружескую вѣрность, всю чистоту брачнаго нашего ложа, сохранилъ на дѣлѣ... въ помышленіяхъ же человѣкъ не властенъ. Всѣ неподобныя представленія бываютъ отъ діавола, общаго нашего искуителя, но и въ этомъ совѣсть меня убиваетъ, и я прошу васъ въ томъ меня великодушно простить...

— Богъ знаетъ, что вы это задумали! Когда разбирать наши помышленія, такъ и я много... —

«Постойте же, не перебивайте меня, времени мало, и я еще не все окончилъ. Такъ въ помышленіяхъ только виненъ я предъ вами, моею законною супругою. Впрочемъ, я любилъ и чтилъ васъ во всю жизнь нашу, смотрѣлъ вамъ въ глаза, узнавая, чего вамъ желается; предугадывалъ ваши намѣренія и спѣшилъ исполнить ихъ, но... все таки какъ человѣкъ!... иногда, скажете

вы мнѣ что не помысли, а къ тому же и не подѣ часть, то я вриѣду въ досаду, пойду отъ васъ, дверью хлопну, но не дойду и до «кабинета» своего, какъ уже все сердце у меня и пройдетъ, ей Богу, правда, Стану разсуждать: вы женщина, сосудъ скудельный, дальняго разсудка вамъ не дано, а какъ поведѣно вамъ снисходить, Благоразумная такая мысль укрѣпитъ меня и я возвращаюсь къ вамъ съ обыкновенною, супружескою ласкою. Правда? Бывало такъ?»

— Бывало и неоднократно. Пожалуйте же, къ чему это ведетъ? —

«А къ тому, Марица Юсифовна, что мой долгъ былъ и къ сихъ преступленіяхъ совѣсть мою очистить предъ вами. Завтра не допустятъ меня поговорить съ вами откровенно. Теперь вижу, что вы прощаете мнѣ человѣческія мои слабости, то я сталъ покойнѣе. Завтра, пораньше только, когда бѣ пришли ко мнѣ дѣти съ вами и пригласите друга моего, Николая Тихоновича... ему поручу послѣднюю волю мою... и семейство мое, несчастное, опозоренное...» Тутъ Петръ Кондратычъ не могъ воздержаться и зарыдалъ громко.

Видѣ себя бросилась къ нему Марина Осиповна, начала унимать, уговаривать его, слезно просить, чтобы объяснилъ ей «отъ чего онъ такой чудный» раздѣлилъ бы съ нею все мучающее его, какъ и всегда дѣлывалъ съ своею помощницею въ радости и горѣ, не скрывать бы ничего...

«Постойте, стойте, маточка! Не развлекайте меня въ эти важные для меня часы. Скажу вамъ, что мнѣ многого труда стоило, начертать себѣ планъ, какъ ве-

сти себя въ это грозное время, и что за чѣмъ исполнять. А вы знаете мою натуру, что когда я съ предпріятого плана сойду, то ужъ и не попаду на путь. Не я долженъ вамъ открыть наше несчастье, ... вы завтра все узнаете... Будьте христіанкой, какъ и всегда... перенесите мужественно... сберегите себя для дѣтей и ихъ укрѣпайте... Теперь идите и примайте мнѣ большой акаѳистникъ. Эта ночь Богу, завтра нѣсколько часовъ семейству, а тамъ... воля Господня!... съ этими словами онъ вывелъ Марину Осиповну изъ «кабинета» и заперся...

Едва могла дойти въ свою опочивальню Марина Осиповна и пала на постель... Услыша воли и рыданія ея, сбѣжали дочери и другіе родные, гостившіе у нихъ, по случаю приближающейся свадьбы. Марина Осиповна, ничего имъ не объявляя, приказала слугѣ идти къ Николаю Тихоновичу и убѣдительно просить его, чтобы, оставивъ все, поспѣшилъ бы пожаловать къ ней; очень-де важное дѣло встрѣтилось. Между тѣмъ, по требованію мужа, послала къ нему большой акаѳистникъ и поручила вѣрной горничной прислушиваться, что будетъ слышно въ «кабинетѣ».

«Баринъ изволятъ Богу молиться,» были ежечасныя доносенія горничной.

Очень скоро явился Николай Тихоновичъ. Марина Осиповна ему, дѣтямъ и другимъ, гостившимъ у нея, рассказала все подробно, какіе они, т. е. Петръ Кондратьичъ, были утромъ веселенькіе «что-то приказывали мнѣ, да съ такими шуточками, что я животы порвала отъ смѣху... вдругъ пошли и — хлопъ! заперавъ

у себя въ «кабинетъ» и потомъ разсказала все подробно, что говорилъ ей мужъ.

Николай Тихоновичъ просилъ не безпокоиться, не тревожиться. «На него, конечно, нашла хандра — говорилъ онъ: — переспить, передумать, завтра встанетъ какъ встрепаный. Благо приказалъ намъ явиться къ себѣ, мы и соберемся, выслушаемъ, чего онъ желаетъ; если будетъ въ одинакомъ состояннн, то я шутками, прибабочками, разговорю его, развеселю и отдамъ вамъ на руки такого, какимъ онъ и былъ всегда. А вы, Марина Осиповна, ложитесь и почивайте покойно, не боясь ничего и ожидая всего хорошаго отъ завтрашняго утра.»

Николаю Тихоновичу можно было сказать Маринѣ Осиповнѣ, будьте покойны, но ей исполнить того не было никакой возможности. Всю ночь не ложилась она, а провела у дверей кабинета, и слыша въ немъ раздающійся голосъ мужа, читающаго довольно громко молитвы, сама клала за нимъ земные поклоны и молилась объ избавленнн отъ какой-то бѣды.

Къ утру только Петръ Кондратьичъ притихъ и, казалось, уснулъ. Марина Осиповна перебудила дѣтей, приготовила ихъ, чтобы, по первому призыву, вошли къ отцу съ веселыми лицами. Скоро явился и Николай Тихоновичъ.

Не успѣла она собраться, какъ уже Петръ Кондратьичъ и проснулся. Выглянувъ въ дверь, спросилъ: «проснулась Марина Юсифовна?»

— Я здѣсь, и дѣти, и Николай Тихоновичъ, — сказала жена.

«А! видно скоро послѣдуетъ, когда такъ спѣшно собрались,» подумалъ себѣ Петръ Кондратьичъ, вздохнулъ и, отворивъ дверь, сказалъ: «Идите же всѣ сюда.»

Всѣ вошли свободно и съ покойными лицами. Николай Тихоновичъ, и по своему обыкновенію, и какъ даль вчера слово, началъ было шуточками, но Петръ Кондратьичъ сказалъ ему важно и торжественно:

«Я пригласилъ васъ не для шутокъ. Времени мало и остающіяся мнѣ минуты долженъ я употребить на важнѣйшее, по лежащей на мнѣ обязанности христіянина, мужа, отца и хозяина. Николай Тихоновичъ, благодарю васъ за вашу испытанную дружбу и любовь. Ими услаждалась жизнь моя. Доказательство, что и я равномѣрно питалъ къ вамъ тѣже чувства, найдете вы въ этомъ пакетѣ. Это послѣдняя моя воля.» И съ симъ словомъ подалъ ему запечатанный пакетъ.

Николай Тихоновичъ расхохотался и принялся за свои шуточки, чтобы остановить его или выспросить, отъ чего пришли ему такія мрачныя мысли, но Петръ Кондратьичъ остановилъ его и просилъ, не мѣшать ему въ послѣднихъ распоряженіяхъ. «Я имѣю многое сказать; — говорилъ онъ: — времени мало, скоро придутъ.»

За тѣмъ приказалъ подавать къ себѣ названные иконы, благословилъ одною изъ нихъ жену свою и хотя своими словами, но очень трогательно описывалъ счастье свое въ супружеской съ нею жизни, благодарилъ ее за любовь, просилъ безропотно покориться волѣ Господней, не сокрушаться, беречь свое здоровье, устроить дѣтей какъ написано въ духовной... Потомъ благословилъ замужнюю дочь, за нею сговоренную, за-

очно сыповой. Каждому изъ дѣтей говорилъ наставленіе для жизни впередъ и все хорошо, здраво. Всѣ заливались слезами.

Николай Тихоновичъ неоднократно хотѣлъ все это прекратить, но, посмотрѣвъ пристально въ глаза ему, махнулъ рукою и отошелъ въ сторону, давая знаки и другимъ, чтобы не противорѣчилъ никто. Потомъ, подумавши и не дожидавшись конца трогательной этой сцены, вышелъ.

Уже на вавунѣ вся дворня знала, что «съ бариниомъ что-то стало», а теперь разнеслось, что баринъ умираетъ и прощается съ барынею и дѣтими. Всѣ, отъ мала до велика, и старъ и младъ, всѣ нахлынули «прощаться съ умирающимъ бариниомъ.» Каждый по очереди кланялся ему въ ноги, цѣловалъ илѣ, руки и своими словами изъявлялъ сожалѣніе, дивился такому дѣлагу, милостиваго барина. Предстоящіе рыдали,

Увидѣвъ, обратившися къ нему дворню и видя всѣхъ плачущихъ, Петръ Кондратьичъ подумалъ: я никому не объявлялъ о моемъ несчастіи, а уже всѣ знаютъ. Видно увидали приготовленія. Да и семья моя уже не расширявается ничего, а только горько плачутъ всѣ. Конечно имъ объявлено. Теперь уже скоро придутъ за мною. — Господи, уириши меня! — Вотъ же и Николай Тихоновичъ опять пришелъ. По врачному лицу его, вижу, что часъ настаетъ и онъ хочетъ меня приготовить. — А! и отати и Карлъ Францичъ. Прощусь съ нимъ и несомнѣтуюсь. Тутъ онъ началъ скорѣе отпускать дворовыхъ, наставляя и приказывая, слушать во всемъ барыню, вести себя честно, и прочъ, и прочъ.

Отпустивъ ихъ всѣхъ плачущихъ, просилъ онъ свое семейство оставить его одного съ Карломъ Француземъ. Николай Тихоновичъ обрадовался такому желанію и удалилъ всѣхъ изъ комнаты. Бѣдную Марину Осиповну, въ продолженіе этой сцены, безирестанно оттирали, а теперь почти вывели ее изъ кабинета.

Карлъ Французъ былъ вольнопрактикующій медикъ. Окончивъ ученіе въ одномъ университетѣ, онъ жилъ въ Брауншвейгѣ безъ всякой практики. Услыша, что въ Россію приглашаются медики, онъ, понадеясь на свое знаніе, въшиномъ пришелъ къ намъ; но стѣсненный на данномъ ему испытаніи, не получилъ мѣста и, чтобы какъ нибудь прожить на свѣтѣ, выбралъ себѣ городокъ полюднѣе, но подалѣе отъ намѣстническаго города. Изъ числа живущихъ тамъ многіе вѣрили ему свое здоровье, но уже не могли ничего сказать на счетъ знанія его, живые за нихъ говорили. А у Карла Французча уже и квартира изъ лучшихъ въ городѣ, мебель своя, дрожки, санки, пара лошадей, собственный кучеръ, подаренное все послѣ покойничковъ...

Николай Тихоновичъ, вышедши отъ Петра Кондратьича, пошелъ искать Карла Французча, скоро встрѣтилъ и привелъ его. Карлъ Французъ зналъ свое дѣло: тотчасъ схватилъ пациента за руку, задумался и началъ кивать головою, следуя за бисніемъ пульса; а посмотрѣвъ внимательно ему въ глаза, рѣзительно сказалъ: «А!» и началъ потирать себѣ руки.

Когда остались вдвоемъ, Петръ Кондратьичъ сказалъ медику: «Знаю, Карлъ Французчъ, что всякая смерть не пріятна, а насильственная одинаково нуче-

тельна, но все же одна другой легче. Скажи мнѣ на милость: что легче для человѣка, чтобы ему голову отрубили, или повѣсили?»

— Ммми! — подумавши, сказалъ медикъ: — то и то нѣтъ хорошо. —

«Знаю, это не хорошо, но которая легче?»

— Это больно (ударивъ себя по затылку), а это скверно (свернувъ пальцы и вертя ими подъялъ вверхъ), очень скверно. —

«Да которая скорѣе?»

— Ммми! — Эта, разъ! голова нашолъ; а эта хр... хр...хр... долго больна... —

«Я такъ и думалъ. Попроси ко мнѣ Николая Тихоновича.»

Докторъ вышелъ отъ больного и все семейство окружило его съ разспросами.

— Ммми, — долго подумавши, и показывая на лобъ, сказалъ докторъ: «у голова много тутъ... —

«Бога вы не боитесь, Карлъ Францовичъ! — вскрикнула Марина Осиповна, всмелснувъ руками; — говорить на нихъ, что они пьянелкiе. Они вчера цѣлый день ничего не кушали, а сегодня даже горячаго и на глаза не показывай. Они, какъ и здоровы бываютъ, то не любили напиваться...»

— Нѣтъ, не то говорить Карлъ Францовичъ, — сказалъ Николай Тихоновичъ.

«А что жъ такое? Я ихъ нѣмецкаго языка не разберу.»

— Помѣшательство... — сказалъ въ полголоса Николай Тихоновичъ.

«Ахъ, Мати Божія! — съ отчаяніемъ вскрикнула Марина Осиповна. Она тронулась съ ума?... Пропала я бѣдная!... и начала рыдать.

— Пойдите, пойдите еще, — сказалъ Николай Тихоновичъ. — Онъ зоветъ меня; я еще поговорю съ нимъ одинъ на одинъ; не образумлю ли его. —

«Много говори, говори, да; нѣтъ — ему не говори,» сказалъ важно Карлъ Францовичъ.

«Понимаю. Противорѣчить ему отнюдь не должно. И вы, Марина Осиповна, не спорьте съ нимъ. Вы его не образумите, а споривши болѣе раздражите.» Такъ сказалъ Николай Тихоновичъ и пошелъ къ Петру Кондратьичу.

Онъ нашелъ его въ большемъ прежняго смущеніи, безпокойствѣ и нетерпѣливости. «По видимому, припадокъ усиливается. Не должно раздражать противорѣчіемъ,» подумалъ онъ и, скрестивъ руки, сталъ противъ Петра Кондратьича и смотрѣлъ на него съ собо-лѣзнованіемъ.

«Я сей часъ совѣтовался съ докторомъ — началъ говорить Петръ Кондратьичъ; — и онъ по своей практикѣ знаетъ, что легче голову отрубить, нежели повѣсить.»

— Ну-те. Такъ что? — спросилъ его Николай Тихоновичъ, долго ожидая, что скажетъ далѣе больной.

«Такъ я дружбою моею закливаю васъ, — сказалъ страдалецъ: — пойдите къ доброму городничему и попросите его, чтобы не вѣшалъ меня, а приказалъ бы голову отрубить. Оно, знаете, покойнѣе... то есть, рѣшительнѣе, не такъ мучительно, а притомъ не такъ

безтешно, отрадило для моего несчастнаго семейства. Городничему же все равно; такъ или иначе, лишь бы лишилъ меня жизни, исполнялъ бы укавъ.»

— Конечно. Я надѣюсь, что онъ исполнитъ вашу просьбу. Но, скажите мнѣ, Петръ Кондратьичъ, — принималъ Николай Тихоновичъ, желая доискаться, на какомъ пунктѣ онъ помѣшался; я до сихъ поръ не знаю, за что постигло васъ такое несчастье? —

«За несправедливость! — сказалъ Петръ Кондратьичъ, тяжело вздохнувъ: — «я не обсудилъ дѣла и неосмотрительно подписалъ, какъ и всѣ мои товарищи. — Идите же скорѣе, спрашивайте городничаго. Я боюсь, чтобъ вы не опоздали. Чай у нихъ все готово.»

— Не безпокойтесь, любезный другъ, я все улажу къ спокойствію вашему... да вотъ, къ стати, сюда ѣдетъ самъ городничій... и кто еще?... Канитанъ - исправникъ... расправной судья... казначей... стряпчій...

«Все кончилось, часъ мой насталъ!» болѣзненно вскричалъ Петръ Кондратьичъ, вздохнувъ тяжело, взглянулъ на образъ и склонилъ голову.

Карлъ Францычъ, выйдя отъ Петра Кондратьича, за новость рассказалъ городничему, что уѣздный судья «на голова дурно, мѣшался.» Въ такомъ необыкновенномъ случаѣ, городничій, по званію градоначальника, приступилъ дѣйствовать форменно и рѣшительно. Пригласилъ къ себѣ первыхъ административныхъ въ городѣ чиновниковъ и предложилъ имъ, при помощи, освѣдѣтельствовать въ разумѣ уѣзднаго судью и, если окажется, что онъ помѣшалъ, то, подъ благовидными причинами, не допускать его къ исправленію должво-

сти, а составивъ за общимъ подписаніемъ протоколъ, донести чрезъ нарочнаго г. губернатору и просить дальнѣйшаго разрѣшенія.

И вотъ они, приглашавъ съ собою медика и появивъ чего онъ требуетъ чрезъ свое: «всегда, да» говори; «нѣтъ, не можно,» прѣхали всѣ вмѣстѣ къ больному.

«Пригласите мое несчастное семейство, хочу съ ними дома проститься!» едва слышимымъ голосомъ сказала страдающій.

Гости вошли, за ними введена Марія Осиповна, плачущая на взрыдъ, дѣти тоже; на нихъ глядя сбѣжалась дворня толкующая: «барникъ нашъ одурѣлъ; посмотримъ, что съ нимъ будутъ дѣлать.» Отъ того, кромѣ «кабинета» передня, стѣн, крыльцо, все наполнено было людьми, большею частью плачущими.

Сильно тронуло Петра Кондратьича такое участіе. «Что еще увижу на площади, около экифота,» такъ подумалъ онъ...

Чиновники вошли скромно, съ собогнмованіемъ смотрѣли на страдающаго. Услысь.

«Что? конечно все готово?» — спросилъ наконецъ Петръ Кондратьичъ, полагая, что отъ участія никто не рѣшается приступить къ дѣлу.

Какъ первое лицо въ собраніи, ворадевичій, помня наставленіе медика, не зная о чемъ спрашиваетъ. Большой, отвѣчалъ такимъ же плачевнымъ голосомъ: — «Все уже готово.»

— Прочіе уже тамъ? — спросилъ Петръ Кондратьичъ.

«Тамъ.»

— Одного прошу васъ, — началъ говорить Петръ Кондратьичъ, заливаясь слезами, на него глядя всё присутствующіе прослезались, а о Маринѣ Осиповнѣ уже и говорить нечего, — одного прошу васъ и какъ умирающей... полно, маточка Марина Иосифовна! Не рыдайте такъ, не рвите прежде моего сердца! Поберегите вопли, когда я буду отдавать вамъ послѣднее цѣлованіе? — Прошу васъ, г. городничій, и всѣхъ членовъ, исполнить мою послѣднюю волю. Не вѣшайте меня, а отрубите разомъ голову. Можно это исполнить? —

«Все будетъ по вашему желанію; -- сказалъ городничій. — Но я бы просилъ васъ, любезный Петръ Кондратьичъ, прежде ожидаемой вами казни, позвольте пустить вамъ кровь. Здѣсь и Карлъ Францычъ. Инструментъ у него отличный.»

Увидя, что Петръ Кондратьичъ на предложеніе городничаго изъявилъ на лицѣ неудовольствіе, дѣти, жена, чиновники, приступили упрашивать его, чтобы позволилъ дѣйствовать Карлу Францычу по наукѣ своей.

«Чудно вы разсуждаете! — сказалъ Петръ Кондратьичъ: — на что вамъ нѣсколько капель моей крови, когда черезъ часъ она вся прольется на площади. При томъ же, чувствую въ себѣ необыкновенное волненіе и крѣпость, и я въ такомъ состояніи перейду въ вѣчность; когда же вы пусканіемъ уймете волненіе въ крови, то я съ робостью приступлю въ смерти, и впаду въ уныніе... — А! Илья Трофимовичъ! Какими судьбами? На свободѣ и въ мундирѣ? Или и мнѣ, идя на казнь, должно надѣть мундиръ?»

Надобно знать, что этотъ Илья Трофимовичъ былъ

засѣдатель уѣзднаго суда, прїѣхавшій по дѣлу къ судья и, съ бумагою въ рукѣ, едва пробрался чрезъ толпу къ Петру Кондратьичу.

«Въ мундирѣ потому, что прямо къ вамъ изъ присутствія, — сказалъ равнодушно Илья Трофимовичъ, не обращая вниманія на знаки, дѣлаемые городничимъ и другими, чтобы онъ осторожно говорилъ съ больнымъ: — я не зналъ о нездоровьѣ вашемъ и потому прїѣхалъ васъ беспокоить. Разрѣшите наше недоумѣнїе. Это намъ еще первый случай. Палата, по указу сената, велѣла насъ съ секретаремъ оштрафовать...»

— Охъ, знаю, знаю! — сказалъ Петръ Кондратьичъ.

«Такъ мы не можемъ рѣшить, по чинамъ ли, по мѣстамъ, или по жалованью штрафовать каждаго? рѣшите насъ. Мы думаемъ по получаемому жалованью. Изъ него и вычетъ сдѣлать.»

— Вычетъ же еще за что? развѣ на издержки при...

«Какъ же? вычетъ въ штрафъ. Въ указѣ сказано: оштрафовать тридцатью рублями. Вотъ прочитайте, и подай ему указъ.»

— А далѣе? — воскликнулъ изумляющійся Петръ Кондратьичъ.

«А далѣе и ничего, — спокойно отвѣчалъ засѣдатель.

— Развѣ такъ штрафуютъ? —

«Какъ же иначе?»

— Я же видѣлъ въ Москвѣ, что штрафуютъ, рубятъ головы, вѣшаютъ...»

«Это вы видѣли лѣтъ за пятьдесятъ. Теперь этого и слыхомъ не слыхать.»

— Такъ и я только денгами оштрафованъ? Жизнь моя при мнѣ?... —

Прочель указъ. И въ полной радости, во первому чувству бросился обнимать свою Марину Иосифовну, дѣтей, гостей,... вѣ себя была отъ восторга...

Все объяснилось, и день, начатый такъ горестно, кончился веселымъ широкимъ. Петръ Кондратычъ наждому разѣ по десяти рассказывалъ:

«Какъ у насъ такъ скоро все измѣнилось? Давно ли, именно въ 1738-мъ году, совсѣмъ инакъ штрафовали...»

Не выдумка, а истинное происшествіе многимъ еще въ той сторонѣ извѣстное.

Основьяненко.

МИЧМАНЪ ПОЦЪЛУЕВЪ,

ИЛИ

ЖИВУЧИ ОГЛЯДЫВАЙСЯ.

Мичм. Поцплуевъ.

1. ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Въ Полтавѣ, на площади передъ памятникомъ, стоялъ, вечернею порой, молоденькой офицеръ въ дорожномъ сертукѣ на распахку и фуражкѣ. Онъ выставилъ одну ножку впередъ, окладывалъ бѣглымъ взоромъ памятникъ, то улыбался, то слегка призадумывался, и наконецъ, перемѣнивъ ногу, и поднявъ правую руку, сказалъ вдохновенно:

И надъ тобой, о мирная Полтава,
Петра съ Россіей вѣковая слава
На полѣ ратномъ бранью разразилась,
И воспаривъ орломъ...

и замолчалъ, споткнувшись о четвертую рѣмю, которая какъ то въ эту минуту не далася.

Между тѣмъ, другой офицеръ, худощавый, рослый, смуглый, съ небольшою просѣдью на тридцатомъ году,

мѣрными шагами подходилъ по площади къ тому же памятнику и остановился передъ нимъ, по другую сторону. И это былъ проѣзжій, но сертукъ его застегнуть на всѣ крючки и пуговицы; запыленные, мишурные эпюметы на плечахъ; пѣнковая трубка на трехцвѣтномъ, черномъ, ранжевомъ и бѣломъ, шнуръ на шеѣ; дворянская медаль на груди, дорожная сабля на отлетѣ и пистолеть за портупеей. Выставивъ ногу на цѣлый аршинъ впередъ, скрестивъ руки, впередъ онъ неподвижный, испытующій взоръ въ подножіе памятника, и думное, угрюмое чело избородилось морщинами. Давно не бритая, рѣдкая борода ошетибилась ёжикомъ, голова наклонилась впередъ, брови грозно насупились, губы сомкнулись — и во всей осанкѣ этого пѣхотнаго офицера, съ огромнымъ палашемъ при бедрѣ, было что-то рыцарское, причудливое. Простоявъ нѣсколько минутъ истуканомъ, онъ вдругъ пошелъ вокругъ памятника и встрѣтился съ молоденькимъ мичманомъ, который въ это время также снялся съ якоря и хотѣлъ было подо всеми парусами безъ брасопки обогнуть памятникъ кругомъ. Сошедшись вплотъ, мичманъ отскочилъ проворно въ право — рыцарь, желая посторониться, также шагнулъ въ сторону и оба опять столкнулись. За тѣмъ, каждый снова посторонился, желая дать мѣсто встречному, оба вдругъ приняли въ противную сторону и опять сошлись грудь съ грудью и лицомъ къ лицу. Рыцарь поднялъ голову, и блѣдное, обозначенное рѣзкими чертами, лице выражало какую-то разсѣянность и недоумѣніе. Мичманокъ робко пробормоталъ: виновать — взялся подъ козырекъ, а въ голубыхъ очахъ его, на

кругломъ молочномъ личекѣ и въ улыбка написано было, что ему хотѣлось захохотать, но онъ смирлся передъ испытующимъ взоромъ новаго Баярда.

Я позабылъ сказать, что у мичмана борода была также не бритая, потому, что еще не выросла.

II. ПРИЕМНАЯ ЗАЛА.

Обошедши памятникъ вокругъ, поэтъ и рыцарь, мечъ и цѣвшца, встрѣтились снова по другую сторону, но были уже оба гораздо осторожнѣе и расклавившись съ какою-то принужденною вѣжливостію, очистили другъ другу дорогу — никто однако же не проходилъ; а когда, послѣ нѣсколькихъ секундъ томительнаго ожиданія, оба, насмотрѣвшись видно вдоволь на памятникъ, вдругъ повертели въ сторону, то увертливый мичманъ съ трудомъ избѣгнулъ новаго карамболя и оробѣлъ, встрѣтивъ угрюмо-грозный взоръ рыцаря. Но наружность обманчива: рыцарь сказалъ нѣсколько пріятельныхъ словъ, поэтъ ухватился за нихъ — оказалось, что оба они намѣрены были идти за подорожною, которую вытребовали у нихъ, для засвидѣтельствованія, въ канцелярію генераль-губернатора, и новые попутчики, знакомые незнакомцы, отправились вмѣстѣ черезъ площадь въ домъ главнаго мѣстнаго Начальника.

Взошедъ на крыльцо, повертели они въ первыя двери на лѣво, въ пустыя сѣни, въ которыхъ не было даже и лавки, не только стула, и рыцарь твердымъ шагомъ прошелъ сѣни и отворилъ вторую дверь, кото-

рая, какъ оказалось, вела въ Канцелярію. Писецъ вскочилъ съ мѣста, спросилъ: что вамъ угодно? а между тѣмъ отворилъ дверь въ сѣни и повуждалъ офицера двусмысленнымъ словомъ: *пожалуйте*, и движеніемъ руки, выдти. Рыцарь вытянулся, сталъ твердою ногою и сказалъ, что пришелъ за подорожною. «Сейчасъ, извольте обождать» продолжалъ писецъ, указывая на растворенную дверь; но какъ кавалеръ бронзовой медали насушилъ брови и не трогался съ мѣста, то перочинный художникъ объявилъ ему безъ обиняковъ, что постороннимъ людямъ, какого бы званія они ни были, запрещается входить въ Канцелярію, въ этотъ таинственный храмъ безъмяннаго божества, жреца или жрицы — и указалъ на прибитый къ дверямъ листъ, за подписью генераль-губернатора. Рыцарь прочиталъ — возжалъ плечами и вышелъ въ пустопорожнія сѣни; взглянулъ раздраженнымъ перуномъ на молодого пѣшотоульца, скрестилъ руки и принялся ходить взадъ и впередъ, саженными шагами, при чемъ далъ палашу своему полную свободу чертить на разгулъ по полу, стучать и бряцать сколько ему было угодно. Мичманъ прислонился къ окну, перекинулъ ноги на крестъ, сложилъ руки и принялся разсматривать — носокъ своего сапога.

Прошло добрыхъ полчаса — мичманъ поглядывалъ украдкой то на дверь, то на грознаго рыцаря, когда этотъ оборачивался къ нему спиною — а рыцарь шагалъ все чаще и смѣле, громче и шире, и вытаскивалъ по временамъ изъ кармана за претолстую цѣпочку, съ большими, рѣзными печатами, старообразные часы, поглядывалъ на нихъ, прикладывалъ къ уху, и, казалось,

очень удивлялся, что они стояли, хотя это въ сущности была для него не новость. Наконецъ, потерявъ терпѣнье, кавалеръ подошелъ къ дверямъ Канцеляріи, разставилъ ноги вилами, подбоченился лѣвою рукою, въ которой держалъ фуражку, а правою, согнувъ указательный палецъ и оборотивъ его колѣнцемъ къ двери, стукнулъ мѣрными ударами трижды. Писецъ или чиновникъ выглянулъ, придерживая дверь рукою, заткнувъ шею за ухо, спросилъ опять: «что вамъ угодно?» и на требованіе рыцаря отдать подорожную, отвѣчалъ снова: «сей часъ, извольте обождать» а за тѣмъ притворилъ дверь и исчезъ.

Рыцарь оборотился къ окну и уставилъ такой грозный, отчаянный взоръ на пинту, что этотъ привсталъ и вытянулся и опустилъ руки, не зная, что сказать. «Пойдемъ — те къ генералъ-губернатору», сказалъ рыцарь, протянувъ дружески руку; обрадованный мичманъ подаль ему робко свою и оба вѣсть, рыцарь, какъ наставникъ, пинта, какъ послушное дитя, котораго ведутъ за руку, отправились было по лѣстницѣ, ведущей вверхъ — но кавалеръ вдругъ раздумалъ, грозно взглянулъ на попутчика своего, вынулъ руку его и воротился. Къ счастью вскорѣ вынесли объ подорожныя — герой наизапа принялъ свою, окинувъ подателя съ ногъ до головы взглядомъ, который, казалось, могъ измолоть и измочалить живаго человѣка въ лыки — а мичманъ, въ смиреніи своемъ, покосился робко на грознаго попутчика своего — оба вышли, раскланялись, и каждый отправился туда, гдѣ остановился.

Ш С А М О З В А Н Ц Ы .

Мичманъ нашъ ѣхалъ, ѣхалъ, и ему вздумалось на одной станицѣ заглянуть, отъ нечего дѣлать, въ разговорную книгу. Съ удивленіемъ разсматривалъ онъ послѣднюю, еще незасохшую записку, въ которой говорилось: «отъ Могилева до Николаева, Киштынского нѣхотнаго полка штабсъ-капитану барону Аделью фонъ Адельсбургу» — и прочее. Какой же это Адельсбургъ, подумалъ мичманъ, и откуда онъ взялся, когда смотритель вносилъ это при мнѣ и съ моею подорожной? мичманъ оборотился съ вопросомъ этимъ къ смотрителю, и тотъ, глянувъ въ книжку, смотрѣлъ на мичмана, какъ будто не понимая его, и наконецъ сказалъ: «да вѣдь это вы сударь, это ваша подорожная.» Мичманъ, въ свою очередь, не понималъ смотрителя и взглянувъ раза два попеременно на него и на книжку, развернулъ наконецъ подорожную свою, которую держалъ въ рукахъ, и прочиталъ: «отъ Могилева до Николаева, Киштынского нѣхотнаго полка штабсъ-капитану барону Аделью фонъ Адельсбургу» и перечитывалъ это нѣсколько разъ, и все не понималъ ни слова, хотя подорожная написана и напечатана была очень четко. Смотритель догадался въ чемъ дѣло и спросилъ: «что вы, сударь, обмѣшляе что ли гдѣ подорожную свою?»

— Видно обмѣшляе, отвѣчалъ пинта — и видно обмѣшляе еще въ Полтавѣ.

«Да ваша же на чье имя была?» продолжалъ съ участіемъ смотритель.

— На мое, сказалъ Мичманъ, на мое собственное.

— Да вы же кто изволите быть такіе?»

— Да я 28го флотскаго экипажа мичманъ Поцѣлуевъ, и ѣду изъ Петербурга, а не изъ Могилева.

«Ну, продолжалъ смотритель, такъ вы свою подорожную нагоните, вотъ съ полчаса тому, не больше, но ней проѣхалъ, такъ, смугловатъ изъ себя, поджарый офицеръ, высокій, и страхъ сердито глядѣть.»

Мичманъ взглянулъ въ книгу и увидѣлъ, что дѣйствительно передъ нимъ проѣхалъ изъ Петербурга въ Николаевъ, мичманъ Поцѣлуевъ. Онъ собрался на-своро, сѣлъ и поскакалъ, въ догонку за своей подорожной.

IV. ПОПУТЧИКИ.

Прибывъ на слѣдующую станцію, Поцѣлуевъ къ удивленію своему услышалъ, что тѣзка не тѣзка, а однопрозвонецъ его, не проѣзжалъ. Нашъ мичманъ не зналъ что подумать, куда дѣвался баронъ съ чужою подорожною — и не успѣлъ еще покончить думы и рѣшить окончательно, что это все равно, и что ему также точно можно доѣхать до Николаева съ баронскою, какъ и съ своею подорожною, когда услышалъ колокольчикъ, а въ слѣдъ затѣмъ увидѣлъ и самого барона, въ пальшѣ, съ медальной, съ трубкой, въ какой-то вычурной фуражкѣ, съ лаповымъ околышемъ и подбородною цѣпочкой. Баронъ встрѣтилъ нашего мичмана насунувшись и надувшись и заостривъ неподвижныя очи, какъ

стры — и Поцѣлуевъ не зналъ какъ подойти, какъ приступить, чтобы не раздражить грознаго Губерта. Слово за слово, дѣло объяснилось, рыцарь удивился этому странному, непонятному случаю, до чрезвычайности, но былъ такъ снисходителенъ, что свалилъ всю вину на чистописателя, обвинялся подорожною, и, узнавъ при этомъ случаѣ, что нашелъ попутчика и сверхъ того еще земляка, предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ. Поцѣлуевъ трусилъ немного, правду сказать, и гораздо охотѣе поѣхалъ бы одинъ; попутчикъ его глядѣлъ на нихъ-то неразгаданнымъ звѣремъ и неопытный мичманъ не понималъ вовсе, что значить это грозное лице и осанка, при учтивомъ и мягкомъ обращеніи героя; — но, отказаться, на это у него не стало духу; по этому попутчики съѣли и поѣхали вмѣстѣ, на одной перекладной.

У. МИЧМАНЪ ПОЦѢЛУЕВЪ.

Смарагдъ Петровичъ Поцѣлуевъ былъ сынъ помѣщика Екатеринбургской губерніи, воспитывался въ морскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ мичманомъ, назначенъ въ Черноморскій флотъ и ѣхалъ теперь въ Николаевъ.

Смарагдъ былъ мальчикъ съ хорошими способностями, съ доброю, дѣтскою душой, родился подъ благотельнымъ вліяніемъ созвѣздія лиры и былъ поэтъ. Такъ по крайней мѣрѣ ему самому казалось; хотя сущность

дѣла заключалась въ томъ, что Смарагдъ вступилъ въ тѣ лѣта и отношенія, когда всякой человѣкъ съ душой и чувствомъ дѣлается поэтомъ, и стиховъ не пишетъ только тотъ развѣ, кому своенравная природа положительно отказала въ способности, расположить готовую мысль мѣрными стопами и закончить ихъ риемою. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые рѣшительно не въ состояннн написать самое будничное четырестншіе. Они пишутъ прозою хорошо, цвѣтнсто, въ прозѣ ихъ есть поэзія, но они не въ состояннн сложить четыре стиха, сколько бы ни бились. Если такихъ людей по справедливости называютъ, въ этомъ отношеннн, бездарными, то Смарагдъ Петровичъ былъ юноша даровитый; онъ писалъ стишки, не смотря на недавнее упражненнн свое въ искусствѣ этомъ и малую опытность, довольно складно и свободно, даже не рѣдко на обумъ, вдругъ, но — геній его былъ слабосленъ; это была обыкновенно одна только вспышка и начатое стихотвореннн оставалось не доконченнымъ. Начать стихотвореннн было ему легко, во всякое время, почти не стоило труда; но продолженнн и конецъ всегда откладывались на неизвѣстный срокъ и очень рѣдко исполнялись.

Поцѣлуевъ получилъ дома отъ матери, Нѣмки, благонравное воспитаннн, мечтательное воображеннн, курчавый вѣдось, бѣлое лице и голубые глаза; отъ отца, Русскаго, беззаботный нравъ, не глупую голову, довольно широкія плеча и крѣпкое здоровье. На тринадцатомъ году, поступилъ онъ въ Морской Корпусъ, пробылъ тамъ пять лѣтъ и теперь, съ эполетами, шитымъ

воротникомъ и саблею на черномъ лаковомъ ремнѣ черезъ плечо, увидѣлъ свѣтъ.

Поцѣлуевъ, какъ острый, но скромный и чутый мальчикъ, который выросъ дома безъ розогъ, этой необходимой принадлежности и приправы всякаго порядочнаго воспитанія, Поцѣлуевъ понялъ, въ первые три дня своего пребыванія въ корпусѣ, что здѣсь всего вѣрнѣе и безопаснѣе, какъ можно менѣе попадаться на глаза, не пускаться никогда и ни въ какія дѣтскія игры, а сидѣть, прижавшись къ стѣнкѣ, тише воды, ниже травы. Такъ было въ то время въ Корпусѣ; я знаю, что теперь совсѣмъ иное; я говорю о давнопрошедшемъ. Тогда сѣкли съ большиною прилежаніемъ каждаго, кто попадался въ такъ называемой шалости, то есть, кого заставляли за какимъ бы то ни было занятіемъ, кромѣ учебныхъ тетрадей; а кто не попадался, того оставляли въ покоѣ, разсуждая весьма основательно, что нельзя же пороть всѣхъ, поголовно; дежурный барабанщикъ и такъ уже не успѣвалъ принапать розогъ.

Но Поцѣлуевъ по крайней мѣрѣ обогатилъ въ корпусѣ знаніе Русскаго языка; и вотъ вамъ цѣлый списокъ новыхъ словъ, принятыхъ и понятныхъ въ Морскомъ корпусѣ; читайте и отгадывайте: бадяга, бадяжка, бадяжникъ, новичокъ, ветлѣнный, копчинка, старикъ, старина, стариковать, кутило, огуряться, огуряло, отказной, отчаянный, чугунный, жила, жнать, отжильть, прижать, прижишало, сведить, свести, обморочить, втереть очки, живые очки, распечь, распекало, отдуть, накласть горячихъ, на фартъ, на вагащъ, на шарапъ, фурочкой, фурка, и прочее и прочее. По-

Цѣлуевъ, кромѣ того, научился обвиняться безиреко-словно всякому старику, то есть старому кадету, въ широкяхъ, собственныхъ брюкахъ, въ затяжкѣ, въ портушейкѣ, или ременномъ, лаповомъ поясокѣ съ мѣд-нымъ наборомъ и лезвками. Въ классахъ было много кадетовъ и каждымъ заниматься учителямъ не досужно; по этому они требовали по крайней мѣрѣ, чтобы кадеты сидѣли тихо, не шумѣли и не кричали; и смиренный по неволѣ считался прилежнымъ.

И такъ, собственно кадетская жизнь оставила въ Поцѣлуевѣ не много поэтическихъ воспоминаній; но какъ онъ былъ за то счастливъ и доволенъ, когда вышелъ въ гардемарины и пошелъ, на плоскодонномъ фрегатѣ, до красной горки! тяжеленько мальчику сидѣть изъ году въ годъ за рѣшеткой — неминуемая участь всѣхъ тѣхъ, у которыхъ нѣтъ родныхъ, или сострадательныхъ знакомыхъ въ столицѣ — и какъ отрадно за то подышать воздухомъ на свободѣ, быть гребцомъ, марсовымъ, понимать и слушать команду вахтеннаго и чувствовать себя полезнымъ и нужнымъ на своемъ мѣстѣ — отдать брамъ-фаль, взять кливеръ на гитовы, по командѣ, или даже спустить за словомъ флагъ или гюйсъ — а наконецъ, объѣдаться изюмомъ, орѣхами, пряниками, всегдашней морскою провизіею гардемаринъ, ходить въ рабочей, измаранной смолою, рубахѣ, подпоясавшись портушейкой, въ фуражкѣ на ремешкѣ или цѣпочкѣ, чтобы ее не сорвало вѣтромъ; купаться, кататься на гребномъ суднѣ, не ходить цѣлый мѣсяцъ въ классы и двигать руки и ноги на свободѣ — о, это знаетъ только тотъ, кто это испыталъ.

Но послѣ одного раздольнаго и разгульнаго мѣсяца, слѣдуетъ одиннадцать однообразныхъ, затворническихъ. Малодушіе опять беретъ верхъ и, засыпая и просыпаясь, трехъ-кампанецъ досчитывается уже по пальцамъ дня, или по крайней мѣрѣ мѣсяца выпуска. Легко сказать, вольный казакъ — офицеръ, самъ себя господитъ, въ эполетахъ — съ саблей — никто не смѣетъ высѣчь — легко сказать, а воля ваша, голова закружится отъ этого внезапнаго перехода. Право не мудрено, что шюгге, въ неистовой, необузданной радости своей, кидаются въ крайности и распоряжаются, какъ новые, неопытные хозяева, свободою своею довольно дурно. Нашего Поцѣлуева въ этомъ упрекнуть было нельзя; онъ опьянѣлъ, когда надѣлъ мундиръ и ношелъ свободно, безъ провожатаго, по Невскому проспекту и юнкера передъ нимъ вытягивались и весь міръ передъ душою его раскрылся на всѣ четыре стороны — но упителныя мечты унесли его въ одну только, самую невнятную крайность: онъ видѣлъ все, весь міръ, въ радужныхъ цвѣтахъ и розовой оболочкѣ и сдѣлался, на первый случай, поэтомъ.

VI. БАРОНЪ АДЕЛЬ ФОНЪ АДЕЛЬСБУРГЪ.

Баронъ Губертъ Рудольфовичъ Адель фонъ Адельсбургъ былъ сынъ отца своего, барона древней германской отрасли, коего предки съ давнихъ временъ поселились въ Курляндіи. Старый баронъ, въ молодыхъ лѣтахъ еще, раззорился, утратилъ довольно значитель-

ное имѣніе свое въ залогъ, по виннымъ откупамъ сосѣднихъ губерній, и перевесъ жестокий ударъ этотъ съ твердостью; но онъ не хотѣлъ уже оставаться на родинѣ, и служить у равныхъ или даже низшихъ, по роду и родословной, и повелъ управлять имѣніемъ русскаго боярина, въ южную Россію. Тамъ жилъ онъ спокойно, покинувъ всѣ затѣи и высокомерные замыслы, и женился въ Екатеринославской губерніи, на внучкѣ сербскаго выходца Екатерининскихъ временъ, взявъ въ приданое бѣдную деревеньку, зажилъ было опять кой-какъ помѣщикомъ, но вскорѣ умеръ.

Вотъ почему нашъ кавалеръ бронзовой медали былъ баронъ, прозывался Адель фонъ Адельсбургъ, и между тѣмъ, по матери, исповѣдывалъ православный законъ, а по мѣсту рожденія, по воспитанію, природному языку, былъ Русскій, и еще Екатеринославецъ, то есть землякъ Смарагда. Смуглое, сухошавое лице, рѣзкія черты, каріе, острые глаза, изобличали въ немъ кровь южныхъ Славянъ; высокій ростъ, величавая, медленная поступь и рыцарскій духъ, нѣмецкаго барона древняго поколѣнія. Онъ служилъ, какъ всѣ бароны у насъ, въ гвардіи, а какъ Украинецъ, въ конницѣ — былъ переведенъ за поединокъ въ армейскій пѣхотный полкъ, тѣмъ же чиномъ, перенесъ этотъ ударъ судьбы, по примѣру отца, безъ ропота, безъ жалобы, признавалъ судь надъ собою справедливымъ, но и себя, въ дѣлѣ своемъ, правымъ. Гербъ Губерта изображалъ: на бѣломъ полѣ обнаженный мечъ и кровавую полосу поперекъ; по четыремъ угламъ цвѣли: роза, незабудка, лилія и фіалка. Истолковавъ и пояснивъ по произволу гербъ этотъ, ба-

ронъ признавалъ себя и мечъ свой урожденнымъ защитникомъ невинности, благо цвѣту, и видѣлъ въ четырехъ цвѣтахъ иносказательное изображеніе пола, которому считалъ святымъ долгомъ посвятить всю жизнь свою. Это былъ баснословный рыцарь среднихъ вѣковъ, ожившій и олицетворившійся дивнымъ образомъ, въ прозаическія времена паркетнаго шарканья, мундировъ съ перехватами, и лайковыхъ бальныхъ перчатокъ — переродившійся, обрусьвшій вѣнецкій баронъ, Байрдъ, въ русскомъ пѣхотномъ мундирѣ, словомъ, *рыцарь* Губертъ Рудольфовичъ! Въ первый разъ слышу, что рыцарей также зовутъ по имени и отечеству. Онъ носилъ на груди мѣдное, древнее распятіе вершка въ четыре; никогда не ходилъ безъ дворянской медали; на часовой цѣпочкѣ его висѣли три гербовыя печати разныхъ величинъ; на указательномъ лѣвомъ пальцѣ, былъ у него огромный перстень съ рѣзнымъ гербовымъ камнемъ; въ фуражкѣ, въ шляпѣ его и на всѣхъ вещахъ, даже на визитныхъ билетикахъ, — былъ наклеенъ отпечатанный съ мѣдной досочки гербъ его, съ раскинутою повязкой, на которой можно было прочесть: *Мой мечъ твой щитъ*. Лишившись, съ переводомъ въ пѣхоту, сабли и шпоръ, о чемъ очень скорбѣлъ, баронъ носилъ, по крайней мѣрѣ въ дорогѣ, огромный, рыцарскій мечъ, передѣланный по шаружности на кирасирскій палашъ и привѣшивалъ его всегда къ поперечной портупей золоченою цѣпью. Со шлемомъ предковъ своихъ, парю разрозненныхъ налокотниковъ, и круглымъ щитомъ, на которомъ былъ когда-то расписанъ краскамъ гербъ бароновъ, и съ се-

ребрышками, деревянными запястьями праматери своей, Гертруды, Адель Адельсбургъ никогда не разставался, а таскалъ вещи эти на всѣхъ домашнихъ походахъ и стоянкахъ съ собою, и развѣшивалъ ихъ на каждомъ привалѣ и ночлегѣ надъ изголовьемъ своего ложа. При всѣхъ странностяхъ этихъ, баронъ былъ добрейшій и благороднѣйшій человекъ, былъ готовъ принести себя на жертву всякому доброму дѣлу — но на бѣду принимался за это обыкновенно очень не впопадъ и не встать, не въ ладъ и не вмѣру, и, вмѣсто одолженія, надѣдалъ и докучалъ всякому. Поединкомъ, наприкладъ, за который онъ былъ исключенъ изъ гвардіи, завязался вотъ съ какого повода: прогуливаясь вечеромъ, поздно, по Невскому, благородный баронъ встрѣтилъ офицера, который заговаривалъ очень не застѣчиво съ красавицею, слѣдуя за нею по пятамъ. Если бы баронъ сколько нибудь удостоилъ разобрать дѣло пообстоятельнѣе, то онъ бы безъ труда убѣдился, что здѣсь каждый третій человекъ былъ лишній, что бесѣдующіе вовсе не нуждались въ третейскомъ судѣ; но баронъ былъ тогда особенно въ духѣ видѣть угнетенную невинность, разгоряченное воображеніе его подстрекнуло, онъ ввязался въ дѣло, объявивъ себя заступникомъ прекраснаго пола; наконецъ, не могъ вынести обиднаго отвѣта встрѣчнаго фоблаза и принужденъ былъ его вызвать. Такимъ образомъ попался баронъ уже не въ первый разъ; но, какъ рыцарь кровью и душой, не исправлялся, не измѣнялся, а продолжалъ спасать и воевать и заступаться, тамъ, гдѣ его никто объ этомъ не просилъ и называлъ людей, которыхъ надѣдалъ и докучалъ, неблагодарными.

Этотъ нравъ обозначался въ наружности, въ стать, и во всѣхъ приемахъ барона, вырѣзался на замѣчательномъ лицѣ его, какъ семейный гербъ, служившій вывѣскою и клеймомъ книжки барона, фуражки, пистолета, собаки, даже стола и стула, если только барону случалось заводиться ими какъ своею собственностію. Баронъ былъ тонокъ и сухъ, раслаживалъ какъ на ходуляхъ, подбоченивался, задумывался и забывался на каждомъ шагу, Богъ вѣсть о чемъ; удивлялся всему, подозривалъ всѣхъ и все, морщился, хмурился, сводилъ и разводилъ Сербскія брови свои, и вѣчно глядѣлъ грознымъ перуномъ, между тѣмъ какъ онъ, если его ничего не раздражало, былъ кротокъ какъ дитя, и добръ, какъ пятнадцати-лѣтняя дѣвица. Но гдѣ только касался слабой его струны, рыцарства, тамъ онъ былъ неукротимъ какъ левъ, и готовъ былъ стрѣляться десять разъ въ одинъ день.

VII ПОРТОВОЙ ЗАШТАТНЫЙ ГОРОДЪ.

Сидя рядомъ на тележкѣ, нонутчики наши почти во всю дорогу молчали; баронъ дичился, а мичманъ не смѣлъ его бездокопть. Послѣдній однако же узналъ отъ молчаливаго, угрюмаго товарища своего, что этотъ посланъ въ Николаевъ, съ двумя пѣхотными унтеръ-офицерами, которые ѣдутъ сюда, для обученія матросамъ фронтной службѣ. Маловажное, по видимому, обстоятельство это, еще болѣе напугало робкаго мичмана — фронтная служба была въ то время во флотѣ — не

приманкою; и еще особенно для Черноморскаго флота. Старые, заслуженные офицеры, съ трудомъ только привыкали къ вытижкѣ и выправкѣ; а молодежь, глядя на нихъ, также крихтѣла и пугалась премудрости этой. Нынѣ уже не тѣ времена: офицеры и матросы наши показали подѣ Варною, и особенно подѣ Анапою, что они хорошіе пушкары и бомбардиры, отличные саперы, — славные егеря и застрѣльщики, и смѣлые охотники на пристушѣ. — Но въ то время было не то: сказываютъ, что когда баронъ нангъ, для перваго опыта, вздумалъ сдѣлать, по обязанности своей, одному экипажу баталіонное ученье, а въ последнемъ взводѣ не оказалось даже двухъ человѣкъ, которые шли въ ногу, да сверхъ того еще штыки надъ головами крестились и цѣплялись одинъ за одинъ, и благородный баронъ, въ неукротимомъ порывѣ отчаянья, заломивъ руки, воскликнулъ: «Боже мой! это что за народъ?» то крайній матросъ въ задней шеренгѣ, порываясь попасть въ ногу и стоптавъ уже тремъ передовымъ своимъ всѣ закаблучья, придерживая лѣвою рукою прикладъ ружья, снялъ фуражку и оборотившись къ вопрошающему, отвѣчалъ съ незлобною улыбкой: «мы съ глубокой пристани, Очаковскіе, ваше благородіе!»

Боже мой, подумалъ кавалеръ бронзовой медали, какъ времена перемѣнчивы! Очаковскіе! Какое громкое, звучное, славное имя! Очаковскіе! такъ изводится родъ человѣческій: и возьмите названіе, какое угодно, самое громкое и блестящее въ старину, славное, великое, на примѣръ названіе какого нибудь знаменитаго, неприступнаго замка, и назовите нынѣшнихъ жителей его

*

этими именами, и припомните въ то же время старину, не горькая ли это насмѣшка надъ славою пращуровъ?

Такъ мечталъ и заносился угрюмый Губертъ Рудольфовичъ, глядя съ презрѣніемъ на нынѣшнее недостойное ополченіе Очакова, между тѣмъ какъ попутчикъ его ходилъ по богохранимому граду Николаеву, распахнувши врата сердца своего настежь, и приговаривая встречному и поперечному, съ улыбкою на устахъ и глазахъ: милости просимъ! Смарагдъ былъ неутомимъ въ визитахъ, въ засвидѣтельствваніи почтенія, искалъ знакомства въ каждомъ домѣ, гдѣ было болѣе трехъ оконъ на улицу, принималъ каждое свѣтское приглашеніе: «прошу быть знакомымъ» — въ буквальный смыслъ, и являлся, беззаботливо и безопасно, на другой же день, къ обѣду или къ вечеру; а если въ домѣ была младая хозяйка, или еще, упаси Богъ, дочери, то Смарагдъ обживался тамъ въ сутки, а много въ двое, и былъ какъ дома, сохраняя однако же всегда врожденную живому нраву его скромную говорливость, вѣжливость и услужливость. Его любили вездѣ; пожилые семейные люди, считая себя всѣ некоторымъ образомъ начальниками его, потому что всѣ они были морскаго вѣдомства, говорили ему привѣтливо ты; маменьки этого города — въ то время по крайности — очень любили проворныхъ и обязательныхъ молодчиковъ, всегда готовыхъ на любую услугу; а Смарагдъ безотказно готовъ былъ сбѣгать десять разъ на день, съ образчикомъ ленты или тафты, въ лавки; попросить компаснаго мастера, чтобы велѣлъ починить расклепавшіяся ножницы; конопатнаго, чтобы, при вставкѣ двойныхъ рамъ, прислалъ законо-

патить окна; фонарного, чтобы починить въ каретѣ фонари; а столярнаго, чтобы велѣлъ надѣлать сотни двѣ вилочекъ, для прищипки бѣлья, которое безъ этого срываетъ вѣтромъ и валяется на земь; Смарагдъ, съ особеннымъ жаромъ схватывалъ шапку свою и пристегивалъ кортикъ, не длиннѣе, если не короче, вязальнаго прутка, когда просили его проводить семейство вечеромъ на прогулку, на знаменитый бульваръ, позади Адмиральской улицы, надъ Ингуломъ; не отходилъ ни на мигъ, если просили его состоять при свитѣ, по случаю какого нибудь сборища, напримѣръ спуска корабля, или театральнаго представленія штурманскихъ учениковъ — понянчиться съ платкомъ или шалью, и прочее.

Баронъ былъ совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ обществу. Онъ соблюдалъ все, что хорошій тонъ можетъ требовать отъ степеннаго человѣка, но онъ не искалъ никакого знакомства, рѣдко бывалъ въ домахъ, хотя и не пропускалъ ни одного собранія большаго общества. Онъ никогда не улыбался, глядѣлъ зорко, пристально, сложивъ руки, подбирался и вытягивался, подходя къ барынѣ или дѣвицѣ и отпускалъ обдуманнныя, изысканныя и тяжеловатыя учтивости. На него смотрѣли всѣ, какъ на чудака; предубѣжденіе урожденныхъ флотскихъ и портовыхъ противу армейщины здѣсь ничѣмъ не опровергалось; дѣвицы пугались угрюмой молчаливости барона, когда онъ молчалъ, и боялись еще болѣе важнаго, рѣшительнаго и, привлекающаго общее вниманіе, приступа барона, когда онъ, разшаркиваясь, подходилъ, какъ на театрѣ, и отпускалъ затверженныя пошлости. Я не говорю, чтобы барышни наши, въ то

время, слушала охотна однѣ только не пошлая учтивости; но по крайней мѣрѣ — есть на все сноровка и хватка, образъ и способъ; можно сказать одно и то же, однѣ и тѣ же слова, такъ и эдакъ; можно шепнуть что шбудь во время кадрили — не французской, которой тогда еще не довели до зынтатныхъ городовъ, а простой — можно шепнуть что шбудь, какъ будто оно вырвалось у васъ невольно, невзначай, и можно, или лучше сказать, нельзя возгласить тоже самое во всеуслышаніе, размаркавшись, какъ голландскій цѣтухъ и обративъ смѣнными приемами своими на себя и на того, съ кѣмъ говоришь, вниманіе цѣлаго общества. Но отказные враги барона были — всѣ тѣ, которые принадлежали не къ первой шеренгѣ общества, хотя они и втирались туда частенько, и даже похитили въ ней, нѣкоторые по крайней мѣрѣ, право гражданства. Это были именно мастеровые чины адмиралтейства: блоковый, кацатный, парусный, столярный, конопатный, фонарный, токарный, котельный, шлюпочный, компасный, и Богъ вѣсть какіе еще мастера, впрочемъ люди въ чинахъ, въ почетныхъ званіяхъ — и главное — съ весьма хорошимъ достаткомъ. Жалованье ихъ было, конечно, оцѣнь не большое; но они жили хорошо, швыи довольно открыто, давали за дочерьми очень порядочное приданое, на худой конецъ домикъ съ полнымъ хозяйствомъ; кроме того, въ цѣломъ городѣ рѣшительно не было мастерового, за исключеніемъ имъ подчиненныхъ; и особенно не было такого, который сдѣлалъ бы все, что угодно, даромъ. — Всѣ эти обстоятельства, согласитесь сами, уже достаточны для того, чтобы

дать господамъ этимъ почетное мѣсто въ обществѣ, которое безъ нихъ не можетъ существовать.

Но баронъ Адель фонъ Адельсбургъ не признавалъ ихъ годными и достойными; онъ строго держался своего рыцарства и дворянства, и если благородство, въ смыслѣ чести, было для него неотъемлемою принадлежностію дворянина, то баронъ, на оборотъ, не всѣхъ благородныхъ, то есть чиновныхъ, признавалъ дворянами; по крайней мѣрѣ онъ мысленно исключилъ изъ бархатной книги своей всѣхъ господъ фонарныхъ, котельныхъ и компасныхъ — и чрезвычайно ловко и тонко, съ разборчивостію кавалера лучшаго свѣта и тона, умѣлъ показать это даже и въ обращеніи съ женскимъ поломъ мастерового сословія.

4

VIII. ПОЦЪЛУЕВЪ ИЩЕТЪ ПОЦЪЛУА.

Баронъ полюбилъ на бѣду молодого, откровеннаго земляка своего; сверхъ того, это было первое и сначала почти единственное его знакомство въ Николаевѣ — и благородный баронъ, воображая себя всегда защитникомъ и заступникомъ слабѣйшаго и почитая Поцълуева ребенкомъ, которому еще нуженъ дядька, предложилъ ему жить вмѣстѣ. Бѣдный Смарагдъ, не смѣя противиться волѣ своего грознаго, по виду, опекуна, потупилъ очи и — согласился. Смарагдъ вздыхалъ объ этомъ уже напередъ, вспоминая, изъ второй части теоріи и практикѣ кораблевожденія Гаматъа, что повѣтій лав-

рами мечъ* и беззаботная лира, хотя и находится въ одномъ и томъ же сѣверномъ полушаріи, но раздѣлены на вѣки вѣчные млечнымъ путемъ и сойтись не могутъ, развѣ быть свѣтопреставленію. Но смотря на это, они наняли общую квартирку, не подалеку вѣчнозеленой казенной аптеки — и расположились жить вмѣстѣ. Почему не такъ; были же времена, когда мечъ и цѣвшца жилали какъ братъ съ сестрой!

Баронъ далъ Смарагду лучшую изъ трехъ комнатокъ, и самъ занялъ какой-то получулашъ, въ которомъ господствовали всегдашнія сумерки. Щитъ, мечъ, гербъ, огромныя перчатки, даже наручни прабабушки, заняли обычное свое мѣсто; Смарагдъ убралъ комнату свою тремя трубками, кisetомъ, шляпой, — а клеенчатого чаша, или еще и кивера, тогда не было — саблей, кортикомъ, десяткомъ учебныхъ и другихъ книгъ, гдѣ опять незабвенный Гамалѣй, обнявшій, въ сочиненіи своемъ, первый и доселѣ еще одинъ, всѣ отрасли сложной мореходской науки, занималъ первое почетное мѣсто; кромѣ того, Смарагдъ вскорѣ обзавелся шести-струнной, италянскою гитарой, которая, со времени Селявинскаго похода, у насъ, въ Черноморскомъ флотѣ, во всеобщемъ употребленіи. Скажемъ правду: Смарагдъ, на первое время по крайней мѣрѣ, поглядывалъ иногда только, и то невзначай, на корешокъ своего Гамалѣя, а далѣе въ него не углублялся: вольность, свобода, своя воля, самъ себѣ господинъ — вотъ что текло теперь по жиламъ Смарагда и составляло всю жизненную полноту тѣла его, то, что врачи собственно называютъ

* Friedrichs Ehre. Пусть его и не будетъ въ Гамалѣя, все равно.

turgor vitalis. Душа блаженствовала и мечтала, не заботясь ни о чемъ. Смарагда помнилъ и понималъ себя въ одномъ только этомъ смыслѣ; грудь его дышала свободно, душа купалась въ какомъ-то блаженствѣ, онъ былъ счастливъ, самъ не зная чѣмъ и отъ чего; онъ жилъ со всегдашнею улыбкой на устахъ, съ какимъ-то отблескомъ самодовольствія на голубыхъ глазахъ; словомъ, онъ жилъ, и жилъ впервые. На укропномъ столнѣ его лежали въ порядкѣ всѣ письменныя принадлежности и на крайней мѣрѣ на двадцати лоскуткахъ сдѣлано было начало какого нибудь пылаго или очень чувствительнаго стихотворенія. Баронъ былъ для Смарагда добръ, предупредителенъ — но несносенъ. Губертъ Рудольфовичъ сдѣлался не только хозяйственнымъ и нравственнымъ опекуномъ своего неровнаго товарища, но требовалъ отчета почти во всѣхъ помышленіяхъ его, не только въ поступкахъ. Если доблестный баронъ не былъ на ученьѣ, то Поцѣлуевъ обыкновенно бѣжалъ изъ дому; отчетность затрудняла его со дня на день болѣе; а суровость, суровость, положительное направленіе всѣхъ помышленій барона, приводили Смарагда Петровича въ совершенное отчаяніе. Къ этому присоединилась еще какая-то темная, безотчетная ненависть моряка къ учителю фронтовой службы, тѣмъ болѣе, что учитель этотъ вздумалъ давать ученику своему дома, на досугѣ, частные уроки ротнаго и баталіоннаго ученья, отъ которыхъ отчаянный ученикъ бѣжалъ безъ оглядки въ первый и ближайшій знакомый ему домъ.

Повѣсть наша происходила въ тѣ времена, когда благоденствовали еще Хозяйственная, Исполнительная

и Казычейская экспедиция; когда жьль былъ и капита-
танъ надъ портомъ, именуемый обыкновенно за-просто
пертосмыль; когда было много совѣтниковъ, которыхъ
ишь уже ни слуху, ни духу. И первый, ближайшій
домъ, куда бѣжалъ Смарагдъ, принадлежалъ одному
изъ совѣтниковъ адмиралтейства, который жилъ откры-
то, не хуже самаго капитана надъ портомъ и умѣлъ
при этомъ пользоваться еще и тѣмъ неоспоримымъ пре-
внуществомъ надъ послѣднимъ, что выростилъ, выкор-
милъ и образовалъ, сколько обстоятельства позволили,
двухъ прениныхъ дочерей. Поцѣлуевъ былъ въ домѣ
этомъ свой, влюбился черезъ день, то въ Надю, то въ
Матану, и любилъ ихъ поочередно — страстно и жар-
ко, до первой встрѣчи съ какою либо иною очарователь-
ной дѣвицей, которыхъ было, какъ всюду, такъ и въ
Николаевѣ, довольно: потому что и здѣсь, какъ вездѣ,
Поцѣлуевы, съ братією, много съ дѣвицъ не спраши-
вали, и не заботились ни о чемъ, кромѣ пригоженькаго
ихъ личка. Изящный же вкусъ Николаевской молоде-
жи, вѣрно не уступалъ въ этомъ отношеніи ни въ чемъ
вкусамъ многороднымъ; помнится, по крайней мѣрѣ, что
и въ то время уже о воспитанности и образованности
дѣвушекъ разсуждали нрѣдка одни только родители;
о качествахъ и способностяхъ умственныхъ и нравствен-
ныхъ толковать было приторно и пошло. У поэта на-
шего, у Смарагда, при новыхъ отношеніяхъ его, давно
уже родилась мысль, съ которою онъ ложился, засы-
палъ, янничлся во снѣ, просыпался и носился во весь
день, до новаго сна. Поэтъ самъ видѣлъ, что ему поэ-
зія какъ-то не совѣшь еще далаась, что чего-то не достаетъ,

не хитраетъ, и онъ искалъ причину этому не въ себя, а въ отношеніяхъ вѣнннхъ. Первое, убійственное для дара его обетательство, было сожителство съ несноснымъ барономъ; надобно, думалъ Смарагдъ, чѣмъ нибудь перевѣсить это, забыться; мнѣ нуженъ толчокъ, искра, и тогда — я чувствую, что все во мнѣ запышетъ пыломъ, я найду что нибудь сильное, могучее, даровитое, самобытное. Искру эту и толчокъ, электрическій ударъ этотъ, Смарагдъ нашель въ воображеніи своемъ и теперь улаживалъ уже съ мѣсяць времени самъ около себя, не зная какъ бы справиться съ собою, настроить себя и заставить выполнить, осуществить на дѣлѣ, столь желанную мѣру. Что же, вы предполагаете, поэтъ нашъ выдумалъ? Бездѣлицу: ему хотѣлось добыть, подъ какими бы то ни было предлогами, какими бы то ни было способами, однимъ только поцѣлуемъ милостивой дѣвицы, дѣвы, какъ онъ ее называлъ, а потомъ бѣжать домой безъ оглядки, запереться отъ докучливаго барона и просидѣть ночь на пролетъ надъ самодарнымъ твореніемъ своимъ, излить всѣ чувства свои въ какомъ нибудь подражаніи Нелединскому — Мелецкому, Мерзлякову, Дмитріеву, даже Карамзину, котораго стихотворенія, тогда еще, новостію языка своего, невольно поражали и восхищали. Пушкина еще не было; я думаю, что онъ бы свель съ ума нашего героя.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ мечтательной головѣ Поцѣлуева рождалась эта, потрясающая душу, мысль, улыбка расцвѣла на немъ вдвое ярче прежняго, а таинственная поволока придала голубымъ очамъ его какде-то стра-

дальческое выраженіе. Смѣшно и забавно было видѣть, какъ Смарагда выходилъ день за днемъ на ловлю поцѣлуя и какъ недоувѣрчивый и неотступный дядька его, баронъ, слѣдилъ воспитанника своего шагъ за шагомъ, какъ бралъ его въ допросъ, послѣ каждой прогулки и отлучки, какъ, при этомъ, горячая кровь Смарагда была ключемъ въ лице и въ голову, а Губертъ Рудольфовичъ Адель фонъ Адельсбургъ хмурилъ брови, морщилъ губы въ жемокъ, поглядывалъ изподлобья, сложивъ руки, наклонивъ голову, закидывая плеча и потомъ, тряшущъ головою и оставивъ *скрытною* недоросля своего на короткое время въ покоѣ, отиравался въ свою каморку, ходить взадъ и впередъ, по четыре шага въ оба конца, и думать: чтобы это такое значило? Поцѣлуевъ не тотъ что былъ; тутъ что нибудь да кроется; мальчикъ молодой, легкомысленный, онъ можетъ влюбиться; надѣлать шалостей, погубить всю будущность свою — надо за нимъ присматривать; мнѣ его жаль.

IX. НЕЗВАННЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Баронъ въ самомъ дѣлѣ сдержалъ слово свое: онъ слѣдилъ Поцѣлуева почти неотступно, рѣшился даже знакомиться, безъ обиняковъ, въ домахъ, гдѣ тотъ бывалъ. всѣмъ стало это кидаться въ глаза; таинственный баронъ честилъ посѣщеніями своими людей, которыхъ прежде не хотѣлъ и знать; приходилъ всегда слѣдомъ за воспитанникомъ своимъ, мало говорилъ, но всегдашнему обычаю своему, но много ломался, му-

рился, всему удивлялся и зорко поглядывалъ на Смарагда, который алѣлъ и блѣднѣлъ отъ испытующаго взора онекуна своего и не зналъ куда дѣваться. Стали толковать объ этомъ болѣе и болѣе, стали допрашивать и Поцѣлуева, но не могли добиться никакого толку и заключили, что баронъ чуждакъ, какихъ не много на бѣломъ свѣтѣ. Барону до этого всего было мало нужды; онъ дѣлалъ свое: утромъ занимался ученьемъ, послѣ обѣда ученьемъ, а къ обѣду и вечеромъ отправлялся отыскивать по городу камрата своего, отъ котораго сталъ уже требовать довольно настойчиво, чтобы тотъ говорилъ ему напередъ, гдѣ будетъ обѣдать, гдѣ проводить вечеръ. Баронъ слѣдилъ неутомимо, и дослѣдился.

Смарагдъ, какъ мы сказали, спасаясь отъ домашнихъ уроковъ баталіоннаго ученья, схватилъ фуражку свою съ бѣлою выпушкой и полетѣлъ къ совѣтнику. Это было вечеромъ, и притомъ зимою; Ивана Ефимовича не было дома, а дѣвушекъ Смарагдъ засталъ за фортепіянами. Вышла и мать, подали чай, пошли въ гостинную, и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, унесли туда и свѣчи изъ залы, гдѣ сдѣлались почти потемки, по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ сумерки. Смѣялись, шутили, бесѣда шла бѣглая, веселая; Надя и Наташа были очаровательны, особенно Наташа, на которую Смарагдъ теперь преимущественно полагалъ надежды свои; зашелъ споръ о томъ, сколь высоко идетъ напѣвъ какой-то пѣсенки, потомъ заспорили, до которой нотки Надя возьметъ тоненькимъ голосочкомъ своимъ; Надя увѣряла, Смарагдъ не вѣрилъ, и она вскочила и пошла въ залу, съла без-

заботно за фортепьяно, на которыя частію упала съ свѣтъ изъ дверей гостиной, стала шребирать однимъ пальчикомъ кости, выше да выше, и слѣдила за ними, попадая, какъ Богъ и учитель велѣли, звонкимъ голоскомъ своимъ. Смарагдаь стала за стулъ, шептала Надѣ на ухо, что выигралъ закладъ, что она не достаетъ чисто какос-то *фа* или *соль*, та оправдывалась, силилась достать выше и выше — Надя была мила, спорила, но казалась уступчива и не злопамятна — разговаривала промежуткомъ вслухъ, съ маменькой и сестрой, которыя сидѣли въ гостиной — Смарагдаь не могъ упустить этотъ благопріятный случай и — исполнилъ давнишній обѣтъ свой, совершилъ подвигъ, отъ котораго въ немъ кровь мгновенно остыла, сердце заболѣло, очи ослѣпли. Надя пискнула едва слышимымъ голосомъ, взяла громкій и звучный аккордъ и сказала вслухъ, повысивъ голосъ: Наташа, поди сюда, споемъ что нибудь виѣтъ. Наташа вошла со свѣчею въ рукахъ — и баронъ Адель фонъ Адельсбургъ, стоя у дверей въ переднюю, противъ фортепьянъ, важно и величественно съ нею разшаркивался.

Надобно вамъ сказать, что баронъ вошелъ въ переднюю въ то самое время, когда чета наша, занятая громкимъ споромъ, выходила изъ гостиной въ залу; баронъ вошелъ потихоньку, притаялся въ потьмахъ у самыхъ дверей; ему было очень любопытно увидѣть, что изъ всего этого будетъ и чѣмъ это *глазь на глазь* въ потьмахъ кончится; баронъ прислушивался во всѣ уши, присматривался во всѣ глаза — и, если не могъ услышать всего, что говорено было шопотомъ, по промежуткамъ отводнаго разговора вслухъ, но во крайности видѣлъ до-

вольно, гораздо болѣе, чѣмъ кому нибудь, на мѣстѣ Смарагда и Нади, могло бы быть желательно.

Х. НЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Баронъ, посидѣвъ у Ивана Ефимовича въ домѣ съ полчаса, въ самомъ угрюмомъ, дикомъ и отчаянномъ молчаніи, такъ, что нагналъ тоску и страхъ на хозяйку и на однодума своего, на Смарагда, разсудилъ наконецъ и самъ, что видѣлъ довольно, что выжидать уже болѣе нечего и отправился домой. Смарагдъ не зналъ до какой степени баронъ проникъ въ тайны его, но какое-то волненіе и безпокойство томили его и гнали въ чистое поле. Оставшись еще на короткое время, потому только, что баронъ ушелъ, Смарагдъ взялъ однако же вскорѣ фуражку, вышелъ, снялъ съ себя шейный платокъ, накинулъ жиденькій плащъ на распашку, и пошелъ пройти по обширной адмиралтейской площади, мимо артиллерійской слесарни, до полуразрушеннаго каменнаго квартала казенныхъ домовъ, которыми съ этой стороны оканчивается городъ. Нахлебавшись вдоволь холоднаго вѣтру и прозябнувъ не много, Смарагдъ поворотилъ, прошелъ вдоль слободки до казенной аптеки и — робкою рукой отворилъ калитку своего жилья. Ему какъ-то очень тяжело было итти на свиданіе съ доблестнымъ барономъ, который ложился всегда очень поздно, а потому и теперь еще сидѣлъ, закинувъ голову, скрестивъ ноги, курилъ огромную пѣшковую трубку свою,

пускалъ клубы дыма подъ самый потолокъ и барабанилъ пальцами по кожаному дивану отбой или переправу; а по временамъ насвистывалъ егерскіе сигналы. Какъ ни старался Поцѣлуевъ войти потихоньку, скорѣе раздѣться, лечь и притвориться соннымъ, чтобы потомъ, на свободѣ и безъ помѣхи, взять тайкомъ на лоскутъ бумажки чудныя вдохновенія нынѣшняго вечера — но баронъ его подстерегъ; вошелъ къ нему, походилъ, опять вышелъ, опять вошелъ и наконецъ сталъ Наполеономъ въ дверяхъ и сказалъ:

— Я не охотникъ до объясненій, Смарагда Петровичъ, но отношенія мои къ вамъ заставляютъ меня дѣлать это иногда противъ воли. Я давно уже подозрѣвалъ, глядя на васъ, какія нибудь неумѣстныя связи; видѣлъ, что съ вами что нибудь да дѣлается — но то, что я видѣлъ своими глазами сего дня — того я отъ васъ, какъ отъ офицера и дворянина, не ожидалъ.

— Что же вы такое видѣли, баронъ? спросилъ Поцѣлуевъ.

Я видѣлъ, если вы непременно хотите, чтобы я вамъ сказалъ это, отвѣчалъ баронъ, — я видѣлъ, что вы поцѣловали Надежду.

На одинъ только мигъ Смарагда было не много потерялся; вслѣдъ за тѣмъ, умиленное воспоминаніе возвратило ему языкъ, бодрость, веселость и шутливость. — О, сказалъ онъ, кто не обнимаетъ, хотя въ мечтахъ, эту усладительную богиню, надежду! — Но — если вы это видѣли, Губертъ Рудольфовичъ, если вы не шутите, тогда вы, конечно, видѣли много, гораздо

богѣ, чѣмъ вамъ видѣть оцѣдвало; потому, что никому не позволено видѣть то, чего нѣтъ и не было.

— Стой, молодой человѣкъ, вослѣдствіи баронъ, разставивъ глаза и руки и ноги и все двѣсти пальцовъ, оставившись, молодой человѣкъ, ты хочешь сказать неправду, ты хочешь играть истинной, честию — оставившись: ты русскій дворянинъ, хотя и молодецъ еще; что ты будешь отвѣчать мнѣ, если я спрошу тебя, на дворянскую честь и совесть твою, правду ли я сказалъ или нѣтъ?

Потцелуевъ всталъ, и принялъ такое рѣшительное, твердое положеніе, какого мы доселѣ еще за нимъ не видывали и слышали: Послушайте, баронъ, если вы хотите, чтобы я не сердился на допросъ вашъ, то не сердитесь и вы на мои отвѣты, а выслушайте меня спокойно. — Я молодой человѣкъ, это такъ; но я нѣтъ слѣдствіи вынужденъ; по этому я бы могъ просто спросить васъ, по какому праву вы хотите меня спрашивать какъ ребенка? — но я — дайте мнѣ договорить, если угодно — я, вмѣсто этого, не отвѣчая вамъ на первый случай ли да, или нѣтъ, спрошу въ свою очередь: какая же тутъ бѣда и что за несчастье и безчестіе, если молодой человѣкъ, разъ или два на вѣку своемъ, позволитъ себѣ поцѣловать дѣвушку? что тутъ за бѣда? на что мнѣ жить на свѣтѣ, если нельзя ловить, хотя на лету, на перелетѣ, быстрокрылыя услады, которыя даруютъ мнѣ на нѣсколько дней силу и вѣрность, и новую жизнь, и новую радость въ жизни? Здѣсь все зависитъ только отъ мѣста, времени и обстоятельствъ — нужна разборчивость, чувство приличія, чутье, чтобы все это вышло

въ лады и въ мѣру и чтобы все покрыто было для шлага свѣта непроницаемымъ непрозою тайны. По этому тотъ, кто видѣлъ то, чего видѣть не должно, виноватѣе того, кто былъ при этомъ лицомъ дѣйствующимъ и неосторожно встрѣлся обманчивымъ обстоятельствамъ, не подозревая тутъ соглядаташь. — Собственно же въ концѣ, я не вижу ни грѣха, ни безчестья. Вотъ вамъ, барень, мнѣніе мое о вопросѣхъ дѣлъ; что же наконецъ собственно до видѣннаго вами, то я прошу васъ вѣрить, что вы ошиблись: вы ничего не видали; — я прошу васъ сообразовать съ этимъ и слова свои по тому же предмету, со мною ли, съ другимъ ли мнѣ вы будете говорить, прошу васъ объ этомъ, не столько ради меня самого, какъ ради дѣвицы, которая не можетъ стать съ вами на одну доску, какъ я теперь, и объясниться. Оставьте же дѣло это на всегда, будьте его и не бывало.

Барень не могъ не признать въ этомъ отбитѣ Пашулуева что-то рыцарское, благородное; онъ подавъ руку молодому товарищу и раздвувъ кофры, приводящъ брени угловатымъ сводомъ, и откинувъ плеча назадъ, сказалъ wordъ кантикъ какого-то восторга: «въ васъ течеть благородная славянская кровь.»

ХІ. РАЗВОДНАЯ.

Этимъ кончилось дѣло на тотъ разъ; но, при первомъ случаѣ, оно опять возобновилось и не могло уже снова шлоуи уладиться; а случайное обстоятельство окончательно разстроило принужденное согласіе нашихъ од-

несумовъ; временная затаишь мнивалась и порывъ бурнаго шквала разогналъ ихъ въ разные концы.

Баронъ самъ себя не погъ, или не хотѣлъ, отдать яснаго отчета въ чувства, которое подстрекало его сосориться со Смарагдомъ за невнятные его волокитства; но это престо была ревнивая зависть. Поцѣлуевъ былъ всюду дома, вездѣ свой, съ барышнями обходился почти какъ съ ровнями, потому что совесть его была чиста и непорочна, и барышни ему отвѣчали, большею частію, по той же причинѣ, тѣмъ же. Навротивъ баронъ нашъ, поуклюжею почтительностію своею и неумѣстною околичностію, никогда не успѣвалъ найти расположеніе и довѣрчивость своихъ богинь. Это раждало въ немъ скрытную досаду на счастливица, которому всѣ блага земли доставались шутя, играючи, и баронъ, черезъ нѣсколько дней, снова началъ пилить Смарагда поученіями и требовать отчетности въ дѣлахъ его и поступкахъ. То Смарагду не простиительно было отбивать у такой-то дѣвушки жениховъ; то не шло волочиться за дочерью свѣтника, который дослужился чиновъ изъ званія Клерка или Баталера и не былъ столбовымъ дворяниномъ; то не должно было ходить въ такой-то домъ, гдѣ не умѣли цѣнить людей, потому, что сухо приняли барона; то не слѣдовало бы навязываться прихвостнемъ такой-то дѣвицы, которой Смарагдъ, по мнѣнію барона, надоѣдаетъ; а знаться съ блоковымъ, паруснымъ и компаснымъ, хоть они и чиновные люди, не идетъ уже вовсе; и прочее и прочее. Нравоученія эти Смарагду такъ надоѣли, что онъ, оперившись уже однажды, раздумывалъ, какъ бы разстаться съ барономъ по добру, вытти изъ этой не-

снесной онеки, которою докучали ему въ насѣднцахъ по цѣлому городу.

Не прошло недѣли послѣ объясненія Смарагда съ барономъ, по дѣлу о похищенномъ поцѣлудѣ, какъ въ домѣ капитана надъ портомъ наметнули нашему поэту слегка, промежду шутокъ, на это происшествіе. Не успѣвъ Смарагдъ нашъ раздумать и порешить, въ какомъ смыслѣ принять намекъ этотъ, какъ въ другомъ домѣ случилось тоже, и наконецъ мичманъ, товарищи Поцѣлуева, рассказали ему, сибуючись, что вотъ де, Смарагдъ Петровичъ, какіе въ городѣ несутся о васъ слухи. — Это уже избѣсило нашего исателя поцѣлуевъ не на шутку, вывело его изъ терпѣнія, и онъ рѣшился разстаться съ барономъ, не говоря ему ни слова, на другой же день. Распустить слухи эти по городу было рѣшительно никому, кромя самого барона, потому, что ни одна душа болѣе ничего объ этомъ не могла знать.

Смарагдъ пришелъ надувшись домой, отыскавъ и нанявъ себѣ уже напередъ жильѣ, скромное, маленькое, но въ то одинокое и еще съ угла на уголъ противъ дома коношатнаго мастера; потомъ, на другое утро, когда баронъ ушелъ на ученье, Смарагдъ оставилъ ему малословную записку, что хочетъ жить одинъ; навѣсточилъ своего деньщика шляпой, саблей, гитарой и чемоданомъ, и перебрался. Тутъ вдохнулъ поэтъ нашъ свободу, настроилъ гитару, сыгралъ и спѣлъ, самъ для себя, старинную италянскую арийку, которую выучилъ его одинъ, очень шѣкный, въковѣчный капитанъ-лейтсмантъ, бывшій еще въ знаменитомъ Коронискомъ походѣ — положилъ гитару, и воспламенившись, по возможности,

воспоминавшами минувшихъ дней, пришлось сочинять посланіе къ надеждѣ, вѣрѣ и любви. Несносный, докучливый баронъ удашилъ было въ Смарагда послѣднюю искру даровитости его и даже намѣдлившее приключеніе, котораго поэтъ нашъ такъ давно искалъ и жаждалъ, какъ вдохновенія самаго возвышеннаго и могучаго, доселѣ еще не имѣло никакихъ послѣдствій. — Пытка барона словно окатила Смарагда ведромъ студеной воды. Надобно было навестать, по возможности, утраченное.

Адель фортъ Адельсбургъ возвращался домой съ твердымъ намѣреніемъ сказать малолѣткѣ своему краснорѣчивое, обстоятельное и убѣдительное слово, о существенной пользѣ высшей и низшей тактики, подразумевая въ послѣдней собственно искусство маршированія; а воинственный, рыцарскій духъ барона и изъ этой прозы излекъ для себя свою воззю — и такъ баронъ вошелъ, изготовивъ назидательную рѣчь свою, когда услышалъ, что Смарагда уже нѣтъ и нѣтъ гитары его, и чемодана. Баронъ изумился и глядѣлъ съ четверть часа на дѣвщица своего глазами съ бѣлую помадную банку; а дѣвщица, знакомый уже давно съ этимъ бессмысленнымъ взоромъ, продолжалъ преспокойно обстоятельный разговоръ свой о случившемся, и въ заключеніе подалъ оставленную Поцѣлуевымъ записку. Баронъ прочелъ ее молча, походилъ сокрушительными шагами по комнатѣ и разразился въ проклятіяхъ на людскую неблагодарность.

Между тѣмъ надобно отдать каждому должное: не баронъ распустилъ слухъ, который не безъ причины

огорчилъ столько нашего поэта: деньщикъ Адель фонъ Адельсбурга слышалъ весь разговоръ барина своего съ Поцѣлуевымъ, и былъ прямой виновникъ распущенныхъ сплетней. — Кирюшка, ловкій, молодой парень, изъ господскихъ, былъ отданъ баринномъ въ солдаты, если вѣрять словамъ раскашика, собственно за *вольность* противу женскаго пола; вотъ почему все, относящееся къ этой статьѣ, его очень занимало; онъ наострилъ уши, когда рѣчь пошла по этой части, рассказалъ потомъ все что слышалъ другу своему, кучеру *Портового*, какъ его обыкновенно въ Николаевѣ называли, то есть капитана надъ портомъ; кучеръ, при случаѣ, во время общаго сбора въ людской, за ужиномъ, рассказалъ тоже горничнымъ, а отъ этихъ немного дороги осталось и до барыни и барышень. — Такимъ образомъ вѣсть эта побѣжала, махнувъ хвостомъ какъ брыжливая кобыла, по цѣлому городу и дошла наконецъ до самого Смарагда, съ замѣчаніемъ, что баронъ Адель фонъ Адельсбургъ все это *самъ видѣлъ*. Последнее обстоятельство совершенно убѣдило Поцѣлуева, что баронъ былъ вѣстовщикомъ; иначе кто бы могъ знать, что онъ самъ все это видѣлъ. — Вотъ вамъ обращикъ того, что называютъ сплетнями, отъ которыхъ бываетъ на свѣтѣ столько бѣдъ и горя, и которыя рождаются и плодятся, словно мыши въ подпольѣ и прусаки за печкой.

XII. ПРИВЪСОКЪ или НЕДОВЪСОКЪ:

глава, которую можно и не читать.

А дивное это дѣло, братья и сестрицы, какъ мы пизимъ самъ себя и другъ друга причудами своими, обмолвками, недомолвками, догадками, сомнѣніями, сплетнями, мелочною, бездѣльною неуступчивостію! тебя томить и гложетъ какое-то безпокойство, ты самъ собою недоволенъ, самъ на себя сердитъ, а пеняешь и гнѣваешься на людей; ты, можетъ-статься, и самъ видишь, что оно не ладно, и это тебя раздражаетъ еще болѣе, ты совладать съ собою не умѣешь, подавить сердца своего не можешь, сознаться, что ты самъ виноватъ, самъ въ дуракахъ, не хочешь — а коли тебѣ быть правымъ, такъ надо виноватить другаго. Бѣдовое это дѣло, ей Богу, бѣдовое! Знаю я это по себѣ и по другимъ, и знаетъ чай всякій, кто побольше, кто поменьше; да не каждый признается, а скажетъ опять такъ: не я виноватъ, а люди. Да оно такъ и выходитъ: всѣ говорятъ: люди виноваты — мы указываемъ на другихъ, другіе на насъ — круговая порука. Эти-то отношенія мутятъ чистый источникъ нашей жизни, отравляютъ каждую насущную кроху и каплю. — Эти мелочи, бездѣлки суетной жизни, въ быту нашемъ важнѣе и полновѣснѣе всякой большой бѣды и всякаго зла и горя. У меня умереть сынъ, отецъ, жена, сгорѣть домъ, пропадетъ имѣнье, я обвиняю — и во мнѣ, вождѣ за бѣдою, родится смиреніе: Богъ далъ, Богъ и взялъ, говорю я; поплачу за сыномъ, погрущу за женой, призадумуюсь и надъ сво-

нимъ послѣднимъ часомъ, вздохну, и съ умилениемъ приступаю вновь къ смиренной жизни своей! Въ самой неутѣшной скорби этой, есть что-то утѣдительное, чувство любви и привязанности къ тому, кого я положилъ въ могилу. Домъ сторѣлъ — и я, съсчитавъ свѣкъ, благодарю горячую молитвою Создателя, что онъ пощадилъ ихъ, покоряюсь волѣ его, начинаю жить и дышать снова — и жизнь мнѣ вдвойнѣ дороже: домашній вругъ мой смыкается тѣснѣе, ближе, и я въ душѣ, можетъ статься, такъ счастливъ, какъ не бывалъ и прежде, когда жилъ въ изгнѣннѣ. — И тамъ, большое горе забыто; я переселилъ его, перемотся, вынесъ, на души легче, къ головѣ свѣтлѣе, въ груди у меня спокойнѣе. — Иногда и самолюбіе мнѣ льститъ; я тайно и втихомолку называю себя полумудрецомъ, который превъше всѣхъ ударовъ рока — но.... ежедневныя бездѣльныя дрязги, шаршавая сторона жизни, соръ и осадокъ обусловленнаго быта нашего, взаимныя пренія, пустычныя, мелочныя, недостойныя, пресмыкающіяся.... о, онѣ глажутъ, точатъ, какъ червь, и мукамъ этимъ нѣтъ конца. Отъ утра и до вечера, на каждомъ шагѣ, все тоже, и тоже — и если бы въ суткахъ было 36 часовъ, и тогда было бы тоже, и вѣдору ртого стало бы на то, чтобы отравить мнѣ 36 часовъ, какъ нынѣ 24.

Безсильный, слабый, ничтожный! такъ; плоть возьметъ свое, разсуждай какъ хочешь, умудрайся какъ знаешь! духъ твой силенъ и могучъ, тамъ, гдѣ онъ просветелъ, гдѣ громкое событіе, могучій толчокъ, заставлятъ его бодрствовать; тамъ онъ, мужаясь, встанетъ и посетъ, не упавъ, тяжкое время свое; но мелочныя

дрянги житейскихъ саботъ утѣмляютъ его и сокрушаютъ, и пасть торжествуеть. Тогда человекъ бываетъ иногда веселосенъ, покуда наконецъ не выведетъ изъ терпѣнія и себя и другихъ; туча разразится, хлынетъ дождь или градъ и — брвога опомнится, очнется; прогляднеть солнышко, настанетъ ведро. Ведро и несчастье — несчастье и ведро — чередуются во всей природѣ и — въ душѣ человека также.

А время летитъ — о, летитъ! покуда мы мотемся мотыльками и мотыгами во всѣ стороны, забываемся, ни о чемъ не думаешь — все хорошо и гладко; а какъ опомнишься, станешь, да призадумашься, да еще оглянешься назадъ — куда какъ летитъ оно!

ХІІІ. СЪЛЪ ДА ПОВХАЛЪ

Въ первый разъ отъ роду Поцѣлуевъ носсерился и разошелся съ человекомъ такимъ образомъ; но опытность достается намъ не даромъ. Въ Смарагдаѣ осталось какое-то непріятное воспоминаніе, котораго онъ долго не могъ выкинуть; сколько ни утѣрялъ себя, что онъ поступилъ хорошо, что иначе нельзя было кончить дѣло, что всему виноватъ одинъ баронъ и больше никто. Къ этому пристаю въ добавокъ еще другое, не менѣе тревожное чувство: Смарагдаѣ въ первый разъ еще увидѣлъ себя предметомъ общаго разговора въ городѣ; судили, ржали, осуждали, оправдывали, обвиняли — каждый пересказывалъ дѣло по своему; мало при томъ шалили и бѣдную Налемду и это вавойнѣ оскорбляло добраго

Смарагда. Онъ по немолъ сталъ менѣе показываться въ люди, товарищи приставали къ нему, допрашивали его, за чѣмъ онъ разошелся съ барономъ, за чѣмъ вдругъ сталъ жить затворникомъ, когда бывало облетывалъ день за день десять, пятнадцать домовъ? Все это досаждало, доучало Смарагду, огорчало его до того, что онъ сталъ искать временной командировки и съ радостнымъ сердцемъ поскакалъ на почтовыхъ въ Севастополь, чтобы, при первомъ открытiи судоходства, занять должностное мѣстечко на фрегатѣ Россiянка и отправиться на ней въ Сухумъ-Кале, крѣпостку нашу, на Абхазскомъ Восточномъ берегу Чернаго моря.

Легче вздохнулосъ Смарагду, когда онъ выѣхалъ изъ *есе-восточной* заставы Николаевской, какъ называютъ ее наши ефрейторы, при утреннихъ рапортахъ своихъ: на этомъ мѣстѣ мысъ, на которомъ городъ стоитъ между двумя рѣками, Бугомъ и Ингуломъ, перехваченъ, во время чумы 1812 года, рогатками, и съ того же времени существуетъ Восточная застава. — По этой дорогѣ Смарагдъ скользилъ черезъ Херсонъ и Перекопъ, по ровной, гладкой, однообразной стени, не выдавъ ничего, кромѣ вьюги и метели; но въ Симферополь приватили его уже на колесахъ, хотя только генварь былъ на исходѣ. — Когда же Смарагдъ переправлялся въ Севастополь черезъ сѣверную бухту, то былъ прiятно изумленъ: городокъ лежитъ довольно живописно, на склонѣ горы, упирающейся въ зеленое море; кровля виситъ, уступами, надъ кромлей, а прихотливое воображенiе расписываетъ за горой этой, горы и долины, водопады, кизилевыя рошя, величественный Чатыръ-дагъ и

южный берегъ Крыма, со всеми чарами и прелестями его. Поцѣлуевъ снова распростеръ объятія и готовъ былъ обнять цѣлый мiръ — не исключая даже и будущаго начальника своего, командира Россiянки, довольно несноснаго грека, котораго зналъ уже по наслыжкѣ.

XIV. А Р Х О Н Т Ъ.

Прибывъ въ Севастополь, Поцѣлуевъ отыскавъ себѣ комнату во второмъ жильѣ, напился чаю и какъ это было уже довольно поздно, то и легъ отдохнуть съ дороги, съ тѣмъ, чтобы утромъ пораньше отправиться для явки къ флотскому начальнику и своему капитану.

Утромъ, когда Смарагдъ началъ одѣваться и деньщикъ его вытеревилъ изъ чемодана за хвосты шитый съ якоремъ мундиръ, вошелъ хозяинъ дома, плотный, черноглазый грекъ, въ широкихъ черныхъ шароварахъ, и черной курткѣ. — Вы меня знаете? спросилъ онъ безъ обиняковъ, и на отрицательный отвѣтъ Поцѣлуева, очень изумился и началъ объяснять ему, бѣглымъ, но ломанымъ языкомъ, растопыривая пальцы обѣихъ рукъ по два и по три, что онъ вотъ такой то Пуло или Муло, родной братъ командира фрегата Россiянки, капитанъ-лейтенанта, хотя этотъ и признаетъ его въ людяхъ только братомъ двоюроднымъ; что они съ братомъ точно и дѣйствительно происходятъ прямымъ трактомъ отъ Архонта древней Греціи, славнаго Еврипида, и что они, точно, дѣйствительно, братья родные — при этомъ Пуло поднялъ два пальца, развелъ ихъ и свелъ опять

вѣсть — не что братъ его Исократъ, занимается не-
много, а впрочемъ предобрый человекъ, и глазъ на глазъ
съ нимъ, или въ своемъ обществѣ, братства не чурает-
ся. — Для Смарагда все это, правда, было немножко
ново; онъ однако же неспросилъ роднаго брата началь-
ника своего сѣсть и занимать его съ четверть часа какъ
гостя. — Потомокъ Архонта разговорился до того,
что разсказалъ уже почти всѣ дивные походы и похож-
денія свои по островамъ Средиземнаго моря, приклады-
ваясь старымъ и бывальымъ морякомъ, когда вошелъ
деньщикъ Поцѣлуева, тертый Севастопольскій матросъ,
и сказалъ безъ обиняковъ хозяину: «что слышишь тутъ
да балагуришь? тамъ пришли за тобой, спрашиваютъ
тебя въ лавочкѣ.» Будущій вонтель за *сул улцесства*
всталъ, раскланялся и ушелъ.

— Въ какую лавочку ты позвалъ хозяина, Ники-
форъ? — спросилъ Поцѣлуевъ, ничего не понимал.

— Да въ свою; отвѣчалъ тотъ.

— Какъ въ свою? какая жъ у тебя тутъ лавочка?

— У меня нѣтъ, да у него есть. У него своя ла-
вочка подъ нами, тамъ его за чѣмъ-то спрашивали, при-
бѣгалъ оттомъ малосольный гречонокъ. —

— Чѣмъ же онъ торгуешь?

— Да извѣстно, такъ, съ пуговки на петельку пере-
бывается: изюмомъ, орѣхами, оливками, финиками, та-
бакомъ, балыками. Есть у него и трубки, да армянныи,
смотрѣлъ я, стамбулокъ нѣтъ; вотъ у сосѣда есть ма-
сюция.

Вотъ въ какую я землю заѣхалъ, подумалъ про себя
Поцѣлуевъ — одѣлся и пошелъ явиться. — Проходя

нико лавочни своего хозяина, потомка знаменитого Архонта Евридина, Смарагда видѣлъ, какъ тотъ обѣщивалъ жидо-вертняка на двухъ золотникахъ чернаго шелку и спорилъ и кричалъ, между тѣмъ какъ жидъ бранилъ его и увѣрялъ всякаго, кому угодно было послушать, что онъ поймавъ этого мошенника уже въ другой разъ на обѣсъ. Усатый плутъ, увидѣвъ Смарагда, звалъ его въ свидѣтели; но этотъ свѣшилъ скорѣе проты и убраться.

ХУ. П О Ц Ъ Л У Е В ъ № 2.

Архонтъ — такъ мы будемъ называть отца и командира Россіянки, а имя его, которое означивалось, какъ сказалъ я, на *Нуло* или *Муло*, оставимъ въ покоѣ — Архонтъ прицѣлъ Смарагда, какъ Николаевскаго, повѣжливѣе обыкновеннаго; шепеля, или собственно *присусмыкился*, онъ сказалъ ему нѣсколько снисходительныхъ словъ: «очень радъ, сто будемъ слушать вѣсть», — и тому подобное. — Смарагда думалъ видѣть почтеннаго хозяина своего, только безъ усомъ и въ мушкетрнхъ сертунѣ; такъ схожи были оба брата.

Смарагду досталось пожить въ Севастополѣ, по случаю разныхъ задержекъ въ отправленіи Россіянки, добрыхъ два мѣсяца. Не слишкомъ гонимся за вѣдомъ въ свѣтское общество, Поцѣлуевъ замѣтилъ однако же вскорѣ большую разницу между бытомъ въ Николаевѣ и въ Севастополѣ. Тамъ молодыхъ офицеровъ было не слишкомъ много, въ нихъ даже иногда нумалась, въ

наши времена отчаянной пляски, и, сверхъ того, это были, большею частію, матушкины дѣтны; тутъ, напротивъ, въ Севастополѣ, городокъ былъ заваленъ мичманами, и для нихъ, кромѣ избранныхъ, въ гостиницѣхъ лишняго мѣста не было; женатые моряки, какъ люди большею частію безъ достатка, жили очень скромно, уединенно; у портовыхъ былъ уже свой знакомый кругъ, а шваловиной холостежи столько, что семейные люди стали уже разборчивы и осторожны. Жизнь первыхъ по неволѣ была скучная, одинокая и если не распутная, то, по крайности, безпутная. Занятій и развлеченій, кромѣ служебныхъ, почти никакихъ; знакомство и бесѣда почти только промежду собою; поживъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, молодому человѣку трудно остаться такимъ, чтобы онъ былъ охотъ на своемъ мѣстѣ, въ своей тарелкѣ, если приобщить его снова къ хорошему, свѣтскому обществу; онъ отыскать, отстанетъ, одиночаетъ; и пріемы не тѣ, и не те на умѣ. Просимъ замѣтить, что все это мы говоримъ о времени не нынѣшнемъ, а бываломъ.

Но со Смарагдомъ былъ въ Севастополѣ случай, о которомъ надобно упомянуть. Выпросивъ у капитана своего шлюбку, Поцѣлуевъ, съ двумя товарищами, отправился въ одно утро осматрѣть Американъ, какъ его здѣсь обыкновенно называютъ, или Никерманъ, какъ его называть должно. Раскапывая тамъ по обширнымъ пещерамъ, вывѣтреннымъ, какъ говорятъ, генуезцами, въ известковой скалѣ, мичманѣ наши встрѣтили общество, гдѣ было также нѣсколько женщинъ. Смарагдъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ нѣсколько разъ, мимохо-

домъ, на прекрасное лице одной изъ дѣвицъ, въ которой необыкновенно правильныя черты, изящный погибъ носа и лбиной кости, особенно погибъ свода глазнаго, края его, бровь, рѣсицы и черныя очи изобличали греческую кровь. Случилось, что общество это отправилось изъ Инкермана, водою же, вмѣстѣ съ нашими мичманами — а можетъ быть эти и не безъ намѣренія такъ подогнали и приговорили свой часъ отъѣзда. Общество ушло на шлюбкахъ и катерѣ, а наши молодцы отвалили въ слѣдъ за ними. Красавица сидѣла съ теткою своею и другими на третьей шлюбкѣ. Шли подъ парусами почти въ нелѣтра; какой то разудалый, отчаянный констапель, провожатый красавицы, управляя рулемъ, вздумалъ притянуться старымъ и бывалымъ морякомъ; началъ командовать и распорядиться, хотѣлъ обогнать передовыхъ и не успѣлъ оглянуться, какъ шквалъ ударилъ въ паруса и шлюпка, отутювшись вверхъ вилемъ, нашего констапеля накрыла. Констапель констапелемъ, но тутъ были и другіе. Поцѣлуевъ успѣлъ только закричать матросамъ своимъ: паруса долой, ухватить конецъ какой то снасти и кинуться въ воду, какъ шлюбка его летѣла уже мимо самаго неврища кораблекрушенія; Смарагдъ рванулся во всѣхъ силы, не упуская конца изъ рукъ, ухватилъ утопанную незнакомку свою за платье и былъ вытасненъ матросомъ, за веревку, на яликъ, который въ тотъ же мигъ пропало и сбило вѣтромъ и волненіемъ въ сторону. Тогда только передовая шлюбка и тяжелый катеръ успѣли опустить паруса и выкинуть весла, чтобы спасти погибающихъ; но двое изъ нихъ утонули и въ томъ

числѣ бѣдная тетя. Смарагдъ поучилси весьма плавать у известнаго дикаря Кобрри, который былъ въвѣзшъ единикъ изъ кругосвѣтныхъ плавателей нашихъ съ другаго полушарія и состоялъ тогда учителемъ плаванія при морскомъ корнусѣ. Смуглое, расписанное синей красной линіе этого земноводнаго, было въ странной противоположности съ нашими мундиромъ; но за то для Кобрри вода представляла ту только разницу отъ земли, что была мокра; а жить, казалось, ему было одинаково хорошо и тутъ и тамъ.

Грѣшникъ я человекъ — а слажу правду: Смарагдъ при этомъ дѣлѣ покрывалъ душой. Когда онъ впнулся въ море, несчастная тетя была у него вѣтъ ближе подъ руками; но онъ, словно не видѣлъ предсмертной, судорожной борьбы ея съ соленою стихією, словно не слышалъ отчаяннаго, дикаго крика — онъ промчалъ мимо, оставилъ ее въ трехъ шагахъ за собою и выхватилъ изъ полусемкнутыхъ уже челюстей страшной смерти, мелодію, очаровательную гречанку. —

Смарагдъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ это невольна, безъ самосознанія, безъ размышленія; но крайней мѣрѣ обдуманная послѣ, на свободѣ, какъ и что было, онъ не могъ отдать себѣ въ этомъ никакаго отчета; — но все таки онъ былъ виною смерти бѣдной тетки; онъ могъ спасти ее и далъ ей утѣшуть, вслѣдствіе эту горькую, соленую смерть, и предпочелъ старухѣ молодую, за то только, что она была молода и хороша. Отъ чего это и почему? какъ объяснить такой невольный перывъ и сколько правъ тутъ Смарагдъ и сколько виноватъ?

Отецъ молодой красавицы, на первый случай не край-

ней мѣръ, не пускался въ разборъ этого душевного вопроса, хотя и видѣлъ, можетъ быть, какъ дѣло происходило. Онъ подоспѣлъ на катерѣ въ то самое время, когда мичманъ укладывали дочь его на плащахъ своихъ и ими же ее накрывали. Онъ кинулся въ яликъ, дрожалъ, плакалъ, рыдалъ, цѣловалъ дочь, обнималъ всѣхъ; потомъ вынулъ бумажникъ и отдалъ его четыремъ гребцамъ мичманскаго ялика. Подняли паруса и спѣшили добраться до пристани в домой.

Отецъ этотъ былъ русскій, зажиточный помѣщикъ, переселившійся еще въ молодыхъ лѣтахъ въ Крымъ и занявшійся тамъ разводкою и обработкою винограда и шелка. Женившись на гречанкѣ, онъ былъ отцемъ, спасенной Поцѣлуевымъ, образцовой красавицы. Онъ не зналъ чѣмъ доказать безконечную благодарность свою; отыскавъ на другой же день спасителя дочери, онъ плакалъ передъ нимъ какъ ребенокъ, становился на колѣни и умолялъ принять, въ знакъ благодарности, перстень съ руки ея и десять тысячъ рублей. Поцѣлуевъ съ жадностію ухватился за цвѣтной перстень, а отъ денегъ, по общепринятому у насъ предрасудку, рѣшительно отказался. Старикъ долженъ былъ наконецъ уйти, взявъ съ Поцѣлуева священное обѣщаніе, что онъ обратится къ тому, кому спасъ единственное дѣтшище, при первой нуждѣ или потребности, что будетъ стараться дать ему случай отслужить, хотя бездѣльными услугами, благодареніе, на которое вѣтъ цѣны. Кроме того, Смарагдъ долженъ былъ явиться передъ спасенною имъ дѣвушкою лично, выслушать очаровательный лепетъ признательности ея, и принять, по настоянію

Мичм. Поцѣлуевъ.

4

отца, дѣвственный ея поцѣлуй. И такъ поэтъ нашъ наконецъ таки опять добился до вдохновительнаго поцѣлуя.

Можете себѣ представить, что Смарагдъ нашъ былъ совершенно счастливъ: онъ какъ-то чувствовалъ себя, выросъ въ сутки на цѣлую четверть; и съ этой самой минуты началъ въ немъ совершаться переворотъ, переходъ отъ юноши къ мужу. Счастливое событіе въ Инкерманѣ много облегчило доброму Смарагду перенести, не унывая духомъ, не упадая, самый приступъ, начало, этого критическаго перелома: оно озарило, единожды на всегда, розовымъ отблескомъ предстоявшій юношѣ горькій опытъ въ познаніи свѣта и людей, и если и не могло, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, предохранить Смарагда отъ этихъ порывовъ отчаянья, безотчетнаго внутренняго волненія и безпокойства, то, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе этого драгоценнаго дня услужливо расписывало ему всѣ предметы радужными цвѣтами; и онъ берегъ и цѣнилъ заветное, граверное стеклышко свое, заглядывая въ него частенько и не безъ отрады.

О, поэзія! подумалъ Смарагдъ, потирая руки, когда пилъ вечеромъ одинъ свой чай, — вотъ чистая поэзія! Вотъ гдѣ искать вдохновенія! И съѣлъ, и написалъ безмѣрно пышный приступъ къ какой-то поэмѣ.

XVI РОССІЯНКА НА ПРОСТОРѢ.

Вскорѣ фрегатъ вытянулся на рейдъ и Смарагдъ не считалъ себя болѣе жителемъ Севастополя: онъ былъ

уже гражданинъ Россіянки. Тамъ его сабля, тамъ его койка, тамъ его записки, и много начатыхъ стихотвореній. Тамъ гитара, тамъ онъ рассказываетъ и самъ, съ перстенькомъ на лѣвомъ мизинцѣ, и ему думается, что это золотая медаль па владимірской лентѣ, съ надписью: *за спасеніе пошбавшихъ*.

Между тѣмъ насталъ и день отплытія. Въ 10 часовъ утра, капитанъ вышелъ на шханцы и приказалъ сниматься съ якоря. Старшій лейтенантъ принялъ команду; когда онъ взялъ со шпиля рупоръ, сумувъ его подъ мышку, то боцманъ выхватилъ дудку свою и, разстановивши на ней пальцы, ожидалъ команднаго слова. Офицеры всѣ вышли, капитанъ рассказывалъ одинъ по правой сторонѣ шханецъ, старшій лейтенантъ прокомандовалъ: *свищи на верхъ*—боцманскій свистокъ раздался надъ гротъ люкомъ, а въ слѣдъ за тѣмъ слова: пошолъ всѣ да верхъ!

Матросы высочили бѣгомъ, ютовые на ютъ, шханечные на шханцы, баковые на бакъ, а марсовые стали по бортамъ, ухватившись одной рукой за ванты и провожая глазами лейтенанта.

Звучно раздавался ясный голосъ его, боцманское *есть!* вторило ему, и кромѣ этихъ двухъ голосовъ, свистка и топота, не было слышно ни звука: изрѣдка только урядники въ полголоса повторяли и передавали тутъ или тамъ команду лейтенанта, свистокъ боцмана — наконецъ Россіянка; за словомъ боцмана: всталъ якорь! распахнула крылья свои, взмахнула ими; лейтенантъ scomандовалъ: «клинверъ подымай! на брасы, на лѣвую — право руля!» и красавица быстро и мѣрно покатила

подъ вѣтеръ, въ лѣво, описала пологорота и, по слову лейтенанта («одерживай!») закачалась, будто бы у нея закружилась отъ быстрого оборота голова; потомъ двинулась впередъ, распахнула бизань, брамсели и вода зашвырялась подъ водорѣзомъ, и рулевой уже поглядывалъ на компасъ, матросы прибирали снасти, вышбоекъ; а боцманъ, сидя верхомъ на кранбалкѣ, управлялся съ неповоротливыйиъ подчиненнымъ своимъ, господиномъ плехтомъ, въ которомъ было, по надписи, вѣсу 203 пуда. Онъ упрямо упрямся желѣзными лапами своими въ бортъ, не охотно повинуюсь неизмѣнной участи своей, быть посажену на цѣпь, до новой стоянки; но боцманъ его пересилилъ: повѣсилъ на пертулинь, подвелъ рустовъ, желѣзную цѣпь, и узникъ смирился.

Берега бѣжали, чайки вились, свинки играли, перекладываясь черезъ голову, кудрявая волна гналась за волной — и Россіянка уже обогнула древній Херсонесъ, Балажлаву, уже быстро летѣла мимо Аю-дага, мимо южныхъ береговъ нашего Крыма. Смарагдъ, въ должности; стоялъ на бакъ, облокотясь о лѣвый бортъ и глядѣлъ на новую для него природу, на живописныя скалы, на синій Чатыр-дагъ; Архонтъ ушелъ въ свою каюту; офицеры разбрелись, половина команды осталась на вахтѣ, другая половина ушла на низъ; свѣжій брамсельный вѣтерокъ; игралъ съ снастями и парусахъ и только изрѣдка раздавался въ тишинѣ этой голоеъ вахтеннаго: *на брамфалахъ столтъ!* и Смарагдъ самъ отвѣчалъ: *есм!* и гордился отвѣтомъ этимъ и должностью своею, тѣмъ, что и онъ теперь уже что нибудь да значилъ — у него стало на душѣ какъ-то тепло и отрадно, ему хотѣлось

обнять прекрасную Россіянку, таѣ онъ полюбилъ ее, гордую, пышную, смѣлую — онъ въ ту же минуту, не читавъ Саламандры, сравнилъ Россіянку свою съ дѣвою, которой придавъ всѣ возможныя качества и совершенства, и, задумавшись, кивнулъ головою, въ знакъ согласія, когда самъ себя спросилъ: сколько лѣтъ дать дѣвицѣ этой? и самъ же себѣ отвѣчалъ: шестнадцать — и въ слѣдъ за тѣмъ взглянулъ на голубое щѣбо, улыбнулся и, положивъ записную книжечку свою на бортъ, написалъ:

Шестнадцать лѣтъ — магическое слово!

Отрадно вымолвить шестнадцать лѣтъ;

О, какъ свѣжо, какъ молодо и ново:

Звучить въ груди моей: шестнадцать лѣтъ....

призадумался и положилъ книжечку въ карманъ.

Изъ этого читатели видятъ, что Смарагда прилежно читывалъ Карамзина и началъ было писать что-то въ родѣ триолета.

XVII. СМЕРТЬ РОССІЯНКИ.

Вѣтеръ подулъ отъ запада, а слѣдовательно самый порутный для нашей Россіянки и на третьи сутки матросъ съ форъ марса, подъ вечеръ, закричалъ: берегъ видѣнь! — Милая землячка наша доплыла до Абхазіи; и, на другой день, бросила тяжелый плехтъ свой на Сухумскомъ рейдѣ, то есть, стала на якорь, противу крепостцы нашей Сухумъ-кале.

Какъ весело смотрѣть на это, съ берегу, когда ве-

двухъэтажный, изящный фрегатъ становится на якорь! съ начала все мертво и тихо на немъ, не видать ни души — лебедь несется на широкихъ, бѣлыхъ крыльяхъ своихъ, рѣветъ по волнамъ, разбѣгаетъ ихъ, прилегаешь на бокъ, какъ удалой вершникъ, который, избочаясь, несется во весь опоръ — вдругъ вы слышите свистокъ и реи полетѣли на низъ, паруса ослѣли — и въ слѣдъ за тѣмъ народъ, какъ муравьи, разползся по чернымъ снастямъ — еще свистокъ, еще и еще — нижніе углы и края парусовъ отдѣляются отъ реевъ, поднимаются вверхъ, больше и больше, народъ разбѣгается по реямъ — и парусовъ какъ не бывало; Россіянка обратилась уже грудью къ вѣтру, какъ роскошная красавица, которая вышла подышать свѣжимъ воздухомъ; съ кормы развѣвается только флагъ нашъ съ Андреевскимъ крестомъ, и гребное судно уже отваливается и летитъ, подъ мѣрными ударами могучихъ гребцовъ, быстро къ берегу. Но — пора къ дѣлу.

Дней пять спустя, Россіянка все еще стояла на томъ же мѣстѣ, противъ Сухумъ-кале, а юго-западный вѣтеръ завывалъ не на шутку, и по тому же направлению небосклонъ темнѣлъ болѣе и болѣе. Старшій лейтенантъ докладывалъ уже дважды капитану, что давно бы пора сняться съ якоря, и отойти отъ береговъ, которые не обѣщаютъ Россіянкѣ нашей никакой защиты; но фрегату нуженъ былъ тѣсъ, на разныя подѣлки, и Архонтъ, въ этотъ самый день, послалъ уже съ разсвѣтомъ небольшую команду въ горы, вырубить и привезти нѣсколько орѣховыхъ кражей. По этому ему и не хотѣлось отойти отъ береговъ; онъ поджидалъ каждую

мѣнута команду свою съ орѣхомъ и утѣшалъ этимъ вахтеннаго лейтенанта.

И такъ, Россіянка, почувявъ бурю, спустила и убрала верхнія реи и стеньги, какъ улитка, которая вбираетъ рожки свои, при малѣйшемъ прикосновеніи; вытравила еще сажень двадцать канату и готовилась встрѣтить непріятеля грудью.

Время было за полночь. Страшно завывалъ ураганъ; Россіянка вздрагивала всѣмъ тѣломъ, при каждомъ ударѣ разъяренныхъ валовъ; уцѣпившись желѣзными перстами въ дно морское, казалось, напрягала она всѣ силы свои, чтобы удержаться, какъ человѣкъ, висящій на рукахъ своихъ надъ бездною. Вахтенный лейтенантъ ходилъ взадъ и впередъ и покрикивалъ: на лотъ, не дремать! есть — отвѣчалъ лотовой, держа въ рукахъ конецъ веревки, на которой опущено было на дно морское 36 фунтовое ядро — есть, и въ слѣдъ за тѣмъ заревѣлъ дикимъ голосомъ: дрейфитъ, дрейфитъ!

Трави канать! раздался громовый голосъ лейтенанта, трави канать! Смарагдъ Петровичъ, бѣгите скорѣй, торопите ихъ, да приглядите, чтобы не засучило канать, чтобы травила черезъ битенгъ!

И когда глухой, непрерывный и пронзительный стукъ каната по битенгу и обитому свинцомъ влозу раздавался, и дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ и ставамъ фрегата, а къ этому еще рѣзкій голосъ лейтенанта и шепотъ команды внизу и вверху, въ палубѣ и на шканцахъ — то капитанъ, догадавшись въ чемъ дѣло, наскоро одѣлся и вышелъ.

Вытравила еще сажень 20 канату, лейтенантъ сто-

идь впередъ у лотоваго и смотрѣть на лотъ; казалось, якорь опять забралъ; Россіянка рамашисто качалась во всю длину свою, носъ и корма поочередно ныряли и воздымались; но шрегатъ стоялъ на мѣстѣ, глухо стоналъ отъ страшныхъ, богатырскихъ ударовъ водяныхъ исполиновъ, и не могъ даже вслывать, по обычаю своему, полною грудью на хребты этихъ движущихся громадъ: огромный валъ за валомъ ударялъ въ Россіянку, она усильно пыталась каждый разъ подняться, перелетѣть этотъ встрѣчный хребетъ, и задержанная толстымъ, въ перехватъ, канатомъ, сильно вздрагивала всѣмъ тѣломъ своимъ и, казалось, готова была нырнуть, пропустить валъ черезъ себя; огромные всплески обмывали всю поверхность страдальцы; отъ гальюна до самаго гака-борта, не было уже сухаго мѣста. Борты давно были закрыты, — люки закрыты — не ураганъ свирѣпѣлъ, съ минуты на минуту, и лотовой опять уже завывалъ: дрейфить!

Когда вытравленъ былъ весь канатъ, брошены другой якорь, спущены стеньги и бѣдная Россіянка все еще не могла удержаться на мѣстѣ, а выбившись изъ силъ дрожала и стонала громче и громче — тогда оставалось одно: рубить канатъ и бороться съ ураганомъ подъ нижними парусами. Светонокъ боцмана и краткое аэрали раздалися надъ люкомъ, и вся команда, дежурники и ва-стеровые, офицеры и самъ капитанъ не сходили уже съ верху. Отрубили канаты, оставили, съ величайшимъ трудомъ, нижніе стаксели, штормовую бизань и зарисованный фокъ, чтобы нести сколько можно болѣе парусовъ, четыре лучшихъ рулевыхъ стали на свое мѣсто

и лейтенантъ безпрестанно покрикивалъ, глядя на паруса: «придерживайсь — держи круче — клади больше руля, клади смѣлѣй!»

Свободнѣе вздохнула Россіянка на просторѣ, смѣло легла на бокъ, взлетала на хребты и спускалась въ пропасти, но не долго могла бороться съ свирѣлымъ противникомъ. Бѣдная Россіянка! послушная, бывало, рулю, она катилась, описывая дугу по небосклону, когда старый рулевой клалъ только опытную руку свою на рукоять штурвала, а теперь — руль на бортѣ, фокъ-стаксель убранъ, фокъ изорванъ въ мохры, а она стонетъ, и ныряетъ, и всплываетъ, и летитъ стрѣмой, все по одному направленію, забыла отъ страха все, и самую дисциплину, и не идетъ къ вѣтру, не слушаетъ руля!

Когда разсвѣло, Россіянка все еще боролась и выживалась — но ее уже прижалюкъ приглубому берегу, и нѣтъ надежды на спасенье! бѣдная! какъ она за ночь измѣнилась! гдѣ прекрасный, стройный рангоутъ ея, который такъ гордо и смѣло высился подъ небеса? — убранъ, срущенъ, или поломанъ; его уже нѣтъ; Россіянка маневогасть, испускаетъ только отъ времени до времени послѣдніе, отчаянные стоны и говоритъ дымящимся жерломъ двадцати-четырехъ фунтовой каронады: я погибаю! спасайте, спасайте! а когда хищныя толпы горцевъ натекли со всѣхъ сторонъ съ высотъ валунами на берегъ, изъявляя действительными криками радость свою и надежду на богатую добычу, когда толпа эта стала, забавляясь, стрѣлять въ бѣдствующій фрегатъ, хотя пули и не могли долетать до мѣты, тогда Россіянка боролась какъ разъяренная издыхающая отъ

ранъ, дыща въ предсмертныхъ судорогахъ своихъ стихіями и, въ тоже время, грозно истла дерзкимъ оскорбителямъ своимъ: стояя изрыгала она огонь и смерть: рыкая, какъ звѣрь пустынь африканскихъ, посылала она боевые заряды свои; выстрѣлы раздавались чаще и звучнѣе и, разогнавъ въ одну минуту хищниковъ, казалось, просила еще убѣдительнѣе прежняго: спасите, спасите! Россіянка молить и умоляетъ о спасеніи дѣтей своихъ, не о своемъ.

Наконецъ, силы доблестной землячки нашей истощились; странное волненіе, которое развело западными вѣтрами во всю ширину бездоннаго моря, на которомъ нѣтъ ни одной отмели, ни одного острова, за исключеніемъ развѣ одного только островка у западныхъ береговъ, извѣстнаго подъ-именемъ Змѣйнаго — страшное, громадное волненіе бездонной влаги этой образовало такой прибой въ открытымъ восточнымъ берегамъ, что уже ничего не оставалось, какъ отдаться на произволъ судьбы и думать только о собственномъ своемъ спасеніи.

Надобно отдать нашему Архенту справедливость: онъ былъ хорошии морякъ и офицеръ съ духомъ. Когда гибель сдѣлалась неизбежной, онъ самъ принялъ команду, самъ подавалъ примѣръ хладнокровія и разсудительности и, до послѣдней минуты, все на фрегатѣ было въ величайшемъ порядкѣ. Старшій лейтенантъ былъ одинъ изъ тѣхъ страстныхъ моряковъ, которые бываютъ дома только на шханцахъ; земля подъ ногами досаждала этимъ людямъ на каждомъ шагу; если завезти ихъ на сто верстъ отъ портоваго города, то съ ними дѣлается

удушье, они погибають, какъ бурная птица, которая тогда только живетъ и дышетъ, когда, подъ ревомъ бури, скользитъ на распашныхъ крыльяхъ своихъ по зыбучему косогору исполинской волны. Все это много послужило къ чести русскаго флага, къ порядку и повиновенію экипажа, но не могло уже спасти фрегатъ отъ крушенія. Нѣсколько матросовъ вздумали было, по обычаю своему, надѣвать встрѣчу смерти чистыя рубахи; но голосъ старшаго лейтенанта, которому всегда и все повиновалось, не измѣнилъ ему и на этотъ разъ: всѣ возвратились слова къ работѣ. Пушки, якоря и всѣ подручныя тяжести были скинуты въ море, самъ капитанъ наложилъ руку на мачты и онѣ, въ одну минуту, подъ ударами топоровъ, полетѣли въ море. Бочманъ все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ, на бакѣ, и держался одною рукою за обрубокъ мачты своей, а другою за дудку, хотя уже не было подчиненныхъ его, ни фокъ-мачты, ни кливера, ни господина плехта или дагликса, какъ самъ онъ честилъ подвѣдомственные ему якоря; штурманъ стоялъ еще на ютѣ, какъ будто ожидалъ приказаній, между тѣмъ, какъ осколки штурвала и румпеля лежали у него подъ ногами, руль скрытъ и разгуливалъ вольно на петляхъ своихъ и совладать имъ было не чѣмъ. Наконецъ, бѣдную Россіянку прижалю, выкинуло, повалило на бокъ, и она уже глухо стопала подъ залпными ударами плывучихъ водяныхъ горъ! смиренно и покорно лежала она, предавшись волѣ судьбы, зашолкла; не взывала даже болѣе о помощи.

Изъ Сухума увидѣли съ расвѣтомъ гибель фрегата и пѣхотный баталіонъ выступилъ и пошелъ по берегу,

на помощь бдѣтствующихъ, съ тѣмъ, чтобы во крайней мѣрѣ защитить ихъ отъ ножа Абазиновъ. Русскіе шли на выручку русскихъ — горы дрались отчаянно, каждый кусть, каждый камень, надобно было брать штыкомъ; обогрѣла тутъ кровь русская бѣлое тѣло и канула на землю, и на черной матери сырой землѣ сливалась съ кровью Абазиною. Батальонъ пробился до мѣста, сталъ на берегу противъ фрегата, разсыпалъ вокругъ ишь стрѣлковъ, глядѣлъ спокойно и ожидалъ конца. Пособить было не чѣмъ.

Тогда только капитанъ, собравъ напередъ, вокругъ шпидя, наскоро военный совѣтъ изъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ, кромѣ единодушно было опредѣлено то, что послѣ увидѣвъ, проревѣлъ глухимъ и сильнымъ голосомъ своимъ: *спасайся!* самъ же сидѣлъ онъ неподвижно на сѣткахъ, потому, что фрегатъ лежалъ вовсе на боку, и къ счастью еще вплоть у берега, почти на сухомъ: каждый малетный валъ приподымалъ, подымалъ его и, отхлынувъ, кидалъ громаду, всюю тяжестью ея, на твердый песокъ и камень. Каждый изъ валовъ этихъ оказывалъ съ ногъ до головы всѣхъ: каждый ударъ сбивалъ съ ногъ весь экипажъ, отъ юнги до капитана. За словомъ: *спасайся*, молодые матросы стали кидаться прямо въ море и пробиваться къ берегу; старые болѣею частию надѣвали поспѣшию бѣлые рубахи и потомъ, перекрестившись и выждавъ отступление вала, пускались тудаже. Старшій лейтенантъ, молча, кинулъ рупоръ за бортъ и спокойно глядѣлъ вокругъ себя, не нагибаясь даже при налетѣ громадной и отвѣсной, какъ стѣна, волны.

Уже весь экипажъ Россіянки, до послѣдняго чело-
вѣка, выбрася, болѣе или менѣе благополучно, на берегъ;
первые, просто на своихъ ногахъ, а послѣдніе уже съ
помощію протянутого съ фрегата леера, веревки, а ка-
питанъ, старшій лейтенантъ и Подълуевъ, вызвавшій-
ся охотникомъ, всѣ вмѣстѣ спустились въ гротъ-люкъ.
У лейтенанта былъ въ рукахъ артиллерійскій фитиль
съ жестяной огневкой, которая уцѣлѣла еще послѣ
отчаянной пальбы гибнувшей Россіянки; капитанъ, по-
могая двумъ товарищамъ своимъ стаскивать матросскія
койки и что было подъ рукою въ одну кучу, приго-
варивалъ: «по крайней мѣрѣ голоднымъ волкамъ этимъ
не достанется добычи.» За тѣмъ, раздули, съ большимъ
трудомъ, огонь, и зажгли фрегатъ въ трехъ или четы-
рехъ мѣстахъ. Кончивъ дѣло, всѣ трое подумали о соб-
ственномъ спасеніи. Капитанъ спустился съ фрегата
послѣдній.

Кто не испыталъ немовѣрной силы прибоя, тотъ
не знаетъ какъ трудно челоуѣку выбиться на берегъ
тамъ, гдѣ, не успѣвъ пройти пѣшкомъ, по поясъ въ во-
дѣ, или почти по сухому, десяти шаговъ, онъ снова
бываетъ настигнутъ исполинскою, съ горный хребетъ,
волною, залѣтъ, сбить съ ногъ и отнесенъ опять на та-
кое же разстояніе назадъ. Капитанъ и старшій лейте-
нантъ добились наконецъ кое какъ до берегу; но Сма-
рагда, коего молодые силы истощились, разбило подъ
самымъ берегомъ о скалы и камни и матросы вынесли
его уже замертво на рукахъ. Нѣсколько матросовъ сами
были въ такомъ же состояніи.

Батаillonъ выступилъ снова, и снова прокладывалъ

себѣ и безоружнымъ товарищамъ своимъ дорогу пулей и штыкомъ. Горцы неотвязчиво и дерзко преслѣдовали отрядъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, почти до самыхъ воротъ крѣпости. Каждый кустъ и каждый камень былъ снова занятъ и снова надлежало выбивать отчаяннаго непріятели изъ каждой ямки штыкомъ.

Часто оглядывались моряки наши на дымящіяся остатки своего фрегата! гуще и гуще разстилался дынь клубомъ и наконецъ страшный, потрясающій взрывъ возвѣстилъ о кончинѣ и разрушеніи его. Россіянки уже нѣтъ; но она умерла геройскою смертію, умерла какъ нѣкогда мать Москва наша, нашъ фениксъ, кинувшись въ ярое пламя. Со злобною местию горцы усилили натискъ свой непосредственно послѣ взрыва — но крѣпостныя ядра разсыяли толпы дерзкихъ хищниковъ, ворота растворились и приняли гостеприимно бездомныхъ скитальцевъ.

XVIII СУХОЖИЛЬНОЕ ПРИВИДѢНІЕ.

Въ Николаевѣ нашего Поцѣлуева начали уже забывать, тѣмъ болѣе, что баронъ, этотъ неотступный дядька его, и самъ, въ слѣдъ за Смарагдомъ, какъ мы это скорѣ увидимъ, уѣхалъ. Вспоминала о Смарагдѣ, какъ говорятъ, Надя, и то про себя, да вспоминали кой-какія маменьки, покуда не обзавелись новымъ адъютантомъ, провожатымъ и подручникомъ. Слѣтѣти уснула. Въ Севастополѣ напротивъ, гдѣ Смарагдъ мелькнулъ только падучею звѣздой, гдѣ его въ домахъ почти не

знали и не видали, между тѣмъ какъ молва разгласила, менѣе чѣмъ въ сутки, по цѣлому городу геройскій подвигъ его, въ Севастополѣ онъ былъ и за глаза въ чести и въ славѣ, и всѣ хотѣли его видѣть. Дѣвица, которую онъ спасъ, была въ то время царицей тогдашняго Севастопольскаго общества; все кружилось въ свѣтскомъ вихрѣ у подножія престола ея; походный жертвенникъ воздвигался передъ нею всюду, гдѣ бы она ни явилась, куда бы ни пошла — и онѣмъ на немъ не угасалъ; жрецовъ неутомимыхъ было много. По этому и не мудро, что происшествіе надѣлало много шума въ городѣ; а какъ никто въ своей землѣ пророкомъ не бываетъ, то Смарагду очень кстати пришлось явиться передъ подвигомъ своимъ съ чужой стороны и отплыть опять за море. Кто онъ? откуда? какой Поцѣлуевъ? каковъ онъ собой? на кого похожъ? это составляло любимую бесѣду Севастопольскаго общества, въ теченіе первыхъ двухъ недѣль; прекрасная незнакомка наша, алія и краснѣя, должна была сто разъ на день давать объ этомъ отвѣтъ и отчетъ любопытнымъ. Впрочемъ, темная молва о похищенномъ поцѣлуѣ, разнеслась даже и до Севастополя; но это придавало молодому мичману, въ глазахъ многочисленныхъ партизановъ его, еще болѣе заимательности.

Между тѣмъ какъ его забывали въ Николаевѣ и припоминали въ Севастополѣ, нашего Смарагда внесли въ Сухумскія ворота на солдатскомъ плащѣ; молодой мичманъ все еще былъ безъ памяти. Много народу, по крайней мѣрѣ для Сухума, гдѣ праздною толпой почти нѣтъ — много людей сошлось у крѣпостныхъ воротъ:

встрѣтить бѣдствующихъ. Тутъ же стоялъ и старикъ, высокій, благовидный, въ весьма потертомъ мундирѣ съ сертукъ, безъ эполетъ или погоновъ, съ лицомъ выразительнымъ и благороднымъ. Въ общности, осанка его бросалась въ глаза и располагала очень въ его пользу; въ частности, какая-то отличительная черта по обѣ стороны сомкнутыхъ губъ, по угламъ устъ, придавала лицу его выраженіе умнаго, разсудительнаго, честнаго человѣка, сильнаго духомъ и покорнаго судьбѣ. Замѣчу мимоходомъ, что черта эта въ особенности свойственна русскому лицу подобнаго разбора.

Когда четыре мушкетера, несшіе Поцѣлуева, поровнялись съ незнакомымъ старикомъ этимъ, онъ вздохнулъ глубоко, снялъ фуражку, перекрестился и спросилъ ихъ: «живъ?» живъ, никакъ, отвѣчали мушкетеры, только ошибъ обморокъ. Старикъ подошелъ скорыми шагами къ стоявшему тутъ же коменданту, снялъ передъ нимъ фуражку, и, не накрываясь во все время разговора, просилъ позволенія принять на руки и въ домъ этого раненаго офицера. Получивъ на это позволеніе, онъ догналъ мушкетеровъ и воротилъ ихъ во второй планъ въ третій домикъ съ краю, отъ крѣпостныхъ воротъ.

«Спаленку очистить, Груша, сказалъ онъ вѣдѣвши жень своей, я постояльца привелъ! Олѣнька, продолжалъ онъ, обратившись къ дѣвочкѣ лѣтъ двѣнадцать, бѣги Олѣнька къ кумѣ, къ сосѣдкѣ, проси, чтобъ скорѣе велѣла отыскать кума, Ивана Дмитрича; скажи, что человѣкъ умираетъ: пусть не мѣшчаютъ.»

Поцѣлуева положили на постель, раздѣли, обмыли съ

него кровь, Иванъ Дмитричь, штабъ-лекаръ, явился тотчасъ на зовъ кума и сдѣлалъ все какъ умѣлъ, худо-ли, хорошо-ли, какъ учили его въ былое время каедральные заклинатели жизни и смерти. Смарагда пришелъ въ себя, в первое лицо, на которое въ слѣдъ за тѣмъ упали тусклые взоры его, было блѣднее, худощавое и темно-желтое лицо — знакомого намъ человека: барона Губерта Рудольфовича Адель-фонъ-Адельсбурга; онъ опять уже стоялъ на колѣнохъ у изножья кровати, морщился, хирился, стягивалъ губы въ жемокъ и съ участіемъ глядѣлъ на бывшего своего односума. Смарагда невольно опять зажмурился и старался сообразиться и опомниться: но Николаевъ, Севастополь, Россіанка и Сухумъ — сливались для него вмѣстѣ: милая, незлобная Надя — и несосный, незванный свидѣтель; очаровательная, черноглазая Гречавка и страшное привидѣніе утопленницы, несчастной тетки ея, которую Смарагда видѣлъ въ безпамятствѣ своемъ; рѣзвая и могучая среди необъятнаго, зеленого моря Россіанка, и неистовый ревъ урагана, оглушительный гулъ водяныхъ громадь, и истрный, потрясающій душу, стукъ кля о твердое дно морское — наконецъ мягкая постель, которая не качается качелями, а стоитъ на своихъ ногахъ, общая тишина и спокойствіе, и тутъ же ненавистное лицо рыцаря въ пѣхотномъ мундирѣ — все это слилось для Смарагда въ какую-то несвязную грезу; предавшись волѣ судьбы, онъ зажмурился и спокойно ожидалъ развязки.

XIX. КОМИСАРЬ 13 КЛАССА СУХОДОЛЬНЫЙ.

Лѣтъ тому семьдесятъ, и десятивомъ больше или меньше, было время знаменитое. Дѣя войны съ Польшею и возвращеніе Россіи шести вытѣщенныхъ губерній, населенныхъ не Поляками, а Русскими; дѣя войны съ Турціей, и тутъ опять разширеніе предѣловъ на югъ и взятіе Крыма; война со Швеціей, война съ Персією; Суворовъ, Румянцовъ, Орловъ, Потемкинъ, Державинъ — новые *казаки, уложения, учрежденія* — основаніе Академій, введеніе ассигнацій; а между тѣмъ надобно было смирять и внутреннія смуты: Пугачева, личинныхъ казачковъ, чуму — обо всемъ этомъ много разсказывалъ Иванъ Степановичъ Суходольный, который охотнѣе всего разговаривался, когда его зывали запросто старикомъ, дѣдушкой, не поминая ни родомъ, ни племенемъ, ни званіемъ.

Иванъ Степановичъ былъ на вѣку своемъ и Совѣтъ Судью, заведывалъ и Приказомъ Признанія, когда вой заврденія эти в Онекушскіе Совѣты только что учреждались; былъ онъ потомъ и наместникомъ одной изъ новшескихъ губерній; и наконецъ, занималъ, въ свое время, умную и громкую рѣчь и въ Сенатѣ, когда только что раздѣлили его на департаменты; словомъ, Иванъ Степановичъ былъ на свой пай и на свой вѣкъ челоукомъ. Но нашлись люди, которые не возлюбилъ громкую и сильную рѣчь его и приятное слово: стали подымскиваться и подкапываться подъ Суходольнаго, очернили его; кровь въ немъ закипѣла ключемъ — Иванъ Степановичъ сталъ оправдываться горячо, можетъ быть

гораздо жарче, нежели следовало, и кончиль тѣмъ, что далъ онлеуху такому чловѣку, который битъ по щекамъ еще не бывалъ. Разумѣется, что тутъ не могло уже быть никакого оправданія. Суходольнаго услали на жительство въ Березовъ;—пусть де его тамъ горячится, но маленьку простынетъ.

Но Иванъ Степановичъ не простылъ и не остылъ, хоть и злѣбъ иногда, сказываетъ, въ земляниѣ своей. Никогда и ни на кого не пенялъ онъ за участь свою; онъ говорилъ навротивъ, что ему было бы больно за правосудіе отечества своего, если бы онъ не былъ наказанъ. Но Иванъ Степановичъ и на восьмидесятомъ году говорилъ съ тѣмъ же жаромъ, рѣзалъ такую же отчаянную правду; глаза у него все еще сверкали звѣздочками, кровь вступала въ лице, когда начиналъ онъ рассказывать, какъ что было, и какъ бы, по его, чему быть следовало.

Отъ первой, скончавшейся жены, у Ивана Степановича дѣтей не было; онъ нашелъ себѣ Сибирячку, рослую, здоровую, умную, женился на 50 году и прижилъ сына. Иванъ Степановичъ жилъ съ хозяйкою своею и сыномъ трудяи рукъ своихъ: бѣдно, скудно, но жилъ не владеясь никому; отказавшись на всегда отъ головолопной работы, отъ всѣхъ затѣй, надеждъ и замысловъ, желая быть тѣмъ, чѣмъ его теперь сдѣлали, Иванъ Степановичъ взялъ топоръ въ руки, и, по призыву знаменитаго предшественника своего въ Березовъ, сдѣлался плотникомъ. Суходольный дѣйствительно, на старости лѣтъ, топоромъ своимъ зарабатывалъ себѣ и своимъ насущный хлѣбъ. Пусть читатель заключить изъ этого о силѣ духа и твердости воли Суходольнаго.

Рожденный, вспоенный и закаленный въ бѣдствіяхъ сынъ его, Степанъ, не многимъ чѣмъ развѣ отсталъ отъ отца. Когда же милостивое прощенье дошло изъ отдаленной столицы до концесвѣтнаго Березова, то Суходольный лежалъ уже на одрѣ смерти; но онъ сказалъ, заливаясь слезами, сыну: «Видишь ли, Степанъ, что Рускіе Цари старыхъ слугъ своихъ, и виноватыхъ, не забываютъ? Ступай, когда схоронишь меня, да служи: руки, ноги у тебя здоровыя, да въ Богъ и голову на плечахъ, не хуже чѣмъ у людей, а инаго, Степанъ, мы съ тобою и за поясъ заткнемъ; ступай да служи, отслуживай за меня, я остался въ долгу. Бодышимъ человекомъ не быть тебѣ, есть тамъ безъ насъ, и съ именовъ, и съ чинами; да и не въ томъ сила: свой кругъ да въ всякому; гдѣ Государь указалъ быть мѣсту, тамъ нуженъ и человекъ, надолбу не поставишь и въ новытчики. Мать - Государство наше разрастается во всѣ концы; гдѣ были степи, тамъ стоятъ города — вездѣ нужны люди; а ты, Степанъ, будешь человекомъ, это могу сказать тебѣ теперь, потому, что съ того свѣта уже не отзовусь. Ступай и служи; маи противъ неправды, бѣшь хлѣбъ, къ которому ты, благодаря Бога, уже привыкъ, да заливай его водой, а за правду стой; но не бери примѣра съ отца, не горячись: гдѣ сила твоихъ нѣтъ, тамъ терпи да молчи.»

Недѣли черезъ двѣ, Степанъ положилъ отца въ могилу, въ мерзлую землю, которая во вѣки вѣковъ на глубинѣ не отходитъ, потому, что морозъ прохватываетъ ее глубже, чѣмъ тепло солнечное. Матери Степана, вдовѣ, не хотѣлось заѣзжать въ Россію, какъ Си-

биряки называютъ нашу, европейскую половину государства, и Степанъ отправился одинъ, *служащъ*, по завѣщанію отцовскому, гдѣ случится.

Что же сдѣлалъ Степанъ нашъ и гдѣ и какую онъ сыскалъ себѣ службу Государеву? Ему было уже 18 лѣтъ: онъ не зналъ, да и не заботился о томъ, осталось ли за нимъ родовое дворянство отцовское, или было оно утрачено ссылкой; трудовая, рабочая жизнь его — а отецъ поставилъ было уже и Степана въ хорошіе плотники — жизнь эта была въ разладѣ съ приказной строкой; Степану больно не хотѣлось упражняться съ утра до поздней ночи въ чистописаніи; думалъ онъ было итти въ солдаты, да вспомнилъ про новые города, о которыхъ говорилъ ему отецъ, пошелъ въ услуженіе къ чиновнику, который вѣхалъ изъ Казани въ Херсонъ, и тамъ занялся охотою въ матросы.

Это была жизнь по немъ; жизнь работающая, ѣда плотная и сытная; будь проворенъ, будь расторопенъ, держи ухо на чекъ, да и думай о томъ что дѣлаешь и смекай; держи въ головѣ и помни сорокъ сороковъ галсоу, шкотовъ, гитовыхъ и буленей, мечись за словомъ какъ угорѣлый, да дѣлай дѣло съ толкомъ; самого чорта не бойся, полезай въ него, коли велять, страсти не знай, да за то уже о горохѣ, кашѣ, солонинѣ и чаркѣ водки не заботься, есть всегда. Это Степану Суходольному полюбилось; черезъ годъ со днемъ сталъ онъ матросъ отличный; бывало летомъ летить по вантамъ, бѣгомъ по рею, и верхомъ на ноку, къ штыкъ-боуту, и сидитъ и управляется вольно и смѣло, что казакъ на конѣ. Произвели его въ первую статью, потомъ, какъ

граматнаго и бывалаго, одѣлали рулевыми, произвели и въ квартирмейстеры, боцманъ-маты, въ боцмана, а наконецъ, въ 1⁴ классъ и перевели въ комисары. Нынѣ Иванъ Стѣпановичъ Суходольный все еще служилъ, въ чинѣ 13 класса, комисаромъ при Черноморскомъ флотѣ. Ему уже было лѣтъ подъ шестьдесятъ.

XX. ПОЦЪЛУЙ № 3-й

Когда Поцѣлуевъ отдохнулъ немного, вынулъ чаю и ономнился, сталъ онъ наконецъ спрашивать, гдѣ онъ, и что съ нимъ? — и услышалъ, что онъ въ Сухумѣ, у комисара 13 класса Суходольнаго. Первая мысль за тѣмъ была: а баронъ? какъ онъ сюда попалъ, если я лемалъ не въ бреду? но Степанъ Ивановичъ могъ сказать только то, что капитанъ фонъ Адельсбургъ былъ переведенъ въ здѣшній гарнизонъ не давно и прибылъ всего съ мѣсяцъ, на транспортномъ суднѣ *Грузный*, приходившемъ въ Сухумъ прямо изъ Николаева, съ разными сварганами и припасами. Мы знаемъ больше, и не утаимъ дѣла: послѣ командировки почтеннаго рыцаря въ Николаевъ, на него взвели еще новую пеню: открылось, что у него былъ въ Могилевѣ опять какой-то поединокъ, по поводу мнимой или дѣйствительной обиды, нанесенной какому-то прапорщикомъ одной изъ Могилевскихъ дѣвицъ. За эту новую неугомонность свою, баронъ былъ переведенъ, вскорѣ по отъѣздѣ Смарагда изъ Николаева, въ Сухумъ, куда и поспѣлъ прежде его. Узнавъ въ приписанномъ на планѣ мичманѣ бывшего камерата своего,

благородный баронъ посѣщивъ за нимъ, помогалъ его рѣдѣвать и укладывать, и предлагалъ хозяину, Суходольному, всѣ возможныя услуги и помощь свою. Онъ въ эту минуту воображалъ, что соединяетъ въ себѣ, въ одномъ лицѣ, рыцаря и сестру милосердія.

Поцѣлуеву не только довелось перелѣтовать въ Сухумъ, но онъ жилъ тамъ до слѣдующей весны. Вѣсть о гибели фрегата дошла въ Севастополь не скоро, такъ какъ сухимъ путемъ сообщенія съ Сухумомъ нѣтъ; а поздною осенью посылать суда къ Абхазскому берегу опасно; потому, что рейдъ, стоянка, вовсе открытыя, и защиты отъ вѣтровъ нѣтъ. Такимъ образомъ одинъ только капитанъ, съ нѣсколькими офицерами, перевезены были въ Севастополь на логеръ или тендеръ, зашедшемъ въ Сухумъ съ бумагами, а остальная часть экипажа и въ томъ числѣ Поцѣлуевъ, остались тамъ зимовать. Команда и офицеры исправляли въ крѣпости гарнизонную службу. Въ этомъ отношеніи десять или одиннадцать мѣсяцевъ протекли довольно однообразно, за исключеніемъ вылазки или поиска въ горы, гдѣ задавали небольшой урокъ деревнямъ сосѣдямъ, угонявшимъ скотъ изъ подъ самой крѣпости. Такая наука всегда исходила на нѣсколько мѣсяцевъ, а потому надобно было опять напомнить прошлое. Поцѣлуевъ при семъ случаѣ узналъ нѣсколько этотъ родъ войны и самыхъ горцевъ, тѣмъ болѣе, что дѣло не кончилось выжегомъ нѣсколькихъ ауловъ: сильныя толпы стеклись для нападенія на небольшой отрядъ, завязывалась нѣсколько разъ рукопашная драка и Смирнову удалось везти съ матросами своими въ заваль, отъ восточнаго отчаянные горы съ

ножами въ рукахъ, съ неистовымъ крикомъ, уже дважды сряду отбили отчаяннаго барона. Какъ баронъ, такъ и Пощелуевъ, оба были равны при этомъ; баронъ тяжело, пулю въ грудь, а Смарагдъ легко, но славно, обоюдоострымъ кинжаломъ въ плечо на вылетъ. И когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, навѣстано было въ ниваллѣ: «за отличіе въ сраженіи противъ горцевъ, ничманъ Пощелуевъ орденомъ св. Анны 4 степени» то Смарагдъ, привѣтливая крестикъ свой къ саблѣ, пощеловалъ его безъ всякаго ланжества; поэтъ нашъ чувствовалъ, что заслужилъ кровью своею эту награду и потому она была ему дорога.

Но все это въ разсказѣ нашемъ не главное; главное и существенное для насъ то, что Смарагдъ сношался веротко съ поттенциемъ, въ полномъ смыслѣ слова, хозяиномъ своимъ, у котораго жилъ во все время, и долженъ былъ его глубоко уважать. Безкорыстная и беззаботная къ себѣ самому душа, онъ только и дѣлалъ службою, былъ вѣренъ какъ замокъ, честенъ какъ добрая сума, изъ которой, что положишь, то и вынешь; правдушенъ, какъ олицетворенная истина. Командантъ самъ сказалъ однажды, въ разговорѣ съ Пощелуевымъ: «хотя Суходольный и не нашего, т. е. не армейскаго, вѣдомства, но у меня здѣсь нѣтъ человѣка, на котораго я бы могъ положиться, какъ на него; я не могу и самъ себя приказывать такъ какъ ему, и поручаю Суходольному многое, болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по званію его.»

Главное также, что Смарагдъ не менѣе того уважалъ и хозяйку свою, урешденную Антонию или Кахетинку, взятую двухлѣтнимъ ребенкомъ на одну изъ даль-

никъ поисковъ соединенныхъ отрядовъ внутри земель и съ приморья. Только лице и станъ напоминали въ ней горекую кровь; сама она обрусѣла совершенно, выросла въ домѣ у зажиточнаго отца семейства и получила очень порядочное образованіе. Природа одарила ее умомъ и сердцемъ, воспитаніе дало тому и другому хорошее направленіе; таковъ человѣкъ: между Ньютономъ и дикаремъ людоѣдомъ, который считаетъ только до семи, вся разница, все различіе въ одномъ воспитаніи; обмѣните ихъ въ колыбели и одинъ легко могъ бы сдѣлать-ся другимъ.

Главное еще, что ребенокъ Ольга необыкновенно привязалась къ Смарагду, а онъ не менѣе того къ ней. Она была ученицей его, и время, годъ этотъ, не пропалъ, ни для него, ни для нея. Начиная съ гитары своей и почти до теорій и практики вораблеводства Гамблши, Смарагда передалъ Ольгѣ все, что зналъ самъ. У комеданта нашелся очень порядочный подборъ книгъ; почти все было перечитано въ теченіе длинныхъ зимнихъ вечеровъ, которые хотя въ Сухумѣ гораздо короче нашихъ петербургскихъ, но все еще довольно длинны, если сидѣть въ заперти въ крѣпостныхъ стѣнахъ. Смарагда не ходилъ почти нигуда; ему дома было такъ хорошо, такъ укротно, пріютно, весело, что онъ не хотѣлъ болѣе ничего, какъ сидѣть съ Оливькою, да иногда еще побесѣдовать съ матерью ея и старикомъ Суходольскимъ. Старикъ и жена его, Анна Ивановна, любили Смарагда какъ сына, и если не было на свѣтѣ мучаема, который бы смотрѣлъ съ такимъ внутреннимъ благоговѣніемъ на комисара 13 класса, то вѣрно не бы-

до на свѣтъ и другаго комисара 13 класса Суходольнаго.

Баронъ, правда, опять было пытался нѣсколько разъ отклонить Смарагда отъ непримичной связи съ семействомъ комисара 13 класса.—«13 класса! восклицалъ баронъ, и волосъ на немъподымался дыбомъ; 13 класса!....» Но Смарагдъ уже болѣе барону не поддавался, былъ съ нимъ холоденъ, малословенъ и дѣлалъ что хотѣлъ. Баронъ наконецъ понялъ это, горько самъ себя плакался на неблагодарность людскую и оставилъ Смарагда въ покоѣ.

Когда, на слѣдующую весну, Смарагдъ спускался вечеромъ съ небольшою командою дровосѣковъ, вооруженныхъ ружьями и полнымъ числомъ боевыхъ патроновъ, съ приморскихъ горъ, и вдругъ услышалъ радостные клики матросовъ: гляди-ка, пришелъ фрегатъ! и то пришелъ! это за нами не бось! да это никакъ Лександра — то есть Александра — когда Смарагдъ услышалъ это, и глянувъ увидѣлъ передъ собою необъятное, безконечное море и флагъ съ Андреевскимъ крестомъ во бѣлomu полну на Сухумскомъ рейдѣ—то привадутился; хотя, по совѣсти, самъ не зная о чемъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что ему хотѣлось вытти наконецъ изъ Сухума, гдѣ ему вѣкъ вѣковать не приходилось; но ему что-то взгрустнулось.

Сколько неисправимый, до времени, поэтъ нашъ привадутился тутъ самъ надъ собою, надъ тѣмъ, что было съ нимъ, и что будетъ; и сколько была тутъ виновата Оливья, которой, впрочемъ, всего только на днѣхъ минуло, върнымъ счетомъ, столько же лѣтъ, сколько на отцѣ ея было класснаго чину — этого вопроса и рѣ-

шить не возьмусь. Привязанность была дѣтская, братская, но запада Смарагда въ душу глубоко; прощаясь съ Ольгивною, онъ поцѣловалъ ее, въ присутствіи родителей и отдалъ ей на память—завѣтный перстенецъ спавшей имъ Маріи.

XXI. ОНЯТЬ ТОСКА.

Въ этой главѣ и въ слѣдующей мы захватимъ для ровнаго счету и сравнительнаго соображенія, по три года жизни Смарагда, потому что пишемъ не дневникъ его, а только перечень извѣстнаго участка его жизни.

Когда Смарагдъ нашъ воротился въ Николаевъ, то онъ былъ, правда, еще нѣсколько времени въ этомъ вдохновенномъ состояніи, искалъ еще на пути своемъ вираве и влѣво розъ и незабудокъ, лилій и фіалокъ — но даже и эти невнятные цвѣточки напоминали ему декучливый щитъ и гербъ несноснаго барона, и юношескаго пыла хватило не на долго; Смарагдъ иногда не доискивался цвѣтнаго стеклышка своего, а иногда оно было мутно и тускло и мало ему служило.

Смарагдъ вошелъ на 21 году въ тѣ лѣта, въ которыя вступаютъ иные раньше, иные позже, но которыхъ человѣку съ душой ни обойти, ни объѣхать: это неминуемое послѣдствіе нашего образованія и воспитанія, оставящее насъ ножемъ къ ножу и зѣвъ въ зѣвъ, со свѣтомъ, гдѣ доводится жить. Мечта, которая поддерживается и развивается въ насъ воспитаніемъ, и сущность, которую находятъ въ свѣтѣ, вѣсто мечты своей, это

собака съ кошкой; имъ ужиться нельзя, тѣмъ болѣе, что они щенкомъ и котенкомъ не свылились, а сходятся въ первый разъ, собака, когда уже переоголодала, а кошка, старымъ и тертымъ котомъ. И кошка беретъ верхъ: не силою своею, а когтями, которые всегда держитъ про запасъ въ пушистыхъ своихъ рукавичкахъ.

Смарагдъ не ходилъ уже, какъ бывало прежде, безъ разбору во всѣ дома, гдѣ только крылечко усыпано песочкомъ и хозяинъ или хозяйка говорятъ всякому: милости просимъ; Смарагдъ не обнималъ уже болѣе встрѣчнаго и поперечнаго со слезою блаженства на глазахъ, а цѣловался съ людьми только въ пасху, и то потому, что это такъ заведено; Смарагдъ давно уже пересталъ искать вдохновеннаго поцѣлуя, давно уже не высыпалъ всей сокровищницы сердца своего передъ всякимъ, кто подаетъ ему, улыбаясь, руку; Смарагдъ видѣлъ уже въ начальникѣ своемъ только начальника, въ смыслѣ служебномъ — и прочее. Кромѣ того жизнь его по неволѣ много походила на жизнь азіятца, то есть была тупа, бездѣйствена и туневидна. Но то, съ чѣмъ или при чемъ благоденствуетъ Турокъ, убиваетъ европейца, коего душа требуетъ дѣятельности. Самые даже Италианцы бѣгаютъ отъ нечего дѣлать по улицамъ и кричатъ другъ другу во все горло: *fa freddo, signore*, или *fa caldo*. Смарагдъ жаждалъ познаній, душа его требовала постоянныхъ, урочныхъ и полезныхъ занятій — а между тѣмъ онъ носилъ ее съ собою въ караулъ, на знаменитую гауптвахту въ Молдаванскомъ домѣ, иногда на переключку въ казармы у вольнаго доку, носилъ какъ гостью, какъ чужую, и самъ видѣлъ, что этой пищи для нея

было не достаточно. Вотъ почему везтъ нашъ годъ не съ большимъ пробылся, а тамъ начала его одолѣвать тоска, сердце стало изнывать, не зная по комъ и по чему, душа надсѣдалась, умствуя, утѣшая и болѣя сама; и бѣдный Смарагдъ не зналъ куда самому отъ себя дѣваться.

Въ это время на него находили полосами, шквалами, минуты отчаянья, которыя, послѣ бессонницы, оканчивались общимъ изнеможеніемъ и отраднымъ сномъ; находили полосами дни и недѣли, въ которыя онъ мечталъ быть, то опять таки поэтомъ, то математикомъ, то живописцемъ, то хотѣлъ сдѣлаться, по призванію, филологомъ и начиналъ учиться по гречески и по латыни; а наконецъ, совершенно отчаявшись во всякой способности своей, во всякомъ успѣхѣ, вспомнилъ Степана Ивановича Суходольнаго и расказъ про отца его, пошелъ въ науку къ столяру, съ тѣмъ, чтобы дослужить казенные годы, вытти въ отставку, бросить все и сдѣлаться столяромъ. Последнее вамъ покажется нелѣпо; вы скажете: надобно съ ума сойти, чтобы такая мысль зашла въ голову; а я и вамъ и всякому другому, кто только увидитъ себя въ такомъ состояніи, какъ былъ тогда Смарагдъ, отъ души посоветую послѣдовать его примѣру. Утомленіе тѣлесныхъ силъ, всего скорѣе и лучше выручить васъ изъ этого гибельнаго состоянія, въ которомъ вамъ придется бороться долго, если захотите пересилить его однимъ только разсудкомъ. А что вы будете знать столярную работу, такъ это вамъ уже конечно нигдѣ и ни въ чемъ помѣхою не будетъ.

Смарагда, при издѣшнемъ положеніи его, сильно

подмывало на какоенибудь путешествіе, куда бы то ни было, только бы подальше и на долго; но у него не было ни средствъ, ни возможности исполнить мечты свои и онъ по неволѣ довольствовался тѣмъ, что сходилъ въ одно лѣто на канонирской лодкѣ въ Измаилъ и Килію; а въ другое, простоялъ на Очаковской брандвахтѣ и стрѣлялъ съ отчаянья куликовъ и утокъ на Кинбурнской косѣ. Зиму проводилъ онъ, какъ описалъ я выше. Между тѣмъ, случилось вотъ что: Поцѣлуевъ былъ на званомъ вечерѣ у капитана надъ портомъ, гдѣ хозяйка, отъ нечего дѣлать, спросила у только что возвратившагося отъ Абхазскихъ береговъ лейтенанта, что подѣлываетъ въ Сухумѣ этотъ вытяжной чудакъ, баронъ, котораго мудреное прозваніе она никогда не могла упомянуть. Знаю, отвѣчалъ лейтенантъ, Адель-Фоль-Адельбургъ; онъ бѣдняжка совсѣмъ состарѣлся, сморщился пуще прежняго, страдаетъ отъ тяжелой раны, съ которою няньчтся уже года съ два и съ горя издумалъ нынѣ жениться — и на комъ бы вы думали, сударыня? этотъ пышный, великолѣпный баронъ, женится на дочери комисара 13 класса.

Слушатели захоли и захали со всѣхъ сторонъ. Смарагдъ вспыхнулъ, потомъ обомлѣлъ, но собрался съ духомъ и спросилъ тутъ же: а кто таковъ этотъ комисаръ и какъ его зовутъ, вы не знаете? Суходольный, отвѣчалъ лейтенантъ. Это человѣкъ замѣчательный; вы вѣрно слышали объ немъ, когда зимовали въ Сухумѣ; мудрецъ въ своемъ родѣ, если хотите, и не только на словахъ, а на дѣлѣ; но человѣкъ немножко безпокойный, и потому его держатъ отъ себя подаль-

ше. Отецъ его былъ известный вельможа Екатерининскихъ временъ, столбовой дворянинъ, и былъ, кажется, сосланъ. Нашъ баронъ, донскавшись этого родоваго дворянства Суходольнаго, ухватился за него, какъ стаксель за свой лееръ: по немъ подымается, по немъ и спускается; хочеть, видно, дожить остальной вѣкъ своей рука объ руку съ нилой подругой; а невѣста, въ самомъ дѣлѣ, очень хороша, хотя еще почти ребенокъ; мать ея Лезгинка и у дочери горскій складъ и станъ. Баронъ, кромѣ того, за одинъ разъ, хочеть спасти честь погибавшаго дворянскаго помолвѣннѣ и принять, если дозволить, провансѣ: Адель-фонъ-Адельбургъ-Суходольный.

Смарагдъ, самъ не зная отъ чего и за чѣмъ, такъ былъ встревоженъ этою вѣстью, что провелъ ночь въ безсонницѣ. Онъ не зналъ куда дѣвать голову и сердце свое, на него нашелъ какой-то туникъ, столбикъ, дурь, хандра, когда услышалъ онъ случайно, что капитанъ-лейтенантъ Балтійскаго флота Кожинцовъ назначенъ командиромъ шлюба Благодатнаго и отправляется на немъ, весною, вокругъ свѣта. Кожинцовъ служилъ прежде въ морскомъ корпусѣ и былъ учителемъ Поцѣлуева, преподавая въ то время *высшую теорію и морскія эволюціи*. Смарагдъ рѣшился писать къ нему съ первою почтою, нахвостить о себѣ скромненько и просить убедительно службы и мѣста на Благодатномъ.

Не прошло шести недель, какъ Смарагдъ получилъ лестное письмо отъ добраго, благороднаго Кожинцова и въ слѣдъ за тѣмъ состоялся приказъ по Черноморскому флоту, о переводѣ Поцѣлуева въ Кронштадтъ, съ назна-

чешюмъ на отирающійся въ дальній овалъ шлювъ
Благодатный.

XXII. ОГЛЯНУЛСЯ.

Вотъ вамъ и три года; а другіе три протекли съ такою же неуловимою быстротою, откуда Смарагдъ пріѣхалъ въ Кронштатъ, откуда шлювъ собрался, вооружился, отплылъ, обошелъ много земель и морей, материковъ и острововъ, и снова воротился.

Счастливъ былъ Смарагдъ, когда страстныя желанія его сбылись, когда онъ поскакалъ безъ оглядки въ пыльнаго или грязнаго Николаева—когда ходилъ гордо въ военную гавань въ Кронштатъ, на *вооруженіе* своего шлюба, когда наконецъ шлювъ вытянулся на рейдъ, угостилъ на себѣ знать кронштатскую и тутъ же снялся съ якоря; взмахнулъ крылами, отдалъ Кроншлоту громогласно честь — и пометѣлъ на долгое, долгое плаваніе, по чужимъ морямъ, по чужимъ землямъ. Счастливъ былъ, говорю, Смарагдъ, когда перевелъ духъ на свободѣ; покинулъ за собою всю суету суетъ, забылъ на время и сокрушавшее его горе; но счастливъ только въ мечтахъ, заглушивши такъ временно волюющій голосъ пробуждавшейся души своей; но когда Смарагдъ воротился, когда на третіе лѣта, послѣ отъѣзта своего, Благодатный самъ себя похвалилъ, отгибал опять Кроншлотъ, съ благополучнымъ прибытіемъ на родину, тогда уже нѣтъ Смарагдъ былъ не тотъ; онъ былъ счастливъ въ душѣ, но опыту, но убѣжденію. Да,

Смарагдъ вступилъ на Благодатный молодоймъ, по опыту въ жизни, вычитаномъ, а сошелъ съ него старымъ, опытнымъ, бывалымъ лейтенантомъ, который приобрѣлъ себѣ уже имя, славу отличнаго моряка, приобрѣлъ вѣсъ и значеніе между товарищами, общее уваженіе между младшими, старшими и ровнями, какъ человекъ умный, свѣдущій, добрый и вполнѣ благоразумный. Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ, Смарагдъ спознался самъ съ собою и съ людьми, примирился опять со свѣтомъ, нашелъ точку, гдѣ держался въ равновѣсїи со внѣшнимъ міромъ и стоялъ твердо, утврѣнно, самобытно. Въ это же время Смарагдъ вовсе пересталъ писать стихи, но принялся, съ особенною охотою, за прозу; онъ увидѣлъ, что въ немъ не было настоящаго призванія къ поэзіи, что все это была одна только вспышка молодости, и онъ взялся за прозу. Прозою писать хорошо, ясно и четко должно уметь всякой образованный человекъ; за стихи не берись никто, кромѣ урожденнаго поэта.

Смарагдъ испыталъ и приобрѣлъ на перенутьи этомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, друга, воишь онъ, по всей справедливости, гордился, въ которомъ онъ души не чаялъ, любилъ и уважалъ самого себя только въ немъ. Это была имеша Академикъ Темниновъ, отираившійся на Благодатномъ для ученыхъ изслѣдованій. Въ молодомъ человекѣ этомъ обширныя свѣденія по всѣмъ почти частямъ и отраслямъ наукъ, слиты были, если посмѣю такъ выразиться, съ умнымъ сердцемъ и чувствительнымъ умомъ; то есть, въ самомъ умѣ его было что-то нравственное, чувство, а не одна только холодная, от-

влеченная ученость; а въ чувствахъ, въ игрѣ страстей, что-то думное, разсудительное. Они сошлись со Смарагдомъ по взаимному влеченію, и когда обнялись въ первый разъ и подали одинъ другому руку на братство, то оба прослезились; оба, съ какимъ-то страннымъ смѣшеніемъ уничиженія и чувства собственнаго достоинства, молча, пожали другъ другу руку и не умѣли высказать, что было на душѣ.

Смарагдъ не только въ эти три года пріобрѣлъ отъ друга своего хорошія и основательныя свѣденія по многимъ отраслямъ учености, но, что еще важнѣе, онъ научился быть человѣкомъ, научился уважать себя самого; а безъ этого, хоть и выйдешь въ люди, да человѣкомъ быть нельзя. Смарагдъ видѣлъ свѣтъ въ буквальный смыслѣ, потому что обошелъ его изъ конца въ конецъ, кругомъ; опытность, пріобрѣтаемая только путешествіями и дружба Темникова, поселили въ Поцѣлуевѣ какую-то людскость, обходительность, ладъ и мѣру въ житейскомъ быту, которую нельзя передать на словахъ, и которую даже не всякъ способенъ перенять на дѣлѣ.

Поцѣлуевъ часто рассказывалъ Темникову объ этомъ дивномъ явленіи, комисарѣ 13 класса Суходольномъ, о связяхъ своихъ съ нимъ, о заботливости хозяевъ своихъ, въ то время, какъ онъ, Поцѣлуевъ, лежалъ у нихъ больной; прибавилъ еще, что когда онъ нанялъ у нихъ комнатку, со столомъ и отопкой, то старикъ Суходольный, при всей бѣдности своей, ни подъ какимъ видомъ не согласился зачестъ срокъ найма со дня прибытія Поцѣлуева въ домъ его; «бойтесь Бога, говорилъ старикъ обиженнымъ голосомъ, бойтесь Бога, Смарагдъ

Петровичъ, первое время вы у насъ были гостемъ, это къ счету не идетъ; вы извольте считать съ 1 августа, когда ярились, а что было до этого, это считать намъ будетъ обидно.» Говорилъ Смарагдъ и про Олинку, и смѣялся страстной привязанности своей къ тринадцатилѣтнему ребенку; но при всемъ томъ не могъ махнуться ею и говорилъ откровенно, что дорого бы далъ, если бы могъ налюбоваться ею—не замужемъ за барономъ, а взрослой, развѣтшей, девятнадцатилѣтней дѣвчней.

За чѣмъ же ты хочешь забыть такихъ добрыхъ людей, сказала Поцѣлуеву однажды Темниковъ? Напиши или прямо къ Суходольному, или, если думаешь, что письмо его уже не застанетъ, можетъ быть, въ Сухумѣ, то напиши къ кому нибудь и освѣдомься объ этомъ семействѣ; тебѣ отрадно будетъ услышать, гдѣ и что оно теперь.

Смарагдъ подумалъ — къ кому писать? товарищи вѣтрогоны, или станутъ смѣяться дружбѣ Поцѣлуева съ комиссаромъ 13 класса, или по крайней мѣрѣ не возьмутъ на себя труда узнать и написать обо всемъ обстоятельно. Дай напишу къ Пименцову; онъ меня чай не забылъ и сослужитъ мнѣ эту службу.

Пименцовъ былъ тотъ самый Крымскій помѣщикъ, которому Поцѣлуевъ, на обратномъ пути изъ Инкермана, спасъ дочь и утопилъ троюродную по женѣ сестру. Съ первою обратной почтой Смарагдъ получилъ отвѣтъ, который отпечатанъ здѣсь отъ слова до слова; тутъ выкидывать нечего.

XXIII. ПИСЬМО ПИМЕНЦОВА СЪ ПРИПИСКАМИ.

Получивъ письмо ваше, безконечно уважаемый благодѣтель мой, Смарагдъ Петровичъ, я отъ радости созвалъ весь домъ свой и прочиталъ имъ всѣмъ вслухъ все, что вы пишете, отъ начала до конца; скажу вамъ напередъ, что его слушала тутъ и Оливька, Ольга Степановна, потому что и она принадлежитъ теперь къ моему семейству. Желая, чтобы я всегда могъ съ такою точностію исполнять, къ сожалѣнію слишкомъ скромныя, ваши до меня требованія: я могу вамъ безъ труда отдать подробнѣйшій отчетъ обо всемъ, о чемъ вы у меня изволите осведомляться. Позвольте поблагодарить васъ отъ всей души, что вы насъ не забыли, и за тѣмъ приступить къ разсказу.

Слишкомъ два года тому, какъ тогдашній женихъ дочери моей, которая теперь замужемъ и сама кормитъ сыночка, названнаго по васъ, Смарагдомъ— два года тому, какъ женихъ моей Маши купилъ случайно гдѣ-то перстенецъ и принесъ его ей въ подарокъ: перстенецъ не мудрый, да въ немъ было пять камешковъ подрядъ: малахитъ, алмазь, роговикъ, изумрудъ и яхонтъ - и начальныя буквы названій этихъ составляютъ имя дочери моей, *Марія*. Вотъ почему зять принесъ ей это колечко. Она, какъ глянула, узнала тотъ самый перстенецъ, который, снявъ съ руки своей, отдала вамъ, своему спасителю. Я въ происшествіи этомъ не видалъ ничего чрезвычайнаго; но дочь - вѣроятно по свойственному полу ея во всѣхъ мелочахъ любопытству, хотя она и хвалится теперь, что сдѣлала это по предчувствію —

дочь просила жениха своего неотступно, узнать, откуда и какимъ путемъ перстенецъ достался продавцу и доислѣдиться, кто получилъ его отъ васъ. Открылось, что вы подарили его дочери челоуѣка, который вамъ сдѣлалъ добро; и лице доброй Маріи моей прояснилось умилешемъ и радостію, когда она узнала, какое вы сдѣлали употребленіе изъ бездѣльнаго подарка ея: она думала видѣть въ этомъ доказательство, что вы цѣнили и уважали этотъ знакъ безпредѣльной ея признательности. Но при этомъ открылось еще другое обстоятельство: старикъ Суходольный, который былъ, какъ видно по всему, дивный челоуѣкъ, погибъ въ Сухумѣ на пожарѣ госпиталя, вынесши на плечахъ своихъ уже семь челоуѣкъ и кинувшись въ пѣдямъ за восьмымъ. Потолокъ обрушился и вѣрный слуга Государя своего, доблестный гражданинъ въ быту частномъ, нашелъ достойную себя смерть. И такъ объ немъ печалиться нечего; всѣ тамъ будемъ, кто раньше, кто позже; дай Богъ всякому пройти туда чрезъ такое чистилище какъ Суходольный: быть не можетъ, чтобы за это не было достойнаго возмездія. Но семейство его, жена и дочь, остались безъ насущнаго хлѣба. У Суходольнаго было на рукахъ много, кинулись по смерти его описывать да опечатовать домшко его, столы да студья, боялись какой нибудь утраты, но у Суходольнаго нашли всѣ дѣла въ такомъ порядкѣ, что не могли этому надивиться. Суммы, большія и малыя, всѣ на лицо, съ ярлыками; казенныя вещи, до послѣдняго, хозяйственно бережнаго, доскутка сукна, также; шиуровыя книги, со строгою и ясною отчетливостію, ведены, не на черно-

выхъ лоскуткахъ, а прямо на бѣло, по самый часъ смерти: послѣдняя статья внесена была поздно вечеромъ, когда уже ударили въ набатъ и закричали пожаръ. Анна Ивановна, жена его, говоритъ: кинувъ перо въ торопяхъ, Степанъ Ивановичъ закапаль книгу чернилами и нотому оставилъ ее на столѣ раскрытою; капля эта еще не засохла, когда пришли и сказали Аннѣ Ивановнѣ, что мужъ ея погибъ.

И такъ вдова и сирота остались безъ куска хлѣба; за казну Суходольный позаботился на своемъ вѣку, а за себя нѣтъ. Онъ говаривалъ бывало: «Не пропадете, матушка Анна Ивановна, на сего дня будетъ, а что день, то и сего дня. Найдется человѣкъ, что вспомнить меня, и хоть не ради меня, а ради себя, позаботится и о васъ.» И доблестный старикъ не обманулся, нашелся такой человѣкъ, и человѣкъ этотъ вы, Смарагдъ Петровичъ. Доискавшись по перстеньку семейства Суходольнаго, которое переѣхало, продавъ домишко въ Сухумъ, сюда, въ Севастополь, мы вашимъ именемъ сдѣлали что могли. Вы не хотѣли принять отъ насъ ничего; пусть же люди, которые вамъ сдѣлали добро, приняли васъ въ домъ полумертваго, молятъ Бога за васъ, какъ и мы за васъ же; и если вы скажете намъ за то спасибо, то мы готовы заплакать отъ радости, что сдѣлали угодное вамъ. Похваляюсь передъ вами, я ничего не пожалѣлъ для Суходольныхъ: почтенная Анна Ивановна не захотѣла быть праздною и нашла себѣ, для меня очень полезное занятіе по шелководному хозяйству моему; а моя милая, неоцѣненная Оленька, замѣнила намъ убылую дочь, Машу. О, Смарагдъ Петровичъ, это дѣтя неоцѣненное:

въ два года, что она у насъ въ домѣ, она воздала намъ сторицею за всѣ заботы и попеченія наши; радости было намъ отъ нея много, очень много, а печали не бывало.

Изъ всего этого вы видите, что Олинька не выходила замужъ ни за кого, а и того менѣе за барона фонъ Адельсбурга, какъ вы, судя по письму вашему, полагаете. Баронъ дѣйствительно сватался на ней очень настойчиво, и возобновилъ даже сватовство свое, когда былъ сдѣланъ, вскорѣ по отъѣздѣ вашемъ, плацъ-маіоромъ въ Сухумѣ; Суходольный сказалъ ему съ самаго начала, что я-де не прочь отъ этого, если Олинька согласна; и вотъ откуда взялась вѣроятно дошедшая до васъ молва. Но Олинька рѣшительно не хотѣла его знать, равно какъ и многихъ другихъ жениховъ, которые сватались на ней уже здѣсь; въ томъ числѣ отказала она также на отрѣзъ человѣку, котораго я бы желалъ называть зятемъ — я Олиньку, какъ видите, считаю дочерью своею — человѣку доброму и хорошему, не говоря уже о почетномъ званіи его и достаткѣ. Но я не только неволить ее, и уговаривать не стану: какъ знаетъ и хочетъ; мнѣ и безъ того тяжело будетъ съ нею разстаться, пусть еще поживемъ вмѣстѣ! А отъ чего она всѣмъ такъ положительно отказываетъ — этого я вамъ не скажу; есть вещи, Смарагдъ Петровичъ, которыя вслухъ не говорятся, а и того менѣе пишутся на бумагѣ; грамотныхъ много, а сердце дѣвушки государственная тайна; это священно. Скажу вамъ однако же, что перстемекъ вашъ, послѣ всѣхъ приключеній своихъ, возвратился нынѣ въ туже сокровищницу, или въ собст-

вещность того же сокровища, которое судьба дала вамъ отыскать, въ одинокомъ, отгороженномъ отъ цѣлага свѣта уголку азіятскаго материка. Перстень былъ проданъ въ крайней нуждѣ, для доставленія больной матери пособія и - пищи. Не хочу сокрушать сердца вашего описаніемъ этой картины: все это давно прошло и миновалось. Теперь мы счастливы и довольны. Если же кому нибудь изъ насъ, изъ нынѣшней семьи моей, и приходитъ, можетъ статься, въ сердце, или въ голову, какъ говорить обыкновенно, что счастье это могло бы сдѣлаться еще полнѣе и совершеннѣе, то на это позволю отвѣчать себѣ полнымъ и обмолоченнымъ, но не менѣе того истиннымъ изреченіемъ: на землѣ нѣтъ счастья и нѣтъ совершенства.

Жена моя много кланяется вамъ и проситъ извинить; она, по русски, безграмотна; прочіе члены семейства моего напишутъ къ вамъ нѣсколько строкъ сами.

Н. Паменицовъ.

Если вы не позабыли еще той дѣвicy, которую, почти семь лѣтъ тому, 5 мая, спасли отъ неизвестной ей смерти — потому что я хотѣла пожить еще и тогда, хочу и теперь — то позвольте счастливой супругѣ и матери увѣрить васъ, что она, въ продолженіе этихъ семи лѣтъ, ни разу не позабыла включить васъ въ вечернюю молитву свою.

МАРЬЯ НОГАШЕВА.

Пріѣзжай къ намъ, дядинька, у насъ хоробю и я скажу тебѣ спасибо, за'то, что'ты далъ мнѣ маменьку мою. Я самъ писать не умѣю; мнѣ водила маменька руку.

Смарагдъ Ногашевъ.

И такъ мы наконецъ доискались васъ, Смарагдъ Петровичъ — или, правда, мы свидѣли на одномъ мѣстѣ, а вы сами, случайно подали о себѣ вѣсточку. Я вспомнила при этомъ басенку, которую вы когда-то мнѣ читали, какъ двое пошли искать счастья, третій свидѣлъ дома, сложа руки, а оно къ нему само и навѣдалось. Помните ли вы еще это время, когда мы читали басенку эту? Да нѣтъ; вамъ теперь не до того, вы обошли весь свѣтъ, вамъ не до темныхъ, никому неизвѣстныхъ обитателей бѣдной Сухумской лачужки! Но за что же я такъ на васъ злословлю: вы вспомнили насъ, написали къ намъ, спрашивали обо всѣхъ, и обо мнѣ! Благодарю васъ за это; я смѣю могу вамъ писать сама, вы мой учитель и наставникъ. О, прошлое время, какъ оно было хорошо! но я тогда была еще мала и глупа. Нынѣшніе благодѣтели наши благодарности отъ насъ не принимаютъ, отсылаютъ къ вамъ: а вы, къ кому вы насъ отошлете?

Ольга Суходольная.

XXIV. О Л Ъ Г А.

Когда Смарагдъ получилъ въ Кронштатѣ письмо это, тогда онъ, сложивъ руки и поднявъ очи къ небу, въ первый разъ отъ роду сказалъ самъ себѣ: ты баловень судьбы, Смарагдъ Петровичъ, и другаго такого баловня у нея не было и не будетъ!

Онъ побывалъ тотчасъ же въ Петербургѣ, отправившись туда на сенатскомъ катерѣ, потому, что парохо-

дочь о ту пору еще у насъ не было; побывалъ только для того, чтобы пасть стрѣлой въ рабочую комнату Темникова, обнять его, подушить въ сильныхъ рукахъ своихъ, помучить съ полчаса, заставляя отгадывать содержаніе полученнаго отъ Пименцова отвѣта и потомъ молча отдать другу своему письмо; сѣсть на диванъ и смотрѣть тещу прямо въ глаза, разгадывая, что дѣлается у него на душѣ и на сердцѣ.

Потомъ Поцѣлуевъ воротился въ Кронштатъ, съ трудомъ выждалъ отпуски, сѣлъ и поскакалъ безъ оглядки въ Севастополь. Здѣсь ждали и не ждали отвѣта на письмо, а тутъ — глядь — растворилась дверь и входитъ онъ самъ. Семейство Пименцова было въ сборѣ, за вечернимъ самоваромъ. Расписывая себѣ всякъ свиданіе это, кто какъ умѣетъ: Ольгѣ, въ первый разъ отъ роду, сдѣлалось дурно. Въ притискѣ своей къ Поцѣлуеву была она, какъ мы видѣли, смѣла и шаловлива, воображая его вѣроятно все еще тѣмъ же молоденькимъ мичманомъ, товарищемъ дѣтства ея; но когда складный и стройный мушкетеръ съ густыми бакенбардами вошелъ, какъ съ неба свалившись, въ комнату и всѣ кинулись обнимать его и честить Смарагдомъ Петровичемъ — тогда Ольга подъ собою земли не взвидѣла, души не слышала и языка не донскалась.

Нѣтъ, сказалъ Пименцовъ, когда, не болѣе трехъ дней послѣ пріѣзда Поцѣлуева, шла уже рѣчь о приданомъ Ольги, нѣтъ, Смарагдъ Петровичъ, уже въ это дѣло вы не мѣшайтесь; это до васъ не касается. Ольга дочь моя, и моя забота одѣть и обути ее, припасти ей

денежку про черный дeнь и благословить на новый путь жизни!

Смарагдъ отыскалъ также бывшаго односума своего, барона, въ Севастополѣ, и нашель его въ самомъ маломъ положеніи. Тяжкія раны и Сухумская лихорадка истощили жизненныя его силы; онъ принужденъ былъ покинуть плацъ-маіорское мѣсто свое, перенести щитъ и мечъ свой, шлемъ и наручни праматери Гертруды, въ Севастополь, въ первый и ближайшій портъ, и лежалъ въ тѣсномъ, маленькомъ жильѣ уже почти на одрѣ смерти. Щитъ съ наконотниками и приборомъ вѣсъ уже не въ головахъ, а въ ногахъ барона, потому что голова у него кружилась, когда онъ взглядывалъ на сокровища эти назадъ, черезъ себя. Баронъ сдѣлался слабоуменъ, почти помѣшался на любимыхъ игрушкахъ своихъ — деньщикъ его, знаменитый Кирюшка, зашилъ, покинулъ барона на произволь судьбы — словомъ, Поцѣлуевъ и тутъ явился спасителемъ и утѣшителемъ, пристроилъ хожалуку къ бѣдному барону и доставилъ ему, на все время болѣзни, стоять отъ Пименцова. Гордость барона этимъ не оскорбилась: онъ воображалъ, что все это дѣлается на собственный его счетъ и благодарилъ только Поцѣлуева за хлопоты его и безпокойство. Баронъ былъ очень счастливъ, что нашель наконецъ въ Поцѣлуевѣ благороднаго, признательнаго человека; такъ толковалъ по крайней мѣрѣ Губертъ Рудольфовичъ заботы о себѣ Смарагда. Между тѣмъ, все основывалось на томъ, что Поцѣлуевъ открылъ случайно настоящій источникъ и виновника Николаевскихъ сплетней, относительно извѣстнаго похождения съ Насей, въ

домѣ у совѣтника: жалѣлъ о томъ, что слишкомъ торопко оскорбилъ барона, не узнавши напередъ дѣла, и хотѣлъ это чѣмъ нибудь вознаградить.

Подвѣсничное, бѣлое платье и фата были Ольгѣ необыкновенно къ лицу. Списать съ нея полчище, особенно чернилами и тупымъ перомъ своимъ, которое я, мимоходомъ сказать, въ продолженіе второй послѣдней главы повертываю уже въ третій разъ съ боку на бокъ, на себя и отъ себя очинкой — списать съ нее полчище не берусь; скажу однако же, что хотя она была почти также темноволоса и черноброва какъ Марія, волосе однако же на нее не походила. Ольга, какъ дѣва горь, была выше, стройнѣе, въ ней не было и слѣду этой плотности, чтобы не сказать тучности стана, которую найдете, болѣе или менѣе, у всѣхъ Гречанокъ, особенно у замужнихъ. Лице у нея было болѣе кругло-продолговатое, безъ всякой остроты подбородка; голова вообще какъ-то круглѣе, общая полнота въ высшей степени соответственная стану, складу и росту. Маленькія ножки надеѣли мнѣ, господа, во всѣхъ описаніяхъ вашихъ, и потому я объ нихъ, о маленькихъ ножкахъ, говорить не стану.

Въ тотъ самый день, когда Ольгѣ исполнилось 20 лѣтъ, подруги ее убрали къ вѣнцу. Смарагдъ былъ семью годами старѣе; онъ одѣлся просто въ мундиръ, не припасъ даже шелковыхъ чулокъ и башмаковъ, не надушился и не завился. Пименцовъ былъ посаженнымъ отцомъ, Маша вѣдала невѣстѣ серги, а женихъ, говорятъ, ступилъ въ церковь первымъ на подставку.

В. Луганскій.

ИЗЪ АЛЬБОМА

С. П. Карамзиной.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.

Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.

Люблю я больше годъ отъ году
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ
По утру ясную погоду
Подъ вечеръ тихій разговоръ.

.....
.....
.....
.....

М. Ю. Лермонтовъ.

Г Р А Ф И Н Ъ

РОСТОПЧИНОЙ.

Я вѣрю : подъ одной звѣздой
Мы съ вами были рождены ;
Мы шли дорогою одною ,
Насъ обманули тѣже сны .
Но чтожъ ! — отъ цѣли благородной
Оторванъ бурю страстей ,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей .
Предвидя вѣчную разлуку ,
Боюсь я сердцу волю дать ;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вѣрять . . .

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной , вольною четой
Въ пустынь моря голубой :
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южный ;
Но ихъ разрознить гдѣ-нибудь
Утѣса каменная грудь . . .
И , полны холодомъ привычнымъ ,
Ошъ несутъ брегамъ различнымъ ,
Безъ сожалѣнья и любви ,
Свой ропотъ сладостный и томный ,
Свой бурный шумъ , свой блескъ заѣмный ,
И ласки вѣчныя свои .

М. Ю. Лермонтовъ.

НА ДОРОГУ

МИХАЙЛУ ЮРЬЕВИЧУ ЛЕРМОНТОВУ.

**Tu lascerai ogni cosa diletta
Piú caramente!.....**

(Divina Commedia.)

Есть длинный, скучный, трудный путь —
Къ горамъ ведетъ онъ... въ край далекий...
Тамъ сердцу, въ скорби одинокой,
Нѣтъ гдѣ пристать, гдѣ отдохнуть!

Тамъ къ жизни дикой, къ жизни странной
Поэтъ нашъ долженъ привыкать,
И пѣснь и думу забывать
Подъ шумъ войны, въ тревогѣ бранной.

Тамъ блескъ штыковъ и звукъ мечей
Ему замѣнять вдохновенье,
Любви и свѣта обольщенья,
И мирный кругъ его друзей.

Ему, поклоннику живому
И богомольцу красоты,
Тамъ нѣтъ кумира для мечты,
Въ отраду сердцу молодому!...

Ни женскій взоръ, ни женскій умъ
Его дельбить тамъ не стануть;
Безъ счастья дни его увянутъ...
Онъ будетъ мраченъ и угрюмъ!...

Но есть заступница родная
Съ заслугою преклонныхъ лѣтъ, —
Она ему конецъ всѣхъ бѣдъ
У неба вымолить, рыдая.

Но заняты радушно имъ
Сердцецъ пріязненныхъ желанья —
И минетъ срокъ его изгнанья,
И онъ вернется невредимъ!...

Гр. Е. Ростопчина.

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ РОМАНА.

Два гл. изъ романа.

1

I.

— «Этотъ графъ преслѣнной чудакъ», — такъ отзывались о Николаѣ Федоровичѣ многія глубокомысленныя свѣтскія головы; — «скажите просто, онъ препорядочный дуракъ», — отвѣчали еще многочисленнѣйшія рѣшительныя головы. — Недоразумѣніе происходило отъ весьма простой причины: графъ не любилъ свѣта; это бы и ничего, но онъ имѣлъ важную слабость существовать безъ него, непростительную фантазію немножко презирать его, и тяжкій недостатокъ называть каждый предметъ прямо безъ обиняковъ его названіемъ: дѣльное — дѣльнымъ, дрянное — дряннымъ, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ подобной откровенности; впрочемъ они не пролетали до него, сквозь твердыни

Не имѣя ничего готоваго, кромѣ романа поступающаго въ печать, вношу въ Бесѣду часть эпизода изъ этого романа. — До минуты, въ которую начинается здѣсь дѣйствіе, графъ считаетъ себя счастливейшимъ изъ супруговъ. Сов.

*

его огромнаго состоянія, аристократическаго происхожденія, и высокой независимости; къ тому же онъ честно совершилъ свое призваніе: пролилъ довольно своей благородной крови и понесъ много трудовъ, отъ которыхъ могъ бы отплатиться. Онъ служилъ по найму и контракту высокаго долга, потомъ поглядѣлъ кругомъ, похмурился и перенесъ съ служебнаго на отставное одѣяніе одинъ изъ своихъ крестовъ, бѣлый цвѣтъ котораго очень ему нравился. Николай Федоровичъ, какъ заводчикъ, очень смѣшно выражался по этому поводу: — «самый сладкій рафинадъ, — говорилъ онъ, — очищенъ кровью.» — Многіе страшно оубырились, но графъ и не зналъ, что они столько же занимались имъ, сколько онъ ими не занимался.

Точно онъ былъ чудакъ. Малообщительный, неразговорчивый, въ обществѣ, глядѣлъ онъ немощко медвѣдемъ; напротивъ того, между своими, бывъ заинтересованъ какимъ-либо предметомъ, онъ становился, какъ мы видѣли*), не только резонеромъ, многорѣчивымъ и здоровымъ спорщикомъ, но человекомъ, въ которомъ чувство обнаруживалось вдругъ, неожиданно, ярко; тогда онъ говорилъ съ увлеченіемъ, которое незнакомый съ нимъ принялъ бы за напыщенность. — Были въ немъ большія стражности; пламенный защитникъ многаго, отъ чего общество уже отступилось, глубокой утопствъ, онъ, о предметахъ чистоты и добродѣтели почти недоступной, воевалъ съ такимъ отчаяніемъ, что нынѣ

*) Въ предшествующей главѣ графъ, во время объѣда, излагаетъ свои мнѣнія о супружествѣ: сестра его, Ранса, силится возбудить въ немъ подозрѣнія.

былъ вовсе не полять, другими же съ самой молодости былъ прозванъ «адвокатомъ пропранныхъ тяжбъ.» Ни зрѣлыя лѣта, ни опытъ жизни не побудили его оставить защиту; онъ продолжалъ ее вопреки владычествующихъ мнѣній и въ невыгоду себя; — онъ спрашивалъ не у свѣта, а только у совѣсти и чувства: не ошибаюсь-ли? и получивъ въ отвѣтъ «не ошибаешься», — смѣло велъ свое адвокатство дѣломъ и словомъ.

Чувствуя глубоко, но спокойно, но странной особенности образованія, а можетъ быть и по условіямъ собственной своей практической философіи, тѣмъ живѣе было его чувство, тѣмъ менѣе проявлялъ онъ его наружу. Наблюдатель опытный, можетъ быть, узналъ бы, что въ этой сильной душѣ совершается въ тѣ минуты какой-то потрясающій бытіе процессъ; но никто изъ тѣхъ называемыхъ свѣтскихъ конечно не угадалъ бы чѣмъ онъ развяжется. Результатъ, разрѣшеніе этой внутренней борьбы, прошло бы или незамѣченное, или невонитое; потому что осуществлялось всегда безъ шума, безъ напряженій, тихо, какъ будто текущее и самое обыкновенное обстоятельство, хотя въ сущности всегда почти заключало въ себѣ нѣчто особенное, противное общему порядку понятій. — Но это было необходимо графу, по требованію его духа, а вовсе не для того, чтобъ знали и видѣли другіе, и чтобъ по этому дѣйствию судили о немъ. «*Fais ce que devra, advienne ce qui pourra*», было его поговоркою; но объ обязанности онъ мало совѣтовался съ другими, а имѣлъ какое-то свое понятіе.

Онъ былъ совершенно лишень многихъ качествъ,

въ обществѣ выгоды, въ жизни семейной почти не-
обходимыя. Онъ съ трудомъ сдружался съ кѣмъ ли-
бо, и ближайшему другу отпирался только дѣйстви-
тельными; нужно было не только замѣчать ихъ, — трудъ
важный, потому, что они были безлюбовны, какъ будто
бы все заключены въ кадъ, — но нужно еще было до-
стигать и ихъ и то, что къ нимъ руководило. Въ немъ
не было и тѣни того, что называютъ «*близостью*»;
— въ немъ не было *соучастливости*, которая, даже и
при совершенной холодности сердца, готова разжалов-
биться и разнѣжиться при всякомъ удобномъ случаѣ.
Не было *ласкательности*, которая заставляетъ друзей
полагать, что намъ сочувствуютъ, что постигли душево
наше положеніе. Не было мелочной *заботливости*,
столько игуменшей, бросающейся на все, выискивающейся
въ самыя щепетильныя частности, всегда упускала изъ
вида главное, во вѣчно выискивающей наибольшую час-
ти людей, что для нихъ на все готовы; не было *вни-
мательности*, проявляющейся въ тысячѣ малѣнькихъ
одолженій, удовольствій, услугъ: въ словѣ, въ взглядѣ,
въ ласкѣ, въ пору и во время, — онъ ничего этого не
понималъ, а если и понималъ, то призвалъ не нуж-
нымъ; «деликатность чувства», — говорилъ онъ, —
«заключается не въ этихъ дѣтскихъ играхъ.»

Но всего забавнѣе то, что ему стоило не малое
труда сдѣлать себя такимъ. Онъ былъ далеко не нѣ-
женъ, не доверчивъ; онъ подавлялъ въ себѣ съ молода
всякое противное движеніе, какъ будто привыкая единъ
порывать все въ своей жизни, или какъ будто опасаясь,
что наружное изліяніе истощаетъ, безъ надобности и

поламъ, внутренній, дѣтальнѣе истощилъ чувства. Онъ былъ страшно строгъ къ людямъ въ сужденіяхъ; безжалостно каралъ рѣшитель порока; добродѣтелию признавалъ только высшее ея проявленіе; не впадалъ въ экстазическое возмущеніе отъ дѣйствій, о которыхъ кричалъ на право и на лѣво, а говорилъ только: — «хорошо! — тутъ повялъ дождь; — выполнена обязанность!» — За то онъ не извинялъ многого, что онъ интригически называли другіе и прямо величалъ одно — подлымъ, другое — отвратительнымъ и низкимъ. На дѣлѣ онъ былъ чрезвычайно добръ къ людямъ; онъ любилъ столько-же прощать и миловать всякаго, отдаваемо взятаго, человека, сколько любилъ бороться съ силою массы людей, или съ живостью общаго мнѣнія.

Дальніе почитали его почти глумцемъ; близкіе, не разгадавъ его, были съ нимъ стѣснены, холодны; — они, въ противность правды, отнесли все на счетъ его строгаго разума, и какъ бы отвергая въ немъ всякую чувствительность говорили: — «онъ ледь!» — Впрочемъ они уважали его, сознавая, что, по твердости разума, присутствію духа и быстротѣ, непоколебимой въ чуждыхъ рѣшимости, въ минуту настоящей скорби, сильной опасности, важнаго событія, онъ всегда необходимъ, какъ лучший совѣтникъ, какъ вѣрная опора, какъ утѣшитель надежный, но въсколько жестокой, ведши безъ обиняковъ прямо къ истинѣ, и не умѣвший по видимому ни бояться, ни плакать, ни колебаться вмѣстѣ съ вами. — Въ одномъ только всѣ постигали его прямо, и согласно утверждали, что онъ благороднѣйшій человекъ. По словамъ его старыхъ, военныхъ сослуживцевъ, онъ

былъ обожаемъ солдатами, и пользовался репутаціею отличнаго товарища, человека упрямаго, но непреклонно-справедливаго, вѣрнаго; офицера умнаго, рѣшительнаго и испантливо-храбраго и хладнодровнаго.

Такимъ природа и жизнь сдѣлали Радоискаго.

Въ тотъ день, о которомъ мы рассказываемъ, Раиса Федоровна ни на одну минуту не покидала молодой графини послѣ обѣда,*) и пошептаниями или неостепенностью успѣла уговорить ее ѣхать въ театръ «чтобы разсѣяться.» — Графиня ѣхала, чтобъ избавиться отъ Раисы.

Графъ былъ благодаренъ сестрѣ; въ передней, когда графиня уже вышла на лѣстницу, слабая, поддерживаемая людьми, Раиса, вдругъ, остановив брата, сказала ему: — я не злопамятна, ты замучилъ жену своими философскими бреднями, потыши-же ее, доставь ей большое удовольствіе...

— Что такое? — спросилъ онъ.

— Ей чрезвычайно нравятся браслеты и монетки съ ошалами, они отложены для нея на сторону, въ англійскомъ магазинѣ. Съѣзди, пока мы въ театрѣ; — и, чтобъ болѣе поразить ее неожиданностью, положи куда нибудь, — хоть въ бауль, ... да, именно, ... вставая по утру она тотчасъ откроетъ его... Я знаю, ты не помилѣешь тысячь-двухъ, чтобъ порадовать Ольгу, но нужно уиѣть сдѣлать это; ... не забудь, — въ бауль!») — Тутъ Раиса поспѣшила къ каретѣ, въ которой ожидала ее графиня.

*) Въ сладствіе оборота, который придалъ разговоръ, и невзвѣстнаго мужу отношенія сего разговора къ положенію графини, ей сдѣлалась дурно.

Едва они уѣхали, графъ пустился въ магазинъ; мысленно благодаря Рансу за добрый совѣтъ, онъ присоединилъ къ названному ею вещамъ цѣлый уборъ, превосходный отдалкою. Заранѣе счастливый удовольствіемъ жены, — съ веселымъ лицомъ, уирадкою, почти на цыпочкахъ онъ шелъ въ кабинетъ, гдѣ рѣшился уложить свои подарки подъ крышу баула; идея Рансы ему пришла, онъ былъ совершенно доволенъ ея выдумкой.

Вскорѣ графъ возвратился въ свои комнаты, задумчивый и блѣдный; онъ торопился отпустить камердинера, и, приказавъ разбудить себя въ осьмомъ часу, удалился въ свою маленькую спальную, смежную съ кабинетомъ.

Тутъ, бросаясь на диванъ, онъ быстро развернулъ какую-то бумагу, принесенную имъ изъ женской комнаты и началъ читать съ глубокимъ вниманіемъ. — По временамъ, Николай Федоровичъ, казалось, искалъ въ памяти своей подробностей чего-то прошедшаго; тогда лице его мгновенно вспыхивало, но, по выраженію глазъ, было ясно, что не гнѣвъ и не стыдъ выводили эту яркую краску. Графъ вставалъ, ходилъ, склонивъ голову, закинувъ за спину руки; тутъ припоминая обѣданный разговоръ, онъ пенялъ каждое слово, произнесенное злобой Рансой, и трепеталъ всѣмъ тѣломъ; — потомъ, какъ будто не доверяя точности своей памяти, начиналъ рыться въ ящикахъ своего бюро, поочередно хватывая и бросая какія-то записки, соображалъ что-то, долго, долго, и вдругъ, медленно складывая письмо, остался недвижимъ. Можно было думать, что въ эту минуту всѣ сомнѣнія его разсыпались и что истина, —

но и стина не радостная, встала передъ нимъ въ печальной и отвратительной наготѣ.

Сильное тѣло графа ослонилось; голова оперлась на распростертыя на столу руки; губы его задрожали; грудь судорожно всползбала, и когда онъ поднялся, на столѣ были крупныя слезы, безмолвно и, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни нѣтъ прорытыя. — Никто не повѣрилъ бы, что некрасивыя черты его обыкновеннаго лица, могли съ такою отчетливою выразительностью впечатлѣвать на себя горькую повѣсть какого-то необычайнаго душевнаго страданія.

Съ скрещенными на груди руками, графъ недвижно просидѣлъ до половины ночи въ углу своего дивана, погруженный въ мрачную задумчивость. Кому известно, какія бури возникали въ его умѣ, какія страданія выдержало его сердце въ эти нѣсколько часовъ? — Ужъ свѣтало; графъ всталъ и твердо произнесъ: — «Решено! одинъ Богъ будетъ моимъ судьбою!»

Съ этой минуты дѣятельность его сдѣлалась чрезвычайною; онъ много писалъ, терпѣливо пересматривалъ всѣ дробности своихъ обширныхъ домашнихъ дѣлъ; провѣрялъ книги, счета, бжеты. — Въ назначенный часъ камердинеръ, входя въ кабинетъ, къ великому удивленію, нашелъ барина за работой; постель была не помята, а свѣчи, догорѣвшія почти до стеколь, свидѣтельствовали, что онъ былъ нуженъ въ продолженіе цѣлой ночи.

Приказавъ приготовить экипажъ, графъ пошелъ въ дѣтскую. Здѣсь женщины были встревожены въ свою очередь посѣщеніемъ, противнымъ привычкамъ барина.

Николай Федоровичъ велѣлъ подать себѣ чашку чаю, посадилъ Саину*) возлѣ, и по временамъ привлекая его на колѣна, съ странными выраженіями осматривалъ малютку, зорко вглядываясь въ черты его лица.

Сойдя опять изъ себя, Радомскій вынулъ изъ ящика пистолеты, отслужившіе съ нимъ его военную службу; — «я не думаю,» — сказалъ онъ, заряжая ихъ, — «чтобъ они мнѣ были нужны когда нибудь для такого дѣла.» — Онъ тщательно положилъ ихъ въ карманы своего широкаго нижняго платья; въ боковой карманъ сюртука сунулъ довольно туго набитый золотомъ кошелекъ, полновѣсную книжку, и, съ покойнымъ видомъ выйдя изъ дому, объявилъ, чтобъ не ждали, если не возвратится къ обѣду.

Неутомимо переѣзжая изъ улицы въ улицу, Радомскій успѣлъ вспомнить все, что предположилъ; время только что переступило за полдень, когда докторская его каретка остановилась у подъезда дома, въ которомъ жилъ Альфредъ Ринна.***) Графъ зналъ, что Франтъ едва выйдетъ изъ постели и что не разстроивая его привычекъ можно окончить съ нимъ дѣло на свободѣ. «Не принимать, не впускать ни кого,» — сказалъ онъ слугѣ, вкладывая въ его руку бѣленькую, — «мы будемъ заняты, слышишь!» — Тонъ графа и убедительность врученнаго имъ подарка, содѣлывали невозможнымъ слушаніе со стороны слуги.

Ринна, по видимому, только что всталъ. Въ синемъ бархатномъ халатѣ, онаясанномъ толстыми шнурами, на

*) Пятилѣтній сынъ графа.

**) Ежедневный посѣтитель, другъ дома.

длинные концы которыхъ висѣли золотые желуди, роскошно развѣсь на пружинистой отоманѣ, онъ сидѣлъ противъ каміна, гдѣ рдѣлъ каменный уголь, не смотря на теплую июльскую погоду. Вытянутыя ноги Альфреда, безъ туфель, покоились на мягкой вышитой подушкѣ; голова, накрытая пунсовою шапочкою съ длинною кистью и богатымъ узоромъ, была небрежно завалена на спинку отоманы. Медленно втягивая дымъ изъ длиннаго чубука, украшеннаго роскошнымъ янтареиъ, Риппа съ лѣтнюю Азіятскаго владыки предавался увлекательности утренняго кейфа. Пуская дышныя кольца, съ полуулыбкою и разсѣянностью онъ слѣдилъ взоромъ прозрачное очертаніе каждаго, на яркомъ грунтѣ глазныхъ малиновыхъ обоей, и когда, колеблясь въ воздухѣ, кольцо начинало расширяться, волнуясь болѣе и болѣе, тогда искусный куритель въ слѣдъ за нимъ пускалъ другое, безъ всякаго видимаго старанія, но съ силою столь умно соразмѣренною, и съ такою ловкостью, что новое кольцо проходило въ первое; за нимъ слѣдовали третье, четвертое, — Риппа пронизывалъ въ воздухѣ кольца одно-другимъ! — Этотъ замѣчательный результатъ практики, поглотившей можетъ быть столько утръ, сколько ихъ имѣлъ Альфредъ, съ того возраста, въ которомъ современный намъ юноша знаменуетъ свой первый шагъ къ мужской общественной дѣятельности, хватаясь за трубку, — не пропалъ на этотъ разъ въ безвѣстности моднаго будуара. Риппа сидѣлъ спиною къ двери, онъ не замѣтилъ Радомскаго, который могъ удобно любоваться имъ нѣсколько минутъ.

Не только въ положеніи Альфреда, въ его одеждѣ,

но въ облики его лица, въ каскадахъ его лоснящихся волосъ, въ его бородѣ, усахъ, — было что-то вычурное, маскарадное, эффектное. Роскошныя бездѣлки, сноковая мебель, — подарки графа и графини, — наполнявшіе комнату, все это возродило въ графѣ какое-то странное сожалѣніе и вмѣстѣ глубокое презрѣніе къ Альфреду, онъ никогда не видалъ его такимъ; Риппа показався ему въ эту минуту самымъ живымъ и отвратительнымъ образцомъ изъ той отверженной касты другаго пола, которая, утративъ все чистое и прекрасное, чѣмъ надмѣна отъ неба лучшая часть челоуѣчества, лишивъ себя мѣста между честными, носить названіе женщины, не какъ отличіе, но уже какъ яркое клеймо.

Углубясь на одну минуту, графъ сдѣлалъ движеніе, громко кашлянувъ; Риппа, равнодушно оборачиваясь къ двери, ловко вставилъ свой черепаховый лорнетъ между брови и носа, и съ восклицаніемъ: «*cher ami!*!» новоротился, торопясь свободною рукою спрятать подъ книгу письмо, лежавшее на одной изъ подматыхъ досокъ отомана. Это не ускользнуло отъ внимательности Радомскаго, узнаваемаго изукрашенный золотыми арабесками конвертикъ, врученный графинею Альфреду передъ обѣдомъ.

— «Сидите, сидите! — сказала онъ, удерживая его на отоманѣ; — прочтите письмо, которое вы спрятали, оно отъ моей жены; можетъ быть что нибудь необходимое...

— О! — отвѣчалъ Риппа, — вѣроятно какая нибудь комиссія, я успѣю; что нибудь, по обыкновенію, терпящее время...

— О порученіяхъ друзей должно заботиться быше, — отвѣчалъ графъ улыбаясь; — читайте, Альфредъ, не то я самъ прочту вамъ его...

Тутъ онъ одумалъ движеніе. — Риппа быстро схватила письмо и, нащипывая печать, взглядывала изъ подлобья на графа. Ему показалось нѣсколько страннымъ выраженіе важности, застѣвленное на лицѣ Радомскаго собственными ему простодушіе и беззаботность; но такова сила привычки, что Альфредъ никогда бы не навелъ мыслью на настоящую причину этой перемены. — Николай Федоровичъ узналъ въ этомъ письмѣ вчерашнее; если настоящія Риппы и дерзкій поступокъ Ольги, объясняясь въ эту минуту, болѣзненно сжали его сердце, то хладнокровіе Альфреда, не только не прочитавшаго, но еще не распечатаннаго этого письма со вчерашняго дня, глубоко возмутили его душу; — но онъ выдержалъ, и съ возможнымъ хладнокровіемъ повторилъ: читайте, читайте!

Цѣлый листъ былъ мелко исписанъ кругомъ. — Съ первыхъ строкъ Альфреду стало досадно; конечно, графъ не могъ ничего подозревать, пятимѣтній опытъ доказалъ, что онъ или слишкомъ простъ, или слишкомъ самоуверенъ, однакоже читать такое письмо отъ женщины, подъ глазами ея мужа.... положеніе нѣсколько непріятное и для самого отчаяннаго волокиты. Риппа то скакала глазами по страницамъ, желая скорѣе отдѣлаться, то вдругъ страшился кончить, не зная чѣмъ развяжется приходъ графа, странно совпавшій съ этимъ письмомъ, — Риппа колебался; Радомскій, слѣдя зорко его движенія, по временамъ приговаривалъ разсѣянно;

— «не торопитесь, мой сжег, я не зашлѣ; вы пропустите, а можете быть тутъ есть что нибудь важное...»

Тогда Риппа краснѣлъ противъ воли и болѣе застѣннлъ лице бумагою. Пользуясь этимъ Радомскій разчитывалъ разительно и жестоко все необходимое для исполненія замысла своего, который, при неудачѣ, обратился бы въ браваду, не только плюскую, но послѣдствіями рѣшительно противоположную его наміренія. Онъ спокойно выбиралъ такое положеніе противъ отоманы, чтобъ хозяину не было никакой возможности встать; онъ придвинулъ сколько можно свой стулъ, раздвинулъ ноги, вынулъ изъ кармана бумаги, положилъ ихъ возлѣ и скрестивъ руки ожидалъ. Альфреда не нужно было уговаривать не торопиться, — содержаніе письма, въ которомъ не было для него ничего новаго, но въ которомъ совѣсть графини впервые высказывалась ясно и печально, смутила Альфреда; какъ будто предчувствуя возможность чего-то страннаго, и вдругъ переувѣряя себя въ этомъ, онъ медлилъ, раздумывая, какъ и чѣмъ можно будетъ отдѣлаться, простодушіемъ, декорациею пылкой, глубокой страсти, или просто дерзостью.... Но графъ былъ уже готовъ и, желая приступить къ развязкѣ, спросилъ Альфреда съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ: — «ну, что новаго?»

Риппа мгновенно успокоился; обманутый тономъ Николая Федоровича, онъ убѣдился, что все по старому, бросилъ письмо на колѣна и съ шилою небрежностію отвѣчалъ: — «рѣшительно ничего, какъ я сказалъ, кое-какія порученія... для Саши...»

— А? для моего сына? покажите-ка мнѣ письмо?

— Какая нескромность, графъ! — возразилъ Ринца шуточно, прикрывая письмо, — желать видѣть письмо женщины и еще жены своей;... а если тутъ есть тайна?... пятилѣтняя дружба развѣ не допускаетъ этого? Вы не по рыцарски хотите воспользоваться правами мужа и друга.

— Если я не рыцарь, — отвѣчалъ графъ столь же шуточно, — то увѣренъ слишкомъ, что мой другъ не подлецъ и не мошенникъ...

— Надѣюсь! — съ хохотомъ воскликнулъ Ринца.

— Ну, разумѣется; — продолжалъ графъ, — я бы хотѣлъ прочесть это письмо, безъ шутокъ,... для того...

— Я ни для чего и шуточно не дамъ его; отвѣчалъ Альфредъ, съ ужимкою остроумія.

— Какъ, въ самомъ дѣлѣ вы не хотите показать его мнѣ?... О, такъ я почти угадываю!... Вы говорите это о Сацѣ?...

— Да.

— По случаю его рожденья? — можетъ быть подарки, сюрпризъ?... А!?...

— Быть можетъ, сказалъ Альфредъ; отъ сердца его отлегло, — «все также глушь,» — подумалъ онъ.

— Ну, все равно, — продолжалъ графъ, оставивъ это письмо, я прочитаю вамъ другое, гораздо занимательнѣе.

— Послушаемъ, послушаемъ! — произнесъ Ринца, разваливаясь, и, скрестивъ ногу на ногу, взялся за свою богатую трубку.

Радомскій развернулъ привезенное имъ письмо; медленно, останавливаясь на каждой рѣчи, не пропуская ни одного слова, ударяя на каждое выраженіе, онъ прочиталъ его, съ начала до конца. Поднимая голову, графъ, по временамъ, строго взглядывалъ на Альфреда. — Риппа былъ уничтоженъ. Совершенно неожиданность подобной развязки, глубокое достоинство и нѣкоторымъ образомъ святая важность графа въ эту минуту, — поразили его. Онъ вертѣлся, блѣднѣлъ, ему было душно, неловко; онъ кусалъ губы, ногти, терялся, не зная что дѣлать; нѣсколько разъ хотѣлъ что-то говорить; но графъ, съ необычайнымъ, хотя понятнымъ вліяніемъ, останавливалъ его медленнымъ движеніемъ руки и словами: — «Молчите, сударь! слушайте!» — Убийственное чтеніе кончилось, графъ показалъ Альфреду письмо; произнося, — «вы знаете этотъ почеркъ? Я говорилъ вамъ, что вы слишкомъ быстро и невнимательно прочли копию этого важнаго оригинала, содержаніе его для васъ гораздо рѣшительнѣе, нежели вы, можетъ быть, полагаете. Вы тотчасъ убѣдитесь въ этомъ.

Сильно смущенный, Риппа вертѣлъ сиурки своего халата, повторяя въ полъ-голоса: «перехватывать письма!...»

— Къ дѣлу, сударь! — быстро и громко произнесъ графъ, — на что вы рѣшаетесь?

— На что вамъ угодно — Отвѣчалъ Альфредъ съ нѣкоторою горячностью и поднимая голову. Онъ уже радовался, что графъ спрашивалъ его рѣшенія, слѣдовательно онъ имъ на что еще не рѣшился самъ, — подумалъ Альфредъ, и продолжалъ съ благородствомъ: —

случаю угодно было обнаружить взаимную страсть, можетъ быть преступную, но которой мы не въ силахъ были побѣдить и которой судьба столь долго покровительствовала, — покоряюсь необходимости; объявите, чего вы требуете, я готовъ доказать, что не пощажу жизни своей и какъ честный...

— Не оканчивайте этого слова, — возразилъ Радомскій, — я пришелъ не для театральнаго выходовъ и даже не для чего либо пошло-обыкновеннаго. Въ свиданіи нашемъ, о сдѣлкѣ привычной не можетъ быть рѣчи, о вашей чести, въ этомъ отношеніи, — не можетъ быть звука; въ ней все рѣшится однимъ словомъ, и это слово, Альфредъ, будетъ ваша жизнь или смерть! — Онъ приклонился къ нему и съ судорожною силою сжавъ его руки, глубоко взглянулъ ему въ глаза; подъ страшнымъ вліяніемъ этого взора Риппа невольно потупилъ очи. — Слушайте меня внимательно, — продолжалъ графъ, — не прерывайте, я этого требую...

— Требуется, требуется!... смѣшно!... здѣсь одно только возможно, одно средство дѣйствій... Тутъ Риппа посмотрѣлъ на графа съ выраженіемъ, въ которомъ странно смѣшивались презрительность, удивленіе и гордость.

Вынувъ изъ обоехъ кармановъ пистолеты и dignoвенно устремляя противъ Альфреда вооруженныя ими руки, графъ повторилъ медленно: — я требую! вы видите мое средство другое! —

— Что это! — вскрикнулъ Риппа, блѣднѣя отъ неожиданности, насиліе! убійство! Вы даже такъ смѣ...

чтобъ мнѣ не было возможности встать; вы хотите меня умертвить, безоружнаго, въ моей комнатѣ...

— Непременно хочу и неизменно исполню, клянусь всѣмъ что свято! — отвѣчалъ Радонскій холодно. — Попробуйте крикнуть, попробуйте пошевелиться только; если хотите жить, сидите, отвѣчайте правду, ради неба, правду, умоляю васъ! Не забудьте и мою клятву и то, что для исполненія мнѣ нужно только сдѣлать движеніе пальцемъ!...

— Это неслыханно, это невозможно! Вы лишились разума!... Разбой!?!...

— Нѣтъ это возможно, но только ново для васъ. Я въ полномъ умѣ, моя воля свободна, но неизмѣнна! — За разбой, Риша, разбоемъ; но вашъ былъ въ тайнѣ, съ обманомъ, — мой открытъ; вашъ былъ для дѣла подлаго, — этотъ для необходимаго; вашъ былъ добровольно замышленный, — этотъ вынужденный вашимъ. И такъ, разбой! Но умоляю, проникнитесь твердостью моей рѣшимости и, если можете, не заставьте меня быть убійцею; въ каждомъ изъ этихъ пистолетовъ по двѣ пули, а въ душѣ моей ничѣмъ неизмѣняемая клятва, что онѣ будутъ въ вашей головѣ, если вы не.....

— Какая низость! я протестую! — произнесъ Риша, ломая пальцы и отбрасываясь на спинку отоманы; — я закричу, я позову слугу...

— Прежде, нежели онъ откроетъ двери, боюсь, вы умрете!

— Но васъ самихъ...

— О! тогда мнѣ будетъ все равно; я рѣшился...

— Отвергаю душею все, что вы успѣете вынудить изъ меня подъ дуломъ пистолета.

— Такъ вы изъ страха готовы на все? Но я хочу отъ васъ одной только истины. Слушайте; напрасно будете вы опровергиваться на насиліе, теперь говорить съ вами иначе не должно; что произойдетъ, въ томъ пусть судить меня Богъ. Слушайте...

Риша молчалъ, и блѣдный, запустивъ пальцы рукъ въ черные волосы, облокотясь на бокъ отоманы, съ выраженіемъ отчаянія смотрѣлъ на Радомскаго; который держалъ недвижно, противъ его груди, то одинъ, то другой изъ пистолетовъ. Графъ продолжалъ угрюмо:

— Въ сторону теперь благодарность, которою вы, выходецъ, оплатили за радушіе, довѣріе, дружбу и благодѣянія; оставимъ честь, которою вы вздумали было блеснуть, предлагая мнѣ стрѣляться, я видѣлъ дѣла чести и въ этомъ смѣюсь надъ дѣтскими законами вашего свѣта; оставимъ гнусность, съ которою вы вовлекли женщину въ преступленіе, и, можетъ быть, въ добавокъ, обманываете ее понынѣ, выставляя свое распутство въ видѣ страсти — это привычка; — не будемъ говорить о томъ высокомъ чувствѣ, которое побуждало мужа съ полнѣйшею довѣренностью быть спокойну на счетъ неприкосновенности жены, и малѣйшую тѣнь подозрѣнія считать, для себя — низостью, для нея — безчестіемъ, для васъ — смертельнымъ оскорбленіемъ; вы доказали, что не можете понимать всего этого! — Найдя домъ, гдѣ васъ приняли безъ подозрѣній и опасенія, увидѣвъ, что на мечтательности жены и высокомъ понятіи мужа о чести и дружбѣ, можно было

утвердить развратъ, безчестіе, пагубу семейнаго счастья, вы начали свою грязную работу! Чтò, это не разбой, а высокое дѣйствіе образованнаго, современнаго героя глубокихъ чувствъ? Могу-ли говорить о печали сердца моего, которое должно внезапно отторгнуть отъ себя, какъ ядовитаго гада, женщину, которой завѣщено было все, что мнѣ дано было чувствъ отъ неба, — и ребенка, жизнь котораго я почиталъ своею? Вы не поймете, вамъ покажется это смѣшно; смѣйтесь, образованный мудрецъ; но не забудьте: я вношу расколъ въ вашу философію, какъ вы внесли горе въ мою жизнь, я принялъ его, теперь сила на моей сторонѣ. — Вотъ что вы, можете быть, поймете и на что вы должны мнѣ отвѣчать, Рицца, говорите правду, умоляю небожъ, правду, — если вы не хотите, чтобъ здѣсь произошло убійство?... Любите-ли вы мою жену?...

— Возможно-ли! — воскликнулъ Рицца, — подобный вопросъ есть оскорб...

— Любите-ли вы ее? говорите прямо; поклянитесь мнѣ, чѣмъ знаете, чѣмъ можете, во что еще вѣруете; — любите-ли вы ее?!

— Но послѣ того что...

— Одно слово, но правду, Рицца, правду! — безъ разсужденій, только одно слово: да или нѣтъ?!

— Люблю; клянусь вамъ!...

— Хорошо, я доволенъ! Рицца! — прибавилъ графъ, судорожно сжимая пистолеть, — вы не обманываете?...

— Я поклялся...

— Хорошо! благодарю небо; еще есть лучъ надежды, что здѣсь обойдется безъ убійства; это отъ васъ за-

висить. Но если вы меня обманули, или, если любя ее вы... илѣ отвратительно, илѣ тяжело, но я тоже поклялся и убью васъ, непремѣнно! Слушайте, у меня въ домѣ теперь чужой; незаконный сынъ в его мать; по уставамъ вашихъ очищенныхъ, обновленныхъ правъ, должны-ли, могутъ-ли они имѣть въ немъ мѣсто?...

— Что вамъ угодно сказать этинъ? — я не постигаю...

— Я объяснюсь. Мать и дѣти по праву, по законамъ природы, чувства и даже общества принадлежать мужу, отцу тѣхъ дѣтей?...

— Я все таки не понимаю! Вы рываетесь на что-то неслыханное; посудите: безславіе жены и ваше собственное!... Убить меня или заставить открыто... вѣтъ, цѣтъ; страсть увлекаетъ васъ! Въ одномъ случаѣ это звѣрское умерщвление безоружнаго, — въ другомъ — это непостижимое принужденіе подъ... нулюю...

— Не разсужденій я пришелъ требовать отъ васъ; совѣты не помогутъ. Вамъ не перечувствовать, не поредумать въ вѣкъ того, что въ теченіе этой ночи прошло чрезъ мою душу; часы эти были ужаснѣе вашего настоящаго часа; я готовый пришелъ за отвѣтомъ или аз жизнью вашею, одно изъ двухъ мнѣ необходимо!...

— Не могу вѣрить! это желѣзное хладновровіе, когда по чувству вы внѣ себя...

— Не обманывайтесь, Рина! Есть огни, которые глубоко дремлютъ, не открывайте имъ неосторожно пути; открывъ — не удивляйтесь послѣ! Вы правы, я внѣ обыкновеннаго состоянія, но я не могу быть нехладнокровенъ, потому что рывился!

— Гравъ, прошу васъ, для васъ самихъ...

— Къ чему эта позавная заботливость о мнѣ? Что надеть на меня? Мечъ закона? — Знать и согласенъ, но только тогда, когда ярешиссу и уже исполню надъ вами свой приговоръ. Не обо мнѣ должно заботиться, а о той, которую вы любите, которую и я люблю еще, Риппа! Ее нужно спасти; я сдѣлаю для того все, что человѣкъ сдѣлать можетъ, сдѣлаете-ли вы? Ваша страсть думала-ли когда объ этомъ? — Вы любите ее, — вы поклялись, что любите, но если вы не сдѣлаете того, что должно, — о! тогда вы солгали, вы обманули; тогда приготовьтесь умереть, — приговоръ исполнится неотразимо!

— Вы точно рѣшились меня убить?...

— Какъ! вы еще могли думать что нѣтъ? Риппа, не заблуждайтесь...

— Хорошо, — сказалъ Альфредъ съ глубокимъ вздохомъ, — я буду вполне откровененъ; дѣйствуйте послѣ какъ хотите и пусть кровь моя упадетъ на васъ.

— Говорите, говорите!

— Я люблю истинно, ... страстно... и, соображая все, — вижу одно только средство: пусть тайна, которую была понынѣ окружена эта несчастная, но неотразимая связь, будетъ сохранена свято на нѣкоторое время... мы обдумаемъ, и выждавъ минуту, привеся въ жертву все что...

— Понимаю!! Риппа, въ эту минуту вы стали непостижимо низки, вы мнѣ отвратительны! Такъ вы еще не постигаете, почему я не хочу этого убійства и вѣстѣ почему непремѣнно совершу его, если... Дитя! вы уда-

литесь, вы избавитесь и будете въ восхищенъи, что отвязались отъ одной изъ сотни тѣхъ славныхъ интригъ, которыми гордятся въ свѣтѣ! Къ грязному списку вашихъ побѣдъ вы прибавите одно чистое, обезпеченное вами, имя; расчѣтливо, поминувъ, погулявъ, — погулявъ! Риппа, вы бросите своего сына въ чужое семейство! Нѣтъ сомнѣнiя, всадъ изъ вашихъ, кто узнаеть, носится, похвалить; это будетъ дѣломъ ловкаго, унаго челоуѣка; нѣтъ, сударь! — ни минуты промедленiя; нѣтъ, говорю я, ни за что; ни въ этой жизни, ни за дею! На этотъ разъ вы неудачно разсчитали.

— Я вамъ поклялся...

— Вы клялись и ей, она, бѣдная, повѣрила; но теперь я вижу, что вы и ее обманули!

— Еслибъ я не любилъ истинно, тогда поколебался ли бы огласить женщину?... И что бы могло вовлечь меня въ преступленiе невольное, если къ несчастiю, и самая чистая страсть можетъ быть преступна?...

— Что? тоже, что вовлекаетъ всѣхъ вамъ подобныхъ. Перестаньте, сударь; въ такую минуту и въ самомъ сознании порока должно имѣть болѣе величiя души. Не говорите мнѣ о вашихъ неудержимыхъ страстяхъ, о необоримыхъ влеченiяхъ, объ этомъ пламени, объ этомъ *fatum* въ любви! Нахальные маслѣнки!! — Что влечеть, хотите вы знать? Распутство, глубоко видренна въ весь составъ безнравственность, материализмъ вашъ, ваше презрительное и ледяное безвѣрiе. Въ васъ одна только теплота — темлота крови! Въ природѣ вы не отыскали еще ни одного предмета, достойнаго чистаго и горячаго вѣрованiя, и потому вы не по-

нимаете, чтобъ кто нибудь могъ во что либо спокойно и свято вѣрить, могъ что либо въ жизни почитать за вѣчнымъ, высокимъ и яснымъ какъ небо! Всѣхъ жешшихъ вообще вы не уважаете; вы смотрите на нихъ какъ на орудіе наслажденія; вы гордитесь тѣмъ, что окружаете ихъ доволствомъ, учтивостью, отличіемъ въ свѣтѣ; — но это не боже какъ заботливость о драгоценномъ высокой работы кубкѣ, изъ котораго вы пьете вино, разжигающее вашу чувственность! Благороднн рука ваша протянулась — ли, чтобъ удержать на краю гибели хоть одну несчастную, которую неразуміе, легкомысліе, или пылъ крови приблизили къ безднѣ? Напротивъ, вы тѣмъ только и живете, чтобъ чистую освернить, чтобъ твердую столкнуть туда. Не на томъ вы даны умъ, даръ слова, красота, юность, свобода юмн, наука обмана и способность заклинать и вызывать на помощь противъ слабѣйшаго существа въ мірѣ необъятную силу вашихъ высокихъ и бурныхъ чувствъ, вашихъ пламенныхъ страстей?! — Это игрушки ваши... Вишу себя въ бесполезномъ отступленіи; повѣрьте мнѣ однако, оно не ослабило и на волю мою рѣшимости. — Скорѣе къ цѣли, время дорого, оно бѣжить, нужно кончить!... За тѣмъ, несчастный молодой человекъ, вы не умѣли меня обманывать долѣе? хотя бы по смерть мою... жалю! я закрылъ бы глаза и въ гробъ увесъ бы изъ жизни одну отрадную увѣренность!... Жалю! — Но съ той минуты, когда вся нечестота обваружилась, я не могу быть эвмухомъ чужаго гарема, мой домъ не можетъ быть пріютомъ!... — Графъ! эти выраженія...

— Молчите, сударь, — крикнулъ Радомскій, изгнывая своему хладнокровію. — Мнѣ некогда заниматься краснорѣчіемъ, а вамъ дѣло идетъ о смерти, помните это! — Сынъ принадлежитъ вамъ — не крови; его мать — по волѣ, которою отдалась вамъ сама, ни въ полную возможность не отдаваться, и ясно, точно понимая дѣйствіе и послѣдствія. — Вы должны взять все, что принадлежитъ вамъ. — Съ ребенкомъ меня связывалъ узелъ обмана, этотъ узелъ разорвать и лавово-бы ни было мое чувство, между нами уже нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Съ его матерью все сродняннее меня по духу — уничтожено. Но я соединенъ еще съ нею тѣсно: мое имя, званіе жены предъ свѣтомъ, предъ церковью, достоинство женщины, наконецъ цѣль тихаго, простаго, но чистаго чувства, которое было завѣщано ей мною на всю мою жизнь, чувства, которое и въ эту минуту руководитъ мною... вотъ узлы, еще крѣпкіе, не смотря на ножъ, которыми вы всѣ надрезали. — Я приму вѣрнѣйшія мѣры, чтобъ развязать ихъ, не повредя чести бѣдной женщины предъ людьми; я вскорѣ освобожу ее совершенно отъ всего, что насъ еще связываетъ...

— Какъ! формальный разводъ! Огласка юридическая! и вы называете это спокойно развязать?... но чтожь и какъ?...

— Не ваше дѣло знать, какъ и чѣмъ я разрѣшу затрудненія; я разрѣшу ихъ, повѣрьте, это моя забота. По вашему паспорту, доверенному мнѣ вашей дружбою, вамъ выданъ видъ для отъѣзда за границу; на зав-

траншею парходъ для васъ удержано мѣсто, вы отправитесь....

— Я не хочу, ... не могу, ... никто не знаетъ права! ... произнесъ Риппа съ некоторою гордчвостью.

— Никто, никто, кромѣ грубой силы, которая теперь на моей сторонѣ; — отвѣчалъ графъ... Вамъ предоставляется выборъ, мнѣ в этого не было предоставлено вами. Исполните то, чего я требую, или я исполню то, что предназначилъ.

— Графъ! поймите-же, услышите-же голосъ разсудка; умоляю васъ!...

— Полноте, полноте! Я отвѣчаю Богу; — говорите: да или нѣтъ?

— Нѣтъ! — вырвалось изъ блѣдныхъ устъ Риппа.

— О! тогда — пусть будетъ! — глухо произнесъ Радомскій, мгновенно приближая одну руку къ груди Альфреда, а другую поднимая съ пистолетомъ въ уровень его лица; — вы умрете...

— Остановитесь! — вскрикнулъ Риппа съ ужасомъ.
— Разбойникъ, остановитесь!!

Графъ былъ блѣденъ; ухвативъ желѣзною рукою стянутый на груди Альфреда халатъ, онъ сильно держалъ его, почти приставивъ дуло пистолета къ лицу несчастнаго.

— Извергъ! — повторялъ Риппа дико.

— Какъ хотите; вдете-ли вы или нѣтъ? шепталъ графъ.

— Не могу! Еслибъ хотѣлъ, не могу, ... не имѣю средствъ...

— Вздорь! я дамъ въ сто разъ болѣе, нежели сколько нужно!

— Долги...

— Вы вѣкъ не имѣете: я поручился за васъ.

— Что скажутъ всѣ?...

— Любопытная заботливость! всѣ узнаютъ, что вы вздумали ѣхать и уѣхали.

— Мои вещи, — нѣкоторыя дѣла...

— Стыдитесь! — Я все кончу, я дамъ половину моего состоянія, на что мнѣ оно теперь?

— Нужно обдумать...

— Извольте; но, прошу васъ, не продолжайте своей агоніи, рѣшимость моя ни чѣмъ не можетъ быть уничтожена! Риппа, я болѣе не повторю своихъ словъ, а чтобъ спустить курокъ пистолета, нужно только одно мгновеніе ока!... Вы ѣдете; вашъ сынъ и его мать придутъ въ *** черезъ мѣсяць. Если имѣете, не говорю уже о страсти, хоть искру человѣческаго чувства, хоть малѣйшее понятіе о чести, хотя малѣйшее сожалѣніе въ этой женщинѣ, тогда будьте разумны, скромны, осторожны — не болѣе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени вы получите о мнѣ рѣшительное извѣстіе — и будете оба свободны... Тогда вы поступите или какъ человѣкъ, или какъ самое низкое животное, въ которомъ нѣтъ не только души, но инстинкта...

Сію минуту вы хотѣли убить меня, теперь я вижу въ васъ мысль о самоубійствѣ...

— Нисколько; я не хочу, но рѣшился на убійство! Если той, которая еще носитъ названіе моей жены, долж-

но будетъ неотразимо наложить на себя отвратительное клеймо... тогда я примирюсь съ необходимостью; я знаю, что ни разводъ, ни дуэль, ни самоубійство не помогутъ, — я убью васъ, здѣсь, тотчасъ же. Понимаете-ли? Огласка, которой я не успѣю отвратить, будетъ та же; но съ нею будетъ и другое; къ дуэлямъ привыкли, — это площадное лекарство не помогаетъ глубокой язвѣ, — я покажу примѣръ, безумный, глупый, — но который, можетъ быть, подѣйствуетъ на вашу братью. Я дополню новою статью законъ общества, выпустившаго ее изъ своего кодекса; я самъ, хладнокровно, какъ судья, накажу обольстителя и обманщика; тогда не будутъ смѣяться надъ бѣдною-жертвою обмана, а, можетъ быть, взглянуть на нее съ другою чувствомъ; тогда явно наказавъ отца, явно-же я дамъ состояніе, воспитаніе, имя его невинному сыну, невольно внесшему безчестіе въ мой домъ, и когда, въ зрѣлые лѣта, онъ узнаетъ, какъ погибъ его отецъ, можетъ быть этотъ сынъ самъ отягчить презрѣніемъ память своего отца. — На все это я согласенъ, собственно о себѣ не забочусь и заранее мирюсь со всѣми послѣдствіями, — если не достигну другимъ способомъ другой цѣли. — Рѣшайтесь-же?! —

— Дайте убѣдить васъ, я представлю...

— Ничего болѣе; теперь вамъ все открыто, все ясно. — Да, или нѣтъ? Кончимъ эту игру; говорите! я не вытерплю, я потороплюсь!... Видите, когда эта стрѣлка переступитъ чрезъ три послѣднія минуты четверти, тогда, клянусь вамъ, съ боемъ часовъ здѣсь раздается выстрѣлъ!

— Неслышанно! непостижимо!!... произнесъ Альфредъ, то потирая лобъ, съ котораго катились крупныя капли холоднаго пота, то ломая пальцы съ признаками совершеннаго душевнаго изнеможенія, и выдавая въ глубокую задумчивость.

— Уже часть второй минуты прошла, — сказалъ Радомскій протяжно, — я васъ не могу и не хочу поволить, но я долженъ наказатъ васъ. —

Рицца молчалъ какъ мертвый, скрестивъ руки и понуривъ голову.

— Согласны-ли вы? спросилъ графъ тихо, взводя курокъ пистолета.

Альфредъ вздрогнулъ. — Согласенъ, произнесъ онъ протяжно, закрывая руками лице.

— На все? безъ изыятія, безъ увертокъ? — Не изъ трусости-ли только, не изъ страха-ли смерти вы согласились?...

Альфредъ, стиснувъ губы, вперивъ на графа мрачный взоръ, утвердительно качалъ головою.

— Ради неба, говорите: точно-ли вы ее любите?

— Да! — но вы будете отвѣчать Богу! — прошепталъ Рицца и глаза его потухли.

— За все! — сказалъ графъ, за все!! — Я не оставлю пистолета, пока условіе не будетъ подписано и еще разъ утверждено страшною клятвой.

— Къ чему это теперь?

— Поклонитесь, я и тогда буду еще въ правѣ не вѣрять. — Поклонитесь всѣмъ...

— Клянусь всѣмъ, что драгоцѣнно и свято чело-вѣку въ жизни и за нею...

— Хорошо, подпишите теперь эту бумагу.

— За чѣмъ?

— Подпишите, прочитайте.

Альфредъ блуждалъ впередъ по бумагѣ.

— Видите-ли, — сказалъ графъ тихо, — вы едва дышите, вы почти безъ чувствъ, руки ваши страшно трясутся, глаза лишены блеска, — въ дуэли этого не было бы съ вами! — Верить-ли мнѣ вамъ и въ эту роковую минуту? — Не вырвалъ-ли я страхомъ неизбежной смерти согласія отъ малодушія вашего? и согласія на что? — на увѣчаніе этой самой страсти, на полное, чистое обладаніе предметомъ вашей любви! — Любите-ли вы ее, Альфредъ?

— Да; да... повторять онь.

— Подпишите-же, вы будете счастливы... Но, Ринна, не всѣ друзья мои такъ вы, какъ тотъ, который теперь передо мною; вы не спасетесь, если и меня не станете; вы нигдѣ не скроетесь; измѣною клятвы вы только отсрочите свою казнь, божусь вамъ!! —

— Альфредъ подписалъ обязательство. Въ немъ заключалось признаніе его въ любви къ графинѣ, и въ томъ, что сынъ ея есть плодъ ихъ связи, и что въ случаѣ неповаденія мнѣ торжественной клятвы, данной графу, и согласной съ истиннымъ чувствомъ Ринна къ графинѣ, предоставляется графу, или кому онъ передастъ это право, дуэль, вездѣ, во всякое время, въ которой обиженный будетъ стрѣлять въ Альфреда прямо черезъ платокъ. «Да буду я безчестенъ и обманщикъ, если только изъ страха смерти говорю противу сердца, «и если не исполню свято, строго, обязательства и клят-

«вы, мною данныхъ.» — Этими словами заключалась подписанная Альфредомъ бумага.

— Я доволенъ, — сказали графъ; — я надѣюсь, что вы постигаете необходимость тайны, тѣмъ болѣе, что и самое послѣднее, самое низкое, недостойное васъ средство — доносъ на меня — не помогло-бы. — Все итѣры будутъ приняты, согласно съ моимъ рѣшеніемъ и даннымъ словомъ; здѣсь деньги, вы увидите, что ихъ достаточно. Ни писать къ намъ въ домъ, ни быть самимъ вамъ уже некогда. Завтра я провожу васъ, съпутствуемый этими товарищами. Прощайте; мы расстаемся дружно, — иначе быть не можетъ съ той минуты, когда я увѣренъ, что вы любите и сдѣлаете все возможное для счастья женщины, для которой я готовъ умереть.

Графъ вынулъ и, въ дверяхъ, вложилъ въ карманъ свои пистолеты.

Съ лихорадочнымъ движеніемъ Ринна бросился на отоманъ, схватилъ трубку, пустилъ въ воздухъ чудное дымовое кольцо; но ни другаго, ни третьяго за нимъ не послѣдовало, и прежде, нежели оно разсѣялось, чубукъ вынулъ изъ рукъ Альфреда, голова его склонилась на грудь, руки спустились, взоръ приковался къ какой то точкѣ камина, дыханіе затихло и въ комнатѣ воцарилось могильное молчаніе; вошедшій принялъ бы Альфреда за мертвеца.

II

Тягостенъ былъ этотъ день для добраго графа Радомскаго; — никогда еще непреклонный его нравъ не имѣлъ надобности въ столь отчаянной твердости; одно чувство, одна мысль, поглощали все его существо; а между тѣмъ, память, не спросясь, улетала въ былое; воображеніе, раскидывая дивныя картины живо и ярко выказывало ему, въ обольстительномъ сумракѣ прошедшаго, обворожительную его молодость! Какое время!? — Тогда кипѣли неслыханныя битвы; тогда чудныя побѣща народа противу народовъ рѣшали судьбу міра; духъ крѣпился въ безпримѣрныхъ опасностяхъ! Любовь къ родинѣ, высшая и чистѣйшая любовь въ человѣкѣ, одушевляла всѣхъ! И въ то время, когда поля стонали, когда воздухъ ревѣлъ и дыдалъ, когда разрушеніе царствовало въ городахъ и селахъ, а гибель ходила среди несмѣтныхъ полчищъ и косила ихъ какъ созрѣлую жатву; когда исчезали цѣлые народы, создавались новыя царства, когда рѣки несли морямъ кровь миллионовъ людей, а доли застилались трупами ихъ... посреди всѣхъ этихъ ужасовъ, душа не ощущала ни робости, ни печали; сердце горѣло чистою радостью; высокая поэзія просвѣтляла умъ, облагороживала чувства; жизнь казалась прекрасною и улыбающеюся какъ счастливая невѣста; смерть завидною какъ участь избраннаго жениха!... А теперь?... Что жъ? и теперь какъ тогда, смерть добровольная, желанная смерть!... А между тѣмъ какая разница!... «О! жизнь! жизнь!

Действ. изъ романа.

коварная оболъстительница!» — говорилъ графъ, — «за чѣмъ, съ спокойною улыбкой безмятежной дружбы, обманомъ сплела ты на столь долгое время руку свою съ моею? За чѣмъ, обнявъ меня такъ жарко въ цвѣтущей молодости, ты не задушила тогда несчастной жертвы своимъ горячимъ лобзаніемъ!»

Бѣдный Радомскій! До вчерашняго дня онъ благословлялъ судьбу, довѣрчиво сознавая себя столько счастливымъ, сколько человекъ можетъ быть счастливъ...

Возвратясь домой, онъ тысячу разъ рѣшался идти къ женѣ, чтобъ положить конецъ этимъ страданіямъ; тысячу разъ садился снова, ослабѣвая духомъ; — чувство неизъяснимаго сожалѣнія мучительно сжимало его сердце; одинъ помысль о свиданіи, въ которомъ онъ долженъ былъ сдѣлать первый шагъ къ исполненію приговора неотразимаго, былъ для него во сто разъ тягостнѣе сцены съ Альфредомъ, которая могла развязаться только хладнокровнымъ убійствомъ. Но должно было кончить; должно было заглушить вопль души, зажечь сладкія уста надежды, опять ластившейся къ сердцу и шептавшей на ухо свои коварные обманы; должно было разорвать эту нить, связывавшую смерть съ жизнью, избирая себѣ на долю тотъ конецъ ея, который прямо и вѣрно велъ къ разрѣшенію всѣхъ нашихъ сомнѣній, къ утѣшенію всякой печали, къ смерти.

Графиня сидѣла въ уборной, окруженная нарядами; французенка модистка, — законодательница вкуса, хитрая волшебница могущественному жезлу, которой модныя женщины столь дорого платятъ за свою такъ называемую красоту, — повелительно осуждала на изгва-

ніе ничтожныя драгоценности, недавно еще ею же воз-
величенные, прославленные — и проданныя на вѣсь зо-
лота...

— Здравствуй, Ольга, — сказалъ графъ, входя.

— Ахъ! графъ!!... Вы какъ будто нарочно необык-
новенно рано выѣхали сего дня, чтобъ не дать мнѣ вре-
мени поблагодарить васъ за неподобный подарокъ. Это
прелесть! — Но ваша внимательность въ тысячу разъ
прелестнѣе!

Она кокетливо протянула ручку. Поднявъ голову,
съ которой роскошныя локоны темнорусыхъ волосъ
волнами сбѣжали къ плечамъ, открывъ во всей ея пол-
нотѣ чистую красоту очертаній лица, Ольга взглянула
на графа однимъ изъ тѣхъ очаровательныхъ взглядовъ,
которые могутъ, по волѣ женщины, обезоружить са-
мага смѣлаго мужчину, или внушить смѣлость самому
робкому. Но, къ удивленію ея, уста мужа, сжатые и
блѣдныя, не прильнули къ этой нѣжной ручкѣ; на нихъ
только мелькнуло полуюсное выраженіе печали. Скло-
нивъ голову, графъ тяжело вздохнулъ, взялъ молча руку
жены, и медленно, изъ подлюбья, вперилъ въ ея очи
взоръ, въ которомъ было что-то глубокое, по неволѣ
тревожившее сердце. Ольга никогда еще не видала въ
этомъ взорѣ столько мысли; по непонятному побужде-
нію ей хотѣлось бы разгадать эту мысль... — «Здо-
ровы-ли вы, графъ» — спросила она съ любонитствомъ
и смущеніемъ, «вы такъ блѣдны?»...

— Блѣденъ?! — произнесъ онъ, какъ будто оч-
нувшись, — напротивъ, мнѣ жарко. — Онъ быстро

распахнулъ сюртукъ и яркая краска вдругъ выступила на его лице. — Ты собираешься куда идишь? —

— Отъ нечего дѣлать я занималась своимъ туалетомъ, для будущаго бала Альмицихъ.

Когда же этотъ балъ? — спросилъ графъ, странно улыбаясь.

— Черезъ десять дней; говорятъ онъ будетъ самый блестящій; всѣ...

— Вѣрю... но ты еще успеешь?

— Конечно! — Подите, я позову васъ; — сказала графиня женщинамъ; — онѣ вышли.

— Благодарю за эту готовность, Ольга! ты должна подарить мнѣ полчаса?») —

— Часъ, пять, десять, если нужно...

— Столько? за мой подарокъ?... —

— Графъ? не стыдно ли!! что съ вами сегодня?! Вы разстроены, недовольны чѣмъ то...

— Не ужели? — произнесъ онъ, пожимая плечами; — «подари мнѣ полчаса; только полчаса, ты увидишь, что и этого ужасно много; я не желалъ бы мучить тебя такъ долго, но...

— Какое выраженіе! Мучить, мучить!! повторила она, сердито надувая губки.

— Да, мучить, мой бѣдный другъ!! — отвѣчалъ графъ, и, помолчавъ нѣсколько, вдругъ поднялъ руку жены въ стиснутыя устами своими.

— Не понимаю — сказала она съ выраженіемъ чрезвычайнаго безвѣроятія; — напрасно я иду въ умъ своимъ причины, которая бы могла...

— Перейдемъ въ кабинетъ, ты тотчасъ узнаешь!
— сухо перервалъ графъ, покидая ея руку.

... Ольга встала; какое то неясное предчувствіе вдругъ взволновало ея духъ. Въ тоиъ графа была необыкновенная торжественность, холодность слишкомъ подозрительная. Невольная робость овладѣла Ольгою; она вошла въ кабинетъ, но два раза возвращалась, сперва, чтобъ взять забытый платокъ, потомъ, чтобъ взглянуть на часы; графъ между-тѣмъ задумчиво ходилъ по кабинету. — Онъ молча указалъ женѣ рукою диванъ; она, взглянувъ на мужа боязливо, — сѣла. — Тогда графъ заперъ двери; медленно подходя къ графинѣ, остановился, посмотрѣлъ на нее глазами исполненными глубокаго чувства и началъ такъ:

— Богъ видитъ, Ольга, что я отдалъ бы жизнь, чтобъ отворотить эту тяжкую минуту; — Богъ знаетъ это!... Но невозможное — не возможно! Все передумано, перечувствовано все; я не могу дѣйствовать иначе; хорошо или дурно, разсудитъ Онъ!! Ради того, что свято еще для тебя, умоляю, — будь спокойна, сколько можешь; я оскорблю тебя, встревожу, разстрою, бѣдная! ты будешь плакать, — плачь, плачь!!... Слушай; но не спрашивай меня ни о чѣмъ; не позволяй мнѣ впасть въ положеніе, котораго избѣгаю. — Прошу еще: ни одного слова, ни одного крика! Пусть все, что произойдетъ здѣсь, останется мертвою тайною между нами и небомъ; чтобъ ни одинъ звукъ не перелетѣлъ черезъ порогъ этой комнаты, Ольга!! —

— Вы пугаете меня, сказала она блѣднѣя, и, бросивъ болѣзненный взглядъ на мужа, вдругъ судорожно

схватила его руку. — «Я не понимаю... лице ваше горѣло сію минуту, и вотъ, вы теперь блѣдны какъ полотно; ваши руки трясутся, онѣ холодны какъ ледъ!... Что это? Что это??...

— Это отъ того, что вся кровь моя, все мое я, сосредоточены тутъ, отвѣчалъ онъ тихо, указывая на свою грудь; — работа жизни теперь рѣшается между головою и сердцемъ; Ольга, у меня тоже есть сердце, ты, мой другъ, не думала этого... —

Графиня съ признаками ослабленія прислонилась къ мягкой подушкѣ дивана и, опуская голову, произнесла тихо: Боже мой! что же все это значить?...

— Что? — Въ тебѣ робость, мой другъ; во мнѣ — страхъ, за тебя, внушаемый еще... чувствомъ... Ольга, у меня тоже есть чувство, ты не хотѣла помнить объ этомъ? — Понимаешь ли теперь, — понимаешь ли, моя жена? — произнесъ онъ медленно, взявъ ее за обѣ руки и быстро глядя ей прямо въ лице, — съ выраженіемъ горя и упрёка, — понимаешь ли, о чемъ я не хотѣлъ бы, но долженъ говорить съ тобою?

Она, опустивъ очи, молчала, то блѣднѣя, то краснѣя.

— Понимаешь-ли, Ольга? — повторилъ графъ еще тише...

— Нѣтъ, ... нѣтъ... прешентала она.

— Нѣтъ?! — О! не притворствуй же до конца; для тебя самой, прошу тебя, не обманывай себя долбе; утѣшь меня, скажи, что понимаешь, — и довольно; избавь меня и себя отъ тяжкаго объясненія.

— Что такое?... скажите?...

— Ты не хочешь понять!? Ольга, знай же, все, все мнѣ известно... я узналъ...

— Что? что вы узнали? — спросила она съ горячностью, устремляя на него допытливый взоръ и какъ будто боясь дохнуть.

— Что?? — все, Ольга! Все совершенно!! — произнесъ онъ твердо и медленно. Черновое твое письмо къ Риппа, лежавшее въ баулѣ...

Мгновенно высвободивъ руки свои, Ольга, какъ изступленная, одною зажала мужу ротъ, другою схватилась за голову, обезсилившую и завалившуюся къ спинѣ; она испустила слабый, но пронижительный крикъ, и, разкрывъ уста, упала съ дивана, на которомъ сидѣла, на колѣни, къ ногамъ графа.

— Ради самаго неба, ни слова, ни звука! — сказалъ тихо Радомскій; поднялъ жену и посадилъ снова на диванъ. — Ольга сильно трепетала; закрывъ лице платкомъ, она заглушала мнѣ тяжелыя рыданія и боязливо прилаивъ къ груди графа, лежала какъ убитая, не смѣя приподнять головы; грудь ея высоко волновалась и руки, во временахъ, судорожно схватывали одежду графа.

— Я не виноватъ, Ольга, — продолжалъ онъ медленно, — я отдалъ бы жизнь, чтобъ этотъ ужасный обманъ продлился до моей смерти, судьба того не хотѣла! Вчера, ты спала, когда, возвратясь домой, я привезъ подарокъ; мнѣ хотѣлось сдѣлать тебѣ приятное, я вошелъ со свѣчею въ этотъ кабинетъ, изыскивая средства болѣе поразить тебя неожиданностью, я вздумалъ положить вещь подъ доску твоего баула. Я исполнилъ

уже это, но закрывая доску, впервые подиitную мною, я взглянулъ еще разъ на браслетъ, и тутъ, печально, прочелъ глазами эти слова: «*мужъ мой и свѣтъ обма-
нуты: до сихъ поръ они ничего не знаютъ!*» — Ужас-
ныя слова! какъ-будто нарочно вставленныя коварнымъ
случаемъ въ золотую рамку мужнинаго подарка! — Тогда
я невольно схватилъ письмо, лежавшее подъ браслетомъ,
оно все открыло мнѣ, Ольга!... Оно здѣсь, близъ сер-
ца, которое отравлено имъ! Ты была безпечна; ты
столько же привыкла къ грѣху, сколько къ увѣренно-
сти моей на счетъ неприкосновенности и чистоты твоей
чести...

Ради Бога, молчите, молчите, шептала графиня,
то опускаясь на полъ, въ совершенномъ изнеможе-
ніи, то захватывая колѣни мужа, и погружая въ нихъ
орошенное горячими слезами лице свое.

— Успокойся, я не буду говорить объ этомъ. Что
могу я сказать? упрекать, жаловаться, объяснить? —
къ чему все это?? — Ольга, ты не знаешь, — прибавилъ
онъ съ глубокою тоскою, — ты не знаешь, какая
болѣзненная рана въ этомъ сердцѣ? Ты не знаешь, сколько
тутъ мучительныхъ чувствъ; сколько тутъ рычей,
столь жестокихъ и столь истинныхъ какъ твое про-
ступленіе: сколько тутъ кровавыхъ слезъ!? Никъ не за-
чѣмъ выходить оттуда! Пусть остается безотѣтнимъ
въ этомъ гробѣ!! Пощади, все пощади! — И къ чему у-
преки, жалобы, объясненія? Ты сама давно уразумѣла
все; ты не могла не чувствовать всего, до самой малѣй-
шей, до самой убійственно-ничтожной чистоты!? Ужас-

во вздумать, Ольга, сколько чернаго, мелкаго... Оставимъ это: нужно кончить... быть такъ — не возможно...

— Если бь смерть моя...

— Смерть? отъ чего смерть?! Для чего смерть?

— Убейте меня! — произнесла Ольга, рыдая.

— Подобная мысль не могла даже промелькнуть въ умъ моему! —

— Мнѣ жить?!... Нѣтъ! Стыдъ убейте меня...

— Стыдъ — не раскаяніе! одинъ убиваетъ иногда, другое — всегда вознаграждаетъ человѣка. Ты должна жить. Забывъ долгъ жены, развѣ ты хочешь забыть и долгъ матери? — Твой сынъ...

— О! ради Бога!... пощадите...

— Ты можешь еще, и потому должна, добродѣтелью искупить свое преступленіе въ глазахъ неба;... но ничѣмъ уже ты не залечишь, Ольга, раны, которую нанесла въ это сердце...

— Умереть!... Умереть должно!... Глухо повторяла Ольга, задыхаясь отъ слезъ и полуубитая чрезвычайнымъ волненіемъ.

— Да, умереть должно, — но не тебѣ; не скрываю, одинъ изъ насъ троихъ былъ уже близокъ къ смерти сегодня...

— Вы дрались!? — вскрикнула она съ ужасомъ, быстро вскакивая и бросаясь мужу на шею. — Вы дрались! это ужасно!...

— Тише, ради Бога, тише!! — сказалъ графъ холодно.

— О! вы стрѣлялись?...

Помолчавъ нѣсколько, графъ отвѣчалъ угрюмо: «успо-

кобся; онъ живъ и не раненъ; я не могъ ниѣтъ мысли о дуэли, но сознаюсь, могъ убить его, однакоже онъ невредимъ...

— Онъ! онъ! повторила Ольга, и, закрывая лице руками, кинулась опять на диванъ.

— А кто же, Ольга?! — Извини меня, развѣ чувство ко мнѣ могло вырвать изъ души твоей этотъ involuntary крикъ? Ты видишь, я здѣсь — я здоровъ? И что я?... Не я отецъ твоего сына!

Охвативъ подушку и погрузясь въ нее лицомъ, графиня, съ этой минуты, осталась безмолвною; лишь глухіе стоны и лихорадочный трепетъ тѣла, обнаруживали въ ней не только жизнь, но сильное страданіе.

Графъ сѣлъ возлѣ, осторожно положилъ ей на плечо руку и по временамъ лаская бѣдную, тихо говорилъ:

— Ольга, всякое дѣйствіе ведетъ за собою необходимыя слѣдствія; умъ точный — математически можетъ ихъ рассчитать и предвидѣть; чувство изыскиваетъ способы отворотить или ослабить опасныя, несчастливо оно, если зло не созрѣло еще подобно плоду, который уже ничѣмъ не можетъ быть удержанъ на деревѣ, тогда его срѣзываютъ, чтобъ онъ не раздробился падая. — Другъ мой, то что я скажу, рѣшено мною, должно исполниться и ни чѣмъ не можетъ быть измѣнено; позже я объясню тебѣ причины. — Слушай!... Мы ѣдемъ черезъ два дня въ деревню; — весна въ цвѣтѣ; — мы собрались вѣругъ; сегодня же я мелькомъ проговорю объ этомъ въ клубѣ и завтра — всѣ знакомые узнаютъ, а черезъ недѣлю — всѣ забудутъ о насъ. Поживъ въ деревнѣ, устроивъ все, предпримется пу-

тешностию за границу. Для новой жизни, нужно новое небо; новые предметы. Прекрасная природа благотивно подѣйствуетъ на здоровье, многое возбудитъ сильное участіе сердца и ума, придастъ тѣлу бодрость, умирить духъ...

Она, не поднимая головы, усвоенная этими словами, съ чувствомъ взяла руку мужа и тихо сжимала ее въ своей. — Графъ продолжалъ:

— Подъ вліяніемъ благоприятствующихъ обстоятельствъ, мысли придутъ въ порядокъ, волненіе утихнетъ и ты успѣешь спокойно обдумать все, что нужно, чтобъ устроить свою будущую — новую жизнь. Ольга, съ этою цѣлью, ты поѣдешь...

— А вы? — спросила она едва внятно.

— Я? — остаюся...

— На долго-ли? — прошептала она, отдергивая руку.

— Не знаю...

— На вѣчно!... О! вы бросаете меня на всегда, и я одна!...

— Одна? — съ тобою будетъ твой сынъ; что можеть тебѣ быть драгоценнѣе, для матери, не все ли въ немъ?...

Послѣдовало нѣсколько минутъ мертваго молчанія.

— Ольга, произнесъ графъ тихо, — трудно, мой другъ, въ подобномъ разговорѣ усюконтить чувства глубоко-обиженаго сердца; я не хочу, я не желаю оскорблять тебя, и сколько уже разъ оскорбилъ, въ теченіе немногихъ минутъ? и сколько уже разъ, можеть быть, оскорблю еще; но, клянусь тебѣ, это противно моей воли.

Какъ быть! — Красное, Бѣдная; выдержи все, что необходимо наведено обстоятельствомъ; поцѣрь, я упорно побуждаю себя. Прости же мнѣ обидное, что вырвалось и вырвется еще изъ моихъ устъ; послушай меня одну минуту; старайся сама уразумѣть въ моей непреодолимой и тихой бесѣдѣ чувство, которое она внушена — и ни слова болѣе объ этомъ, ... никогда!...

Она приподняла жѣну, прислонилъ ее голову къ своей груди, успокоивалъ ее ласками и по временамъ цѣлуя ее пылающее чело, продолжалъ, прерывисто, въ шепотъ — голоса.

— Бѣдная женщина! — Что сдѣлано, того не возвратишь ни чѣмъ! — Небо еще милостиво къ тебѣ; въ самомъ грѣхѣ есть нить спасенія. Тонкая хитрость, съ которою столько лѣтъ ведена... прости мнѣ, мой другъ, это слово, ... ведена ужасная игра со мною, оградила тебя, какъ бы чудомъ, отъ стоустаго и смертоносннго для женщины злорѣчія свѣта. — Мнѣнне еще не освержилю тебя; это важно для спокойствія чѣлой твоей жизни. Мужъ и свѣтъ обмануты — и вотъ мужъ благодаритъ тебя за то, что ты обманула не одного его, но и свѣтъ. — Богъ иногда прощаетъ, но злорѣдность свѣта не простила бы никогда, и тогда, ниже и глубже ты погрязла бы въ пороки совершенно. — За тебя, я счастливъ отицъ; за себя, Ольга, — я одинаково и безнадежно несчастливъ. Не судъ и мнѣнне свѣта нужны собственно мужу, но то внутреннее спокойствіе, то святое убѣжденіе, которые во мнѣ убиты такъ жестоко. — Не смѣю не вѣрить чувству, которое могло быть въ числѣ побудителей твоего надемія; противная мысль была бы

для меня омерзительна; хоту предположить, что въ твоей страсти, — такъ называютъ это въ свѣтѣ, — въ твоёмъ отпаденіи отъ долга, отъ стыда, отъ чести, отъ чистоты и скромности, ... было чувство глубокое, горячее; но, допуская это, не могу уже допустить, чтобъ въ женщинѣ, такой какъ ты, чувство къ отцу ребенка, котораго она носила подъ сердцемъ, могло быть слабѣе чувства къ ея любовнику... понимаешь меня?... Стало быть мы безвозвратно разъединены съ тобою, безвозвратно и по собственной волѣ твоей! — Если ты не хотѣла, не умѣла, не могла побѣдить этого чувства тогда, неностижимо-сильнымъ и всегда побѣдоноснымъ оружіемъ, свыше даннымъ каждой женщинѣ, оружіемъ, которое ты, надломивъ, выбросила изъ своего сердца, — теперь побѣдить его уже ни чѣмъ не возможно!! — Разумный невозможнаго не ожидаетъ, Ольга; вотъ почему, не заблуждаясь, не уносясь страстію, не предаваясь надеждамъ, но просто мирясь съ тяжкою необходимостью, рѣшаясь на должное, — я убѣжденъ, что ты любишь другаго; я выпилъ уже отравленную тобою для меня чашу, и нѣтъ возможнаго противоядія: ядъ возьметъ свое. Не о себѣ, а о тебѣ заботится мое сердце еще и въ эту минуту; о тебѣ прошу тебя; спаси себя, я дамъ тебѣ на это всѣ средства, которыя почитаю нужными, всѣ, которыя въ моей власти, — до послѣдняго... Въ этомъ положеніи — тебѣ, будущее несетъ только горе и униженіе, ... нѣтъ это положеніе не возможно, оно не постигалось мною никогда въ другихъ! — Презрительно поправъ ногами честь, забывъ долгъ жены, ты оцутала себя другими свѣтами; ты разорвала обя-

занности свои, быть можетъ, тяжелая, но создала себѣ новыя. Сынъ... вотъ новая ось вашей новой жизни; къ ней должно быть устремлено все.... Ты мать.... но, опять, Ольга,... не я отецъ твоего сына... я отрѣшенъ отъ узъ...

— О, прости! прости! ты добръ,... не терзай меня болѣе...

— Ты видишь, ты понимаешь вѣроятно, что я прощаю все. Я говорю тебѣ какъ другъ, не какъ мужъ, отъ котораго отнять тобою самый святой залогъ его жизни. Ты видишь, въ сердцѣ моемъ нѣтъ ни гнѣва, ни мести, ни злобы; — въ немъ только сожалѣніе, сожалѣніе высокое и такая печаль, для которой жизнь не имѣетъ цѣлѣбнаго зелья, противъ которой бессильно — все въ свѣтѣ! — Ты разорвала духовную нить, а питательная сила ея заключена не въ томъ концѣ, который ты бросила мнѣ;... ты можешь и должна жить;... потому, что существо твое не одиночно, и можетъ еще быть дополнено, даже очищено, — но не передо мною, Ольга, нѣтъ, это невозможно! Занеся ножъ, увлеченная страстью, не зная что дѣлаешь, ты не остановилась, ты поворотила его въ моему сердцѣ, потомъ извлекла, — оставивъ въ немъ довольно силы, чтобъ сохранить тебя же для тебя самой; — благодарю и за это. Сдѣлаю что могу, что должно и послѣ...

— Что послѣ?... вырвалось изъ ея усть, какъ предсмертный стонъ.

— Жди, Ольга...

— О! ради неба!... Ты рѣшился на что то...

— Жди, Ольга! ни звука болѣе объ этомъ; ты рѣшила все, а не я.

— Умоляю!... одно только слово?...

— Ни одного! — Въ свое время узнаешь! — Ты не говорила мнѣ своей тайны, мою оставь мнѣ; она для тебя будетъ не столь мучительна... Еще одна, важная просьба, которую ты должна исполнить. Будь хитра и осторожна; на нѣкоторое время, необходима глубокая скрытность; будь даже весела, сколько можешь; я требую этой жертвы, для тебя же. Чтобъ ни одинъ глазъ, ни одно ухо, ни одинъ, самый подозрительный умъ, не могли схватить и тѣни, для легкой даже догадки о томъ, что было между нами!... Теперь все кончено...

— О! нѣтъ! не все;... не покидай меня въ этомъ мучительномъ сомнѣнн!... Заклинаю тебя Богомъ!... Скажи?...

— Ольга! я сказалъ уже, до времени ни слова болѣе;

Графъ всталъ, вѣжливо сжалъ руку жены и задумчиво напечатлѣлъ на блѣдное, холодное ея чело продолжительный поцѣлуй.

— Да не посмѣетъ свѣтъ наложить сюда клейма безчестія, — произнесъ онъ съ увлеченіемъ — и, если только возможно, да будетъ еще осынена счастіемъ жизнь твоя! Вотъ что я хочу купить жертвою...

— Жертвою чего?... вскрикнула графиня, вскакивая и обвивая мужа руками. — Чего? — чего?!... въ головѣ твоей кроется что-то страшное!...

... Ты видишь, я спокоенъ...

— Нѣтъ, ты непреклонно твердъ, но не спокоенъ;... О скажи!... умоляю!... Я не выпущу тебя... я умру тутъ, у твоихъ ногъ... Я повлекусь отсюда за тобою...

— Другъ мой, напрасно, — все сказано...

— Нѣтъ; ты скрываешь?... Ты будешь требовать развода?...

— Не стыдно-ли?...

— Ты бросаешь меня просто?...

— Ольга! Ольга! давъ пошла ты и мои слова и мои чувства?...

— Ты задумалъ что-то... ужасное...

— Успокойся; и ни слова болѣе! — Онъ тихо старался высвободиться; но Ольга, на колѣняхъ, схвативъ его ноги, влеклась за нимъ по полу; блѣдная, съ разнуженными волосами, съ выраженіемъ глубокаго ужаса, она повторяла въ отчаяньи:

— Ты будешь драться!... Ты убьешь меня!! — Ты, можетъ быть... подынешь руку... на дѣтя...

— Успокойся! блѣдая женщина! Ты не знаешь, что говоришь! Прежде всего, я христіанинъ, Ольга!

— О! Боже мой!... На что же ты рѣшился? — простонала она, падая на полъ.

— Жди, терпѣливо, разумно... и... молись, Ольга! — сказалъ графъ ласково, поднимая жену. Нѣжно обнявъ ее, онъ довелъ совершенно изнеможенную до спальни; — она лишилась чувствъ; быстро дернувъ шнурокъ колокольчика, графъ взглянулъ еще разъ на блѣдное какъ снѣгъ лице жены — и съ болѣзненнымъ трепетомъ сердца послѣднее удалился.

— Графиня сдѣлалось дурию! — раздалось по комнатамъ.

А. Башуркинъ.

ЗАПИСКИ
ПОКОЙНАГО ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА
ДАВЫДОВА,

**ВО ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ ЕГО ВЪ 1826 ГОДУ ИЗЪ МОСКВЫ
ВЪ ТИФЛИСЪ.**

Я былъ въ отставкѣ два года четыре мѣсяца и девять дней, то есть съ 1823 года, ноября 14, по 1826 годъ, марта 23.

При восшествіи на престолъ Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, я, по прошенію моему, опять вступилъ въ службу и назначенъ состоять по валаеріи. Живя съ семействомъ моимъ, то въ Москвѣ, то въ подмосковной моей деревнѣ, я ожидалъ коронаціи, ни мало не думая о дѣйствительной службѣ, то есть о службѣ во фронтѣ или на войнѣ. Къ первой при-

знавалъ я самъ себя уже давно совершенно неспособнымъ, а объ войнѣ и слуху не было.

Въ первыхъ числахъ августа, поѣхалъ я во дворецъ, представиться Государю Императору, прибывшему въ Москву. Насъ было до 60 человекъ, разныхъ званій и чиновъ. Начальникъ главнаго штаба, генералъ Дибичъ, полагалъ, что представленіе будетъ въ проходной залѣ, передъ граповитною палатою, и мы всѣ были тамъ собраны. Генералъ Дибичъ подходилъ и разговаривалъ со многими и, между прочимъ, услышалъ я, что онъ сказалъ войска донскаго генералъ маіору Василию Иловайскому: «Государь желаетъ, чтобъ вы ѣхали какъ можно «поскорѣй къ своему мѣсту и такъ даже, чтобы вы не ожидали коронаціи Его Величества» — (генералъ Иловайской принадлежалъ къ кавказскому корпусу). Тоже было сказано генералъ маіору Королькову, недавно въ тотъ же корпусъ переведенному.

Такой разговоръ начальника штаба Его Величества съ генералами кавказскаго корпуса, доказывалъ, что въ томъ корпусѣ не совсѣмъ здорово, но я полагалъ, что, можетъ быть, Черкесы сдѣлали набѣгъ на какое нибудь селеніе, разграбили и увели жителей, какъ иногда тамъ бываетъ и что дошедшіе оттуда слухи слишкомъ преувеличены, и это также нѣрѣдко случается.

Вскоре послѣ того объявили намъ, что представленіе будетъ не въ залѣ передъ граповитною палатою, а въ собственномъ Его Величества дворцѣ (надлѣ Чудова монастыря). Мы всѣ туда отправились и насъ поставили тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде. Не много спустя послѣ того, Государь Императоръ вошелъ въ

залу. Онъ говорилъ со мною очень ласково и милостиво, и когда дошла до меня очередь, то Его Величество изволилъ сказать мнѣ, что онъ радъ меня видѣть, изъявилъ свое удовольствіе, что и снова надѣлъ эполеты, замѣтилъ, что я ни мало не постарѣлъ и спросилъ меня, здоровъ ли я? — На отвѣтъ мой, что я, благодаря Бога, здоровъ, Его Величество спросилъ меня: могу ли и служить въ дѣйствительной службѣ, я отвѣчалъ, что могу, и Его Величество, улыбнувшись милостиво, велѣлъ дасть.

На другой день, все еще въ невѣданіи о военныхъ дѣятельностяхъ въ Грузіи, пріѣхалъ я въ Кремль въ разводъ, и, ходя по площади, встрѣтился съ однимъ изъ приближенныхъ къ генералу Дибичу. — Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ. — «Знаете ли, Довишъ Васильевичъ, что я сей часъ говорилъ объ васъ съ генераломъ Дибичемъ». — Помилуй, отвѣчалъ я, о чемъ кажется было бы говорить обо мнѣ. — «Онъ спрашивалъ, какъ я думаю, согласитесь ли вы ѣхать въ Грузію, гдѣ теперь война и Государь хочетъ васъ послать туда. — «Чтожь ты отвѣчалъ?» «Мнѣ неизвѣстно вашу намѣреніе, но на всякой случай, желая дать вамъ средство отъказаться, смели вы не захотите принять это предложеніе, отвѣчалъ, что врядъ ли вы согласитесь, имея такое большое семейство и состояніе, довольно разстроенное; теперь ваше дѣло, рѣшиться ли ѣхать въ Грузію или нѣтъ; но крайней мѣрѣ, я открылъ вамъ откровеніе, черезъ которое вы можете избавиться отъ этой поездки.» — Но пока онъ говорилъ, я уже рѣшился. — *Рѣшился ѣхать.* Нельзя было сдѣлать иначе. Я самъ

просился вступить опять въ службу; служить по фронтовой части я неспособенъ, но какъ отказываться отъ боевой службы?— Неужели я надѣлъ эполеты для того только, чтобы таскаться съ ними по гулявьямъ и баламъ, или повелить мнѣ въ деревнѣ передъ старостою или исправникомъ? — Къ тому же слово *сейма*, до сихъ поръ, не смотря на то, что я прожилъ уже около полстолѣтія, мнѣ какой то магической звукъ въ душѣ моей, да и выборъ меня *первою* на путь опасностей и чести не могъ не льстить моему самолюбію. Вотъ причины, побудившія меня явиться снова на боевое поприще. Но я солгалъ бы, еслибъ смѣлъ увѣрить, что рѣшился безъ сильной борьбы съ самимъ сердцемъ. Нѣмнѣйшая привязанность къ моей женѣ, бывшей тогда березинскою, съ которою, въ теченіи осьми лѣтъ, ни одного дня я не разставался, увѣренность, что и она очень и очень огорчена будетъ отсутствіемъ своимъ на неопредѣленное время въ столь отдаленный край, сдѣлавшійся театромъ военныхъ дѣйствій, и, сверхъ того, извѣстный по свирѣпствующимъ въ немъ особаго рода смертоноснымъ болѣзнямъ. Разлука съ дѣтьми, которыя были хотя еще малы, но уже утѣшали меня, словомъ, разставанье со всѣмъ милымъ и необходимымъ какъ жизнь для моего сердца, и даже съ домашними привычками, которыя въ одиннадцать лѣтъ мирной жизни во мнѣ укоренились, — все терзало мою душу. Нужна была вся сила разсудка и еще больше, можетъ быть, вся страсть моя къ боевой службѣ и могущество славолюбія, все это вмѣстѣ было очень и очень мнѣ нужно, для преодоленія желанія отказаться отъ столь неожиданнаго мною назначенія.

Вскорѣ послѣ разговора моего съ приближеннымъ генерала Дибича, онъ самъ прѣѣхалъ къ разводу и прежде всѣхъ подошелъ къ генералу Королькову, съ вопросомъ, когда онъ ѣдетъ? — Отъ него приблизился ко мнѣ и, нездоровавшись, сказалъ, что мнѣтъ нужду говорить со мною и назначилъ мнѣ свиданіе на другой день, въ 12 часовъ утра. — Я явился изъ минуты въ минуту въ определенное время и только что успѣлъ взойти въ адъютантскую, какъ дверь кабинета отворилась и генералъ Дибичъ позвалъ меня къ себѣ. Онъ взялъ меня пріятельски за руку и, по обыкновенію своему, не глядя въ лице, а потупя глаза въ низъ, или обращая ихъ потупленными въ сторону, сказалъ мнѣ.

— «Государю угодно, чтобы вы ѣхали въ Грузію, (тамъ война. Его Величеству нужны отличные офицеры, Онъ избралъ васъ, но желаетъ знать, согласитесь ли и вы на это назначеніе.)»

Я, рѣшившись уже единожды на отъѣздъ въ Грузію, не находилъ нужнымъ жеманиться, при принятіи этого предложенія и, приступя къ дѣлу, прямо отвѣчалъ ему: — «мнѣ очень прискорбно видѣть сомнѣніе Государя (въ принятіи мною предложенія на военныя дѣйствія, «скажите, ваше превосходительство, Государю, что я «не только на одну минуту не поколебался, но что милостивое Его вниманіе ко мнѣ и выборъ никогда не забудеть мое благодарное сердце. — Прибавьте къ тому, что я всегда готовъ на всякой путь прямой и обратный.» — Генералъ Дибичъ, вмѣсто отвѣта, обнялъ и расцѣловалъ меня. — Тогда спросилъ я, когда прика-

жете ехать? — Онъ сказалъ, что надобно подождать до пріѣзда перваго изъ Грузіи курьера, и мы разстались.

Шесть дней не было изъ Грузіи никакого вѣстія, наконецъ узналъ я, что пріѣхалъ фельдъетеръ оттуда и на другой же день утромъ отправился въ разводъ на Кремлевскую площадь, чтобы узнать о моей участи. Я не спускалъ глазъ съ генерала Дибича, онъ подходилъ отъ одного генерала къ другому, но, увидѣвъ меня, вдругъ взялъ перпендикулярное направленіе ко мнѣ, отверлъ меня въ сторону и сказалъ. «Государю угодно, чтобы вы какъ можно скорѣй ѣхали.» — «Слушаю, былъ отвѣтъ мой, а постскриптумъ: — «не уже ли я поѣду не «видавъ Государя?») — «Непретѣнно увидите, я вамъ «дамъ знать когда именно.»

Между тѣмъ, въ теченіи шестидневнаго ожиданія курьера изъ Грузіи, я посѣщалъ общества и балы, даваемые по случаю коронаціи. Слухъ о назначеніи меня распространился повсюду и множество знакомыхъ моихъ интересовались знать о моемъ отъѣздѣ, я ничего не могъ сказать опредѣлительнаго по самой простой причинѣ, потому что самъ не зналъ, не только когда я поѣду, но даже и того, точно ли я отправлюсь въ Грузію. Вирѣчемъ вообще говорили иные, что все уладится безъ войны, а другіе утверждали, что если и откроется война, то непродолжительная, потому что Персіанамъ нельзя устоять противъ Русскихъ и что наивѣрнее болѣе трехъ мѣсяцовъ компанія не продолжится. Я самъ былъ того же мнѣнія не по разсудку, а потому что невольно вѣривъ тому что хочется. — Мнѣ пора было знать, прослуживъ двѣ компаніи противъ Турковъ, что въ войнѣ

съ Азіятцами главное состоитъ не въ дракъ; бить ихъ всегда очень легко Русскимъ, а въ умѣнн *осетн войну*, то есть въ искусствѣ распоряжаться такъ, чтобъ солдаты наши всегда имѣли полный желудокъ пищею, и полную суму съ патронами, а артилерія полные марки, что весьма трудно, какъ въ Турціи, такъ и въ Персіи.

Вечеромъ, въ тотъ же день, когда генераль Дибичъ объявилъ мнѣ словесно Высочайшее повелѣніе, чтобъ я покинулъ отъѣздомъ въ Грузію, получилъ я отъ него же officialную бумагу явиться къ Государю Императору на другой день въ 12 часовъ.

12 Августа, по утру, Государь былъ на маневрахъ и я дождался цѣлой части во дворцѣ, гдѣ никого не было, но около 12 часовъ Его Величество возвратился и я былъ тотчасъ позванъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько времени я вышелъ изъ кабинета въ полномъ восторгѣ и очарованіи отъ милостиваго пріема и разговора со мною Его Величества.

Я чрезвычайно спѣшилъ распоряженіями и приготовленіями къ немедленному отъѣзду и, по мѣрѣ приближенія времени къ разлуцѣ съ семействомъ моимъ, грусть и тоска сердца часъ отъ часу болѣе усиливались, а къ довершенію всего, домъ мой безпрестанно наполненъ былъ родными, друзьями и пріятелями, пріѣзжавшими прощаться со мною, все это еще болѣе сокрушало меня потому, что я не могъ посвятить семейству моему послѣднія минуты передъ разлукою, можетъ быть весьма продолжительною, а можетъ быть и вѣчною. — При томъ же мнѣ должно было притворяться веселымъ, когда горе тяготило мое сердце....

Между тѣмъ хотѣлось мнѣ имѣть полное и настоящее понятіе о положеніи дѣлъ въ Грузіи, но только вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, узналъ я, что Аббасъ-Мирза, наследникъ персидскаго престола, со ста тысячами войска вторгнулся въ предѣлы наши въ карабахскую провинцію, обложилъ крѣпость *Шушу*, въ которой заперся и твердо отстаиваетъ полковникъ Реутъ съ частию своего полка. Сверхъ того, кромѣ обложенія *Шуши*, непріятель, усиленными маршами, идетъ впередъ и, по послѣднему извѣстію, находится уже въ 150 верстахъ отъ Тифлиса, а съ другой стороны (отъ Ериванской крѣпости) Сардаръ Ериванской, съ братомъ своимъ Гассанъ-Ханомъ, извѣстнымъ въ той сторонѣ наѣздникомъ, овладѣлъ Бамбагскою и Шургальскою провинціями и простеръ наѣзды свои до Ковша, за 50 верствъ отъ Тифлиса, но что и съ нашей стороны послѣднее собираются войска и даже послано повелѣніе нѣкоторымъ баталіонамъ, находящимся на кавказской линіи, послѣднее, усиленными маршами, слѣдовать къ Тифлису, но что по всѣмъ соображеніямъ невозможно собрать въ одно мѣсто болѣе 8000 человекъ, безъ открытія другихъ пунктовъ, посредствомъ коихъ сохраняется спокойствіе въ горахъ и содержатся въ повиновеніи дикіе, воинственные народы, обитающіе въ тылу единственнаго сообщенія съ Россією, и безъ того уже затрудненнаго кавказскими громадами. — Словомъ, всѣ дѣла представлялись совѣмъ не въ розовомъ цвѣтѣ и я, могу сказать, погружался въ самый кипятилокъ обстоятельствъ; но жребій былъ брошенъ.

15 Августа, въ воскресенье, въ 2 часа по полудни, я,

съ стѣсненнымъ сердцемъ, выѣхалъ изъ шумной и веселящейся столицы въ путь. — Жена и самые близкіе, сердечные для меня, люди, провожали меня до заставы; тамъ простился я съ ними, сѣлъ въ коляску и, оставшись одинъ самъ съ собою, не удерживалъ уже болѣе слезъ моихъ; они нѣсколько облегчили тяжелый камень грусти, тяготившій мое сердце.... Какъ сильно упрекалъ я себя, что оставилъ покойную, независимую, мирную жизнь мою въ отставкѣ. — Чего мнѣ было желать? — Чего не доставало къ полному и истинному моему счастью въ здѣшней жизни? — Я проклиналъ необоримое свое честолюбіе и страсть къ приключеніямъ, увлекавшимъ меня за ненастоянными и иногда даже безразсудными похвалами людей отъ истиннаго и благонадежнаго благополучія!

Такъ я философствовалъ, сидя одинъ въ коляскѣ, и въ то же время, о противоположность дѣлъ и чувствъ человѣка! я торопиль извозчика, скакалъ во весь опоръ, и въ головѣ моей толпились мечты честолюбія.....

.... Въ Воронежѣ, я распрощался, какъ мнѣ казалось, съ Россією. — Отсюда начинается ощутительно слабѣе населеніе, взору представляется болѣе полей и менѣе деревень, и чѣмъ далѣе, тѣмъ лѣса рѣже и рѣже, а мѣстоположеніе плоче и плоче; такъ продолжается до Казанской станицы, пограничной съ воронежскою губернією, здѣсь правой берегъ Дона весьма высокъ и это возвышеніе продолжается на всемъ пространствѣ между первою и второю переправою черезъ Донъ въ Оксаѣ, оттуда начинаются уже истинныя степи до подошвы Кавказа.

Бада отъ Черкаска начинается необыкновеннож не
 ядень, а летний; лошади чудесныя, дорога какъ моль.
 Но взору не гдѣ остановиться, степь подобна безбреж-
 ному океану. Не знаю какъ для другихъ, а для меня
 все *безгранично* возяетъ какую то душевную *роман-
 тическую* тоску, неизъяснимо пріятную.

24 Августа, пріѣхалъ я въ Ставрополь, прямо къ
 старинному знакомому и сослуживцу моему, областно-
 му начальнику князю П. Д. Горчакову. Не зная что дѣ-
 лается въ Грузіи, кромѣ только того, что мнѣ было
 извѣстно въ Москвѣ, и что было весьма нерадостно, при-
 томъ же разѣхавшись съ нѣкоторыми проѣзжими и съ
 фельдшеремъ изъ Тифлиса, можно повѣрить, что я очень
 и очень желалъ узнать о тамешнихъ послѣднихъ ново-
 стяхъ, но князь Горчаковъ зналъ не болѣе меня. Однако
 только новое свидѣніе сообинилъ онъ мнѣ, какія именно,
 и въ какомъ количествѣ, войска, усиленными маршами,
 поспѣваютъ къ Тифлису.

Ставрополь городъ не совсѣмъ красивый и довольно
 грязный, не смотря на то, что лежитъ на нѣкоторомъ
 возвышеніи, но за всѣмъ тѣмъ это оазисъ въ пусты-
 нахъ арабскихъ—я надѣялся было увидѣть тамъ За-
 борусъ, однакожъ не видалъ, можетъ быть отъ того, что
 погода была нѣсколько пасмурная. Изъ Ставрополя от-
 правился я утромъ 25 августа; но предлежащей мнѣ до-
 роги ѣздаи прежде не иначе какъ съ многочисленными
 конвоемъ казаковъ отъ станицъ до станицъ, но съ гдѣсь
 вору какъ линия подвинута ближе къ подонной горѣ,
 всѣ хищники присмирѣли и поуспокоились; иногда
 только, украдкой, и то весьма рѣдко, появляются они и

то небольшими партиями; теперь только по прежней привычке, или от лишней осторожности, берутъ еще конвой по два казака со всякаго поста, учрежденныхъ на большой дорогѣ, одинъ отъ другаго ровно въ трехъ верстахъ, на какомъ нибудь курганѣ или возвышеніи.

Во время моего прѣзда, нѣкоторая часть линейныхъ казачьихъ полковъ, водворенныхъ на жительство отъ Московской крѣпости до Екатеринограда, получили позволеніе перемѣститься на новую линію, подвинутую ближе къ подошвѣ горъ. Имъ, на новыхъ мѣстахъ будущаго ихъ жительства, построены уже дома по плану, и каждая станція обнесена рвомъ и валомъ съ частоколомъ.

Черезъ это распоряженіе, земля хищныхъ Черкесовъ болѣе и болѣе стѣсняется, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается надзоръ за такъ называемыми мирными Кабардинцами, которые, подъ предлогомъ мирныхъ, были прежде въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ жителями и казаками, обитающими по большой дорогѣ, хитро выведывая о какой либо неосторожности проезжающихъ, или о времени работъ жителей, оставляющихъ семейства свои въ деревняхъ, изыщали о томъ враждебныя аулы, или, скрывая среди жилищъ своихъ разбойниковъ изъ тѣхъ ауловъ, сами присоединялись къ нимъ въ наѣздахъ и грабительствахъ ихъ на линіи. Теперь все это прекратилось.— Но самая главная польза, происходящая отъ стѣсненія враждебныхъ и хищныхъ горцевъ, состоитъ въ томъ, что они, владея прежде большею частью плоской страны, имѣли все способы собираться сильными толпами и производить вторженія на линію, а те-

перь, бывши затѣснены ближе къ ущелиямъ, или обладая у подошвы горъ весьма малымъ пространствомъ, лежащимъ, такъ сказать, подъ глазами новопереселенныхъ линейныхъ казачьихъ полковъ нашихъ, лишены всей возможности къ враждебнымъ предпріятіямъ. — Вотъ что изъясняетъ спокойствіе городовъ въ нынѣшнюю войну.

По дорогѣ изъ Ставрополя до Александра, я непрерывно смотрѣлъ, то въ даль, то по бокамъ, въ надеждѣ увидѣть Кавказъ и все таки не видѣлъ Кавказа. Дорога хотя стенная, но покрыта холмистыми вышуклостями, которыя заслоняли горы, и отъ Александра верстъ на пять было также, но тутъ вдругъ открылась вся цѣпь горъ сѣверныхъ и надъ ними Элбурсъ какъ гигантской шатеръ! — Видъ очаровательный, особенно для того, кто никогда не видѣлъ заоблачныхъ горъ.

Въ Георгіевскѣ я пробылъ часа два, ночевалъ въ станицѣ Прохладной и утромъ, 27 числа, пріѣхалъ въ Екатериноградъ. — Мѣстоположеніе все площе и площе, но дорога пріятна тѣмъ, что вѣдешь берегомъ Малки и никогда не теряешь изъ вида гигантской цѣпи горъ кавказскихъ, которыя какъ стѣна поднимаются отъ самой плоскости и обѣихъ оконечностей, и этой чудесной стѣны не достигаетъ взоръ. Кажется сама природа положила цѣпь кавказскихъ горъ предѣломъ Россіи.

Въ Екатериноградѣ я остановился часа на два у коменданта, надѣясь услышать отъ него что нибудь новое о Грузіи, но и онъ также ничего не зналъ. — Отсюда дорога совсѣмъ уже не такая, какъ была прежде. — Надобно было пересправляться черезъ рѣку Малку, кото-

рая, можно сказать, не течетъ, а летитъ и крутитъ всѣмъ, что вопаю.—Нельзя было не удивляться паромщикамъ и солдатамъ, которые перенравляли меня.—Что за ловкость! — Что за отважность! — Они смѣло бросались въ самую быстроту, тащили паромъ руками вверхъ по теченію и потомъ, спустя его на произволь, прицѣплялись къ бокамъ его, вися надъ бурными волнами, и мы летѣли какъ стрѣла наискось къ противному берегу.

Перезѣхавъ благополучно черезъ Малку, надобно было продолжать путь нашъ лѣвымъ берегомъ Терека на однихъ лошадахъ до самой Владикавказской крѣпости (105 верстъ). Отсюда назначается уже для проѣзжающихъ прикрытіе изъ 50 человекъ пѣхоты, 10 казаковъ и одного орудія, потому что дорога идетъ близко границы Чеченцовъ, главнѣйшихъ хищниковъ, храбрѣйшихъ и предпріимчивѣйшихъ изъ воинственныхъ кавказскихъ народовъ. — Генералъ Ермоловъ, во время командованія своего въ этомъ краѣ, весьма обуздаль ихъ, перенесеніемъ лѣваго крыла линіи на рѣку Сунху и построеніемъ крѣпости *Грозной*, на берегу этой рѣки, но, не смотря на всѣ предосторожности, наѣзники Чеченскіе не перестаютъ тайно пробираться сквозь наши войска и мною крѣпости и являться значительными толпами на дорогу между Екатериноградомъ и Владикавказомъ—*). Къ охраненію проѣзжающихъ отъ нападенія хищниковъ, приняты слѣдующія мѣры. — По дорогѣ отъ Екатеринограда до Владикаваза устроены большіе редуты

*) Надобно вспомнить, что это писано не нынче; съ тѣхъ поръ все измѣнилось — разумѣется къ лучшему.

съ бастіонами, и среди ихъ казармы для полнаго баталіона; такихъ большихъ редутовъ на пространствѣ 105 верстъ два: Урухской и Аадопской, и между каждымъ изъ нихъ построены другіе, меньшаго размѣра, для одной только роты, редуты, опредѣленные для приваловъ. Никому не позволено, да никто и не дерзаетъ ѣхать безъ прикрытія, для чего всѣ проезжающіе дожидаются назначеннаго дня для почты, или проѣзда курьера, или чиновника, въ Екатеринодаръ, ежели кому нужно ѣхать въ Владикавказъ, или въ сѣнь послѣдняго городъ, кому предлежитъ путь въ Екатеринодаръ. Такими образомъ проѣздъ по этой дорогѣ производится въ видѣ каравана, въ которомъ видишь и нощу, и маршантовъ и военный транспортъ, и частныхъ людей, ѣдущихъ по собственнымъ надобностямъ. Устройство въ маршѣ устанавливается слѣдующимъ порядкомъ. — Половинное число казаковъ впереди, а отъ нихъ казакъ три еще дагѣ впереди за версту, потому половинное число пѣхоты, за нею орудіе заряженное и готовое къ немедленному выстрѣлу, за орудіемъ обозъ въ одну веревку и ежели очень опасно, то въ двѣ веревки, къ чему весьма способно плоское мѣстоположеніе, — за обозомъ слѣдуетъ другая половина пѣхоты, а за нею послѣдняя половина казаковъ и отъ нихъ еще командируются боковыя патрули иногда на разстояніе версты и болѣе отъ каравана.

По случаю повдвнго выѣзда изъ Екатеринодара и затруднительной переправы черезъ Малку, мы не могли притти для ночлега въ Урухской редуть и принуждены были ночевать въ Прискибскомъ небольшомъ реду-

тѣ, назначенномъ къ уничтоженію, но въ немъ находилось еще войско. — Офицеръ, конвоировавшій насъ, и тотъ, который находился въ редутѣ, оба кабардинскаго пѣхотнаго полка, весьма порядочные, и, какъ казалось, довольно образованные молодые люди.

28 Августа рано по утру, я оставилъ пѣхоту и, подъ прикрытіемъ 30 казаковъ, поѣхалъ рысью впередъ. Правду сказать, я много и очень много рисковалъ, но сопровождавшіе меня казаки были извѣстные молодцы линейные. — Мнѣ хотѣлось догнать почту и большой караванъ, впереди насъ шедшій и ночевавшій на Урухскомъ редутѣ, но, пріѣхавъ туда, я не нашелъ уже этого каравана, и отправился тотчасъ далѣе, наконецъ догнавъ его въ привальномъ редутѣ, называемомъ *Мечетской*; тутъ нашелъ я, между прочими знакомыми моими, и Грибоѣдова, выѣхавшаго гораздо прежде меня изъ Москвы.

Отъ *Мечетскаго* редута до Бѣлой рѣчки (8 или 9 верстѣ), идетъ самая опаснѣйшая изъ всего края дорога; она вѣтается въ ущелинѣ между Терекомъ, весьма быстро текущимъ, и цѣпью довольно высокихъ горъ, сверхъ того дорога прерывается глубокими оврагами. — Такая мѣстность даетъ все удобство Чеченцамъ, живущимъ не въ дальнемъ разстояніи за Терекомъ, укрываться и дѣлать внезапныя нападенія. — Однакожъ мы проѣхали благополучно и ночевали въ Арадонскомъ редутѣ.

29 Августа, рано утромъ, пріѣхали мы въ Владикавказъ. До сихъ поръ дорога наша простиралась большею частию по необозримой плоскости, которою граничитъ гигантская стѣна заоблачнаго Кавказа; иногда дорога пресѣкалась лощинами, но весьма пологими. — Былъ

Зам. Д. Давидова.

прежде въ одномъ мѣстѣ на этой дорогѣ лѣсъ, но теперь вырубленъ, за тѣмъ, чтобы лишить Чеченскихъ хищниковъ убежища и сохранить проезжающихъ отъ внезапныхъ нападеній.

Во время следованія каравана, приглашаются всѣ путешественники, не отдаляться ни на шагъ отъ каравана, потому, что шныре охотники стрелять дичь, забывая, что они въ Кабардѣ и въ соседствѣ съ Чеченцами, отходятъ за нѣсколько десятковъ сажень за Физанами, которыхъ здѣсь множество, и черезъ неосторожность свою подвергаются смерти или плѣну Чеченцамъ, спрыгивающимся часто по нѣскольку сутокъ безъ пищи и питья въ кустахъ, или камышахъ, и даже въ высокой и густой травѣ.

Здѣсь всѣ жители, даже такъ называемые ширные Кабардинцы, живутъ весь вѣкъ какъ будто среди самой жестокой войны. Всѣ вооружены отъ 12 лѣтняго мальчика до 70 лѣтняго старца. Каждый имѣетъ на себѣ кинжалъ, пашку и ружье за плечами, всегда заряженное. Онъ спитъ съ послѣднимъ дву оружіемъ только у себя въ саклѣ, то есть въ землянкѣ своей, но встать надѣвается, готовясь только переступить за порогъ, даже при вечернихъ сходбищахъ, на которыхъ жители собираются для разговоровъ и увеселеній. — На плоской крышкѣ собственной своей сакли, каждый изъ нихъ сидитъ и куритъ трубку, вооруженный съ ногъ до головы. — Видишь здѣсь стада и пастуховъ; но не такъ какъ въ Идиллахъ, не съ посошками, обшитыми разноцвѣтными и поминухъ любовными пѣснями. — Видишь загорѣлыхъ отъ солнца, съ длиннѣ шоромъ, горбоносыхъ

воиновъ, готовыхъ не только защищаться, но еще болѣе нападать.

Двѣ причины этому обыкновенно: первое то, что въ нравахъ ихъ, хищничество вооруженною рукою признается за героизмъ и за высокую добродѣтель, а вторая, что по ихъ обычаямъ должно неперемѣнно *платить кровью за кровь*. Мщеніе у нихъ переходитъ иногда даже отъ одного поколѣнія до другаго. Вотъ почему каждый выходитъ изъ своей сакли въ полномъ вооруженіи, или на вохищеніе чужаго добра, или для умерщвленія убійцы своего родственника, или для собственной своей защиты отъ убійцы.

Въ Владикавказѣ отвели мнѣ квартиру въ крѣпости и отдали всѣ установленныя почести. Былъ выставленъ караулъ, который я тотъ же часъ отпустилъ; явился ко мнѣ съ рапортомъ комендантъ и плацъ-маіоръ; я спрашивалъ у нихъ о дѣлахъ въ Грузіи, но и они ничего вѣрнаго не знали, а обѣщали прислать ко мнѣ прѣбывающаго недавно изъ Тифлиса полковника путей сообщенія, командированнаго отсюда для поправленія дороги и мостовъ при Дарьяльскомъ ущельѣ, заваленныхъ обрушеніемъ части горы Казбека, ночью съ 15 на 16 числа августа, то есть въ тотъ самый день какъ я выѣхалъ изъ Москвы. — Какое предсказаніе для меня, смѣлибъ я былъ суевѣренъ!

Отъ полковника, прибывшаго изъ Тифлиса, узналъ я, что войски поспѣваютъ къ гунгтамъ назмачевскаго мнѣ сведшешія, что Аббасъ-Мирза съ большою арміею (которую полагали тогда до 100 т.) въ Елисаветпольѣ, а авангардъ его въ Шамахѣ, что Ниша блокирована, но

полковникъ Реутъ съ полкомъ своимъ крѣпко въ ней держится, что Сардаръ Ериванскій занялъ Бомбахскую и Шурагельскую провинціи и простираетъ набѣги свои до Ковша, въ 50 верстахъ отъ Тифлиса, что противъ Аббаса-Мирзы князь Мадатовъ съ тремя тысячами, а противъ Сардаря полковникъ князь Севирзимидзевъ съ тифлисскимъ пѣхотнымъ полкомъ, на каменной рѣчкѣ въ урочищѣ Джелаль-Оглу, что возлѣ Лори; что въ Тифлисѣ покойно и ни мало не опасаются непріятеля, полагаясь во всемъ на Ермолова, а Ермоловъ, зная трусость Персіянъ, покойнѣе всѣхъ и занимается сосредоточиваніемъ войскъ, чтобы однимъ разомъ все кончить и уничтожить.

Въ Владикавказѣ я писалъ письма домой. День былъ прелестный, я гулялъ и любовался Кавказомъ, который, какъ казалось, совсѣмъ почти нависъ на городъ, хотя онъ находится въ разстояніи 7 верстъ отъ подошвы горы на ровной плоскости. — Изъ окна моего видѣнъ былъ Казбекъ, возвышающійся какъ двухъ-главая сахарная голова, надъ всѣмъ снѣговымъ хребтомъ и тогда, какъ я смотрѣлъ, будто выпечатанный на темноглубомъ безоблачномъ небѣ. Ночью Казбекъ былъ еще величественнѣе, когда полная луна осыпала снѣговое темя его блѣдными своими лучами.

Я оставилъ въ Владикавказѣ свою коляску и 30 числа выѣхалъ вмѣстѣ съ Грибовдовымъ въ двумѣстныхъ дрожкахъ, которыми одолжилъ насъ до первой станціи майоръ Н. Ф. О... Вещи наши были навьючены на казачьихъ лошадяхъ, а конвой убавленъ, потому что въ горахъ гораздо менѣе опасности, чѣмъ на

томъ пространствѣ, которое мы проѣхали. Осетины мирнѣе Чеченцовъ, однакожь и они не упускаютъ случая противъ неосторожныхъ. Конвой нашъ отсюда состоялъ всего изъ 10 человекъ пѣхоты и двухъ казаковъ, сверхъ того четыре казака вели нашихъ вьючныхъ лошадей и люди наши также ѣхали на казачьихъ лошадяхъ.

Отъ Владикавказа до вѣзда въ ущелье, изъ коего вытекаетъ Терекъ, всего верстъ 7; мѣстоположеніе также плоско какъ то, которое мы проѣхали; но проѣхавъ 7 верстъ, вдругъ погружаешься въ горы и, по мѣрѣ ѣзды впередъ, ущелья становятся тѣснѣе и тѣснѣе. Наконецъ въ Ларсѣ, въ 25 верстахъ отъ Владикавказа, верхи горъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, кажутся готовыми упасть на голову. Воздухъ, отъ возвышенности мѣстоположенія, гораздо холоднѣе. Въ Ларсѣ порядочной домикъ для проѣзжающихъ, здѣсь квартируетъ рота пѣхоты и команда казаковъ; строенія, для помѣщенія военныхъ, находятся у берега Терека, а на нижнемъ уступѣ горы стоятъ развалины древняго замка.

31 Августа отправились мы далѣе. Я думалъ сначала, что мы просто упремся въ горы и не найдемъ отверстія для проѣзда: такъ издали тѣснина кажется смертою. Этимъ путемъ ѣхали версты четыре и, не доѣзжая до Дарьяла, разстояніемъ версты за три, встрѣтили мы рабочихъ, занимавшихся исправленіемъ дороги и мостовъ, заваленныхъ обрушеніемъ части горы Казбека. Этотъ обвалъ произошелъ на самомъ тѣсномъ мѣстѣ, покрылъ цѣлыми громадами каменье вѣ мосты и дорогу и до того загородилъ теченіе Терека, что рѣка

должна была прорыть себѣ другое отверстіе и теперь сдѣлалось то, что гдѣ былъ прежде Терекъ, тамъ сдѣлалась дорога, а гдѣ была дорога, тамъ Терекъ. Причинное обвала, какъ предполагаютъ, былъ чрезвычайный жаръ нынѣшняго лѣта, отъ чего снѣга на Казбекѣ растаяли, подняли громады мелкихъ камешковъ и смесли ихъ съ собою внизъ. Свидѣтели обвала въ Даріялѣ (небольшомъ редутѣ, въ трехъ верстахъ отъ обвала) сказывали намъ, что трескъ начался въ полночь и обвалъ продолжался четыре часа сряду, громъ отъ паденія камешковъ такъ былъ ужасенъ, что они волагали разрушеніе всего Кавказа и, какъ говорятъ, настоящее свѣто-преставленіе. Три рѣки камешковъ потекли съ самаго хребта горъ, и отъ взаимнаго тренія камней брызгали искры, такъ, что въ мрачную ночь, тройной обвалъ представлялъ какъ будто три шумныя, огненные рѣки, ниспадающія съ необъятной, почти заоблачной вышины, на единственный путь съ кавказской линіи въ Грузію. Во время проѣзда нашего работы подвинулись уже такъ много впередъ, что можно было проѣзжать по дорогѣ не только верхомъ, но и въ повозкахъ. — Чѣмъ далѣе мы двигались отъ Ларса къ Даріялу и до села Казбека (въ 9 верстахъ впередъ отъ Даріяла), тѣмъ природа становилась угрюмѣе; слои известковые тѣснились слоями гранита и асфида, растительность становилась болѣе и болѣе скуднѣе, кое-гдѣ видны были, не болѣе аршина высоты, горбатые ели, а траву застуналъ мохъ, проглядывающій изъ трещинъ скалъ черныхъ и сѣрыхъ, взгроможденныхъ одна на другую до небесъ. Деюшлеи становились часъ отъ часу тѣснѣе, Терекъ ревелъ громче, крутилъ

грязныя волны свои, дробился объ огромные камни, которые иногда сдвигались съ мѣста и танцль нѣсколько сажень вперед по теченію своему. Дорога даща подымалась на докогоръ, приныкающій, съ одной стороны, къ непрерывной стѣнѣ, возвышающейся до облаковъ, а съ другой, къ пропасти, въ которой кипѣль Терекъ. — Иногда дорога проходила сквозь выдолбленныя потокомъ въ скаль галереи, а иногда шла у самаго берега Терека, такъ, что брызги покрывали насъ и лошадей нашихъ. — У Даріала дефилея самая тѣсная, скалы и горы кажется хотять цасть на голову и неба видно не болѣе какъ часа на два солнечнаго ежедневнаго перехода, отъ чего въ этой дефилеѣ, почти непрерывный сумракъ и свѣтъ, какъ я уже сказалъ, видѣть не болѣе двухъ часовъ, въ самую лѣтнюю пору. Все это, совокупно съ безподіемъ и угрюмостью мѣстнаго положенія гигантскихъ горъ, вселяеть въ душу какой то неизьяснимый ужасъ. — Уже около Даріала замѣчательно холоднее, потому что, хотя не чувствительно, но отъ самаго вѣзда въ горы, дорога подымается все выше и выше, вдоль по теченію Терека.

Въ редутѣ прекрасный домикъ для проезжающихъ, а напротивъ, видна огромная скала, на второй развалины замка, также огромнаго; у этихъ развалинъ болѣе всего замѣчательна дестница, выдолбленная въ скаль, длиною на нѣсколько десятковъ сажень, и чрезвычайно крутая. — Вообще на пути встрѣчаешь огромные камни въ 50 и болѣе сажень въ діаметрѣ, скатившіяся, какъ полагають, съ верха горъ. Проехавъ версты 4 отъ Даріала, сверхъ черныхъ, каменистыхъ и безлѣсныхъ

горь и сквозь тонкія облака проглянуло двуглавое тѣмя Казбека и окружные снѣговые верхи низшихъ его горь: это новое явленіе было очаровательно! — Казалось, что Казбекъ въ разстояніи не болѣе трехъ верстъ, но до подошвы ея было верстъ 12.

Въ селѣ Казбекѣ мы перемѣнили лошадей и поѣхали тотчасъ далѣе, и гора Казбекъ представилась намъ прямо передъ глазами. На этомъ мѣстѣ, сказывали мнѣ, мы были 600 сажень выше морскаго уровня. — По мѣрѣ ѣзды нашей впередъ, дефиля становилась шире, но природа болѣе и болѣе мертвѣла; здѣсь не видно даже ни одной ели.—Я забылъ сказать, что на пути нашемъ видны были, по обѣимъ сторонамъ дороги, на неприступныхъ вершинахъ, осетинскія деревни, которыя, по мѣстности своей и по образу строенія, необыкновенно какъ живописны; такихъ поселеній попадалось намъ болѣе отъ села Казбека къ Коби, по причинѣ широты дефиля. Замѣчательны также осетинскія водяныя мельницы, коихъ болѣе отъ Владикавказа или лучше сказать отъ Балты до Даріяла. Эта мельница не болѣе какъ сажени въ полторы въ діаметрѣ, съ колесомъ горизонтальнымъ, приложеннымъ въ срединѣ каждой изъ нихъ; онѣ становятся на одномъ изъ береговъ Терека или между двумя камнями, или на какомъ либо узкомъ рукавѣ этой рѣки. — Такими необыкновенными мельницами устьянъ почти весь берегъ.

Около Коби, куда мы пріѣхали къ вечеру, отверстіе весьма расширяется и Терекъ бѣжитъ плавнѣе; впрочемъ, недалеко отъ этого мѣста начинается источникъ,

этой рѣки, и она еще довольно узка и мелка; мѣстопо-
ложенеіе совершенно мертвое и пустынное.

Въ Коби встрѣтился я съ однимъ старымъ знако-
мымъ моимъ, вѣхавшимъ изъ Тифлиса въ отпускъ въ Мо-
скву. Онъ рассказывалъ мнѣ тифлисскія новости; бесѣда
наша продолжалась довольно долго, я удерживалъ его
почевать, а онъ заунривился и пустился въ путь, но
вскорѣ послѣ его отъѣзда началась гроза ужасная, дождь
ливня лилъ, громъ и молнія раздирали небо. Надобно
быть свидѣтелемъ грозы въ горахъ, чтобъ вполне на-
слаждаться всею красотою этого величественнаго небе-
снаго явленія. Одинъ ударъ производилъ десятки дру-
гихъ ударовъ отъ отголосковъ въ горахъ; не прошло
часа, какъ упрямый мой знакомый возвратился назадъ,
потому что ночь была темная и лошадь его нѣсколько
разъ падала отъ грома.

1 Сентября, мы дерзнули на послѣднее усиліе, на
переваль черезъ горы. Отъ Коби дорога вѣтается по косо-
гору надъ рѣчкою, впадающей въ Терекъ. Чѣмъ далѣе
подвигаешься, тѣмъ дорога становится круче, наконецъ
между 6 и 7 верстою вѣхали мы на Крестовую гору.
Окрестности здѣсь совершенно безжизненные, нѣтъ ни
одного дерева, ни одного жилища, трава однакожь въ
долинахъ есть, потому что видны пасущіяся на нихъ
горскія лошади, и кой-гдѣ скирды сѣна, скошеннаго ка-
заками, находящимися на посту въ Коби.

Крестовая гора есть самая возвышенная точка вы-
сота, по коимъ ѣдешь отъ Балты до Тифлиса. Здѣсь
настоящій переваль черезъ Кавказъ. Не надобно одна-
ко полагать, чтобъ эта гора была выше Казбека или

высшая изъ окрестныхъ ей горъ, напротивъ она самое низжайшее звѣно цѣпи горъ, разделяющихъ противоположными теченіями рѣкъ Терекъ и Враламъ, и потому именно избрана, какъ удобѣйшая для проѣзда.

Крестовая гора получила названіе отъ креста, водруженнаго на ней первыми русскими, перешедшими за Кавказъ, въ Грузію во время Екатерины, но крестъ былъ деревянный и уже обветшалъ; теперь генералъ Ермоловъ соорудилъ огромный, высѣченный изъ гранита крестъ, съ такимъ же подножіемъ.

Спускъ съ горы, около полторы версты, кончается на косогоръ Гутъ-горы. Косогоръ этотъ продолжается версты на двѣ, такъ что, можно сказать, плечомъ касаетесь Гутъ-горы, а ступень лошади становится на край пропасти, версты двѣ глубиною. На двѣ пропасти видишь скалу, покрытую лѣсомъ и отдѣляющуюся подобно острову отъ всѣхъ высотъ.

Съ вершины горы осетинскія деревни кажутся не болѣе черныльницы, а скотъ, пасущійся по дугамъ, не болѣе мухи. — Изъ ущелья вытекаетъ рѣка Арагва, которая уже принадлежитъ къ системѣ рѣкъ грузинскихъ, такъ какъ Терекъ, вытекающій за этимъ же хребтомъ, но только съ другой стороны Крестовой горы, принадлежитъ системѣ рѣкъ дагестанской дяди. — Мы бѣжали среди облаковъ, нѣкоторые ходили гораздо ниже насъ, а иногда попадали мы въ вѣдучіе облака или туманъ и крупный дождь осыпалъ насъ; иногда туманъ, дробящаяся, давали мѣсто солнечнымъ лучамъ, отъ которыхъ

мѣстоположеніе принимало особую прелесть. Отъ Гуть-горы дорога вдругъ примѣтно круто опускается, одна-кожъ нѣкоторыми уступами; она покрыта каменьями и промоинами, отъ частой слякоти, дождей и весеннихъ водъ.

Отъ Гуть-горы за 7 верстѣ станція Кашауры и на 5 верстѣ отъ этой станціи открывается извѣстная Кашаурская долина.—Нѣтъ выраженія для описанія прелестей этой долины, особенно же въ то время года и прекрасную погоду, въ которыя мы ѣхали.—Она есть продолженіе той пропасти, объ которой я говорилъ, описывая проѣздъ нашъ черезъ Гуть-гору; но этой долиной доѣхавъ мы на ночлегъ въ Пасанауръ; здѣсь совершенно прекратились горы, мы спустились съ послѣдней, ужасно крутой и каменистой дороги, лежащей по косогору продолженія Гуть-горы, и пріѣхали въ деревеньку, гдѣ живетъ правитель горскими народами.

Путь нашъ отъ послѣдняго ночлега въ Пасанауръ лежалъ по плоскимъ берегамъ Арагвы, текущей по широкой долинѣ, окруженной живописными лѣсами, предгоріемъ Кавказа, довольно однако еще возвышеннымъ. Арагва течетъ хотя весьма быстро, потому что мощность русла ея еще довольно значительна, но вода ея не такъ мутна, какъ въ Терекѣ, напротивъ, на ней видны волны отражающіяся южнымъ небомъ. Берега Арагвы прелестны; широкая гладкая дорога, освѣщенная каштановыми деревьями, грецкимъ орѣшникомъ и вязами, идетъ у самаго берега, кой-гдѣ попадаются мимдаль-

ныя деревья, барбарисовые кустарники и шиповникъ, и сверхъ того виды разнообразятся предгоріемъ Кавказа, нигдѣ Арагву не похищающаго. Мы пріѣхали на ночлегъ нашъ въ Пасанауръ чрезвычайно усталые, потому что хотя переѣздъ отъ Коби не болѣе 32 верстъ, но гористая дорога совершенно утомила и изнурила насъ.— Въ Пасанаурѣ карауль уже отъ войскъ, находящихся въ Грузіи.

2 Сентября, рано утромъ, отправились мы въ дальнѣйшій нашъ путь. Дорога весьма сходна съ тою, по которой мы ѣхали, отъ спуска съ Кашаурской горы; также живописна и пріятна для ѣзды, словомъ, настоящій англійскій паркъ, въ большемъ размѣрѣ. Въ Анапурѣ мы перемѣнили лошадей и, при самомъ выѣздѣ со станціи, оставили Арагву въ лѣвъ, потому что тутъ крутая, каменистая и, лѣсная цѣпь горъ такъ близко прилегаетъ къ рѣкѣ, что нѣтъ никакого проѣзда; одни пѣшеходы, и то съ трудомъ, пробираются по тропинкѣ, вьющейся на боку утеса надъ самою Арагвою.

Въ 3 верстахъ отъ Анапура карантинъ, отсюда рѣшились мы съ Грибоѣдовымъ отправить вьючныхъ лошадей нашихъ обыкновенною дорогою, которая обходитъ, какъ я прежде сказалъ, цѣпь горъ, а самимъ ѣхать прямо черезъ эту цѣпь, черезъ что мы сокращали путь, по крайней мѣрѣ тремя верстами. Намъ казалось, что мы не встрѣтимъ на избранномъ нами прямомъ пути большихъ затрудненій, потому что глазами видѣли, гдѣ кончается высота, но когда въѣхали на нее, тогда увѣри-

лись, что это еще только первый уступъ и что надобно было карабкаться на другой, поднявшись же на другой, увидѣли еще третій круче и выше, наконецъ, когда кое-какъ мы туда добрались, то выиграли только то, что на лошадей нашихъ напали особаго рода слѣпни или мухи, величиною съ серебряный пятикопѣешникъ и совсѣмъ плоскія. Вотъ все, что мы нашли замѣчательнаго на этой горѣ. Съ высоты ея начали мы спускаться почти такими же уступами и наконецъ выѣхали на настоящую дорогу, по которой обыкновенно всѣ ѣздятъ, и догнали нашихъ выючныхъ лошадей.

Въ 3 верстахъ отъ Душета въѣхали мы въ низкой лѣсъ, растущій по обѣимъ сторонамъ дороги. Весь этотъ лѣсъ состоитъ большею частію изъ шиповника, бывшаго тогда въ полномъ цвѣтѣ.

Вся страна отъ Ананура до половины дороги, то есть отъ того мѣста, гдѣ мы оставили Арагву, и до того, гдѣ опять къ ней подъѣхали, весьма гориста и лощиниста. Въ Душетѣ есть купцы и ремесленники, лавки и порядочные строенія, чего мы уже давно не видали.

Версть 10 отъ Душета, дорога идетъ черезъ высоты и лощины, пока соединится съ Арагвою; тутъ начинается плоскость, продолжающаяся до небольшой деревни Гаринскаль, гдѣ казачій постъ и почтовый дворъ. Тутъ мы почевали и 3 сентября пустились прямо въ Тифлисъ, я въ почтовой тѣлѣжкѣ, а Грибоѣдовъ верхомъ. Отсюда идетъ дорога версть 10 косогоромъ, вдоль берега Арагвы, но у Муаета пересѣкаетъ дорогу рѣка

Кура (древній Киръ. Cugur). Тутъ повертели мы въ право, противъ теченія Куры, и проѣхавъ около полторы версты, переправились чрезъ древній, такъ называемый мостъ Поппея; потомъ повертели на лѣво вдоль теченія Куры, и проѣхавъ правый берегомъ этой рѣки также около 2 версты, у самаго впаденія Арагвы въ Куру повертели еще въ право, и этою дорогою пріѣхали прямо въ Тифлисъ.....

Д. Давыдовъ.

ΑΠΤΕΚΑΡΨΑ.

I.

Уездный городокъ С. одинъ изъ печальнѣйшихъ городковъ Россіи. По обѣимъ сторонамъ единственной грязной улицы тянутся смиренно наклонившись темно-сѣро - коричневыя домики, едва покрытые полу - согнившимъ тесомъ, и довольно сходные съ нищими въ лохмотьяхъ, — жалобно умоляющихъ прохожихъ. — Двѣ, три церкви, благородная роскошь русскаго народа, резко отдѣляются на темномъ грунтѣ. — Старый деревянный гостиный дворъ, хранилище гвоздей, муки и сала, грустно глядится въ огромную не просыхающую лужу. — Изъ двухъ-трехъ низенькихъ домиковъ выглядываютъ пьяныя рожи канцелярскихъ труженниковъ. На лѣво красуется кабакъ съ завѣтною елкой; за нимъ острогъ съ брусянымъ тыномъ, а въ право, на полуразвалившемся фронтонѣ, прибита черная доска съ надписью: Аптека, Apotheke. —

Аптекария

Въ одинъ изъ тѣхъ печальныхъ дней, когда кажется, что небо хмурится на землю, — молодой человекъ сидѣлъ у окна одного изъ этихъ убогихъ домиковъ и сердито курилъ сигару. На головѣ его была надѣта, по привычкѣ, на бекрень щегольская шапочка съ кисточкой. Халатъ его, сшитый въ видѣ длиннаго сертука, съ бархатными отворотами, свидѣтельствовалъ о щеголеватости его привычекъ, а частыя струи дыма, въ тоже время ясно доказывали свирѣпость его душевнаго расположенія. —

Въ визу, на улицѣ, у самага подъѣзда, стояла коляска безъ лошадей, и почти до оси въ грязи. — Около коляски не хотя суетился камердинеръ, вынималъ поклажу и ворчалъ что то сквозь зубы съ самой ожесточенною физиономіей. — Кругомъ собралось нѣсколько мальчишекъ въ нѣмомъ удивленіи, а напротивъ, на полу-проевалившемся тротуарѣ — стояла баба съ коромысломъ на плечѣ и съ вытаращенными глазами.

Молодой человекъ погруженъ несколько въ самыя досадныя размышленія. — Теперь, подумалъ онъ, въ Павловскомъ воксалѣ готовится м.поминанція. — Неггтапп играетъ вальсы, галопады и всякіе по-вуря. — Гусарскіе пѣсенники поютъ, дамы ѣздятъ верхомъ. Мои товарищи любезничаютъ, а я сижу въ этой трущобѣ. — Теперь наполненъ французской театръ. — Мисе Аланъ играетъ. Товарищи мои слушаютъ и хлещаютъ, — а я сижу въ этомъ залолустьѣ. — А въ субботу, въ субботу балъ на водахъ. — Тамъ и О. и В. и В. Товарищи мои будутъ съ ними танцовать. Онѣ будутъ имъ улыбаться, — будутъ съ ними коротничать.

кокет — ни...чать... съ ними будуть!!... А я сижу въ этой темнотѣ, въ этой ссылкѣ, въ этомъ заточеніи.

Вдругъ необычайный шумъ на улицѣ остановилъ порывъ его негодованія. Молодой человекъ высунулъ изъ окна. Подъ окномъ камердинеръ его, Яковъ, спорилъ съ какимъ то господиномъ въ пуховой фуражкѣ и въ венгеркѣ съ шнурками и кисточками, что, какъ извѣстно, явный признакъ провинціального франта.

Я тебя спрашиваю, чья коляска? говорилъ франтъ.

Я вамъ отвѣчаю, что господская, сердито отвѣчалъ Яковъ.

— Да чья — господская? —

— Ну говорятъ вамъ — господская.

— Да чья же?... —

— Ну господская. — Все узнаете, скоро составитесь.

— Что... что?... Вотъ я тебя... Да вѣтъ, вотъ... возьми, братецъ, гривенникъ. Скажи, голубчикъ, чья коляска?

— Не надо мнѣ вашего гривенника. — Любопытны слишкомъ. — Ступайте своей дорогой.

Коляска моя, закричалъ молодой человекъ — изъ окна. Что вамъ угодно? — Франтъ поспѣшно подвинулъ голову и началъ раскланиваться, стоя въ грязи.

Ахъ! извините-сь. — Шель мимо-сь. — Вижу-сь коляску. Отличной работы-сь. — Скъю спросить, что изволили за нее дать-сь?

— 3500, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Гмъ. Деньги хорошія. Скъю спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Баронъ Фиренгеймъ.

— Ахъ помилуйте... Я вашего, должно быть, родственника очень зналъ-съ. Въмѣстѣ въ полку были. — Позвольте быть знакомымъ.

И, не ожидая приглашенія, фронтъ опрометью бросился къ крѣльцу .. а черезъ мгновеніе очутился ужъ въ комнатѣ пріѣзжаго. —

— Позвольте-съ спросить, какъ вамъ приходится баронъ Газенкамфъ, — который былъ у насъ ротмистромъ въ полку?

— Моя фамилія не Газенкамфъ, а Фиренгеймъ, отвѣчалъ, улыбувшись, молодой человекъ.

Ахъ — а мнѣ слышалось Газенкамфъ. — Извините пожалуйста. — Какой у васъ хорошенькій халатъ. — Чаю теперь этикіе халаты носятъ въ Петербургѣ?

— Не знаю право. — Какъ кто хочетъ. —

— Очень хорошій фасонъ. Я попрошу у васъ для выкройки. — По дѣламъ службы изволили вѣроятно къ намъ пріѣхать?

— Да-съ.

— Я вамъ долженъ доложить, я съ здѣшними господами служащими никакого дѣла не имѣю, — и въ глаза почти не знаю. — Городничій нашъ, Афанасій Ивановичъ, изволите его знать? Добрый человекъ, только слабъ немощно, за купцами ухаживаетъ. — Впрочемъ многого не возьмешь у насъ, купечество себѣ на умѣ. — Сами такъ исправно воруютъ, что любо. — Вы ихъ еще не изволите знать. — Криворожскіе, Надулинъ, Ворышевъ лихой народъ, нечего сказать. — Исправникъ вашъ добрый человекъ, да попиваетъ-съ. Судья глузеникъ,

!

сказать правду, и такъ же понимаетъ, за то ужъ стряпчій продувная шельма. — А впрочемъ я ихъ знать не знаю. — Что это у васъ часики на столѣ? —

— Часы.

Ахъ позвольте взглянуть. — Какая прелесть! Что за цѣпочка! Намъ, провинціаламъ, этакихъ вещей и во снѣ не видать.

— У васъ, кажется, тоска нестерпимая въ вашемъ городкѣ?

— Да-съ, сказать правду. — Хуже быть не можетъ. Вотъ то ли дѣло въ Т. — 100 верстъ всего отсюда. Дворяне живутъ въ городѣ и купечество зажиточное, а здѣсь просто пустыня — Впрочемъ въ 20-мъ году здѣсь было рекрутское присутствіе, такъ тоже весело жили. — Даже говорятъ дворянское собраніе было въ домѣ, что нынче аптека. — Были балы. Помѣщики съѣзжались. — Очень было весело. — Жидовская была музыка. До сихъ поръ вспоминають.

— Какъ неужели у васъ нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы можно было провести вечеръ?

— Нѣтъ-съ, съ двадцатаго года, здѣсь никто изъ дворянъ не живетъ. — Да бишь! предводитель наѣзжаетъ иногда.

— Женатый человекъ? спросилъ поспѣшно баронъ.

— Нѣтъ-съ, холостой. — Это туалетный приборъ у васъ на столѣ?

— Да-съ.

-- Серебряный или ашлыкъ?

— Серебряный. —

— Ахъ позвоьте взглянуть. — Какъ хорошо! Ка-
кая работа! Дорого изволимъ дать?

— Не помню право.

— Отличная вещьца! Я еще этакой не видываль.
А эти милочки на что?

— Для ногтей.

— Ужъ чего теперь не выдумаютъ — надо сказать
правду.

— Да что же вы здѣсь дѣлаете? спросилъ съ отчая-
ніемъ молодой человѣкъ.

Господишъ въ венгеркѣ взглянулъ на него съ удив-
леніемъ.

— Да ничего-съ. —

-- Какъ же вы здѣсь живете?

— Да я у помѣщиковъ гощу большею частью. Свою
деревеньку я продалъ, такъ живу себѣ по неволѣ иног-
да въ городѣ, — а то въ гостяхъ всегда.

— И вы ни съ кѣмъ здѣсь не знакомы! —

— Съ служащими я не веду особеннаго знакомства,
а такъ иногда захожу къ Францу Ивановичу.

— А кто это Францъ Ивановичъ?

— Францъ Ивановичъ?...

— Да!...

— Нашъ аптекаръ. —

— Ученый человѣкъ? —

— А Богъ его знаетъ. Человѣкъ добрый. — Жена
у него нѣмочка прехорошенькая, хоть бы въ столицу,
и тамъ скажутъ, что не дурна.

— Хорошенькая!...

— Очень недурна-съ. Только жаль, что по русски

плохо говорить... Понимаетъ то понимаетъ, а ужъ разговаривать, слуга покорный.

Лицо молодого барона прояснилось. Мысль о хорошеенькой женщицѣ такъ могуча въ юные годы. — Весь городъ показался ему не такъ отвратителемъ. — Изломанныя крыши сдѣлались живописными. По грязной улицѣ очертились протоптанныя тропинки. — Баронъ вздохнулъ свободнѣе. Въ эту минуту парныя дрожки остановились у подъѣзда.

— Городничій, — сказалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ Франтъ въ венгерскѣ. Извините, что я васъ пообезпокоилъ. — Позвольте быть знакомымъ.

За сѣмъ, поклонившись почтительно барону и еще почтительнѣе входящему городничему, — любопытный провинціалецъ вышелъ на улицу, осмогрѣлъ со всѣхъ сторонъ коляску, взглянулъ подъ фартукъ и отправился домой, сопровождаемый глухою брацью камердинера Якова.

Выпроводивъ городничаго, квартировавшаго нѣкогда съ полкомъ въ Бѣлоруссіи, и почитавшаго непреложною обязанностью съ того времени превозносить Полекъ, къ явной обидѣ нашихъ православныхъ дамъ, — молодой баронъ кликнулъ Якова и началъ одѣваться.

Полчаса тому назадъ онъ бы и не взглянулъ на подаваемое ему платье; — Но теперь онъ назначилъ и сертукъ, и жилетъ, и галстукъ, и вынулъ изъ дорожнаго ящика большую жемчужину въ золотой лапѣ, которою лапой онъ закололъ цестрый шарфъ, обвивающій его шею. — Одѣвшись такимъ образомъ, онъ вышелъ прогуляться, подышать свѣжимъ воздухомъ и непримѣтно отправился прямехонько къ аптекѣ. — Сперва онъ вни-

мательно осмотрѣлъ странную архитектуру дома, гдѣ нѣкогда уѣздное дворянство выплясывало подъ жидовскую музыку, потомъ разъ пять прочиталъ надпись: Аптека, Apotheke; потомъ обошелъ раза два домъ со всѣхъ сторонъ, потомъ — пошелъ далѣе; у него не доставало храбрости войти въ аптеку безъ причины. — И въ эту минуту, онъ дорого бы заплатилъ за какой нибудь незначительный недугъ, принудившій его къ требованію врачебныхъ пособій.

У свѣтскихъ людей, не смотря на ихъ варужную неустрашимость, часто бываютъ минуты подобной нерѣшительности, въ комъ они, впрочемъ, душевно раскаиваются и никогда никому не сознаются. Черезъ полчаса молодой баронъ, какъ бы влекомый neodолжимымъ магнитомъ, опять подошелъ къ аптекѣ, посмотрѣлъ въ окна, остановился, хотѣлъ завернуть на крыльцо, и опять прошелъ далѣе. Сердце его билось. Наконецъ ему стало стыдно самаго себя. Какъ возмущившійся трусъ, онъ вдругъ повернулъ назадъ и натолкнулся на новаго своего знакома Франта, который выходилъ изъ аптеки.

А я отъ Франца Ивановича сказалъ Фронтъ. — Ходилъ ему сказывать, что вы пріѣхали. Онъ говоритъ, что онъ въ университетѣ былъ съ однимъ барономъ Фиренгеймомъ; лѣтъ шесть тому назадъ.

— Это я. Другихъ Фиренгеймовъ нѣтъ.

— Ну такъ онъ васъ знаетъ.

— Право!

— Что это у васъ жемчугъ въ булавкѣ?

— Да.

Ахъ! позвольте взглянуть. — Какая работа отличная. Ужъ чего не придумаютъ. Давай только денегъ. Васъ и Шарлотта Карловна знаетъ.

— Право? воскликнулъ баронъ и опрометью бросился на крыльцо, — оставивъ собесѣдника въ порывѣ грустнаго размышленія и самопознанія. (Гдѣ намъ провинціаламъ имѣть такія вещи?)

Аптека была устроена съ нѣкоторою щеголеватостью. — Полки по стѣнамъ, бутылки и склянки съ латинскими надписями, ящики, гдѣ слѣдуетъ, контора, вѣсы; однимъ словомъ, фармацевтическая декорация была самая приличная и доказывала аккуратность распорядителя. — Въ передней, просто обитой тесомъ, пожилая баба толкла что то въ ступѣ, а у самыхъ дверей стояло двое мальчишекъ, присланныхъ, одинъ за бузиной на 10 копѣекъ, а другой за ревенемъ на гривенникъ.

У конторы сидѣлъ аптекаръ, небольшой человѣчекъ съ кудрявою рыжею головкою, и съ самой добродушной физиономіею; усердно записывалъ онъ расходъ своимъ травамъ и скудный приходъ выручаемыхъ копѣекъ, съ такою же отчетливостію, какъ будто дѣло шло о милліонахъ. Поднявъ нечаянно голову, онъ вдругъ увидѣлъ стоящаго передъ нимъ столичнаго щеголя, который, укротивъ мгновенный пылъ своей рѣшительности, стоялъ въ недоумѣніи, не зная чѣмъ начать разговоръ.

— Что вамъ угодно? спросилъ аптекаръ.

— Щеголь еще болѣе смѣшался. Нельзя же было ему сказать, за чѣмъ онъ дѣйствительно пришелъ.

— Я, отвѣчалъ онъ, хотѣлъ бы содовыхъ порошковъ.

— У насъ, отвѣчалъ аптекаръ, соды не требуютъ, а отъ того мы ее и не держимъ. Здѣсь не столица, прибавилъ онъ улыбувшись, требуютъ только дешавенькаго.

— Мы, кажется, были вмѣстѣ въ университетъ, сказалъ приободрившись баронъ.

— Да-съ... Только мы знакомы не были. А я васъ очень помню. — Вы были ландсманомъ, а я былъ буршеншафтеромъ. Къ тому же факультеты у насъ были различные.

— Точно.

— Я васъ на фехтбоденахъ*) видѣлъ. — Только вы такъ перемѣнились, что я никакъ бы васъ не узналъ. — Прежде вы ходили совершеннымъ буршемъ, а теперь... вы такой щеголь...

— Живу въ другомъ мѣрѣ. По неволѣ перемѣнился.

— А знаете ли, г. баронъ, вы никакъ не ожидаете встрѣтить здѣсь старую знакомую?

— Какъ?...

— Вотъ, сей часъ увидите. — Ей, Шарлотта Карловна, Шарлотта Карловна! — Будь такъ добра и поди сюда.

— Я совсѣмъ по утреннему одѣта, — отвѣчалъ женскій голосъ.

Сердце барона забилось.

— Полно, Шарлотта Карловна, церемониться, здѣсь знакомый.

Баронъ невольно уставилъ глаза въ двери. Въ со-

*) Замъ фехтованія.

сѣдней комнаткѣ слышались шаги, — легкій шорохъ поспѣшнаго туалета, наконецъ шаги стали ближе, дверь распахнулась и у дверей показалась аптекарша...

— Какъ, вы здѣсь? — воскликнулъ баронъ.

— Да, сказала аптекарша, покрасивъ и вздохнувъ неволью. Это я. — Давно мы съ вами не видались, г. баронъ. —

II.

Перенесемъ теперь въ другой городокъ, въ другую землю, къ другому времени, за нѣсколько лѣтъ передъ началомъ моего разсказа.

Городокъ, въ который я васъ хочу перенести, читатель мой благосклонный, совсѣмъ не похожъ на тотъ, которымъ я такъ грустно началъ повѣсть свою объ аптекаршѣ. Въ этомъ городкѣ все дышетъ какой то умственной дѣятельностью, и душевнымъ молодымъ разгуломъ. По улицамъ толпятся молодые люди въ короткихъ плащахъ и дружно толкуютъ между собою. Другіе, съ тетрадями и книгами подъ мышками, спѣшать на голосъ благовѣствующей науки, тогда какъ за бѣлыми занавѣсками хорошенькія личики, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, украдкой на нихъ поглядываютъ.

Университетскіе годы! — годы молодости, годы невозвратимаго братства, когда въ каждомъ товарищѣ

видишь друга, въ каждой наукѣ видишь достигаемую цѣль, въ каждой женщинѣ высокое олицетвореніе мечтаемаго идеала! Скоро проходите вы, годы неумолимые, но душа долго на васъ оглядывается, долго вами любитъся и хравить васъ вѣчно, какъ драгоценное свое сокровище, сокровище теплыхъ вдохновеній, и чистыхъ, высокихъ помысловъ.

Не далеко отъ деревяннаго моста, въ кривой, узенькой улицѣ, существуетъ вѣроятно и по нынѣ низенькій деревянный домикъ, съ большимъ дворомъ и небольшимъ надворнымъ строеніемъ. Въ домикѣ немного комнатъ, — и тѣ убраны безъ роскоши, даже скудно: не въ нихъ обитаетъ спокойствіе, котораго нельзя приманить ни лѣонскими обоями, ни парчевыми занавѣсками. Изъ передней вы входите въ гостинную, устроенную по завѣтному преданію. У главной стѣны, въ математической срединѣ, стоитъ диванъ, обитый черной волосяной матеріей, и съ выгнутой спинкой краснаго дерева. Передъ диваномъ овальный столъ, покрытый клеенкой, на которомъ стоятъ два подсвѣчника и щипцы. По бокамъ дивана по три кресла, обтянутыя также плетенымъ волосомъ. Между окнами два ломберные стола. Къ боковой стѣнѣ приставлено фортепьяно. Съ другой стороны нѣсколько стульевъ. Надъ диваномъ два литографированные портрета знаменитыхъ германскихъ ученыхъ, да съ обѣихъ сторонъ дверей по одной мѣдной лампѣ, прибитой къ стѣнѣ. Полъ досчатый не крашеный, но чисто вымытый. Стѣны просто выбѣлены. — Это гостинная. — Подите дальше. Съ пола до потолка, со всѣхъ четырехъ сторонъ, подѣланы полки

простаго дерева. На полкахъ громоздятся книги всѣхъ видовъ и переплетовъ. Огромные фолианты, какъ фундаменты науки, лежатъ въ самомъ низу. Прочія книги укладываются надъ ними плотной стѣной. Посреди комнаты письменный столъ, заваленный бумагами и книгами. — Это кабинетъ ученаго, кабинетъ немецкаго профессора, что обнаруживается педантическимъ кокетствомъ — учености, отличающемъ главную комнату дома. За этимъ кабинетомъ каморка, гдѣ отдыхаетъ профессоръ послѣ дневныхъ своихъ трудовъ, а далѣе небольшая комната его дочери, пятнадцатилѣтней дѣвочки, только что разцвѣтающей свѣжею красотою, на радость отцу и обожаніе студентовъ.

На надворномъ строеніи, противъ оконъ молодой дѣвушки, подѣланы расчетливымъ хозяйствомъ небольшія комнаты, нанимаемыя студентами по семестру за сходную цѣну. Въ сравненіи съ этими комнатами, скромное жилище профессора — чудо роскоши.

Если вы были студентомъ, мой читатель, то вспомните мебель вашей студенческой квартиры, и не хотя вы улыбнетесь и вмѣстѣ вздохнете; потому что вы готовы отдать всю лавку Гамса за тотъ изорванный диванъ, за тѣ изюманные стулья, на коихъ вы были молоды, полны надеждъ и огня, полны любви и восторга. Что за жизнь въ студентской комнатѣ. Сколько значенія!... сколько прекраснаго и смѣшнаго! — Сколько разгульнаго и глубокаго вѣсть! Тутъ — черепъ и человѣческія кости, тамъ — пестрыя шапки, огромныя трубки, рапиры, карикатуры, на стѣнѣ. Съ другой стороны громады тетрадой и книгъ. Далѣе — бутылки и стаканы, карты,

дубны, плащи, вассерштифели и большой бѣлый пудель, который, важно выдвинувъ морду, глядитъ на все спокойными глазами хозяйскаго друга.

Въ первомъ семестрѣ 18** г. на студентской квартирѣ поселился только что прѣхавшій Maulesel, курляндскій юноша, баронъ Фиренгеймъ. Вскорѣ, по странной академической терминологіи, лошакъ превратился въ лисицу; т. е. изъ недорослей вступилъ въ званіе студента перваго семестра, и получилъ право гражданства въ этомъ фантастическомъ мірѣ, гдѣ такъ много высокаго и такъ много комическаго, что оба начала срослись вмѣстѣ и стали нераздѣльны. — Оглядѣвшись со всѣхъ сторонъ, напившись пьянъ на пріемномъ торжествѣ, надѣвши пеструю фуражку, заплативши за коллегію, испытавъ силу руки своей въ маханіи рапиры молодой баронъ разсудилъ, что, чтобы быть полнымъ студентомъ, ему оставалось еще одно — влюбиться. — Баронъ былъ то, что въ полкахъ и учебныхъ заведеніяхъ называютъ добрымъ малымъ. — Не отставалъ ни отъ чего. Съ пьяными готовъ былъ пить, съ рубками рубиться, съ картежниками играть, съ трудолюбивыми углубляться въ науку, — съ лѣнтяями ничего не дѣлать. Отъ этой стоворчивости терялась, можетъ быть, самостоятельность его характера и уменьшалась къ нему степень уваженія товарищей, всегда привлекаемыхъ положительнымъ и рѣзко выраженнымъ нравомъ. Но за то недостатокъ этотъ искупался поэтической теплотою сердца, любовью ко всему прекрасному, умомъ проникательнымъ, которому, при напряженіи, мало оставалось недоступнаго. Однимъ словомъ, природа его

была благородная, часто возвышенная, но всегда нравственно-аристократическая, извините, г. мыслящие демократы, за выражение, которое одно вполне передает мою мысль.

Для довершенія своего студентскаго бытія, молодому барону казалось бы идти недалеко. — Противъ его оконъ, съ другой стороны двора, бѣлѣлись двѣ чистенькія занавѣски, а за ними выглядывало розовое личико пятнадцатилѣтней дѣвочки, съ большими тепло-снѣжными глазами, съ длинными шелковистыми рѣсницами, съ дѣтскою, задумчивою головкой. Молодой человекъ могъ слѣдить за всѣми ея движеніями. Утромъ могъ онъ видѣть, какъ, надѣвъ чернѣйшій передникъ и колесиковую шляпку, она укладывала свои книжки въ мешокъ, и отправлялась въ школу, стыдливо потупляя глаза отъ нескромныхъ взоровъ любопытныхъ студентовъ. Потомъ приходила она домой и помогала толстой кухаркѣ въ хозяйскихъ распоряженіяхъ. Мать ея уже нѣсколько лѣтъ какъ скончалась, оставивъ ее ребенкомъ. — А отецъ ея, профессоръ, старикъ, погруженный въ книги и ученость, во всемъ на нее полагался. Послѣ сиротнаго обѣда, она садилась за фортепьяно, играла кое-какъ старинныя сонаты и цѣла довольно плохо, если сказать правду, нѣмецкіе романсы, изъ Собранія, извѣстнаго подъ названіемъ: *Agion*. Потомъ она иногда прогуливалась съ отцомъ. — Вечеромъ, старикъ закуривалъ сигару и забавлялся чтеніемъ ученыхъ журналовъ, а она уходила въ свою комнатку и свѣчка зажигалась за бѣлыми занавѣсками, и она уединялась въ свое смиренное святилище. Тогда она занималась зав-

трагичнѣе урокомъ, письмомъ къ пріятельницѣ, узоромъ для вышиванія, или читала любимаго поэта. Случалось, что перо ея останавливалось, книга выпадала изъ рукъ, головка ея, освѣщенная густыми локонами, невольно упиралась на ручку и она задумывалась о чемъ то неразгаданномъ, какъ будто одоливаемая мучительнымъ, но въ тоже время сладкимъ, предчувствіемъ. — Тогда она долго сидѣла въ бездѣйствіи; ей было то неясно весело, то неизъяснимо грустно. То улыбка безъ причины оживляла ея дѣтское личико, то нежданная слеза наворачивалась на ея глазахъ. Она тихо вставала. Стройная тѣнь рисовалась на занавѣскахъ. Свѣчка гасла. — Въ домъ профессора водворилась тишина. —

Наступала ночь.

Зачѣмъ же было идти далѣе молодому студенту? — Неужели хорошенькое личико, пятнадцать лѣтъ, скромная поступь, влажный взглядъ, неужели поэтической призракъ, вѣющій около германской дѣвушки, не были достаточны, чтобы остановить его вниманіе, — приковать его сердце?

Увы! Студентъ мой родился барономъ, барономъ нѣмецкимъ, съ гербомъ въ три аршина, прибитымъ на колоннахъ старой соборной кирки, во славу его баронскаго достоинства. Студентъ мой рожденъ богатымъ наследникомъ, что, замѣчу мимоходомъ, между нѣмецкими баронами почти неслыханное чудо, совершившееся въ его пользу, къ великому удивленію и зависти всѣхъ его соплеменниковъ.

Эти два обстоятельства, сопряженные съ его природнымъ аристократическимъ свойствомъ, развили въ

Аптекаря.

2

немъ какое то преодолимое, жеманное чувство, гнушающееся всякаго жесткаго столкновения съ существенными подробностями небогатаго житейскаго быта. Блудный молодой человекъ на идеальный предметъ своихъ мечтаній, на нѣжнаго спутника, парящаго на невидимыхъ крыльяхъ въ туманѣ юношескаго воображенія, онъ надѣвалъ свою баронскую корону, онъ облекалъ его въ модныя кисеи и гро-де-нашли, онъ подкладывала ему подъ ноги англійскіе ковры и влагалъ ему въ уста, безразсудный, вмѣстѣ съ выраженіями страсти, бессмысленныя рѣчи свѣтскаго пустословія.

Съ такою несчастливою наклонностью, мудрено ли, что онъ глядѣлъ, если не совсѣмъ равнодушно, то безъ всякаго душевнаго восторга, на свою сосѣдку. — Коленчорова шляпка казалась ему черезъ чуръ противною всякому модному приличію, а камлотовый мѣшокъ съ книгами разверзлся въ его мѣшинѣ могилой для поэзіи. Къ тому же, онъ видѣлъ, какъ молодая дѣвушка сама по утрамъ принимала провизію на кухню, взвѣшивала рыбу, осматривала овощи, а потомъ долго торговалась и платила мѣдными деньгами. Кроме того, онъ замѣтилъ, что на ней, по буднямъ, было ситцевое платье, всегда одно и тоже, а что по воскресеньямъ она надѣвала платье бѣлое перкаловое, и хотя она была хороша въ немъ какъ ангель, хотя всѣ любовались ею отъ мала до велика, отъ Суперъ-Интендента до послѣдняго гимназіаста, молодой баронъ одинъ кривлялся съ досадою, что она это платье сама шила, сама гладила и берегла какъ глазъ, потому что другаго у нея не было.

А вечеромъ , когда утомленная учениемъ и хозяйственными заботами, она удалялась въ свою комнатку, и свѣчка загоралась за бѣлою занавѣскою, казалось , какъ бы не устремиться очами и душой къ таинственному свѣту, — казалось, какъ бы не перелетѣть вполновенною мыслью въ ея уютный уголокъ и не повергнуться въ прахъ предъ ея ликомъ, сіяющимъ небесною кротостью. Увы ! Баронъ не могъ забыть, что свѣчка, таинственно освѣщающая ея комнатку, не что иное какъ сальный огарокъ , что кровать ея изъ простаго некрашеннаго дерева, что бѣлье ея грубое , и что, засыпая, она, вѣроятно, покрывается изношеннымъ салопомъ.

Не смотря на то, онъ воспользовался правомъ сосѣда, и выбравъ, какъ водится, праздничный день, надѣвъ черный фракъ и бѣлыя перчатки, онъ, ровно въ 12 часовъ, отправился къ профессору съ визитомъ. — При входѣ онъ замѣтилъ въ полузахлопнутой двери любопытную головку профессорской дочери и ему стало досадно сперва за то, что она показалась, а потомъ за то, что она спряталась.

Mein junger Freund, сказалъ ученый докторъ utriusque juris, добродушно выдвигая очки и носъ изъ груды запыленныхъ бумагъ. — Добро пожаловать. Вы камералшестъ, вѣжестъ ?

— Нѣтъ-съ, дипломатъ.

— А!... diplomatie cultor. — Вы слушаете лекціи моего ученаго друга Бенжера ? —

— Такъ точно.

— Вы прилежно занимаетесь ?

— Иногда-съ.

Занимайтесь, мой молодой другъ. Въ наукѣ стѣя всего добраго и высокаго. Не тратьте времени по пустому. — Время нашъ капиталъ, самый драгоценный. *Ars longa, vita brevis*. Вы сосѣдъ нашъ кажется?

— Имѣю эту честь.

— Прошу быть безъ церемоній. Мы здѣсь не въ столицѣ. — А безъ лишннихъ словъ, если я могу вамъ быть чѣмъ полезенъ, то располагайте мной. У меня есть рѣдкія изданія... да-съ, сочиненія, которыя надо поискать, да поискать, прибавилъ профессоръ съ чувствомъ самодовольствія. Будемъ-те добрыми сосѣдями. Онъ протянулъ руку студенту съ непритворнымъ радушіемъ.

Добрый человекъ, подумалъ баронъ, невольно тронутый ласковымъ приемомъ.

— Знаете что: если вамъ не скучно съ старикомъ, откушайте съ нами.

По странному противорѣчію, молодой человекъ сперва обрадовался. Я ее увижу, подумалъ онъ, а потомъ присовокупилъ: а ужъ не замѣняетъ ли этотъ водячій фолиантъ сблизить меня съ своей дочерью, даже, чего добраго, женить на ней, считая на мое будущее наслѣдство. Онъ вѣрно знаетъ, что я буду богатъ.

Но, по истинѣ, профессоръ не зналъ о томъ ни полслова. Онъ любилъ молодыхъ людей и желалъ имъ быть полезнымъ, гдѣ только могъ. — Студентъ принялъ приглашеніе, раскланялся и возвратился черезъ часъ. — Толстая служанка накрывала столъ. — Профессоръ, въ длинномъ оливковомъ сертукѣ и въ бѣломъ батистовомъ галстукѣ, бодро ходилъ по комнатѣ,

а у окна сидѣла его дочь и вязала чулокъ. При входѣ гостя она покраснѣла, привстала и присѣла довольно не ловко. — Профессоръ началъ говорить о погодѣ въ ученоемъ отношеніи и пригласилъ садиться за столъ.

Увы! . . . Служанка принесла въ мискѣ кашу, подъ названіемъ офенъ-грицъ, съ молочною прихлебкой. Профессоръ принялся кушать съ наслажденіемъ. Дочь его съ явнымъ удовольствіемъ. Одиный баронъ прихлебывалъ съ горестнымъ чувствомъ. — Плюхой обѣдъ, даже подлѣ существа любимого, дѣлю непріятное, когда ѣсть хочется. Не отъ того ли это, что любовь проходитъ, а аппетитъ никогда. — Это грустно, но правда. Послѣ офенъ-грица подали кусокъ говядины, плавающий въ маслѣ, съ полусырымъ картофелемъ. — Потомъ блинчики съ творогомъ довершили обѣдъ, въ продолженіи коего не было разговора, кромѣ подчиванія молокомъ, соусомъ и мелкимъ сахаромъ. Ну, Шарлотта, сказалъ вдругъ профессоръ, принеси ка намъ бутылочку, въ честь нашего молодого друга.

Шарлотта вышла, и черезъ минуту возвратилась съ продолговатой бутылкой отличнаго рейнвейна, до котораго ученый, какъ всѣ ученые, былъ большой охотникъ.

Рейнвейнъ и сигары были его отдохновеніемъ, единственной его роскошью, и, для доставленія оной, дочь его, пятнадцатилѣтній ребенокъ, круглый годъ считала и берегла копѣйки, лишала себя всѣхъ прихотей, свойственныхъ своему возрасту, носила все тоже ситцевое платье по буднямъ, и бѣлое по воскресеньямъ, — и торговалась упорно въ цѣнѣ жизненныхъ припасовъ, но за то сигары выписывались изъ Гамбурга, а вино

отъ береговъ Рейна, посредствомъ одного ученаго друга и великаго знатока. Баронъ всего этого не понималъ.

За рюмкою вина, въ особенности отечественнаго, нѣмецъ оживляется, молодеетъ, рассказываетъ и какъ дитя тѣшится игрушкой, нѣмецъ тѣшится своей старинной. Два часа прошло незамѣтно. Профессоръ разсказалъ свои экзамены, свои труды, свои знакомства съ учеными германскими друзьями, свою буйную молодость, свою нѣмую любовь, свою женитьбу, свою тихую и трудолюбивую жизнь и заключилъ горячей слезой памяти незабвенной подруги. — Студентъ слушалъ со вниманіемъ. Добрая сторона его души понимала, что было хорошаго въ безпорядочной жизни нѣмца и, по невольному переходу, останавливалась на безмятежность лицъ его дочери. Въ немъ отражалось такое отсутствие суетныхъ волненій, такое эмпирическое спокойствіе, что бунтующая кровь мгновенно при ней утихала и мысли, увлеченныя къ земному, невольно воспаряли къ высшему источнику. Одолѣваемый двумя противными чувствами, баронъ не могъ понять самаго себя. Смотря на Шарлотту, онъ чувствовалъ, что долженъ бы ее любить. Смотря на все окружающее ее, онъ чувствовалъ, что онъ любить ее не могъ. Безъ нея ему было грустно, при ней — досадно. — Бывало онъ заглядывался на ея темныя очи, отуманенныя густыми рѣсницами, и на крыльяхъ воображенія переносилъ ее въ дивный міръ фантазій, — гдѣ все гармонія и поэзія и счастье. — И вдругъ грустное напечатлѣніе жизни разрушало его мечты. Осень-грицъ на столѣ, заплата на платьѣ, унотребленіе виццонъ надъ сальной свѣчкой,

сожалніе о дорогихъ капуствъ, обдавали его морозомъ. — Каждый вечеръ онъ рѣшительно намѣревался не посѣщать болѣе профессора, а на другой день онъ снова былъ уже у сосѣдей, пилъ рейнвейгъ, курилъ сигары и игралъ съ Шарлоттой сонаты въ четыре руки.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. — По ученому городку... по примѣру прочихъ грѣшныхъ городковъ, пошли слезы и провозгласили, съ дополненіями и комментаріями, молодаго барона женихомъ. Узнавъ о томъ, какъ водится, послѣдній, онъ, какъ добрый малый и честный человѣкъ, душевно огорчился. Женитьба казалась ему далекою пристаею. послѣ долгаго странствованія, а онъ снаряжался еще только въ путь. Не смотря на то, мысль, что другой можетъ жениться на Шарлоттѣ, была ему неприятна до чрезвычайности, но надо отдать ему справедливость, онъ поборолъ самаго себя, быть можетъ отъ того, что былъ еще молодъ и пылокъ для всего хорошаго, что, къ сожалѣнію, измѣняется съ возрастомъ. — Онъ вдругъ прекратилъ свои посѣщенія и для развлечения бросился въ полное раздолье студентской жизни.

А студентская жизнь, друзья мои, эта вѣчно кипящая чаша, кого не разсѣетъ и не утолитъ? Закутилъ молодой баронъ. Пригнувъ шапку на бокъ, вооружился дубиной и пошелъ по комершамъ*) и по фехтбоденамъ, подъ руку съ самыми отчаянными буршами. Вскорѣ имя его, дотоль почти неизвѣстное, загремѣло на всѣхъ перекресткахъ; молодые фуксы стали глядѣть на него съ почтеніемъ, а городскія дѣвушки съ явнымъ любо-

*) Студентскіе вырм.

нытствомъ. Но какъ онъ не желалъ влюбиться, и какъ не легко это въ его лѣта, онъ никакъ не могъ совѣстливо исполнить своего желанія. Та была хороша, да дочь булочника, другая казалась всѣмъ привлекательна, да онъ замѣтилъ однажды, что руки ея были не достаточно вымыты. — Одна была мала слишкомъ, другая слишкомъ велика, одна не довольно черноволоса, другая слишкомъ блѣжура. Словомъ, проходя по всей шеренгѣ мѣстныхъ красавицъ, душа его останавливалась съ нѣжностью только на дочери профессора, но и ту, какъ мы видѣли, онъ могъ любить только урывками, оскорбляясь ежеминутно жесткими столкновениями съ шероховатостями прозаической жизни.

Что же происходило тогда въ сердцѣ молодой дѣвушки? Къ чему это отгадывать? Она все жила по прежнему тихо и однообразно, только тщательнѣе отворачивалась отъ барона, когда встрѣчала его на улицѣ и дольше стала засмѣиваться по вечерамъ, оставаясь одна въ своей комнаткѣ. Барону казалось при рѣдкихъ ея встрѣчахъ, что она на него сердится, и это было ему досадно. — Съ какого права? думалъ онъ. — Однако ему вѣроятно было бы еще досаднѣе, если бъ она не сердилась на него вовсе. — Жизнь его катилась въ шумномъ забытьи. — По утру онъ слушалъ разсѣянно какую нибудь лекцію, потомъ отправлялся на фехтбодень, заниматься, по выраженію Языкова, головоломнымъ искусствомъ, — потомъ веселая ватага отправлялась обыкновенно на шуль-вагенахъ за-городъ съ виномъ и пѣснями и ликовала всю ночь съ буйными восклицаніями.

Однажды университетъ праздновалъ день своего основанія. Студенты съ бутылками, привѣшенными къ пуговицамъ своихъ сертуковъ, отправились по партіямъ къ загороднымъ корчмамъ. Баронъ, нарядившись также ходячимъ погребомъ, къ явному удовольствію своихъ товарищей, вмѣшался въ буйную толпу и не возвращался цѣлый день. Напрасно дочь профессора украдкой поглядывала изъ-за занавѣски, ожидая съ трепетомъ, что бѣднаго ея сосѣда приведутъ подъ руки на квартиру. Наступилъ вечеръ. Всѣ окошки мигомъ иллюминировались въ честь торжества, подъ опасеніемъ неумолимаго разбитія. По всѣмъ направленіямъ города начали раздаваться веселые хоры, которые подвигались съ факелами къ зданію академіи и провозглашали ей громогласный *vivat*.

Всѣ городскіе обыватели стояли у воротъ своихъ домовъ и съ любопытствомъ посматривали на буйную веселость академическихъ именинъ. — Крикъ, топоть, пѣсни, — не умолкали ни на минуту. Къ дому профессора прихлынула ватага полу-пьяныхъ буршей.

— А знаете — сказалъ хриплый голосъ, онъ старый хрычъ... былъ неучтивъ вчера въ коллегіи. Право неучтивъ. — Право ну... я шаркать началъ... моя воля.. Не правда ль моя воля?... Такъ. — А онъ вдругъ говоритъ, старый хрычъ, чтобы я не мѣшалъ. — Мѣшаю будто другимъ слушать. Вѣдь это грубость. — Грубость, сказали нѣсколько голосовъ. — Ну такъ зачѣмъ же дѣло стало, — *regeat* ему!

Regeat! закричала толпа съ такими ужасными воплями, что стѣны ближнихъ домовъ чуть не пошатнулись.

Профессоръ, сидя спокойно за своимъ письменнымъ столикомъ, поблѣднѣлъ. Ужъ не мнѣ ли, подумалъ онъ. — Нѣтъ, это вѣрно моему ученому и бѣдному другу. — *Silentium*, бурши, закричалъ другой голосъ. Грѣхъ вамъ и стыдъ обижать невиннаго старика.

Что, ... что? ...

Притѣснялъ ли онъ когда нибудь кого? — Былъ ли онъ когда врагомъ студентовъ? Не трудился ли онъ всю жизнь для васъ? А вы, вмѣсто благодарности, хотите отплатить проклятиемъ. — Стыдно, ребята!

— Фиренгеймъ правъ. Сказалъ кто-то.

— У старика хорошенькая дочь, замѣтилъ другой.

— Вивать! закричали всѣ. *Vivat! vivat! vivat! crescat, floreat in aeternum.*

— Это, г. баронъ, тебѣ такъ не пройдетъ, сказалъ сердито хриплый голосъ. — Я филистеръ. Со мной не угодно ли прогуляться въ круглыхъ шляпахъ?

Хоть на пистолетахъ, отвѣчалъ Фиренгеймъ.

Ну, пожалуй, на пистолетахъ.

— Нѣтъ, сказалъ кто то изъ старѣйшихъ. На шлеге-рахъ! ... Обиды кровной нѣтъ.

Vivat! кричала толпа. *Vivat, vivat!*

За окнами показались блуждающіе огни. — Потомъ одно окошко послѣшно отворилось, показался профессоръ и смущеннымъ голосомъ началъ благодарить студентовъ.

Между ними воцарилось глубокое молчаніе. Профессоръ описалъ свою академическую жизнь, свое учебное стремленіе, свою любовь къ студентамъ, и заключилъ, что доживая до преклонныхъ лѣтъ, лучшей его

отрадой была мысль, что труды его не совсѣмъ пропали для молодыхъ его друзей. — Между тѣмъ въ толпѣ почтительно слушающихъ студентовъ прихлынули другія. — По окончаніи рѣчи, виваты, какъ трескучій громъ, начали перекатываться по воздуху. Въ одно мгновеніе факелы брошены въ одну груду, и веселый огонь озарилъ палаящими переливами радостный пиръ молодости и подгулявшей науки. Профессоръ выматилъ весь свой погребъ и тѣшился какъ дитя. Съ сверкающими глазами онъ жалъ у всѣхъ руки, подчивалъ вѣнующихъ лучшими сигарами, и отдавалъ весь рейнвейнъ свой до послѣдней бутылки.

Черезъ нѣсколько дней Фиренгейма привезли безъ чувствъ домой. Грудь его была прорублена до самаго плеча.

Когда онъ началъ приходить въ себя, въ глазахъ его и въ душѣ было еще темно и туманно; но въ неясномъ туманѣ обозначались едва замѣтно нѣжныя черты, и двое влажныхъ очей, какъ отуманенныя звѣзды, казалось, притягивали его къ жизни. — Мало по малу странное видѣніе между существенностью и сномъ стало опредѣлительнѣе: черты обозначились яснѣе. — Такъ это она точно, она, дочь профессора, которая съ трепетнымъ волненіемъ стояла у изголовья раненаго.

— Очнулся! сказала она шопотомъ и покраснѣла до ушей; теперь я не должна здѣсь оставаться.

Бѣдная Шарлотта вздохнула.

Отецъ ея, стоявшій за ней, посмотрѣлъ на раненаго опытнымъ взглядомъ знатока.

— Какой славный ударъ, сказалъ онъ. Какая ужас-

ная вишелькварта. Бѣдный мой другъ, если вамъ захочется супу, — то пришлите ко мнѣ.

Баронъ пролежалъ три мѣсяца на кровати, — и хотя его сосѣдка не осмѣливалась къ нему войти, во вездѣ была замѣтна ея нѣжная заботливость. Легкія кушанья, чистое бѣлье, увеселительныя книги, цвѣты, игрушки, всѣ мелкія наслажденія, неизвѣстныя холостой безопасности, присылались ежечасно отъ имени профессора, и утѣшали раненаго студента. Шарлотта была его невидимымъ провидѣніемъ, и онъ невольно сталъ переносить къ ея образу всѣ нѣжныя мечты своихъ продолжительныхъ безсонницъ. А она до того привыкла къ своему понечительству, до того обрадовалась возможности приписать состраданью неясную наклонность своего сердца, — что когда Фиренгеймъ оправился и пришелъ благодарить своихъ сосѣдей, она почувствовала, что ей чего то не доставало.

Утомленный студентскимъ разгуломъ, молодой баронъ, къ явной радости старика профессора, сѣлъ за книги и началъ заниматься. Строгое прилежаніе и долгая болѣзнь скоро выгнали у него изъ головы его баронскую дурь. Онъ удостовѣрился, что существенная жизнь значительна и первостатейна только для малодушныхъ людей, а что душевныя совершенства лучше пріятныхъ формъ. — Забывъ глупыя предубѣжденія, онъ сблизился съ профессоромъ, полюбилъ его искренно, какъ отца, а къ дочери его привыкъ какъ къ сестрѣ. Жизнь ихъ была безъ особыхъ событій и потому не могла раздуть пламени страсти, — но они были соотремены другъ для друга и этого то они не могли не по-

нимать. Съ ней онъ занимался музыкой въ часы отдохновенія и съ ней читалъ любимыхъ поэтовъ; она любила Шиллера, онъ предпочиталъ Гете, и отъ этого разногласія не рѣдко возникали довольно горячіе споры, точь въ точь какъ будто между дѣтьми. Привычка ихъ сроднила, но странно было, что когда она была весела, онъ сердился, когда онъ начиналъ шутить, ей становилось грустно, но что когда они изрѣдка соединялись въ одномъ чувствѣ, то ихъ сердцу было невыразимо весело и легко — а глазамъ хотѣлось плакать. — Баронъ и этого не понималъ. — Только каждый день, по neodолжимоу влеченію, ходилъ онъ къ сосѣдямъ, глядѣлъ на Шарлотту, а потомъ возвращался домой и садился бодро за книги. Это время было самое счастливое его жизни и, быть можетъ, оно исправило бы совсѣмъ его характеръ, если бы новое обстоятельство опять всего не измѣнило.

Вдругъ получилъ онъ извѣстіе объ ожидаемомъ богатомъ наслѣдствѣ. — Онъ дѣлался владѣльцемъ маіората. — Присутствіе его на мѣстѣ было необходимо; академическая жизнь его оканчивалась.

— Богатство, — богатство, рычагъ нашего просвѣщенія, нашей гражданской дѣятельности, нашего семейнаго счастья, нашей безразсудной жизни, если ты въ вѣденіи какого нибудь демона, то много у этого демона и грѣховъ и дурныхъ мыслей на душѣ!

Баронъ началъ укладываться уже съ чувствомъ холоднаго эгоизма. — Отдаленный звукъ денегъ пріятно отдавался въ его слухѣ, мысль объ отличіяхъ и почестяхъ заманчиво ему вторила. — Онъ въ два дни собрался къ

совершенному отъезду, и простился со всеми своими знакомыми. Когда онъ объявилъ профессору о переменахъ своей судьбы, и, прощаясь, благодарилъ его, старикъ былъ тронуть; быть можетъ онъ не думалъ, что имъ надобно будетъ когда нибудь разстаться. Шарлотты не было дома. Баронъ просилъ ей поклониться и сказать, что онъ вѣчно будетъ ее помнить. Она, казалось, умышленно избѣгала встрѣчи и послѣдняго разговора.

Въ нѣмецкихъ университетахъ есть трогательное обыкновеніе. Когда студентъ отходитъ отъ своей братии на шумное поприще гражданской жизни, когда онъ на вѣкъ прощается съ своимъ студентскимъ бытомъ, товарищи провожаютъ его толпой черезъ весь городъ медленнымъ шагомъ, а грустными хоромъ поютъ ему во время шествія прощальную пѣснь. Въ этой пѣснѣ отзывается что то похоронное, что то сжимающее сердце, какъ стукъ бросаемаго земли въ отверзтую могилу. И точно, отходящій братъ не хоронитъ ли своей молодости, своей юношеской безпечности, своей лучшей поззиі!... Наступилъ день отъезда молодаго барона. Такъ какъ его вообще любили, то съ самаго утра, на главной площади, откуда должна была начаться процессія, стали собираться студенты со всѣхъ сторонъ. Потомъ и отъѣзжающій, въ послѣдній разъ одѣтый совершеннымъ студентомъ, съ пестрой шапкой на головѣ, явился въ кругу своихъ товарищей. Двое изъ старѣйшинъ взяли его подъ руки и открыли шествіе. Густая толпа двинулась за ними въ слѣдъ, и плавное пѣніе зазвучало по улицамъ грустными аккордами. — Баронъ шелъ тихо... много мыслей, много чувствъ тѣснились въ его головѣ.

Изо всѣхъ домовъ кланялись ему знакомыя лица: трактирщикъ, который игралъ на контръ-басъ; педель, который призывалъ его къ ректору; лавочникъ, который вѣрилъ ему въ долгъ; помѣщикъ, у котораго онъ обѣдалъ; дамы, съ которыми онъ танцевалъ. Всѣ ему кланялись, всѣ посылали рукой послѣднее привѣтствіе, искреннее, добродушное желаніе успѣховъ и счастья. — И вдругъ онъ поднялъ голову. Они подходили къ дому профессора. У окна стояла дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, какъ бы приварядившись для печальной церемоніи. На щекахъ ея не было привычнаго румянца. Руки ея, какъ бы лишеныя жизни, опускались вдоль гибкаго стана. — Студентъ печально ей поклонился. Но она не отвѣчала на поклонъ. Смертная блѣдность покрывала ея чело. Глаза неподвижно вперлись въ толпу, какъ бы желая остановить ее какимъ нибудь чудомъ, и слезы градомъ катились безъ принужденія по ея безжизненному лицу.

Чувства ѣдкой жалости и поздняго откровенія молніей пронзили сердце бывшаго студента. — Она любила меня..., подумалъ онъ, и опустилъ голову. — И толпа хлынула далѣе, и долго слышно еще было по улицамъ, какъ терялась вдали прощальная гнѣсь и замерла наконецъ за городской заставой.

III.

Кто-то сказалъ презабавную глупость. Нѣмецъ, до двадцати пяти лѣтъ, Адамъ Адамовичъ; отъ двадцати пяти лѣтъ Иванъ Ивановичъ. — Въ этой глупости, какъ во многихъ глупостяхъ, глубокое знаніе человѣческаго сердца. Если русскій, на примѣръ, пьянствовалъ до двадцати пяти лѣтъ, то онъ останется горькой пьяницей на всю жизнь. Нѣмецъ напротивъ. Онъ запыетъ послѣднюю минуту своего двадцать четвертаго года мертвѣйшею чашей, а на другой день начнетъ пить одну лишь воду до самаго часа своей смерти. Вчера былъ отчаяннымъ шалуномъ;... завтра будетъ самымъ степеннымъ изъ степенныхъ людей. Вчера былъ разгульнымъ, беззаботнымъ буршемъ; сорилъ деньгами, гдѣ могъ; завтра будетъ расчетливымъ нѣмцемъ, извлекающимъ изъ всего выгоду. Однимъ словомъ, нѣмецкія страсти разпредѣлены по срокамъ, какъ неизбежная пла-

та за жизненную квартиру, и каждая вносится своевременно безъ задержанія или избытка.

Болѣе всего разительна эта противоположность германскаго характера въ минуту окончанія студентской жизни. У меня былъ одинъ товарищъ, до того отчаянный, что все тѣло его было изрублено, шапка прострѣлена; платье свое онъ проигралъ въ банкъ, а выпивалъ онъ столько, что содержателю погрѣба становилось страшно. Въ день отъѣзда своего онъ напроказилъ до того, что волосы становились дыбомъ. Но при послѣднемъ стаканѣ вина, онъ залился горькими слезами и сказалъ три слова: «Прощай, золотая молодость! Lebe wohl, goldene Jugend!» На другой день онъ былъ мирнымъ пасторомъ, учился благословлять, готовилъ проповѣди и вспоминалъ о своей студентской жизни, съ тихой улыбкой, какъ будто бы прошедшіе нѣсколько часовъ были цѣлыми годами.

Почти тоже самое случилось съ Фиренгеймомъ. — Восторженный студентъ вдругъ сдѣлался расчетливымъ дипломатомъ. Онъ рѣшился жить въ Петербургъ и разсудилъ, что для удовлетворенія своего тщеславія и честолюбія, ему открыты двѣ дороги, служба и большой свѣтъ, при чемъ онъ и не подумалъ обманывать себя призраками пользы, обязанности или призванія. Онъ убѣдился, что отверзтое поприще выгодно, а большаго и не думалъ искать.

Мы часто укоряемъ нѣмцевъ за то, что на святой Руси они всегда добиваются теплаго мѣстечка и достигаютъ именно того, къ чему мы цѣлимся. — Но не сами ли мы въ томъ виноваты? Они унорствуютъ, а мы

пренебрегаемъ, они трудятся неуспяно, и безъ усталости, а мы готовы истратить весь свой пламень на одинъ порывъ и пролѣтѣтья вотомъ всю жизнь. Что же удивительнаго, если на пути гражданской жизни они перебиваютъ намъ дорогу и занимаютъ у насъ подъ глазами мѣста и должности, которыя бы намъ весьма по сердцу.

Баронъ выбралъ самую выгодную службу, самый выгодный разрядъ, отказался отъ жалованья, въ пользу повышенія: подружился съ начальникомъ отдѣленія, полюбился директору и понравился министру. — Онъ какъ будто родился въ вицъ-мундирѣ, въ стѣнахъ канцелярїи, за столомъ столоначальника. — Онъ былъ въжливъ съ казначеемъ, бухгалтеромъ и журналистомъ: онъ дарилъ щедро швейцара, сторожей и курьеровъ. Однимъ словомъ, хотя онъ многого и не дѣлалъ, но въ скоромъ времени сумѣлъ прослыть образцовымъ чиновникомъ. —

Въ свѣтѣ онъ слѣдовалъ той же тактикѣ. Только Ручевской фракъ и желтыя перчатки застѣлили вицъ-мундиръ. Онъ началъ, какъ слѣдовало, со старухъ, слушалъ ихъ съ почтительностью и явнымъ вниманіемъ, надѣвалъ на нихъ мастилин и салоны, — аккуратно дѣлалъ имъ визиты, привозилъ подарки въ день именинъ, игралъ съ ними въ карты, и часто проигрывалъ... Разумѣется, подарки и проигрыши соразмѣрялись со степенью важности старыхъ — покровительницъ, — но все было отъ него въ восхищеніи. Потомъ баронъ обратился къ моднымъ красавицамъ, и хотя, сказать правду, онъ не много ему нравились, но онъ почелъ обязанностью казаться съ ними въ дружескии отношеніяхъ,

чтобъ упрочить свою свѣтскую славу. Онъ равнался на нихъ на мягкихъ креслахъ, наклонился къ нимъ на ухо и говорилъ всякій мелкій вздоръ въ долгодоса. — Онъ непрестанно начинали смѣяться, хотя иногда то что говорилъ баронъ было вовсе не смѣшно, но такъ какъ одна изъ нихъ разсмѣялась, то и всѣмъ надо было смѣяться, такъ какъ всѣмъ надо было носить короткіе рукава, гладкія прически и бархатные бурнусы. Поутру начинали посылаться къ молодому барону разныя душистыя записочки съ приглашеніями и концертными билетами. Наконецъ, онъ не только танцевалъ всегда съ признанными свѣтомъ модными красавицами но его самого начали модныя дамы выбирать поминутно въ танцахъ во время оигуръ, потому что онъ танцевалъ отлично и принадлежалъ ко Двору. Съ того времени положеніе его въ большомъ свѣтѣ рѣзко обозначилось, и ему на перерывъ стали завидовать провинціалы, начинающіе, боязливые, бѣдные и уродливые, которые для оттѣнокъ картины дополняютъ петербургскія бальныя залы. — Съ мужчинами онъ былъ учтивъ, но не искателенъ, только онъ соразмѣрялъ свою учтивость и поклоны съ уменьшеніемъ номера класса, и съ увеличеніемъ знаковъ отличія, — такъ что Аннѣ съ короной, онъ кланялся съ развязной улыбкой, а Андрею Первозванному, съ чувствомъ глубокаго почтенія. — Но это было не по низкопоклонности его характера, а въ силу внутренняго убѣжденія, что онъ исполняетъ обязанность и воздастъ каждому должное. — Въ нѣсколько лѣтъ, онъ сдѣлался совершеннымъ свѣтскимъ человекомъ, съ жаждой къ разсыпанію, съ ненавистью къ за-

*

нтями и съ холоднымъ расчетомъ для своихъ выгодъ и повышенія. — При такихъ обстоятельствахъ, его послали по казенному порученію въ уѣздный городъ, описаніемъ коего я началъ свой разсказъ. —

Что же было въ продолженіи того времени съ дочерью профессора?

Прекрасная моя читательница, вы вѣрно по природной вашей догадливости, узнали въ аптекаршѣ ту самую Шарлотту, которая такъ безнадежно любила моего барона. Но какъ перешла она отъ мирнаго отцовскаго крова въ аптеку уѣзднаго городка, какъ, думая о баронѣ, могла она выдти за аптекаря? Какъ... какимъ образомъ? Не хорошо, не правда ли?... а позвольте у васъ, сударыня, спросить, господинъ вашъ сунурутъ былъ ли единственнымъ предметомъ вашихъ мыслей? неужели до блаженной минуты, когда онъ повелъ васъ къ вѣнцу, предъ вами не мелькнули никакія завѣтныя черты, и никакое мужественное лице, не оставило въ вашемъ сердцѣ своего неизгладимаго портрета? Вспомните хорошенько. Не хотѣли ли вы когда нибудь оставаться вѣкъ въ дѣвушкахъ, или чего добраго въ монастырь идти? И что же?... поплакали объ одномъ, а улыбнулись другому. Пришла надобность въ самопожертвованіи, жертва совершилась, и слава Богу выживаете здорово и благополучно, хоть вы и разоблачили вашъ надоблачный идеалъ въ халатъ и туфли полузаспаннаго мужа. Дѣлю въ томъ, что мы любимъ укорять другихъ, чтобъ извинить себя; а, быть можетъ, то, что въ васъ не хорошо, въ другихъ извинительно. —

Когда Шарлотта, какъ истая германская дѣвушка, носилась мечтою въ идеальномъ туманѣ, небольшой студентикъ, съ кудрявой рыжей головой, аккуратно проходилъ и вздыхалъ два раза въ день подѣ ея окномъ. Фиренгеймъ давно уѣхалъ. Объ немъ слышно было, что онъ веселится въ большомъ свѣтѣ, волочется, влюбляется, ищетъ невесты, хочетъ жениться, а надѣ прежней жизнью смѣется весьма остро. Половина того была истина, другая, какъ водится, прибавлена. Бѣдная Шарлотта сперва поплакала, потомъ посердилась, потомъ и сердиться перестала, и вся обратилась въ любовь въ своему отцу. Любящія души, однажды обманутыя, не уничтожаютъ, но переносятъ только избытокъ своего небеснаго огня къ лицу болѣе достойному. — Дочь профессора старалась забыть себя совершенно, и только и думала о томъ какъ бы тѣмъ угодить дряхляющему старику и усладить послѣднія минуты его жизни, а пока небольшой студентикъ съ кудрявой рыжей головкой все ходилъ да ходилъ подѣ ея окномъ, съ такой настойчивостью, что она наконецъ привыкла къ его физиономіи, какъ къ чему-то неизбѣжному. — Есть люди смиренные свойствомъ, которые умѣютъ выжидать и тѣмъ однимъ всегда достигаютъ своей цѣли. — Когда пришло время, студентикъ втерся въ домъ профессора, началъ знакомство на латинскомъ языкѣ, выпилъ рюмку рейнвейна и выкурилъ двѣ сигары. — Старикъ чрезвычайно полюбилъ новаго друга, хотя и вздохнулъ неволью о старомъ другѣ, закутившемъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. Съ того дня студентикъ началъ ходить чаще и чаще, а Шарлотта, не обращая на него

большаго вниманія, начала привыкать къ его разговорамъ, какъ привыкла къ его появленіямъ полъ оманн. — Вскорѣ онъ переехалъ на квартиру Фиренгейма, но Шарлоттѣ не говорилъ ни о любви, ни о надеждѣ, ни о позвн, бояся повредить своимъ намѣреніямъ, а непримѣтно сталъ входить въ ея хозяйскія распоряженія, совѣтовалъ ей употребить для приправы кушаній разныя антекарскія травы, наставлялъ съ ней настойки и покупалъ для нея капусту и грибы. — Мало по малу онъ сдѣлался въ домѣ необходимымъ человекомъ, а время быстрыми шагами все двигалось впередъ, неся на плечахъ болѣзни, бѣдствія и смерть. Профессоръ началъ ослабѣвать. Книжки осиротѣли, сигары заброшены, рейнвейнъ забытъ. — Не долго онъ былъ боленъ и встрѣтилъ кончину какъ слѣдовало мужу мудрому, преданному всю жизнь для благочестія и науки. Студентикъ ходилъ за нимъ какъ сынъ, самъ готовилъ лекарства, самъ ихъ подавалъ, и, передъ смертыю, старикъ благословилъ его зятемъ и вручилъ ему свою безмыханную дочь. —

Ударъ, постигшій Шарлотту, былъ до того жестокъ и поразителенъ, что она равнодушно узнала о перемѣнѣ своей судьбы. — Женихъ ея не докучалъ ей неутихнutoй страстыю, а началъ распорядиться въ домѣ хозяйскомъ и готовить все для свадьбы. Такимъ образомъ Францъ Ивановичъ достигъ своей цѣли.

Вскорѣ совершился и бракъ — грустный, холодный, какъ принесеніе жертвы надъ свѣжей могилкой. Во время обряда Францъ Ивановичъ казался тронуть, но не падалъ женѣ клятвами и увѣреніями. Онъ ду-

налъ объ устройствѣ вещественнаго благосостоянія. Онъ уже кончилъ курсъ, выдержалъ экзаменъ въ званіи фармацевта, — и, по долгому соображенію, рѣшился взать nach Russland наживать деньги. — Узнавъ, что въ городѣ С. не было аптеки, онъ положилъ поселиться въ немъ съ молодой женою, надѣясь на дешевизну содержанія и потребность края въ медикаментахъ. Всего достоянія его, вмѣстѣ съ скуднымъ наслѣдствомъ профессора, едва было достаточно на фармацевтическое обзаведеніе съ стеклянками, банками и вѣсами въ старинномъ домѣ, гдѣ вѣкогда танцовали дворяне, а нынѣ украсился выѣской, съ известной вамъ надписью: Аптека, Apotheke. —

Бѣдная Шарлотта! Какая жизнь! Какое разочарованіе! Все та же бѣдность, но ужъ безъ поэзіи. Все тѣ же заботы, но безъ утѣшенія. — Все тоже душевное одиночество, — но уже безъ надежды!... И некому повѣрить своей грусти, — не съ кѣмъ поговорить о старинѣ. Францъ Ивановичъ, по недостатку средствъ, не имѣвшій провизора, самъ съ утра до ночи натаилъ пилюли, сушилъ травы и составлялъ микстуры. Впрочемъ, всегда довольный, всегда съ улыбкой, онъ потряхивалъ рыжей, головной думая веселостью своею развеселить, можетъ быть, и свою жену. И надо ему отдать справедливость. Онъ не надоедалъ ей знаками приторной привязанности, не требовалъ отъ нея ложной нѣжности, а довольствовался тѣмъ, что подавалъ ей нехвастливый примѣръ покорности и терпѣнія. Она радовалась, что онъ ее не понимаетъ,

и бережливо таила отъ него свои воспоминаія и свою печаль. Знакомствъ у нихъ было не много и отъ тѣхъ можно бы было охотно отказаться. Городничій, обожатель Полекъ, судья, обожатель пѣннаго вина, исправникъ, обожатель податей и сборовъ, да толстая барыня Авдотья Петровна Кривогорская, обожательница сплетней и собачекъ, дѣлали имъ изрѣдка дальповидные визиты, надѣясь получить подешевле, или даже въ подарокъ, нужные для домашняго обихода, аптекарскіе припасы.

Всѣхъ чаще, по утрамъ, заходилъ къ нимъ, отъ нечего дѣлать, отставной, помѣщикъ въ венгеркѣ. Поздоровавшись съ Францомъ Ивановичемъ, онъ отправлялся къ аптекаршѣ, съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ.

— Банжуръ, мадамъ. Здоровье ваше гутъ?

— Gut, отвѣчала, вздыхая, Шарлотта.

— А нельзя ли, мадамъ, трубочки? Смерть затануться хочется. При семъ словъ онъ краснорѣчиво влагалъ первый палецъ въ уста.

Ему приносили трубочку... и онъ начиналъ дымиться какъ каминъ, объявляя, при томъ, городскія новости.

У купца Ворышева получены новыя селедки. Только дорого, мошенникъ, просить. Вчерашній день толстая купчиха Трегубова, шедши въ гостинный дворъ, провалилась на досчатомъ тротуарѣ. На силу вытащили. Говорятъ, хочетъ подавать просьбу губернатору на городничаго за то, что тротуары никогда не исправляютъ, отъ чего легко можетъ приключиться смертный случай. Намѣднн была мопойка у исправника, и Терентій Ивановичъ, говорятъ, мастерски отхвatalъ въ

присядку. У часового мастера пропала корова. Въ бричкѣ повѣреннаго по откупу лопнула рессора...

Потомъ онъ начиналъ любезничать. Когда же вы, Шарлотта Карловна, выучитесь говорить по русски... Скажите-ка, былъ, пылъ... Ха, ха! Какъ вы этого не умѣете, а, кажется, такъ просто. Пора вамъ выучиться. Или ужъ я стану учиться по нѣмецки, а то только я знаю, что гутъ, да либъ данкѣнъ.

Шарлотта грустно улыбалась, а Франтъ, поставивъ трубку въ уголь, уходилъ въ сладкомъ самодовольствіи. Хоть бы въ столицу, думалъ онъ, право хоть бы въ столицу, а тамъ скажутъ, что хорошенькая... а не только что въ провинціи.

И Шарлотта оставалась одна, — цѣлый день одна. Какъ долго сниживала она у своего окошка и, въ тихомъ раздумьѣ, смотрѣла на сѣрыя тучи, которыя плеслись грустивою вереницей по небу, не предвѣщая бури, не обещающая солнца, а холодныя, печальныя, свинцовыя, какъ жмзнь, которая ее убивала. И что за зрѣлище подъ окномъ? Луки съ утками, грязная зелень, бабы съ тряпьемъ, тарантасъ съ застѣдателемъ, домики съ разбитыми стеклами, заклеенными бумагой. Все, что въ гражданственной жизни есть отвратительнаго, все, что въ челоуѣчествѣ есть жалкаго, все, какъ нарочно, соединилось, чтобъ отравить лучшіе тоды ея жизни.

И къ тому же воображеніе ея въ одиночествѣ разыгралось. Прежнія ея мечты опредѣлились ясно. Призракъ любви, но любви мучительной, страстной, бурно волнующей кровь, загорѣлся пылающей звѣздой во мглѣ ея одиночества. Ей хотѣлось бы убѣжать на

край свѣта и отдать всю жизнь свою за одно вѣщное мгновеніе любви и блаженства.

И къ довершенію злополучія, она не могла ненавидѣть, презирать своего мужа. Онъ, правда, не понималъ ея, но онъ былъ добрый и честный человѣкъ, и старался такъ усердно облегчить для нея бремя домашнихъ хлопотъ, и такъ неуспѣшно трудился въ своихъ бѣдныхъ оборотахъ, чтобъ упредить для нея въ будущемъ времени сомнительное благосостояніе.

Такъ прошло два года до того утра, когда баронъ Фиренгеймъ явился въ аптеку за содовыми порошками.

IV.

Давно мы съ вами не видались, г. баронъ, сказала аптекарша.

Давно, къ искреннему моему сожалѣнью, отвѣчалъ петербургскій щеголь, и, право, я не думалъ, что поѣздка, которую я такъ отъ чистаго сердца проклиналъ, сдѣлается для меня источникомъ большой радости.

— Какой радости, г. баронъ?

— Счастья, хотѣлъ я сказать, неописаннаго счастья, встрѣтить васъ снова, встрѣтить ту, которая такъ много значила въ моей молодости.

Баронъ остановился и, съ недоувѣрчивостью, взглянулъ на аптекаря.

Францъ Ивановичъ учтиво поклонился, но никакъ, вѣроятно, самъсловатыхъ словъ барона.

— Не угодно ли вамъ въ гостинную? она убрана не красиво, да въ ней живутъ добрые люди. А мнѣ позвольте отправить этихъ мальчишекъ по принадлежности.

Съ трепетомъ вошелъ баронъ въ комнату молодой женщины. Воспоминанья одно за другимъ толпились въ его головѣ — домикъ профессора, тихія вечернія бесѣды и неясное видѣнїе, осяннвшее нѣкогда изголовье его страдальческаго ложа, живо и ясно нарисовались въ его пробужденной душѣ. Но передъ нимъ стояла уже не худенькая дѣвочка, въ коленкоровой шляпкѣ, съ робкой поступью и боязливымъ взглядомъ, а прекрасная, развившаяся женщина, въ полной зрѣлости красоты. Быть можетъ, въ ней утратилось немного то выраженье чистаго спокойствїя, которое, бывало, хранило ее, какъ святиню, но за то въ ея чертахъ и взорахъ разлилась какая то неясная нѣга, что то измученное и страстное, придающее ей новую, опасную прелесть.

Убранство комнатки было дѣйствительно самое незавидное. Нѣсколько простыхъ стульевъ, диванъ между двумя печками, столъ съ истертымъ сукномъ, да маленькое фортепяно у окна, заставленнаго бальзаминами, располагались чинно въ симметрическомъ отдаленїи другъ отъ друга. А въ углу, подъ стекломъ поставца, красовалось съ дюжину фарфоровыхъ чашекъ и нѣсколько серебряныхъ ложекъ, развѣшанныхъ на вѣсѣхъ правиламъ нѣмецкой аккуратности и италянскаго шегольства. Эта нищенская роскошь грустно поразила молодого человѣка и перенесла неволью мысль въ штошные покои петербургскихъ барынь. Впрочемъ, чув-

ство это было только минутное. Чѣмъ болѣе онъ жилъ, тѣмъ болѣе привыкалъ и становился равнодушенъ къ декорациямъ жизни.

— Думалъ ли я встрѣтить васъ здѣсь? сказала онъ тихо.

Аптекарша вздохнула.

— И встрѣтить васъ за... мужемъ?...

Взглядъ, исполненный безсильной укоризны, былъ отвѣтомъ на грустное напоминанье.

— Батюшка вашъ здоровъ?

— Батюшка мой умеръ. —

Баронъ повѣсилъ голову. Онъ и не зналъ даже объ этомъ... Ему стало грустно, но онъ вдругъ разсѣялся самымъ заманчивымъ, самымъ свѣтскимъ и порочнымъ разсужденіемъ.

— Отецъ умеръ. Она его болѣе не боится. Мужъ колакъ. Его провести не трудно. Она любила меня, а здѣсь, въ этомъ захоlustѣ, соперниковъ, я думаю, не много... По крайней мѣрѣ мнѣ будетъ занятіе.

— Вамъ скучно здѣсь? сказала онъ голосомъ вѣжнаго состраданія. —

Да, продолжала аптекарша, со слезами на глазахъ. Батюшка мой умеръ. Умеръ, и оставилъ меня сиротой. Бѣдный мой батюшка! Онъ часто объ васъ говаривалъ. Съ того времени жизни моя разорвалась на двое. Я на все начала глядѣть другими глазами, и, право, я не знаю, какъ бы я могла прожить одну минуту, если бы мнѣ не оставалось воспоминанья.

Такъ и есть, подумалъ баронъ. Это намекъ. Ей скучно. Слѣдовательно она на все готова... и я буду

настоящимъ школьникомъ, если не сумѣю воспользо-
ваться случаемъ.

Отъ чего же вы вышли замужъ? спросилъ онъ.

— Я вышла замужъ потому, что моему покойному отцу это было угодно. Онъ думалъ, мой добрый отецъ, что я буду счастлива съ человѣкомъ, который будетъ меня любить и навѣрно никогда не обманетъ.

Это что то похожее на упрекъ, замѣтилъ снова про себя баронъ. Я не ошибся. Она все меня любитъ, — и какъ хороша она къ тому! Право, наши свѣтскія красавицы не стоятъ ея мизинца, а, какъ подумаешь, сколько, за ихъ пустые разговоры, я потерялъ безвозвратно времени, заботъ и денегъ!...

Не всякой волею въ своей судьбѣ, продолжалъ онъ въ слухъ, съ глубокимъ вздохомъ. Вашъ мужъ счастливый человѣкъ. Ничто не противилось его благополучію, — ни родственники, ни обстоятельства, ни даже вы сами... потому что вы, вѣроятно, его любили.

Аптекарьша грустно улыбнулась.

Мужъ мой добрый человѣкъ, сказала она. Онъ искренно, по своему, ко мнѣ привязанъ... и я была бы неблагодарна, если бы не ушла цѣнить его достоинствъ.

— Ну! тактика обыкновенная. —

Надо же выдумать какія нибудь пренятствія, трагическія угрызения совѣсти, и т. п., чтобы, потомъ, встать пожертвовать и требовать благодарности и имѣть чѣмъ попрекнуть.

Волнуемый такой лукавой мыслью, баронъ продолжалъ:

Вашъ мужъ счастливый человѣкъ. Онъ всегда съ

вамъ, всегда подлѣ васъ. Ему позволено называть васъ нѣжными именами, прижимать васъ къ груди своей, и забывать все на свѣтъ, чтобъ надыхаться вашей рѣчью и заглядѣться вашей красотою.

Аптекариша была очевидно взволнована.

Въ это время вошелъ въ комнату аптекарь. Что за городъ? сказалъ онъ, съ досадою. Просто жить нельзя. Одинъ торгуется, другой въ долгъ проситъ. Вообразите. У меня по книгѣ рубль, а мнѣ даютъ полтину, да нельзя ли еще пообождать до праздника. — Слуга покорный. Какъ будто намъ тоже пить, ѣсть не надобно. Проклятый городъ!

— Да за чѣмъ вамъ оставаться здѣсь? спросилъ баронъ. Мнѣ кажется, вамъ всего бы лучше переѣхать въ какую нибудь столицу. Въ Петербургъ напримѣръ?

Да-съ, оно бы хорошо; только жить тамъ дорого жематому человѣку. Вотъ, если бы мѣсто...

— Что же, похлопотать можно.

— Помните. Къ чему вамъ безпокоиться. Ваше время должно быть дорого... Вы человѣкъ свѣтскій... Гдѣ въ вашемъ кругу вспомнить о бѣдномъ аптекарѣ?

— Позвольте-съ, вы несправедливы. Я всегда готовъ стараться за своихъ друзей. —

— Благодарю васъ за названье.

— Надѣюсь его заслужить.

— А вокуда, г. баронъ, вамъ должно быть у насъ скучно.

— О нѣтъ, напротивъ. —

— Полноте, вы, свѣтскіе люди, вѣчно съ учтивостями. Мы вамъ особенныхъ размеченій предложить не

можень. Театровъ у насъ нѣтъ, о балахъ не слыкивали, а есть стакашъ чаю, тарелка супу, бутылка вина. Все это къ вашимъ услугамъ. —

— И я непременно вѣтъ воспользуюсь.

— Ну такъ не пожалуйте ли вы къ намъ въ среду откушать? Я думаю, вамъ въ первый разъ въ жизни придется обѣдать въ аптекъ? —

— Съ большимъ удовольствіемъ. —

— За столъ не взыщите. Предлагаемое не хитро изготовлено, но предлагается отъ добраго сердца. Не такъ ли, Шарлотта Карловна? —

Шарлотта кивнула, молча, головой.

— Смотри же, Шарлотта Карловна, подумай какъ бы угостить гостя, чтобъ онъ и впередъ пожаловалъ.

— Аптекарша покраснѣла и отвернулась.

Вы въ которомъ часу обѣдаете? спросилъ баронъ.

Обыкновенно въ 12 часовъ. Но такъ какъ вы чело-вѣкъ столичный, то мы будемъ обѣдать ровно въ часъ. Кажется это довольно поздно.

— Очепь довольно. —

— Баронъ ушелъ домой. Аптекарша не выходила у него изъ головы. Онъ вспомнилъ поочередно все читанные имъ соблазнительные романы и рѣшился дѣйствовать съ неумолимымъ расчетомъ опытнаго обольстителя.

Наступила среда. Баронъ, насилу дождавшись перваго часа, надѣлъ пестрый жилетъ, пестрый галстухъ, затянулся въ парижскій сертучекъ и отправился, попрыгивая по грязнымъ тротуарамъ, къ жилищу аптекаря. У дверей встрѣтилъ его хозяинъ, дружески пожалъ ему

руку и ввель въ комнату, гдѣ оны были на канупѣ. Въ поставцѣ серебряныхъ ложекъ уже не было, все было выметено и прибрано на чистоту, а посреди комнаты поставленъ былъ столъ, съ четырьмя приборами. Въ углу сидѣлъ помыщикъ въ венгеркѣ и курилъ, въ ожиданіи обѣда, трубку.

— А супруга ваша? — спросилъ баронъ у антекарши. —

Жена моя въ кухнѣ, стравляетъ. У насъ вѣдь нѣтъ повара. Мы люди не богатые.

Барону стало нестерпимо досадно, что она, которую оны собирався любить, хлопотала около кастрюль и, чего добраго, старалась, выходила изъ силъ, чтобы лучше измарить курницу, и тѣмъ угодить вѣжному предмету прежней страсти.

А, мое почтеніе, сказалъ помыщикъ голосемъ стариннаго знакомаго, каково у насъ уживаетесь? —

— Очень хорошо-сь.

Какихъ вы всегда щеголей. Жилетка въ Питерѣ что ли шита?

— Нѣтъ-сь, въ Парижѣ. —

Въ Парижѣ!... ахъ, позвольте взглянуть; чай не дешеваго стоитъ. —

— Не помню. —

Ужъ эти Петербургскіе щеголи, чего не придумаютъ. А нечего сказать, мастера одѣваться.

Въ эту минуту вошла антекарша. На ней было бѣлое платье. Два локона, задернутые за уши, висѣли до ея плечъ, а вокругъ головы обвивался черныи шелковый шпурокъ, перехваченный золотымъ бисеромъ.

Антекарша.

4

Шпурокъ этотъ, неизбежно украшеніе всякой бѣдной пѣшни, снова раздосадовалъ барона. Онъ сухо поклонился и началъ говорить о погодѣ. Между тѣмъ привнесли на столъ миску, и гости устались по мѣстамъ. Крышка дигомъ слетѣла, и въ мискѣ обнаружился не супъ съ картофелемъ, не щи съ капустой, а старый знакомый, товарищъ молодости, ованъ-грицъ молочный, тотъ самый, который, во время оно, по средамъ и субботахъ, наводилъ уныніе на цѣлый университетъ. Баронъ взглянулъ на Шарлотту; она улыбулась и покрасѣла. Есть женщины, которыя въ самыя обыкновенныя подробности жизни умѣютъ, когда сердце ихъ задѣто, отдѣлять немного отъ поэзіи своей души. Баронъ понялъ сколько было скрытнаго значенія въ простомъ блюдѣ, и, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, не обратилъ вниманія на прочія подробности стола. Разговоръ былъ оживленъ. Говорили о Петербургѣ и о перемѣщеніи аптеки. Францъ Ивановичъ сокрушался о столичной дороговизнѣ; къ чему помѣщикъ краснорѣчиво присовокупялъ, что петербургская жизнь въ особенности кусается. Передъ окончаніемъ обѣда, аптекаръ, съ значительною миною, вышелъ въ сосѣднюю комнату и возвратился съ бутылкой шампанскаго первой употребленной въ аптекѣ, со дня ея основанія.

Рѣшившись на такую роскошь, онъ вродѣ хотѣлъ уподчивать гостей. Вино было теплое и страннаго вкуса, но наружность бутылки и пѣнистое шипѣніе были самыя приличныя.

Здоровье нашего гостя! возгласилъ Францъ Ивановичъ. Сто лѣтъ жизни!

— И генеральскій чинъ, прибавилъ Франтъ.

— И много счастья, добавила аптекарша.

Noch! закричалъ развеселившись аптекаръ. Еще по рюмочкѣ!...

Когда бутылка опорожнилась, хозяева и гости встали изъ стола. Былъ четвертый часъ. Мушкетеры вооружились сигарами и трубами. Два часа протянулись еще въ отрывистомъ разговорѣ. Аптекаръ о чемъ то думалъ, вѣроятно о перемѣщеніи своей аптеки, баронъ нетерпѣливо поглядывалъ на часы. Шарлотта, съ яркимъ румянцемъ на лицѣ, казалась взволнована. Одинъ ех-помѣщикъ только безмолвно затаивался и разсматривалъ потолокъ. Наконецъ онъ вспомнилъ, что пора идти къ почтмейстеру, всталъ, раслапавшись и вышелъ. За нимъ Франтъ Ивановичъ отправился по своимъ дѣламъ. Аптекарша и Фиренгейнъ остались вдвоемъ. На дворѣ, по случаю поздней осени, начинало уже смеркаться...

Оба молчали... оба сидѣли въ нѣмомъ смущеніи. Проклятая робость вкралась въ сердце свѣтоваго щеголя, и туманила его коварныя предпріятія... Онъ думалъ, думалъ, находилъ себя и жалкимъ и смѣшнымъ, и вдругъ, сбравшись съ духомъ, началъ разговоръ.

— Не хотите ли сыграть что нибудь? —

— Въ четыре руки?

— Да, въ четыре руки...

— Я такъ мало играю...

— И, помилуйте. Вы развѣ не помните, что мы уже игравали прежде?

— Помню...

— Такъ не угодно ли?...

— Извольте.

Они сѣли рядомъ у фортепьяно...

— Что мы будемъ играть? спросила аптекарница.

— Что угодно...

— Мнѣ все равно.

— И мнѣ все равно...

— Вотъ какія то ноты... Хотите попросовать?

— Извольте. —

— Вы будете играть басъ.

— Да какъ прежде... какъ въ старину...

Аптекарница вздохнула...

— Извините, если я буду ошибаться.

— Не извините, если я ошибусь.

Они начали играть, только нестерпимо дурно. То онъ опаздывалъ, то она терпѣлась. Въ концертѣ стигло выдохъ тенито и тенито.

— Признайтесь, сказалъ баронъ шопотомъ, вы не меня сердитесь?

— За чѣмъ сердиться... Богъ васъ проститъ. —

У меня тутъ не то, кажется, написано...

— Нѣтъ, продолжалъ баронъ. Нѣтъ, дайте мнѣ выслушать выраженіе вашего гнѣва. — Быть можетъ, я и оправдаюсь.

Ахъ извините, я, кажется, не ту строку играю.

— А мнѣ такъ больно, что вы на меня досаждаете.

— На что вамъ, переверните страницу.

Мнѣ тамъ дорого ваше участіе... Оно мнѣ такъ нужно. — Я такъ несчастливъ.

Вы несчастливы!...

Они перестали играть.

Да, Шарлотта, извините, что я васъ называю прежнимъ именемъ. Я истинно несчастливъ. Свѣтъ, въ которомъ я живу, сжигаетъ душу. Отъ него вѣтъ порокомъ. Мнѣ не гдѣ отдохнуть сердцемъ. Среди людей я всегда одинъ, никого не удостоиваю своей привязанностью и не беру ни въ чье участіе.

Бѣдный! сказала аптекарша.

Баронъ приободрился.

— Но знаете ли, Шарлотта, какое утѣшеніе я сохранилъ съ любовью, знаете ли, какими теплыми чувствомъ я согреваюсь въ ледяной атмосферѣ большого свѣта? Знаете ли?

Аптекарша не отвѣчала. Грудь ея сильно волновалась.

Да, Шарлотта, воспоминавъ о прежней жизни. Воспоминаешь объ васъ... Вотъ теперь мое лучшее сокровище. Какъ часто, утомленный отъ безсмысленныхъ мелочей кочеванья по гостиницамъ, я перейду въ тотъ нѣрный уголокъ, гдѣ я жилъ съ вами, жилъ подлѣ васъ, и снова я вижу ваше окошечко, вижу тѣнь вапы за бѣлой занавѣской. — Воображеніе замѣняетъ дѣйствительность. Я счастливъ своей мечтой и сердце мое снова бьется отъ радости и отъ любви.

Ахъ! сказала аптекарша. А мнѣ какво? Мнѣ здѣсь все дико и непріятно. Нѣтъ здѣсь моихъ подругъ... Отецъ мой умеръ... Я сама живу памятью, а въ настоящемъ мнѣ грустно и тяжело. —

— Такъ, бывал Шарлотта. Я въ томъ былъ увѣренъ. Вы тоже несчастливы. Васъ здѣсь никто ни оцѣ-

нить, ни понять не можетъ. А я знаю, ваша душа создана для чувства, для сочувствія, для всѣхъ радостей и мученій сердца.

— Не говорите мнѣ этого...

— Но это правда. —

— Да, печальная правда. Я долго ждала счастья... Я видѣла его даже издали, но оно прельстило только для меня и бросило мнѣ лишь сожалѣнье, одиночество.

— Нѣтъ, прервалъ баронъ. Судьба бессильна противъ любви. Мы были бы счастливы нѣтъ... Ваши глаза мнѣ это говорятъ. Кто же мнѣшаетъ намъ быть счастливыми?

— А какъ?...

— А развѣ нельзя возвыситься надъ жалкими условіями жизни... развѣ мы не можемъ любить другъ друга и, въ высокомъ умиреніи, найти вознагражденіе за всѣ свои страданія?...

— А люди?

— Люди! что въ нихъ! Любовь не цѣлая ли восковая? — Какъ ничтожно передъ ней все земное! — И какъ возвышается, какъ освящается душа, исполненная любовью!

Баронъ схватилъ руку антекарни.

Рука ея дрожала.

А долгъ? сказала она задыхающимся голосомъ.

— Долгъ выдуманъ человѣческими расчетами. Долгъ условіе земли, а для насъ отверзто небо. Вы видите, не пустой же случай свелъ насъ снова вмѣстѣ. Мы рождены другъ для друга. Неужели вы этого не пони-

насте? а я уже, по силѣ любви своей, отгадываю, что и вы должны меня любить...

И не ошибаетесь, сказала аптекарша, закрывъ лицо руками.

Ощущеніе неопысанныго блаженства осыжало душу барона. Въ комнатѣ было совершенно темно.

О, теперь, сказалъ онъ, я готовъ умереть для васъ. — Теперь счастье для насъ возможно; но повторите ваши слова... Скажите мнѣ, давно ли, и какъ... вы меня любите?..

— Да... я все скажу... я не въ силахъ болѣе молчать... сказала трепетно аптекарша. Да, я всегда думала объ васъ; да, я не переставала васъ...

Въ эту минуту дверь настежь отворилась и толстая служанка, босикомъ, въ затрапезномъ платьѣ, вошла въ комнату, держа въ рукахъ два мѣдные шандала съ сальными свѣчами. Рука аптекарши выпала изъ руки барона. На молодого человѣка непріятно подѣйствовали сальные свѣчи и нищенскій нарядъ служанки. Но для увлеченной женщины блескъ внесеннаго огня былъ благотельнымъ свѣтильникомъ и озарилъ ей мрачную пучину, въ которую ввергала ее безумная страсть.

Нѣтъ... нѣтъ, жена, сказала она, дрожащимъ голосомъ, должна быть чиста и непорочна. Обольщеніе чувствъ обманчиво, а раскаяніе неумолимо... Заключая васъ — вѣмъ что вы любите, не возобновлять нынѣшняго разговора.

Въ дверяхъ показался Францъ Ивановичъ.

Теперь я свободенъ, сказалъ онъ, потряхивая голов-

ной. Я боюсь, что вамъ было скучно. Не хотите ли пу-
шинка или бостончикъ составить?

Но разстроенный баронъ не хотѣлъ слушать ника-
кихъ предложеній. Обманутый въ ожиданіи, забывъ
свои планы, онъ побѣжалъ домой и всю ночь проворо-
чался на своей кровати. Къ утру онъ, коварный и
свѣтскій щеголь, былъ влюбленъ въ уздому антекар-
шу, но влюбленъ по уши, и безъ ума, и безъ надежды.

V.

А между тѣмъ городскіе обыватели начали толковать да перетолковывать.

— Знаете что, говорилъ франтъ въ венгеркѣ, на ухо купца Ворышева, посѣщая его въ лавкѣ. Шарлотта то Карловна паша.. гмъ..

— Быть не можетъ...

— Да и мнѣ кажется странно. Такъ скажите, пожалуйста, съ какой стати барону сиднемъ сидѣть въ аптекѣ? Вѣдь онъ надворный совѣтникъ, къ тому же человекъ съ капиталомъ, даже богатый. А вещи какія у него, просто заглядѣнье. Намѣднн я еще видѣлъ одно изумрудное кольцо. Кольцо то, знаете, маленькое, а изумрудъ большой. Славная штука. Сотъ пять стоитъ. Да и въ столицѣ, я спрашивалъ, знакомъ ли онъ съ министрами, такъ говоритъ, что не со всѣми, а знакомъ... Вѣдь въ аптеку хорошо ходить нашему брату, время

убить, а такому человеку, кажется, вовсе не чередъ. Странное дѣло.

Совершенная правда-съ, сказалъ Ворышевъ и погладилъ бороду.

— Слышали, говорилъ, съ лукавой улыбкой, судья городничему, слышали, какую нашъ Францъ Ивановичъ волучилъ обнову?

— Да-съ, слышалъ стороной.

Какая тутъ сторона, дѣло явное. Они открыто живутъ вмѣстѣ. Неприлично, совершенно неприлично... я бы на вашемъ мѣстѣ въ это дѣло вмѣшался. Начальство обязано, какъ попечительная мать, выскать въ нравственныя отношенія жителей и указывать на то, чего они должны остерегаться. Ваша обязанность.

— Гмъ, вы думаете.

— Безъ сомнѣнiя. Вы хранитель городской нравственности.

— Право.

— Къ тому же нашъ баронъ то, кажется, просто вольно-думецъ.. Онъ былъ у васъ съ визитомъ?.

— Нѣтъ.

— Будто?

— Право.

— И у меня не былъ.. Ну, пожалуй, у меня еще ничего.. а вы начальникъ города... а вы къ нему ѣздили?..

— Ѣздилъ.. почелъ долгомъ.

— Въ мундиръ?.

— Да.

— И онъ не отплатилъ за визитъ...

— Какъ не отплатилъ?.

— Ну, то есть сѣкъ не лѣнился къ вамъ?

— Нѣтъ.

— Да что же онъ, въ самомъ дѣлѣ, объ себѣ думаетъ?.. право не худо его проучить.

— А впрочемъ, замѣтилъ городничій, я право не понимаю, что онъ нашелъ въ аптекаршѣ. Нѣмочка и все тутъ. Вотъ то ли дѣлю Польки. Какъ мы въ Бѣлорусіи стояли, такъ я на нихъ наглядѣлся. Нечего сказать, женщины. Какъ воспитаны, какъ танцуютъ мазурку.. Такіе все амурчики, что просто изъ рукъ вонъ. Что же, вы полагаете мнѣ надо поговорить съ Францомъ Ивановичемъ?

— А ужъ это ваше дѣло. Поступайте, какъ знаете.

— Вотъ штука, шепнулъ исправникъ за сѣдателю, во время присутствія, пока старый секретарь, непомысливо гнусилъ безконечный и безтолковый докладъ.. штука такъ штука. Просвѣщеніе и до насъ добирается. Аптекарь продалъ свою жену за 5000 рублей..

— Потерялся, сказалъ подумавши за сѣдатель. Могъ бы получить больше; ну, и то кушъ порядочный. Есть же людямъ счастье.

— Какая резолюція? спросилъ секретарь.

— А какъ ты думаешь?

— Да предать суду и волѣ Божіей.

— Я согласенъ.—И я тоже.—Исправникъ и за сѣдатель подписали резолюцію и отправились по домамъ.

Ну, матушка, говорила статская совѣтница Криво-герская блѣдой дверничкѣ, стоящей передъ ней въ голод-

номъ почтеніи. Ну, матушка, слышала?.. Мерзость ка-
кан! Поу!

Статская совѣтница отвернулась и плюнула съ не-
годованіемъ.

— Про аптекаршу что ли, матушка?.

— Про кого же другаго. Вѣдь есть же такія мер-
завки.

— По истиннѣ, грѣхъ великій.

— Что.. о.. о?.

— Грѣхъ, матушка, великій.

— Я не везю ее на дворъ къ себѣ пускать, а вѣдь
онъ, матушка, говорятъ, богатый человекъ.. Много да-
рить вѣрно. Не слышала ли? .

— Нѣтъ, не слышала-сь.

— Экая ты безтолковая. Никогда ничего не у-
знаешь. Говорятъ, собой хорошеъ. Ты его видѣла?

— Видѣла.

Брюнетъ, или блондинъ?

-- Не разглядѣла хорошенъко.

— Что же ты, слышавъ мать вол! Ничего ты тамъ не
знаешь. Ходишь себѣ болвинъ болвиномъ. Я его дѣ-
душку должно быть видывала въ Москвѣ, когда мы съ
покойникомъ мамѣ на Никитской. Кажется, могъ бы
вспомнить, что я не Богъ знаетъ кто; хоть бы илюнуть
вршиель сюда . . такъ пѣтъ. Очень важная особа.
Безпокоиться не угодно.... Да и хорошо дѣлаетъ. Онъ
ужъ вѣрно ничего такого у меня не найдетъ. Экая мер-
зость. Поу!!.

Нѣсколько дней спустя, дрожинъ германскаго оста-
новились у аптеки. Францъ Ивановичъ, нѣкій человекъ

несчастнолюбивый, поморщился не много отъ неожиданнаго визита; однако же встрѣтилъ градоначальника съ должною почестью.

Городничій, человекъ доброжелательный, но глупый, принялъ за дѣло даанный ему совѣтъ, вѣнцаться въ семейныя дѣла аптекаря.

— Я имѣю съ вами переговорить объ экстренномъ случаѣ, сказалъ онъ важно.

— Чѣмъ могу я вамъ быть полезенъ? отвѣчалъ аптекарь. Дѣвичьей кожи у меня нѣтъ, а.. ромашки не осталось.

— Обязанность моя, продолжалъ городничій, не ограничивается только однимъ полицейскимъ наблюдениемъ. Начальство обязано, какъ попечительная мать, вникать въ нравственныя отношенія жителей и указывать на то, чего они должны остерегаться.

— Непремѣнно, отвѣчалъ аптекарь.

— Я очень радъ, что вы со мною согласны. Мы съ вами люди степенные и можемъ обсудить дѣло не горячась. Не правда ли?..

— Точно.

— Въ старину было иначе.. Я скажу хоть про себя, когда я стоялъ съ полкомъ въ Белоруссiи, вы знаете, около Динабурга, я былъ еще молодъ, часто влюблялся, могу сказать, накутилъ порядкомъ. Да что за женщины эти польки, заглядѣнье! Панина Дромбиговская. Панина Чембулицкая. Панина русскiя и въ подметки имъ не годятся.

— Да къ чему это, спросилъ аптекарь.

— Виновать, заговорился... Я хотѣлъ только ска-

заять, что я надеюсь, что вы примете, какъ слѣдуетъ, то, что я имѣю вамъ сообщить.

— О мамѣ Чембулицкой?...

— Нѣтъ-съ, объ вашей супругѣ.

— Объ моей женѣ? закричалъ аптекаръ такимъ голосомъ, что городничій отскочилъ на два шага.

— Не пугайтесь, это толки, о которыхъ я, для пользы вашей, хотѣлъ васъ предупредить ..

— Какіе толки?...

Такъ.. ничего... только многіе у насъ удивляются... частымъ посѣщеніямъ барона въ вашемъ домѣ... и дѣлаютъ гнусныя сплетни.. Вы понимаете?.. Я совѣщаю не этого мнѣнія... Но есть признаки. Надо было быть осторожнымъ...

Аптекаръ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Вы видите это окошко, сказалъ онъ задыхавшимся голосомъ. Служите всѣмъ, которые явятся ко мнѣ съ подобными предостереженіями, что я ихъ вышвырну вонъ, какъ негодную склянку. Жена моя чиста какъ голубь... она выше клеветы, она выше всѣхъ низкихъ сплетней, которыми живетъ заять глупый городъ, г. городничій. Если кто нибудь восмется хоть словомъ, хоть намекомъ до ея репутаціи, то вы видите эти руки... Я руками разорву его какъ собаку, пока у меня будетъ котъ капля крови!.. Жену мою оскорбить! кричалъ аптекаръ... жену мою!.. да это задѣло мое сердце раскаленными щипцами. Да, знаете ли, что въ сравненіи съ ней весь вашъ городъ... не стоитъ прошлогодней илюльи. Да, я изтерзаю, истолку въ мелкій

перешоку всякое животное, которое дотронется только до нея.

Въ эту минуту аптекаръ выросъ на два аршина. Городничій покалъ мечами и потихонько выбрался на крыльцо.

Аптекарша стояла за дверью и все слышала. Когда она отворила дверь, мужъ ея спокойно уже сидѣлъ за конторкой, писалъ свои счеты и потряхивалъ рыжей головкой.

— Что это ты шумѣлъ съ городничимъ? робко спросилъ Шарлотта.

— Да что все пристаешь, чтобъ я тротуары чинилъ на свой счетъ, а изъ какихъ доходовъ?...

Аптекаршу тронула безкорыстная привязанность ея мужа. Совесть начала ее мучить.

О, подумала она, отъ чего мой мужъ не дурной человекъ! я бы была покойнѣе, странная моя участь!... Бѣдное мое сердце! Я не могу любить человека, который посвятилъ мнѣ всю жизнь свою, а готова погибнуть, для того, который былъ бѣдствиемъ моей молодости. Но, по крайней мѣрѣ, я не измѣню своей обязанности; я останусь вѣрна вѣлѣшямъ закона.

Три педѣли прошли въ мучительномъ унесѣнн. Увлеченная обманчивымъ разумденіемъ, аптекарша предавалась вполне преступному чувству. Съ утра смотрѣла она у окошка, не идетъ ли вожделѣнный, и когда онъ показывался въ дали, глаза ея радостно сверкали, и когда шаги его отъступали на крыльцѣ, сердце ея билось, страстный румянецъ вылазъ на ея щечкахъ,.. она

была счастлива: и бѣдный герцогъ, и бѣдная аптека казались ей раемъ земнымъ.

А-онъ? кто вгнѣветъ прозорливо во всё изгибъ человѣческаго сердца, съ выжженными природными началами, но испорченнаго отъ прикосновенія свѣта? Онъ тоже увлекался тайною прелестью восторженнаго сочувствія. Желая быть Фоблазомъ, онъ едва не сдѣлался Вергеромъ. Онъ былъ влюбленъ истинно, влюбленъ какъ студентъ, а хотѣлъ разсуждать объ любви какъ левъ новой школы. Онъ стыдился иногда искренности своихъ чувствъ, и всячески старался возвысить себя до окамененія моднаго изверга. Но любовь, эта чистая капля небесной росы, невольно освѣжала его коварные замыслы, и оболыщенный оболыститель, ежечасно прерванный въ своихъ безнравственныхъ предпріятіяхъ, долженъ былъ поныкать головою, играть въ четыре руки, и слушать наивные разказы о прежнихъ подругахъ, о школьныхъ невинныхъ шалостяхъ, о скромной ручейкѣ дѣвчьеѣ жизни, тогда какъ воображеніе его возмущалось кипящимъ кипяткомъ. Тщетно онъ старался возобновить сцену памятнаго обѣда. Аптекарьша истощала всё женскія хитрости, чтобъ отклонить признанія и страстныя рѣчи; а когда онъ сердился, и душевно проклиналъ свое свѣтскую оплошность, она такъ очаровательно умѣла ему улыбаться, она такъ выразительно глядѣла на него, что чело его снова преклонилося, и надежда вѣрадывалась въ грудь. Иногда бѣдный баронъ нападалъ на самыя разочарующія мелочи жизни; иногда аптекарша выходила къ нему съ озабоченнымъ видомъ и засученными рукавами. Это зна-

чило, что въ этотъ день у нея стирали бѣлье. Иногда платью ея уже черезъ чуръ оскорбляло моду. Иногда она прерывала намеки о вѣчной страсти, и поспѣшно уходила въ кухню, взглянуть на жареную баранину, составляющую, какъ извѣстно, важный предметъ губернскаго продовольствія. Въ эти минуты баронъ бѣсился на себя, на страсть свою, и приказывалъ Якову укладываться. Потомъ думалъ онъ, что неучтиво же уѣхать не простясь, и онъ опять отправлялся въ аптеку. Шарлотта сидѣла задумчиво у окна. Въ глазахъ ея отражалось небо глубокаго чувства. Она ему улыбалась.. Голось ея, звучный, мягкій, отдавался въ его сердца, и онъ снова забывалъ свою досаду, планы искуснаго обольщенія, и сидѣлъ и заснживался по старому, не наглядѣвшисъ и не наслушавшисъ до сыта.

VI.

Однажды Франтъ въ венгерѣхъ посетилъ барона, какъ тотъ только вставалъ съ постели и распечатывалъ письмо, принесенное съ почты.

— Извините, я вамъ, кажется, мѣшаю.

— Ничего-съ.

— Ну, если позволите Прикажите подать трубочку.

— Яковъ, подай трубку.

— Яковъ, сердито всунулъ трубку Франту и хлопнулъ дверью.

Баронъ прочиталъ письмо, и улыбнулся.

— Изъ Петербурга изволили получить?

Да.

— Отъ родственниковъ?

— Нѣтъ, отъ знакомой дамы.

— А! вѣрно по французски.

— Нѣтъ, по русски.

— Ахъ; это любопытно, желательнo бы знать, какъ петербургскія дамы пишутъ. Секретовъ нѣтъ-съ?..

— Никакихъ.

— Ахъ, такъ позвольте взглянуть.

— Да на что вамъ?

— Изъ любопытства-съ.

— Читайте, пожалуй.

Франтъ съ жадностью схватилъ письмо и осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

— Какъ пахнетъ, сказалъ онъ. Что за прелесть.

Сей часъ видно, что изъ столицы, а въ углу это что?

— Гербъ графини.

— Ахъ проказный какие, чего не выдумаютъ. Бумага съ гербомъ; это графская корона?

— Да.

— Я еще не видывалъ такой. Очень нѣмно. Онъ началъ читать.

Я обещалась писать къ вамъ, но такъ какъ письмо дѣло опасное, то не взывайте, если я буду вамъ писать по русски. Оно неже компрометируетъ, и никто еще, я думаю, не употребляетъ во зло письма, писанныя по русски. Спасая такимъ образомъ конвенансы, я предлагаю удовольствию вамъ писать. Мы васъ очень сожалѣемъ, и грустимъ, что не можемъ болѣе васъ слышать, говорить и шутить, по обыкновенію вашему. Что вы дѣлаете въ вашей скучной провинціи, грозный панъ левъ? Мы все объ васъ плачемъ. Безъ васъ скучно. Вчера мы танцевали на водахъ. Были ужасныя фигуры. То ли бывало въ старину! Порядочные кавалеры стано-

вятся чрезвычайно рѣдки. Вотъ до чего мы дошли. Львицы окружены чуть ли не дѣтьми. Острова совершенно пусты. Всего насъ три или четыре женщины. Погода хорошая. Что вамъ еще сказать? Въ навловскій воксалъ ѣздить теперь что то не много. — Мужъ мой уѣхалъ въ деревню хозяйничать и предлагалъ мнѣ взять меня съ собою. Только я ужасно боюсь провинции и воображаю себѣ что то ужасное. Какія, я думаю, тамъ чепцы и шляпки носятъ, просто надо умереть со смѣха, и какіе щеголи, все къ ручкѣ подходятъ, и какія женщины, какія претензіи. Вѣрно очень смѣшно. — Пріѣзжайте-ка поскорѣе, да расскажите намъ, что вы видѣли, чтобы было надъ чѣмъ посмѣяться. А тамъ поѣдете за границу, въ Парижъ. — Я съ нетерпѣніемъ того ожидаю. — Намъ тамъ будетъ очень весело вмѣстѣ. Здѣшнихъ новостей мало. Ваши знакомые пріятельки вздыхаютъ каждый у ногъ своей красавицы, а я совершенно одна. Можетъ быть отъ того, что васъ ожидаю. Смотрите же, съ вашей стороны, не влюбитесь въ какуюнибудь жену этихъ монстровъ, которыхъ я видѣла въ ревизорѣ. Мы дѣлали на дняхъ *partie de plaisir*, ѣздили всѣ въ русскій театръ. Право, не такъ дурно играютъ. Вообразите, я была въ первый разъ въ жизни въ русскомъ театрѣ. — Ревизоръ сочиненіе какого то Гоголя. Довольно смѣшно, только *mauvais genre*, какъ вы себѣ можете представить. — Прощайте и не забудьте, что мы нетерпѣливо васъ ожидаемъ. — Я ожидаю отъ васъ письма, и какъ вы обѣщались подробное описаніе карикатуръ, съ которыми вы живете....

Прекрасно написано, сказалъ съ восторгомъ Франтъ...

Вѣдь кажется ничего... а прелесть. У этихъ свѣтскихъ людей все это такъ къ стати, такъ прилажено... что значить манера! — И вѣрно красавица-сь, продолжалъ онъ, лукаво улыбнувшись...

— То есть.... не дурна, а впрочемъ.

— Ну, ну, ну, полноте скромничать. Изъ всего видно, что должна быть красавицей. — Да иначе быть не можетъ.—Ну счастье вамъ-сь, г. баронъ.

— Право ничего нѣтъ особеннаго.

Да ужъ вы, разумѣется, не расскажете, а позвольте попросить еще трубочку.

Выкуривъ еще двѣ трубочки и замѣтивъ, что новаго ему нечего добиваться, франтъ расклапался, улыбнулся и отправился прямехонько въ аптеку. Тамъ, по видимому, все было тихо и благополучно. Шарлотта Карловна сидѣла у окна, и смотрѣла не идетъ ли кто по улицѣ, а Францъ Ивановичъ въ демикотонномъ халатѣ читалъ старую нѣмецкую газету.

А я сей часъ отъ барона, сказалъ франтъ; какой славной молодой человекъ!

Шарлотта поспѣшно къ нему обернулась, Францъ Ивановичъ кивнулъ головой.

Да, человекъ, кажется, хорошій.

— Просто чудо что за малый. И откровенный, веселый какой. — Вообразите, мы уже съ нимъ совершенно подружились.

— Право?

— Знаете что. — Только, пожалуйста, это между нами. Онъ мнѣ признался, что у него въ Петербургѣ есть кое какія знакомства, понимаете?... Гмъ...

Не правда, воскликнула побѣдѣвъ аптекарша.

— Не правда, вотъ хорошо, а какъ же я сей часъ читалъ письмоцо... Ну ужъ письмоцо! нечего сказать, прелесть.

Отъ женщины? спросила Шарлотта.

— Отъ кого жѣ?— Да еще отъ какой!, Отъ мнѣ самъ признался, что красавица; поднимаете? столпчая красавица, не то что наша какая нибудь уѣздная.

— А что же она пишетъ? спросилъ Францъ Ивановичъ.

— Аптекарша вся обратилась во вниманіе и старалась отгадывать то, чего не могла понять.

Вотъ въ томъ то и штука, что пишетъ, — Только смотрите, чуръ не пересказывать. Мнѣ-то показано подъ большимъ секретомъ.

— Хорошо, скажите только.

— Во первыхъ, сказалъ таинственно рассказчикъ, нѣсколько словъ я не понялъ.. что значитъ конвенансы?

Приличіе, сказалъ аптекаръ.

Ага, вотъ что... А баронъ то, кажется.. съ дамами мастеръ своего дѣла. У! какъ онѣ къ нему идутъ,

Да письмо.. письмо, сказала умоляющимъ голосомъ аптекарша.

— Какъ бы припомнить.... Да... я не знаю какъ спасти конвенансы.. т. е. извѣстное дѣло, приличіе, но я предаюсь удовольствію къ вамъ писать. За чѣмъ вы уѣхали?.. я объ васъ плачу... Вы левъ... вѣроятно онъ съ ней поступилъ не деликатно... То ли было въ старину... насъ всего три женщины на островѣ... Тамъ ходятъ львицы съ своими дѣтьми. Поѣдемъ те за границу, тамъ

мы будемъ счастливы... А?. каковъ?. не въ бровь, а прямо въ глазъ, просто похищеніе!!.. Да то ли еще ... въ вашей провинціи должны быть ужасныя карикатуры... это объ насъ кажется.. Неучтиво-немножко, да ничего.. прїѣзжайте поскорѣе, чтобъ было чему посмѣяться, а женщины и чепчики у васъ тамъ вѣрно преуморительныя. У другихъ женщинъ есть свои вздыхатели. Но я васъ ожидаю. Не влюбитесь въ жену какого нибудь монстра... Что такое монстръ?

Чудовище, сказалъ аптекарь.

Это ужъ я не знаю на чей счетъ сказано. Мы все васъ ожидаемъ... Каково? объ немъ тамъ плачутъ.. А онъ живетъ себѣ у насъ въ уѣздномъ городѣ... какъ будто нашъ братъ какой, васъ иногда навѣщаетъ, а со мною очень дружелъ...

Быть можетъ Франтъ распространялся съ особымъ удовольствіемъ о своихъ побѣдахъ барона, досадуя на явную склонность аптекарши ... Только рассказъ его имѣлъ странное окончаніе. Франтъ Ивановичъ отозвалъ его въ уголь и попросилъ не посѣщать болѣе его аптеки, а Шарлотта, блѣдная, разстроенная, все сидѣла еще у окна, но не смотрѣла болѣе на улицу, и не двигалась, не говорила, какъ будто потерянная, въ самыхъ грустныхъ размышленіяхъ.

Франтъ поворчалъ немного и пошелъ къ исправнику, а оттуда къ судѣ, рассказывать содержаніе прочитаннаго имъ письма.

VI.

Бѣдная Шарлотта не могла сомкнуть глазъ цѣлую ночь. Что она бѣдная, необразованная, не нарянная, порою прачка, порою кухарка, аптекарша, провинціалка передъ блестящими дамами въ перьяхъ и кружевахъ, съ которыми знакомъ баронъ? — Минутная забава. Игрушка отъ скуки. Еще и за то ему сладко, что онъ низошелъ до нея и соблаговолилъ вымолвить ей нѣсколько ласковыхъ словъ. Но все это было шуткой. Гдѣ ему любить аптекаршу? Онъ любить даму, у которой на головѣ бриліанты, а на рукахъ браслеты. Она пишетъ къ нему письма, она ожидаетъ его съ нетерпѣньемъ, а какъ онъ вернется, то то они будутъ смѣяться надъ аптекой, надъ аптекаршей, и надъ вѣжной страстью среди ревеню и хивы.

Ревность, жгучая ревность начала душить Шарлотту. Да, шептало ей воспламененное воображеніе, —

онъ любить другую... Она не такъ хороша какъ ты. У нея нѣтъ ни свѣжести твоей, ни яркаго твоего румянца, ни локоновъ твоихъ густыхъ. Но мужчины этого не замѣчаютъ. У нея все роскошь и изобиліе. У тебя все бѣдность и недостатокъ. — У нея цвѣты въ комнатѣ, цвѣты на головѣ, вездѣ цвѣты, во время зимы и осени, во время цѣлой жизни. У тебя, вокругъ тебя, грустные принадлежности твоего сословія, мѣдныя деньги, сальныя свѣчи, уѣздная жизнь, запахъ аптеки, лохмотья и одиночество... Тебѣ ли любить знатнаго господина, которому, какъ онъ ни старайся, должна быть противна твоя нищенская жизнь?... Развѣ ты забыла, развѣ ты не замѣтила, какъ, при видѣ вашего недостатка, чело его хмурится, и на устахъ его выражается презрительная улыбка? — А ты, послушная раба, ожидаешь только взгляда, взгляда состраданія, а не любви, и ты забыла свою гордость, достоинство твоего пола, чтобъ сдѣлаться посмѣшищемъ богатой женщины и предметомъ шалости свѣтскаго челоуѣка, который всегда презиралъ твою бѣдность и постыдился быть счастливымъ съ тобой.

На другой день аптекарша была задумчива и блѣдна. — Францъ Ивановичъ посматривалъ на нее съ безпокойствомъ, подчивалъ ее разными порошками и казался разстроенымъ.

Въ 12 часовъ, по обыкновенію, явился баронъ. Аптекарша приняла его сухо, не отвѣчала почти на вопросы и вскорѣ скрылась, подъ предлогомъ домашнихъ хлопотъ. Баронъ посердился и ушелъ домой. Францъ Ивановичъ молчалъ.

На другой день тоже. На третій тоже. Аптекарица блѣдна и задумчива. Ни разу она не улыбнулась, ни разу не вздохнула. Во взорѣ ея было что то холодное, мертвое, страшное... Францъ Ивановичъ молчалъ.

Прошла недѣля. Былъ вечеръ. Баронъ, опустивъ голову на руку, сидѣлъ въ грустномъ раздумьѣ. Холодность аптекарши, лучше всякаго умышленнаго кокетства, усилила его страсть. Коварные замыслы исчезли. Онъ просто любилъ, какъ любятъ молодые люди, пламенно, безъ коварствъ, безъ сна, съ малой надеждой и безмѣрнымъ отчаянiемъ. —

Быстрая перемѣна Шарлотты была для него неопостижима. Одна минута объясненiя и все могло бы поправиться, — но теперь, какъ нарочно, проклятый аптекарь ни на шагъ отъ жены не отходитъ.

Вдругъ онъ поднялъ голову. Дверь скрипнула. Въ комнату вошелъ Францъ Ивановичъ. —

— Вы здѣсь?

Францъ Ивановичъ былъ немножечко блѣдень.

Я, сказалъ онъ... пришелъ къ вамъ за довольно важнымъ дѣломъ. Вы у насъ въ городѣ по службѣ?

— По службѣ.

— Ваше порученiе кончено?

— Кончено.

— Такъ за чѣмъ же вы у насъ живете?

Баронъ смутился.

Аптекарь сложилъ руки и продолжалъ.

До мѣня дошли гнусныя слухи, на которыя я отвѣчалъ какъ слѣдовало. Я такъ увѣренъ въ своей женѣ, что не оскорблю ее подозрѣнiемъ, однако, въ ма-

ленькомъ городкѣ, злоумышленный слухъ можетъ имѣть самыя неприятыя послѣдствія, и это то я обязанъ отвратить.

Вамъ угодно сатисфакціи? сказалъ подумавъ баронъ. —

Сатисфакціи? отвѣчалъ съ достоинствомъ аптекаръ. Не стыдно ли вамъ, г. баронъ, и вымолвить такое предложеніе! я не студентъ болѣе и не свѣтскій человекъ. Вы думаете, что для личнаго неудовольствія, прискорбнаго лишь моему самолюбію, и готовъ погубить всю будущую участь своей жены, или позволю вамъ играть со мною въ великодушіе. Нѣтъ, баронъ. Мы съ вами уже не мальчики. Я за другимъ дѣломъ прицель къ вамъ.

— Что же вамъ угодно?

— Поѣзжайте въ Петербургъ...

— Хорошо..., черезъ нѣсколько дней.

— Нынче-же...

— Не могу, право...

— Не можете?

— Нѣтъ...

Въ такомъ случаѣ, мы можемъ сѣсть, и я вамъ разскажу маленькую исторію. Въ одномъ городкѣ жилъ добрый старичекъ, профессоръ... У него была единственная дочь... Къ нимъ вкрался въ домъ одинъ безсовѣстный молодой человекъ...

— Позвольте! закричалъ баронъ. —

— Не перебивайте моей исторіи. — Да, этотъ молодой человекъ былъ безъ совѣсти, потому что, зная, что онъ не женится на дѣвушкѣ, онъ не долженъ былъ волновать ея неопытное сердце, не долженъ былъ вво-

сти доврчиваго старика въ заблужденіе — не долженъ былъ играть своими природными достоинствами и жертвовать для своей забавы спокойствіемъ цѣлаго семейства.

Баронъ опустилъ голову. —

Въ томъ же городкѣ жилъ другой молодой человекъ, не блистательный, безъ состоянія, безъ красной наружности. — Не имѣя блестящей будущности, онъ трудился неутомимо, чтобы, со временемъ, достать себѣ кусокъ хлѣба... Но и у него было, можетъ быть, сердце молодое, и онъ могъ любить... ну да не въ томъ дѣлю... Только онъ ничего не ожидалъ и ничего не надѣялся. — Понимаете?... Теперь буду говорить безъ обвиняющаго.

Когда вы уѣхали, всѣ въ городѣ знали, что Шарлотта васъ любила. Всѣ думали, по простымъ нашимъ понятіямъ, что бывши какъ женихъ въ домѣ, вы скоро пріѣдете къ свадьбѣ. — Но я одинъ васъ разгадалъ, и пошелъ знакомиться съ профессоромъ. Старикъ мнѣ рассказалъ, какъ онъ васъ любилъ, какъ онъ надѣялся, и какъ обманулся. Я предложилъ ему ѣхать въ Петербургъ, узнать, есть ли еще надежда на ваше возвращеніе... Я отправился. Въ то время вы волочились за княжной Красносельской. —

— Какъ вы знаете? воскликнулъ баронъ. —

— Знаю. Она вамъ отказала. Но для Шарлотты не было надежды. Тогда я на ней женился. — Только, видитъ Богъ, я не докучалъ ей страстью, которой она не могла раздѣлять. Я поклялся только быть ея защитникомъ и хранителемъ. Отецъ ея умеръ. Я перевезъ ее сюда, думая, что ей будетъ слишкомъ больно оставаться на мѣстѣ, гдѣ столько для нея грустныхъ

воспоминаній... Но она все была печальна и несчастлива. Это меня убивало. Вы не знаете, что значитъ казаться всегда беззаботнымъ и веселымъ, и такъ тяжелое горе на душѣ. Вдругъ вы пріѣхали. Я думалъ, что если жена моя васъ все еще любитъ, мнѣ останется убѣжать куда нибудь... потому что я все готовъ отдать для ея счастья. Или, если узнаетъ она, до какой степени вы принадлежите большому свѣту, то она снова можетъ обрѣсти душевный покой. Такъ живу я съ вашего пріѣзда, не требуя, но ожидая признанія. — Нынче она мнѣ все рассказала, она просила у меня прощенья, какъ будто бы она виновата, какъ будто я ничего не зналъ. — Она поручила мнѣ, слышите ли, она сама мнѣ поручила, сказать вамъ, что она проситъ васъ удалиться, потому что между свѣтскимъ щеголемъ и бѣдной аптекаршей не должно быть ничего общаго. Извините меня, если я васъ огорчаю. Но я исполняю долгъ свой. Неужели вы не исполните своего?

Яковъ! закричалъ баронъ... Ступай на почту за лошадыми.

Нѣсколько минутъ ни тотъ, ни другой не могли вымолвить слова.

Спасибо вамъ, сказалъ наконецъ аптекаръ. Вы однако же добрый человекъ. Свѣтъ васъ не совѣтъ еще испортилъ.

И вы еще меня благодарите? съ чувствомъ отвѣчалъ баронъ... Вы... передъ которымъ я долженъ бы былъ поклониться съ благоговѣніемъ?

Станный ихъ разговоръ принялъ тогда другое направленіе. Они начали вспоминать университетскіе го-

ды, своихъ общихъ товарищей, свою общую любовь... Они были какъ два человека, которые видятъ другъ друга въ первый разъ, и чувствуютъ непонятное влеченіе другъ къ другу. Оба замѣтили въ первый разъ, что въ ихъ наклонностяхъ, привычки въ сторону, было что то родственное, почти братское... У нихъ были почти тѣже отвращенія, тѣже желанія, и, въ сущности, имъ суждено было жить одной духовною жизнью, такъ какъ имъ суждено было любить одну женщину. А пока Яковъ радостно перетаскивалъ чемоданы и пристегивалъ ремни къ дорожной коляскѣ.

Наконецъ лошади приведены. Все готово... Баронъ и аптекаръ обнялись.

Поклонитесь ей, сказалъ, заплакавъ, баронъ.

Не забывайте насъ, отвѣчала печально аптекаръ. Они еще разъ обнялись.

Кучеръ махнулъ кнутомъ. Коляска покатила. — Когда аптекаръ возвратился домой, жена его, блѣдная, покрытая распущенными волосами, стояла на крыльцѣ, со свѣчей въ рукѣ, и трепетно ожидала его возвращенія.

Ну... что?... спросила она глухимъ голосомъ. —

Узналъ, отвѣчала Францъ Ивановичъ, потряхивая головой и потирая ладони. Теперь ты будешь спокойна.

— Уѣхалъ? протяжно сказала аптекарша. Уѣхалъ!

— Свѣча выпала изъ ея руки и она безъ чувствъ покатила на полъ.

Прошелъ годъ. Въ русскомъ городѣ мало переменъ. Гостининый дворъ нагнулся еще болѣе. Все гдѣ,

еще нѣсколько крышъ развалилось. Трогуары стали непроходимы.

Однажды, утромъ, знакомый намъ господинъ въ венгеркѣ, посидѣвъ въ лавкѣ купца Ворышева, попробовавъ новаго черпослива и старыхъ пряниковъ, пошелъ къ почтовому двору, узнать, нѣтъ ли проезжающихъ. Попрыгивая по грязнымъ тропинкамъ, онъ замѣтилъ идущаго къ нему на встрѣчу человека. Первымъ взглядомъ опытнаго провинціала, онъ заключилъ, что встрѣчный не изъ городскихъ, а вторымъ, что онъ ему не совѣтъ незнакомъ. Онъ подошелъ поближе и вдругъ остановился.

— Ба!... Баронъ!

— Здравствуйте.

— Что вы оиать къ намъ?

— Нѣтъ, я только проезжаю.

— А коляска ваша?...

— Она у почтоваго двора. Лошадой замладѣлиють, а пока я пошелъ прогуляться.

— Такъ-съ... какой хорошеенькой у васъ платочекъ носовой! Фуляровой что ли?

— Да.

— Ахъ! позвольте взглянуть. Очень мило. Баронъ вдругъ остановился и поблѣднѣлъ.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ онъ трететье, отъ чего въ аптекѣ снѣга вывѣска?

— Какъ, вы развѣ не знаете? —

— Нѣтъ.

— У насъ аптеки нѣтъ больше.

— А Францъ Ивановичъ?

- Перевхалъ въ губернской городъ. —
 — Право, отъ чего же?
 — Да такъ, послѣ несчастія не хотѣлъ оставаться.
 — Послѣ какого несчастія?
 — Какъ, вы и этого не знаете!...
 — Нѣтъ.
 — Шарлотта то Карловна...
 — Ну?...
 — Долго жить приказала. —
 — Умерла!?...

— Да вотъ никакъ ужъ четвертый мѣсяць. А я думалъ, что вы это знаете. Да, умерла бѣдняжка. Вѣдь, помните, хорошенькая была; хотъ бы въ столицѣ сказали бы, что хорошенькая. Право. —

— Она долго была больна? спросилъ съ усміемъ баропъ.

— Мѣсяцевъ восемь. Мужъ бѣдный не отходилъ отъ нея ни на шагъ. Да что тутъ дѣлать? Противъ чашотки нѣтъ средствъ. Вы пробудете день съ нами? Городничій нашъ женился на Полькѣ. У него можемъ отобѣдать. Знаете что, странность какая? Съ тѣхъ поръ какъ онъ женился, онъ совсѣмъ пересталъ хвалить Полькѣ. Пойдемте къ нему.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я сиышу въ Петербургъ.
Прощайте!

Изъ за угла показалась дорожная коляска.

Петербургъ, октябрь 1841.

Гр. В. Соллогубъ.

ВЫСОЧАЙШИЯ ОСОБЫ

УДОСТОИВШИЯ ПОДПИСАТЬСЯ

на

РУССКУЮ БЕСѢДУ.

Листов.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, ГОСУДАРЫНЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА.	1
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА.	2
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА.	2
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА.	2

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

Гг. ПОДПИСАВШИХСЯ

до 1-го Декабря 1841 года.

Экземп.

† АБАЗА, МИХАЙЛА ВАСИЛЬЕВИЧЪ, Полковникъ. <i>Въ Полтавѣ.</i>	1
— АВДУЛИНЪ, СЕРГѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ, Его Высокоблагородіе.	1
АГЕЕВЪ, Предводитель Дворянства. <i>Въ Александріи.</i>	1
АЗАРЬЕВА, НАСТАСЯ ИВАНОВНА. <i>Въ Валдаѣ.</i>	1
АНИЦЕВЪ, ПЕТРЪ МАТВѢЕВИЧЪ, Московскій купеческій сынъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
АКУТИНЪ, ИЖЕВЕРЪ-Поручикъ. <i>Въ Очаковѣ.</i>	1
АЛЕХИНЪ, Канитанъ.	1
АЛЛАЛУЙЕВЪ, ПАВЕЛЪ ДМИТРИЕВИЧЪ, Московскій 1-й гильдинъ купецъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
АЛФЕРОВА, ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА, Ея Высокоблагородіе. <i>Въ Алферовѣ.</i>	1
АНГЛІЙСКІЙ КЛУБЪ.	1
АНДРІАНОПОЛЬСКІЙ, НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧЪ, Флота Лейтенантъ. <i>Въ Ромнахъ.</i>	1
АНДРІЕВСКІЙ, ПОДПОЛКОВНИКЪ, Командиръ Линейнаго Сибирскаго № 12 баталіона. <i>Въ Красноярскѣ.</i>	1
АНЕНКОВЪ, ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, Полковникъ.	1
АНТОНСКІЙ, ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧЪ, Его Высокоблагородіе.	1

	<i>Экземп.</i>
+ АПРАКСИНЪ, Графъ.	1
+ АРГАМАКОВЪ, СЕМЕНЪ ТРОФИМОВИЧЪ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ.	1
+ АРНОЛЬДИ, ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ, Генераль-Лейтенантъ, Командиръ Конно-Артиллерійскаго резерва. <i>Въ</i> <i>Саратовъ.</i>	1
+ АРСЕНЬЕВЪ, СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
+ АФАНАСЬЕВЪ, ИВАНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ, Московскій ку- пецъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	2
АХМАТОВЪ, ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ, Полковникъ Горныхъ Инженеровъ. <i>Въ Златоустовскомъ Заводѣ.</i>	1
БАЙШЕВЪ, СТЕПАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ, Генераль-Маіоръ. <i>Въ Усмани.</i>	1
БАЛАХОНЦЕВЪ, ПЕТРЪ Коллеж. Секретарь. <i>Въ Илецкой заштукѣ.</i>	1
БАВТЕЛЪ.	1
+ БАРТОЛОМЕЙ, ВЛАДИМИРЪ ФЕДОРОВИЧЪ, Почтмейстеръ. <i>Въ Радзивиловѣ.</i>	1
БАСТІОНЪ, АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ, Коллеж. Совѣтникъ.	1
+ БЕКЛЕМИШЕВЪ, Корнетъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
+ БЪЛЯКЪ, АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Калугѣ.</i>	1
+ БЕРЕЗНИКОВЪ, ГРИГОРІЙ Ржевскій Мѣщанинъ. <i>Въ Нижнеудинскѣ.</i>	1
БЕТГЕРЪ.	1
БЕТУЛИНСКІЙ, ЕФИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, Его Высокородіе. <i>Въ Бѣлицѣхъ.</i>	1
+ БЕТХЕРЪ, НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ, Коллеж. Совѣтникъ.	1
+ БИБИКОВЪ, НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.	1
БИБЛИОТЕКА 17 Артиллерійской Бригады.	1
БИБЛИОТЕКА Военнаго Госпиталя. <i>Въ Гельсингфорсѣ.</i>	1
БИБЛИОТЕКА Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка.	1

Библиотека Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка. <i>Въ Новгородъ.</i>	1
Библиотека Лейбъ Гвардіи Измайловскаго полка.	1
Библиотека Лейбъ-Гвардіи Конно - Гренадерскаго полка.	1
Библиотека Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка.	1
Библиотека Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.	1
Библиотека Морская. <i>Въ Севастополь.</i>	1
Бобылевъ, Ѳедотъ Ѳедотовичъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
+ Богдановичъ, Подпоручикъ. <i>Въ Волчанскѣ.</i>	1
o — Богусевскій, Полковникъ. <i>Въ Орлѣ.</i>	1
Большое Гражданское Общество.	1
Бондыревъ, Василій Максимовичъ, Штабъ - Ротмистръ. <i>Въ Городкѣ.</i>	1
Борисовъ, Егоръ Ивановичъ, купецъ. <i>Въ Твери.</i>	1
Борнманъ, Александръ Андреевичъ.	1
Боровковъ, Сенаторъ.	1
Борозда, Иванъ Петровичъ, Коллежскій Секретаръ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Бочковъ, Петръ Алексѣевичъ.	8
Брянчаниновъ, Викторъ Петровичъ, Гвардіи - Капитанъ. <i>Въ Тимѣ.</i>	1
+ Бревернъ, Логивъ Ивановичъ, Ротмистръ Гусарскаго Его И. В. Герцога Лейхтенбергскаго полка. <i>Въ Переяславль-Залесскомъ.</i>	1
Будасій, Степанъ Губернскій Секретаръ. <i>Въ Александріи.</i>	1
Будзъ - Виницкій, Александръ Михайловичъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Бурачекъ.	1
+ Бутовичъ, Захаръ Алексѣевичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Пирятинѣ.</i>	1

Экземп.

Бутримовъ, Иванъ Александровичъ, Дѣйствиельный Статскій Совѣтникъ.	1
Бушенъ, Алексѣй Хрестіановичъ.	1
† БЫРАНИНЪ, Михайла Петровичъ, Подполковникъ. Въ Кромахъ.	1
Бѣлавинъ, Борисъ Петровичъ, Его Высокоблагородіе. Въ Москвѣ.	1
Бѣлавинъ, Василій Ивановичъ, Его Высокоблагородіе. Въ Москвѣ.	1
† Бѣловодскій, Константинъ Семеновичъ, Подполков- никъ. Въ Рязани.	1
Бавулинъ, Акимъ Федоровичъ, купецъ. Въ Торжскѣ.	1
Варгинъ, Василій Васильевичъ, Серпуховской 2-ой гильдіи купецъ. Въ Москвѣ.	1
† ВЕДЕМЕЕРЪ, Александръ Александровичъ, Штабсъ- Капитанъ.	1
† ВЕЛИКОПОЛЬСКІЙ, Иванъ Ермолаевичъ, Маіоръ. Въ Старицѣ.	1
† ВЕЛЬГОРСКІЙ, Графъ Матвей Юрьевичъ.	1
Венцель, Полковникъ.	1
ВЕРДЕЛЕВСКІЙ, Алексѣй Евграфовичъ, Полковникъ.	1
ВЕРСТОВСКІЙ, Дмитрій Николаевичъ, Маіоръ 1 ^{го} Орен- бургскаго Козачьяго полка. Въ Уфѣ.	1
ВЕРШНИНЪ, Александръ Михайловичъ, купецъ. Въ Вышнемъ Волочкѣ.	1
ВЕСЕЛКОВЪ, Василій Михайловичъ, Надворный Совѣт- никъ.	1
ВШИГЕБЕРЪ, Ковдрать Ивановичъ, содержатель ти- пографіи.	1
† Виноградовъ, 9 ^{го} класса. Въ Симбирскѣ.	1
Владиславлевъ, Владиміръ Андреевичъ, Его Высоко- благородіе.	1

Вороновъ, Николай Алексѣевичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Ветлугѣ.</i>	1
Вукулова, Елисавета Юрьевна. <i>Въ Харьковѣ.</i>	1
Гагринъ, Маіоръ, Командиръ Сибирскаго Линейнаго Баталіона. <i>Въ Нерчинскомъ заводѣ.</i>	1
Ганнибалъ, Семенъ Исаіевичъ, Чиновникъ 12 класса.	1
Гардкръ, Егоръ Давыдовичъ, Полковникъ.	1
Гильтебрандъ, Прапорщикъ и библіотекаръ Конной батареи, № 17 и 18. <i>Въ Изюмѣ.</i>	1
+ Глазуновъ, Андрей Васильевичъ, Книгопродавецъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	25
+ Глазуновъ, Илья Ивановичъ, Спб. Книгопродавецъ.	4
+ Глазуновъ, Михайла Ивановичъ, Спб. Книгопродавецъ.	1
Глеймъ, Христіанъ Васильевичъ, Коллежскій Советникъ. <i>Въ Иркутскѣ.</i>	1
Голиневичъ, Николай Ивановичъ, Коллеж. Ассесоръ, Казначей Казенной Палаты. <i>Въ Минскѣ.</i>	1
+ Голенищевъ-Кутузовъ, Сергій Полковникъ. <i>Въ Сумахъ.</i>	1
+ Голицынъ, Князь С. С.	2
+ Головинъ, Иванъ Даниловичъ, Поручикъ. <i>Въ Бѣлозерскѣ.</i>	1
Головкинъ, Семенъ Ивановичъ, Его Благородіе. <i>Въ Вольскѣ.</i>	1
Голубковъ, Платонъ Васильевичъ, Надворный Советникъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Голышевъ, Савелій Даниловичъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	3
Гомзинъ, Алексій Гавриловичъ, Дѣйствительный Статскій Советникъ.	1
Горевъ, Иванъ Ивановичъ, Маіоръ. <i>Въ Петровскѣ.</i>	1
Гороховъ, Иванъ Митрофановичъ, Шадринскій купецъ.	1
Грековъ, Алексій Федоровичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Москвѣ.</i>	1

Экземп.

ГРЕЧНИКОВЪ, КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ. <i>Въ Осташи- ковъ.</i>	1
+ ГРИГОРЬЕВЪ, ВАСИЛІЙ СЕРГЬЕВИЧЪ, Коллеж. Ассесоръ, Штатный Смотритель. <i>Въ Новоржевъ.</i>	1
+ ГРИГОРЬЕВЪ, ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ, Книгопродавецъ. <i>Въ Одессъ.</i>	10
ГРИДИНЪ, купецъ 2-ой Гильдіи. <i>Въ Вологдъ.</i>	1
ГУБИНЪ, ПАВЕЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ, Надворный Совѣтникъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
ГУНДОБИНЪ, ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, 2-ой Гильдіи куческой братъ. <i>Въ Муромъ.</i>	1
+ ГУСЕВЪ.	1
ГУСЕВЪ, АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
+ ДАВЫДОВЪ, ВЛАДИМИРЪ ПЕТРОВИЧЪ.	1
+ ДАНИЛЕВСКІЙ, НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ, Чиновникъ Про- віантской Коммисіи 10 го класса. <i>Въ Саратовъ.</i>	1
+ ДАРАГАНЪ, МАКСИМЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ, Коллеж. Секретаръ. Дворянское Училище. <i>Въ Вилькомиръ.</i>	1
ДЕВИЕРЪ, Графъ АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ. <i>Въ Ва- луйкахъ.</i>	1
ДЕЗАРНО, ЮСИФЪ АВГУСТИНОВИЧЪ. Его Благородіе.	1
ДЕПАРТАМЕНТЪ, Строит. Морскаго Министерства.	1
ДЕРНОВЪ, ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ, Мѣщанинъ. <i>Въ Ко- стромъ.</i>	1
ДИТЛОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ МАРКЕЛОВИЧЪ, Коллеж. Совѣтникъ.	1
ДМИТРИЕВЪ, ИВАНЪ ПРОКОФЬЕВИЧЪ, Контръ-Адмиралъ. <i>Въ Николаевъ.</i>	1
+ ДОЛГОРУКОВЪ, КНЯЗЬ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.	1
+ ДОЛГОРУКОВЪ, КНЯЗЬ ПЕТРЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.	1
+ ДРУЦКІЙ - СОКОЛЬНИЦКІЙ, КНЯЗЬ И. Г. <i>Въ Красномъ.</i>	3
+ ДУБЕНСКАЯ, ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕВНА, Ея Высокобла- городіе. <i>Въ Судогдъ.</i>	1

Дувинъ, Лукъ Урядный Казначей. <i>Въ Бобринцѣ.</i>	1
Евсюковъ, Порфирій Михайловичъ.	1
Ертовъ, Иванъ Давыдовичъ, Спб. купецъ.	1
Есауловъ, Викторъ Павловичъ, Инженеръ-Капитанъ.	1
Есиповъ. <i>Въ Москву.</i>	1
Ждановъ, Александръ Яковлевичъ, купеческій сынъ.	1
Жедимировскій, Алекоій Ивановичъ.	1
Жемчужниковъ, Александръ Лукичъ. Титул. Совѣт.	1
Жернаковъ, Константинъ Ивановичъ, Спб. купеческій сынъ.	0
Жмакинъ, Александръ Яковлевичъ, Тайн. Совѣтникъ.	1
Жуковский-Прокофьевъ, Михайла Григорьевичъ, Поручикъ. <i>Въ Роменъ.</i>	1
Журавка, Автоновъ Коллеж. Ассесоръ. <i>Въ Болховъ.</i>	1
Заборовскій; Владиславъ Ивановичъ, Титулярный Совѣтникъ. <i>Въ Вильно.</i>	1
Забутскій, Полковникъ.	1
Заворовъ, Василій Федоровичъ, 1-ой Ракетной Батареи Поручикъ, <i>Въ Новой Ладогѣ.</i>	1
Занкинъ, Петръ Никитичъ, Спб. Книгопродавецъ.	3
Закайдаковъ, Алексѣй Яковлевичъ.	1
Зборомирскій, Николай Николаевичъ, Полковникъ. <i>Въ Суджѣ.</i>	1
Зеленинъ, Павелъ Дмитриевичъ, Его Высокоблагородіе.	1
Знобичинъ Валеріанъ Степановичъ, Коллеж. Совѣтникъ.	1
Ивановскій, Андрей Андреевичъ, Статскій Совѣтникъ. <i>Въ Новоржевъ.</i>	1
Ивановъ.	1
Игнатьевъ, Алексѣй Николаевичъ, Ротмистръ. <i>Въ Новгородъ.</i>	1
Изъединовъ, Василій Львовичъ, Коллеж. Секретарь.	1

Нльенко Титулярный Совѣтникъ.	1
Нльинскій, Подполковникъ. Командиръ Владикавказскаго Козачьяго полка. <i>Въ Владикавказской Крѣпости.</i>	1
+ Нльинъ, Павелъ Васильевичъ, Статскій Совѣтникъ.	1
Нигльдѣевъ, Александръ Михайловичъ, Коллеж. Ассесоръ. <i>Въ Витебскѣ.</i>	1
Ислаевъ, Титулярный Совѣтникъ. <i>Въ Оренбурѣ.</i>	1
+ Истоминъ, Книгопродавецъ. <i>Въ Варшавѣ.</i>	3
Иевлевъ, Александръ Акимовичъ, Поручикъ. <i>Въ Ардатовѣ.</i>	1
Юлшинъ, Полковникъ Корпуса Жандармовъ. <i>Въ Брестъ-Литовскомъ.</i>	1
+ Юсифъ, Архіепископъ Литовскій.	1
+ Каблуковъ, Владимиръ Васильевичъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
— Казимъ, Дмитрій Нилловичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.	1
Калатинскій, Его Превосходительство.	1
Капканщиковъ, Петръ Ивановичъ, купческій сынъ. <i>Въ Воронежѣ.</i>	1
Карabanовъ, Лекаръ, Ординаторъ Херсонскаго Военнаго Госпиталя. <i>Въ Херсонѣ.</i>	1
Каржавинъ, Александръ Васильевичъ, Прапорщикъ 8-ой Артиллерійскій Бригады. <i>Въ М. Гомель.</i>	1
Кармановъ, Коллежскій Ассесоръ.	1
— Карниловъ, Василій Савиновичъ.	1
+ Карповъ, Федоръ Ивановичъ, Коллеж. Секретарь. <i>Въ Балшиовѣ.</i>	1
Карташевъ, Андрей Ивановичъ, Полковникъ. <i>Въ Тамбовѣ.</i>	1
Касянова, Александра Егоровна, Статская Совѣтн. <i>Въ Кременчугѣ.</i>	1

Кашинцевъ, Николай Андреевичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Кельчевскій, Феликсъ Ивановичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.	1
Кирилловичъ, Иванъ Коллеж. Ассесоръ, Штабъ-Лекаръ.	1
Киселевъ, Петръ Максимовичъ, купецъ. <i>Въ Тамбовѣ.</i>	1
Кишинскій, Н. Н. Гвардіи Поручикъ.	1
Ковалевскій, Акимъ Яковлевичъ, Статскій Совѣтъ. <i>Въ Екатеринославль.</i>	1
Ковригинъ, Афанасій Никифоровичъ.	1
Козляшновъ.	1
Кокуевъ, Арзамасскій купецъ, Управляющій Питейнымъ Откупомъ. <i>Въ Ярославль.</i>	1
Колосовъ, Иванъ Николаевичъ. <i>Въ Людиновскомъ Горномъ Заводѣ.</i>	1
Командиръ 41-го Флотскаго Экипажа. <i>Въ Севастополь.</i>	1
Командиръ Тобольскаго Пѣхотнаго полка. <i>Въ Тульчинь.</i>	1
Командующій 5-ю Конно-Артиллерійскою Бригадою. <i>Въ Екатеринославль.</i>	1
Кондратьева, Юлія Семеновна, Ея Благородіе. <i>Въ Купянскѣ.</i>	1
Корфъ, Баронъ Николай Андреевичъ, отставный Полковникъ.	1
Костаревъ, Домитій Юрьевичъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Котляревскій, Петръ Степановичъ, Генераль отъ Инфантеріи. <i>Въ Θεодосіи.</i>	1
Кохановской, Афанасій Ивановичъ, 7-го класса. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Кочубей, Александръ Васильевичъ, Тайный Совѣтникъ.	1
Кочубей, Аркадій Васильевичъ, Его Превосходительство.	1

Экземп.

+ Крыловъ, Тимофѣй Скуменовичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.	1
Кугушевъ, Князь Василій Михайловичъ. <i>Въ Козловъ.</i>	1
+ Кузнецовъ, Александръ Козмичъ.	1
Кункинъ, Илья Алексѣевичъ, купеческій сынъ.	1
Курномалѣевъ, Скуменъ Ивановичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Буль.</i>	1
+ Лаваль, Графиня Софья Григорьевна.	1
Ладожинской, Александръ <i>Въ Сердобскъ.</i>	1
Лапотниковъ, Купецъ, табачный фабрикантъ.	1
Латкинъ, Василій Николаевичъ, купецъ.	1
+ Левшинъ, Иванъ Гавриловичъ, отставной Маіоръ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
+ Левшинъ, Левъ Васильевъ, Подполковникъ. <i>Въ Блужевъ.</i>	1
Леонардъ, Филаретъ Петровичъ.	1
+ Леоновъ, Иванъ Федоровичъ, Профессоръ Медико-Хирургической Академіи. <i>Въ Вильнѣ.</i>	1
Лихаревъ, Петръ Николаевичъ, Капитанъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Лихачевъ, Иванъ Павловичъ, Почет. Гражданинъ.	1
+ Локотниковъ, Гавриилъ Ивановичъ, Спб. купецъ.	1
+ Лонгиновъ, Никаноръ Михайловичъ, Его Превосходительство. <i>Въ Изюмъ.</i>	1
+ Лопатинъ, Северіанъ Никитичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Самарѣ.</i>	1
Лукинъ, Николай Петровичъ, Маіоръ. <i>Въ Кизлярѣ.</i>	1
⊗ Лукошкинъ, Матвѣй Артемьевичъ, 8-го класса. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
+ Львовъ, Князь Владиміръ Владимировичъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Любимовъ, Павелъ Ивановичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
М. К. Ф.	1

МАГАЗИНЕРЪ, МАРКЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ.	1
→ МАЙКОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, ЕГО ВЫСОКОБЛАГО- ГОРОДИЕ. <i>Въ Ярославль.</i>	1
• МАЙКОВЪ, НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, ЕГО ВЫСОКОБЛАГО- ГОРОДИЕ. <i>Въ Ярославль.</i>	1
→ МАРТЫНОВЪ, ДИРЕКТОРЪ ДИЪПРОВСКИХЪ ПОРОГОВЪ. <i>Въ Екатеринославль.</i>	1
→ МАСЛОВЪ.	1
→ МАТВѢЕВЫ, МОСКОВСКІЕ 1 ОЙ ГИЛЬДИИ КУПЕЦ. БРАТЬЯ. <i>Въ Москвь.</i>	1
МЕДОВИКОВА, АНФИСА АЛЕКСАНДРОВНА, ПОЧЕТ. ГРАЖД- ДАНКА. <i>Въ Нижнемъ Новгородѣ.</i>	1
МЕЖЕВИЧЪ, ВАСИЛІЙ СТЕПАНОВИЧЪ, ЕГО ВЫСОКОБЛАГОР. МЕСНЯЕВЪ, ВЛАДИМИРЪ СУМСКІЙ КУПЕЦ. СЫНЪ. <i>Въ Николаевъ.</i>	1
МЕСНЯЕВЪ, НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, КУПЕЦЪ. <i>Въ Сумахъ.</i>	1
МИЗКО, НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧЪ, ГУБЕРНСКІЙ СЕКРЕТАРЬ. <i>Въ Екатеринославль.</i>	1
МИКЛАШЕВСКІЙ, МИХАЙЛА АНДРЕЕВИЧЪ, БЯ ВЫСОКОБЛА- ГОРОДИЕ. <i>Въ Москвь.</i>	1
• МИЛЛЕРЪ, ПЕТРЪ АНТОНОВИЧЪ, НАДВОРНЫЙ СОВѢТНИКЪ.	1
МИНИЕВЪ, СЕМЕНЬ ПЕТРОВИЧЪ, ПОЧЕТ. ГРАЖДАНИНЪ.	1
МИХАЛЕВЪ, ПАВЕЛЪ ОСИПОВИЧЪ, МОСКОВСКІЙ КУЩЕЧЕСКІЙ СЫНЪ. <i>Въ Москвь.</i>	1
• МУСИНА ПУШКИНА, ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА, ЕГО ВЫСОКО- БЛАГОРОДИЕ. <i>Въ Москвь.</i>	1
МЫШИЦКАЯ, КНИГИНЯ ЮЛІЯ НИКОЛАЕВНА. <i>Въ Суджѣ.</i>	1
МЯСНИКОВЪ, АНДРЕЙ ГАВРИЛОВИЧЪ, КНИГОПРОДАВЕЦЪ. <i>Въ Казань.</i>	1
МЯТЛЕВЪ, ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ, ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО.	1
МЯЧКОВЪ, КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, БЯ БЛАГОРОДИЕ. <i>Въ Торжскъ.</i>	1

Нагвешинъ, Матвей Афанасьевичъ, Коллежскій Ассесоръ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Паумовъ, купецъ.	1
Неизвѣстный. <i>Въ Владимиръ Губ.</i>	1
Неизвѣстный.	5
Неокладной, Иванъ Борисовичъ, Московскій купеческій сынъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Нерутовъ, Василій Яковлевичъ, Его Высокоблаг.	1
+ Никитинъ, Александръ Никитичъ, Докторъ.	1
+ Никитинъ, Петръ Никитичъ, Титулярный Совѣтникъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
+ Никифоровъ, Федоръ Ивановичъ, Предводитель Дворянства. <i>Въ Пензѣ.</i>	1
Николаевъ; Сергѣй Сергѣевичъ, Подполковникъ. <i>Въ Дорогобужѣ.</i>	1
Никольскій, Василій Николаевичъ, Управляющій имѣніемъ Г-на Талызина. <i>Въ Балашихѣ.</i>	1
+ Новиковъ, Михайла Васильевичъ, Его Благородіе. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Оболонскій, Евстафій Ивановичъ, Штабсъ-Ротмистръ. <i>Въ Переяславль-Залескомъ.</i>	1
+ Озвешинъ, Дмитрій Петровичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Корсунѣ.</i>	1
+ Олевинъ, Михайла Ивановичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Екотавскѣ.</i>	1
Олышевъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Барнауль.</i>	1
+ Орловъ, Александръ Филипповичъ, Его Благородіе. <i>Въ Омскѣ.</i>	1
Орловъ, Графъ Николай Алексѣевичъ, Его Сіятельство.	1
+ Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ, Его Превосходительство.	1
Панина, Графиня Софія Владиміровна. <i>Въ Москвѣ.</i>	1

XVIII

Диссерт.

Панинъ, Графъ Викторъ Никитичъ, Министръ Юстиціи.	1
+ Пенхержевскій, Полковникъ. <i>Въ Ельць.</i>	1
Перфиловъ, Сергій Климовичъ. Его Благородіе. <i>Въ Москву.</i>	1
+ Петерсонъ, Полковникъ.	1
Петковичъ, Михайла Ильичъ, Маіоръ. <i>Въ Чигиринъ.</i>	1
Печерникъ, Евменій Подполковникъ. <i>Въ Пензѣ.</i>	1
Платоновъ, Николай Александровичъ, купецъ. <i>Въ Слободскомъ.</i>	1
Погонато, Иванъ Васильевичъ, Маіоръ. <i>Въ Таганрогъ.</i>	1
Подановскій, Докторъ Медицины. <i>Въ Богословскомъ Заводъ.</i>	1
+ Позень, Михайла Павловичъ, Статсъ-Секретарь.	1
+ Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ, Книгопродавецъ. <i>Въ Москву.</i>	74
+ Полевой, Павелъ Ивановичъ, Книгопродавецъ. <i>Въ Курскъ.</i>	5
+ Полевой, Петръ Алексѣевичъ, Поручикъ. <i>Въ Москву.</i>	1
Полежаевъ, Николай Михайловичъ, купецъ.	1
+ Полозовъ, Андрей Александровичъ, <i>Въ Кузнецкъ.</i>	1
+ Поляскій, Владиміръ Ивановичъ, Капитанъ 2-го ранга. <i>Въ Севастополь.</i>	1
+ Поляскій, Николай Поручикъ. <i>Въ Рыльскъ.</i>	1
+ Полтарацкой, Сергій Дмитріевичъ, Его Благородіе. <i>Въ Калугу.</i>	1
Помичъ, Полковникъ.	1
+ Пономаревъ, Христофоръ Яковлевичъ, Надворный Совѣтникъ.	2
Поповъ, Александръ Алексѣевичъ, Поч. Гражданинъ. <i>Въ Рыбинскъ.</i>	1
+ Поповъ, Василій Михайловичъ. <i>Въ Москву.</i>	1
Поповъ, Петръ А. Его Высокоблагородіе. <i>Въ Одессу.</i>	1

Энцикл.

Поросенковъ, Кунецъ 1-ой Гильдіи. <i>Въ Нижнемъ-Новгородѣ.</i>	1
Потановъ, Александръ Львовичъ.	1
+ Потемкинъ, Николай Васильевичъ, Артиллеріи Генераль-Маіоръ. <i>Въ Омскѣ.</i>	1
Похорскій, Андрианъ Ивановичъ, изъ дворянъ.	1
Прасловъ, Егоръ Афанасьевичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Мосальскѣ.</i>	1
Приваловъ, Иванъ Васильевичъ.	1
+ Протасовъ, Горныхъ Инженеровъ Подполковникъ. <i>Въ Богословскомъ Заводѣ.</i>	1
Прохоровъ, Амвросій Ивановичъ, Поч. Гражданинъ. <i>Въ Бѣлевѣ.</i>	
Рабусъ, Карлъ Ивановичъ, Его Высокобл. <i>Въ Москвѣ.</i>	
Ранцевичъ, Юсифъ Марковичъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Ратищевъ, Иванъ Васильевичъ, Подполковникъ. <i>Въ Калугѣ.</i>	1
Резровъ, Алексій Федоровичъ, Его Превосходительство. <i>Въ Ставрополѣ Кавказскомъ.</i>	1
Рербергъ, Генераль-Маіоръ, Командиръ 14-ой Артиллерійской Бригады. <i>Въ Таганрогѣ.</i>	1
Рогачевъ, Федоръ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ. <i>Въ Казани.</i>	1
+ Роде, Александръ Коллеж. Совѣтн. <i>Въ Гродно.</i>	1
+ Розингъ, Александра Семеновна.	1
+ Романовъ, Владиміръ Павловичъ, Капитанъ-Лейтенантъ. <i>Въ Чижиригѣ.</i>	1
+ Ростиславлевъ.	1
+ Ростовцовъ, Дмитрій Ивановичъ, Поручикъ. <i>Въ Задонскѣ.</i>	1
Рохмановъ, Василій Платоновичъ. <i>Въ Макарьевѣ.</i>	1
Ртищевъ, Иванъ Васильевичъ, Подполковникъ. <i>Въ Калугѣ.</i>	1

Рыбникова, Елена Петровна, Московская купчиха. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Сантъ, Графиня Юанна Францовна. <i>Въ Коломнѣ.</i>	1
Сафоновъ, Его Высокоблагородіе.	1
Сахаровъ, Василій Сергѣевичъ, Его Высокоблагородіе.	1
Свенске, Карлъ Федоровичъ, Коллеж. Советникъ.	1
Сверьевъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Свѣтчинъ, Никаноръ Михайловичъ, Его Превосходительство.	1
Секряковъ, Михайла Васильевичъ, Штабсъ-Ротмистръ. <i>Въ Новочеркасскѣ.</i>	1
Сергѣевъ, Николай Сергѣевичъ, Управляющій иштейнымъ сборомъ. <i>Въ Грайворонѣ.</i>	1
Синельниковъ, Иванъ Васильевичъ, Полковникъ.	1
Смѣловъ, Иванъ Васильевичъ. <i>Въ Людиновономъ Горномъ Заводѣ.</i>	1
Смѣловъ, Петръ Акимовичъ. <i>Въ Людиновономъ Горномъ Заводѣ.</i>	1
Сноновъ, Андрей Аввакумовичъ, купецъ.	1
Снѣжковъ, Николай Николаевичъ, Майоръ.	1
Соболевскій 2 ой, Штабсъ-Капитанъ. <i>Въ Таганрогѣ.</i>	1
Соймоновъ, Николай Ивановичъ, Его Высокоблаг.	1
Солдатенковъ, Козьма Терентьевичъ, Московской 1 ой Гильдіи купецъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Соловьевъ, Феоментъ Гавриловичъ, Коллежскій Ассесоръ. <i>Въ Петрозаводскѣ.</i>	1
Сонинъ, Дмитрій Ивановичъ, Инженеръ-Полковникъ. <i>Въ Тифлиси.</i>	1
Спирядовъ, Андрей Матвѣевичъ, Коллежскій Ассесоръ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Спѣшиловъ, Алексѣй Яковлевичъ, Вологодскій купецъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1

Экземпл.

→ Станкевичъ, Владиміръ Ивановичъ, Поручикъ. Въ <i>Острогѣжскъ.</i>	1
→ Станюковичъ, Иванъ Ефимовичъ. Его Высокоблагородіе. Въ <i>Дорогобужскъ.</i>	1
СТЕБЛИНЪ-КАШИНСКІЙ, Павелъ Степановичъ, Надв. Совѣтникъ. Въ <i>Полтавскъ.</i>	1
СТЕПАНОВСКІЙ, Лука Чиновникъ Губернскаго Правленія. Въ <i>Каменецъ-Подольскъ.</i>	1
СТРАХОВЪ, Полковникъ.	1
→ СТРОГОНОВЪ, Алексѣй Афанасьевичъ, Купецъ.	1
→ СУВОРОВЪ-РЫШНИКСКІЙ, графъ Александръ Аргудьевичъ, Князь Италійскій, Генералъ-Маіоръ. Въ <i>Старой - Русси.</i>	1
→ СУВОРОВЪ, Степанъ Фаддеевичъ, Его Высокоблагородіе. Сургучовъ, Дмитрій Александровичъ, купецъ.	1
→ СУХОЗАНЕТЪ, Бя Превосходительство.	1
СУХОРУКОВА, Дѣвица Елисавета Афанасьевна, дочь Маіора. Въ <i>Александровскъ.</i>	1
→ ТАРНОВСКІЙ, Григорій Степановичъ, Статскій Совѣтникъ. Въ <i>Прилукахъ.</i>	1
→ ТАРНОВСКІЙ, Михайла Петровичъ, Подпоручикъ. Въ <i>Балашовскъ.</i>	1
→ ТАТАРИНОВЪ, Генералъ-Маіоръ. Въ <i>Томскъ.</i>	1
ТАТАРУЛЬКОВЪ.	1
ТЕРЛИКОВЪ, Александръ Павловичъ.	1
ТЕРНИГОВЕВЪ, Николай Николаевичъ, Его Высокоблагородіе. Въ <i>Козловскъ.</i>	1
ТИМОФѢВСКІЙ, Осипъ Лукичъ, купецъ. Въ <i>Крестцахъ.</i>	1
→ ТИМОФѢВЪ, Коллежскій Ассесоръ	1
→ ТИТОВЪ, Александръ Петровичъ, Его Высокоблагородіе. Въ <i>Великихъ Лукахъ.</i>	1
→ ТИТОВЪ, Алексѣй Михайловичъ, Московской 1-ой Гильдіи купецъ. Въ <i>Москву.</i>	1

Тиховъ, Владимиръ Григорьевичъ, Надворный Со- вѣтникъ.	1
+ Толстой, Графъ.	2
+ Толстой, Графъ Константинъ Петровичъ.	1
Топорковъ, Матвей Ивановичъ, Надворный Совет- никъ. Въ <i>Тобольскъ</i> .	1
Торлецкой, Александръ Логиновичъ, 1-ой Гильдіи купецъ. Въ <i>Москву</i> .	1
Третьяковъ, Московской 1-ой Гильдіи купецъ. Въ <i>Москву</i> .	1
Третьякъ, Иванъ Карьевичъ, Коллежскій Секре- тарь. Въ <i>Хороль</i> .	1
Трипольскій, Афанасій Прокофьевичъ, Капитанъ. Въ <i>Никополь</i> .	1
Уральскій. Въ <i>Москву</i> .	1
+ Устиновъ, Федоръ Федоровичъ, Книгопродавецъ.	1
Уткинъ, Николай Ивановичъ, Заслуженный Профес- соръ Императорской Академіи Художествъ.	1
Ушаковъ, Алексій Павловичъ, Его Превосходитель- ство.	1
Филипповъ, Денисъ Евсигневичъ, Коллежскій Со- вѣтникъ.	1
Филомаентскій, Алексій Матвѣевичъ, Профессоръ Московского Университета. Въ <i>Москву</i> .	1
+ Фирсовъ, Почетный Смотритель Училищъ. Въ <i>Остро- гожскъ</i> .	1
Фонъ Кохъ, Петръ Филипповичъ, Статскій Совет- никъ. Въ <i>Клину</i> .	1
Францнъ.	1
+ Фроловъ, Иванъ Михайловичъ, Коллежскій Ассесоръ. Въ <i>Моршанскъ</i> .	1
Ханыковъ, Платонъ Васильевичъ, 4-го класса.	1
Хвоцинскій, Подполковникъ. Въ <i>Екатеринбургъ</i> .	1

Экземп.

Хвошчинскій, Федоръ Егоровичъ, Подпоручикъ. Въ <i>Козловъ.</i>	1
Холмушинъ, Книгопродавецъ.	2
Холодовскій, Иванъ Григорьевичъ, Тит. Совѣтникъ.	1
Холодовскій, Кирила Григорьевичъ, Стат. Совѣтникъ.	1
+ Храповицкій, Матвѣй Евграфовичъ, Его Высокопре- восходительство Г-нъ Генералъ отъ Инфантеріи и Генералъ - Адъютантъ.	1
+ Христіани, Василій Христіановичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.	1
Хрусталева, Его Высокоблагородіе. Въ <i>Одессъ.</i>	1
Хрущовъ, Александръ Дмитріевичъ. Въ <i>Сумахъ.</i>	1
Царскій, Иванъ Никитичъ, Московскоѣ 1-ой Гильдіи купецъ. Въ <i>Москву.</i>	1
Цимбалстовъ, Андрей Васильевичъ, Его Благородіе. Въ <i>Новоміроградъ.</i>	1
Цыганковъ, Капитанъ 6-го Сапернаго баталіона. Въ <i>мѣст. Бѣлая Церковь.</i>	1
Цыпскій, Левъ Михайловичъ, Свиты Его Император- скаго Величества Генералъ - Маіоръ. Въ <i>Москву.</i>	1
Чайковскій - Шталь, Инженеръ Капитанъ, Управ- ляющій 3-ю дирекцію Варшавскоѣ Телеграфиче- скоѣ Линіи. Въ <i>Динабуръ.</i>	1
Череповъ, Михайла Ивановичъ, Коллежскій Ассе- соръ. Въ <i>Путимль.</i>	1
Черкезовъ, Петръ Анастасьевичъ	1
+ Чернявскій, Корабельный Инженеръ - Капитанъ. Въ <i>Николаевъ.</i>	1
+ Чертковъ, Дмитрій Николаевичъ, Его Высокоблагоро- діе. Въ <i>Воронежъ.</i>	1
Чеснокъ 4-ой, Инженеръ - Штабсъ - Капитанъ. Въ <i>Тирасполь.</i>	1

Чмутовъ, Поручикъ Корпуса Путей Сообщенія. Въ <i>Бронницахъ.</i>	1
Шамшевъ, Генераль - Маіоръ. Въ <i>Новочеркаскъ.</i>	1
Шелеховъ, купецъ.	1
Шереметьева, Графиня.	1
Шернигинъ, Юсупъ Филипповичъ, Поручикъ. Въ <i>Болхоовъ.</i>	1
Шкрстовитовъ, Матвѣй Евдокимовичъ. Въ <i>Саратовъ.</i>	1
Ширинская - Шихматова, Княгиня. Въ <i>Павлоградъ.</i>	1
Шинкинъ, Иванъ Тимофеевичъ, Надвор. Совѣтникъ.	1
Шеларевичева, Барбара Ивановна, Ея Благородіе. <i>Въ Новой-Цркви.</i>	1
Шмитъ, Инженеръ - Поручикъ. Въ <i>Луцъ.</i>	1
Штакельбергъ, Баронъ, Статскій Совѣтникъ.	1
Шунигъ, Статскій Совѣтникъ. Въ <i>Сибирскъ.</i>	1
Шуйскій, Петръ Степановичъ.	1
—Шульгинъ, Иванъ Петровичъ, Дѣйствительный Стат- скій Совѣтникъ.	1
Щеголевъ, Арсеній Арсеньевичъ, Поручикъ.	1
Щетинскій, Титулярный Совѣтникъ. Въ <i>Гессендѣ.</i>	1
Эбертъ, Карлъ Самойловичъ, Спб. купецъ.	1
Эггерсъ. Въ <i>Ревель.</i>	1
Энгель.	1
Яковсонъ, Иванъ Давыдовичъ, Дѣйствительный Стат- скій Совѣтникъ.	1
Яковлева, Анна Михайловна, Ея Высочайшаго Благородіе.	1
Яковлевъ, Дмитрій Ивановичъ, Его Высочайшаго Благоро- діе. Въ <i>Москвѣ.</i>	1
Якушинскій, Капитанъ, Командиръ Конно-Резервной №. 8 Батареи. Въ <i>Патроскѣ.</i>	1
Якуничковъ.	1
Яновскій, Александръ Ильичъ. Его Благородіе. Въ <i>Землянскъ.</i>	1

Дземя.

Яценковъ, Семенъ Федоровичъ, Надв. Сѣвѣтникъ.	1
Федосѣевъ, Иванъ Ивановичъ, Купеческій сынъ.	1
Фокнинъ, Николай Васильевичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Харьковъ.</i>	1
Фоминъ, Николай Ивановичъ, Купеческій сынъ. <i>Въ Шупъ.</i>	1

О Г Л А В Л Е Н И Е.

- ✓ **АРХАНГЕЛЬСКИЙ СОБОРЪ**: соч. *Астора путешестіа къ Святымъ мѣстамъ.*
- ДУМА НА ВОЛГѢ**. Стихотвореніе *К. Коренева.*
- ВОРОНЪ**. Стихотвореніе *К. Коренева.*
- НАШИМЪ БУДУЩИМЪ ПОЭТАМЪ**. Стихотвореніе *Гр. Е. Ростопчиной.*
- ✓ **ДУША ЖЕНЩИНЫ**. Перотское мистическое преданіе. Соч. *К. В. О.*
- ✓ **УПЕКИНСКОЕ ДВОРЦОВОЕ ПРАВЛЕНІЕ**, соч. *отца Іакинфа.*
- ✓ **ГРАФЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ**. Соч. *Князя П. Долгорукова.*
- КЕЛЬЯ**. Стихотвореніе *Н. Д.*
- НА СМЕРТЬ ПОЭТА**. Стихотвореніе *С. Шеврева.*
- ДУМКА**. Стихотвореніе *К. А. Шаховскаго.*
- РАЗДѢЛЪ**. Стихотвореніе (изъ Шиллера) *А. Струговщикова.*
- ✓ **ЖИЗНЬ ГЕТЕ** и зиніяя его повѣдка на Гаризъ. Соч. *А. Струговщикова.*
- *** Стихотвореніе *Лыкова.*
- ✓ **ЗАХАРУШКА ДОБРАЯ ДУША** и **КАМЕННАЯ БАБА** Соч. *А. Ф. Вельмана.*
- МАРИЕТТА**. *Записки Русскаго Живописца.*
- ПОЧТАЛІОНЪ**. Стихотвореніе *Е. Гребенки.*
- ✓ **ДВА ДНЯ ВЪ ДЕДУТОВОМЪ ТРАКТИРѢ**. Соч. *Барона Ф. Корфа.*
- ✓ **РАЗСКАЗЪ**. Соч. *Основлянки.*

✓ **МНИМАНЪ ПОЦЪЛУЕВЪ**, или живучи оглядываяся Соч. *В. Луганскаго.*

ИЗЪ АЛБОМА С П. Карамзиной. Стихотвореніе. *М. Лермантова.*

ГРАФИНЪ РОСТОПЧИНОЙ. Стихотвореніе *М. Лермантова.*

✓ **НА ДОРОГУ** М. Ю. ЛЕРМАНТОВУ. Стихотвореніе *Е. Ростопчиной.*

✓ **ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ РОМАНА.** Соч. *А. Башуркаго.*

✓ **ЗАПИСКИ ПОКОЙНАГО ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА**, во время повздки его въ 1826 году изъ Москвы въ Тифлисъ.

✓ **АПТЕКАРША.** Соч. Графа *В. Сологуба.*

Цѣна за три тома 10 руб. серебромъ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

